

ФИЛИП
ФАРМЕР

МАГИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ

МАГИЧЕСКИЙ
ЛАБИРИНТ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

МИР РЕКИ

ФИЛИП
ФАРМЕР

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

PHILIP
FARMER

The Magic Labyrinth
Riverworld

ФИЛИП

ФАРМЕР

Магический лабиринт
Мир Реки

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

Северо-Запад Пресс
Санкт-Петербург
2002

УДК 821.111(73);
ББК 84 (7США)
Ф24

Серия основана в 1999 году

Philip Jose Farmer
THE MAGIC LABYRINTH
1980
RIVERWORLD
1979

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского М. Нахмансона, И. Лахминовой

Художник М. Калинин

Печатается с разрешения автора и его литературного агента
Ralph M. Vicinanza Ltd. c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 16.10.01. Формат 84×108 1/32.

Усл. печ. л. 31,92. Тираж 15 000 экз. Заказ № 4165.

Фармер Ф.

Ф24 Магический лабиринт: Роман. Мир Реки: Повесть: Пер. с англ. /
Ф. Фармер; Худож. М. Калинин. — М.: ООО «Издательство
АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2002. — 601, [7] с. —
(Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-011035-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-93698-088-5 («Северо-Запад Пресс»)

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир самой увлекательной и самой своеобразной саги за всю историю
приключенческой научной фантастики!

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир, порожденный полетом воображения первого Великого мастера
фантастики нового тысячелетия — Филипа Хосе Фармера! В мир странной
планеты, опоясанной миллиономильной Рекой. Рекой, на берегах которой
загадочные «творцы» создали «искусственный рай». «Рай», в котором воз-
рождаются ВСЕ люди, жившие когда-то на Земле. Возрождаются на берегах
Великой Реки...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 США)

© Ph.J. Farmer, 1979, 1980

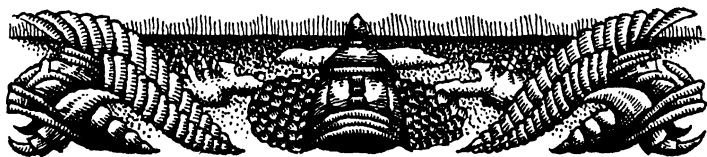
© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2002

© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2002

МАГИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ

ГЛАВА 1

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

В жизни каждому следует опасаться лишь одного человека — самого себя», — часто повторял Оператор. Это было его любимым изречением.

Оператору нравилось толковать о любви, причем он утверждал, что главное зло проистекает от избытка любви к самому себе.

Человек, известный на просторах Реки как Икс или Таинственный Незнакомец, не любил, но и не страшился себя.

Больше всех на свете ему были дороги три человека.

Он любил свою жену, ныне покойную, но не был предан ей так, как двум остальным; его привязанность к приемной матери и Оператору была еще глубже. Мать давно умерла, и он больше никогда не встречался с ней и знал, что никогда не встретится впредь. Доведись ей узнать о том, что он совершил, она испытала бы лишь боль и стыд за него. Его мучила невозможность объясниться и оправдать перед ней свои деяния.

Оператора он все еще любил, одновременно ненавидя.

Сейчас Икс ждал встречи со сказочным и, в то же время, реальным кораблем; ждал иногда покорно, иногда — с нетерпеливым раздражением. Он упустил «Рекс Грандиссимус», и теперь его единственной надеждой оставался «Марк Твен».

Если он не попадет на судно... нет, об этом нельзя было даже помыслить! Он должен оказаться там!

На борту корабля он может встретиться со смертельной угрозой, последним препятствием, которое возникнет перед ним. Сейчас Оператор находился в низовьях Реки; эти, самые свежие данные Икс успел извлечь из мерцающей схемы, световой карты, появившейся в его цилиндре. Связь между Оператором и этиками-наблюдателями низшего ранга (кроме него самого) осуществлялась через компьютер и ретрансляционный спутник; все агенты, живущие в долине, получали информацию с помощью своих чаш, служивших им не только источником пищи. Когда карта внезапно исчезла и серая поверхность цилиндра стала мертвой и пустой, Икс понял, что компьютер поврежден. Теперь в любой момент его могли застать врасплох — и Оператор, и агенты, и другие этики.

Много лет назад Икс с мудрой предусмотрительностью встроил в механизм гигантского компьютера тайный блок, который давал возможность следить за всем происходящим в Башне и подземных камерах. За все годы, что этики пытались найти ренегата, это устройство работало безотказно; его не удавалось опознать даже по голосу — акустический дистортер, искажавший звуки, позволял ему с успехом дурачить наблюдателей и лгать Совету Двенадцати.

Теперь же он остался совершенно беспомощным и лишенным любой информации.

Икс понимал, что единственным, кого Клеменс примет на судно — даже если команда будет полностью укомплектована, — является Оператор. Безусловно, стоит Сэму бросить на него один-единственный взгляд, как он остановит свой корабль и возьмет Оператора на борт!

И если Иксу удастся попасть на судно, он будет вынужден избегать встречи с ним и опасаться неожиданного подвоха. Изменение внешности может ввести в заблуждение других этиков, но не Оператора, обладающего исключительным умом и проищательностью; он

тотчас опознает Икса, не оставив ему выбора. Икс понимал, что в быстроте реакции и решительности он уступает Оператору, да и в психологическом отношении тот имел явное преимущество. Перед лицом этого существа, столь любимого и столь ненавистного, он, Икс, утратит свое мужество и настойчивость.

Итак, пусть это постыдно и недостойно, но ему придется нанести Оператору предательский удар в спину! Что ж, оправданием для него станут все отвратительные акты уничтожения, случившиеся с тех пор, как он противопоставил себя остальным. Он сделает это!

С самого детства его приучили ненавидеть насилие, но с годами Икс осознал, что в случае смертельной опасности оно оправдано.

Воскрешение мертвых, преследовавшее, прежде всего, практическую цель, сделало каждого в Мире Реки неуязвимым, но сейчас эта сила бездействовала. Воскрешения прекратились, а он вынужден прибегнуть к насилию!

Но недаром его учителя говорили, что цель оправдывает средства. Однако раньше он убивал, сознавая, что не лишает жизни навечно, тогда как теперь...

Но же кто мог предугадать сегодняшнюю ситуацию?

Ренегат поселился на правом берегу Реки, в небольшой хижине, крытой бамбуковыми листьями. Сейчас он сидел на траве в ожидании завтрака; вокруг собралось человек пятьсот местных жителей. Когда-то здесь обитало не менее семи сотен, но воскрешения больше не происходили, и их число начало сокращаться. Смерть по-разному настигала людей: одни пали жертвой огромного речного дракона или несчастного случая, другие — убийства; кое-кто уходил из жизни добровольно. В прежние времена людей косили войны, но, к счастью, в этих местах о них давно забыли. Возможно, все носители агрессивного темперамента были перебиты и уже не смогли воскреснуть в иных местах для новых кровавых битв.

На благо мира и успокоения страстей немало потрудились проповедники Церкви Второго Шанса, суфизма и других миротворческих учений.

Посередине толпы возвышалось серое грибообразное сооружение — грейлстоун. Он казался каменным, но на самом же деле представлял собой конструкцию из металла с высокой электропроводностью.

Основание — ножка гриба — поднималось на пять футов, диаметр круглой «шляпки» достигал пятидесяти. На ее поверхности темнели семьсот неглубоких сферических выемок, предназначенных для серых цилиндров-чаш, которые преобразовывали выделяемую грейлстоунами энергию в материальные объекты — пищу, алкоголь, табак и прочее. Для огромного населения речного мира, состоявшего из тридцати пяти или тридцати шести миллиардов человек, чаши служили основным источником пищи, спасавшим от голода. Некоторым подспорьем являлись выловленная в Реке рыба, желудевый хлеб и ростки бамбука, но всего этого было недостаточно, чтобы прокормить обитателей узкой долины, протянувшейся по берегам Реки на десять миллионов миль.

Толпившиеся вокруг грейлстоуна люди болтали, смеялись, сплетничали. Поглощенный своими мыслями этик не вступал с ними в разговоры. Икса мучило подозрение, что поломка компьютера не случайна. Его конструкция могла обеспечить безаварийную работу в течение столетий! Возможно, авария случилась по вине Пискатора, японца Охары, сумевшего проникнуть в Башню на полюсе? Он должен был бы погибнуть — либо в ловушках, установленных Иксом, либо под воздействием охранного силового поля, созданного Оператором. Но Пискатор — суфий; сила воли и разум помогли ему преодолеть препятствия. Тот факт, что он сумел войти в Башню, доказывал высокую степень его нравственного самосовершенствования. Ни один из миллиардов воскрешенных землян не мог бы воспользо-

ваться входом на вершине Великого Грааля. Попасть в Башню можно было лишь через нижние ворота, секретный вход, подготовленный самим Иксом, но о нем знали лишь двое — до тех пор, пока там не побывала группа древних египтян. Обнаружив их тела, ренегат был поражен и раздосадован. Тогда он еще не знал об исчезнувшем участнике этой экспедиции, который утонул и был перемещен затем обратно в долину. Позднее он услышал перевернутую историю его приключений — уже из третьих или четвертых рук; очевидно агенты слишком поздно узнали о нем и не успели передать сведения в Башню.

Но если Пискатор способен вывести из строя компьютер, то ему, возможно, удастся каким-то образом вернуть обитателей Полярного Замка к жизни... Случись такое — и он, Икс, погиб! С ним будет покончено!

Он бросил взгляд на равнину, тянувшуюся до подножья холмов, заросших густой высокой травой, на кустарника, на обвитые цветущей виноградной лозой огромные стволы железных деревьев, на вздымавшиеся за холмами горы, что ограждали долину Реки. Страх и крушение надежд вызвали у него вспышку ярости, но он мгновенно подавил этот порыв с помощью ментальных приемов успокоения. Он знал, что прилив энергии способен поднять температуру его кожи до ста градусов по Цельсию, весьма опасного предела. Сейчас он справился с собой, но надолго ли?

Ведь использованные им приемы не уничтожили источник раздражения и гнева... Ему никогда не удавалось в полной мере владеть своими чувствами, хотя он долго учился этому у своих наставников.

Ренегат поднял глаза к небу и взглянул на солнце. Еще несколько минут — и каменные грибы по обеим берегам Реки исторгнут ослепительный свет и громоподобное рычание. Он быстро зашагал прочь, заткнув уши пальцами и как всегда надеясь, что это приглушит грохот. Привыкнуть к нему было невозможно.

Солнце достигло зенита.

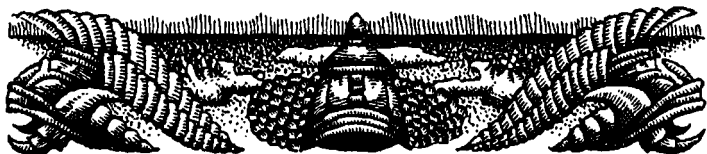
Раздался чудовищный раскат, вверх взметнулись голубые пронзительные вспышки разрядов.

Но только на левом берегу; на правом же по-прежнему царила тишина.

Когда-то, давным-давно, уже был случай, когда не заработали грейлстоуны правобережья. С нарастающим страхом люди ждали обеденного времени, но гром не прозвучал. Его не слышали и в час завтрака.

На следующий день голодная толпа хлынула на левый берег.

ГЛАВА 2

НА БОРТУ «НЕНАЕМНОГО»

эр Томас Мэлори умер на Земле в 1471 году н.э.

После Дня Воскрешения добрый английский рыцарь пережил страшные недели. Он не испытывал физических страданий, на его теле не осталось и следа прежних многочисленных ран, но душевное потрясение было чудовищным. В своей «малой Чаше Грааля» он обнаружил превосходную еду. Это напомнило Мэлори эпизод из его собственной книги о короле Артуре, касавшийся Галахада с верными спутниками, которые удостоились вкушать пищу из Святого Грааля: «...вы насытитесь за этим столом такими яствами, которых рыцари никогда не вкушали».

Случались моменты, когда Мэлори считал, что помешался. Его всегда занимала проблема безумия — состояния человека, на которого снизошла божья благодать, оставив при этом глухим к скорбям и тревогам мира и даже к своим собственным. Проведя много лет в тюрьме, он сохранил силу разума. Даже в узилище его всегда поддерживал труд: он знал, что создает первый английский эпос в прозе. Его и на йоту не беспокоило, что читателей у сего творения окажется мало, а большинству из них книга не придется по душе. В отличие от первой хроники, героем которой был король Артур — о коем он писал на основе произведений французских авторов, создавших «артуровский цикл», — свой новый труд он посвятил милостивому Иисусу, его поношению нечестивцами и последующей вечной славе.

В отличие от большинства христиан, вспоминавших в Мире Реки о религиозных обязанностях лишь от случая к случаю, Мэлори слепо отдавался вере, яростно бичуя тех, кто искал в Библии «факты», а не божественное откровение. Это побуждало оппонентов славного рыцаря считать его безумцем.

Здесь, в долине, его дважды убивали дикари-неверные, но, в конце концов, он поселился в мирном краю, среди парфянам и британцев.

Парфяне были древним народом, славившимся своими всадниками. Название их племени — как они объясняли — происходило от обычая отстреливаться при вынужденной ретираде; другими словами, они никогда не отказывались от удовольствия послать в противника прощальную стрелу.

Так рассказывал Мэлори один из парфян. Рыцарь подозревал, что этот ухмыляющийся парень морочит ему голову, но звучала история недурно; так почему бы ему не поверить?

Поселившиеся здесь англичане были выходцами из семнадцатого столетия, и рыцарь с трудом понимал их диалект. Но к этому времени они уже освоили эсперанто, язык, распространенный миссионерами Церкви Второго Шанса и ставший универсальным средством общения. Страна, названная Новой Надеждой, была сейчас мирным краем, но когда-то на ее территории располагалось множество мелких государств, непрерывно воюющих то со средневековыми испанцами, то с германцами, жившими несколько севернее. Их предводителя Крамера прозвали «Молотом». Когда его убили, на эти земли пришел, наконец, мир, и, мало-помалу, небольшие домены объединились в одну страну. Мэлори обосновался здесь и обзавелся подругой — Филиппой Гобарт, дочерью сэра Генри Гобарта. Хотя браки в долине Реки были совсем необязательны, он все же настоял на настоящей свадьбе и пригласил своего друга, католического священника, совершить старинный обряд.

Однажды он услышал, что неподалеку появился Иисус Христос со спутницей-еврейкой, сопровождавшей Моисея в Египет во времена Исхода. Вместе с ними пришел американец, Томас Микс, потомок европейских эмигрантов, перебравшихся на сей континент, открытый через двести один после смерти Мэлори. Оба они, Иисус и Микс, сгорели на костре, на который послал их Крамер.

Вначале Мэлори отказывался поверить, что человек, называвший себя Иешуа, и есть подлинный Христос. Он полагал, что этот парень — лишь еврей христовых времен и дурачит окружающих, выдавая себя за сына Господня.

Со временем рыцарь, сопоставив все рассказы о нем и очевидной факт мученичества, пришел к выводу об истинности пророка. Он включил историю сожжения Иешуа в свой новый эпос, который писал чернилами и пером из рыбьей кости на бамбуковой бумаге. Американца Мэлори канонизировал; таким образом в речном мире появился святой Фома Стоик в Белой Шляпе.

Некоторое время спустя Мэлори и его ученики совершенно забыли об этой канонизации и уверовали в странствие по долине святого Фомы, жаждавшего узреть лик Учителя, милостивого Иисуса. Он искал его в мире сем, ставшем чистилищем, пусть даже отличным от того, что живописали святые отцы утраченной навеки Земли.

Бывший епископ, венчавший Томаса и Филиппу, рукоположенный в сан на Земле, а потому ставший преемником святого Петра, считал возможным и здесь наставлять паству и служить требы. Однако вскоре появилась группа католиков, отступивших от некоторых земных догм; в частности, они протестовали против возрождения инквизиции и костров для ведьмовского отродья. Они полагали, что коль скоро эти грешники не желают отказываться от своих дьявольских об-

рядов, их следует изгонять или убивать как-нибудь попроще.

Однажды ночью Томас Мэлори, лежа в постели, размышлял об очередной главе своего эпоса.

Внезапно до него донеслись крики и топот бегущих людей. Он поднялся и окликнул Филиппу, которая тут же в тревоге вскочила с постели; засим супруги вышли разузнать о случившемся. Повсюду стояли люди, устремив глаза вверх и показывая на небо, сверкающее как в полнолуние.

На фоне небесного сияния темнели силуэты двух обычных тел. Одно состояло из двух частей: большая сфера нависала над меньшей. Снизу нельзя было разглядеть, соединены ли они между собой, но двигались сферы с одинаковой скоростью и, по-видимому, составляли единое целое. Стоявшая рядом женщина сказала, что все это напоминает воздушный шар. Мэлори ничего подобного никогда не видел, но уроженцы девятнадцатого и двадцатого веков рассказывали о таких вещах. Возникшее перед ним видение казалось похожим на описанный образ. Второе парящее тело выглядело словно гигантская сигара.

Та же информированная особа заметила, что это дирижабль или воздушный корабль неизвестных существ, сотворивших эту планету.

— Ангелов? — пробормотал Мэлори. — Зачем же им воздушный корабль? У них есть крылья.

В тот же миг он забыл обо всем, вместе с толпой испустив крик ужаса при виде рухнувшего вниз дирижабля. Как и все, он продолжал вопить, когда тот взорвался и огромной пылающей кометой обрушился в реку.

Воздушный шар относил к северо-востоку, и вскоре он скрылся из глаз.

Горящий дирижабль упал вниз и моментально скрылся под водой; лишь обломки обгоревшего корпуса еще несколько минут держались на поверхности. Вскоре и они исчезли.

* * *

Однако в этом воздушном судне летели не ангелы и не демоны. Мэлори с женой вытащили из воды и доставили на берег обыкновенного человека, такого же, как они сами. Высокий, тонкий, словно клинок рапиры, мужчина с огромным носом и маленьким подбородком таращил на них глаза при свете факела, но не мог произнести ни слова. Его перенесли в дом собраний, обсушили, накрыли несколькими полотнищами, дали выпить горячего кофе. Лишь после этого у потерпевшего крушение нашлись силы заговорить, и он спросил, сначала по-французски, а потом на эсперанто:

— Кто еще выжил?

— Мы пока не знаем, — ответил Мэлори.

Через несколько минут на берег доставили двадцать два тела, по большей части совершенно обгоревших; одно из них было женским. Поиски продолжались всю ночь и утро, но больше никого не нашли. В живых остался один француз. Он был очень слаб и потрясен, но настойчиво желал принять участие в поисках. Увидев тела, лежавшие около грейлстоуна, он разразился слезами и долго не мог успокоиться. Мэлори счел это хорошим знаком — с незнакомцем все было в порядке. Случись у него сильная травма, он не смог бы так бурно предаваться своему горю.

— Где же остальные? — спросил большеносый.

Его скорбь внезапно сменилась взрывом ожесточения. Он грозил кулаком небесам, изрыгал проклятья какому-то Торну. Несколько придя в чувство, спасенный начал расспрашивать о вертолете. Его видели многие.

— Куда он направился?

Кто-то говорил, что машина со страшным гулом унеслась вниз по течению Реки; другие доказывали, что она направилась к верховьям. Через несколько дней до Новой Надежды дошли слухи о гибели вертолета во

время грозы; он утонул в Реке. Свидетель этого события утверждал, что из гибнущей машины выбрался человек. Сразу же был направлен запрос в место происшествия, но оттуда сообщили, что на их берегу никто не появился.

Вскоре из Реки выловили множество цилиндров и принесли их незнакомцу.

Один из них он признал своим и на следующий день уже получил причитающуюся порцию еды. Остальные чаши стали «свободными», и их конфисковали в пользу государства.

Француза весьма интересовало, не проплывал ли мимо Новой Надежды огромный колесный корабль «Рекс Грандиссимус» под командованием английского короля Джона.

— Так, — произнес незнакомец, завершив расспросы, и на минуту задумался. — Конечно, стоило бы остаться здесь до подхода «Марка Твена», но я, пожалуй, не буду его дожидаться. Я отправлюсь разыскивать Торна.

К этому времени он уже почувствовал себя лучше и смог поведать свою историю. С каким пафосом он говорил о себе!

— Я — Савиньон де Сирано де Бержерак. Сам я предпочитаю имя Савиньон, но большинство зовет меня Сирано, и я охотно допускаю эту вольность. К тому же, в более поздние времена я известен именно как Сирано, и снискал такую славу под этим именем, что с моими пожеланиями никто не считается. Без сомнения, и вы обо мне наслышаны.

Он оглядел добрых жителей Новой Надежды, давая им возможность оценить честь, оказанную присутствием столь великого человека.

— Мне стыдно в том признаться, но я о вас не слышал, — заявил Мэлори.

— Что-о? Я — величайший фехтовальщик своего времени! И, возможно — нет, несомненно! — вообще

всех времен. У меня нет причин скромничать, мессир, я никогда не скрывал своих талантов. Помимо того, я — автор многих произведений... сатиры о путешествиях к Солнцу и Луне, например. Мою пьесу «Осмеянный педант» использовал впоследствии некий меcье Мольер, выдав за свою собственную. Может быть, я несколько преувеличиваю, но из моей комедии он позаимствовал весьма немало. Да, весьма немало! И я совершенно уверен, что некий англичанин по имени Джонатан Свифт воспользовался массой моих идей в своем «Путешествии Гулливера». Впрочем, мне трудно винить этих сочинителей, ибо я и сам, бывало, заимствовал чужие мысли... но ведь я их творчески развивал!

— Все это прекрасно, сэр, — Мэлори подавил нескромный позыв упомянуть о своих собственных творениях, — но, может быть, у вас еще найдутся силы рассказать нам, как воздушный корабль, на котором вы находились, попал сюда и почему он загорелся?

Пока Бержерaku подыскивали пустую хижину, он оставался у четы Мэлори.

Все это время он посиживал у костра возле их дома и вел долгие рассказы, собирая многочисленных слушателей.

Эта история казалась куда более фантастической, чем сатиры француза или хроники самого Мэлори. Однако сэр Томас ощутил, что его гость кое о чем недоговаривает, умалчивает.

Когда Сирано замолк, заговорил Мэлори:

— Значит, это правда, что Башня находится в центре моря, из которого вытекает Река и куда она возвращается? Правда, что те, кто создал сей мир, живут в Полярном Замке? А что же произошло с этим японцем, с Пискатором? Может быть, его пригласили к себе обитатели Башни — уж не ангелы ли они часом? Пригласили остаться у них, поскольку в определенном смысле он проник во врата рая? А вдруг они отправили его куда-нибудь в отдаленную часть Реки? И кто этот Торн,

которого вы считаете ответственным за гибель корабля? Возможно, он — сменивший обличье демон?

Де Бержерак язвительно рассмеялся.

— Ни ангелов, ни демонов не существует, друг мой. Правда, теперь я не утверждаю, как то было на Земле, что нет и Бога. Но, соглашаясь с существованием Бога, не обязательно верить в сказки об ангелах и демонах.

Добрый рыцарь упорно стоял на своем. Дошло до того, что француз, желая покончить спор, покинул место возле костра.

Как потом стало известно сэру Томасу, он провел ночь в хижине женщины, понадеявшейся, что великий фехтовальщик является и великим любовником. Однако к ее удивлению оказалось, что во Франции искусство любви весьма далеко от совершенства или даже полностью выродилось.

Мэлори был возмущен до глубины души, но смягчился, когда к вечеру Бержерак явился к нему поблагодарить за спасение.

— Мне не следовало насмешничать, мой дорогой хозяин, мой спаситель. Я приношу вам тысячу благодарностей и надеюсь заслужить прощение.

— Я прощаю вас, — совершенно искренне ответил сэр Томас. — Но, хотя на Земле вы отвергли церковь и поносили Бога, мне кажется, вам все же следовало бы присутствовать на панихиде в память о душах ваших погибших товарищей.

— Это самое меньшее, что я могу для них сделать, — согласился Бержерак.

Во время службы он так горько рыдал, что Мэлори, решив воспользоваться высоким настроением его души, вновь попытался обратить мысли француза к Богу.

— Не думаю, что я мог отринуть Его, если бы Он в самом деле существовал, — не поддавался Бержерак. — Плакал же я, скорбя о всех тех, кого любил на «Парсифале» и кого ненавидел, но уважал. Я плакал от ненависти к Торну, если это его подлинное имя. И еще я оп-

лакивал невежество и суеверие всех людей, что верят в подобный вздор.

— Вы имеете в виду мессу? — холодно осведомился Мэлори.

— Да, и простите меня еще раз! — воскликнул де Бержерак.

— Не раньше, чем вы полностью раскаетесь и испросите прощения у Господа, против которого вы так тяжко согрешили.

— Кель мерд!¹ — рявкнул француз, но через мгновение он уже обнимал Мэлори и целовал его в обе щеки. — Как бы мне хотелось, чтобы ваша религия была истинной, мой друг! Но тогда разве смог бы я простить Бога!

Он попрощался с Мэлори, заметив, что вряд ли им суждено свидеться вновь. На следующее утро он отправился вверх по Реке. Мэлори полагал, что его гость непременно где-нибудь встретит огромное колесное судно, и оказался прав.

Впоследствии сэр Томас частенько думал о человеке, выпавшем из горящего дирижабля, и о том, добравшемся до Башни, о котором так много говорили, но которого никто, кроме француза и его товарищей, не видел. Правда, рассказывали еще о кучке древних египтян и волосатом человекообразном гиганте, но можно ли верить этим толкам?

Через три года к берегам Новой Надежды прибыл второй огромный корабль.

Он был еще крупнее «Рекса» и лучше оснащен. Теперь он больше не назывался «Марк Твен». Его капитан, американец Сэмюэл Клеменс, переименовал судно в «Ненаемный», узнав, что король Джон отнял у его первого корабля истинное название. Клеменс решил вернуть к жизни отвергнутое имя, и его торжественно начертали на борту.

¹ Французское ругательство (прим. переводчиков)

Судно остановилось для зарядки батакайтора, огромного аккумулятора, и наполнения пищей цилиндров команды. Мэлори не удалось поговорить с капитаном, он видел его лишь издали — вместе с необычным охранником, всюду сопровождавшим Клеменса. Этот Джо Миллер был великаном: его рост достигал десяти футов, а вес — восьмисот фунтов. Его тело оказалось менее волосатым, чем представлял себе рыцарь, зато сильно выступающие челюсти и огромный, похожий на гигантский огурец нос привлекали всеобщее внимание. Но взгляд его прятавшихся под крутыми надбровьями небольших глазок был весьмамышленным.

* * *

Преследователь был неутомим.

Обычно судно подходило к берегу около полудня. Через час оно вставало на якорь, а спустя еще час от корабельного батакайтора протягивали толстенный алюминиевый кабель к медной полусфере, насаженной на верхушку грейлостоуна. Его мощнейший разряд насыщал энергией аккумулятор; с другого каменного грааля на судно доставляли цилиндры с едой, вином и другими припасами.

Над гигантскими кожухами, прикрывавшими колеса, на белом корпусе чернели буквы — «Ненаемный»; под названием шло помельче — «Сэмюэль Клеменс — капитан»; и внизу, совсем мелко — «Владелец и Управляющий — «Мечтатель Инк».

Над рулевой рубкой торчал флагшток, на котором развевался квадратный светло-голубой стяг с изображением алого феникса. На корме, на уровне нижней палубы, можно было видеть еще один флаг со светло-голубым полем и алым фениксом.

Судно Сэма Клеменса имело в длину пятьсот пятьдесят футов и восемь дюймов, в ширину, вместе с ко-

лесными кожухами — сто пятнадцать футов, осадка при полной нагрузке составляла восемнадцать футов.

На «Ненаемном» было пять палуб. На самой нижней, палубе А или машинном отделении, располагались складские помещения, гигантский батакайтор, занимающий пространство двух палуб, четыре электромотора, приводящие в движение гребные колеса, и паровой котел.

Корпус батакайтора, мощнейшего электрического агрегата, простирался на пятьдесят футов в ширину и сорок три в высоту.

Один из инженеров Сэма при проектировании судна предложил это аккумулирующее энергию устройство как одну из технических новинок конца двадцатого века. Но поскольку при этом выяснилось, что сам специалист жил после 1983 года, то Клеменс заподозрил в нем агента этиков. Впрочем, этот человек давно уже умер.

Батакайтор (его название произошло от словосочетания «батарея-конденсатор») в считанные секунды заряжался от генерированного грейлстоуном электрического разряда и столь же быстро пересылал энергию четырем мощным моторам и другим судовым установкам, требующим электроснабжения, в том числе — кондиционерам. Котел на электроподогреве — еще одно огромное сооружение шестидесяти футов шириной и тридцати в высоту — обеспечивал теплом каюты и душевые, агрегаты для производства спирта, паровые пушки и катапульты; пар шел также и к судовому гудку. Его выпускали через широкие трубы, причем специально подкрашивали, дабы придать вид густого дыма, столь любимого сердцу Сэма.

Чуть выше машинной палубы на уровне ватерлинии находился огромный люк для спуска катеров и танков-амфибий.

На палубе В — или главной — была сооружена длинная надстройка, именуемая прогулочной галереей.

Когда Сэм в молодости плывал по Миссисипи, главной палубой называлась нижняя, а верхняя — машинной или котельной. Но на «Ненаемном» котел и источник энергии были установлен внизу, и такая инверсия весьма смущала моряков девятнадцатого века, привыкших к иным порядкам. Впрочем, они адаптировались достаточно быстро.

Если судно бросало якорь в спокойном и мирном месте, Сэм отпускал всю команду на берег — кроме охраны, разумеется. Сам же он принимал на борту любопытствующих и местных боссов. Облаченный в белый китель из крашеной рыбьей кожи и длинный белый килт, в белых высоких сапогах и белой кожаной капитанской фуражке, он водил гостей по всему судну, снизу доверху. Естественно, при этом и капитан, и матросы приглядывали за ними, прекрасно понимая, сколь много соблазнительных вещей для сухопутных домоседов найдется на «Ненаемном».

Попыхивая сигарой, Сэм рассказывал заинтересованным слушателям обо всем виденном по пути — или, скажем, почти обо всем.

Завершив осмотр палубы А, он обычно вел экскурсантов к выходу на палубу В.

— Моряки называют эти лестницы трапами, — говорил он, — но поскольку большая часть команды люди сухопутные, я решил называть лестницы лестницами, тем более, что на борту существуют и настоящие трапы. Сейчас, обратите внимание, вы поднимаетесь не по перекладинам, а по обычным ступенькам. Стены я тоже называю стенами, а не переборками, несмотря на протесты истинных морских волков. Однако я признаю разницу между дверями и люком, поскольку люк все же — это массивная водонепроницаемая дверца, закрывающаяся с помощью рычагов.

— А что у вас за оружие? — интересовались гости.

Сэм показывал им длинную установку из дюралюминия, похожую на пушку; она была смонтирована на

высокой платформе, и к ее казенной части подходили толстые пластиковые трубы.

— Это паровой пулемет восьмидесятого калибра — сложнейшее устройство, выпускающее сразу массу пластиковых пуль, поступающих снизу по трубе. Оно стреляет с огромной скоростью, а пар подается из котла под давлением.

Однажды один из туристов, побывавший до того на «Рексе», заметил:

— На корабле короля Джона паровой пулемет семьдесят пятого калибра.

— Да, я сам его проектировал. Этот сукин сын украл у меня корабль, но это ему не помогло: я построил новый и создал оружие мощнее прежнего.

Он показал ряд окон — «не иллюминаторы, а окна!» — на верхней галерее и заявил:

— Кое-кто — по непростительному невежеству или наглости — осмелился называть ее коридором или даже залом. Само собой, такие люди тотчас же списываются с корабля.

Наконец Сэм приводил гостей в жилые каюты, окончательно ошеломляя их роскошью и невиданным комфортом.

— На судне двести двадцать восемь кают, каждая — на двух человек. Обратите внимание на отделанные медью откидные койки, фарфоровые туалеты, души с холодной и горячей водой, ванны с медными кранами, зеркала в медной оправе, дубовые комоды. Они невелики, но у нас и одежды немного. Взгляните на стояки для оружия: там — пистолеты, ружья, копья, сабли и луки. Вот этот коврик сделан из человеческих волос. А теперь взгляните на эту картину — подлинный Мотонобу, великий японский художник, живший в 1476-1559 годах. Он создал своеобразный живописный стиль, названный «кано». В соседней каюте десять рисунков Зевксиса из Гераклеи... кстати, он там и живет. По-видимому, не всем известно это имя. Зевксис — ве-

ликий художник, живший в пятом веке до н.э. в Геракле, греческой колонии в южной Италии. Он сам говорил, что изображенные на его картинах гроздья винограда выглядят столь натурально, что птицы не раз пытались склевать их. Что же касается меня, то я предпочитаю фотографии, хотя и в моей комнате висит несколько картин. Одна из них принадлежит кисти Питера де Хооха, голландского художника семнадцатого века. Рядом работа итальянца, Джованни Фаттори, жившего в 1825-1908 годах. Бедняга! Это его последняя картина. Как-то после вечеринки он упал за борт, и его перемололо колесами. Он уже не воскреснет и, возможно, это даже к лучшему: появись он где-либо в другом месте, ему не удастся раздобыть красок — они имеются только у нас и на «Рексе».

По прогулочной палубе Сэм вел гостей на корму, где стояла восьмидесятивосьмимиллиметровая пушка. До сих пор, объяснял он любопытствующим, это оружие не сделало ни единого выстрела. Скоро придется заново набивать снаряды порохом.

— Но как только мы догоним «Рекса», я пушу ее в ход и подорву этого мерзавца Джона!

Ближе к носу на галерее находились также ракетные установки с управляемыми снарядами и тепловой головкой самонаведения, начиненными сорока фунтами взрывчатки; дальность их действия достигала полутора миль.

Как-то одна из дам, читавшая в свое время произведения и биографию Клеменса, тихонько заметила своему спутнику:

— Даже представить себе не могла, что Марк Твен столь кровожаден!

Сэм расслышал ее слова и оскорбился.

— Мадам, — заявил он, — я вовсе не кровожаден! Я один из самых миролюбивых людей на свете! Неправду, насилие, и сама мысль о нем вызывает во мне дрожь и внутренний протест! Если вам доводилось читать мои

эссе о войне и ее поклонниках, то вы должны с этим согласиться. Но, увы, обстоятельства вынуждают... Чтобы выжить, приходится лгать почище записных лжецов, обманывать похлеще матерых жуликов и первым убивать убийц! Для меня это тяжелейшая, но оправданная неизбежность. Что поделать, если король Джон крадет у вас корабль, результат упорных трудов, стоивший многих лет борьбы с теми, кто старался помешать вам? Что поделать, когда король Джон убивает ваших ближайших друзей, вашу жену, да еще и издевается над вами? Что? Предоставить ему возможность продолжать в том же духе? Черта с два! Нет, нет и нет, если в вас сохранилась хотя бы капля мужества!

— «Мне отмщение, и аз воздам», — произнес какой-то мужчина.

— Да, возможно. Но если Бог существует и готов к отмщению, то почему же он делает людей своим орудием? Вы слышали хоть единожды о пораженном молнией грешнике? Разве по воле случая, не правда ли? Но тысячи невинных молния поражает каждый год, и вам это прекрасно известно! Нет, он должен избирать своим орудием людей, и, похоже, мне прежде других уготована эта участь. Вернее, целенаправленным и жестоким орудием меня сделала жизнь.

Клеменс так разволновался, что для успокоения велел подать стаканчик бурбона.

Не успел он, однако, приложиться к нему, как услышал шепот:

— Ну и пустомеля!

— Выкинуть с корабля этого человека! — загремел Сэм, и его приказ был приведен в исполнение.

— Как вы раздражительны! — заметила дама, поклонница его творчества.

— Увы, мадам! И для этого у меня есть масса поводов. Таким я был на земле, таким остаюсь и здесь.

Он опрокинул в рот стаканчик виски и, как ни в чем не бывало, продолжил экскурсию. Он повел гостей по

лестнице, спускавшейся в большую гостиную. Охая и ахая, они столпились у входа.

Перед ними раскрылись двери в огромный зал двухсот футов длиной и пятьдесят шириной, с потолком, взмывшим на три человеческих роста. В центре его висели пять массивных люстр; торшеры и бра на стенах сверкали медной отделкой.

В дальнем конце возвышалась сцена, на которой, рассказывал Сэм, ставились спектакли и играл оркестр. Там же висел большой экран для демонстрации кинофильмов.

— Мы не используем светочувствительную пленку, у нас электронные камеры. Мы снимаем как оригинальные картины, так и копии классических, некогда снятых на Земле. Сегодня, например, мы покажем кинофильм «Мальтийский сокол». В нем, разумеется, не участвуют прежние исполнители, за исключением Мэри Астор... кстати, ее настоящее имя Люсиль Лангхенке. У нас она играет секретаршу Сэма Спейда — на ту роль, которую она играла на Земле, Мэри уже не подходит. Впрочем, думаю, что большинству из вас непонятно, о чем я толкую.

— Ну почему же, я прекрасно все поняла, — заявила дама, посчитавшая Сэма раздражительным. — А кто играет роль ее роль в новой версии?

— Одна американская актриса — Элис Брэйди.

— А Сэма Спейда? Хэмфри Богарт настолько хорошо сыграл его, что я не могу представить в ней никого другого.

— Тоже американский актер, Говард да Сильва. Его настоящее имя Говард Голдблат, если я правильно запомнил. Он с удовольствием взялся за работу, так как на Земле ему не удалось в полной мере проявить свое актерское дарование. Только он расстраивается, что здесь его мало кто увидит.

— Не назовете ли режиссера вашего фильма? Это ведь не Джон Форд?

— Никогда о нем не слышал, — заявил Сэм. — Наш режиссер — Александр Сингер.

— Но я такого совсем не знаю!

— Возможно, но он был хорошо известен в голливудских кругах.

В полной досаде от беспрерывных реплик, казавшихся ему совершенно неуместными, Сэм подвел экскурсантов к длинной, футов шестидесяти, сверкающей дубовой стойке бара, заставленной рядами бутылок и графинов с разнообразными напитками. Пораженная публика в полном восторге разглядывала невиданные здесь бутылки и бокалы из стекла. Еще больший восторг вызвало лицезрение четырех роялей. Сэм поведал гостям, что в настоящее время на борту находится не меньше десятка великих пианистов и пяти композиторов. Например, Сельм Палмгрен, финский композитор и пианист, основоположник финской национальной музыки, и Джованни Пьер-Луиджи да Палестрины, создатель звучных мадригалов и мотетов.

— Как-то на нашем судне побывал и Амадеус Моцарт, — продолжал Сэм, — действительно великий, можно сказать — величайший композитор, но как человек он оказался не на высоте: трус и развратник. Я выставил его с корабля.

— Моцарта?! — ужаснулась все та же эрудированная дама.

— Господи Боже, Моцарта! Да вы просто скотина, если могли так обойтись с чудодейственным композитором, гением, богом!

— Мадам, — строго заявил Сэм, — мне давно наскучили ваши шпильки. Если вам что-то во мне не нравится, можете удалиться. Матросы проводят вас на берег.

— Вы — не джентльмен! — воскликнула дама.

— О, это несомненно !

* * *

Они спустились по лестнице и опять направились к корме, минуя множество дверей. Клеменс остановился у последней и продемонстрировал свои апартаменты; восторженные восклицания вознаградили Сэма за испорченное настроение. Он объяснил, что напротив находится каюта Джо Миллера и его подруги.

Рядом располагался лифт, ведущий на верхнюю палубу Е — штурманскую. Три ее отделения были также прекрасно меблированы; в углу одного из них располагался бар. Некоторые окна использовались как амбразуры для пулеметов, стреляющих пластиковыми и деревянными пулями.

Затем следовала палуба F, оружейная; на ней размещались четыре двадцатимиллиметровые паровые пушки. Пар к ним подавался от судового котла. Самая верхняя надстройка — рулевая рубка или палуба G — была вдвое просторнее оружейного отсека.

— Здесь вполне можно устраивать приемы с танцами, — заметил Сэм, ничуть не впадая в свойственное ему преувеличение. Надстройка действительно была спроектирована с большим размахом.

Он представил гостям радиста, оператора радарной установки, своего первого помощника, офицера связи и старшего штурмана. Последнего звали Генри Детвэйлером.

Он был французом, эмигрировавшим в начале девятнадцатого века на американский Средний Запад и ставшим там лоцманом, капитаном и, в конце концов, владельцем нескольких пароходных компаний. Он умер в своем роскошном поместье, расположенном в Пеории, штат Иллинойс.

Первый помощник капитана, англичанин Джон Байрон, в свое время принимал участие в прославленной кругосветной экспедиции Энсона, потерпевшей кораблекрушение у берегов Чили. Став адмиралом, он

получил прозвище «Джек-Скверная погода»: его флот множество раз трепали морские штормы.

— Кроме того, он дед знаменитого или, если хотите, печально известного лорда Байрона, — добавил Сэм. — Не правда ли, адмирал?

Невысокий светловолосый человек кивнул головой.

— Адмирал? — заинтересовалась леди, уже не раз выводившая Клеменса из себя. — А вы только капитан?

— Да, на борту я лишь капитан, — скромно отвечивал Сэм, пыхнув сигарой. — Следующий высший чин — полный адмирал и так далее. Начальник моих воздушных сил — генерал, в его подчинении четыре летчика и шесть механиков. У меня есть еще командир десантников. Он — генерал Соединенных Штатов времен Гражданской войны, индеец-полукровка, вождь сенека. Зовут его Эли С. Паркер, но полное имя Эли на языке ирокезов — Донехогава, что означает «Хранитель Западных Ворот». Он — инженер-строитель, и во время войны служил в штабе генерала Улисса Симпсона Гранта.

Затем Сэм принялся объяснять систему управления и демонстрировать приборы, с которыми работал рулевой.

Тот сидел в кресле, по обеим сторонам которого тянулись от пола два длинных рычага. Передвигая их вперед или назад, рулевой давал передний или задний ход гребным колесом и регулировал скорость их вращения. На панели управления было полно тумблеров и кнопок; среди них матово поблескивали несколько экранов.

— Один из них — эхолот, — пояснял Сэм. — Наблюдая за ним, штурман узнает точную глубину Реки, расстояние от берега до судна, получает предупреждение о любом объекте, грозящем опасностью. Если же он повернет вот этот диск с надписью «Автопилот», то ему совсем нечего будет делать — лишь поглядывать одним глазом на экраны, а другим — на берега. При повреж-

дении автоматики он переводит диск на управление ручное и ведет корабль сам, пока не починят автопилот.

— Должно быть, управлять кораблем очень просто? — спросил кто-то из мужчин.

— Да, но справиться с аварийной ситуацией может лишь опытный штурман. Поэтому они набраны из лоцманов-ветеранов, водивших суда по Миссисипи.

Клеменс обратил внимание гостей, что палуба с рулевой рубкой возвышается на девяносто футов над поверхностью Реки. Тут же он не преминул заметить, что сама рубка смещена к правому борту, а не торчит посередине палубы, как это было принято на земных речных судах.

— Это делает «Ненаемный» похожим на воздушный корабль.

Затем вся группа приостановилась, наблюдая за учениями матросов на посадочной площадке. Мужчины и женщины фехтовали на шпагах и саблях, упражнялись с ножами и боевыми топорами, стреляли из лука.

— Каждый член команды, и я в том числе, обязан профессионально владеть всеми видами оружия. Кроме того, любой из них должен справляться с работой на любом участке. Все проходят подготовку по основам электроники, слесарным работам, судовождению; к тому же, они обязаны посещать курсы военного дела. Половина команды учится играть на рояле и других музыкальных инструментах. На нашем корабле люди получают лучшую профессиональную подготовку, чем где-либо еще на планете.

— А кто-нибудь на «Ненаемном» может заменить капитана? — снова вмешалась докучливая дама.

— Это исключено, — нахмурился Сэм. — И мне бы не хотелось, чтобы такие вещи кому-нибудь пришли в голову.

Он шагнул к щиту управления и нажал кнопку. Завыли сирены, и старший помощник Джон Байрон попросил офицера связи передать приказ: «Тревога, на-

вести мосты!» Сэм отошел к правому борту и пригласил с собой туристов. Гости от изумления разинули рты, наблюдая мгновенный спуск с нижних палуб длинных металлических балок.

— Если не удастся потопить «Рекс», — показал на них Сэм, — мы пойдем на abordаж по этим трапам.

Снова вмешалась суетливая леди:

— Это превосходно задумано! Но вдруг команда «Рекса» заберется к вам на борт по этим же балкам?

Серо-голубые глаза Сэма яростно блеснули, но восторги и удивление всех остальных посетителей пролили бальзам на его сердце.

Он, словно ребенок, увлекался механическими игрушками и жаждал, чтобы другие разделяли с ним это увлечение.

На Земле жгучий интерес к новинкам техники привел его к банкротству: всю свою наличность он вложил в печатный станок Пейджа, который оказался непригодным к работе.

И снова подала голос та же дама:

— Здесь так много железа, алюминия и других металлов... Но планета бедна минералами! Где вы все это добыли?

— Все началось с того, — Сэм с удовольствием вернулся к близкой его сердцу теме, — что в долину упал железо-никелевый метеорит. Вы, вероятно, помните, как много лет назад вышли из строя грейлстоуны на правом берегу? Это случилось по вине метеорита: при падении была повреждена правобережная цепь. Через сутки они опять заработали. Поэтому...

— Кто же их починил? — спросил один из мужчин. — Ходила масса слухов, но...

— Я был как раз поблизости, — продолжал Сэм, — и чуть не погиб вместе со своими спутниками от взрывной волны и наводнения.

Он слегка вздрогнул, но не от мысли о близости смерти, а при воспоминании об одном из своих тогдаш-

них спутников — норвежце по имени Эрик Кровавый Топор.

— Поэтому я могу засвидетельствовать факт, пусть поразительный, но неоспоримый: к утру вся линия была восстановлена. Более того, были возрождены трава, деревья и почва!

— Но кто же все-таки это сделал?

— Должно быть, существа, создавшие Реку, долину и возвратившие нас к жизни. Ходят слухи, что они люди, пришедшие, подобно нам, с Земли, уроженцы более поздней эпохи. Однако...

— Нет, руки человеческие здесь не при чем, — возразил мужчина. — Совершенно определенно — нет! Здесь все создано Богом.

— Ну, если вы с Ним накоротке, — отпарировал Сэм, — дайте мне его адресок. С удовольствием черкну Создателю пару строк!

Ухмыльнувшись, он продолжал:

— Мы с моими товарищами первыми добрались до места падения метеорита. Глубокая огромная воронка еще исходила жаром, но мы застолбили участок и начали копать. Позднее нам стало известно о больших залежах бокситов и кремния в одном из государств, лежащих ниже по течению Реки. У его жителей не имелось орудий для горных разработок, в нашем же государстве, в Пароландо, они уже были в ходу. Пытаясь добраться до железа и наших богатств, та страна, Соул Сити, напала на нас. Атаку мы отбили и конфисковали их залежи. К тому времени мы узнали о запасах меди, олова, ванадия и вольфрама в других странах, с которыми начался торговый обмен: наши изделия из металла на их ископаемые.

Неутомимая дама сдвинула брови.

— Как странно: в одном месте полно металла, а в другом — ничего! Это же чистое совпадение, что вы оказались неподалеку от места падения метеорита и обнаружили металл?

— Возможно, Бог указал мне путь, — усмехнулся Сэм.

Нет, добавил он про себе, не Бог, а Таинственный Странник — этик, названный им Иксом и много лет назад предопределивший и расположение залежей, и место падения метеорита.

Какова же была его цель? Создание оружия и корабля, на котором он, Сэм Клеменс, отправится вверх по Реке и, преодолев десять миллионов миль, доберется до ее истоков. Там он попадет в Башню, что высится посреди холодного мглистого моря.

Но что же дальше?

Этого он не знал, но полагал, что в одну из грозовых ночей ренегат вновь посетит его: видимо, молнии создавали помехи чувствительным приборам этиков, способным определить местонахождение Икса. Потому-то он и выбирал такие ночи! А Сэму нужно было так много узнать у него... Вскоре появятся другие избранные Икса, его воители; они разыщут Сэма и отправятся с ним на корабле вверх по Реке.

Но дела приняли совсем иной оборот.

Он больше не виделся с Таинственным Странником и даже не слышал о нем. Он построил желанный корабль, но его соправитель Джон Ланкастер похитил судно; кроме того, в долине прекратились «малые воскрешения» или «перемещения» — на планету вернулась Смерть.

Что-то произошло с обитателями башни, этиками. Что-то случилось с Таинственным Странником...

Но несмотря ни на что, он, Сэм Клеменс, продолжит свой путь к верховьям и сделает все, чтобы добраться до Башни! Ему прекрасно известно, какие трудности поджидают их при переходе через горы. Джо Миллер, гигантопитек, видел Башню с горной тропы, когда шел через хребет с египтянами, с людьми Эхнато-на. Джо даже видел что-то вроде огромного воздушного судна, опускавшегося на вершину башни. В этот мо-

мент он споткнулся о чашу, потерянную каким-то незадачливым его предшественником, и рухнул в море. После своего возвращения в мир живых Джо встретил Сэма и рассказал свою фантастическую повесть.

Опять заговорила докучливая дама:

— А что вы можете сказать о дирижабле, о котором ходило столько слухов? Почему вы не полетели на нем, а отправились в путешествие на корабле? Вы добрались бы до истоков за несколько дней, а не за тридцать или сорок лет!

Сей вопрос был для Сэма особенно болезненным. Правда же заключалась в том, что мысль о дирижабле в Пароландо никому не пришла в голову. Лишь незадолго до спуска на воду «Ненаемного» к ним добрался фон Парсифаль, немец, создатель дирижаблей, подавший идею конструирования воздушного судна.

За это предложение ухватился главный инженер Сэма — Милтон Файбрас. Он остался в Пароландо после отплытия «Ненаемного» и построил-таки дирижабль. Файбрас сумел долететь до Башни и сообщил Сэму ее размеры: высота — около мили, диаметр — в десять раз больший. «Парсифаль» причалил к ее вершине, но пройти внутрь экипаж не смог — никому не удалось преодолеть невидимый, но вполне ощутимый силовой барьер. Почти никому! Успех сопутствовал лишь единственному человеку — японцу, пилоту дирижабля, называвшему себя Пискатором. До этого другой пилот, некий Барри Торн подложил бомбу в вертолет, где находился Файбрас и еще несколько членов команды, производивших разведку. Бомба взорвалась по радиосигналу Торна; тот похитил вторую машину и улетел с дирижабля, но он был ранен, а его вертолет разбился у основания Башни.

Торна подобрали, перенесли на дирижабль и допросили.

Он отказался отвечать, но проявил беспокойство узнав о Пискаторе, попавшем в Башню.

Клеменс подозревал, что Торн, если и не является этиком, то принадлежит к тем, кого избранники Икса считали их агентами. Вероятно, таким агентом был и сам Файбрас, и одна из погибших вместе с ним женщин — Анна Обренова.

Сопоставив факты, Сэм предположил, что когда-то агенты и, возможно, некоторые из этиков поселились в долине; видимо, Икс был одним из них. Если на севере произошла катастрофа, то вернуться в Башню они могли лишь с помощью средств, имевшихся у жителей Реки. Из этого, само собой, вытекало, что на его корабле должны быть и этики, и их агенты, таившиеся под личиной воскресших людей. Вероятно, их полно и на «Рексе».

Почему ни те, ни другие не воспользовались собственными воздушными судами, Клеменс не имел ни малейшего представления.

С некоторых пор у него возникло подозрение насчет людей, выдававших себя за землян, родившихся после 1983 года. Раньше ему представлялось, что именно они и были создателями этого мира; теперь он уверился, что все истории о появлении на свет после 1983 года — не что иное как легенда, пароль, по которому наблюдатели могли распознавать друг друга. Сейчас, по-видимому, они осознали, что их тайный код известен приверженцам Икса и, вероятно, отказались от него.

— Мы полагали, что дирижабль выполнит лишь разведывательный полет, — сказал Сэм любопытной даме, — однако капитану разрешалось проникнуть в Башню. Затем он должен был вернуться сюда, за мной и остальными членами команды. Но в Башню попасть не удалось. Никому, за исключением Пискатора, философа и суфия. Файбрас, командир воздушного судна, погиб. На обратном пути новый капитан, женщина по имени Джил Галбира, послала вертолет с десантниками для захвата «Рекса». Король Джон попал в плен, но умудрился выпрыгнуть из машины... я так и не знаю,

выжил ли он или нет. Вертолет вернулся на «Парсифаль», и дирижабль направился к «Ненаемному». В тот момент, когда Галбира заметила показавшийся на горизонте воздушный шар, летевший им навстречу, выяснилось, что Торну опять сбежал, захватив вертолет. Капитан заподозрила, что он мог подложить в дирижабль бомбу и начала поиски. На борту ничего обнаружено не было, но Галбира все равно опасалась взрыва. Желая посадить команду, она направила дирижабль вниз — и, когда произошел взрыв, еще успела доложить об этом. То был наш последний разговор с «Парсифалем».

— Ходят слухи, — не унималась дотошная леди, — что дирижабль разбился за много тысяч миль отсюда, вверх по Реке. Правда ли, что спастись удалось всего одному человеку?

— Одному? Бог мой, кто же он? Или это она?

— То был мужчина. Я не знаю его имени, но говорили, что он — француз.

Сэм застонал. На борту дирижабля находился лишь один француз — Сирано де Бержерак, возлюбленный Ливи, его жены. Из всей команды Клеменс не пожалел бы о гибели только этого человека.

* * *

Однажды вечером Сэм заметил из рулевой рубки странное существо, еще более своеобразное, чем Джо Миллер. Джо, по крайней мере, мог считаться человеком, а это создание, судя по всему, не относилось к роду людскому.

Он уже слышал, что в долине живет группа пришельцев с планеты Тау Кита. Одного из них встречал барон де Грейсток, поведавший историю межзвездных странников. В начале двадцать первого века на орбиту вокруг Земли лег огромный космический корабль; за-

тем опустилось малое исследовательское судно, поначалу тепло встреченное землянами. Все было хорошо до той поры, пока один из прибывших инопланетян, Монат, в интервью по телевидению не рассказал, что его соплеменникам удалось найти способ продления жизни на многие столетия. Земляне попросили открыть эту тайну, когда же пришельцы отказались — под тем предлогом, что люди могут использовать во зло дар долгожительства, — разъяренная толпа атаковала их судно, линчевав астронавтов.

Монат, однако, успел активизировать деструктор на материнском корабле, истребив почти все население Земли. Так, по крайней мере, считал он сам. Результатов своего деяния Монату увидеть не удалось: он был растерзан толпой.

Инопланетянин пустил в ход смертоносное оружие, опасаясь, что человечество Земли использует корабль пришельцев как прототип, построит собственный флот и отправится на его родную планету с агрессивными целями. Монат не доверял землянам; выбора у него не было, и он пошел до конца.

Стоя в челноке, чужак греб, направляясь к «Ненаемному»; вероятно, он рассчитывал попасть на борт. Так поступали многие, но их попытки оказывались безуспешными. Здесь, однако, был совсем другой случай: существо в челноке напоминало не то чтобы разноцветную лошадь, но, в общем-то, трудно было решить, птица это или человек. Сэм приказал рулевому развернуть судно и идти в сторону челнока.

Любопытствующая команда прилипла к перилам прогулочной палубы. Таукитянин взобрался по трапу на борт; за ним следовал спутник — обыкновенный земной человек. Их утлую пирогу уже понесло прочь течением, предназначив в дар какому-нибудь счастливцу.

В сопровождении двух матросов и генерала Эли С.Паркера незнакомцы вошли в рулевую рубку. Сэм

пожал им руки и заговорил на эсперанто, знакомясь с гостями и представляя своих офицеров. Прибывшие, в свою очередь, назвали себя.

— Я — Монат Граутат, — голос у существа был звучный и низкий.

— Господи Иисусе! — вырвалось у Сэма. — Тот самый?

Монат улыбнулся, обнажив великолепные, ничем не отличающиеся от человеческих, зубы.

— А-а, вы уже слышали обо мне?

— Вы — единственный инопланетянин, чье имя мне знакомо. Годами я разглядывал берега в надежде увидеть кого-нибудь из вас, но так никого и не встретил. А тут — на моем корабле, собственной персоной!.. Пришелец из космических бездн, с Тау Кита!

— Откровенно говоря, мы прибыли не из этой звездной системы, — произнес Монат. — С планеты, что обращается возле Арктура, так будет точнее. Опасаясь недоразумений, мы решили ввести землян в заблуждение и...

— Недурной замысел, — вынужден был признать Сэм. — Тем более, что, как мне рассказывали, вы успели слегка покуролесить на Земле... Но почему же здесь вы продолжали цепляться за эту версию? Вас воскресили, по всей вероятности, не испросив на то согласия?

Монат пожал плечами. Совсем как человек, подумал Сэм.

— Вероятно, я привык к ней, а кроме того, хотел убедиться, что земляне не представляют опасности для моего народа.

— Ну что ж, вряд ли вас стоит осуждать за это...

— Когда же я понял, что Земля ничем не угрожает нам, я раскрыл правду о своем происхождении.

— И правильно сделали, — улыбнулся Сэм. — Вот сигары — угощайтесь.

Хотя Монат был высокого роста — шесть футов и восемь дюймов, — его тело с розоватой кожей казалось

хрупким. На нем был надет лишь кильт, оставлявший открытым торс; нижняя половина туловища, весьма интриговавшая присутствующих, оставалась скрытой.

Грейсток утверждал, что его пенис напоминал человеческий, и крайняя плоть была обрезана — так же, как и у всех мужчин в Мире Реки; что же касается мошонки, то создавалось впечатление, что она наполнена множеством яиц.

Лицо пришельца, почти человеческое — с густыми черными бровями, свисающими над резко очерченными скулами, и темно-кариими глазами — несколько портил нос. Его очертания показались бы красивее, чем у иных людей, если бы ноздри не окружала колышущаяся губчатая ткань, а кончик не был прорезан глубокой впадиной. Губы Моната напоминали собачьи — тонкие, кожистые и черные; уши тоже сильно отличались от человеческих и не имели мочек. На руке — три пальца и большой, отстоящий от других; ступни тоже были четырехпалыми.

«Не думаю, что он кого-то может напугать, — подумал Сэм, — даже в Конгрессе!»

Спутник Моната — американец, родившийся в 1918 году и умерший в 2008, когда Землю поразил луч деструктора, именовал себя Питером Джарвисом Фригейтом. Он был высоким мускулистым мужчиной, черноволосым, с зеленоватыми зрачками.

Его лицо, достаточно привлекательное в анфас, в профиль казалось резким; особенно бросался в глаза скошенный подбородок. Как и Монат, он держал в руках металлический цилиндр и узел со своими пожитками. Его вооружение состояло из каменного ножа, лука и колчана со стрелами.

Невзирая на искренние речи и несомненный интеллект, пришелец вызывал у Клеменса изрядные сомнения — не меньшие, чем чем его компаньон. Сэм подозревал всех, заявлявших, что они имели счастье жить после 1983 года. Но чтобы окончательно убедиться в

своих предположениях, он решил узнать гостей поближе.

Они немного выпили по случаю знакомства, а затем Сэм лично проводил их на офицерскую половину, в каюту рядом с его собственной.

— По соседству живут еще трое членов команды, — объяснил он. — Внизу есть свободная каюта, но вряд ли она подходит для вас. Туда я отправлю моих соседей — двух младших офицеров, а вы займете их место.

Выселенная пара, мужчина и женщина, услышав приказ, не проявили большого энтузиазма, но, тем не менее, быстро освободили помещение.

Вечером Монат и Фригейт ужинали за капитанским столом.

Еда подавалась на блюдах, расписанных китайским художником, а питье — в бокалах из хрусталя. Возле приборов сверкало серебро массивных ложек и вилок.

Капитан, да и все присутствовавшие, включая гиганта Джо Миллера, с напряженным вниманием слушали рассказ гостей об их похождениях в Мире Реки. Сэм вздрогнул, услышав, что долгое время оба странствовали вместе с Френсисом Ричардом Бартоном, знаменитым путешественником девятнадцатого века, лингвистом, переводчиком и писателем. Ведь Икс говорил ему, что завербовал Бартона в свои сторонники.

— Вы имеете представление, где он сейчас может находиться? — с нарочитой небрежностью спросил Клеменс.

— Нет, — отозвался Монат. — Мы потеряли друг друга во время схватки и хотя повсюду разыскивали его, но обнаружить не смогли.

Сэм заставил Джо Миллера рассказать историю его похода с египтянами; ему нравилось разыгрывать роль любезного хозяина и внимательного собеседника. Правда, он предпочитал сам вести беседу, но сейчас ему хотелось увидеть, какой эффект произведет рассказ Джо.

Когда Миллер умолк, Монат воскликнул:

— Как? В полярном море существует Башня? Искусственное сооружение!

— Ну да, я об этом и толкую, — подтвердил Джо.

Сэм посчитал, что новым членам экипажа хватит рассказов о своих приключениях недели на две; затем он собирался приступить к более детальным расспросам.

Через два дня, когда они бросили якорь у правого берега для заправки и подзарядки, в урочный час грейлстоуны не разразились грохотом и вспышкой пламени. Они оставались безмолвными и темными.

— Иисусе милостивый! — воскликнул Сэм. — Еще один метеорит?

Но он точно знал, что метеорит здесь ни при чем. Когда-то Икс поведал ему, что устройство, предохраняющее Мир Реки от падения небесных тел, находится не на планете, и ренегату лишь однажды удалось изменить траекторию подходящего по составу астероида, направив его в долину. Вероятно, эта охранная система все еще находилась в космосе и несла свою службу.

Но если это не метеорит, то что же?

Возможно, причина заключается в поломке какого-то механизма, решил Сэм. В последние годы прекратились и воскрешения людей — значит, поврежден какой-то узел системы, преобразующей теплоту планетарного ядра в электрическую энергию, что питает грейлстоуны.

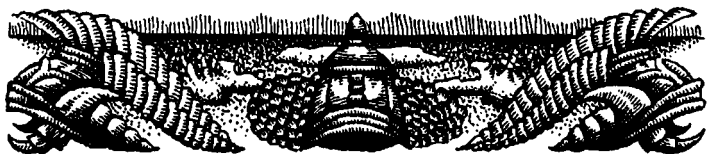
К счастью, на разных берегах действовали параллельные, а не последовательно соединенные линии, но это не гарантировало от будущих аварий. В любую го-лод мог грозить и жителям левобережья.

Сэм приказал немедленно поднять якорь и двигаться к левому берегу. Они подошли туда уже в сумерках; как и следовало ожидать, люди там встали стеной, защищая свои грейлстоуны. В ход было пущено оружие, началась потасовка, резня, столь ненавистная Сэму. Ракетой, выпущенной с берега, был убит Фригейт.

Следом за экипажем «Ненаемного» с правого берега в поисках пищи хлынул поток голодных. Они прибывали толпами, остановить их было невозможно; стрельба, тем не менее, возобновилась, и масса людей была перебита. В грейлстоунах осталось много свободных мест для чаш выживших счастливицев.

Клеменс не позволил кораблю отплыть, пока команда не очистила берег от мертвых тел, схоронив их в Реке. Через несколько дней они остановились снова — для набора новых членов экипажа взамен погибших в кровавой стычке.

ГЛАВА 3

НА БОРТУ «РЕКСА»: НИТЬ СОБЫТИЙ

И

а корабль короля Джона Бартона со спутниками попал лишь благодаря Логу и Алисе.

Они странствовали вверх по реке и добрались до места, где остановился на ремонт «Рекс». У воды толпилась масса любопытных, рассматривающих вблизи невиданное огромное судно; некоторые рассчитывали попасть в команду. Говорили, что капитан списал на берег шестерых матросов за нерадивость, но, видимо, он не торопился с поисками замены.

Наконец Джон сошел на берег в окружении двенадцати стражей, локтями расчищавших ему дорогу. Ни для кого не являлась секретом слабость короля к красивым женщинам, а потому Логу, блистательная белокурая красавица, высокая и стройная, тотчас подошла к нему. На ней был лишь коротенький кильт. Не долго думая, Джон тут же пригласил ее пройти на борт судна, намекнув при этом, что осмотр его апартаментов может быть весьма продолжительным и, к тому же, без свидетелей — лишь он и она.

Логу рассмеялась, заявив, что она поднимется на корабль только со своими друзьями. Что же касается их тет-а-тета, то она подумает на сей счет, но торопить ее не следует: прежде всего ей нужно осмотреться на месте.

Король Джон несколько оторопел, но, тем не менее, рассмеялся и заявил, что покажет ей нечто, недоступное другим. Сообразительная Логу прекрасно поняла

истинный смысл его слов, но продолжала настаивать на своем: ее спутникам любой ценой было необходимо пробраться на корабль. Джону пришлось уступить; таким образом Алиса, Бартон, Казз и Бест также получили приглашение.

Бартон закурил. Ему претила мысль об удаче, выпавшей на их долю лишь потому, что Логу вела себя с Джоном как последняя девка. Но другого пути не было. Его прежние пылкие заверения о том, что, невзирая ни на какие преграды, он пробьется на борт «Рекса», оказались пустым звуком.

Логу избрала древний, испытанный временем способ женской игры. Не говоря «да», она давала понять, что, возможно, и разделит ложе с Джоном — в свое время. Бартону подобные уловки казались отдающими nepотpeбствoм, и он чувствовал себя ни больше, ни меньше как сводником. Но куда более его язвило то, что Логу добилась-таки успеха, тогда как сам он оказался ни на что не способен.

Вероятно, на Земле и в первые годы жизни в долине сне обстоятельство ранило бы его самолюбие еще острее — все же здесь женщины преодолели и преступили многие условности и запреты земного общества. Когда-то он написал: «Повсюду и всегда женщины таковы, какими сделали их мужчины». Но оказалось, что это утверждение приемлемо лишь во времена королевы Виктории.

На борту Логу представила своих друзей. Все, кроме Бартона, назвались своими настоящими именами; он же посчитал неуместным воспользоваться излюбленными арабскими псевдонимами — Мирза Абдула Бушири, Абдул Хасан или рядом других, к которым прибегал и на Земле, и здесь, в долине. Не объясняя ничего своим спутникам, он выдал себя за древнего валлийца по имени Гволчгвинн, жившего во времена англов, саксов и ютов.

— Меня зовут «Белый ястреб», Ваше Величество.

— Вот как? — удивился Джон. — Но для белого ястреба ты слишком смугл.

— Он великий фехтовальщик и стрелок, Ваше Величество, — захохотал Казз, — и станет у вас добрым воином.

— Ну что же, вероятно, со временем я дам ему возможность продемонстрировать свои способности.

Джон исподлобья присматривался к Каззу. Рост короля едва достигал пяти футов и четырех дюймов, но рядом с неандертальцем он казался высоким. Казз был приземист и мускулист, его сложение было характерно для уроженцев каменного века. Странной формы череп, низко скошенный лоб, густые нависшие брови, широченный плоский нос и выступающий подбородок, разумеется, не красили его, но тем не менее он отличался от экспонатов, представлявших неандертальцев в витринах музеев, или же от их изображений в книгах полным отсутствием волосяного покрова на теле. Этим он, скорее, походил на мужчин рода хомо сапиенс.

Его подруга Бесст была несколько ниже ростом и выглядела столь же малопривлекательно — на взгляд мужчины, родившегося многими тысячелетиями позже. Однако оба неандертальца заинтересовали Джона. Несмотря на малый рост, оба они излучали скрытую огромную физическую силу; повидимому, король решил, что и самец, и самка могут стать прекрасными воинами. Низкий лоб еще не свидетельство невысокого интеллекта; что же касается глупости, то кто сказал, что она встречается реже среди современного человечества? Кроме того, половина окружения Джона была выходцами из раннего палеолита.

В свое время этот король получил прозвище Безземельного, ибо долгое время не мог овладеть доменом, объявленным им своей собственностью. Годами он управлял Англией как регент, будучи младшим братом короля Ричарда Львиное Сердце, которому Робин Гуд со своими йоменами все те годы хранил верность. Джон

был широкоплеч, ширококост и рыж, как огонь; на физиономии с тяжелым подбородком холодно поблескивали светло-голубые глаза. Говорили, что он отличался скверным характером, но за средневековыми владыками частенько водился этот грех. О нем шла дурная слава и при жизни, и после смерти, однако трудно сказать, чем он был хуже других венценосных особ — даже своего брата; и тем не менее, в хрониках его современников, да и позднейших летописях сохранился весьма непривлекательный образ. Джон вызывал такое отвращение, что больше никого в королевской фамилии не нарекали этим именем.

Ричард объявил наследником своего племянника Артура Бретонского. Джон отказался признать его права, начал с ним войну и заточил его вначале в замке Фалез, а затем перевез в Руан — где племянник Ричарда бесследно пропал при загадочных обстоятельствах. Ходили упорные слухи, что Джон приказал убить его и бросить тело в реку; сам король никогда и словом не обмолвился о тех давних событиях.

На нем лежало еще одно позорное клеймо, хотя оно, опять же, было ничуть не позорнее деяний многих монархов.

Современники считали неоспоримым фактом, то он уморил голодом свою жену и сына своего врага барона де Бру.

Ходило множество историй и о других коварных убийствах; некоторые из них, несомненно, были правдивы. И вместе с тем историки более позднего периода нашли объективные доказательства его весьма полезной для Англии деятельности.

Бартон знал лишь одну страницу жизни короля Джона в Море Реки — о похищении им корабля Сэма Клеменса, и прекрасно понимал, что упоминать об этом на судне не стоит.

Монарх сам показал им «Рекс». Он провел их по всем палубам сверху донизу — машинной, главной,

штурманской, посадочным площадкам и двухэтажной надстройке на уровне первого яруса капитанского мостика. Когда они остановились в рулевой рубке, Алиса сказала королю, что происходит по прямой линии от его сына — Джона Гопта.

— Неужели? Так значит, вы — принцесса или королева?

— У меня нет титула, — ответила она, — я просто дворянка. Мой отец происходит из рода баронов Равенсворт. Я появилась на свет в году 1852 после рождества Господа нашего, когда царствовала королева Виктория, прямая продолжательница вашего рода.

Король поднял рыжеватые брови.

— Вы — первая из встретившихся мне здесь потомков. И к тому же — такая очаровательная...

— Благодарю вас, сэр.

Бартон вскипел. Не собирается ли Джон кровосмешением закрепить их родство?

Король явно обращался с ними как с простыми смертными, Алису же признал своей дальней родственницей.

Они прошли в большую гостиную, им подали выпить, и Джон объявил, что при желании гости могут остаться на корабле. Вначале он обрисовал им обязанности членов экипажа и правила неукоснительного соблюдения дисциплины, а затем потребовал клятвы верности.

Ни словом, ни намеком Джон не обмолвился о видах на Логу, но, несомненно, не отказался от своих намерений.

Бартон попросил у него разрешения посоветоваться с друзьями наедине. Король милостиво согласился, и они отошли в уголок для переговоров.

— Я ничего против него не имею, — заявила Логу, — мне даже может все это понравиться. Я еще никогда не спала с королем! Кроме того, этот подонок Фригейт

сбежал, и я вообще осталась без мужа. Ну, а Джон совсем неплох, хоть и коротышка.

На Земле Алиса пришла бы в ужас от подобных рассуждений, но здесь она повидала достаточно, чтобы не вспоминать о своих викторианских устоях.

— Поскольку дело это любовное, — заметила она, — то что же в нем дурного?

— Да пусть хоть и дурное, — возразила Логу, — я все равно бы на это пошла. Слишком многое поставлено на карту, чтобы еще привередничать!

— И все-таки я не в восторге от ситуации, — заговорил Бартон. Он почувствовал облегчение, но постарался его скрыть.

— Правда, если мы упустим это судно, то попасть на другое у нас не будет случая. На «Марк Твен» проникнуть столь же трудно, как политику попасть в рай. Но если Джон обидит тебя...

— О, себя я в обиду не дам, — прервала его Логу. — У меня есть свои приемы, и я мигом уложу этого индюка на обе лопатки. Да в крайнем случае я ему яйца раздавлю!

Тут Алису все-таки бросило в краску.

— Может, он сделает тебя своей первой женой, — зашептал Казз. — Ха! Тогда ты станешь королевой! Да здравствует королева Логу!

— Меня больше беспокоит его нынешняя жена, чем мое будущее положение, — одернула его Логу. — Джон не нанесет мне удар в спину, хотя и попытается прихватить сзади, а вот его хозяйка такой возможности не упустит!

— Я чувствую себя сводником... — Бартону так и не удавалось избавиться от этой мысли.

— А тебе-то что? Можно подумать, что я — твоя собственность!

Они вернулись к Джону и заявили, что готовы дать клятву. По этому случаю король приказал принести еще вина. Они выпили, и Джон стал давать распоряже-

ния своему помощнику Августу Страбвелу, высокому янки, жившему на Земле в двадцатом веке.

Через два дня «Рекс» снялся с якоря, направившись вверх по Реке. Алису приняли сиделкой в штат доктора Дойла. Логу должна была проходить учебу и тренировки как будущий рулевой, получив в результате звание штурмана второго класса. У нее оставалась уйма свободного времени, хотя Джон частенько и подолгу занимал ее в своей каюте. Прежняя фаворитка короля, получившая по ее милости отставку, разыгрывала из себя обиженную, но на самом деле Джон давно ей надоел — впрочем, как и она ему.

Казз и Бартон не получили никаких официальных назначений. Казза снабдили топором, Бартон — пистолетом и рапирой. Бест определили в отряд женщин-лучниц.

С первых же дней Бартон начал разыскивать на судне людей, родившихся после 1983 года. Их оказалось четверо. Одним из них являлся Август Страбвел, участвовавший вместе с Джоном в похищении корабля.

* * *

Когда преподобный мистер Доджсон, более известный миру как Льюис Кэрролл, написал книгу «Алиса в стране чудес», он предпослал ей стихотворение. Оно начиналось словами «Июльский полдень золотой» и описывало знаменитую прогулку в лодке по реке Айсис, когда Алиса упросила его записать сказку, которой он развлекал «дикую троицу».

Этот день 4 июля 1862 года, запечатлевшийся в его памяти как золотой, на самом деле был холодным и ветреным. Доджсон, или Додо в «Алисе» и Белый Рыцарь в «Алисе в Зазеркалье», провел его в компании почтенного Дакворта (названного в книге Робин Гусь) и трех девочек — тринадцатилетней Лорины,

превращенной в Лору, любимицы Доджсона десятилетней Алисы (так Алисой и оставшейся) и их младшей сестренки — восьмилетней Эдит, ставшей Эгле.

Девочки были дочерьми ректора Оксфордского колледжа Лиддела, о котором студенты даже сложили стишки, рифмуя его фамилию с малопочтенными прозвищами. Доджсон именовал девочек латинскими числительными, нумеруя их по старшинству — Прима, Секунда, Терция.

Сейчас, стоя посередине каюты, Алиса размышляла о том, что она действительно прожила свою земную жизнь Секундой, да и здесь осталась второй.

Ричард Бартон считал равными себе редких мужчин, а уж среди женщин таковых и вовсе не было. Даже его жена, вернее — особенно его жена! — не шла в счет.

Мысли ее смешались, она погрузилась в полудрему, тихую и безмятежную. Как там было у Доджсона?

И опять я сердцем с ней,
Девочкой ушедших дней
Давней радостью моей.
Если мир подлунный сам
Лишь во сне явился нам,
Люди, как не верить снам?

Его слова оказались пророческими, о чем Доджсон и не мечтал. Она, Алиса, попала сейчас в иной мир, мир снов и грез, где над горными вершинами даже в яркий полдень можно увидеть слабые отблески звезд, а в безлунном ночном небе сверкающие облака и огромные яркие светила сияют ярче, чем луна в полнолунии.

И ночью и днем она стремилась, страстно стремилась уравнять себя с Бартоном. Зачастую это требовало небывалой настойчивости и отваги, и она, вопреки своей натуре, бросалась в бой как дикая амазонка. В ее характере не имелось ничего от Пенфесилеи, но в мужестве ей отказать было нельзя.

Жизнь в Мире Реки была и жестока, и груба, и кровава. После смерти на Земле она проснулась здесь совершенно нагой, лишенной волос. Ее тело стало молодым — двадцатипятилетним, хотя она ушла из жизни в возрасте восьмидесяти двух лет. Алиса умирала в доме своей сестры Розы, расположенном в Вестерхэме, графство Кент, а очнувшись, никак не могла понять, куда же она попала. Стена гор окружала долину и холмы; посреди долины текла Река. Насколько она могла разглядеть, повсюду толпились люди — молодые, нагие, лишенные волос. Все были охвачены ужасом, они кричали, плакали, истерически хохотали или замыкались в глубоком молчании.

Она никого не знала, и к Бартону потянулась под воздействием случайного порыва. В их цилиндрах-кормушках была жевательная резинка с содержанием сильнодействующего наркотика; попробовав ее, они с Бартоном всю ночь неистово совокуплялись, вытворяя такое, что потом, очнувшись, она посчитала все это мерзким извращением. Она никогда не предполагала, что может быть способна на такие безумства.

Утром она испытывала к себе полное отвращение и даже в какой-то момент намеревалась покончить с собой. Она возненавидела Бартона! Никогда и ни к кому другому ей не довелось почувствовать такой ненависти. Но Алиса осталась с ним, опасаясь, что другие мужчины окажутся еще хуже. Стараясь быть справедливой, она признала, что и он тоже находился под воздействием наркотика, а после той ночи не навязывал ей интимных отношений. Он честно пытался объяснить происшедшее с ними, прибегая к устаревшим викторианским понятиям, единственно доступным тогда для нее.

Когда она его поняла, что любит его (а случилось это однажды ночью), они стали жить вместе. Хотя словосочетание «совместная жизнь» в этом случае было не совсем точным: большую часть времени Алиса проводила в одиночестве, ибо Бартон оказался самым непосред-

ливым человеком, которого ей когда-либо приходилось встречать. Он не мог спокойно провести на одном месте более недели: его снова тянуло в путь. Время от времени они жестоко ссорились — почти всегда ссору начинал он, но и она спуску не давала. Иногда он пропадал годами и возвращался с совершенно вздорными объяснениями.

Обнаружив, что долгие годы Бартон хранил от нее тайну, игравшую столь важную роль в его жизни, Алиса пришла в ярость. Как выяснилось, однажды ночью к нему явилось некое существо, скрытое под длинным плащом с капюшоном и назвавшее себя этиком, одним из членов Совета, управлявшего воскрешением тридцати пяти миллиардов землян и всем этим миром.

Этики вернули людей к жизни ради проведения определенных экспериментов. После их завершения они собирались бросить человечество на произвол судьбы; в результате оно вымрет и никогда не воскреснет вновь. Один из них — тот, кто пришел к Бартону — тайно противодействовал их планам.

Бартон отнесся к рассказу с недоверием. Но когда другие этики попытались его задержать, он сделал все, чтобы ускользнуть от них. Множество раз он прибегал к самоубийству и воскресал в местах, где они не могли его настигнуть. Какое-то время ему это удавалось, но после семисот семидесяти семи самоубийств он очнулся в зале, где заседал Совет Двенадцати. Ему поведали то, что он уже знал от Икса, и нечто новое — что среди владык речного мира появился отступник, предатель, ренегат. До сих пор этики его не обнаружили, даже не смогли установить его пол. Но, по их словам, ждать оставалось недолго — скоро они узнают все.

Ему заявили, что с этого момента он, Бартон, будет находиться под неусыпным контролем; из его памяти сотрут все, что связано со встречами в Совете. Однако вскоре он пробудился на берегу Реки, обнаружив, что его память осталась нетронутой. По-видимому, Иксу

удалось обмануть остальных членов Совета и сохранить ему воспоминания.

Бартон пришел к выводу, что отступник предоставил ему возможность скрыться от этиков. Он отправился вверх по Реке на поиски тех, кого Икс называл своими помощниками. Правда, этик не объяснил, какой помощи от них ожидает, но обещал рассказать об этом при следующей встрече.

Все, однако, обернулось как нельзя хуже: Икс больше не появился, и внезапно прекратились воскрешения.

Потом начались новые осложнения. В один прекрасный день Бартон обнаружил, что Питер Джариус Фригейт и инопланетянин Монат, его неизменные спутники со дня Великого Воскрешения, являются этиками или их агентами. Но прежде, чем ему удалось уличить их, и тот, и другой скрылись...

Бартону пришлось все рассказать своим спутникам. Вначале Алису просто ошеломила эта история, затем она рассвирепела. Как он мог молчать столько лет? Зачем?! Бартон оправдывался; он говорил, что не хочет подвергать ее опасности: ее могли схватить, допросить... Лишь Господь ведает, на что способны этики, но несомненно одно: если бы она знала все, ей несдобровать.

С этого дня в Алисе беспрестанно тлело раздражение.

Время от времени она взрывалась вспышкой гнева, выплескивала его на Бартона и между ними разгоралась неистовая ссора. Обычно все заканчивалось примирением, но Алиса начала понимать, что их разрыв неизбежен.

Еще до встречи с кораблем Джона она твердо решила расстаться с Бартоном, но желание разгадать тайны Мира Реки оказалось сильнее. Если она останется в стороне, ее вечно будет терзать сожаление, что она не сумела довести дело до конца. Так Алиса оказалась на борту «Рекса» — опять вместе с Бартоном, — и посели-

лась с ним в одной каюте, терзаясь сомнениями, на что же ей дальше решиться.

Однако пришлось признать, что нынешняя их жизнь оказалась совсем недурной, куда более приемлемой, чем скитания по долине. Впервые в этом мире к ее услугам была горячая и холодная вода, что текла из кранов, и настоящий туалет; у нее были удобная постель и кондиционер воздуха. В салоне корабля она могла смотреть фильмы и спектакли, слушать музыку. Здесь оркестр играл на известных еще по земной жизни инструментах, а не на самодельных дудках и барабанах из бамбука и рыбьей кожи, единственно доступных на берегу. Здесь можно было сыграть в вист, бридж или еще какую-нибудь карточную игру... Словом, здесь она обрела душевный и телесный комфорт, от которого было невозможно отказаться.

И тем не менее, ситуация казалась достаточно странной для дочери епископа, родившейся по соседству с вестминстерским аббатством 4 мая 1852 года. Ее отец был не только деканом колледжа «Крайст Черч», но и соавтором известного греко-английского словаря (Лиддел и Скотт). Ее мать, необыкновенно красивая и весьма образованная женщина, внешне походила на испанку. Алиса очутилась в Оксфорде в возрасте четырех лет и почти сразу же подружилась с застенчивым заикающимся математиком, обладателем совершенно невероятного чувства юмора. Его преподобие жил по соседству, и они часто встречались.

Поскольку дочери епископа имели весьма благородное происхождение (среди их предков встречались даже особы королевской крови), то девочкам редко разрешали играть с другими детьми. В основном они проводили время со своей гувернанткой мисс Прикетт, с большим усердием обучавшей своих воспитанниц — в меру собственных, весьма скромных познаний. И все же на долю Алисы выпали все преимущества и радости детства, кои полагались юной особе из привилегирован-

ного класса в викторианскую эпоху. Рисованию ее обучал Джон Рескин; за обедом она могла прислушиваться к беседам отца с гостями — принцем Уэльским, Гладстоном, Мэттью Арнольдом и множеством других знатных и знаменитых людей.

Она росла прелестной девочкой с темными волосами, челкой падавшими на лоб. Когда Алиса задумывалась, в выражении ее лица проступала мечтательность, которая тотчас же сменялась живостью и пылким вниманием, особенно когда Доджсон рассказывал свои чудесные истории. Она много читала и самостоятельно обучалась тому, что не могли дать ей педагоги.

Алиса любила играть со своей черной кошкой Дайной и рассказывать ей сказки. Конечно, они вряд ли они были столь же хороши, как сказки его преподобия; любимую же ее песню Доджсон спародировал в своей книге — там ее пела Черепаха:

«Еда вечерняя, блаженная еда!

Еда вечерняя, блаженная еда!..»

Любимым персонажем сказки для Алисы стал Чеширский Кот.

Она вообще очень любила кошек и, оставаясь наедине со своей черной любимицей, частенько беседовала с ней как с равной.

С годами Алиса Плезанс Лиддел превратилась в красивую женщину, но помимо внешней прелести в ней таилось то неуловимое очарование, что привлекло к ней еще в детстве Доджсона, а позже — Джона Рэскина и многих других. Им она навсегда запомнилась как «дитя с безоблачным челом и удивленным взглядом».¹

Несмотря на удивительную миловидность, она вышла замуж лишь в двадцать восемь лет, когда, по викторианским меркам, уже считалась «старой девой». Ее

¹ Кэрролл Л. «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье.» М.: Наука, 1979, с.107
(прим. переводчиков)

муж, Реджинальд Джарвис Харгривс, владел поместьем в Кафнелесе, графство Хэмпшир. Образование он получил в Итоне и колледже «Крайст Черч», избрав поприще юриста. Харгривс прожил долгую мирную жизнь бок о бок со своей любимой женой и тремя сыновьями; он любил литературу, особенно французскую, верховую езду и охоту. У себя в поместье Реджинальд развел огромный питомник, где росли редкие породы сосны и даже красное дерево.

После скованности первых лет замужества Алиса ощутила сексуальную привлекательность супружеской жизни и легко шла навстречу желаниям мужа. Она любила Реджинальда и, когда в 1926 году он умер, горько оплакивала его смерть.

Но Бартон она полюбила со страстью, неизведанной ею по супружеству на Земле.

Теперь с этим покончено, решила она.

Невозможно больше мириться с его вечными метаниями; он никогда не перестанет быть странником, даже оставаясь на одном месте. Есть в нем что-то такое, что побуждает его к постоянному бегству. Кроме того, для нее стали совершенно невыносимы его яростные вспышки гнева, непрерывные придирки и ссоры, его неистовая ревность.

Главной же препоной в их отношениях оказалась его скрытность, сокрытие от нее тайны.

Но сейчас уйти от Ричарда было некуда; все каюты на корабле заняты. Правда, там жили и одинокие мужчины, но она не в силах сойтись с человеком, которого не любит.

Бартон не преминул бы поиздеваться над этим; сам он утверждал, что в женщинах ему нужна лишь красота и верность. Предпочитал он блондинок и лишь с Алисой отступил от своих обычных пристрастий. Он предложит ей подыскать мало-мальски привлекательного мужчину с приличными манерами и спокойно жить с ним. Нет, так не будет! Если она уйдет от него,

он начнет угрожать ей смертью! А может, и нет? Не исключено, что он тоже пресытился ею, равно как и она — им.

Алиса присела на стул и закурила сигарету. Могла ли она на Земле даже подумать о курении? Нет, ей нужно найти выход, и немедленно! Но в голову ничего не приходило. Она встала, вышла из каюты и направилась в гостиную. Там всегда можно чем-то отвлечься!

Она обошла зал, разглядывая картины на стенах и статуи.

Кто-то играл на рояле Листа. Острое чувство одиночества с новой силой охватило Алису; ей мучительно захотелось поговорить с кем-нибудь, забыться в ничего не значащей беседе. В этот момент к ней подошла высокая и стройная белокурая женщина. Сквозь тонкую ткань блузки просвечивала грудь с острыми сосками, длинноватый нос не портил красивого лица.

Сверкнув белозубой улыбкой, дама обратилась к ней на эсперанто.

— Привет, я — Афра Бен, служу в отряде стрелков Его Величества. Была когда-то его любовницей... впрочем, он и теперь меня не забывает. А вы — Алиса Лиддел, да? Жена этого свирепого валлийца, противного красавца Гволчгвинна?

Алиса кивнула и поинтересовалась:

— А вы — автор «Оруноко»?

Афра продолжала улыбаться.

— Да, и еще нескольких пьес. Как приятно узнать, что тебя помнят и в двадцатом веке! Вы играете в бридж? Мы ищем четвертого партнера.

— Я не садилась за стол уже тридцать четыре года, но в свое время очень любила эту игру. Если вас не будут раздражать мои промахи поначалу...

— О, мы вас быстро научим, хотя кое-кому это может и не понравиться, — засмеялась Афра и, взяв Алису за руку, подвела к столику у стены, на которой висела большая картина. На ней был изображен Тезей на

пороге лабиринта, где его поджидал Минотавр. К огромному пенису чудовища была привязана нить Ариадны.

Увидев выражение лица Алисы, Афра усмехнулась.

— Вас шокирует то, что изображено на картине? Разве вы не знаете, что Тезей собирался убить быка или оскотить его?

— Если он прибегнет к последнему средству, то порвет нить и не сможет вернуться к своей Ариадне.

— Счастливая женщина, — вздохнула Афра. — Она уйдет из мира сего с мыслью, что все еще любима им, не узнав, насколько коварен ее дружок...

Перед Алисой стояла Афра Элис Бен, писательница, поэтесса и драматург, прозванная в Лондоне «несравненной Астреей» по имени греческой богини. Уже в конце своей жизни она написала роман «Оруноко»,² ставший настоящей сенсацией. Он был переиздан в 1930 году, и Алисе удалось незадолго до смерти прочитать его.

Это произведение сыграло значительную роль в истории литературы, во многом повлияв на развитие романического жанра. Современники Афры сравнивали ее с Дефо и даже отдавали ей предпочтение; ее пьесы были в достаточной мере непристойны и грубы, но восхищали театралов. Она была первой английской писательницей, существовавшей исключительно литературным трудом. Но это еще не все! Во время войны с голландцами она служила шпионкой Чарльза II. Ее жизнь сопровождалась скандальными слухами и сплетнями, вызывающими негодование даже в вольные времена Реставрации, но, тем не менее, похоронили ее в Вестминстерском аббатстве — такой чести не удостоился сам лорд Байрон.

² Полное название: «Оруноко, или Царственный раб»
(прим. переводчиков)

За столиком нетерпеливо ожидали игроков двое мужчин.

Афра представила их Алисе, коротко осветив их биографии.

Одного из них звали Лазаро Спалланцани. Он родился в 1729 и умер в 1799 году, был известным натуралистом, прославившимся изучением летучих мышей и их способности ориентироваться в темноте; он обнаружил у них подобие локатора, хотя этот термин не употреблялся им — в те времена его просто не существовало. Лазаро — смуглый, невысокий, но стройный человек, явно итальянец, разговаривал только на эсперанто.

Рядом с ним расположился чех, Ладислав Подебрад, человек среднего по меркам двадцатого века роста, мускулистый, с мощной шеей, плотно сидевшей на широких плечах. Он оглядел подходящих к столу женщин холодными голубыми глазами. Лицо его, с орлиным носом и раздвоенным тяжелым подбородком, казалось властным и мужественным. Его широкие короткопалые ладони напомнили Алисе медвежьи лапы, однако Подебрад тасовал колоду с ловкостью профессионального шулера из игорных домов Монте-Карло.

Афра добавила, что он появился на корабле лишь восемь дней назад, по профессии является инженером-электромехаником и имеет степень доктора наук. Король Джон обратил внимание на человека, стоявшего на левом берегу у обломков дирижабля. Услышав рассказ Подебрада и узнав о его профессии, он пригласил чеха на судно в качестве инженера машинного отделения. Дюралюминиевый киль и гондолу разрезали на части и погрузили в кладовые «Рекса».

Подебрад мало участвовал в разговоре; казалось, он — истый игрок и целиком погружен в перипетии партии. Но когда Афра и Спалланцани принялись болтать между собой, Алиса рискнула обратиться к нему с вопросами. Он отвечал довольно сдержанно, но досады

не проявлял. Возможно, она мешала ему — на лице че-ха сохранялась сосредоточенность настоящего игрока.

Подберад рассказал ей, что был правителем далекого от сих мест государства, названного на эсперанто Нова Богемийо, что означало Новая Богемия. Его выбрали потому, что на Земле он занимал высокий пост в чешском правительстве и был влиятельным функционером коммунистической партии. Здесь эта идеология была абсолютно неуместна и бессмысленна, поскольку на берегах Реки не существовало капитализма. Подебрад разделял идеи Церкви Второго Шанса, но признался, что никогда не смог бы стать ее служителем.

Как-то раз он увидел во сне, что в землях Новой Богемии кроются залежи железа и других ископаемых. Он приложил много усилий, чтобы убедить свой народ пачать раскопки. Работа была долгой и изнурительный, ломались и изнашивались кремневые и деревянные орудия, но он настойчиво заставил людей довести дело до конца.

— Поймите, — говорил он глубоким басом, — я не суеверен и отрицаю ясновидение. Но что поделаешь? Возможно, мне стоило забыть о своих снах, если б они постоянно не преследовали меня. Работа подсознания? Может быть... Вообще-то я не верю фрейдистским теориям, и мне не хотелось бы употреблять этот термин, но в данном случае я не могу найти другого объяснения... Поначалу мне казалось, что я хочу просто разыскать металл, но затем я понял, что это слишком примитивное объяснение, совершенно не раскрывающее сути дела. По-моему, существовала какая-то странная связь между мной и этим металлом — нечто вроде тока, возникающего в замкнутой цепи. Металл — один полюс, я — другой, и между нами течет поток энергии.

Когда он заговорил о суевериях, Алиса подумала: «Уж не дурачит ли он меня?»

Наверное, Бартон сумел бы его понять; он, к примеру, верил в существование сродства между ним и сереб-

ром. Когда в Индии его мучило воспаление глаз, он прижимал к векам серебряные монеты, а в старости прикладывал их к больным ногам.

— Хотя я не верю в сны как в проявление подсознания, однако признаю, что они могут служить средством передачи информации — телепатическим путем или другими видами экстрасенсорных ощущений, — продолжал Подебрад. — В Советском Союзе, например, проводилось немало исследований в области ЭСО... Ну, как бы то ни было, но я совершенно определенно ощутил присутствие рудных залежей в недрах Новой Богемии. И не обманулся: там нашлись бокситы, криолит, ванадий, платина, вольфрам и многое другое. Минералы были перемешаны, чистых пластов не оказалось; повидимому, при создании планеты их просто свалили в кучу.

Все это говорилось между карточными ходами, причем Подебрад после паузы продолжал рассказ точно с того места, на котором остановился, чтобы сделать ход.

Он создал в своей стране развитую промышленность, вооружил людей холодным и огнестрельным оружием, построил два судна — конечно, значительно меньших, чем «Рекс».

— Я хотел защитить свой народ. Существовавшие вокруг государства, конечно же, зарились на наши богатства и жаждали завладеть ими, но нападать не осмеливались. Моей главной задачей стало строительство большого судна с винтовым двигателем, на котором я собирался отправиться к верховьям Реки. Тогда я еще не слышал о двух огромных кораблях, уже плывущим вверх, но даже зная о них, я все равно бы построил свой.

Случай столкнул меня с несколькими искателями приключений, предложившими отправиться в путь на воздушном судне. Эта идея необычайно меня захватила. Мы построили дирижабль и взлетели на нем, но ко-

рабль попал в жестокий шторм и потерпел крушение. Моя команда и я, к счастью, остались живы, и вскоре нас подобрал «Рекс».

Игра закончилась выигрышем Подебрада и Алисы. Проигравший Спалланцани с досадой выпытывал, почему же противник пошел с бубен, а не бил трефами. Подебрад не стал вступать с ним в спор, а лишь заметил, что в игре следует рассчитывать только на себя. Он поблагодарил Алису за удачную партию. Она ответила ему тем же, но подобно итальянцу осталась в недоумении относительно стиля его игры.

Уже собираясь уходить, Алиса спросила:

— Да, кстати, синьорина Бен забыла упомянуть год вашего рождения.

Он внимательно взглянул на нее.

— Возможно, она его и не знает. А вам, собственно, к чему это?

— Я всегда интересуюсь подобными вещами.

Чех пожал плечами.

— Я жил в 1912-1980 годах.

Прежде чем отправиться на дежурство, вправлять кости и накладывать гипс, она принялась разыскивать Бартона и встретила его в коридоре по дороге в их каюту. Он был весь в поту, его темная кожа сверкала, будто смазанная маслом бронза — Ричард только что закончил двухчасовые занятия фехтованием.

Пока они шли к себе, она рассказала ему о Подебраде.

Бартон поинтересовался, что же в нем так ее взволновало.

— Но это же чистая ерунда, что он плетет обо всех этих снах! По-моему, он — агент, попавший в трудное положение и знавший о залежах. Сны свои он просто придумал, чтобы заставить людей приступить к раскопкам. Потом он построил дирижабль и попытался добраться до Башни, а совсем не до верховьев Реки. Он явно меня дурачил!

— О, возможно, все это так, — отозвался в своем обычном, столь раздражающем ее тоне, Бартон. — Но есть одно маленькое обстоятельство, совершенно незначительное, на которое ты не обратила внимания: этот малый не жил после 1983 года.

— Но это он так говорит! А мы знаем, что некоторые агенты... да ты же сам мне объяснял... сейчас меняют свою легенду. Кроме того... — Она смолкла, и лицо ее запылало от волнения.

— Ну-у-у?

— Ты описывал Совет Двенадцати. Так вот, он выглядит так, что может оказаться Танабаром... Или даже Логой!

— Опиши мне его поподробней.

Выслушав ее рассказ, он покачал головой.

— Нет, и у Логи, и у Танабара глаза зеленые. Лога — рыжий, а Танабар — шатен. У твоего же Подебрада светлые волосы и голубые глаза. Он мог оказаться даже похожим на них, но, думаю, таких — миллионы!

— Но, Ричард, волосы можно перекрасить, а в глаза вставить контактные линзы, меняющие цвет зрачков... помню, еще Фригейт говорил об этом. А ты не думаешь, что этики вообще могут менять цвет глаз по своему усмотрению?

— Все может быть. Мне нужно самому взглянуть на этого типа.

Приняв душ, он отправился в гостиную. Не найдя там того, кого искал, Бартон спустился в машинное отделение. Вечером он рассказал Алисе о своих впечатлениях.

— К нему стоит еще приглядеться. Да, ты права, он может оказаться и Танабаром, и Логой; наверняка и тот, и другой обладают способностями оборотней. Я, правда, видел их двадцать восемь лет назад и весьма короткое время, так что сейчас не могу сказать ничего определенного.

— А что ты собираешься делать?

— Не могу же я ввязаться в историю прямо здесь, на корабле. Будем следить за ним... Вот когда выясним, что наши подозрения основательны, тогда и решим, как поступить. Вспомни Спрюса! Когда его задержали, он покончил жизнь самоубийством — подал мысленную команду и выпустил яд из черного шарика, вживленного в мозг. Пока мы не убедимся в своих подозрениях, надо вести себя очень осмотрительно. Вообще-то случай с Подебрадом кажется мне лишь случайным совпадением. А вот Страбвел... этот вызывает куда больше сомнений, хотя тоже относительных! В конце концов, идея, что все агенты родились или жили после 1983 года, всего лишь наша гипотеза. Может быть, нам еще мало встречалось таких людей.

— Ну, что ж, придется мне поиграть с Подебрадом в бридж. Я присмотрюсь к нему.

— Только будь осторожна, Алиса. Если он один из Них, то должен быть дьявольски наблюдательным. Право, мне кажется, ты зря расспрашивала о дате его рождения — одно это могло его насторожить. Лучше бы спросить об этом кого-нибудь другого...

— В конце концов, будешь ты мне доверять или я этого никогда не дождусь? — резко бросила Алиса и пошла прочь.

* * *

Логу недолго оставалась фавориткой короля.

Увидев на берегу рыжеволосую голубоглазую красавицу, Джон сразу так увлекся ею, что решил на время остаться в этих местах. Корабль поставили в доке, давным-давно построенном местными жителями; через пару дней король убедился в полнейшем миролюбии аборигенов и разрешил команде сойти на берег. Он никому не признавался в своей внезапно вспыхнувшей страсти, но все было ясно и без слов.

Услышав, что Джон обзавелся новой красоткой, Логу ничуть не огорчилась.

Конечно, ей теперь придется покинуть королевские апартаменты, но ведь она не влюблена ни в эти покои, ни в их хозяина! Ее значительно больше заинтересовал один из местных мужчин, ее соплеменник, высоченный и смуглый парень. На Земле они жили в разные времена, но он был ее сородичем, так что в промежутках между занятиями любовью они с удовольствием предавались воспоминаниям. И все же известное унижение Логу испытала: стоило ли пробывать в фаворе такой ничтожный срок, чтобы услышать так много злорадных перешептываний за спиной — теперь, когда она его лишилась?

Воистину, Джон стоил того, чтобы спихнуть его темной ночью с корабля в воду. И это не составило бы особого труда: всегда были, есть и будут люди, готовые его устранить.

В первую ночь Бартон стоял на дежурстве. На следующий день он отправился вместе с Алисой ночевать в хижину, расположенную недалеко от дока. Большинство местных жителей были выходцами с древнего Крита периода царствования Миноса, людьми весьма гостеприимными и жизнерадостными.

Вечером они пели и плясали вокруг костров, прикладываясь к спиртному из лишайника, а потом шли домой — парами или, в зависимости от настроения, «в большем количестве», как называл это Бартон. Он с удовольствием общался с ними, радуясь случаю изучить новый язык. Быстро освоив основы грамматики и приобретя некоторый словарный запас, он уловил сходство их наречия с финикийским и древнееврейским.

Некоторые слова, однако, были явно несемитского происхождения; повидимому, их заимствование произошло в период завоевания Крита народами Среднего Востока. Здесь аборигены говорили на эсперанто, хотя

их лексика и произношение несколько отличались от изобретенного Заменхофом искусственного языка.

Джон не приложил больших усилий, уговаривая новую метрессу разделить с ним постель. Но куда деть Логу? Свободной каюты на корабле не было, а выставить ее прочь без всякого предлога он не рисковал. Самодержец Джон часто поступал по собственному произволу, но, памятуя о Великой Хартии Вольности,³ не торопился рубить с плеча; сейчас ему надо было найти приемлемый способ, чтобы отделаться от прежней любовницы.

На четвертую ночь, когда Джон развлекался с голубоглазой красоткой в своих покоях, а Бартон с Алисой занимались тем же самым в маленьком уютном домике на берегу, на палубу судна с неба свалился вертолет.

Позднее Бартон узнал, что этот рейд произвели с «Парсифаля», огромного дирижабля Пароландо, с целью убийства или пленения короля Джона. В момент же атаки он лишь успел осознать, что на «Рексе» поднялась стрельба. Быстро накинув одежду, он соединил магнитные застёжки, схватил рапиру, заряженный пистолет и бросился вон из хижины, не обращая внимания на крики Алисы.

Теперь он отчетливо слышал выстрелы и вопли людей, но все заглушил мощный взрыв — судя по всему, в машинном отделении.

Бартон сломя голову бросился к судну. В штурманской рубке горел свет — значит, она была захвачена; Бартон видел, как начали вращаться гребные колеса, как судно двинулось задним ходом, но ухитрился запрыгнуть на прогулочную палубу. Сразу же за его спиной послышался треск лопнувших тросов и рухнувшего дока.

³ Грамота, подписанная Иоанном Безземельным в 1215г., ограничивающая права королевской власти (прим. переводчиков)

Минутой позже он заметил спускавшегося из рубки человека. Бартон выстрелил, но промахнулся и, чертыхаясь, отбросил пистолет. Подняв рапиру, он ринулся к незнакомцу.

Никогда в жизни ему не доводилось скрестить клинок с таким противником. Это был просто дьявол в человеческом обличье! Впрочем, что удивляться? Вскоре он узнал имя тощего высоченного дьявола: Сирано де Бержерак! Так в момент передышки он представился Бартону — с истинно французским изяществом и легкостью. Бартон не ответил; ему надо было перевести дух, а не тратить зря силы и дыхание на болтовню. Оба они уже оказались задетыми — верный знак почти полного равенства сил, но тут француз нанес сильный удар клинком.

Бартон, пораженный в бедро, упал; острая боль пронзила все тело. Едва сдерживая стон, он стиснул зубы. Но этот Бержерак оказался человеком благородным: он не стал добивать беспомощного противника и не позволил тронуть его своим людям.

Атакующие вскочили в вертолет, и машина мгновенно взмыла в воздух. На высоте около сотни футов из него вывалилось чье-то обнаженное тело, мелькнувшее в лучах прожекторов и затем исчезнувшее в темноте. По-видимому, кто-то выпрыгнул из летательного аппарата — или был выброшен силой. Бартон почти не сомневался, что десантники с «Парсифаля» разделались с королем Джоном.

Проклиная все на свете, он замотал сильно кровоточащую рану оторванным от одежды лоскутом, туго стянул концы и попытался добраться до трапа, ведущего в пустую рубку. Судно несло течением вниз по Реке, а на палубе лежал потерявший сознание Джон с переломанными руками и ногами.

Через пять миль корабль прибило к берегу; весь этот путь люди из команды бежали вдоль Реки — и в этот момент нескольким удалось забраться на борт.

Доктор Дойл вправил кости и наложил шины на сломанные конечности монарха, а затем велел напоить его кофе. Немного придя в себя, король дал волю переполнявшему его бешенству. Но он был жив, а когда узнал, что повреждения на судна можно устранить, то почувствовал себя почти счастливым. Однако на ремонт требовалось не меньше месяца, и за этот срок корабль Клеменса должен неминуемо приблизиться к ним.

Во время налета были убиты двенадцать человек, благодаря чему появилась свободная каюта для Логу. Король не спешил с набором новых людей, тщательно отбирал кандидатов, отвергая одних из-за физической непригодности, других — по причине недостаточной сообразительности. В конце концов он взял лишь двоих.

— Не будем спешить, — заявил он. — Мне нужны лишь самые лучшие, а здешний народец в большинстве своем никуда не годится.

После вынужденного полета Джон проникся необыкновенной симпатией к Бартону, которому приписывал спасение своей драгоценной особы. Он назначил его личным охранником, посулив время от времени давать персональные поручения; в связи с этим Ричард и Алиса переселились в каюту по соседству с апартаментами монарха.

Бартону такое возвышение не больно-то пришлось по вкусу: он не привык плясать под чужую дудку. Но зато у него появилась возможность часто встречаться со Страбвелом и приглядываться к нему сколько душе угодно. Он внимательно прислушивался к речи американца, пытаясь уловить следы подозрительного акцента: если Страбвел — агент, значит, он только разыгрывает выходца со Среднего Запада.

Алиса, постоянно играя в бридж с Подебрадом, тоже внимательно изучала свой объект. Логу понравился один из предполагаемых агентов — Артур Пал, выдававший себя за инженера-электрика из Венгрии. Она

дождалась, пока его покинула прежняя подруга, и перебралась в каюту венгра. Подозрение Бартона получили новую пищу после ее рассказа о частых встречах Палла с Подебрадом, но кроме этого Логу ничего обнаружить не смогла. Бартон уверял ее, что через некоторое время она что-нибудь да найдет: если у агентов общее прошлое, они начнут предаваться воспоминаниям. А поскольку этики тоже люди, то рано или поздно они допустят ошибку, оговорку, какое-нибудь противоречие; этого будет вполне достаточно.

Алиса продолжала мучиться, но не находила в себе сил для разрыва с Бартоном. Оправдываясь перед собой, она старалась увериться в том, что отношений между ними еще можно изменить.

Сейчас оба целыми днями были заняты работой, и видели друг друга лишь по вечерам; ей казалось, что Ричарда радуют их встречи, и она выжидала, надеясь на возвращение былой страсти. Во многом они были типичной старой супружеской четой: тлеющая привязанность еще сохранялась, но ее подавляло непрерывное раздражение.

Действительно, несмотря на молодые тела, они были стары, так стары! Она прожила на Земле восемьдесят два года, он — пятьдесят восемь! («При моих сексуальных пристрастиях этот возраст — естественный предел», — как-то обронил Бартон). За долгую жизнь заизвестковались не только артерии, но и характеры, привязанности, привычки; на Земле трудно было рассчитывать на изменение, тем более — исправление. Вторая жизнь в Мире Реки разрушила прежние устои у многих людей, но зато они получили надежду на перемены. Одни очистились от прежних шлаков в меньшей степени, другие — в большей, но подавляющее большинство оказалось неподвластным изменениям.

Сохранив главные черты своей личности, Алиса осознала и происшедшие с ней в этом мире метаморфозы: все, что подспудно хранилось на дне ее души, в

глубинах, казавшихся далекими, как звезды, поднялось, сместилось, всплыло. То же произошло и с Бартоном.

Она все еще оставалась с ним, разрываясь между надеждой и безнадежностью.

Временами она мечтала разыскать Реджинальда, прекрасно понимая, что и это ничего ей не даст. Она никогда не вернется к нему, каким бы муж не предстал перед ней — прежним или совершенно иным. Хотя весьма сомнительно, что он мог перемениться. Реджи — хороший, добрый человек, но он был полон недостатков, порой весьма серьезных. И главный из них — его упорство, неподатливость. Какие уж тут перемены!

Все дело в том, что даже гусеница не может измениться — если сие происходит, она уже не гусеница, а бабочка. Разница же между гусеницей и человеком состоит в том, что она заранее запрограммирована, а человек сам должен внести изменения в свою программу.

Проходили дни, мысли Алисы оставались с ней, а жизнь добавляла свои тревоги.

Однажды, когда «Рекс» пристал к правому берегу для зарядки батакайтора, каменная чаша не сработала в обычный час и осталась стоять холодной и безгласной.

* * *

Минутное оцепенение, затем — всеобщая паника.

Однажды, пятнадцать лет назад, так же не сработали грейлстоуны правобережья, возобновившие работу лишь через сутки. Клеменс тогда объяснил королю Джону, что причиной аварии послужило падение метеорита. Функционирование каменных граалей возобновилось быстро — в результате вмешательства этиков, которых, правда, никто из живущих на берегах Реки не заметил.

Сейчас основную массу потерпевших более всего волновало, когда же заработает правая цепь. Значительно меньшее число задавалось вопросом о причинах ее поломки. Еще один метеорит? Или следующее звено в цепочке распада Мира?

Джон, потрясенный, как и все, тем не менее быстро пришел в себя. Он разослал офицеров успокоить команду и выдать всем по чарке спиртного из лишайника, настоящего на листьях железного дерева, которое на «Рексе» именовали грогом.

Сам монарх тоже опрокинул чарку-другую и, пополнив таким образом жизненные силы, выслал людей на берег снять с чаши медный «питатель» и доставить его на судно. «Рекс» снялся с якоря и направился к отмели у левого берега; в батакайторе было еще достаточно энергии, чтобы дожидаться следующего взрыва. В два часа пополудни Джон приказал остановить корабль и подсоединить полусферу к ближайшему грейлстоуну.

Как и предполагал король, местные жители категорически отказались предоставить свой каменный гриб в аренду. Тогда паровая пушка выпустила залп над их головами, и люди бросились бежать. Два катера-амфибии модели «Огненный дракон», номер первый и номер второй, переименованные в «Элеонору» и «Генри», с ревом устремились к берегу и встали на охрану питателя. Однако через час аборигены стали собираться вокруг дальних грейлстоунов, а затем, испуская воинственные клики, тысячи мужчин и женщин атаковали амфибии и корабль. С другого берега двинулись в лодках еще человек пятьсот.

Выпущенные с палубы «Рекса» снаряды и ракеты уничтожили сотни людей, скорострельные паровые пушки отогнали вглубь долины основную часть толпы. Вдоль берега выстроились стрелки, преследуя отставших залпами из разнообразного оружия — ружей, пистолетов, луков и базук; вскоре залитое кровью побережье и вода около берега были усеяны неподвижными

телами жертв. Наконец, местные начали обстреливать судно малыми и крупными ракетами, и в команде Джона тоже появились убитые и раненые.

Хотя раны здесь заживали быстрее, чем на Земле, Бартон передвигался пока еще с трудом. Тем не менее, он добрал до поручней прогулочной палубы и вместе со всеми стрелял деревянными пулями из ружья сорок восьмого калибра.

В цель ему удалось попасть трижды. Когда все плавающие средства нападавших с Реки — лодки, челны, каное и парусники — были потоплены, он перешел на помощь стрелкам другого борта.

На берегу тем временем готовилась третья, решающая атака.

Ей предшествовали долгие речи местных военачальников, стук барабанов, дудение в рожки и вопли толпы. На амфибиях к тому моменту кончились боезапасы, и они вернулись на корабль; на смену им взлетели два самолета-бомбардировщика и разведчик, а следом — вертолет.

Немногим атакующим удалось спастись от них и добраться до воды; они бежали прочь расстроенной толпой. Вскоре раздался грохот разряда, полыхнувшего над каменными граалями; батакайтор был заряжен.

— Дьявольщина! — Джон в ярости осматривался вокруг. — Сколько потерь сегодня! А завтра... Да поможет нам Бог!

Его опасения полностью оправдались: еще до рассвета к левобережью потянулись обезумевшие от голода орды людей с правого берега. Все, на чем можно было передвигаться по воде — лодки, суденышки, небольшие двухмачтовые суда, осевшие до палуб под переполнявшими их телами, — тянулось через Реку. Те, кому не хватило плавсредств, перебирались своим ходом, и к утру все вокруг было забито лодками и пловцами. Их встречали залпами ракет и стрел, но многим все же удалось высадиться на берег.

Зажатый со всех сторон «Рекс» яростно отстреливался. Огнем орудий удалось расчистить пространство вокруг грейлстоуна, и к нему, изрыгая пламя, устремились амфибии.

Команда сдерживала пытавшихся пробиться к грааю — и защитников с левого берега, и нападавших с правого, — а тем временем кран, смонтированный на «Генри», опустил на вершину каменного гриба полусферу. Раздался грохот разряда, и сразу же питатель подняли краном вверх и опустили на палубу катера. Как только амфибии вернулись на судно, Джон приказал поднять якорь.

Однако скоординировать было легче, чем вырваться из кольца.

Лодки так плотно окружили судно, что оно могло передвигаться только на самой малой скорости. Гребные колеса месили воду, нос корабля крушил в щепы крупные шлюпки, более мелкие подминались корпусом; с берега «Рекса» непрерывно обстреливали аборигены. Барахтавшиеся в воде люди умудрялись заползать по гладким бортам, но удержаться на них было трудно, и они срывались в реку.

В конце концов «Рекс» разорвал кольцо и двинулся к правому берегу. Там ему удалось развернуться и лечь на курс вверх по Реке, тогда как позади кипело яростное сражение.

В полдень Джон не сразу решился остановить корабль ради наполнения пищей чаш, и, после некоторых колебаний, приказал держать курс к большому доку на правом берегу.

— Ну что ж, дадим им шанс перебить друг друга, — заявил он. — Сегодня и завтра мы продержимся; у нас достаточно курева и сухих пайков, так что на подзарядку встанем послезавтра. К тому часу бойня благополучно завершится.

Правый берег являл собой весьма неприглядное зрелище.

Обычно корабль встречали шумные толпы приветливых, улыбающихся людей — сейчас же перед путниками расстилался мрачный и пустынный край. Насколько хватало глаз, почти никого не было видно; лишь изредка попадались люди, которые — по здравому разумению или же из трусости — решили не подвергать свою жизнь опасности на левом берегу. По всей долине и у подножия холмов стояли покинутые обитателями хижины, домишки, дома и другие постройки. В этом мире, лишенном живности — птиц, насекомых и пресмыкающихся — ничто, кроме ветра, колышущего ветви деревьев, не оживляло мертвого безмолвия.

У сражающихся сторон кончились боеприпасы, взрывы ракет стихли, и теперь на «Рексе» были слышны лишь редкие возгласы да стоны — голоса измученных людей, в которых звучали боль, ненависть и страх перед смертью.

На самом судне события двух последних суток унесли тридцать жизней. В лазарете лежало еще шестьдесят человек, из них двадцать пострадали очень серьезно. Впрочем, раненому любое повреждение кажется мучительным и едва ли не смертельным.

Тела убитых уложили в мешки из рыбьей кожи, прикрепили к ним груз и, после короткой церемонии, опустили в воду посередине Реки. Конечно, мешки были нужны не покойникам, а живым — дабы пощадить их чувства; тела же мертвых — без упаковки или в оной — немедленно стали добычей прожорливых рыб, санитаров Мира Реки.

Вдоль левого берега в воде толклись друг о друга трупы; меж ними сновали полчища серебристых вытянутых торпед. Целый месяц продолжался этот чудовищный пир: рыбы вырывали, отгрызали куски человеческой плоти, а всплывший из темных глубин речной дракон, разевая огромную пасть, поглощал тела целиком. Набив огромное брюхо, он переваривал добычу и вновь принимался за свой страшный промысел.

— Это Армагеддон, Апокалипсис, — сказал Бартон Алисе и мрачно выругался.

Алиса не могла прийти в себя, часто плакала, ее беспрерывно мучали ночные кошмары. Бартон, как мог, старался утешить ее; казалось, оба вновь ощутили, как возвращается утраченная близость.

Лишь через день «Рекс» рискнул снова пристать к суше. Остановился он у правого берега: экипажу была нужна долгая стоянка для ремонта и пополнения боезапасов. Работы длились целый месяц, и за это время Бартон окончательно оправился после ранения.

Наконец судно вновь отправилось в путь. Время от времени некоторые члены команды занимались подсчетом оставшихся в живых на берегу. Результаты были устрашающими: примерно половина населения погибла. Семнадцать с половиной миллиардов человек!

Долгое время на корабле царило уныние, на берегах же люди бродили словно призраки. Каждого, кому повезло выжить, угнетала мысль о том, что грейлстоуны могут испортиться раз и навсегда.

«Сейчас, — подумал Бартон, — самое время допросить подозреваемых!»

Но если их припереть к стене, они прибегнут к самоубийству — даже не надеясь на воскрешение. Это останавливало его — как и опасение, что гипотеза насчет агентов-людей, живших после 1983 года, могла оказаться ложной; в таком случае пострадали бы невинные.

Он решил ждать; ничего другого ему не оставалось.

Тем временем Логу иногда приставала с вопросами к своему приятелю-венгру, а Алиса не отказывалась встречаться с Подебрадом за карточным столом. По их примеру и Бартон решил сделать попытку со Страбвелом.

Через несколько дней «Рекс» вновь причалил к земле для пополнения экипажа. Джон велел вынести на берег стол с креслом, спустился сам и объявил, что на борту имеются свободные койки.

Бартон — или, как он теперь себя называл, сержант Гволчгвинн — участвовал в подборе новобранцев; прохаживаясь в толпе, он присматривался к лицам, оценивал ширину плеч и объем бицепсов. Внезапно он заметил ширококостного приземистого мужчину, явно выходящего из эпохи раннего палеолита — на его физиономии проступали монголоидные черты. Вмиг позабыв о служебных обязанностях, Бартон попытался завязать с ним беседу, но Нгангчунгдинг совсем не собирался давать кому-либо уроки родного языка. Тогда Бартон на эсперанто предложил ему вакансию в команде «Рекса», причем вовсе не для того, чтобы подарить королю Джону отличного бойца: его гораздо более привлекала возможность ознакомиться с новым уникальным языком. Нгангчунгдинг, однако, отклонил лестное предложение, заявив, что он последователь буддийского вероучения и верный сторонник пацифизма. Бартону не оставалось ничего другого, как угостить нового знакомого сигаретой и вернуться к сидевшему за столом королю.

Джон разговаривал с каким-то человеком, по виду европейцем. Разглядеть его лица Бартон не мог, обзор заслоняла спина следующего кандидата, высоченного, длиннорукого и длинноногого негра. Однако, переместившись за спину королю, он услышал, как парень называл себя:

— Я — Питер Джарвис Фригейт.

Бартон ринулся вперед, впился глазами в говорившего и вдруг прыгнул на него как лев. Фригейт отшатнулся, но Бартон схватил его за горло.

— Я убью тебя! — рычал он.

В этот момент что-то тяжелое обрушилось сзади ему на затылок.

* * *

Придя в себя, Бартон увидел перед собой негра и еще четверых, боровшихся с охранниками Джона. Сам монарх, забравшись на стол, выкрикивал энергичные приказы. Через несколько минут неразбериха закончилась, и Фригейт, задыхаясь и кашляя, поднялся на ноги. Бартон чувствовал острую боль в затылке — очевидно, негр угостил его обухом плети, висевшей за поясом.

В голове у него еще шумело, однако он уже сообразил, что ошибся. Этот Фригейт очень походил на его спутника и внешностью, и голосом, но все же кое-чем отличался — например, ростом; он был явно пониже... Но то же самое имя?.. И сходство?

— Я приношу свои извинения, синьоро Фригейт, — обратился к нему Бартон. — Мне показалось... да, вы очень напомнили мне человека, с которым у меня весьма серьезные счета. Он нанес мне чудовищный вред... неважно, какой. Я виноват перед вами, и если могу искупить свою вину...

«Что за чертовщина, — подумал он, — разве такое возможно?»

И хотя это был не его Фригейт, он непроизвольно обернулся, отыскивая взглядом Моната.

— Вы меня так напугали, что я чуть не обмочил штаны, — отозвался незнакомец. — Ну да ладно, мы квиты, я вас прощаю. За свою ошибку вы уже расплатились — Умслапогас врезал вам от души.

— Я его только чуть стукнул, чтобы отбить охоту бросаться на людей, — оправдывался негр-великан.

— Ну что ж, тебе это вполне удалось, — рассмеялся Бартон, и смех этот отозвался болью его злосчастной голове.

— Вы с приятелями еще легко отделались, вас могли бы тут и прикончить, — разразился проклятьями

Джон. Он слез со стола и вновь плюхнулся в кресло. — Ну, так в чем, собственно, дело?

Бартон вновь объяснил происшедшее, радуясь в душе, что двойник Фригейта в суматохе не успел раскрыть королю его настоящее имя. Джон, убедившись в миролюбии незнакомцев и полном отсутствии претензий к Гволчгвинну, приказал страже освободить их, но потребовал от Бартона объяснений, в чем повинен двойник Фригейта. Тот на ходу сочинил мало-мальски подходящую историю, приправив ее кровью и привлекательной блондинкой, чем, судя по всему, удовлетворил монарха.

После этого Бартон подошел к Фригейту.

— Вы способны каким-нибудь образом объяснить это невероятное сходство? — спросил он.

— Пожалуй, нет, — пожал тот плечами. — Хотя со мной уже случалось нечто подобное... правда, без рукоприкладства. Я должен сказать, что видел людей, утверждавших, что мы раньше с ними встречались. Странно, у меня совсем не расхожая внешность! Был бы мой отец коммивояжером, тогда еще можно что-то объяснить, но он трудился инженером-механиком и редко покидал Пеорию.

Вначале Фригейт ничем не привлек внимания короля.

Правда, он был достаточно высок и крепок, и к тому же заявил, что отлично стреляет из лука, но таких ландскнехтов Джон мог нанять целыми сотнями или даже тысячами. Король собирался уже отказать ему, как вдруг тот заметил, что прилетел сюда издалека на воздушном шаре и видел по пути огромный дирижабль. Джон моментально сообразил, что речь идет о «Парсифале», да и упоминание о воздушном шаре его весьма заинтересовало.

Фригейт принялся рассказывать монарху о полете вверх по течению Реки и своем намерении добраться до ее истоков. Ему с друзьями надоело годами тащиться

на речном суденышке, они устали от бесконечной дороги и черепашьяго хода их шхуны. Как-то они попали в страну, богатую металлом, и договорились с ее правителем насчет постройки небольшого дирижабля.

— Да-а? — протянул Джон. — И как же его звали?

— Это был чех по имени Ладислав Подебрад.

Джон расхохотался так, что на глазах выступили слезы.

Наконец ему удалось овладеть собой.

— Любопытно! Надо же так случиться, что этот ваш Подебрад сейчас один из моих инженеров!

— Ну и ну! — один из спутников Фригейта тоже оскалил зубы в ухмылке. — Приятно слышать! У меня с ним кое-какие счета.

Джон взглянул на темноволосого человека ростом почти шесть футов, с привлекательным энергичным лицом. На голове у него красовалась десятигаллонная ковбойская шляпа, на ногах — сапоги с высокими скошенными каблуками, а всю остальную одежду составлял лишь белый кильт.

— Том Микс к вашим услугам, Ваше Величество, — речь мужчины отличалась техасской медлительностью. Он затянулся сигаретой и продолжал: — Я хорошо владею арканом и бумерангом, сэр, а кроме того, когда-то был кинозвездой, если вам понятно, что это такое.

Джон обернулся к Страбвелу.

— Ты о нем когда-нибудь слышал?

— Я читал о нем, — ответил американец. — Он снимался в кино еще до моего рождения, в двадцатых и тридцатых годах. Он — звезда ковбойских фильмов, которые называли тогда «лошадиными операми».

Вряд ли агенту могли быть известны такие подробности, мелькнуло в голове у Бартонна.

— На «Рексе» мы иногда сами снимаем фильмы, — улыбнулся Джон, — но, понимаешь ли, лошадей у нас теперь нет.

— Ну, а я давненько не стоял перед камерой!

Монарх снова обратился к Фригейту с расспросами о полете. Американец сообщил, что в тот момент, когда они увидели дирижабль, у них обнаружилась течь в трубке, подающей нагретый водород в оболочку шара.

Аэронавты стали заклеивать трещину быстросохнущим клеем, но при этом спустили газ из баллона и начали падать вниз, в теплые слои атмосферы. Утечку они сумели ликвидировать, но тут сели батареи, вырабатывавшие свежий водород. Тогда они решили приземлиться; затем, услышав о наборе в экипаж огромного металлического корабля, поспешили сюда.

— Кем вы были на Земле?

— Я занимался многими вещами, как и большинство людей. В зрелом возрасте писал научно-фантастические и детективные романы, довольно известные в то время, но, конечно, не такие знаменитые, как у моего друга.

И Фригейт указал на невысокого плотного человека с курчавыми волосами и красивым лицом, похожего на ирландца.

— Это Джек Лондон, великий писатель начала двадцатого века.

— Я не такой уж большой любитель писателей, — заметил Джон. — У меня на судне уже имеется несколько писак, и все они, между прочим, доставляют мне массу хлопот. А кто этот негр, стукнувший без позволения моего сержанта?

— Умслапогас, свази, родом из Южной Африки девятнадцатого века. Он великий воин, мастер топора, и весьма известен как прототип героя-зулуса в романе другого английского писателя — Райдера Хаггарда.

— А этот?

Король указал на смуглого черноволосого человека с большим носом. Тот был невысок — чуть выше пяти

футов; на голове у него красовалось нечто вроде зеленого тюрбана.

— Это Нур-эд-дин-эль-Музафир, иберийский мавр и путешественник. Он, Ваше Величество, суфий и ваш современник. Ему даже посчастливилось быть принятым вами.

Пораженный Джон приостановился, выдавив из себя: «Да ну?» — и вглядываясь в невысокого человечка. Потом он прикрыл на секунду глаза, а когда открыл их, заявил:

— Да, я его хорошо помню.

Монарх поднялся, обошел вокруг стола, распростер руки и обнял мавра, широко улыбаясь и что-то быстро-быстро говоря на староанглийском. Его свита ошеломленно наблюдала, как он лобызает коротышку в обе щеки.

— Глядите-ка, еще один псих нашелся, — усмехнулся Микс.

Стоя друг против друга, Джон и Нур о чем-то оживленно болтали. Наконец король обернулся.

— Ну, поскольку Нур-эль-Музафир долго с вами странствовал, то я могу считать всех вас его друзьями. Страбвел, зачисли их в команду и растолкуй обязанности. Сержант Гволчгвинн, покажи им каюты. Ну, а с тобой, мой дорогой друг и наставник, мы еще потолкуем, как только я закончу с подбором людей.

По дороге в каюту, в коридоре, они встретили Логу.

Побледнев как мел, она остановилась, потом ее лицо полыхнуло румянцем и с криком: «Питер, негодяй!» она бросилась к Фригейту.

Тот отскочил, заслоняясь от ее рук, хищно тянувшихся к его горлу. Негр и Микс, хохоча во все горло, оттащили женщину от ошеломленного американца.

— Похоже, ты многим перебежал дорогу, — заметил Питеру Микс.

— Вот видите, еще одна обозналась, — и Бартон объяснил Логу, в чем дело.

Фригейт все еще откашливался и щупал шею.

— Не знаю, кем был ваш Фригейт, но определенно, он малопривлекательная личность.

Логу — несколько натянуто — начала извиняться, явно не до конца поверив, что стоявший перед ней человек лишь похож на бывшего возлюбленного.

— Я бы предпочел, чтоб она ухватила меня, только не за шею! — пробормотал Микс. — Уж я-то не стал бы сопротивляться!

— Не все еще потеряно, парень: если твоя игрушка размером не меньше твоей шляпы, когда-нибудь я ее обязательно прихвачу!

Ошарашенный Микс залился краской. Когда женщина отошла, он покачал головой: «Нет, это не для меня; уж больно бесстыжа».

Но через два дня они уже жили в одной каюте.

Бартон не мог примириться с мыслью, что появление двух Фригейтов лишь случайное совпадение. При каждом удобном случае он завязывал с новым знакомцем разговор, выпытывал все о его прошлом.

Поражало еще одно совпадение: и этот Фригейт пытался написать его биографию, равно как и Фригейт прежний.

Американец, в свою очередь, тоже наблюдал за Бартоном, хотя и не столь откровенно. Ричард, однако, ловил на себе его пристальный взгляд. Как-то вечером они уединились в гостиной. Вокруг никого не было, и Питер без предисловий начал:

— Я хорошо помню портреты Ричарда Френсиса Бартона в самые различные периоды его жизни. Один из них — большой, запечатлевший его в возрасте пятидесяти лет, висел у меня над письменным столом. И я прекрасно могу его узнать... даже без усов и раздвоенной бороды.

— Вот как?

— Должен заметить, Бартон удивительно походит на одного средневекового валлийца. Его имя — Гволчг-

винн — переводится на английский как «Белый Ястреб»; позднее оно преобразуется и будет произноситься как «Гавейн». Его носил рыцарь короля Артура, первым разыскавший Святой Грааль... — Фригейт помолчал. — Наш металлический рог изобилия, который мы тоже называем граалем, по форме напоминает башню, что скрыта среди туманов полярного моря. Можно сказать, она — Великий Грааль.

— Весьма занимательно, — Бартон отхлебнул глоток грога.

— Вот вам еще одно совпадение.

Фригейт пристально смотрел ему в глаза. Черт бы побрал этого американца! Он так похож на того, прежнего, что вполне мог быть его братом. Возможно, так оно и есть, и оба они — агенты! И этот тип, как и старый знакомец, тоже старается обвести его вокруг пальца.

— Бартону приличествует знать о сказаниях артуровского цикла и старинных легендах, что легли в его основу. И если б ему пришло в голову скрыться под чужой личиной — а он и на Земле был известен как большой мастер мистификаций — то, скорее всего, он взял бы имя Гволчгвинна. Он прекрасно понимает его тайное значение, неведомое остальным... Гволчгвинн — Искатель Святого Грааля...

— Я не так уж глуп и давно сообразил, что вы принимаете меня за Бартона. Но я ничего не слышал об этом типе и не собираюсь ради вашего удовольствия развивать далее эту тему. Запомните, Пит — меня она абсолютно не занимает.

Он поднял стакан и отхлебнул еще глоток.

— Нур рассказывал мне, что посетивший его этик назвал сэра Ричарда Френсиса Бартона, путешественника девятнадцатого века, одним из своих избранных.

Бартону пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не поперхнуться. Он медленно поставил стакан на стол.

— Нур?

— Наш мавр, вы его уже знаете... — Фригейт на секунду смолк, потом негромко сказал: — Мистер Бартон, внизу в каюте вас ждут мои друзья. Чтобы доказать вам, что я тот, за кого себя выдаю, добавлю лишь одно: Микс и Лондон тоже жили под вымышленными именами. Недавно они решили с этим покончить. Ну как, мистер Бартон, вы рискнете пойти со мной?

Бартон задумался. Что, если Фригейт и его спутники — агенты? Придавят его столом к стене, схватят и примутся допрашивать?

Он выглянул на палубу, заполненную людьми, и заметил среди них Казза.

— Если вы так настаиваете, я пойду с вами, но прихватчу своего друга-неандертальца. И имейте в виду — мы вооружены.

Когда через десять минут Бартон перешагнул порог чужой каюты, следом за ним шел не только Казз, но и Алиса с Логу.

Микс, увидев ее, замер от удивления.

— Как, детка, ты и в этом замешана?

* * *

Опасаясь подслушивания, они решили никогда не говорить в своих каютах об этике. Их следующая встреча состоялась в гостиной за карточным столом, вокруг которого уселись Бартон, Алиса, Фригейт, Нур, Микс и Лондон. Логу и Умслапогас стояли неподалеку, наблюдая за окружающими.

Бартон выслушал истории Нура и Микса о посещении этика, но желая убедиться в их истинности, засыпал рассказчиков вопросами, выясняя малейшие подробности встречи. Лишь после этого, уже не таясь, он приступил к собственной повести.

— Сейчас нас десять человек, — сказал он в заключение.

— Не думаю, что нам стоит подбрасывать в каюты подозреваемых «жучков», хотя чертовски соблазнительно знать, о чем они беседуют. И все же, если это обнаружится, если станет известно, что мы — агенты Икса, нас могут схватить. Ни на минуту не забывайте об опасности.

— Я согласен с вами, — кивнул головой мавр. — А остальные?

С мнением Бартона согласился даже Микс, который прежде настаивал на установке «жучков». Но он все еще помнил о несведенных счетах.

— А как быть с Подебрадом? Я тут с ним столкнулся... Он поприветствовал меня и прошел мимо с мерзкой такой ухмылочкой, прямо как священник, только что узнавший, что его девица-прихожанка забеременела. Ей-богу, так и чешутся кулаки врезать этому ублюдку...

— У меня тоже, — подхватил Лондон. — Он воображает, что воровство сойдет ему с рук.

— Если вы с ним свяжетесь, то вылетите с судна, — охладил их пыл Нур. — Кроме того, он невероятно силен и скорее сам вас разорвет на куски. Это слишком опасно!

— Ну, уж я-то с ним справлюсь! — заявили Микс и Лондон в один голос.

— Готов согласиться, — признал Бартон, — что у вас есть основания для кровавой мести. Но сейчас это абсолютно исключено, и вы сами должны понимать подобные вещи.

— Но почему же он обещал взять нас с собой, а потом бросил словно падаль?

— Полагаю, этому может быть лишь одно объяснение, — предположил Нур. — Он каким-то образом заподозрил в нас агентов Икса. Это вероятнее, чем то, что сам он — агент этиков.

— Да он просто грязный садист! — не унимался Лондон.

— Нет.

— Если он подозревает вашу четверку, — взывал к их благоразумию Бартон, — то вам тем более нужно соблюдать осторожность. Мне не пришло в голову соображение Нура, иначе я бы не рискнул устроить нашу встречу в гостиной.

— Запоздалые сожаления, — вмешалась Алиса. — Мне кажется, если он действительно агент, то предпримет что-нибудь только у истоков Реки.

Бартон выиграл, выставив две десятки и трех валетов.

Алиса вновь сдала карты. Ричарду показалось, что мысли Нура витают где-то очень далеко и совсем не заняты покером; мавр выиграл лишь половину партий, а мог бы значительно чаще придвигать к себе фишки. Казалось, он угадывал по выражению лиц, какие карты на руках противников.

— Мы могли бы вчистую их прикончить, — с сожалением заметил Фригейт.

Бартон, прищурившись, взглянул на него. Этот тип льнул к нему, как и тот, прежний. При каждом удобном случае он донимал его расспросами о прежней жизни, в основном, о темных периодах биографии. Как и прежний Фригейт, он допытывался у него о таких вещах, о которых сам Бартон предпочитал помалкивать — насчет цветных женщин или веры в телепатию. Барто-ну часто приходилось объяснять разницу в своих взглядах: то, во что он верил или не верил на Земле, здесь уже не являлось для него догмой. Он слишком многое повидал и испытал, а потому и сильно изменился.

Он решил, что сейчас весьма кстати вспомнить лже-Фригейта.

— Все-таки подобное сходство не может быть делом случая.

— Меня это тоже весьма занимает, — поддержал его американец. — К счастью, когда-то я был фанатичным любителем научно-фантастических историй, да и автором их тоже. Это подарило мне известную гибкость воображения... кстати, совершенно необходимую и вам, сэр, если вы готовы вынести общение со мной. Так вот: я уверен, что тот, знакомый вам Фригейт — мой брат Джеймс, умерший в годовалом возрасте. Кстати, об умерших на Земле детях. Вот первая причина их отсутствия в Мире Реки: вырасти они тут, планета была бы чудовищно перенаселена. На всех жизненного пространства не хватит! Потому здесь нет детей младше пяти лет, то есть огромной части человечества... Что сделали с ними этики? Я считаю, что они воскресили их на другой планете, может быть, похожей на нашу, а может, и нет; кстати, возможно, что не на одной, а на двух.

— Возникает еще одно предположение, — заметил Бартон с кривой ухмылкой. — Может быть, их воскресят здесь после нашего «ухода». Кто знает?

— Не я, во всяком случае... Но это дает пищу к размышлениям! Предположим, детей переместили на другую планету, но сделать это одним махом невозможно — с ребяташками должны быть взрослые, уйма взрослых. Весьма вероятно, что воскрешения происходили этапами: в определенное время просыпалось определенное число детей. Они вырастали, взрослели и могли стать няньками, учителями, приемными родителями следующей партии. Ну, и так далее. Могло ли воскрешение детей произойти одновременно и не в одном мире? Сомневаюсь... Для преобразования планеты нужна колоссальная энергия... Правда, если этики воспользовались миром, не требующим преобразования...

— Вам сдавать, — прервал его Лондон. — Если вы не дитя, то чего вдаваться в такие подробности?

— Могу открыть карты, — заявил Микс.

Все замолчали. Теперь над столом лишь изредка слышалось слово-другое насчет прикупа и ставок.

Но Фригейт не мог успокоиться.

— Позвольте, я все-таки продолжу... Та-ак... Я был в семье вторым ребенком, но самым старшим из оставшихся в живых. Мой братец Джеймс умер годовалым, а я родился через шесть месяцев после его смерти. Теперь... да... теперь его могли воскресить и, став взрослым, он сделался агентом этиков.

В день Воскрешения его переместили сюда и поручили следить за Бартоном. Зачем? Да потому что знали о его раннем пробуждении в предвоскресительной мере. Они поняли, что это произошло не случайно... гмм... что кто-то предумышленно разбудил его. Ну, ладно, не будем здесь строить никаких предположений. Но мы знаем, что об этом Бартона допрашивали на Совете этиков, когда они сумели его сцапать. Он боялся, что из его памяти сотрут этот эпизод, но Икс и тут подействовал...

— Как бы то ни было, этики насторожились. Потому они и приставили лже-Фригейта (весьма возможно — настоящего носителя имени) следить за Диком. Моему брату приказали не спускать с него глаз и докладывать о малейшем подозрительном факте. В любой момент он был готов поймать Дика за хвост.

— Две карты, пожалуйста, — Бартон взял прикуп. — Ваши рассуждения, Пит, весьма занимательны... Хотя они и выглядят бредовыми, но могут оказаться истиной. Но если ваш брат — агент, то кто же тогда Монат — пришелец с Тау Кита, Арктура или Бог знает откуда? Он-то определенно агент, но именно это и странно, так как...

— Возможно, он как раз этик! — предположила Алиса.

— Да, именно это я и хотел сказать. Но все-таки, по здравом размышлении, я утверждаю — нет! Тогда он должен быть членом Совета, но, клянусь Аллахом, его

там не было. Иначе я бы его заметил и уже твердо знал, что он — один из них! Тогда он не смог бы находиться возле меня столько времени. Присутствие же Моната означает, что среди них есть не только другие виды... расы... биологические типы людей, но и внеземных существа.

— Беру одну карту, — подошел ход Фригейта. — И все-таки мне хотелось бы сказать...

— Простите, — перебил его Лондон, — но откуда ваш брат мог знать о Бартоне?

— Мне кажется, что дети получили лучшее образование, чем на Земле. Возможно, и даже весьма вероятно, что мой брат знал обо мне. В состоянии ли мы представить огромную широту и глубину эрудиции этиков, их осведомленность о деталях земной жизни? Вспомните фотографию Бартона, обнаруженную у их агента Эгню... Его сняли двадцативосьмилетним субалтерном Ост-Индской армии! Разве это не доказывает их присутствие на Земле в 1848 году? Кто знает, сколько тысяч лет блуждали они по земным дорогам в поисках сведений? Не спрашивайте только, во имя каких целей...

— Но почему же Джеймс взял ваше имя? — вдруг поинтересовался Нур.

— Ну, как же! Я был страстным поклонником Бартона и даже написал о нем книгу! Вдруг она пленила Джеймса юмором — весьма мне присущим! Надо сказать, вся наша семья была к нему склонна... Возможно, ему показалось занятным стать своим собственным братом Питером, которого он в глаза не видел. А может быть, захотелось как бы прожить жизнь, которой он был лишен на Земле... Предположим, его тянуло встретиться с кем-то, знавшим нашу семью, и выдать себя за меня. Вероятна любая из причин, но... Я совершенно уверен, что он разбил нос этому мошеннику-издателю Шарко, отомстив за меня, именно потому, что хорошо знал подробности моей земной жизни.

— А что вы скажете об истории с другим их агентом, Спрюзом? — спросила Алиса. — Он признался, что жил в семьдесят втором веке, а потом упомянул о хроноскопе... о машине времени...

— Он мог и наврать, — заметил Бартон.

— Я не верю в существование хроноскопа или чего-либо подобного, — не согласился Фригейт. — Хотя, быть может, и не стоило утверждать столь категорично... Но все мы путешествуем во времени в одну сторону — вперед.

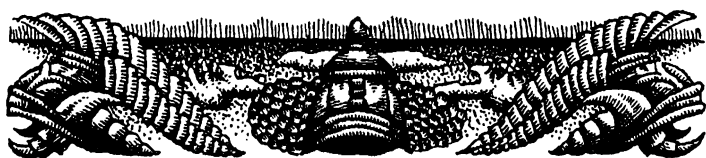
— Мы еще не говорили о тех, кто воскрешал детей, — вступил Нур. — Может быть, люди семьдесят второго века, но, скорее всего, это народ Моната. Так мне кажется... Вспомните, именно Монат больше всех допрашивал Спрюса. Я бы даже сказал, он его инструктировал в ходе допроса.

— Но зачем? — спросила Алиса.

На этот вопрос никто не мог ответить. Сказал ли им правду Икс или же лгал подобно остальным этикам — вот что занимало более всего мысли избранных им людей.

Нур заключил их беседу еще одним предположением. Агенты, попавшие на судно в самом начале плавания утверждали, что на Земле им довелось жить после 1983 года. Они упорно держались этой версии, но их коллеги, появившиеся здесь позднее, уже знали о ее несостоятельности, и им пришлось от нее отказаться. Так, к примеру, гигант-галл Мегалосос из экипажа «Рекса» рассказывал, что жил во времена Цезаря, но это могло быть выдумкой — он часто вертелся около Подебрада.

Нур никак не мог понять, что же их связывает. Единственное объяснение: галл тоже был агентом.

ГЛАВА 4

НА БОРТУ «НЕНАЕМНОГО»: НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ И НОВЫЕ КОШМАРЫ КЛЕМЕНСА

Механизм воскрешения не всегда действовал без сбоев, о чем свидетельствовали глаза де Марбо. Жан Батист Антуан Марселен, барон де Марбо родился в 1782 году с карими глазами. Вскоре после Дня Воскрешения он обнаружил, что его глаза изменили свой цвет: какая-то женщина назвала его «синеглазыньким».

— Сакре бле!¹ Правда?

Он поспешил посмотреться в слюдяное зеркальце, недавно купленное у торговцев (слюда в Мире Реки была большой редкостью) и впервые за десять лет увидел свое лицо — славное, округлое, курносое, веселое лицо, всегда готовое улыбнуться, с блестящими глазами...

Глаза! Его глаза! Они стали голубыми!

— Мерд!²

Он перешел на эсперанто.

— Ну, как-нибудь я отделаю шпагой этих мерзавцев, устроивших мне... — В пылу гнева он повернулся к своей сожительнице и повторил угрозу.

— Да у тебя и шпаги-то нет, — отозвалась та.

— Ну, зачем понимать все буквально? К тому же это совершенно неважно, когда-нибудь она у меня обя-

¹ Французское ругательство (прим. переводчиков)

² Французское ругательство (прим. переводчиков)

зательно будет. Должно же найтись железо на этой чертовой каменной планете...

Ночью во сне он увидел гигантскую птицу с рыжим опереньем и клювом грифа, клевавшую скалу и выцарапывавшую из камня кусочки стали. Но в этом мире птиц не было, а если б и были, то вряд ли среди них нашлись «уазо де фер», железные птицы.

Но сейчас у него полно металлического оружия: сабля, шпага, стилет, большой нож, копье, пистолеты и винтовка. Он — бригадный генерал десантников и полон честолюбивых стремлений стать полным генералом. Но он всегда испытывал отвращение к политиканству и никогда не владел искусством интриги, так что этот чин ему удастся получить лишь после смерти Эли С.Паркера, командующего всеми силами «Ненаемного». Марбо же любил славного индейца и совсем не желал ему зла.

Почти все люди постпалеозойского периода на борту были высоки — выше шести футов, а некоторые так просто огромны. Уроженцы палеолита были низкорослы, но отличались плотным сложением и невероятно мощной мускулатурой. Но даже среди них де Марбо выглядел пигмеем: его рост едва достигал пяти футов и четырех дюймов. Сэм Клеменс, однако, питал к нему слабость, восхищаясь жизнерадостностью и отвагой маленького француза. Капитан «Ненаемного» часто и с удовольствием слушал рассказы де Марбо о военных кампаниях; ему льстила власть, обретенная над бывшими адмиралами, генералами, государственными деятелями.

«Смирение — неплохая наука для них, — говаривал он, а потом добавлял: — Наш французик — первоклассный командир. Мне нравится, как он вертит этими длинными обезьянами!»

Де Марбо и в самом деле был человеком весьма способным и опытным. В семнадцать лет он вступил в республиканскую армию Франции и быстро продвинулся

по службе, став адъютантом маршала Ожеро, командующего седьмым корпусом во время войны с Пруссией. В испанской войне он сражался в армиях Ланна и Массены, участвовал в русской кампании, пережив чудовищно трудное отступление из Москвы. В 1813 году он вновь сражался в Пруссии. Одиннадцать раз был ранен, причем дважды — под Генуей и Лейпцигом — весьма серьезно. После бегства с острова Эльба Наполеон сделал его бригадным генералом, и в кровавой битве под Ватерлоо де Марбо получил новое ранение. Когда произошла реставрация Бурбонов, король выслал его из Франции, но в 1817 году он возвратился на родину.

Во времена июльской монархии де Марбо участвовал в осаде Антверпена и получил там чин генерал-лейтенанта. С 1835 по 1840 год он завоевывал Алжир, был ранен там — в последний раз, но во Францию вернулся только после падения короля Луи-Филиппа, в 1848 году.

Марбо оставил мемуары, впоследствии столь восхищавшие Артура Конан-Дойла, что на их основе тот создал неуязвимый образ бригадира Жерара. Однако следует отметить, что прототип этого вояки и авантюриста был гораздо умнее, проницательнее и галантнее литературного героя.

На семьдесят втором году жизни храбрый солдат Наполеона мирно почил в своей постели.

Мерилом доверия Сэма Клеменса к нему могла служить исповедь о посещении Таинственного Странника, этика-отступника.

В тот день корабль стоял на якоре у берега, а Сэм вел беседы с людьми, выбирал новых матросов. Прошло два месяца после страшного дня аварии грейстоунов, и Река уже очистилась от трупов, завалов и зловония разлагающихся тел.

Де Марбо в блестящем дюралюминиевом шлеме и серебристой кирасе выглядел троянским воином из ка-

кого-нибудь дешевого спектакля. Он сортировал очередь желающих наняться на работу, беря у них интервью и отсеивая неподходящих соискателей; таким образом капитан сэкономил силы и время.

Внимание генерала привлекла четверка людей в середине очереди. Первым стоял высокий смуглый человек с огромными кистями; по цвету кожи и вьющимся волосам Марбо опознал в нем квартерона.

На вежливые вопросы француза тот ответил, что зовут его Томас Мильен Терпин, родился он в Джорджии примерно в 1873 году, но в дате не совсем уверен. Позднее его родители переехали в Сент-Луис, штат Миссури, где его отец подвизался в таверне «Серебряный доллар», заведении для цветных. В юности Том с братом Чарли вошли в дело по разработке участка на Большом Луковичном Руднике в штате Небраска, но, так и не обнаружив золота, двинулись обратно в Сент-Луис.

Там Терпин поначалу устроился вышибалой и пианистом в одном из баров цветного района. К 1899 году он становится самым влиятельным лицом в округе, подчинившим себе все заведения, что промышляли продажей спиртного и карточной игрой; в его власти оказались также практически все певцы и музыканты. Центром своей империи Терпин сделал кафе «Бутон Розы», нижний этаж которого занимал ресторан, а верхний — публичный дом.

Однако Том являлся не только расчетливым боссом, но и великим пианистом, хотя славы Луи Шовена он, прямо скажем, не достиг. Терпин был создателем рэг-тайма в Сент-Луисе — еще в 1897 году его усилиями издается «Гарлемский Рэг», первая публикация джазовой пьесы, созданной негром. На открытие всемирной ярмарки в родном городе он написал «Рэг Сан-Луи». Умер Терпин в 1922 году, а, очнувшись в Мире Реки, принялся странствовать, нигде надолго не задерживаясь.

— Я слышал, у вас на корабле есть рояль, — улыбаясь, сказал он де Марбо. — Мне бы хотелось пробежаться по клавишам.

— У нас десять роялей, — отозвался тот. — А пока что держите. — И он протянул Терпину деревянную палочку с высеченными инициалами «М.Т.». — Когда доберетесь до стола, отдайте ее капитану.

Сэму этот парень должен понравиться, решил генерал. Клеменс любил рэгтайм, но, случалось, говаривал, что не может позволить себе роскоши держать джазистов единственно ради услаждения почтенной публики. Однако Терпин выглядел крепким и неглупым человеком; иным и не мог быть босс, подмявший целый округ Сент-Луиса.

Сразу за ним стоял рослый китаец весьма причудливой внешности по имени Тай Пенг; его лицо с блестящими зелеными глазами поражало своим демоническим выражением. В прямые черные волосы, падавшие до пояса, были воткнуты три цветка железного дерева. Громким и на редкость пронзительным голосом он представился как великий фехтовальщик, любовник и поэт времени царствования династии Тан в восьмом веке нашей эры.

— Я — один из «Шести Беспечных друзей из Бамбуковой Долины» и «Восьми Бессмертных пьяниц». Могу импровизировать стихи на турецком, китайском, корейском, английском, французском и эсперанто. С мечом в руке я стремительней колибри и смертоноснее змеи.

Де Марбо рассмеялся и заметил, что не он отбирает людей в экипаж. Но, тем не менее, он выдал китайцу деревянную палочку и перешел к его соседу.

Это был маленький человечек (хотя и повыше француза), темнокожий, черноглазый, тучный, с торчащим как у Будды брюхом. На его веках можно было различить слабую складку эпиантуса; орлиный нос и массивный раздвоенный подбородок утяжеляли черты

смуглого лица. Он назвался Ах Куаком и сказал, что происходит из земли меж двух великих океанов, известной де Марбо как Мексика; его народ, ольмеки, именовали ее Страной Дождей. Куак не мог определить времени своей жизни по христианскому летоисчислению, но, по мнению людей ученых, оно приходилось на первый или второй века до нашей эры. Своим родным языком он считал майя.

— А, да, — вспомнил Марбо, — об ольмеках я слышал. — У нас за капитанским столом немало образованных людей.

Из этих застольных разговоров генерал знал, что ольмеки — основатели первой цивилизации в Центральной Америке, положившей начало всем позднейшим доколумбовым культурам — майя, толтеков, ацтеков.

Стоявший перед ним древний индеец отличался от своих сородичей отсутствием сплюсненной головы и косоглазия. Де Марбо решил, что эти благотворные исправления совершены уже этиками.

— Ты совершеннейший уникум, толстячок, — умилился он. — Но у нас на «Ненаемном» жизнь трудная и напряженная, на этом корабле нет места тунеядцам и чреуоугодникам. Каждый должен быть при деле.

Высоким голосом Ах Куак произнес:

— Жирный кот лишь выглядит слабым, а на деле он силен и проворен. Сейчас я вам это докажу.

Он взялся за рукоятку своего кремневого топора длиной восемнадцать и толщиной два дюйма и скусил кончик — так, словно это была сигара. Затем ольмек протянул топор де Марбо, предлагая опробовать его вес.

— Думаю, фунтов десять, — прикинул тот.

— Смотри!

Ах Куак, словно играючи, метнул топор. Широко раскрытыми глазами генерал следил за бесконечно долгим взлетом и падением оружия.

— Мон дье! Так забросить топор никто не сможет, разве что могучий Джо Миллер! Поздравляю вас, синьоро. Вот, держите.

— Я, кроме того, неплохой лучник, — быстро добавил Ах Куак. — Вы не раскаетесь, приняв меня на судно.

Четвертый человек из этой компании был почти такого же маленького роста, но сложен как Геркулес. Он напоминал Ах Куака и лицом, орлиным носом и раздвоенным подбородком, но не выглядел тучным и, несмотря на смуглую кожу, его нельзя было спутать с американским индейцем. Этого крепыша звали Гильгамешем.

— Моя рука столь же мощна, как и у Ах Куака, — сказал он. — Ни один из нас не в силах одолеть другого! И я тоже прекрасно владею топором и луком.

— Замечательно! Ну, а капитан, надеюсь, вволю насладится вашими шумерскими сказками. Я полагаю, ему доставит удовольствие заполучить на корабль царя и бога в одном лице. Правда, с королями ему уже приходилось встречаться, но особой радости он от этого не получил. Боги — совсем другое дело, с ними мистер Клеменс еще не сталкивался, Вот, возьмите и вы.

Марбо отошел в сторонку и, когда компания Гильгамеша скрылась из глаз, разразился таким неудержимым хохотом, что был вынужден сесть в траву. Несколько придя в чувство, он поднялся на ноги, вытер выступившие на глазах слезы и мысленно поделился сам с собой впечатлениями о новых знакомцах.

Да, эти четверо стоили восьмерых! Когда они поднялись по трапу на нижнюю палубу, то увидели стоявшего у поручней Моната, также мельком взглянувшего на новобранцев. Четверка замедлила шаг, но де Марбо поторопил их, обещав вечером рассказать поподробнее об этом странном существе.

Однако вечером новичкам не удалось повстречаться с Монатом. Две женщины, не поделившие возлюблен-

ного, устроили дуэль на пистолетах; одна из них была серьезно ранена, а ее соперница прыгнула в реку, схватив свой цилиндр и мешок с пожитками. Парень, яблоко раздора, пожелал сойти на берег вслед за ней, поскольку именно она оказалась его избранницей. Судно остановили, мужчина покинул корабль. Сэма эта история так вывела из себя, что он перенес официальное представление новичков команде на следующий день.

А ночью Монат исчез.

Никто не слышал никакого шума. Никто не заметил ничего подозрительного. Единственным намеком на случившееся была кровь на фальшборте, но она могла там остаться и по небрежности уборщиков после сражения у левобережных грейстоунов.

Клеменс подозревал участие в инциденте кого-то из новой четверки, но, по дружным заверениям новобранцев, они всю ночь спокойно проспали в своих койках. Никаких доказательств их причастности к ночным событиям обнаружить не удалось.

Пока Сэм размышлял о случившемся, мечтая обрести на борту «Ненаемного» мистера Шерлока Холмса, судно двинулось дальше.

Через три дня после исчезновения Моната они увидели лодку, в которой торчала тощая фигура Сирано де Бержерака; француз яростно размахивая чем-то над головой. Увидев его, Сэм втихомолку выругался. Судьба, проклятая судьба! Они встретились при дневном свете, да еще в присутствии пятидесяти человек; разве мог Сэмюэл Клеменс не заметить старого соратника?

Улыбаясь, француз поднялся на борт и быстро расцеловал мужчин в щеки, а дам — исключительно в губы. Войдя в штурманскую рубку, он воскликнул:

— Капитан! Вы не поверите, какая со мной приключилась история!

«Черты бы тебя побрал — вместе с твоими историями!» — раздраженно подумал Сэм.

* * *

В постели спали двое, мужчина и женщина; их тела касались друг друга, мешалось дыхание, но сны были разными.

Сэму Клеменсу вновь снился день, когда расстался с жизнью Эрик Кровавый Топор. Он не убивал его сам, но привел людей, один из которых насмерть поразил норвежца.

Ему нужно было найти упавший метеорит. Без металла ему не удастся построить огромный корабль, прекрасным видением встававший перед его мысленным взором. Сейчас, во сне, когда он обсуждал с Лотаром фон Ритгофеном свои планы, с ними не было Джо Миллера; гигантопитека захватил в плен человек, в прошлой жизни правивший Англией. С низовьев Реки шла флотилия фон Радовитца, жаждавшего захватить метеорит, а с верховьев с той же целью плыли суда короля Джона. Войско Сэма оказалась зажатой между ними, словно между жерновами, и оно было слабее любого из противников. Надеясь освободить Джо Миллера, Сэм выбрал в союзники короля Джона.

Но его соправитель Эрик Кровавый Топор отказался признать этот альянс. Причин тому было несколько, но первой и главной являлась ненависть. Да, конунг норвежцев смертельно ненавидел Джо Миллера, единственного человека (если только Джо можно было назвать человеком), который внушал ему страх! К тому же Кровавый Топор полагал, что его люди способны выстоять и разбить наголову обоих противников, что было совершенно вздорным бахвальством.

Эрик Кровавый Топор был сыном Харальда Прекрасноволосого, объединителя Норвегии, при котором северные воины совершали многочисленные набеги на Англию и Ирландию. После его смерти в 918 году Эрик стал конунгом, но не обрел народной любви. Даже в те времена, прославившие суровыми, он выделялся ка-

кой-то особой и беспощадной жестокостью. Его сводный брат Хокон, с младенчества воспитывавшийся при дворе английского короля Ательстана, с помощью саксов поднял норвежские войска против Эрика. Кровавый Топор бежал в Нортумбрию, но по дороге драккары конунга были разбиты британцами.

Эрик не долго прожил после поражения; согласно норвежским хроникам он умер в 954 году при очередном набеге на южную Англию. По английским преданиям, его изназили из Нортумбрии, и он был убит в битве под Стейнмором.

Эрик заявил Клеменсу, что готов и здесь свести старые счёты.

В свое время Сэм примкнул к норвежцу, увидев в его руках железный топор — Эрик тоже искал железо, из которого была изготовлена его секира. Вместе с норвежцами Клеменс намеревался найти метеорит, построить огромное колесное судно и отправиться на нем к верховьям Реки. Он был не слишком нужен Эрику, но Джо Миллер, его неразлучный приятель, в битве стоил двадцати воинов, и это уравнивало шансы. Теперь король Джон захватил гигантопитека, и Клеменс опасался за жизнь друга — в той же степени, в которой жаждал не упустить из рук метеорит.

У него был еще один верный последователь — Лотар фон Ритгофен, младший брат «алого барона» фон Ритгофена, пилота и героя Первой Мировой войны. Лотар предложил прикончить Эрика, перебить его викингов, а потом договориться с Джоном и, объединив силы, отразить атаку фон Радовитца.

Сэм колебался; впрочем, он подозревал, что Эрик сам не готов покончить с ним, и это укрепило его решимость идти до конца. У Лотара на сей счет не имелось никаких комплексов: для него убийство изменника было не изменой, а актом правосудия. Будь Эрик Кровавый Топор верным товарищем — одно дело, но вероломство конунга казалось Лотару бесспорным.

И они нанесли удар первыми.

Да, по любому счету их деяние стоило бы оправдать, но, тем не менее, это был бесчестный поступок, и Сэм уже никогда не мог отделаться от чувства вины. Возможно, ему следовало бросить поиски метеорита и отказаться от своей прекрасной мечты.

В ту ночь группа под водительством Клеменса и фон Ритгофена подошла к хижине норвежца, которую охраняли шестеро викингов. За считанные мгновения стражи, застигнутые врасплох, были перебиты.

Эрик, нагой, разъяренный, метнулся из хижины с высоко поднятым топором, и Лотар поразил его ударом копья.

Со страхом и отвращением Сэм взирал на окровавленное тело, и лишь мысль о том, что все позади, придавала ему сил. Внезапно он почувствовал, что кто-то сжимает его лодыжку; он опустил глаза и с ужасом понял, что ему в ногу вцепились пальцы умирающего конунга.

— Отродье Локи! — слабым голосом, но вполне отчетливо произнес норвежец.

Этим прозвищем он нередко награждал Клеменса, слишком хитроумного по его мнению.

Затем конунг начал пророчествовать. Он говорил, что Клеменс построит свой корабль и поведет его вверх по Реке, но строительство и плавание будут полны горя, жестокости и потерь, а радость станет несчастным гостем в сердце капитана. И когда Сэм, преодолев долгий и тяжкий путь, почти достигнет желанной цели, он, Эрик, будет поджидать его в воротах Валгаллы. И он отомстит!

В ушах Сэма бесконечным рефреном звучали слова умирающего; вновь и вновь в памяти всплывала окутанная туманом окровавленная фигура поверженного врага, который в агонии цеплялся за его ноги. Подернутые пеленой смерти глаза конунга продолжали жечь его душу.

— Я найду тебя! Там, в неимоверной дали, я буду ждать корабль — и я убью тебя. Никогда ты не увидишь конец Реки и не возьмешь штурмом врата Валгаллы!

Даже когда его рука ослабла, похолодевший от ужаса Сэм не мог двинуться с места. Вместе с последним хрипом конунг выдавил:

— Помни, я жду тебя! — и его глаза потухли.

Позже Сэм смеялся над этим предсказанием: разве мог кто-нибудь предугадать будущее! Суеверный вздор, и только! Как викинг окажется у истоков Реки? Это было возможно лишь благодаря случайному и почти невероятному совпадению... Но если обуреваемый жадной мести норвежец и найдет его, то что он сможет сделать? Проводить взглядом с берега быстроходный корабль?

Однако в ночных же кошмарах Эрик преследовал Клеменса все годы. И Сэм в глубине души сознавал свой грех и страшился неотвратимого возмездия.

Творец Снов сменил декорации, и Клеменс обнаружил себя в какой-то хижине. Глубокая тьма, ночь, за стенами — ливень, сверканье молний, раскаты грома... Временами помещение освещали яркие вспышки, затем оно погружалось во мрак. Над ним маячила закутанная с головы до пят темная фигура, на месте головы — огромная сфера.

— Чему я обязан этим визитом? — Сэм почти дословно повторил вопрос — тот, который задал Таинственному Страннику при его втором посещении.

— Мы со Сфинксом играем в покер. Не желаете ли присоединиться?

Сэм проснулся. На огромном хронометре, висевшем на стене, высветилось время: 03.33. «Трижды возвещаю вам истину!» Лежавшая рядом Гвиневра, тяжело вздохнув во сне, пробормотала «Ричард!» и перевернулась на другой бок. Может быть, она видела во сне Бартона? Гвиневра встретилась с ним в семилетнем возрас-

те и лишь год сопутствовала страннику, но забыть его не могла; детская любовь все еще жила в ее душе.

В каюте царила тишина, нарушаемая лишь легким дыханием женщины да еле слышным шлепаньем гребных колес. Судно мерно содрогалось в такт их вращению; огромные электромоторы крутили колеса, неумолимо подталкивая корабль к цели. За его стенами и переборками на обоих берегах Реки лежали в дремотном забытии люди. Над половиной планеты нависла ночь, и почти девять миллиардов человек, живущих здесь, погрузились в сны. Куда они унесли свои жертвы? Одних — на Землю, других оставили в этом мире...

Какие видения являлись сейчас пещерным людям, ворочавшимся в тревожном полудреме? Тигр, мелькнувший в свете костра? Джо Миллеру часто снился ремонт, волосатый левиафан с круто изогнутыми бивнями: желанная добыча, пища для ненасытного желудка, шкура для навеса, кость для ожерелья... Иногда во сне он видел свой тотем, гигантского пещерного медведя; огромная мохнатая тень предка приходила к нему по ночам, поучала, как справиться с бедами. Иногда Джо казалось, что его ноги перебиты дубинками врагов. Под тяжестью восьмисотфунтового тела ступни гигантопитека стали плоскими, и за день он сильно уставал — ходить, подобно хомо сапиенсу, без помощи рук, было нелегко. Ему приходилось часто присаживаться, давая отдых своим натруженным ногам.

Сейчас Джо спал бок о бок со своей женщиной, высокой красавицей-славянкой, жившей когда-то в третьем веке от рождества Христова. Ей нравилось в нем все — и его массивность, и волосатость, и огромный нос, и пенис как у Гаргантюа, а еще — его нежная душа. Предаваясь с ним любви, она испытывала какое-то извращенное наслаждение при мысли, что существо рядом с ней — еще не человек. Джо любил ее, но часто видел во сне свою земную подругу и прочих самок своего племени, а порой, как все люди, — внушенный Создателем

Снов неясный образ, идеал, таившийся лишь в подсознании.

«Каждый человек подобен луне, чью обратную сторону никто не видит.» Так написал когда-то Марк Твен. И это верно! Но ночами Творец Снов, режиссер причудливых цирковых представлений, выпускал на арену зверей из клеток, канатоходцев, фокусников и коверных клоунов.

В своем последнем сне Сэмюэл Ленгхорн Клеменс оказался зале, где стояла огромная машина, наверху которой восседало его «альтер эго» — Марк Твен. Машина, чудовищный и таинственный механизм, припала громадным тараканом к земле, кругля спину и топорща тысячу ног и зубов. В широченной пасти сверкали клыки — аптечные склянки с надписью «змеиный яд»; ноги выглядели как металлические стержни с округлыми ступнями, на которых нанесены буквы.

Лязгая челюстью, скрипя стержнями, чудище шагнуло к нему. Марк Твен, возвышаясь на золотом, усыпанном бриллиантами седле, управлял им, передвигая рычаги.

Писатель, растрепанный седой старец с такими же седыми длинными усами, облаченный в белые одежды, рассматривал Сэма и, глумливо усмехаясь, давил на рычаги, направляя машину прямо на него, отрезая путь к бегству.

Сэм ощутил себя восемнадцатилетним, слабым, беззащитным. Сжимая ручку саквояжа, он бежит, бежит по кругу от преследующего его клацающего и скрежещущего чудовища; время от времени машина пятится, а Марк Твен пронзительно выкрикивает: «Вот страница из твоей собственной книги, Сэм!»; или: «Твой издатель шлет тебе привет, Сэм, и требует еще денег!».

Пронзительно вопящий Сэм — лишь мышка, преследуемая механическим котом. Куда бы он ни мчался, как ни изворачивался и подскакивал — все равно он попадется. Вдруг вся поверхность машины пошла ря-

бью, из ее пасти послышалось щелканье, ноги согнулись, и она осела. Переднее отверстие выплеснуло поток зеленоватых бумажек — тысячедолларовых купюр, что складывались штабелями у стен.

Штабеля росли, и вдруг зеленые пачки поплыли над машиной и обрушились на седло. Марк Твен неистово кричал: ему больно, больно, больно!

Как зачарованный, Сэм пополз вперед, с опаской поглядывая на застывшее чудовище. Он судорожно схватил одну из банкнот. «Наконец-то! — подумал он. — Ну, наконец-то!»

Деньги в его руке превратились в человеческие фекалии.

Взглянув вокруг, он увидел, что фекалиями стали все бесценные штабеля. Груды дерьма, и больше ничего!

Тут распахнулась невидимая доселе дверь, и в нее просунулась голова Роджерса, богача, выручавшего Сэма в его бедах, хотя тот и ополчался на богатейшие нефтяные компании. Сэм бросился к нему с криком: «На помощь! На помощь!»

Роджерс вошел в комнату. На нем была надета лишь красная безрукавка со свисающими полами; на груди сверкала надпись из золотых букв: «Вера — «Стандарт Ойл», остальное — Богу!»

— Вы спасли меня, Генри! — выдохнул Сэм.

Тот повернулся к нему спиной, и на его ягодицах мелькнула другая надпись: «Опусти доллар и нажми рычаг».

Неодобрительно взглянув на Сэма, Роджерс протянул ему лист исписанной бумаги — по виду, какой-то официальный документ.

— Подпишите, и я выпущу вас.

— Но у меня нет пера, — ответил Сэм. За его спиной вновь ожила машина; он не видел ее, но понимал, что она подкрадывается к нему. В проеме двери за спиной Роджерса зеленел прекрасный сад; в траве бок о

бок сидели лев и ягненок, а позади стояла Ливи и нежно улыбалась ему. На ней не было никакой одежды, но над головой она держала большой зонтик. Из-за цветов и кустарника выглядывали чьи-то физиономии; одно из них было лицом Сьюзи, его любимой дочери.

Чем же она занята? Явно чем-то таким, что было ему не по душе.

А что это за голые мужские ноги, торчащие из-за куста, за которым пряталась Сьюзи?

— У меня нет пера, — повторил Сэм.

— Вместо подписи я возьму вашу тень, — сказал Роджерс.

— Я уже ее продал.

Дверь за Роджерсом захлопнулась. Сэм яростно выругался.

На этом кончился ночной кошмар.

Где сейчас все они — Ливи, его жена, Клара, Джейн и Сьюзи — его дочурки? Какие им снятся сны? Есть ли в них место ему? И если есть, то какое? Где его любимый брат Орайон? А где брат Генри, чудовищно обгоревший при взрыве на пароходе «Пенсильвания»? Он промучился еще целых шесть недель в больнице Мемфиса... Сэм был там, страдал вместе с ним и проводил в палату, где Генри ждал неминуемый конец. Воскрешение, конечно, излечило сожженную кожу, но ничто не может исцелить его душевные раны — Сэм, прошедший дорогой страданий немало миль, прекрасно знал, что это так.

А где тот несчастный, вечно пьяный старый бродяга, погибший при пожаре тюрьмы в его родном городе? Сэму было тогда десять лет. Он проснулся от грохота набата и побежал к тюрьме.

На фоне пламени Сэм разглядел силуэт вопящего, цепляющегося за прутья человека, который тщетно пытался выломать решетку. Ключи от камер были лишь у начальника тюрьмы, а его разыскать не уда-

лось; пожарные тоже не сумели разбить прочную дубовую дверь.

За несколько часов до ареста старого бродяги Сэм дал ему несколько спичек, разжигать трубку. Не загорелась ли от одной из них его постель в камере? Сэм едва ли не посчитал себя виновным в страшной смерти несчастного бродяжки. Если бы он не пожалел его и не принес из дома спички, тот бы, наверное, остался бы в живых... Милосердный жест, минутное сострадание привели старика к гибели в огне...

А где Нина, его внучка? Девочка родилась после его смерти, и он узнал о ней от человека, прочитавшего когда-то некролог в «Лос-Анджелес Таймс» от 18 января 1966 года. «Памяти Нины Клеменс, последнего потомка Марка Твена»... У того парня была хорошая память, к тому же его очень заинтересовал сам Твен, и он припомнил содержание заметки.

Ко дню смерти Нине исполнилось пятьдесят пять лет. В одно из воскресений ее нашли в номере гостиницы где-то в районе двадцатых улиц за Северной авеню, в комнате, забитой аптечными пузырьками и бутылками из-под вина.

Ее друзья потом рассказывали, что она любила одиночество и нередко проводила уик-энд в номере какой-нибудь гостиницы. Большую часть жизни Нина провела одна. После развода с художником Роджерсом, за которого она вышла в 1935 году, она взяла себе фамилию Клеменс. Согласно метрике, Ника являлась дочерью Клары Габралович, единственной оставшейся в живых из трех дочерей Твена.

— Знаете, — добавил рассказчик, — она была верной последовательницей Христианской Науки.³ Вы слышали об этом?

— Откуда? Это для меня новость, — сказал Сэм.

³ Разновидность христианского вероучения
(прим. переводчиков)

Его собеседник улыбнулся, вспомнив, как Клеменс ненавидел это учение и даже написал разоблачительную книгу о Мэри Бейкер Эдди.

— Вы полагаете, она что-то унаследовала от вас?

— Избавьте меня от сеанса психоанализа, — сухо прервал его Сэм. — Клара меня боготворила, да и остальные дети — тоже.

— Тем не менее, в 1962 году, незадолго до смерти, она согласилась опубликовать ваши неизданные «Письма с Земли».

— Так их опубликовали? И как же была воспринята книга?

— Ее раскупали совсем неплохо. Впрочем, это сочинение было вполне пристойным, не правда ли? В нем нет ни богохульства, ни потрясения моральных основ... Но «1601», книга куда более смелая, тоже издавалась. В молодости мне пришлось доставать ее с великим трудом, но после 1968 года она уже была в широкой продаже.

Сэм покачал головой.

— И что же, дети могли ее купить?

— Нет, но многие ее читали.

— Как меняются времена!

— Разумеется; меняется все или почти все. Судите сами: в некрологе сказано, что ваша внучка была непрофессиональной художницей, певицей и актрисой-любительницей. Кроме того, она увлекалась фотографией и сделала массу снимков своих приятелей, барменов, официантов, прохожих на улице. Она писала автобиографическую книгу «Жизнь в одиночестве» — само название уже говорит о многом: жалкие потуги на литературу. Ее друзья утверждали, что это была совершеннейшая бессмыслица, но есть страницы, отмеченные печатью вашей гениальности.

— Я всегда считал, что нам с Ливи нельзя иметь детей... мы были слишком нервными, возбудимыми.

— Нина не страдала от бедности. От матери она унаследовала солидное состояние, около восьмисот тысяч долларов, если мне не изменяет память. Кроме того, она получала доход с изданий ваших книг, так что после ее смерти осталось около полутора миллиона долларов. И при этом она была одинока и несчастна... — Рассказчик помолчал. — Да, еще одно... Ее тело перенесли на кладбище Элмайр в Нью-Йорке — «для похорон в семейной могиле, рядом с ее великим дедом, чье имя она носила». Так было сказано в некрологе.

— Не я виновен в ее судьбе, — покачал головой Сэм. — Это вклад Клары с супругом.

— Но ведь вы с женой сформировали характеры ваших дочерей, и Клары в том числе.

— Да, но мой характер передали мне родители, а им — их отец и мать. Так легко добраться до Адама и Евы и переложить всю ответственность на их плечи. Но их-то создал Бог! Вот кто должен отвечать за все и вся!

— Нет! Я — человек, обладающий свободой воли!

— Послушайте, друг мой, — начал Сэм. — Когда первая живая клетка всплыла на поверхность древнего моря, когда она ощутила жизнь и, разделившись, породила вторую клетку, когда, таким образом, была запущена бесконечная вереница рождений и смертей, уже в тот изначальный момент бытия наша встреча и эта беседа оказались предопределены. Это мысль, не совсем в точном изложении, содержалась еще в моей книге «Что есть человек». Ну, и что вы об этом думаете?

— Пустая болтовня и ничего больше.

— Вы ничего иного и не могли сказать: это предопределено.

— Вы жалкий тип, мистер Клеменс, позвольте сказать вам об этом прямо.

— Ну, что же, ваше право, но вряд ли вам помогут подобные высказывания. Кстати, кто вы по профессии?

Собеседник удивился.

— Какое это имеет значение? Ну, я занимался торговлей недвижимостью. Кроме того, много лет я был членом школьного совета.

— Позвольте мне еще раз процитировать себя самого: «Сначала Бог создал идиотов, но лишь для разминки. Затем Он создал школьные советы».

Сейчас Сэм ухмыльнулся, вспомнив выражение лица своего собеседника.

Он сел в постели. Гвиневра продолжала мирно спать.

Клеменс включил свет и увидел улыбку на ее лице, озаренном выражением какой-то детскости, непорочности. Но ее тело, высокая полуобнаженная грудь и пухлые чувственные губы были такими манящими, что вызвали в нем почти непреодолимое желание близости. Он уже совсем было собрался разбудить ее, но передумал. Надев кильт и рубаху, Сэм водрузил на голову свою капитанскую фуражку, взял сигару и вышел из каюты, неслышно прикрыв за собой дверь. В дальнем конце теплого и светлого коридора стояли два вооруженных охранника. По пути к лифту он зажег сигару и, перебросившись парой слов со стражами, вошел в кабину.

Нажав кнопку, Сэм сквозь сдвигающиеся двери заметил, как охранник бросился к телефону — предупредить рулевую рубку о том, что Ла Боссо — босс — направляется вверх. Кабина миновала жилую палубу, где находились каюты большинства офицеров, и скользнула выше; вахтенные следили за ее подъемом по местной видеосвязи. Наконец двери снова раздвинулись, и Сэм вошел в рубку.

— Отлично, парни! — сказал он. — Вижу, у вас тоже бессонница.

В рубке было трое мужчин. Рулевой, зажав в зубах сигару, небрежно поглядывал на щит управления. На Земле Аканде Эрин, огромный дагомеец, тоже водил речные суда. Он славился как невероятный лжец; по-

жалуй, Сэм такого и не встречал в жизни. Третий помощник капитана, шотландец Кэлвин Грегор, не уступал Аканде в опыте: он сорок лет плавал в прибрежных водах Австралии. Младший лейтенант Диего Сантьяго был выходцем из Венесуэлы семнадцатого века.

— Самое время проверить вашу бдительность, — Сэм усмехнулся.

— Ну, продолжайте в том же духе!

На небе не было ни облачка. Оно ярко сверкало, будто освещенное божественным пожаром, возгоревшимся от рук Великого Поджигателя, Творца миров, времен и пространств. На сонную долину падал мягкий свет, в нем смутно проступали очертания строений и судов по обоим берегам. Даль терялась в темноте; лишь кое-где мелькали огни на сторожевых вышках. Казалось, весь мир погрузился в сон. На фоне светлого неба темнели силуэты холмов с огромными железными деревьями, возвышавшимися над лесом. Вдали виднелись вершины гор. Сверкали волны Реки, озаренные отблеском звезд.

Сэм вышел из рубки и остановился у поручней. Дул прохладный ветерок, развевавший его пушистые волосы; сейчас, стоя на палубе, он ощущал себя неотъемлемой частицей своего судна, живой клеточкой его плоти и крови. Вспенивая волны, «Ненаемный» стремительно шел вперед, его огромный флаг реял над мачтой, и с каждой минутой корабль неуклонно приближался к цели своего плавания — к Оси Мира, его центру, к Темной Башне. Сэм явственно ощутил, как от ног его произрастают корни, ростки, проникающие сквозь корпус судна, стремящиеся вниз, в мрачные воды. Они касаются страшных чудищ, таящихся в глубинах, опускаются в грязное месиво дна, достигают суши и мгновенно — со скоростью мысли! — вонзаются в нее, прорастая виноградной лозой, проникая в плоть всего сущего, каждого человеческого существа в этом мире. Вот они, извиваясь, пробиваются вверх сквозь крыши хижин и

взмывают к небесам, пронизывая Вселенную ростками, обвивающими все планеты, где существует жизнь, опутывая все живое. Новые же ростки устремляются во тьму, где нет ни материи, ни времени, ни пространства, но лишь всемогущий Бог.

В ту минуту Сэм не испытывал одиночества; он был неотъемлемой Его частицей, атомом порожденной Им Вселенной. И в тот миг он познал Бога.

Тотчас же Сэм Клеменс и Марк Твен воссоединились в нем, слились воедино, нераздельно, навеки.

Но тут его иступленное видение стало дрожать, смещаться и наконец распалось.

Сэм радостно засмеялся. Как бы то ни было, несколько секунд он испытывал экстаз, несравнимый даже с восторгами любви, моментом высочайшего накала чувств и для него, и для большинства людей — который, увы, зачастую сменяется разочарованием.

Теперь он вновь стал самим собой, а Вселенная — лишь внешним миром.

Он вернулся в рубку. Эрнн, чернокожий штурман, с интересом взглянул на него.

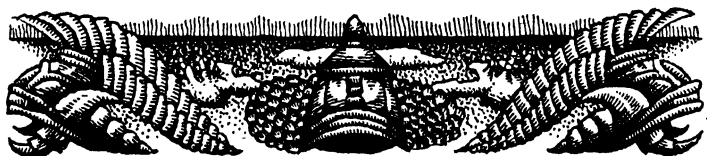
— Похоже, вас навели духи, капитан?

— Кажется, я странно выгляжу? Да, должен признаться, навели.

— И что же они вам поведали?

— Что я — все и ничто... Когда-то мне довелось усышать такие же слова от одного деревенского сумасшедшего.

ГЛАВА 5

МОНОЛОГ БАРТОНА

Всю ночь, окутавшую берега густым туманом, Бартон не находил себе месте. Его мучила бессонница, он бесцельно бродил взад и вперед по палубе в тщетной надежде уйти от самого себя.

— Будь я проклят! Будь проклято это вечное стремление перебороть собственную натуру! Будь у меня птичьи мозги, я остался... остался и попробовал потягаться с ней... Но лишь Иаков в силах одолеть моего ангела-заступника! Впрочем... я-то и есть Иаков, и у меня переломан хребет, а не только бедро. Я — Иаков-автомат, механический ангел, дьявол-робот! От окна к небесам должна тянуться лестница, но я не могу ее узреть.

Судьба — лишь случайность... Впрочем, свою я создавал сам. Нет, не так — создавал, подгоняемый дьяволом! Скаюсь, он таился в темном углу, и лишь только я протягивал руку к желанной добыче, как он хватал и прятал ее от меня.

А мой неукротимый нрав! Как часто он подводил меня, и, словно издеваясь, мчал куда-то вслепую...

Эй, где ты там, Ричард Френсис Бартон? Где ты, грубиян Дик, черномазый Дик, как звали меня в Индии соотечественники? Жалкие посредственности, безмозглые свиньи, что ковыляют по наезженной тропе... им и дела не было до местных жителей, они их просто не замечали... лишь бы переспать с женщиной, нажраться повкуснее, выпить послаще да сколотить состояние, если удастся. После тридцати лет жизни в го-

родах этой «жемчужины короны» они даже не умели говорить на ее языке... Жемчужина, ха! Зловонный очаг заразы! Холера с ее сестрицами! Черная оспа с братьями! Все индусы и мусульмане хихикали за спиной «настоящих сахибов». Англичане даже женщину трахнуть как следует не умели, и те издевались над ними... да, издевались, и после ухода сахиба шли к своим, чтобы получить истинное удовольствие...

О неизбежности восстания сипаев я предупреждал Лондон еще за два года, но там смеялись надо мной... Надо мной! Единственным, кто знал индуизм и мусульманство!

Он остановился на верхней ступеньке трапа. Вдали мелькали огни; с берега, не потревожив плотной пелены тумана, донесся шум веселой пирушки.

— Черт возьми! Они там смеются и флиртуют, и не думают о том, что всех нас поджидает гибель. Мир рушится, и за поворотом Реки каждого подстерегает всадник на черном верблюде. Безумцы! Да и я, впрочем, не лучше...

И здесь, на этом корабле дураков, сейчас мирно почивают мужчины и женщины — те, кто в часы бодрствования плетут заговор против меня, против всех рожденных на Земле... Нет, все мы равны, все — дети Вселенной, граждане космоса! Я плюю через поручни. Плюю в туман... Внизу течет Река. Она унесет эту частицу моей плоти и никогда не вернет, разве только измененной, в виде воды... аш-два-о... Дважды нонсенс! Глупо? Нелепая мысль? Ну, а разве не все наши мысли нелепы? Их несет потоком, как бутылки с посланиями, брошенные в море при Великом потопе... А если им удастся застрять в под черепом — под моим черепом! — то я уже воображаю себя их создателем. Но, может быть, существует определенное притяжение между некоторыми душами и некоторыми мыслями, и мыслителю достается лишь то, что попало в его личное поле... Индивидуум же пятнает случайную находку своими ис-

пражнениями, гордо воображая, что он — ее творец... О, нет, нет! Мои мысли — останки кораблекрушения, я же — лишь риф, на который их выносят волны!

Подбряд, какие сны тебе снятся? Башня? Твой дом? Кто ты — таинственное нечто или человек, порождение Земли? Или же — и то, и другое?

Корабль плывет вверх по Реке тридцать три года, и я провел на нем уже четырнадцать лет... я — командир десантников этого выродка, этого коронованного осла — короля Джона... Вот и прямое свидетельство моего смирения!

Однажды мы прибыли в Вироландо... Да, «Рекс» остановился в легендарном Вироландо, и мне удалось потолковать с этим Ла Виро, Ла Фондито, папой Церкви Второго Шанса. Второй Шанс — пресвятая Богородица! Предложившие его сами все потеряли! Попались в собственные силки! Подняли шум из-за пустяка, из-за того, что французы называют «малый грех». Микс утверждает, что у нас остался лишь один шанс — мочиться против ветра.

А там, на берегах Реки, миллиарды спящих людей... Может быть, где-то среди них и Эдвард, любимый мой брат... Блистательный был человек! Но в один злосчастный день какой-то головорез проломил ему череп, и за сорок лет жизни он больше не произнес ни единого слова... Тебе, Эдвард, не стоило тогда ехать охотиться на тигра... Тигром оказался индус, готовый при случае избить и ограбить англичанина. Впрочем, они и со своими не церемонились...

Что сейчас с тобой, Эдвард? Твои страшные боли исцелены, и ты вновь разговариваешь, как в былые времена? Или все еще нет? О, Лазарь! Тело твоё сгнило, и нет возле тебя Иисуса, чтобы возгласить: «Восстань!»

А мать? Где же она? Наивная женщина... уговорила моего деда отдать причитающуюся ей часть состояния порочному брату... Дед решил иначе распорядиться

деньгами, хотел оставить их мне. Он отправился к адвокату, но по пути скоропостижно скончался, и мой дядюшка промотал деньги по французским игорным домам. Я же не мог приобрести даже скромного патента на офицерский чин, у меня не было средств для научной работы, а потому я и не стал тем, кем мог бы стать...

Спек! Спек, мерзавец! Подонок, негодяй, верблюжье дерьмо!

Ты обманул меня — в той экспедиции, когда мы искали истоки Нила!

Ты обманул Англию, пообещав, что не обнародуешь наши открытия, пока я не доберусь до места... И ты оболгал меня! Но тебе пришлось заплатить сполна и пустить себе пулю в лоб. От совести не уйдешь! А как я тогда рыдал... ведь я любил тебя, Спек! Как я рыдал!

Ну, а если б наши пути снова пересеклись? Ты бы постарался избежать встречи? Уверен, тебе не хватило бы мужества протянуть мне руку... Иуда! Неужели мне надо поцеловать тебя, как Иисус некогда целовал предателя? Ну уж нет! Даже на полпути восхождения на Голгофу я дал бы тебе хорошего пинка под зад!

— Меня поразила болезнь, страшное клеймо Африки. Но я выздоровел и добрался до истоков Нила! Я, а не Спек, этот шакал, эта гиена! Простите меня, братец Шакал и сестрица Гиена... Вы — обычные хищники, лишь символы зла и мерзости... Спек же не стоит и поцелуя в задницу.

Но как я рыдал!

Истоки Нила, истоки Реки... Потерпев неудачу один раз, преуспею ли я на другой?

— Моя мать никогда не нежничала с детьми — ни со мной, ни с Эдвардом, ни с Марией. Она вела себя наподобие гувернантки...

Впрочем, нет, наша бонна, существо любящее, дарила нам куда больше участия...

Мужчина таков, каким его создает мать.

Нет! Что-то таилось в душе... что-то, позволявшее смириться с отсутствием любви, быть выше равнодушия... Оно владело мною, вело и направляло... куда же?

Отец... но можно ли было звать его отцом? Нет, не отец, лишь виновник рождения... Задыхающийся мрачный ипохондрик, начисто лишенный юмора, навсегда приговоривший себя к скитаниям. Где же был наш дом? В чужих землях? Вечно озабоченный своим здоровьем, ты так его и не обрел... Как мы томились при твоём пробуждении, хотя около нас хлопотала нянька и домашний учитель, вечно пьяный ирландский священник... Ну, задыхайся и дальше, черт с тобой! Впрочем, тебя вылечили неведомые создатели этого мира. Не так ли? Но сумели ль они справиться с твоей ипохондрией? Ведь это же не болезнь легких, а рак души...

Там, на озере Танганьика, я попал в зубы дьявольской болезни. В бреду я видел только себя — и поносил, насмехался, глумился над собой. Этот больной Бартон ненавидел не только весь мир, но прежде всего — себя...

— Ничто не могло остановить меня, и я пошел... нет... пошел Спек... он... он, ха-ха! Я хохочу, и пусть пугаются весельчаки на берегу и просыпаются сонливцы. Смейся, Бартон, смейся, ты, паяц! Этот янки, мозгляк Фригейт, говорит, что это именно меня признали первооткрывателем, а ты, предатель, остался безвестным... Я, я, а не ты, негодяй! Оправдали меня — не тебя!

Чертовски не повезло, что я не родился французом... Не пришлось бы восставать против английских предрассудков, английского пуританства, английской твердолобости! Я бы... Ладно, я не рожден французом, хотя и происхожу от внебрачного сына Людовика XIII, короля-Солнце... Вот кровь и заговорила...

Что за кровавая ерунда! Заговорила кровь Бартона, а не Людовика!

Я странствовал без усталости, сбивая ноги. Но «омни солум форти патриа» — дом человеческий — повсюду. Первым из европейцев я вошел в запретный город Харар и вышел живым из этой эфиопской преисподней... Я совершил паломничество в Мекку под именем мирзы Абдуллы Бушири и написал о нем правдивую книгу, самую знаменитую из моих книг... Я — и только я! — открыл озеро Танганьика. Мною написано пособие по штыковому бою для британской армии. Именно я...

Да что я расхвастался перед самим собой? Важно не то, что совершено, а то, что хочешь совершить.

— Айша, Айша! Моя персидская красавица, первая и единственная любовь моей жизни! Мне бы отречься от мира сагибов, от британского подданства, стать персом и жить с тобой до смертного часа... Но тебя предательски умертвили, Айша! Я же лишь отомстил за тебя: своими руками убил отравителя и закопал его тело в пустыне... Где же ты, Айша?

Не знаю... Но если мы и встретимся вновь — то что же? Утраченная любовь — мертвый лев, гниющий в саванне...

Изабелла, жена моя... Женщина... Да любил ли я ее когда-нибудь? Конечно, я испытывал к ней привязанность, но любовь была отдана Айше, а сейчас — Алисе. «Встань, сложи вещи и следуй за мной», — говорил я Изабелле, отправляясь в очередное странствие, и она подчинялась мне беспрекословно, как рабыня. Я был ее героем, ее богом!

Она составила для себя свод правил идеальной жены. Когда я состарился, опустился, стал равнодушным к неудачам, она превратилась в мою няньку, опору, защитницу... в моего стража.

А что, если я вновь встречу эту женщину, сказавшую как-то, что ни на Земле, ни в Раю не полюбит другого? Правда, этот мир далеко не рай... Что ей сказать? Здравствуй, Изабелла, как давно мы не виделись?.. Нет, скорее, я сбегу, как последний трус. Хотя...

Трап в машинное отделение... Может быть, сегодня дежурит Подебрад? Нет, пока мы не доберемся до верховьев Реки, нельзя вступать с ним в единоборство...

— Вон в тумане движется какая-то фигура... Кто это — агент этиков? Или отступник Икс, крадущийся в зыбкой мгле, вечно скитающийся повсюду, неуловимый и непознаваемый, как понятия времени и вечности — ничто и нечто...

Мне бы следовало окликнуть его... Но он — она? — исчез...

Я узрел Бога между сном и пробуждением, между смертью и воскрешением. «Ты обязан мне плотью», — заявил этот старый бородатый джентльмен... В другой же раз он потребовал: «Плати свои долги!»

Платить, но за что? И какова же цена? Я не требовал тела и не молил о рождении... И жизнь, и плоть даются даром.

Мне бы стоило задержать Его и спросить, обладает ли человек свободой воли или же все его действия или бездействие тоже predetermined. Точно по расписанию Брэдшоу: отправление туда-то в 10.32 и прибытие в 10.40 по такому-то пути... И если я лишь состав на Его дороге, то никакой ответственности за свои деяния не несусь. Я не совершал ни доброго, ни злого и за не ответственен за содеянное, добро и зло вне свободной воли не существует.

Но я не спросил Его... Да если бы и сделал это, сумел ли бы я осознать Его понятия о смерти и бессмертии, predeterminedности и случайности, детерминизме и индетерминизме? Человеческий разум не способен их охватить, и в том состоит заблуждение Бога — если он, разумеется, существует.

— Когда я исследовал провинцию Синд в Индии, то столкнулся с суфиями, с учителями суфизма... Наблюдая за ними в Синде и Египте, я убедился: каждый из них провозглашает себя божеством. Тогда я понял, что крайний мистицизм граничит с безумием.

Нур-эд-Дин-эль-Музафар утверждает, что я не сумел разобраться в их учении. Да, есть плуты и обманщики, есть отступники.... Но утверждающий себя Богом, не толкует это буквально; он становится лишь его частицей, но не самим Богом.

Великий Господь! Я проникну в самое сердце, в глубины таинств и тайн! Я — живой карающий меч, но не совершу убийства и поражу лишь кромкой, не острием.

И если мне удастся отыскать дорогу к магическому лабиринту, то я найду нить, ведущую к чудовищу, что скрывается в самой его сердцевине. Где эта нить? Не в руках Ариадны, конечно... Я должен сам стать и нитью, и Ариадной, и Тезеем. И еще... почему бы не додумать до конца... я ведь и есть лабиринт.

Не совсем так, вернее, совсем не так. В дуэли человека с богом слегка задеть — такая же удача, как нанести точный удар.

Повредить кожу не менее важно, чем поразить глаз быка...

Плох меч, что не заточен, не сбалансирован... Это относится и ко мне. По словам Фригейта, на Земле считалось, что природа дала себе волю, вложив в меня не один, а тридцать блистательных талантов. Зато я лишен мудрой уравновешенности и совершенно неуправляем. Нечто вроде оркестра без дирижера или корабля без компаса. Я бы назвал себя несфокусированной вспышкой света.

Если я не могу совершить чего-то первым, я этого не совершу.

В человеке меня привлекает лишь аномалия и извращенность, дикость, но не божественные начала его натуры.

Сам я достаточно образован и никогда не приемлю мудрости, мало вкусившей от знания и искусства и лишённой эрудиции.

Это пагубное заблуждение! Так можно оказаться правым, но лишь единожды.

Бартон продолжал слоняться по палубе, не зная, на чем остановить глаз; он двинулся по коридору, задержавшись у одной из дверей. За ней должны быть Фригейт и Логу, если она уже вернулась с танцев в гостиной. Сейчас они опять соединились, сменив за четырнадцать лет череду возлюбленных. Вряд ли бы она смогла выносить его все эти годы, но сейчас он завоевал ее вновь, и пусть это уже другой Фригейт, не тот, кого она любила когда-то, но он делит с нею ложе. Во второй раз.

Он двинулся дальше и заметил темную фигуру, мелькнувшую в полосе света, падавшего из люка. Кто это — Икс? Или еще одна жертва бессонницы? Кто из них?

Он продолжал свои блуждания. Куда ты попал, Бартон? Странствуешь не в гигантском мире, а мечешься в карликовом пространстве речного судна...

Алиса вновь жила в его каюте. За эти четырнадцать лет она дважды уходила и дважды возвращалась к нему. Сейчас — уже навсегда. Вероятно, так; и Бартон был рад ее возвращению.

Он спустился на следующую палубу и взглянул вверх, на слабый свет, что просачивался из рулевой рубки. Колокол ударил четырнадцать раз — два часа ночи.

Все! Пора лечь в постель и попытаться штурмом одолеть цитадель сна.

Он выглянул в люк. Порыв холодного ветра на мгновение сдул пелену тумана с верхней палубы, и Бартону показалось, что там, далеко на севере, в серой мгле проглянула вершина Башни. В ней таятся — или таились? — этики, существа, присвоившие себе право воскрешать мертвых помимо их воли.

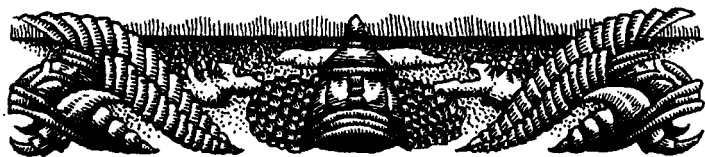
Владеют ли они ключом к тайне? И они не знают всего... Само бытие, создание мира, пространство и бесконечность, время и вечность — суть тайны, неразрешимые вечно...

А вдруг и это знание им подвластно?

Что же заключено там, в Башне, или в глубоком подземелье под ней? Механизм, преобразующий метафизическую сущность в физическую? Человек способен управлять физическими явлениями, даже не зная истинной природы нематериального. Ему неизвестна подлинная сущность электричества, но он приспособил его к своим нуждам.

Бартон погрозил кулаком в сторону севера и отправился в постель к Алисе.

ГЛАВА 6

НА БОРТУ «НЕНАЕМНОГО»: НИТЬ СОБЫТИЙ

Сначала Сэмюэль Клеменс всячески избегал Сирано де Бержерака. Чуткий француз моментально уловил скрытое отчуждение, но никак не проявил обиды. Он вечно улыбался и посмеивался, с капитаном же был всегда приветлив и вежлив, будто их ничто и никогда не разделяло.

Лишь через несколько лет Сэм изменил свое отношение к человеку, бывшему возлюбленным его земной супруги. У них обнаружилось много общего: жгучий интерес к людям и техническим новшествам, любовь к искусству, неизменное отвращение к истории, ненависть к лицемерию, неприятие темных сторон религии и воинствующий агностицизм. И хотя Сирано не случилось бывать на берегах Миссисипи, он вполне разделял с Сэмом вкус к саморекламе.

Однажды в тиши своей каюты Клеменс предавался спору со своим «вторым я» — Марком Твенем — об отношении к де Бержераку. В конце концов он признал (как в глубине души признавал это всегда), что был несправедлив к Сирано. Не вина француз, что Ливи влюбилась в него и, встретив Сэма, отказалась с ним расстаться. Нет, во всем повинна Ливи; вернее, ее толкнул к такому шагу природный темперамент и тяготевшие над ними обоими воспоминания о земном прошлом. Сэм тоже действовал согласно своему характеру: так сказать, под влиянием личного астрального знака и сложившихся обстоятельств, когда выявились иные стороны личности его жены, всплывшие из глубин. К

сему присовокупился и весь клубок событий, случившихся в этом Мире. В конце концов, Сирано совсем неплох. Он привык к ежедневному душу, научился следить за ногтями и мочиться в туалете, расположенном в дальнем конце коридора.

Сэм твердо верил, что сам он лишь одушевленный автомат, что все его действия запрограммированы однажды и навсегда, и, в силу того, плохо разбирался в себе самом. Правда, иногда эта слепая вера в предопределенность казалась ему лишь уловкой для оправдания вины в определенных обстоятельствах; если так, то, значит, его свободная воля — лишь камуфляж непричастности ко всему содеянному им, доброму или дурному. И все-таки детерминизм дарил человеку иллюзию свободы.

Как бы то ни было, но Сэм начал общаться с Сирано, простив ему то, что в прощении не нуждалось.

В один из дней Сэм удостоил француза высшего доверия, пригласив в компанию, обсуждавшую «дело Икса». Там были: Гвиневра (подруга Сэма), Джо Миллер, де Марбо и Джон Джонстон. Последний — огромный детина ростом в шесть с половиной футов, весил двести шестьдесят фунтов, но при этом не казался тучным. Темно-рыжие волосы густо вились на его могучей груди, длинные ноги и руки с широченными кистями казались лапами гризли. Он холодно поглядывал на собравшихся голубыми как лед зрачками, но Сэм знал, как теплели эти глаза при встрече с истинным другом. Джон родился в Нью-Джерси в 1828 году в семье шотландских переселенцев. Возмужав, он в 1843 году переехал в горы и стал траппером; через несколько лет он был уже легендарной фигурой даже среди неукротимых горцев. Известности Джон добился еще раньше в связи с происшедшей с ним историей. Банда молодых негодяев из племени кроу убила его беременную жену-индианку; Джон поклялся отомстить. Он перебил множество врагов, и тогда вожди кроу послали отряд

из двадцати воинов, чтобы прикончить его раз и навсегда. Индейцам было запрещено возвращаться к вигвамам родного племени, пока они не довершат дела. Вскоре один из них попал в руки Джонстона; тот убил его, вырезал печень и съел.

С тех пор к нему приклеилось прозвище «Пожиратель печени» или «Убийца кроу». Но народ кроу был весьма мудрым и уважаемым, породившим много могучих и славных воинов, а потому Джон со временем прекратил враждовать с ним. В те годы он уже являлся вождем племени шошонов.

Джонстон умер в 1900 году в Лос-Анжелеском госпитале для ветеранов и похоронен на местном кладбище. В 1970 году жители, вспомнив о беспокойном человеке, досаждавшем своим соседям на пятьдесят миль в округе, решили перенести его прах в Колорадо. Там и перезахоронили его останки.

«Пожиратель печени» не единожды клялся, что никогда не убивал белых людей — ни здесь, ни на Земле. Даже французишек! Поначалу де Марбо и Сирано, слыша подобные высказывания, весьма напряженно поглядывали на траппера, но текло время, умиротворяя страсти, и вскоре их чувства к могучему горцу переменились.

Собравшиеся в каюте выпивали, курили сигареты и сигары, лениво перебрасываясь незначущими фразами. Наконец Сэм прервал болтовню, перейдя к волнующей всех теме.

— Я намерен поделиться некоторыми соображениями о человеке, называвшем себя Одиссеем, — начал он. — Помните, я о нем рассказывал? Он пришел нам на помощь во время сражения с фон Радовитцем, убив из лука и самого вождя, и его помощников. Он утверждал, что является царем Итаки, о котором сложено столько легенд и который был воспет Гомером.

— Никогда его не знавал, — заявил Джонстон, — разве что с ваших слов.

— Так вот, он тоже общался с этиком и был послан Иксом нам на подмогу. Некоторое время он околачивался в Пароландо, а потом вдруг исчез, будто испарился.

Мне представляется весьма любопытной его особая версия о ренегате. Тот, кто разговаривал со мной, был мужчиной — во всяком случае, его голос звучал как мужской, хотя я прекрасно понимаю, что его можно изменить. Но Одиссей заявил, что этик — женщина!

Сэм выпустил густую струю дыма и уставился на орнамент потолка, будто там таился ответ на загадку.

— Что же из этого следует?

— Все, что угодно: он мог сказать правду или солгать, — рассудительно заметила Гвиневра.

— Верно! Дайте в награду этой прелестной и мудрой женщине хорошую сигару! Итак, либо существуют два отступника-этика, либо этот самозванный Одиссей — лжец. Если он лжец, то тогда он и есть навестивший меня этик-ренегат; он же посетил и Сирано, и Джона. Если же он сказал правду, то почему Икс не упомянул о своей соучастнице-женщине? Это весьма важный момент! Я понимаю, у него не было времени, он спешил, опасаясь слежки других этиков, но тем не менее этот пункт столь серьезен, что умолчать о нем никак нельзя.

— Но зачем ему лгать? — недоуменно спросил де Марбо.

— А вот зачем, — Сэм ткнул сигарой вверх. — Он знал, что этики могут схватить любого из нас, и тогда им достанутся ложные сведения. Это их собьет с толку и заставит насторожиться. Как, целых два изменника в их рядах? Сплошной туман! И даже если они подвергнут нас проверке на детекторах лжи, то обнаружат, что мы не соврали. В конце концов, мы же поверили истории Одиссея... Впрочем, правильней сказать — истории Икса. Это был верный способ спутать карты преследователей. Вот так! Что вы на это скажете?

Наступило молчание, затем раздался голос Сирано.

— Но ведь мы-то видели этика и знаем, как он выглядит!

— Ну, это еще не доказательство, — вмешалась Гвиневра. — Я уверена, у него масса возможностей менять свою внешность.

— Несомненно, — признал Сирано, — но может ли он менять рост и сложение? Одно дело — цвет волос или глаз, или еще что-то в этом роде, но...

— Мне кажется, мы может сойтись на том, что он был небольшого роста и весьма плотного сложения, — снова заговорил Сэм. — Таким образом, исключается версия о женщине-этике. Я, по крайней мере, совершенно в этом уверен.

— А может, — предположил Джонстон, — это был агент, который обнаружил нашу связь с Иксом и решил нас прощупать?

— Не думаю, — мотнул головой Сэм. — Если бы существовал такой осведомленный агент, то мы оказались бы у этиков быстрее, чем кандидат на выборах успевает продать свою матушку в обмен на лишние голоса. Нет, Одиссей — определенно Икс.

— Но, — опять вмешалась Гвиневра, — тогда все... все может оказаться значительно сложнее. Вспомните, как Джил Галбира описывала внешность Торна. Он во многом напоминает Одиссея! А что вы скажете о немце Штерне, пытавшемся убить Файбраса? Кто же он? Если агент, то значит — коллега Файбраса, которого мы тоже считаем агентом. Вероятно, он настроен против Икса и не мог попасть в Башню раньше него. Нам же Файбрас врал, что он — один из избранных Икса, а на самом деле...

— Нет, то есть, я хочу сказать — да, — прервал ее Сирано. — Файбрас — определенно агент этиков. Но вот почему он им не донес на нас, зная столь многое?

— А потому, — разъяснил Сэм, — что в силу неведомых нам причин он не мог общаться с этиками. Возможно, это связано с какими-то возникшими в Башне

осложнениями, но доподлинно я не могу сказать, почему. Мне кажется, что к моменту исчезновения Одиссея Икс все делал, чтобы разрушить проект этиков. Поначалу мы ничего не замечали. О том, что воскрешения прекратились, нам стало известно, когда «Ненаемный» был уже в плавании, в Пароландо же нам казалось, что это лишь местные и частные случаи.

— Хмм... — протянул Сирано. — Но ведь воскрес же Герман Геринг после его убийства людьми Хаскин-га! Кстати, вот уж странный тип!

— Он был подстрекателем, вот так, — заявил Сэм. — А что касается Файбраса, то он, вероятно, предупредил этиков, но те запретили ему что-либо предпринимать и велели заняться разведкой. Может быть, ему надлежало найти ренегата и помочь остальным его подловить... Не знаю... Впрочем, не удивлюсь, если Файбрас замышлял какую-то гадость на тот случай, если Икс снова появится... Только тот уже никогда не пришел...

— Мне представляется, — все так же задумчиво сказал Сирано, — что, покинув Пароландо, Одиссей попал в сложную переделку.

— Тогда почему же он не вернулся к нам вновь под видом Одиссея?

Француз пожал плечами.

— А потому, что он пропустил «Ненаемного»! — выпалил Сэм. — Мы прошли мимо него ночью. Но ему стало известно, что Файбрас строит дирижабль для полета на север. Это его устраивало куда больше, чем добираться к Башне кораблем. Но Одиссей, царь и стрелок из лука, не мог рассчитывать на место в экипаже воздушного корабля; поэтому он явился в Пароландо под видом канадского пилота Барри Торна.

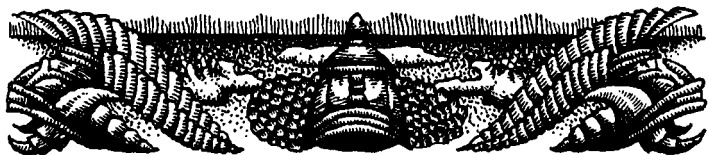
— Ну, а я? — приподнял бровь Сирано. — Я ведь тоже выходец из весьма архаических времен, но я стал пилотом «Парсифаля»! А Джон де Грейсток, родив-

шийся в еще более раннюю эпоху, командовал малым дирижаблем.

— И все-таки, — настаивал Сэм, — шансы Икса попасть на «Парсифаль» значительно возросли бы, если б он представился аэронавтом. Вот только меня очень занимает, где же эдик мог набраться опыта? Откуда он разузнал все о дирижаблях?

— Чтобы знать все обо всем во все времена, нужно жить долго, очень долго... Или же быть бессмертным, — заключила беседу мудрая Гвиневра.

ГЛАВА 7

ПРОШЛОЕ ГЕРИНГА

Весь в холодном липком поту, Герман Геринг, медленно приходил в себя от сна. Спросонок он продолжал бормотать по-немецки: «Да, мой фюрер! Да, мой фюрер!»

Грохочущая картина боя постепенно расплывалась, теряла очертания; черный пороховой дым, ворвавшийся в разбитые окна и трещины в стенах, понемногу светлел, потом исчезли сами окна и стены.

Басы русской артиллерии, звучащие контрапунктом пронзительному альти фюрера, затихали, зловеще рыча. Еще один смутно осознанный им звук доносился с другой стороны — гул моторов американских и английских бомбардировщиков.

На смену мраку ночного кошмара пришла ночная тьма Мира Реки.

Но в ней он чувствовал себя совершенно покойно. Удобно вытянувшись на спине в бамбуковой постели, он коснулся теплой руки Крин; она слегка шевельнулась и что-то пробормотала.

Она тоже с кем-то разговаривала во сне, но вряд ли что-то пугало, смущало или ужасало ее в ночных видениях, обычно светлых и мирных.

Она умерла на Земле в шестилетнем возрасте и совершенно не помнила родной планеты. Крин — дитя Мира Реки, и самым ранним и весьма смутным ее воспоминанием было пробуждение в долине без родителей. Все, что она знала и понимала, безвозвратно исчезло.

Прикосновение к женщине и всплывшие воспоминания о проведенных с ней годах утешили и согрели сердце Германа. Но, не поддаваясь соблазну плоти, он заставил себя встать, плотно закутался в покрывала и вышел на бамбуковый настил, где стояло несколько хижин. Над ним располагались другие площадки, одна над другой, и на них тоже стояли хижины. Внизу виднелись еще три уровня. Все площадки были соединены мостками, перекинутыми в разных местах и позволявшими свободно перемещаться в любом направлении. Мостки были от полутора до трехсот футов длиной; внешними опорами служили дубовые или каменные пилоны.

Ширина долины в этих местах превышала тридцать миль, и Река, разлившись, породила огромное озеро со-рокамильной длины. Невысокие горы (не более шести тысяч футов) открывали долину для солнечного света; на востоке их склоны круто обрывались к Реке, образуя узкую стремнину с бурлящим потоком. В теплые дневные часы восточный ветер нес воды со скоростью пятидесяти миль в час. Дальше его сила ослабевала, теплый воздушный поток устремлялся вверх, и местные жители весьма успешно использовали эту особенность климата при устройстве жилищ.

Вся долина, склоны гор и выступы скал были усеяны высокими опорными колоннами. Между ними на разных уровнях громоздились деревянные платформы — бамбуковые, дубовые, сосновые, тисовые. На них-то и располагались хижины, расстояния между которыми зависели от устойчивости подмостков. Плоские вершины гор использовались как посадочные площадки для многочисленных планеров и воздушных шаров.

Раздался бой барабанов и пение горнов, и под звуки этой утренней мелодии из жилищ потянулись люди. Начинался рабочий день, над вершинами гор показалось солнце, теплый ветерок зашелестел в кронах деревьев. Восход соответствовал девяти часам; к трем по-

полудни диск светила прятался за хребтом, но световой день длился значительно дольше — косые солнечные лучи мягко освещали долину.

Герман начал спускаться к ближайшему грейлстуну; за спиной у него висела сетка с двумя цилиндрами. Сегодня Крин не работала, а потому могла подольше понежиться в постели. Позже она выйдет, достанет свою чашу из кладовой, расположенной возле камня-грааля, и приступит к позднему завтраку.

По дороге Германа то и дело приветствовал знакомых. Из четверти миллиона жителей он мог, пожалуй, называть по имени не меньше десяти тысяч. Отсутствие бумаги в Долине заставило людей запечатлевать больше сведений в памяти и укреплять ее; он же всегда отличался просто феноменальной памятью.

Приветствия на принятой в Вироландо версии эсперанто были краткими:

— Бон тьен, ескоп. (Доброе утро, епископ).

— Тре бон тьен а ви, Фениксо. Пасс эсс виа. (Добрый вам день, Феникс. Мир вам.)

Сейчас он был весьма сдержан и не выходил за рамки официальности, но позже, остановившись возле какой-нибудь группки людей, обязательно отпустит пару шуток.

Да, для Германа Геринга настали хорошие времена. Не всегда ему улыбалась удача, и в долгой темной истории его жизни редкие страницы были счастливыми и радостными. Большей частью они отдавали горьким смрадом и вряд ли могли представляться поучительными.

Его земная биография выглядела примерно так.

Геринг родился в Розенхайме, небольшом баварском городке, 12 января 1893 года. Его отец был первым официальным губернатором немецкой колонии в юго-западной Африке. В трехмесячном возрасте родители покинули его, так как отец получил новое назначение — консулом на Гаити. Долгая разлука с матерью в

столь раннем детстве дурно сказалась на формировании его характера; Германа никогда уже не оставляли ощущения тоски и одиночества.

В 1915 году, через месяц после смерти отца, он становится лейтенантом 112 пехотного полка принца Вильгельма. Красивый, голубоглазый и стройный офицер пользовался большим успехом; этот весельчак любил танцевать, был не прочь выпить. Он не нуждался в средствах; его поддерживал крестный, крещеный еврей, бывший любовник его матери.

Вскоре после начала Первой Мировой войны мучительный приступ артрита заставил Германа лечь в госпиталь; он, однако, жаждал участвовать в военных действиях и постарался не задерживаться в больничной палате. Геринг начинает летать наблюдателем на самолете своего друга Лерцера. Не имея официального отпуска, он три не недели не возвращается в полк, а затем проходит медицинское освидетельствование. По состоянию здоровья его признают негодным для службы в пехотных войсках, но ему удается поступить в военно-воздушные силы Германии.

С августа 1915 года Герман обучается в авиационной школе Фрейбурга и без труда получает звание пилота. Он начинает летать; в ноябре 1916 его самолет был подбит, сам он — тяжело ранен и на полгода освобожден от полетов. Но он снова летает — невзирая на медицинское заключение. Геринг быстро продвигается по службе; он не только как отличный офицер и летчик, но и недюжинный организатор.

В 1917 году в качестве признания его заслуг и в награду за пятнадцать сбитых вражеских самолетов Герман получает крест «За заслуги»; кроме того, его награждают золотой медалью пилота. После гибели фон Ритгофена летом 1918 года он назначен командиром эскадрильи «Гешвадер I», причем во внимание принят не только его боевой опыт, но и прекрасное знание авиационной техники. Он продолжает летать и сражаться

день за днем, месяц за месяцем, совершенствуя свое мастерство.

К моменту капитуляции Германии на его счету было уже тридцать сбитых самолетов противника. Впрочем, в тяжелый послевоенный период это не дало ему никаких привилегий — на рынке рабочей силы воздушные асы не являлись ходовым товаром.

В 1920 году Геринг перебрался в Швецию; получив довольно видный пост в шведских военно-воздушных силах. В Стокгольме он встречает Карин фон Кантц-нов, сводную сестру шведского путешественника графа фон Розена; она недавно развелась с мужем и жила с восьмилетним сыном. Герман женится на ней и хранит верность Карин до самой ее смерти. Он был столь же верен и своей второй жене, несмотря на аморальность среды, что окружала его в последующие годы, годы власти.

В сексуальном отношении Геринг всю жизнь оставался пуританином, и его политические взгляды также носили пуританский оттенок. Однажды признав свою приверженность какой-либо идее, он оставался верен ей до конца.

Поразительна его вечная зависимость от обстоятельств: с одной стороны, он страстно мечтал добиться высокого положения и богатства, с другой — пассивно подчинялся превратностям судьбы.

Он давал людям и событиям возможность увлекать себя.

На его счастье — или несчастье — он встретил на своем пути Адольфа Гитлера.

Во время неудавшегося мюнхенского путча Геринг был ранен. Он скрылся от полиции, получив прибежище в доме фрау Ильзе Баллин, жены еврейского коммерсанта. Герман не забыл своего долга и оплатил за добро добром: после прихода Гитлера к власти, когда начались преследования евреев, он помог семье Баллинов перебраться в Англию.

Но ареста он все же не избежал, и из тюрьмы его выпустили под честное слово. Нарушив его, он бежал в Австрию, где, из-за незаживающей раны ему пришлось лечь в больницу. Сильные боли вынуждали его все чаще прибегать к наркотикам. Страдая от болезни и нищеты, переносил бесчисленные операции, он постепенно теряет мужество и волю к жизни, становясь на грань психического помешательства. К этому времени серьезно заболевает и его жена, никогда не отличавшаяся крепким здоровьем.

Осознав, что он становится наркоманом, Геринг уезжает в Швецию и полгода проводит в санатории. После успешного курса лечения он возвращается к жене, но жизнь по-прежнему кажется ему беспросветным и безысходным существованием. Неожиданно он вновь обретает силы и волю к борьбе. Ситуация весьма для него характерная: когда все, казалось бы, потеряно, он как бы получает новый заряд энергии.

Геринг окончательно примкнул к Адольфу Гитлеру, считая его единственным человеком, способным возродить Германию. В октябре 1931 года в Швеции умирает Карин; Геринг, однако, остается с Гитлером в Берлине, встречается с Гинденбургом, решившим сделать Гитлера своим преемником на посту главы государства. Всю оставшуюся жизнь Герман остро ощущал свою вину перед женой; после ее кончины он на какое-то время опять возвращается к наркотикам. Позднее он встретит актрису Эмму Зоннеман и женится на ней.

При всех своих талантах незаурядного организатора и руководителя Герман был весьма склонен к сентиментальности. Кроме того, его не раз подводил пылкий темперамент, и он, давая волю раздражению, непозволительно распускал язык. После поджога берлинского рейхстага Геринг на суде выдвинул совершенно нелепые обвинения. Подсудимый Димитров, болгарский коммунист, хладнокровно доказал всю необоснованность предъявленных ему обвинений, Геринг же потер-

пел полное фиаско в попытках направить судебный процесс в нужное русло. Пропагандистский эффект суда развеялся в прах, выявив всю фальшь официальной нацистской доктрины.

Невзирая на этот провал, Гитлер поручает ему организацию воздушного флота рейха. К этому времени стройный летчик времен Первой Мировой превратился в весьма упитанного господина. Двойственность его натуры вызвала к жизни и два прозвища — «Дер Дикке» (Толстяк) и «Дер Эйзерне» (Железный Человек). Его мучили ревматические боли, от которых он опять спасался наркотиками, в основном, паракодеином.

Не обладая бойким пером или избытком образованности, он, тем не менее, пишет книгу «Возрожденная Германия», опубликованную в Лондоне. Он увлекается творчеством Джорджа Бернарда Шоу и цитирует его страницами.

Знаком он и с немецкой классикой — произведениями Гете, Шиллера, братьев Шлегель и многих других. Общеизвестна его любовь к живописи. Но увлекался он также и чтением детективных романов, и забавами с механическими игрушками.

К этому времени он уже мечтает о династии Герингов, которая воцарится на тысячи лет и прославит его имя в истории; у Гитлера не было детей и он назвал Германа своим преемником. Но мечте не дано было осуществиться — у него родилась девочка, Эдда, и жена больше не захотела иметь детей. Мысль о разводе и новом браке была для Германа кощунственной; он любил Эдду, и она отвечала ему такой же горячей любовью до конца своих дней.

Еще один эпизод, характеризующий неординарность натуры Германа Геринга. При официальном визите в Италию король и наследный принц пригласили его на охоту. Это было весьма любопытное мероприятие: монарх с наследником и гостем стояли на высоком помосте, а мимо них гнали сотни оленей. Их величества

устроили подлинную бойню, король убил сто тридцать животных; у Геринга же это вызвало крайнее отвращение, и он отказался стрелять.

Он не хотел аннексии Чехословакии и Австрии, протестовал против вступления в Польшу. Сама идея войны подавляла его; и, тем не менее, он неизменно следовал по пути, начертанному обожаемым фюрером. Он никогда не протестовал публично против преследования евреев, хотя по просьбе жены спас не один десяток от заключения в концлагере.

В 1939 году Гитлер жалует ему звание маршала и назначает министром экономики рейха. Кроме того, как министр военно-воздушных сил, он также является и главнокомандующим авиации. Он начинает работы по созданию сверхдальнего бомбардировщика, способного достичь двадцатимильной высоты и добраться до американского континента, но этот проект осуществить так и не удалось.

Занимая высочайшее положение в рейхе, Геринг далеко не всегда считался с реальностью. В 1939 году он заявил немецкому народу: «Если хоть один вражеский бомбардировщик сбросит бомбы на Рур, я перестану быть Германом Герингом. Можете звать меня тогда Мейером!» (Мейером в немецком фольклоре называли болтливого и тупоголового хвастуна).

Вскоре, среди главарей нацистской партии и в обществе, его все чаще начинают называть Мейером, но в этом прозвище уже нет той теплоты, что звучала в прежней его кличке — Дер Дикке. Британские и американские самолеты нещадно бомбят Германию; немецким военно-воздушным силам — Люфтваффе — не удается создать плацдарм для захвата Англии, германские железные птицы не в силах обрушить на нее дождь смертоносных яиц, в то время как подобные подарки градом сыплются на рейх. Гитлер вне себя; он проклинает Геринга, хотя именно по решению фюрера начата бомбежка английских городов без предваритель-

ного подавления военно-воздушных баз Британии. На Гитлере же лежит ответственность за нападение на нейтральную Россию до окончательного поражения Англии, что стало позднее причиной краха рейха.

После захвата Норвегии Гитлер решил вступить в Швецию, но Геринг, любивший эту страну, пригрозил своей отставкой и убедил фюрера сохранить ее нейтралитет.

Перед войной его здоровье резко ухудшилось. Болезненное состояние и падающий авторитет, усугубляющиеся в моменты конфликтов, заставляли его снова и снова прибегать к наркотикам. Он мечется, впадает в уныние, испытывает полную подавленность, не может владеть собой и преодолеть овладевшее им состояние обреченности. Его любимую родину ожидал Апокалипсис, Готтердаммерунг, Гибель Богов, что приводило Геринга в ужас, но странным образом воодушевляло Гитлера.

Когда союзные войска замкнули кольцо вокруг рейха, Геринг пришел к решению, что настает его час возглавить правительство.

Узнав об этих планах, Гитлер лишил его всех званий и должностей, заодно исключив из рядов нацистской партии. Его злейший враг Мартин Борман отдал приказ об аресте Геринга.

Перед самым концом войны, пытаясь избежать русского плена, он сдается лейтенанту союзной армии, оказавшемуся по иронии судьбы евреем. На Нюрнбергском процессе Геринг отказывается от услуг адвоката и защищает себя сам, но без большого успеха. Несмотря на все совершенное Гитлером, он встает на его защиту, оставаясь верным фюреру до конца.

Геринга приговорили к казни через повешение. 15 октября 1946 года, накануне совершения приговора, он проглотил припрятанную в камере капсулу с цианистым калием. Его тело кремировали и, по одной версии, закопали в куче отбросов в Дахау; по другой же,

более достоверной, прах развеяли на грязной проселочной дороге под Мюнхеном.

Таков был конец его земной жизни. Геринг был готов к смерти, жаждал избавиться от телесных и душевных мук, от осознания своего собственного краха и клейма нацистского военного преступника. Единственное, о чем он сожалел — это об оставшихся беззащитными Эмме и маленькой Эдде.

* * *

Но конца не было; он очнулся на этой планете, обретя молодое и стройное тело. Он не знал, как и почему все произошло, но его избавили от ревматизма, вздутых лимфатических узлов и тяги к наркотикам.

Он твердо решил найти Эмму и Эдду. И разыскать Карин! Каким образом он воссоединится с обеими женами, его совершенно не занимало; все мысли его были поглощены розысками — очень долгими, как он прекрасно понимал.

Но ему никогда не удалось их встретить.

В нем продолжал жить прежний Герман Геринг, тщеславный и бессовестный оппортунист. Он совершил многое, о чем впоследствии сожалел и в чем раскаивался. В конце концов, пережив ряд приключений и странствовав в долине, он обратился к Церкви Второго Шанса.

Это произошло в маленьком государстве Тамоанкан, случилось внезапно и драматически, подобно обращению Савла из Тарсуса на пути в Дамаск. В тех местах жили мексиканцы десятого и навахи двадцатого века; Герман поселился в доме для вновь прибывших и целиком отдался изучению догматов Церкви.

Вскоре он переехал в освободившуюся хижину, а спустя некоторое время с ним поселилась женщина по имени Чопилотл, тоже последовательница Церкви. Но

она принесла с собой и идола — каменную фигурку богини Ксочикветзал, покровительницы плотской любви и деторождения.

Страстное поклонение божеству переходило у Чопилотл в любовный пыл, она желала предаваться любви перед лицом идола и при свете лампы. Герману подобное язычество решительно не нравилось; к тому же, он изнемогал и телесно от этого религиозно-эротического экстаза.

Однажды он отправился за советом к своему епископу, индейцу-наваху, бывшему на Земле мормоном.

— Да, я знаю об этом божестве, — кивнул головой епископ Ч'агий. — Наша Церковь не поощряет идолопоклонничество или политеизм, Герман, и вы это знаете. Но она разрешает своим приверженцам держать дома идолов — с условием, что они видят в этих статуэтках лишь некие символы утерянной земной родины.

Конечно, здесь кроется опасность, что идолопоклонник может принять символ за сущность; подобное заблуждение свойственно не только первобытным народам, но и так называемым цивилизованным, тоже попадающим в этот психологический капкан

Чопилотл, конечно, мыслит примитивно, но она хорошая женщина. Если мы не учтем особенностей ее воспитания и характера и заставим выбросить идола, она может скатиться к подлинному политеизму. Сие не в наших интересах; то, чем мы занимаемся, можно назвать теологическим отлучением от груди.

Вы же сами видите вокруг множество идолов, верно? И большинству из них поклоняется масса людей... Мы же терпеливо и ненавязчиво наставляем их, отвлекая от язычества. Со временем все эти статуи превращаются для бывших идолопоклонников лишь в «обже д'ар», произведение искусства, как говорят французы. И Чопилотл тоже увидит в своей богине лишь статуэтку. Ее следует отучить от нынешних прискорбных пристрастий, и в этом я целиком полагаюсь на вас.

— Вы имеете в виду, что я должен подsunуть ей некий теологический эквивалент, что-то вроде рождественского гуся? — спросил Герман.

Епископ удивленно взглянул на него, потом улыбнулся.

— Я получил степень доктора философии в Чикагском университете, а потому выражаюсь слишком расплывчато, не так ли? Давайте выпьем, сын мой, и вы расскажете о себе поподробнее.

Через год после приезда в страну Герман принял посвящение вместе с группой голых, лязгающих зубами от холода неофитов. По завершении обряда он вытер полотенцем стоявшую рядом женщину, она обтерла его; затем все закутались в теплые одежды, а епископ надел каждому на шею шнурок с висевшей на нем костью меч-рыбы. Они не получили сан священников; их называли просто «инструисто» — наставники.

Герман чувствовал себя обманщиком. По существу он был миссионером, но разве мог он наставлять людей и действовать соответственно сану? Сам он еще не испытывал уверенности, что его вера в Бога действительно искренна... Нет, неправда, он верил — во всяком случае, большую часть суток.

— Вы сомневаетесь в себе самом, — говорил ему епископ.

— Ваша жизнь представляется вам несовершенной, а потому и недостойной великой миссии. Но вы должны перебороть себя, Герман. В каждом человеке заложена возможность самосовершенствования, что приводит к спасению; она есть в вас, во мне, в каждом Божьем создании, — он рассмеялся. — Попробуйте проследить свои противоборствующие начала. Иногда вы самонадеянны, воображаете себя лучше других, но чаще вы униженны, смиренны, даже слишком смиренны, а это лишь иная форма самонадеянности. Истинное же смирение — это осознание своего подлинного места во Вселенной.

Я тоже продолжаю познавать себя и молюсь о долгой жизни, достаточной, чтобы начисто преодолеть самообольщение. Но ни вы, ни я не смеем целиком отдаться лишь самопознанию. Наш долг — посвятить себя людям и жить ради них. Отшельничество, бегство от мира, затворничество — это не для нас... Так куда же вы хотите отправиться, сын мой — вверх или вниз по Реке?

— Мне страшно покинуть эту страну, — отвечал Герман.

— Здесь, впервые за многие годы, я обрел покой и счастье, почувствовал себя частицей большой семьи.

— Ваша семья — повсюду, от истоков Реки до ее устья, — возразил Ч'агий. — Правда, в ней немало и неприятных родственников, но в какой семье их нет? Ваша задача помочь им встать на путь истины. Но это будет вашим вторым шагом. Первым же — убедить людей, что они еще не на истинной дороге и полны заблуждений.

— В этом-то и вся трудность, — горько заметил Герман. — Я сам еще не сделал этого первого шага.

— Ну, если бы я в этом был уверен, то не допустил бы вашего посвящения. Так куда вы направитесь — вверх или вниз по Реке?

— Вниз.

Ч'агий поднял брови.

— Хорошо. Обычно неофиты выбирают путь к верховьям — там живет Ла Виро. Они жаждут увидеть его и поговорить с ним.

— Поэтому мной и выбран другой путь, — признался Герман. — Я еще не достоин такой встречи.

Епископ внимательно взглянул на него.

— Иногда я досаду, что Церковь осуждает любое насилие. Вот сейчас я бы с удовольствием дал вам хорошего пинка! Ну, да ладно, отправляйтесь вниз по течению, мой бледнолицый Моисей. Но вам придется передать по дороге всем епископам мое послание. Скаже-

те, что брат Ч'агий шлет им свою любовь и вот эти слова: «Иные птицы мнят себя червями».

— Что это значит?

— Надеюсь, со временем вы поймете их смысл.

Епископ встал, благословил его троеперстием, протянул к себе и поцеловал в губы: «Ступай, сын мой, и да обратится твой ка в акх.

— И пусть ваш и мой акх витают бок о бок, — ответил Герман ритуальной фразой.

Он вышел из хижины с мокрым от слез лицом. Он всегда был сентиментален, но сейчас уверил себя, что плачет от любви к этому маленькому темнокожему проповеднику. В период богословского обучения ему внушили мысль, что между чувствительностью и любовью — огромная разница. Но сейчас он ощущал именно любовь. Впрочем, так ли это было? В своих лекциях епископ говорил, что неофиты еще не ощущают разницы между ка и акх. Это придет позже, когда они обретут опыт, но даже тогда понимание станет доступным лишь немногим.

Герман сам построил плот, на котором собирался плыть по Реке; вместе с ним отправлялось еще семь человек, включая Чопилотл.

Он подошел к хижине, собираясь забрать их нехитрые пожитки, и увидел возле нее свою подругу: вместе с двумя соседками она устанавливала идола на деревянные салазки.

— Не собираешься же ты забрать с собой эту штуку? — спросил он.

— Конечно! Бросить ее — значит, отринуть свет ка. Кроме того, это не штука, а Ксочиветзал.

— Я тебе говорил тысячу раз: это лишь символ!

— Значит, мне нужен символ. Бросить ее — плохая примета. Она может рассердиться.

Герман пришел в ярость. В первый же день своего миссионерства он очутился в положение, когда не знает, как поступить!

— «Подумай о конце и выбери путь мудрости», — процитировал однажды епископ в своей проповеди слова из «Экклезиаста».

Ему следует действовать так, чтобы найти правильный выход из этого инцидента.

— Так вот, Чопилотл, — начал он, — ничего нет дурного в том, что в Тамоанкане ты держала в доме идола. Местные все понимают, но жители других стран вряд ли будут так снисходительны. Мы — миссионеры, и собираемся обратить в свою веру — истинную веру! — множество людей. За нами стоит великая правда учения Ла Виро, открытая ему одним из создателей этого мира. Но сможем ли мы обратить кого-либо к этой правде, если один из нас — идолопоклонник? Люди станут смеяться над нами и назовут нас суеверными и невежественными язычниками. С нашей стороны это большой грех, потому что мы внушим им ложное представление о Церкви.

— А ты им скажешь, что это просто символ, — раздраженно сказала женщина.

Он повысил голос:

— Я же объясняю тебе, что они этого не поймут! Кроме того, это ложь. Совершенно очевидно, что идол для тебя — не просто символ.

— А ты бы выбросил свой шнурок с костью?

— Но это же совсем другое дело. Спиральная кость меч-рыбы — символ моей веры, знак моего приобщения к Церкви. Я же ей не поклоняюсь!

Чопилотл насмешливо улыбнулась, сверкнув белоснежными зубами.

— Ты выкидываешь свою кость, а я оставляю здесь свою любимую богиню.

— Какая чушь! — возмутился Герман. — Ты же знаешь, я никогда на это не пойду! Сука ты безмозглая!

— Ах, как ты побагровел! А где же твоя хваленая чуткость?

Он тяжело вздохнул.

— Ну ладно, забирай эту штуку с собой, — бросил он и пошел прочь.

— А ты не собираешься помочь мне ее дотащить?

Он остановился, оглянулся.

— И стать соучастником богохульства?

— Ну, если ты согласился ее взять, значит — уже соучастник.

Она определенно неглупа, но есть в ней какая-то душевная тупость, подумал Герман. Он усмехнулся и решительно двинулся прочь от хижины. На плоту он рассказал своим спутникам о случившемся.

— Но почему же ты все-таки допустил это, брат? — спросил Флейсказ, мускулистый рыжий гигант. Его родным языком являлось древнегерманское наречие второго тысячелетия до нашей эры, которое впоследствии легло в основу норвежского, шведского, датского, исландского и английского языков. За бесстрашие в боях на Земле Флейсказа прозвали Вульвазом — Волком.

Здесь, в Море Реки, после приобщения к Церкви он стал называть себя Флейсказ, что на его родном наречии означало «клок вырванной плоти». Никто не понимал, почему он выбрал такое странное имя, но он, возможно, в самом деле ощущал себя частицей здоровой плоти в больном теле. Этот клочок, вырванный из тела старого, может разрастись в обновленную здоровую плоть.

— Потерпи, — ответил Герман, — все уладится, как только мы отплывем от берега метров на пятьдесят.

Они уселись кружком, болтая и покуривая, и исподволь наблюдали за Чопилотл, тянувшей салазки с каменным грузом. Когда она добралась до плота, то вся взмокла и еле переводила дыхание; лицо ее покрылось багровым румянцем. С руганью женщина набросилась на Германа и посулила, что ему теперь долго придется спать в полном одиночестве.

— Она подает не лучший пример, брат, — заметил Флейсказ.

— Успокойся, брат, — мягко прервал его Герман.

Плот стоял вплотную к берегу и был привязан длинным канатом к валуну — своеобразному кнехту. Чопилотл обратилась к мужчинам, требуя, чтобы ей помогли втащить салазки на борт; все только посмеивались и не двигались с места. Задыхаясь, с гневной руганью она взгромодила свой груз на плот.

Путники отвязали канат, оттолкнули плот от берега. Помахав толпе, собравшейся проводить миссионеров и пожелать им счастливого пути, они принялись за работу: установили мачту, подняли прямой парус, накренили расчалки, направляя плот к середине Реки. Сильное течение и ветер ускорили ход суденышка; люди маневрировали парусом, стараясь поймать ветер. У руля стоял Флейсказ.

Чопилотл в дурном расположении духа удалилась под навес.

Герман слегка сдвинул салазки с идолом к правому борту; все с интересом наблюдали за его действиями. Усмехнувшись, он приложил палец к губам. Чопилотл не следила за ним, но когда тяжелая каменная статуя оказалась на краю и плот слегка накренился, она выглянула из-под навеса и дико закричала.

Герман повернул статую стоймя.

— Ради твоего блага и блага нашей Церкви! — рявкнул он и толкнул каменного монстра. Чопилотл с воплем бросилась к нему, но было поздно — статуя опрокинулась через борт и пошла на дно.

Через секунду Герман потерял сознание. Позже спутники рассказали, что Чопилотл со всего размаха огрела его цилиндром по голове.

Очнулся он в воде. Он держался на плаву, хватаясь за цилиндр своей подруги. Бесса, жена Флейсказа, плыла за его чашей, которую Чопилотл в сердцах вышвырнула вслед за ним за борт.

— Насилие порождает насилие, — с этими словами Бесса протянула ему спасенный цилиндр.

— Благодарю, — Герман присел на бревнах, пытаясь справиться с головной болью и растревоженной совестью. Слова женщины были совершенно справедливыми; выбросив идола, он совершил насилие. У него не было ни малейшего права лишать Чопилотл ее обожаемого кумира; а если бы и было, то разве смел он совершать столь жестокое деяние?

Конечно, ужас и ненависть должны были выплеснуться из глубин ее смятенной души. Он сам вызвал ее гнев и спровоцировал этот акт насилия! Что же делать? Извать нового идола?

Нет, без сомнения он приступил к делу не совсем удачно!

Его мысли вновь обратились к Чопилотл. Почему он так возжелал именно ее? Да, она была очень мила и сексуально привлекательна. Но Чопилотл — индейка, а в нем все еще жило отвращение к цветным женщинам. Возможно, он взял ее в супруги чтобы доказать самому себе, что это — пройденный этап? Неужели повод к браку оказался столь несерьезным?

А если бы она была африканкой с курчавыми волосами и вывернутыми губами? Взял бы он ее тогда? Правду сказать — нет. Сейчас он вспомнил, что в свое время поглядывал на еврейских женщин. В тех местах, где он жил, их было две, и обе — замужем. На Земле они родились во времена Ахава и были темнокожими, как йеменские арабки, коренастыми, носатыми и весьма воинственными. К тому же, они не принадлежали к последовательницам Церкви. Кстати, и Чопилотл, несмотря на свое приобщение, тоже сохранила суеверия и склонность к насилию. Однако она вошла в церковное братство, а потому получила возможность духовного совершенствования.

Он упорно возвращался к неприятным воспоминаниям, которых раньше избегал.

Да, он интересовался евреями и взял в жены индейку дабы убаготворить свою совесть и доказать свое духовное перерождение.

Но произошло ли оно на самом деле? Положим, вначале он не любил Чопилотл, но все же был привязан к ней; когда же прошло разочарование их первой близости, он обладал ею со всем пылом страсти.

И все-таки при их редких, но весьма яростных ссорах ему хотелось бросить Чопилотл в лицо оскорбления, поносящие ее расу.

Истинная любовь, истинное нравственное очищение придет к нему лишь тогда, когда он полностью освободится от подобных мыслей. Никакие запреты или ограничения не нужны — просто такие слова не придут ему в голову.

— Но до этого еще так далеко, Герман, — сказал он себе.

Но если дела обстояли именно так, то почему же епископ послал его миссионером? Он же знал, что Герман совершенно к этому не готов...

* * *

Когда через много лет Геринг оказался у границы Пароландо, с ним уже не было никого из его прежних спутников. Одних убили, другие остались на иных берегах, чтобы проповедовать учение Церкви. За много тысяч миль от Страны Двух Владык он слышал рассказы о метеорите — гигантской звезде, рухнувшей в долину. Говорили, что при ее падении погибли тысячи или даже десятки тысяч людей, а берега на шестьдесят миль вокруг были просто искорежены. Вскоре сюда в поисках металла хлынули толпы людей и армии завоевателей; началась неистовая борьба, победителями в которой оказались нынешние владыки страны.

Рассказывали также, что метеоритное железо используется для строительства огромного корабля. Всем

этим делом заправляли две знаменитости — американский писатель Сэм Клеменс и английский король Джон, брат Ричарда Львиное Сердце.

Неизвестно почему, но эти рассказы привели Геринга в сильное волнение; ему представилось, что неведомая раньше страна упавшей звезды и есть цель его миссии.

После долгого пути он прибыл в Пароландо. Слухи оказались верными: Сэм Клеменс и Джон Безземельный были соправителями государства, владевшего всеми небесными сокровищами. К прибытию сюда Германа большая часть металла уже была добыта, и местность выглядела как Рур в миниатюре: множество доменных печей, прокатных станков, фабрик по производству химикалий, алюминия, стекла, бумаги и пороха. С алюминием, правда, имелись проблемы — в стране не было нужных минералов, их покупали в других землях, что сильно осложняло дело и вызывало множество конфликтов.

Соул Сити — государство, расположенное в двадцати шести милях к вниз по Реке от Пароландо, — обладало солидными запасами криолита и бокситов и даже небольшими залежами полиметаллов. Клеменс и Джон испытывали в них крайнюю нужду, но правители Соул Сити, Элвуд Хаскинг и Милтон Файбрас, ставили им палки в колеса. Похоже, им самим хотелось наложить лапу на метеорит.

Германа мало занимали политические распри; его целью было обращение людей к Церкви Второго Шанса. После некоторых размышлений он определил и свою вторую задачу — прекратить строительство огромного корабля. Идея эта целиком захватила Клеменса и Джона, и для осуществления своей мечты они были готовы довести страну до полного опустошения, лишить ее растительности, оставив в покое лишь рощи не поддающихся топору железных деревьев. Они отравили воздух дымом и зловонием фабрик.

Но что было значительно страшнее — они отравили свои души, свои ка, а вот это уже являлось прерогативой Германа Геринга. Церковь утверждала, что человечество воскрешено ради еще одной попытки духовного спасения. Людям вернули юность и избавили от болезней, чтобы они обратились к истинному пути.

Через неделю после прибытия в Пароландо Герман с несколькими миссионерами устроил большое публичное собрание. Наступали сумерки; помост освещался факелами, вокруг него разожгли костры.

На возвышение поднялся Герман, за ним шли местный епископ и десяток наиболее уважаемых прихожан. В трехтысячной толпе обращенных к Церкви было немного, большинство пришло из любопытства. Зрители с бутылками в руках расположились вокруг костров в предвкушении перебранки со святыми отцами.

Местный оркестрик исполнил священный гимн — по слухам, сочиненный самим Ла Бро; затем епископ прочитал краткую молитву и представил Германа. Когда он назвал его имя, из конца в конец пронесся легкий шумок: очевидно, кое-кто жил в его время.

Герман поднял руки, успокаивая толпу, и заговорил на эсперанто:

— Братья и сестры! Выслушайте меня с такой же любовью, с какой я обращаюсь к вам. Герман Геринг, которого вы видите, совсем не тот человек, который жил под этим именем на Земле. Он сам питает отвращение к тому монстру, исполненному зла.

Сегодня перед вами новый возрожденный человек, доказавший, что можно преодолеть зло в собственной душе.

Люди способны меняться к лучшему! Я дорого заплатил за все содеянное на Земле, заплатил единственно возможной монетой — осознанием вины, стыдом и самоуничтожением. Заплатил клятвой истребить в себе прошлое «я», выжечь его дотла и двинуться дальше — уже новым человеком.

Но я здесь не для того, чтобы поразить вас своим перерождением. Я пришел рассказать вам о Церкви Второго Шанса, о ее возникновении, изложить ее задачи, ее догматы.

Те из вас, кто вырос в иудейских, христианских или мусульманских странах, те, кто жил на далеком Востоке, но сталкивался с христианством и мусульманством, ждут от меня призыва к вере.

Нет, клянусь Господом, не для того я пришел! Церковь не взывает к вам: предайтесь вере! Церковь несет не веру, но знание. Не веру, но знание!

Церковь не требует от вас поверить в нечто возможное или даже почти осуществимое. Церковь хочет, чтобы вы осознали действительность, реальные факты и вели себя исходя из этого. Она требует от вас лишь веры в истину.

Поразмыслите вот о чем. Не подлежит сомнению, что все мы родились на Земле и там же умерли. Кто рискнет возразить? Никто? Тогда еще одно. Жизнь человеческая пролетает мгновенно, и проходит она в скорбях и грехе. Может ли кто-нибудь из вас отрицать это, вспоминая о ней?

Ни одна из земных религий не сказала нам правды о будущем. И свидетельство тому наше настоящее: мы с вами ни в аду, ни в раю. К тому же, мы не прошли чистилища, хотя и обрели после смерти новые тела и новую жизнь.

Наше первое воскрешение стало для нас потрясением, шоком, почти крушением. Никто — ни верующие, ни агностики, ни атеисты — не могли поверить в свое существованием за пределами земной жизни. Нравится нам это или нет, но мы здесь, в этом мире, и мы не в силах избежать его. Если вас убивают или вы сами убиваете себя, то на следующий же день вы вновь возрождаетесь к жизни. Можете ли вы отрицать это?

— Нет, конечно, но такая чертовщина мне совсем не нравится, — выкрикнул мужской голос. Раздался об-

щий хохот, и Герман разглядел Сэма Клеменса, стоявшего на табурете посреди толпы.

— Пожалуйста, брат Клеменс, сделайте одолжение, не перебивайте меня, — попросил Герман. — Итак, факты, факты и только факты. Теперь скажите, можно ли опровергнуть утверждение, что наш мир — явление неестественное? Я не хочу сказать, что сама планета, солнце и звезды — искусственного происхождения. Нет, планета и все прочее создано Богом. Но Река и долина — не настоящие, не порожденные природой. И воскрешение — это явление сверхъестественное.

— А вы-то откуда это знаете? — пронзительно выкрикнул женский голос. — Вы отходите от фактов и склоняетесь к догадкам!

— Он еще к кое-чему склонен! — рявкнул мужчина.

Герман подождал, пока смолкнет смех.

— Сестра, я берусь доказать, что воскрешение не является делом Бога. Оно совершено людьми — причем людьми, подобными нам. Возможно, они неземного происхождения и, несомненно, превосходят нас в мудрости и научных познаниях, но выглядят так же, как мы с вами. Некоторые из нас сталкивались с ними лицом к лицу.

Толпа загудела. Шум поднялся не потому, что люди впервые слышали подобные утверждения — просто неверующие решили отвлечься, позабавиться, ослабить нарастающее напряжение.

Герман отхлебнул глоток воды и, поставив обратно кружку, дождался некоторого затишья.

— Даже если этот мир и воскрешение совершены не руками человека, то, во всяком случае, руками существ, имеющих человеческую внешность. И это могут подтвердить по меньшей мере двое, а может быть, и большее число людей. Один из них — англичанин Ричард Бартон, человек выдающийся, знаменитый в свое время. Бартон жил в девятнадцатом веке и известен как путешественник, антрополог, первооткрыватель новых

земель, писатель и лингвист. Возможно, кто-то из вас и слышал о нем? Поднимите, пожалуйста, руки... О-о, я насчитал что-то около сорока человек и среди них — вашего консула, Сэмюэля Клеменса.

Клеменсу явно не понравилось упоминание его имени; он нахмурился и сердито прикусил кончик сигары.

Геринг продолжал рассказывать собравшимся о том, что случилось с Бартоном, подчеркнув, что слышал всю историю непосредственно от него самого. Захваченная рассказом толпа примолкла; ни один из миссионеров ничего подобного им не говорил.

— Бартон беседовал с одним из таинственных существ, называемых этиками. По его словам, эта личность расходилась во взглядах с остальными этиками. Очевидно, среди тех, кого мы считаем едва ли не богами, существуют разногласия. Споры и раздоры на Олимпе — да будет мне позволено такое сравнение. Правда, лично я не склонен видеть в них богов, ангелов или демонов. Они, подобно нам — человеческие существа, но достигшие высочайших моральных устоев. Откровенно скажу, мне не известно, в чем заключаются их разногласия. Возможно, в способах достижения цели...

Но цель-то у них одна! Сомнений в этом нет никаких. Только что это за цель? Но сначала позвольте мне привести рассказ еще одного свидетеля.

Через год после Дня Воскрешения этот второй свидетель сидел в своей хижине, расположенной на уступе холма. Обитал он в стране к северу от нас. Его настоящее имя Жак Жилло, но Церковь зовет его Ла Виро — Человек, или Ла Фондино — Основатель. На Земле он был весьма религиозным христианином, но здесь его вера развеялась в прах. Столкновение с этим миром привело его в полное смятение и растерянность.

Этот человек всегда пытался жить по законам своей религии, выступающей от имени Бога, но никогда не воображал себя праведником. Еще Иисус Христос ска-

зал, что никто не праведен, и сам Он — не исключение. Тем не менее, по нашим понятиям Жак Жилло был праведником.

Да, он не был он совершенством — мог даже солгать, но лишь затем, чтобы не обидеть другого. Зато никогда не избегал ответственности за свои поступки, никогда не изменял жене, заботился о ней и детях, любил их. Его гостеприимство распространялось равно на всех, независимо ни от общественного положения, ни от политической, расовой или религиозной принадлежности.

Если он бывал несправедлив, то лишь из-за опрометчивости или непонимания, но всегда находил возможность попросить прощения или исправить свою ошибку. Его обманывали и предавали, но право отмщения он предоставил Божьей воле. Однако в своих взглядах и убеждениях он был тверд.

Он умер после отпущения грехов и его похоронили по принятому обряду.

Но здесь ему пришлось столкнуться с грязными политиками, насильниками над детьми, бесчестными дельцами, аморальными законниками, алчными врачами, палачами, террористами, лицемерами, мошенниками, лжецами, тунеядцами.

Что же предпринять ему, как вести себя перед лицом подлости, жадности, злобы и бездушия?

Под шум дождя и завывание ветра, при вспышках молнии и раскатах грома, подобного поступки разгневанного божества, он сидел в хижине и размышлял о представшей перед ним несправедливости мира. Он вынужден был признаться, что Некто считает его не лучше тех грешников.

Его не утешала мысль, что и другие чувствуют то же самое. Разве попавший в кораблекрушение утешен тем, что и его спутники пойдут ко дну?

Но что же ему предпринять? Ничто не приходило ему в голову.

Он загляделся на огонь очага, когда в дверь вдруг постучали. Вскочив на ноги, Жилло схватился за меч; как и сегодня, тогда повсюду бродили искатели легкой добычи. У него нечем было поживиться, но находились люди, убивавшие походя, лишь бы ублажить свои извращенные прихоти.

Он окликнул по-французски: «Кто там?»

«Вы меня не знаете, — ответили ему тоже на канадском диалекте французского, но с заметным акцентом. — Вам не причинят зла, оставьте ваш меч.»

Это озадачило Ла Виро; окна и двери закрыты, никто не мог увидеть его снаружи. Он отворил дверь, и яркая вспышка молнии осветила закутанную с головы до ног фигуру. Ла Виро отступил внутрь хижины, незнакомец вошел в комнату, закрыв за собой дверь. Он откинул капюшон, и хозяин увидел человека небольшого роста с рыжими волосами, голубыми глазами и приятным лицом. Под плащом виднелся костюм из плотного серебристого материала; на серебряной цепочке на шее висела золотая спираль.

Уже по одежде Ла Виро понял, что перед ним не бродяга. Гость выглядел ангелом; возможно, он и был им. Недаром в Библии сказано: ангелы подобны людям. Во всяком случае, так ему говорил священник. Ангелы, сошедшие к земным дочерям во времена патриархов, ангелы, спасшие Лота, ангелы, боровшиеся с Иаковом — все выглядели мужчинами.

Но и Библия и читавшие ее священники во многом заблуждались. При взгляде на незнакомца Ла Виро ощутил благоговейный трепет и, в то же время, восторг. Каким образом и почему именно его удостоил ангел своим явлением?

Внезапно ему пришло в голову, что Сатана тоже был когда-то ангелом; все демоны — падшие ангелы.

Кем же был его гость? Или он не был ни тем, ни другим? Несмотря на отсутствие образования, Ла Виро не отличался глупостью; ему представилось, что суще-

ствует и третий вариант. Эта мысль его несколько успокоила, хотя и не до конца.

Попросив разрешения, незнакомец присел; после некоторого колебания Ла Виро тоже примостился на стуле, и какое-то время оба они пристально разглядывали друг друга. Незнакомец хмурился, будто не зная, как начать разговор. Странно — он же знал, куда и зачем он идет, и мог бы заранее подготовиться.

Ла Виро предложил ему вина, гость ответил, что предпочел бы чай. Хозяин захлопотал, кинул в воду порошок и помешал его. Гость молчаливо следил за его действиями и, лишь взяв в руки кружку, поблагодарил. Сделав глоток, он начал свою речь.

«Жак Жилло, я не буду подробно объяснять вам, кто я, откуда и почему здесь появился; это заняло бы целые сутки. Но то, что я собираюсь сказать — истинная правда, хотя вы и поймете все лишь со временем. Я — один из тех, кто подготовил эту планету для вашего пришествия. Существуют другие планеты, преобразованные для других землян, но сейчас это к делу не относится. Некоторые из них уже функционируют, другие — подготавливаются. Эта планета предназначена тем, кому дан второй шанс. Что это значит? Каким был первый шанс? Сегодня следует признать, что ни одна из земных религий не ведает правды о загробной жизни. Все представления о ней, все доказательства — не более, чем догматы веры. Впрочем, некоторые из них, если воспринимать их символически, близки к истине.

Затем гость объяснил, что он — один из этиков, хотя часто они называют себя иначе. По сравнению с большинством землян они находятся на более высокой ступени нравственного самосознания. Заметьте, он сказал — «большинство», а это значит, что некоторые из нас уже достигли уровня этиков.

Незнакомец рассказал, что его народ — не первые этики. Первым был особый род, не человеческий, возникший на более древней, чем Земля, планете. Они,

сознательно сохраняя себя в плоти своей, откладывали, задерживали свой уход. Лишь тогда, когда они уверились, что создали особую породу существ — опять же нечеловеческих, способных выполнить Долг, — эти праотцы научили их, как его совершить, и ушли навсегда. Эта особая раса зовется Старейшинами, хотя по сравнению с их наставниками они — просто юнцы. Позднее Старейшины передали свои знания этикам. Все же в мире создал Бог, Создатель, Единый Дух, назовите Его по своему разумению. Он — Вселенная, воплощенная в двух субстанциях: одна из них — материя, другая — не-материя; более удачного слова я найти не могу.

Все мы знаем, что материя существует. Философы и ученые пытались найти ей точное определение, но не преуспели в этом. И, тем не менее, каждый знает о ее существовании, и знает не в силу веры, а по собственному опыту.

Ну, а что касается субстанции нематериальной? Что это такое?

— Вакуум! — выкрикнул какой-то остролов. — И как раз такой же, как в твоей голове!

Клеменс вскочил и рявкнул в толпу:

— А ну, тихо! Дайте же человеку все выложить, — и добавил с усмешкой: — Даже чепуху.

— Благодарю вас, мистер Клеменс, — поклонился Геринг. — Итак, идеальный вакуум — абсолютное отсутствие материи. Как-то один ученый человек заявил мне, что такого явления как абсолютный вакуум не существует; имеется лишь абстрактная идея, представление о нем. Даже в том случае, если вакуум материален.

Нематериальное же — это то, что старые земные религии называли душой. Но ее определение всегда было неточным, абстрактным. Народы античных и классических веков и их невежественные предшественники представляли ее тенью, призрачной сущностью, бледно

отражающей материальную субстанцию, которой она придана до самой смерти.

Позднее народы более образованные считали ее невидимой сущностью, также приданной телу. Некоторые восточные учения видели в ней лишь частицу Высшего Божества, с которым она сольется после множества перевоплощений на Земле и постижения кармы.

Во всех этих представлениях истинно лишь одно: они отражали только часть истины.

Нас с вами не интересуют все эти философские тонкости, нам нужны факты. Факт же заключается в том, что любое живое существо, от простейших до самых сложных, обладает нематериальным двойником. Даже амебы имеют его! Но я не хочу углубляться в сомнительные споры или ненужные детали — во всяком случае, сейчас.

Так вот, гость Жилло продолжал: «Нематериальная субстанция — неразрушима, а это значит, что у вашего земного тела был нерушимый нематериальный двойник.»

В этот момент молчавший доселе Ла Виро прервал его:

«Сколько же двойников может иметь в течение жизни живое существо? Я имею в виду изменение его внешности: оно стареет, теряет глаз или ногу, его уродуют болезни. Что же, нематериальный его образ представляет собой серию фотографий? Тогда как часто делаются эти снимки — каждую секунду или раз в месяц? Что же происходит со старыми фотографиями, старыми образами?»

Гость улыбнулся.

«Образы, как вы их назвали, неразрушимы. И они фиксируют все изменения человеческого тела, дополняя друг друга.»

«А что же произойдет потом? — спросил Ла Виро. — Может ли быть воссоздан образ разложившегося тела?»

Я уже упоминал, — прервал рассказ Геринг, — что хотя Ла Виро не был образованным человеком и не жил в больших городах, он весьма неглуп.

«Нет, — объяснил гость. — Забудьте все о материальной и нематериальной субстанции, за исключением того, что относится к человечеству; остальное сейчас не имеет значения. Прежде всего, давайте заменим название сущности, именуемой душой, другим словом. В термине «душа» заключено слишком много неверных понятий, словесной эквилибристики, слишком много противоречивых дефиниций.

Как только произносится это слово, неверующие автоматически отключаются от последующих доводов, верующие же понимают его лишь в узких шорах сложившегося у них на Земле менталитета. Давайте назовем этого нематериального двойника... ну... «ка»! Так в древнем Египте обозначались некоторые компоненты души. В дальнейшем это понятие сохранило свое первоначальное значение в чистом виде, и нам удобно его принять.»

По всему видно, — добавил Геринг, — что гость был знаком с историей народов Земли. Кроме того, он разговаривал с Ла Виро на канадском диалекте французского языка; вероятно, он тщательно подготовился к их встрече. Этик же, посетивший Бартона, беседовал с ним по-английски.

«Итак, — продолжал незнакомец, — мы обладаем ка. Насколько нам известно, ка формируется в момент совокупления, при соединении спермы с яйцеклеткой, и его изменения следуют за изменениями тела.

Различие между телом и ка, образующееся в момент смерти, состоит в следующем. При жизни тело излучает ауру, которую нельзя уловить простым глазом, разве только в случаях исключительных; она витает над головой человека и обнаружить ее можно лишь с помощью специального прибора. Аура представляет собой многоцветную сферу, вращающуюся, сжимающуюся и рас-

прямящуюся, переливающуюся всеми оттенками спектра, испускающую световые лучи. Это необычная, удивительная и незабываемая картина! Мы называем ее «атман».

Вселенная полна ка, хотя они никогда не заполняют собой все ее пространство. Они могут пересекаться, проходить друг сквозь друга, в одном и том же пространстве может размещаться бесчисленное их число.

Мы полагаем, что собственно «ка» не обладает сознанием, но хранит в зародыше ум и память умершего. Ка скитается в вечности и бесконечности, являясь сосудом умственного потенциала живой персоны; если угодно — это замороженная душа.

При воспроизведении человеческого тела в него возвращается ка. Вне зависимости от дальности расстояний, в любых пространственных пределах оно в первую же секунду оказывается в новом воссозданном теле. Близость между ними поистине беспредельна! В момент воссоединения ка утрачивает память о времени между смертью первого тела и первоначальным проблеском сознания во втором, воспроизведенном искусственно.

— Некоторые утверждают, что ка полностью сохраняет сознание в период утраты тела. Этому есть доказательства — документальные подтверждения фактов существования жизни после смерти, относящиеся, если я не ошибаюсь, к семидесятым годам двадцатого века. Я вспоминаю множество случаев возвращения к жизни мужчин и женщин, чья смерть была официально засвидетельствована. Эти люди утверждали, что, после смерти на глазах у безутешных родственников, они пережили воспарение из тела и проблеск вернувшегося разума. Но в данном случае нас больше интересует их ощущение вновь обретенной плоти, их новообращение, а не сохранение памяти в краткий период утраты тела.»

Ла Виро охватило чувство изумления и восторга. Движимый всегдашним стремлением человека к противоречиям, он вновь перебил собеседника.

Геринг помолчал и добавил:

— Что мне самому слишком хорошо известно! Вокруг послушались смехи.

«Извините меня, — сказал Ла Виро, — но как же вы создаете эти воспроизведенные тела?»

Он взглянул на себя и подумал: «Как же так? Оно должно стать прахом, а потом вновь цельным?»

«Мы обладаем инструментарием, с помощью которого можем обнаружить и сканировать ка, — объяснил гость. — Наши приборы в состоянии определить вид и местонахождение любой нематериальной частицы. Затем найденное ка становится моделью для преобразования энергии в вещество.»

«Можно ли воссоздать ка на любом этапе? — продолжал свои расспросы Ла Виро. — Ну, например, если человек умирает в восемьдесят лет, то возможно ли воссоздать его двадцатилетним?»

«Нет, существует лишь его ка восьмидесятилетнего возраста, и мозг будет ему соответствовать. Но тело воспроизводится по записям и восстанавливается двадцатилетним, в нем устраняются все возрастные изменения. Запись восстановленного тела уничтожается. Для первоначального воскрешения на этой планете был создан специальный конвертер, преобразующий энергию в материю. Пока шел процесс воспроизведения тел, люди были лишены сознания.»

«Ну, а если вы создадите два новых тела? — Ла Виро не мог остановиться. — Причем в одно и то же время? Которое из них будет одушевлено ка?»

«Предположительно, то, которое вернется к жизни первым. Но этот вопрос не столь важен, ибо между новыми воскрешениями всегда имеются временные интервалы, хотя бы доли секунды; наш механизм не дает возможности производить тела с абсолютной синхронностью. Кроме того, мы не отважимся на подобный эксперимент из этических соображений: в нем заложено зло.»

«Да, конечно, — согласился Ла Виро, — но все-таки, если б это произошло?»

«Я полагаю, что тело, лишенное ка, должно само развить его в себе. И хотя изначально второе тело представляет собой точную копию первого, вскоре оно станет другой личностью. Его отличия от первого будут определяться другой окружающей средой, иным жизненным опытом. Будучи похожим на первое, оно станет новым индивидуумом.

Но мы теряем время на мелочи. Вернемся к главному. Большинство ка, лишенные телесной оболочки, уходят навсегда, и сознание не возвращается к ним. По крайней мере, мы на это надеемся. Чудовищно оказаться пленником недостижимой плоти без возможности управлять ею, общаться с себе подобными, осознавая при этом свое состояние. Это, несомненно, принесло бы лишь муки осужденному, да и наблюдать за подобным тоже ужасно.

Но никто из воскресших не помнит времени между смертью и своей второй жизнью...»

Из слов незнакомца Ла Виро узнал, что лишь незначительная часть умерших на Земле не стала частью скитающихся ка. Исчезли навсегда лишь немногие, неведомо куда и почему. Старейшины сказали этикам, что эти ка воссоединились с Создателем — или, по крайней мере, находятся подле Него.

Гость видел, что у Ла Виро опять возникла масса вопросов. Он сказал, что, разумеется, ответит на них, но только на самые существенные. Откуда этикам известно, что некоторые ка исчезли? Как им удалось просканировать огромное множество ка и проследить за каждым?

«Вам нужно отдавать себе отчет в огромных возможностях нашей науки, — сказал незнакомец, — хотя ваше воображение не в состоянии, конечно, представить себе силы, сформировавшие этот мир и вернувшие вас к жизни. Ваше существование здесь — это лишь

крошечная доля того, что нам подвластно. Да, мы провели подсчет всех ка, появившихся на Земле. Потребовались сотни лет, но мы это сделали.»

Теперь вы понимаете, что все, что казалось вам сверхъестественным, осуществлено лишь силами науки. Человеческий разум согласился с тем, что все это — не деяния Господа. Мне же кажется, Он полагал, что существа, одаренные способностью мыслить и ощущать, способными совершить такое. Весьма возможно, дар мысли и ощущения — это и есть ка, о котором говорил этик.

«Позвольте мне несколько отвлечься и сказать несколько слов о себе, — продолжал гость, — хотя напрямую это к делу не относится. Мне кажется, что вы видите во мне если не бога, то как минимум его кузена. Я ощущаю ваше прерывистое дыхание, запах пота; я улавливаю ваш испуг, вижу выражение страха. Не бойтесь меня! Действительно, в нравственном отношении я превзошел вас, ушел далеко вперед, но в сем нем повода для кичливости. В ваших силах сравняться со мной и, не исключено, меня превзойти.

В кончиках моих пальцев заключено могущество, в сравнении с которым ваша наука — ничто. Но я не умнее большинства образованных людей, живущих в долине, я тоже совершаю ошибки и впадаю в заблуждения.

Но вот что запомните: когда — или если — вы начнете проповедовать, то старайтесь внушить следующее: чем выше взобрался, тем ниже упадешь. Другими словами, предостерегайте людей от регресса. Вам незнакомо это слово? Ну, тогда — бойтесь соскользнуть назад! Пока ка устремлено вперед, регресс вам не грозит, но обретших плоть вечно подстерегает такая опасность. Эта рекомендация одинаково важна и для вас, и для меня.»

В этот момент Ла Виро подошел к гостю вплотную; его охватило острое желание коснуться незнакомца, да-

бы убедиться, что тот — также существо из плоти и крови. Неожиданно гость отшатнулся и воскликнул: «Не делайте этого!» Ла Виро отдернул руку и было заметно, как оскорбила его выходка этика.

«Извините меня, — поспешил заметить гость, — мне очень жаль, но я вынужден просить вас не касаться меня. Причину я сейчас объяснять не буду, но настанет день, когда я смогу обнять вас, и тогда вы все поймете.»

И наконец, братья и сестры, — продолжил свой рассказ Геринг, — незнакомец стал излагать Ла Виро причины, по которым ему следует исповедовать новую религию. Ее название придумал Ла Виро. Гость не вынуждал его, лишь просил, но он хорошо знал, что этот человек не отступит от данного им слова.

Сегодня мы не будем вдаваться в обсуждение догматов Церкви Второго Шанса и способов их воплощения. Это займет слишком много времени; о них мы поговорим на завтрашней встрече. В заключение только скажу, что Ла Виро спросил гостя, почему именно его — Жака Жилло — избрали основателем Церкви.

«Ведь я всего-навсего невежественный метис, вырос в дремучих канадских лесах, — говорил Ла Виро. — Мой отец был белым охотником, мать — индеанкой... На нас свысока поглядывали правящие в той земле британцы. Племя моей матери презирало ее — за то, что она согласилась стать женой бледнолицего; отца, за женитьбу на краснокожей, презирали и французы, и англичане, на которых он работал. В двенадцать лет я уже стал дровосеком. В результате несчастного случая в юности я остался хромым на всю жизнь и до конца дней своих стряпал еду для лесорубов. Моя жена, тоже наполовину индеанка, зарабатывала, стирая из белье. У нас было семеро детей, четверо из них умерли в детстве, остальные же стыдились своих родителей. Мы всю свою жизнь посвятили им, воспитывали их в любви и благочестии, и что же? Два старшие сына уехали ра-

ботать в Монреаль, а позднее были убиты во Франции, сражаясь за презиравших их англичан. Дочь, как нам говорили, стала проституткой и умерла от дурной болезни. Жена моя скончалась от разрыва сердца...

Я рассказываю об этом не для того, чтобы разжалобить вас и вызвать к себе сочувствие; просто хочу, чтобы вы поняли, кто я и что из себя представляю. Как же вы можете посылать меня к людям с поучениями, когда я не сумел убедить своих собственных детей в правоте моей веры? Моя жена, умирая, прокляла Бога... Так как же мне говорить с людьми учеными, государственными мужами, священнослужителями?»

Гость улыбнулся.

«Ваш атман сказал мне, что вам это по силам.»

Он встал, снял с шеи серебряную цепочку и надел ее на шею Ла Виро; теперь на его груди лежала золотая спираль.

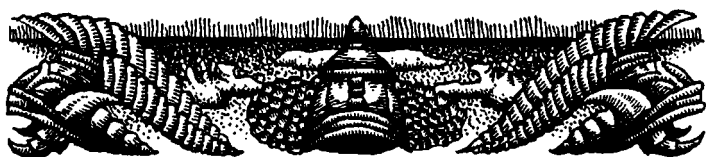
«С этого дня она ваша, Жак Жилло. Старайтесь не обесчестить ее. Никогда! Не знаю, сможем ли мы увидеться еще раз.»

«Нет, нет, не уходите! У меня к вам еще столько вопросов!»

«Вы знаете достаточно. Да благословит вас Бог!»

И он ушел. Дождь и гроза все еще продолжали бушевать, и Жилло, выйдя из хижины за ним, не обнаружил и следа своего гостя.

Он внимательно вглядывался в темное небо, затем повернулся и вошел в свой дом. Совершенно обессиленный, он опустился на стул и так без сна просидел до утреннего извержения грейлстоуна. Тогда он направился к людям и рассказал о происшедшем. Как он и ожидал, слушатели сочли его ненормальным. Но наступит час, и к нему придут уверовавшие в него.

ГЛАВА 8

СКАЗОЧНЫЙ КОРАБЛЬ ПРИБЫВАЕТ В ВИРОЛАНДО

Спустя тридцать три года Геринг оказался в Вироландо. Он жаждал остановиться там на некоторое время, поговорить, если удастся, с Ла Виро; затем он направится в любое место, куда Церковь найдет нужным его послать. Но Ла Виро захотел, чтобы гость задержался здесь, не объяснив, ради чего и надолго ли. Герман принял имя Фениксо, что на эсперанто означало «Феникс».

Это были счастливейшие годы его жизни, и он даже мысли не допускал о разлуке с этим краем.

Тот день казался ему ничем не отличавшимся от остальных. Его радовала приятная монотонность существования, в которой малейшее отступление выглядело событием чрезвычайным, придававшим жизни видимость разнообразия.

После завтрака он поднялся к большому строению, висившему на отроге утеса. Здесь в полдень он проводил свои богословские занятия; окончив их, Герман спустился на берег и у грейлстоуна встретил Крин. Вместе они поднялись на выступ другой скалы, уселись в планер, пристегнулись ремнями, и машина соскользнула с края карниза. Они парили в воздухе на высоте шестисот футов.

В небе над Вироландо носились тысячи планеров. Они то взмывали вверх, то камнем обрушивались книзу, то разворачивались, кренились вправо и влево и плавно кружили в воздухе. Герман чувствовал себя

птицей, скорее даже — вольным духом; то была полная иллюзия свободы. Впрочем, любая свобода — иллюзия, но эта была прекраснейшей из всех фантомов.

Его планер был красным — в память об эскадрилье, некогда унаследованной им после гибели Манфреда фон Ритгофена; этот цвет также символизировал смерть благочестивых мучеников. В небе сверкали желтые, белые, черные, оранжевые, зеленые, синие и пурпурные воздушные птицы.

Благословенная земля Вироландо была богата ископаемыми; особенно ценился красный железняк и другие минералы, годные для производства красящих пигментов. Впрочем, этот край хранил великое множество природных богатств.

Герман промчался под и над соединяющими склоны гор мостками, где стояли дома; иногда он так приближался к деревянным колоннам, что едва не задевал их крылом. Рисковать жизнью — несомненный грех, но противостоять этому искушению он не мог. Его вновь охватывала давняя земная страсть к полетам и неистовый восторг парения в воздухе. Здесь не было терзающего слух рева моторов, не было дыма, забивавшегося в нос и ощущения замкнутости в коробке кабины.

Иногда он поднимался на воздушном шаре и из плетеной корзинки махал рукой толпившимся внизу людям. Как-нибудь в свободное время они с Крин взлетят на тысячу ярдов и, отдавшись на волю ветра, поплывут над долиной. Там, наверху, они целый день смогут болтать, вкушать пищу, предаваться любви в спокойно парящей гондоле, не опасаясь синяков и шишек. Выпустив водород, они спустятся на берег, сложат оболочку в корзину, погрузят ее на лодку и на следующий день вернутся домой.

Через полчаса планер спикировал вниз. У излучины Реки Герман посадил аппарат, разобрал его и с тяжелым грузом на спине направился к утесу, с которого взлетел.

По дороге его остановил человек с гирляндой из красных и желтых цветов на шее, обратившийся к нему со словами:

— Брат Фениксо, вас хочет видеть Ла Виро.

— Благодарю, — ответил Герман, вдруг ощутив беспокойство. Неужели архиепископ решил, что наступил час отослать его из Вироландо?

Его ждали в жилище Ла Виро, занимавшем крыло храма из красного и черного камня, и провели через несколько просторных комнат в небольшую келью. Там находилась немудреная мебель: письменный стол, несколько стульев, обитых рыбьей кожей, бамбуковые скамейки, две койки, столик с кувшинами — с водой и пахучим вином, кружки, коробки с сигаретами, зажигалки и спички, ночной горшок, два цилиндра; на стене была приколочена вешалка для одежды. Под зеркалом располагался еще один столик — с губной помадой, маленькими ножницами и гребнем, дарами грейлстоуна. На полу лежало несколько циновок из бамбуковых волокон и рыба́я шкура в форме звезды. В четырех настенных бра горели лампы. Из открытых наружных дверей на стены и пол падали лучи солнца, а под потолком жужжал вентилятор, овеивая лицо свежим воздухом.

Приветствуя Германа, Ла Виро поднялся со стула. Он был очень высок — около шести футов и шести дюймов, и его кожа была очень смуглой. Острый нос выглядел клювом огромного орла.

— Добро пожаловать, Фениксо, — произнес он глубоким низким голосом. — Присаживайтесь. Что хотите — выпить, закурить?

— Нет, благодарю вас, Жак, — Герман сел на предложенный ему стул. Архиепископ устроился напротив.

— Конечно, вы слышали, что к нам плывет огромный металлический корабль, направляющийся к истокам Реки? Барабаны донесли, что он всего в пятистах милях к югу. Значит, он будет у нас дня через два.

Вы мне рассказывали все, что знали об этих людях — Клеменсе и его компаньоне, Джоне Безземельном. Но то, что там произошло после вашей гибели, вам, естественно, неизвестно. По всей вероятности, им удалось отбить нападение и построить свой корабль... Итак, вскоре они появятся у нас. Насколько я знаю, они люди не воинственные, и опасаться их не следует. Они вынуждены пользоваться чужими грейлстоунами и, хотя вооружены до зубов, стараются не прибегать к силе. Однако я слышал неприятные истории о том, что творят некоторые члены команды при... как это называется?.. отпуске на берег. Из-за выпивки и женщин происходили весьма острые столкновения.

— Извините, Жак, но это совершенно не похоже на людей Клеменса. Конечно, он — человек, одержимый навязчивой идеей и совершал при строительстве судна много такого, чего совершать не следовало бы, но он не из тех, кто спустит подобные грехи.

— За эти годы и он мог измениться, верно? Ведь изменилось же название его корабля: «Рекс Грандиссимус» вместо «Ненаемного».

— Странно... Это название больше похоже на титул, который желал бы носить король Джон.

— По вашим рассказам, он представляется мне способным на многое... Даже на то, чтобы убить Клеменса и присвоить себе его корабль. Но как бы там ни было, а «Рекс» придется встретить вам.

— Мне?

— Вам знакомы строившие это судно люди. Мне бы хотелось, чтобы вы попали туда еще на границе — так вам удастся выяснить обстановку на судне, оценить поведение команды. Еще нам нужны сведения об их военной мощи.

Герман выглядел совершенно озадаченным.

— А теперь, Фениксо, вернемся к рассказанной Клеменсом истории этого длинноносого гиганта, Джо Миллера, да? Если весь рассказ — правда, значит, в

центре полярного моря существует огромная Башня. По-видимому, эти люди хотят проникнуть туда, если только им удастся. Этот замысел представляется мне злом.

— Злом? Но почему?

— Да потому, что Башня, несомненно, дело рук этиков. Люди с корабля хотят туда попасть, разведать их секреты и, возможно, захватить их или даже убить.

— Но вы же ничего об этом не знаете, — возразил Герман.

— Да, но у меня есть основания так полагать.

— Мне никогда не доводилось слышать от Клеменса о стремлении к могуществу и власти. Единственное его желание — добраться до истоков Реки.

— Между сказанным вслух и мыслями человека — огромная дистанция.

— Конечно, Жак. Но почему вас так беспокоит их попытка проникнуть в Башню? Не думаете ли вы, что их жалкие машины и оружие способны нанести хоть какой-то ущерб этикам? Люди перед ними — просто черви. К тому же, что мы можем поделать? Мы не в силах их остановить.

Архиепископ глядел прямо перед собой; его огромные ручищи вцепились в край стола. Затем он медленно перевел взгляд на Германа. Казалось, он снимает с него один покров за другим, добираясь до самой его сердцевины.

— Что-то рушится в этом мире, к великому сожалению... да, рушится! Сначала прекратились воскрешения. По-моему, вы были одним из последних... Должно быть, вы помните, какой ужас вызвала эта новость.

— Я был очень обеспокоен... да что там, просто впал в панику!

— И я тоже. Как архиепископ я обязан ободрять свою паству, а у меня в руках нет никаких обнадеживающих фактов. Возможно, нам оставят еще немного времени... Тот, кто стремился и готовил себя к Исчез-

новению, совершил его, остальным еще предстоит умереть, но их ка, не обрета душевной чистоты, обречены на вечное скитание во Вселенной. Сам я пока что не задумываюсь об этом. Прежде всего потому, что не чувствую себя готовым к Уходу... Мне предстоит еще долгий путь, очень долгий! Кроме того, будь я готов Уйти, вряд ли этики избрали бы меня основателем Церкви. Но можете ли вы представить мои мучения при мысли, что я не исполню своего предназначения? Как же я могу указать людям путь к спасению, когда сам не в силах постигнуть его? Уподобиться Моисею, который привел свой народ в землю обетованную, но сам туда не попал?

— Нет, нет, — пробормотал Герман, — такого не может быть...

— Может, — горько сказал Ла Виро. — Я ведь не бог, а лишь человек. В какой-то момент я даже подумывал сложить сан архиепископа... Возможно, занимаясь делами Церкви я перестал следить за своим нравственным совершенствованием. Я стал самонадеян. Данная мне власть развратила меня на сей ничтожной стезе... Мне следовало бы попросить епископов выбрать нового главу Церкви, а самому, сменив имя, уйти бродячим миссионером. Нет-нет, не возражайте, я ведь думал об этом совершенно серьезно. Но после долгих размышлений я сказал себе, что, поступив так, я предам истину, открытую мне этиками. Вероятно, есть какое-то иное толкование страшного поворота событий в этом мире... Тогда я решился изложить свое понимание происходящего... Да вы и сами все знаете, так как одним из первых услышали об этом.

Герман кивнул; ему довелось распространять послание архиепископа в местности за две тысячи миль от Вироландо. Больше года длилось его путешествие и разлука с любимым краем, но он радовался возможности совершить паломничество во имя Ла Виро и Церкви. Послание гласило: «Не надо страшиться. Веруйте. Последний наш день еще не пришел, все испытания

вперед. Наступило безвременье, но он не будет длиться вечно. Наши мертвые восстанут вновь. Те, кто создал этот мир и дал нам шанс на бессмертие, не оставят нас. Сегодняшнее безвременье — лишь новое испытание. Не надо страшиться. Веруйте!»

Многие люди расспрашивали Германа, в чем же состоит «испытание», но он не мог удовлетворить их любопытства. Возможно, Ла Виро понял, что оно ниспослано этиками; возможно, смысл откроется с его окончанием. Некоторые люди не могли с этим примириться и в горестном разочаровании отступали от Церкви. Но большинство сохранило веру — и, как ни удивительно, появилось и много новообращенных, оказавшихся в плену страха перед реальной потерей второго шанса на бессмертие, причем в самом недалеком будущем.

Вероятно, страх не сделал из них настоящих верующих, но он толкнул их на первый шаг, за которым, возможно, последует и обращение к истинной вере.

— Единственная фраза в моем послании, не являющаяся истиной, — продолжал Ла Виро, — это слова о безвременье, ниспосланном как испытание. У меня нет ни прямого подтверждения, ни вести от этиков, что именно такова его причина. Но, в то же время, это не просто уловка проповедника. Прекращение воскрешений — несомненно испытание, искус. Испытание мужества и силы каждого из нас.

Я считаю, что оно исходит от этиков во имя благой цели. Хорошо, если так! Но мой гость настаивал на том, что несмотря на все их сверхмогущество, они — лишь люди и могут ошибаться и впадать в заблуждения. Значит, они не неуязвимы; с ними могла случиться беда, несчастный случай. Они могли пострадать и от происков врагов.

— Каких врагов? — Герман резко выпрямился на стуле.

— Не знаю, но, несомненно, они могут существовать. Посудите сами. Этот первобытный... нет, не хочу

его так называть, он — человек, пусть даже в таком странном обличье... Так вот, этот человек, Джо Миллер, и египтяне, несмотря на все преграды, добрались до северного моря. Были еще люди, приходившие туда до и после них... Уверены ли вы, что кто-то не проник в Башню и не совершил нечто чудовищное, даже не подзревая о содеянном?

— Трудно поверить, что этики не обладают надежной защитой, — усомнился Герман.

— А-а! — Ла Виро поднял вверх палец. — Вы забыли о таких тревожных фактах, как тоннель и канат, обнаруженных Джо Миллером! Кто-то пробурил проход в горах и спустил вниз веревку? Так вот, кто это сделал и с какой целью?

— Возможно, это кто-то из второразрядных этиков, какой-нибудь предавший их агент... Ведь даже ваш гость признался, что не застрахован от ошибок... Если такое происходит с ним, то еще более вероятны заблуждения у простого агента.

Ла Виро пришел в ужас.

— Мне... мне следовало бы помнить об этом! Это же... невероятно опасно!

— Опасно?

— Да! Агенты продвинулись в этическом плане значительно дальше нас. И тем не менее, даже они... они еще ждут...

Ла Виро прикрыл глаза, его большой и указательный палец сомкнулись, образуя букву «О». Герман молчал. Архиепископ беззвучно читал молитвы церковной службы, сочиненные им самим. Через две минуты он открыл глаза и улыбнулся гостю.

— Если так, — твердо сказал он, — нам следует смело встретить развитие события и быть готовыми ко всему. Жизнь в руках Твоих, Господи... и в наших.

Однако вернемся к нашему разговору, побеседуем о главной причине вашего посещения корабля. Я очень прошу вас отправиться туда и понаблюдать за всем, чем

только возможно. Постарайтесь узнать намерения капитана, короля Джона, и его команды. Выясните, не представляют ли они опасности для этиков. Возможно, они располагают механизмами и оружием, способными открыть им путь в Башню.

Ла Виро помрачнел.

— Настало время и нам внести свою лепту.

— Надеюсь, вы не хотите прибегнуть к насилию?

— К людям — нет; что же касается корабля, Герман, то мы должны его утопить. Правда, эта мера крайняя и прискорбная, и мы прибегнем к ней лишь в том случае, если будем уверены, что никто из людей не пострадает.

— Я... я не знаю, — растерялся Герман. — Мне кажется, что поступая подобным образом, мы недостаточно доверяем этикам. Они же сами могут справиться со всем, что люди способны обратить против них.

— Кажется, вы попали в ловушку, от которой нас непрестанно предостерегает Церковь, — в ловушку, от которой неоднократно ограждали сами себя. Этики — не боги. Есть лишь один Бог!

— Хорошо, — Герман поднялся с места. — Я отправляюсь на корабль немедленно.

— Вы побледнели, Фениксо. Не надо впадать в панику. Совершенно не обязательно разрушать это судно. К тому же, если будет хоть малейшая вероятность гибели людей, мы на не пойдем на такие меры.

— Меня пугает вовсе не это, — ответил Герман, — а то, что какая-то частица во мне с радостью включилась в интригу, возбуждаясь при мысли о взрыве корабля. Во мне заговорил прежний Герман Геринг, все еще живущий внутри меня. А казалось, что я распрощался с ним навеки...

* * *

Несомненно, «Рекс Грандиссимус» был прекрасным судном, вызывающим среди всех, кто его видел, страх и восторг. Корабль стремительно бороздил воды Реки, вспахивая их гигантскими гребными колесами; на верхушке мачты, над капитанским мостиком, реял флаг с тремя золотыми орлами на алом фоне. Стоявший на палубе трехмачтовой шхуны Герман Геринг воззрился на него с немалым изумлением: на штандарте не было алого феникса — символа Клеменса.

Над огромным кораблем парило множество планеров, сама же Река была забита множеством судов и суденышек, переполненных официальными лицами и просто любопытными.

Корабль замедлил ход — его капитан правильно понял смысл выстрелов, раздавшихся со шхуны Геринга. Но кругом сгрудилось слишком много судов и лодок, и опасность столкновения возрастала с каждой минутой. Пришлось застопорить судно; его колеса вращались все медленней, лишь для того, чтобы «Рекс» не сносило течением.

Когда шхуна поравнялась с кораблем, ее капитан, подняв к губам рупор из бивня речного дракона, окликнул людей на «Рексе».

Стоявший на нижней палубе человек подошел к внутреннему телефону, что-то передал в рулевую рубку, и через минуту оттуда вышел мужчина, державший в руках какой-то прибор с раструбом. Его голос мощно раскатился над Рекой, оглушив Германа; он пришел к выводу, что прибор снабжен радиоусилителем.

— Поднимайтесь на борт! — разрешение прозвучало на эсперанто.

Несмотря на дальность расстояния — человек стоял примерно футях в ста и на высоте около пятидесяти пяти футов — Герман тотчас узнал его. Темно-рыжие волосы, широкие плечи, овальное лицо... Да, то был

Джон Безземельный, экс-король Англии, властитель Ирландии и так далее и тому подобное. Через несколько минут Герман вступил на нижнюю палубу и, в сопровождении двух вооруженных до зубов стражей, поднялся на лифте к капитанскому мостику. По дороге он спросил у одного из своих спутников:

— Что произошло с Сэмом Клеменсом?

Тот изумленно вскинул на него глаза.

— Откуда вы о нем знаете?

— Слухи обгоняют корабль, — уклонился от прямого ответа Геринг. Собственно, это тоже было правдой, и если он не сказал всего, что знал, то, по крайней мере, не осквернил уста ложью.

Они вошли в рулевую рубку. Джон, облокотившись на спинку штурманского кресла, глядел в окно. Он обернулся на стук дверцы лифта, и глазам Германа предстал невысокий плотный человек мужественного вида, с широко расставленными голубыми глазами на овальном лице. Он был весь затянут в кожу — черная куртка, лосины, сапоги; на куртке блестели золотые пуговицы, на козырьке фуражки беззвучно разевала пасть львиная морда. Любопытно, подумал Герман, где же он сумел раздобыть столь редкое здесь золото? Может быть, отобрал у неудачливого воришки?

Один из сопровождавших Геринга воинов отдал честь и доложил:

— Эмиссар из Вироландо, сир.

Итак, все-таки «сир», а не «сэр»! Геринг приподнял бровь.

Очевидно, Джон не узнал своего гостя. Удивив Германа, он, любезно улыбаясь, протянул руку. Тот пожал ее. Почему бы ему не обменяться рукопожатием с капитаном? Он — не мститель, а лишь посланец, исполняющий свой долг.

— Приветствую вас на борту «Рекса», — начал Джон. — Я — его капитан, Джон Безземельный. Как видите, землей я действительно не владею, но зато у

меня есть нечто большее — это судно. — Он засмеялся и добавил: — Если это что-то для вас значит, когда-то я был королем Англии и Ирландии.

— Я — брат Фениксо, младший епископ Церкви Второго Шанса и секретарь Ла Виро. От его имени прошу вас пожаловать в Вироландо. Да, Ваше Величество, мне довелось читать о вас. Родился я в Баварии в двадцатом веке.

Рыжеватые брови Джона поползли вверх.

— Я слышал о Ла Виро. Но рассказывали, что он живет вблизи истоков Реки.

Он представил Герингу присутствующих. Из них он знал лишь первого помощника, Августа Страбвела, крупного светловолосого американца. Страбвел пожал ему руку: «Добро пожаловать, епископ». Судя по всему, он его тоже не узнал. Что ж, ничего удивительного: ведь в Пароландо он был тридцать три года тому назад.

— Не хотите ли выпить? — предложил Джон.

— Нет, благодарю вас, — отказался Герман. — Я надеюсь, вы не будете против, если я останусь у вас на корабле, капитан? Мне предписано сопровождать вас до столицы. Мы встречаем вас с миром и любовью — в надежде, что и вы прибыли с такими же чувствами. Ла Виро желает увидеться с вами и передать свои благословения. Возможно, вы захотите сделать остановку и даже спуститься на берег — пребывайте с нами столько, сколько пожелаете.

— Видите ли, я не являюсь членом вашей конгрегации, — Джон принял из рук вестового бокал со спиртным, — но весьма уважаю Церковь. Она играет огромную просветительскую роль в жизни Реки, чего не могу сказать о той, к которой я некогда принадлежал. Ваша Церковь весьма облегчила нам путешествие, усмирив воинственные нравы обитателей долины. Хотя, надо сказать, и так немногие рисковали нападать на нас.

— Рад слышать от вас подобные слова, — Герман решил не вдаваться в воспоминания о подвигах Джона

в Пароландо. Возможно, он изменился за эти годы и этим стоило воспользоваться.

Капитан приказал устроить Германа на корабле. Ему отвели каюту в верхней надстройке, длинном мостике, который тянулся от помещения под рулевой рубкой до конца штормовой палубы. Там жили высшие офицеры.

Джон начал расспрашивать Геринга о его земной жизни, но тот отказался говорить о прошлом, заявив, что важно лишь настоящее.

— Однако, — возразил экс-король, — настоящее — это итог прошлого. Впрочем, если вы не хотите говорить о себе, то, может быть, расскажете о вашей стране?

Вопрос звучал совершенно естественно, но Герман предположил за ним скрытый интерес к военному потенциалу Вироландо. Ему не хотелось признаваться в полном его отсутствии; пусть лучше гость сам все разузнает. Однако он дал понять, что никто с борта «Рекса» не будет допущен на берег с оружием в руках.

— Ни в одной другой стране я бы не позволил отойти от обычных правил, — усмехнулся Джон, — но здесь, в самом сердце святой Церкви, мы, конечно, будем в полной безопасности.

— Да, насколько мне известно, это уникальная страна, — заметил Герман. — Здесь все необыкновенно — и ландшафт, и люди. Впрочем, ландшафт вы уже можете оценить, — он показал рукой на уступы гор.

— Действительно, города на столбах я еще не встречал. — Джон вглядывался в берег. — Ну, а чем же замечательны его жители?

— Большинство из них — дети Реки. В день Первого Воскрешения эти места оказались заполненными ребятами, умершими в возрасте пяти-семи лет. На каждого взрослого приходилось до двухсот малышей... кажется, такого больше не было нигде. Детишки происходили из самых разных стран и эпох, различных на-

ций и рас, и объединяло их лишь одно — все они были страшно напуганы. На их счастье, бывшие с ними взрослые оказались выходцами из миролюбивых цивилизованных стран — Скандинавии, Исландии, Швейцарии. Здешние места не стали ареной жестокой борьбы за власть, как это случалось почти повсеместно. Широкий пролив отделял страну с запада от живших там гигантопитеков, а непосредственные западные соседи тоже оказались мирным народом.

В силу этого взрослые смогли все свое время посвятить воспитанию детей.

Позднее Ла Виро объявил о встрече с одним из таинственных создателей этого мира — весть, воспринятая с недоверием, так, как обычно принимали первые обращения пророков.

Но у Ла Виро оказалось нечто, воздействующее сильнее слов и убеждений — веское и очевидное доказательство. Им владел только он и происходить оно могло лишь от этиков.

Речь идет о золотой спирали, о Даре, как обычно ее называют; вы поглядите на ее в храме. Итак, Ла Виро нашел свое прибежище в этих местах, где дети росли в атмосфере строгости и любви. Все, что вы видите вокруг, создано их руками.

— Если ваши жители так же прекрасны душой, как прекрасна их страна, то они должны быть ангелами во плоти, — колко заметил Джон.

— Они — люди, — спокойно ответил Герман, — а потому эта страна — не Утопия и не рай. Но я совершенно уверен, что вряд ли отыщется еще один край, где собралось столько истинно дружелюбных, открытых и благородных людей. Для добрых душ здесь лучшее место в этом мире.

— Возможно, и в самом деле стоит вкусить долгий отдых в вашей стране, — задумчиво сказал Джон. — Нам нужно произвести ремонт кое-каких узлов в двигателе, а на это уйдет много времени.

— Время вашего пребывания здесь зависит только от вас.

Джон внимательно взглянул на Геринга.

Герман улыбнулся. Что на уме у короля? Рассчитывает ли он захватить врасплох виrolандцев или на самом деле просто отдохнуть, не опасаясь неприятностей с судном?

В этот момент в рубку вошел еще один человек; ростом около шести футов, широкоплечий, с широкой грудью, он привлекал внимание незаурядной внешностью. Прямые черные волосы прядями падали ему на лоб, под выступающими надбровными дугами свирепо поблескивали мрачные черные глаза. «Одно из самых властных лиц, которые я когда-либо видел», — мелькнуло в голове у Германа. Этот человек излучал эманацию, которую во времена его детства называли «животным магнетизмом».

Бросив на него взгляд, Джон представил вошедшего:

— Это Гволчгвинн — командир десантников. Вам следует потолковать с ним; он — прекрасный парень, великолепный фехтовальщик и стрелок. К тому же, классный игрок в покер. Он родился в Уэльсе, и может похвастать королевским происхождением как по мужской, так и по женской линии. По крайней мере, так он нам говорил.

Геринг почувствовал, как кровь бросилась ему в голову.

Он пробормотал еле слышно: «Бартон!»

* * *

Похоже, никто не услышал его сдавленного шепота.

По выражению мгновенно подавленного изумления на лице Бартона Герман понял, что тот узнал его. Когда вошедшему представили гостя как брата Фениксо,

эmissара Ла Виро и епископа, он поклонился и с иронической улыбкой протянул: «Ваше преподобие...»

— В нашей Церкви такого титула нет, сэр, — возразил Геринг.

Бартон прекрасно это знал, но явно решил понасмешничать.

Но дело было не в этом; важно другое: он определенно не имел намерения раскрыть настоящее имя Геринга. Разумеется, он промолчал не из симпатий к нему или желания помочь — ведь назови Бартон его подлинным именем, Герман ответил бы тем же и разоблачил мнимого уэльсца королевской крови. А у Бартона, видимо, на карту было поставлено слишком много, значительно больше, чем у него самого. Собственно, сейчас у Геринга вообще не имелось особенных резонов скрывать свое настоящее имя. Единственная причина — он хотел избежать лишних объяснений своего присоединения к церковному братству. Он никого не собирался убеждать в том, насколько искренним стало его обращение.

Король Джон был совершенно очарован своим гостем, даже не подозревая в нем человека, которому когда-то проломил голову рукояткой пистолета. Герман решил предоставить событиям идти своим чередом. Если Джон уже решился на насилие и грабеж, то, узнав в госте свою давнюю жертву, он будет скрывать такие намерения до последнего.

Если же в брате Фениксо он видит безобидного епископа, то скорее перестанет чиниться и опасаться разоблачения — и, не исключено, что чем-нибудь выдаст себя.

Конечно, оставалась надежда, что за эти годы характер Джона изменился к лучшему, иначе вряд ли гордец Бартон согласился бы служить у него. Впрочем, нет; он мог это сделать ради достижения своей заветной цели — любыми способами добраться до истоков Реки. И все-таки, все-таки... Не был ли Джон все тем же че-

ловеком-гиеной, которого запомнил Геринг? При сем, обижать гиен он том ни в коем случае не хотел...

Ему оставалось лишь выжидать, предпринимая осторожные попытки вывести правду.

Джон пригласил епископа осмотреть корабль, на что Геринг согласился с превеликим удовольствием; он покинул Пароландо до завершения строительства, но даже после стольких лет хорошо помнил план корабля. Сейчас же он увидит его в натуре, со всем оборудованием и вооружением, и сможет дать полный отчет Ла Виро. Пусть тогда архиепископ решит, легко ли затопить такой корабль! Геринг не принял всерьез этого его намерения, полагая, что без кровопролития совершить подобное невозможно. Но он заявит о своем мнении лишь тогда, когда его о нем спросят.

Начался обход судна, и Бартон незаметно исчез. Через десять минут он вновь присоединился к ним — как раз в тот момент они входили в гостиную. Внезапно у одного из столов Геринг увидел американца Питера Фригейта и англичанку Алису Харгривс, играющих в бильярд. Он был так поражен, что замешкался с ответом на какой-то вопрос Джона. При воспоминании о совершенных над ними издевательствах (над женщиной — особенно!) он ощутил всю глубину своей вины.

Вот сейчас непременно раскроется его настоящее имя!

Тогда его припомнит Джон, да и Страбвелл тоже. И, конечно, король сразу же потеряет к нему всякое доверие.

Геринг уже жалел, что не назвал себя Джону. Но разве можно было представить себе, что на корабле окажется хотя бы один человек, знавший его — это из тридцати пяти или шести миллиардов! А их здесь уже нашлось трое...

Готт! А где же остальные? Где неандерталец Казз, так почитавший Бартона? Где арктурианец, заявляв-

ший, что он прибыл с планеты Тау Кита? Где эта женщина по имени Логу, еврей Руах?

Когда он вошел в гостиную, все обернулись к нему. Пианист, наигрывавший рэгтайм «Котенок на клавишах», приостановил игру. Страбвелл попросил у присутствующих минуту внимания и представил им брата Фениксо, посланца Ла Виро, который последует с ними до Аглейо, столицы страны. Он просил принять гостя со всей учтивостью, но в данный момент не мешать беседе с Его Величеством о плавании «Рекса».

Вновь зазвучал рояль, и возобновилась общая болтовня.

Фригейт и Алиса задержали на нем взгляды чуть дольше остальных и вновь принялись за игру. Похоже, они тоже не узнали его. Ну, что ж, это весьма возможно, подумал Герман; с последней их встречи прошло почти шестьдесят лет, да и приятных воспоминаний она явно не оставила. Хотя его обращение с ними было столь чудовищным, что вряд ли они могли забыть его лицо... К тому же Фригейт на Земле видел много его фотографий в молодости, он должен был легко его узнать.

Конечно же, они не забыли его: скорее всего, Бартон в тот момент, когда ненадолго отлучился, успел предупредить их. Но зачем?

Может быть, их молчание — знак отпущение грехов? «Сейчас мы ничего не помним, ибо ты стал другом. Допустим, что мы встречаемся впервые...»

Но это могло произойти лишь в том случае, если изменился и сам Бартон, во что трудно поверить. Скорее всего, единственной вероятной причиной являлось опасение, что Геринг раскроет настоящее имя Бартона; вероятно, Фригейт с женщиной тоже носили другие имена.

Ему никак не удавалось сосредоточиться на своих рассуждениях; Джон, разыгрывая любезного хозяина, желал непременно продемонстрировать ему все, до са-

мой последней мелочи. Он представил множество людей, знаменитых и безвестных в свое время — за долгие годы странствий по Реке Джон заполучил массу достопримечательных особ. При этом, отыскав очередную знаменитость, он немедленно выставлял на берег менее замечательную персону, освобождая койку для нового экспоната.

На Геринга все они не произвели особого впечатления, хотя Джон явно надеялся его поразить. Будучи вторым человеком в верхах немецкого рейха, он встречался со многими великими того, прошлого мира, а потому они не внушали ему благоговейного трепета. Более того, он безошибочно распознавал под благообразными масками грандов и полуграндов обоих миров совсем иную личину, резко отличную от той, которая выставлялась напоказ.

Здесь, в Мире Реки, он встретил лишь одного поразившего его человека, бывшего на Земле полной ничемностью и неудачником. Этого человека звали Жак Жилло, Ла Виро, Ла Фондино.

На Земле тоже была личность, внушавшая ему благоговение, подавившая его и подчинившая своей воле. То был Адольф Гитлер. За многие годы он лишь однажды усомнился в правоте фюрера, но тотчас же уступил ему. Сейчас, под грузом прожитых в Мире Реки лет и воззрений Церкви, он утратил какое бы то ни было почтение к этому безумцу. Он потерял всякое уважение и к Герингу тех лет; более того, он возненавидел его.

Но после приобщения к Церкви он отказался от этой поглощенности самобичеванием. Недостойно выделять себя, лелеять преступное честолюбие, надуваться от самомнения, предаваться изуверски извращенной правдивости. Но возникала и другая крайность — гордыня самоуничтожения. То был типично христианский грех, хотя встречающийся и в других религиях. Ла Виро, проживший свой срок на Земле благочестивым ка-

толиком, даже не слышал о подобном; его священник никогда не упоминал о таком грехе в своих вгоняющих в сон проповедях. Только в Мире Реки Жилло узнал об этом древнем, но редко упоминавшемся пороке.

Перед концом войны Герингу стало известно о душевной болезни Гитлера, но и тогда он остался верен ему. Верность — одна из его добродетелей, нередко приводившая его к непоправимым ошибкам. В отличие от большинства подсудимых на Нюрнбергском процессе он не отрекся и не предал своего фюрера.

И теперь он желал не утратить мужества и отстаивать избранного им вождя. Пусть это грозит ему несчастьем, унижением, даже смертью... Если б только он мог доводить все до конца!

— Вы так и поступаете ежедневно, — сказал ему как-то Ла Виро, — просто одновременно меняются и жизненные обстоятельства.

Третьим человеком, поразившим его, был Ричард Френсис Бартон. Он не сомневался, что будь Бартон на его месте, он без колебаний бросил бы Гитлеру: «Нет!» и «Вы ошибаетесь!» Как же он приспособился к жизни на этом корабле? Под рукой короля Джона — самонадеянного, не терпящего ничьих возражений деспота?

Может быть, Джон стал другим? И Бартон тоже? Может быть, оба изменились так, что прекрасно ладят друг с другом?

Он снова вздрогнул: к нему с протянутой в приветствии рукой подходил Вернер Фосс. Некогда они встречались, но Фосс, видимо, не узнавал его.

Геринг был прекрасным летчиком, но всегда отдавал себе отчет, что с Фоссом ему не сравниться. В ноябре 1916 года тот одержал свои первые победы — сбил два самолета союзников. 23 сентября 1917 года, когда ему исполнилось лишь двадцать лет, он в одиночку вступил в бой с семью лучшими британскими летчиками и был сбит. Меньше чем за год ему удалось одержать сорок восемь побед в воздухе и стать четвертым в

списке лучших асов немецкой авиации. За этот короткий срок его несколько раз отзывали с фронта по самым различным поводам, причем далеко не случайно. Дело в том, что его счет приближался к количеству побед Манфреда фон Ритгофена. Обладая большой властью, барон делал все возможное, чтобы хоть временно устранить Фосса от полетов. Так же поступали и два других аса — Карл Шефер и Карл Альменрезер.

Здесь Фосс стал первым заместителем командира воздушных сил корабля. Как заметил монарх — «мой второй эшелон». Командиром же был Киндзи Окабе, один из знаменитейших японских воздушных асов. При знакомстве маленький желтолицый человек церемонно поклонился Герингу. Герман о нем никогда не слышал; во время второй мировой войны Германия почти не получала информации от своих восточных союзников. Но, видимо, его мастерство было весьма внушительным, если Джон назначил его командиром великого Фосса. Хотя не исключено, что японец просто очутился на судне раньше немца.

Остальных авиаторов — двух летчиков-истребителей и одного пилота бомбардировщика — Герман тоже не знал.

Он с радостью потолковал бы с Фоссом о давних днях первой мировой войны, но, тяжело вздохнув, поплелся вслед за Джоном по трапу на палубу С — штурмовую. Обойдя все палубы, они вернулись в гостиную освежиться бокалом вина со льдом. Герман выпил одну порцию и заметил, что Джон за это же время приложился дважды. Лицо короля побагровело, но связности речи он не утратил: разговор шел о Ла Виро, и Герман откровенно отвечал на все его вопросы. Да и что стоило скрывать?

— Можете ли вы сказать, епископ, даст ли Ла Виро разрешение на долгую стоянку для ремонта?

— Полагаю, он не будет против. Ведь в конце концов вы все — потенциальные последователи Церкви.

— Меня совершенно не интересует, сколько вы подцепите душ после того, как мы потопим судно Клеменса. Вам, вероятно, неизвестно, что он пытался покончить со мной и моими людьми, чтобы единолично завладеть кораблем? Да поразит Бог молнией с небес этого хорька! Но нам удалось их одолеть, а его чуть не убили. Корабль отправился вверх по Реке, а он стоял на берегу, витийствовал и грозил нам кулаками. Я смеялся, воображая, что вижу его в последний раз, но, однако, ошибся.

— Вы представляете, где сейчас может находиться Клеменс? Далеко ли отсюда?

— Думаю, вы увидите его через несколько дней после окончания ремонта «Рекса», — ответил Джон. — Мы и ремонт постоянно откладывали, опасаясь нападения.

— Но это значит... — Геринг осекся, не рискуя облечь в слова мелькнувшее в голове предположение.

— Да, это означает, что впереди схватка! — свирепо оскалил зубы в усмешке Джон.

Очевидно, он решил избрать для стоянки это широкое и длинное озеро, в котором достаточно места для маневрирования. Он явно проговорился, хотя сейчас было разумнее промолчать. Тут же король начал поносить Клеменса, называя его лжецом, предателем, кровопийцей, извергом; короче, Сэм Клеменс — одержимый насильник, а Джон — его безвинная жертва.

Но Герман не дал себя так легко провести. Зная их обоих, он был совершенно уверен, что лжецом, предателем и насильником был и всегда оставался Джон. Его удивляло лишь, как удалось захватчикам судна скрыть правду от людей, пришедших на него позднее.

— Ваше Величество, вы совершили долгое, трудное и опасное путешествие. Видимо, у вас было много людских потерь. Много ли осталось народа из вашей первой команды?

— Странно, — прищурил глаза король, — почему вы об этом спрашиваете?

Геринг пожал плечами.

— Да просто из любопытства. На Реке масса воинственного люда и, вероятно, у вас не раз пытались захватить корабль. В конце концов, это...

— Это сокровище, стоимость которого значительно выше того же веса алмазов? — Джон рассмеялся. — Да, это так. Я мог бы рассказать кучу историй о жестоких схватках, когда мы отбивали «Рекс». Ну, а из отплывших на судне из Пароландо остались сейчас только двое — я и Август Страбвел.

Значит, Джону и Страбвелу удалось избавиться от длинных языков, готовых поведать правду новичкам. Способов много: можно столкнуть с палубы во время шторма — никто и всплеска не услышит; можно спровоцировать ссору, обвинить человека в нерасторопности или строптивости; да мало ли что еще можно придумать! Найдется сколько угодно методов уничтожения или изгнания с судна неугодных людей. А несчастные случаи, исчезновения и списывание на берег служило уроком и заставляло оставшихся держать язык за зубами.

Внезапно Герингу пришла в голову еще одна причина молчания Бартона. Если бы Джон опознал в нем проповедника из Пароландо, то, еще до прихода в Аглейю, с ним мог произойти «несчастный случай», и тогда никакое нежелательное донесение не отправилось бы к Ла Виро.

«Вероятно, — подумал Геринг, — слишком уж я подозрителен...»

Но в глубине души он так не считал.

* * *

Они вышли из гостиной и направились к носовой части надстройки, где находилась обзорная рубка; ее полукруглая передняя стена была ограждена пуленепробиваемым стеклом, а рядом с входом круглился ствол лифта, ведущего в рулевую кабину. Тут стояли столы со стульями, несколько диванов, и сверкал бутылками небольшой бар. Негромко звучала музыка; видно, ее транслировали из радицентра по всему кораблю.

Джон и Геринг сели. Вначале речь зашла о неутраченных ветрах, грозивших продержаться чуть ли не два месяца, но Герман перевел разговор на предстоящее сражение. Ему хотелось сказать

— «Ну что вам в этой борьбе? Ради чего она ведется? Почему ваши и Клеменса люди должны испытывать жесточайшие муки из-за событий многолетней давности? Вы оба кажетесь безумцами! Почему бы вам не покончить с этим глупым соперничеством? Сейчас у Клеменса есть другой корабль — зачем ему два? Который из них не нужен ему? Ведь один неминуемо будет разрушен, и мне представляется — именно ваш, Ваше Величество! Судя по размерам и возможностям его судна, сомнений в этом не возникает.»

Вместо этой тирады он произнес:

— Может быть, вам совсем не обязательно вступать в борьбу с Клеменсом. Можно ли после стольких лет еще терзаться жаждой отмщения? Ведь вы хотите отомстить ему за попытку убить вас? А если все-таки простить ему? Часто время охлаждает пылкие страсти, вызывая к жизни здравый смысл. Может быть...

Джон пожал плечами и поднял вверх руки, вытянув пальцы.

— Поверьте, брат Фениксо, я возблагодарил бы Бога, если бы Клеменс опомнился и проникся миролюбием. Я — человек совсем не воинственный и хочу жить в

мире со всеми и каждым. Если на меня не поднимают руку, я никогда не подниму свою.

— Я просто счастлив это слышать, — живо отозвался Геринг, — и уверен, что Ла Виро с радостью выступит посредником в любых ваших переговорах, которые помогут установить дружеские отношения. Как и все мы, он готов на многое, чтобы избежать кровопролития и добиться воцарения доброжелательности и, по возможности, любви между вами и Клеменсом.

Джон нахмурился.

— Сомнительно, чтобы этот демон-кровопийца согласился на встречу... разве только для того, чтобы воспользоваться случаем и прикончить меня.

— Вам только нужно дать согласие...

— Клеменс всегда будет ненавидеть меня из-за своей жены... она была убита тогда... случайно... во время схватки на корабле. Они разошлись, но он все еще любил ее. Меня же он считает виновником ее гибели.

— Но это произошло до прекращения воскрешений, — сказал Геринг, — и она просто куда-то переместилась.

— Это не имеет значения. Практически нет никакой надежды, что он ее когда-нибудь увидит, и она для него все равно что мертва... Впрочем, она была мертва для него и до убийства. Вы, наверное, знаете — она была влюблена в носатого француза де Бержерака. — Джон громко засмеялся. — Он участвовал в нападении на мой корабль. Перед тем, как выпрыгнуть из вертолета, я здорово треснул его по голове! Здесь, на борту, он скрестил шпагу с капитаном Гволчгвинном, и француз — единственному в мире! — удалось одержать над ним победу. Правда, капитан утверждает, что его на секунду кто-то отвлек, иначе бы де Бержераку никогда с ним не справиться. Ему-то не придется по душе наше примирение с Клеменсом — он жаждет отомстить.

Германа весьма удивил такой образ мыслей Гволчгвинна-Бартона; он обернулся, но того уже не было рядом.

В этот момент в гостиную вошли два человека с бо-
чонками вина, и Геринг опять узнал одного из них. Гос-
поди, да неужто этот корабль и впрямь набит его ста-
рыми знакомцами?!

Это был человек среднего роста, казавшийся хруп-
ким, но весьма крепкий физически, рыжеватый блон-
дин с глазами цвета спелого ореха; его имя было Мак-
Парлан, и он прибыл в Пароландо на день позже Гер-
ринга. Герману случалось говорить с ним о Церкви Вто-
рого Шанса, и собеседник, при всей вежливости, весь-
ма настойчиво отстаивал свои взгляды.

Его имя Герман хорошо запомнил еще на Земле.
Мак-Парлан когда-то прославился как сыщик агентства
Пинкертон, проникший в ряды тайной организации
ирландских шахтеров «Молли Магуайр» и способство-
вавший ее разгрому в 1870 году.

Геринг, выходец из двадцатого века, возможно ни-
когда бы и не узнал об этой давней истории, если б не
его безумная любовь к книгам о Шерлоке Холмсе. Он
вычитал где-то, что фабула и вымышленные персонажи
повести Конан Дойла «Долина ужаса» соответствуют
подлинной истории Молли Магуайр и Мак-Парлана.
Это заставило его обратиться к книге Алана Пинкерто-
на «Молли Магуайр».

В октябре 1873 года Мак-Парлан под именем
Мак-Кенны проник в тайное общество. Жизнь молодого
сыщика неоднократно подвергалась серьезнейшей
опасности, но его спасали мужество, настойчивость и
сообразительность; через три года ему удалось разобла-
чить подпольщиков.

Глава организации был повешен, движение разгро-
млено, а владельцы шахт продолжали обходиться с шах-
терами как с рабами.

Мак-Парлан скользнул взглядом по лицу епископа;
на его собственной физиономии не отразилось ровным
счетом ничего. Но по тому, как сверкнули его глаза,
Герман почувствовал, что узнал. Мак-Парлан был

опытным сыщиком — однажды увидев человека, уже никогда его не забывал.

Он не представился гостю. Непонятно, было ли то поведением человека, исполнявшим служебные обязанности, либо тут действовали иные побуждения.

Тем временем в гостиной появился Бартон, снова присоединившийся к обществу. Он постоял молча несколько минут, затем шагнул к туалету, расположенному возле лифта, и исчез за массивной дверцей. Герман воспринял это как приглашение и, извинившись, последовал за ним.

Фигура Бартона маячила у писсуара в дальнем конце комнаты — совершенно пустой, если не считать их двоих. Герман пристроился рядом и тихо произнес на немецком:

— Благодарю вас. Вы так и не назвали моего имени капитану.

— Я это сделал совсем не из любви к вам, — холодно отозвался Бартон, после чего оправил кильт, повернулся и направился к умывальнику. Герман последовал за ним. Под шум льющейся воды он торопливо сказал:

— Поверьте, я совсем не тот Геринг, которого вы когда-то знали.

— Весьма возможно, но я не в восторге ни от одного из них.

Герман горел желанием объяснить ему всю разницу между двумя своими ипостасями, но времени не было, и ему пришлось вернуться обратно в гостиную.

Джон подждал его у входа в обзорную рубку, чтобы отвести на прогулочную палубу, откуда открывалась прекрасная панорама озера, в воды которого уже вошел корабль.

Поверх долины шла волнистая линия остроконечных вершин гор, ограждающих Реку. Они поражали глаз многоцветием; преобладал розовый, но мелькали черные, коричневые, пурпурные, зеленые, алые, оранжевые и голубые пятна. Некоторые из них были про-

черчены горизонтальными красными, зелеными, белыми и голубыми полосами разной длины.

Герман рассказал присутствующим, что у западной окраины озера горные цепи сильно сближаются, образуя узкую стремнину около двухсот футов шириной. Вокруг высятся тысячефутовые утесы, и скорость течения у их подножий такова, что ни гребные, ни парусные суда не могут его преодолеть. Движение там одностороннее — лишь вниз по течению.

Но много лет назад неизвестные странники проложили через южную гряду узкую тропку на высоте пятисот футов над уровнем Реки; она тянется полторы мили и доходит до конца протоки.

Таков пеший путь.

— Сразу за протокой долина узка, хотя воды разливаются на целую милю. Там есть несколько грейлстоунов, но жителей нет. Мне думается потому, что из-за бурного течения нельзя ловить рыбу, да и плавание ограничено одним направлением. Кроме того, узкая долина плохо освещается солнцем. Зато там есть что-то вроде бухты, довольно просторной, где вполне может встать на якорь большое судно.

Через несколько миль за этим заливом долина начинает расширяться; там расположена страна носатых и волосатых великанов-гигантопитеков. Как мы рассказывали, всех иных жителей, людей нормального роста, они в свое время уничтожили.

Геринг помолчал, предчувствуя, как опытный рассказчик, особый эффект следующей фразы.

— Считается, что от бухты до истоков Реки двадцать тысяч миль.

Он пытался исподволь внушить Джону мысль о необходимости продолжить плавание. Если цель так близка, стоит ли задерживаться здесь ради битвы? Особенно, когда она грозит поражением? Не лучше ли отправиться к истокам и там снарядить экспедицию к Турманной Башне?

— В самом деле? — неопределенно отозвался монарх.

Если он и клюнул на приманку, то ничем себя не выдал.

Казалось, его интересовало лишь ущелье да лежавшая за ним долина; по некоторым его вопросам Геринг понял, что король прикидывает в уме все «за» и «против» выбора места сражения. Бухта отлично подходит для стоянки и ремонта двигателей; сама протока — для засады в ожидании «Ненаемного»: достаточно «Рексу» выпустить несколько торпед, и вражеский корабль прочно в ней застрянет. Пока же он будет проходить ущелье, минуя три крутых поворота, к нему можно присмотреться издалека. Кроме того, стоянка в бухте позволяла избежать прямых контактов с населением Вироландо и вредного пацифистского влияния Церкви на экипаж.

Вскоре предположения Германа подтвердились: на следующий день после встречи с Ла Виро «Рекс» поднял якорь и направился через протоку. Корабль встал в бухте, где был построен плавучий док, тянувшийся до самого берега. Время от времени Джон в сопровождении нескольких офицеров — или же офицеры без короля — приплывали на катере в Аглейю. Несмотря на приглашения остаться погостить или даже переночевать они ни разу не задержались в столице.

Джон заверял Ла Виро, что он не собирается идти на риск и развязывать сражение на озере. Архиепископ же обратился к королю с просьбой позволить ему выступить посредником в переговорах о заключении почетного мира. На первых двух встречах тот категорически отказывался от предложения, но на третьей, к удивлению Ла Виро и Геринга, неожиданно согласился.

— Но лично мне это представляется лишь напрасной потерей времени и сил, — заявил Джон. — Клеменс настоящий маньяк! У него две навязчивые идеи — отобрать корабль и покончить со мной.

Ла Виро был совершенно счастлив: наконец-то Джон сделал первые шаги к примирению. Герману же заявление короля радости не прибавило; он-то прекрасно понимал, какая пропасть лежит между словами и делами этого лукавого монарха.

К тому же, несмотря на все настояния архиепископа, Джон категорически отказался устроить встречу миссионеров Церкви с командой. Чтобы они ненароком не проникли к месту стоянки, он даже установил на подступах к пешеходной тропе вооруженную охрану, заявив, что боится внезапного нападения людей Клеменса. Ла Виро заметил ему, что он не имеет права препятствовать проходу мирных странников, но Джон упорно стоял на своем: он ни с кем не заключал соглашения о свободном пользовании тропой, а раз он ее занял, то значит и все права — у него.

Прошло три месяца. Герман искал случая увидаться наедине с Бартоном и Фригейтом, когда они бывали в Аглейо, но при редких своих визитах они обычно появлялись в окружении других офицеров.

Однажды утром его вызвали в храм. Ла Виро сообщил ему последние новости, переданные перестуком барабанов с низовьев Реки: через две недели в Аглейо должен прибыть «Ненаемный». Герингу надлежит встретить корабль на том же самом месте, где состоялось свидание с «Рексом».

Во время своего вояжа в Пароландо Герман не пользовался дружеским расположением Клеменса, но вместе с тем он всегда считал, что тот не был и не мог стать убийцей. Когда он вошел в рулевую рубку «Ненаемного» и, после долгих лет, вновь увидел Сэма и Джо Миллера, то, к своему изумлению, испытал искреннюю радость. Американец узнал его в первые же секунды; Джо заявил, что тоже вспоминает его — по запаху.

— Хотя, — не преминул заметить Миллер, — ты пахнешь немного не так, как раньше. Теперь твой запах лучше.

— Возможно, то запах благочестия, — рассмеялся Герман.

— А что, грех и добродетель имеют различный химический состав? — усмехнулся Сэм. — Впрочем, почему бы и нет? А как, кстати, пахну я, Джо, после сорока лет плавания?

— Как лоно пантеры, — пробурчал великан.

Все это выглядело встречей старых добрых друзей после долгой разлуки, и Геринг чувствовал, что они так же рады видеть его, как и он их. Возможно, тут имел место своеобразный оттенок ностальгии, а может быть, свою роль сыграло и чувство вины. Они оба ощутили ее при воспоминании о том, что случилось с Германом в Пароландо; несомненно, так — хотя Клеменс и сделал все от него зависящее, чтобы помочь ему покинуть страну, избежав насилия.

Сэм вкратце рассказал ему о событиях прошедших лет, Геринг поведал о своих приключениях. Затем из рубки они перешли в гостиную, где посланцу Ла Виро представили присутствующих. С полетной палубы был вызван Сирано де Бержерак, упражнявшийся там в фехтовании; французу лицо гостя показалось незнакомым, но Клеменс в двух словах напомнил ему о первой и самой примечательной проповеди миссионера в Пароландо.

«Время не прошло даром ни для Клеменса, ни для Бержерака», — подумал Герман. Сэм, видно, преодолел прежнюю неприязнь к счастливому сопернику, похитившему его возлюбленную Ливи, и сейчас между ними установились совершенно непринужденные отношения: они болтали, смеялись и подшучивали друг над другом. Однако легкая беседа оборвалась, когда Герман произнес:

— Вы, наверное, слышали, что три месяца назад в Аглейю прибыл корабль короля Джона, и что он ждет вас за протокой у западного берега озера?

Клеменс выругался.

— Да, нам известно, что мы его скоро догоним, но об остановке мы не знали.

Геринг рассказал все, что произошло после встречи на борту «Рекса».

— Ла Виро продолжает надеяться на ваше примирение с Джоном. Ему кажется, что после стольких лет уже неважно, по чьей вине все началось. Он говорит...

Лицо Клеменса побагровело и ожесточилось.

— Ему легко говорить о прощении, — повысил он голос. — Дай ему только начать, так, небось, и до второго пришествия не остановишь! Проповедь никому и никогда не помогала, и хороша лишь, когда есть намерение слегка вздремнуть. Я не собираюсь после стольких мук, испытаний, предательств и несчастий запросто обняться с Джоном и объявить его славным малым! Может, еще и облобызать его в обе щеки, заявив со слезой в голосе: «Ну, Джон, ты хорошо потрудился, украв у меня корабль и выпустив потом кишки всяким мерзавцам, которые пытались отбить у тебя судно. Спрашивается, какого черта, Джон, все эти годы я ненавидел и презирал тебя — ведь все случилось, в конце концов, так давно... Нет, я, Сэм Клеменс, добросердечный болван, не держу на тебя зла. Ни в коем случае!»

Черта с два! — Голос его уже гремел. — Уж лучше я утоплю свой корабль, который был мне так дорог, а теперь ничего не значит! Этот тип обесчестил его, превратил в дерьмо, загадил от верхушек мачт до днища! Я его потоплю, чтобы никогда больше не видеть — и не мучаться. И уж любым способом постараюсь избавить мир от Джона Безземельного! Я добьюсь этого, лишу его имени, он у меня станет Джоном Безжизненным!

— Мы надеялись, — Герман рискнул сделать еще одну попытку, — что после стольких лет, равных смене двух поколений, ваша ненависть остыла, даже умерла... Это...

— Ну как же! — саркастически прервал его Клеменс. — Не было минуты, дня, недели, месяца и года,

когда я бы не думал о Джоне. Когда мне наскучило это бесконечное плавание по Реке, когда я не мог отделаться от нескончаемого грохота гребных колес, удручающей монотонности жизни, от каждодневной заправки цилиндров и батакайтора, от всех передрыг, которые нужно было улаживать, когда при виде каждого лица, похожего на лица моих обожаемых Ливи и Сьюзи мое сердце едва не разрывалось, хотя я с самого начала знал об ошибке... так вот, когда мне все это смертельно надоело, и я был готов бросить корабль и сказать: «Ну, Сирано, становитесь теперь капитаном вы! Я схожу на берег, мне пора отдохнуть и поразвлечься, а вы плывите дальше вверх по Реке; и постарайтесь не возвращаться назад...» Тогда я вспоминал Джона и все, что он со мной сотворил, и все, что я готов сотворить с ним; я собирался с силами и кричал: «Вперед и вверх! Держать курс, пока мы не схватим этого подонка и не отправим на речное дно!» Только мысль о долге и о том, как будет визжать Джон от страха в свои последние секунды, только это поддерживало меня годами... только это, Геринг!

— Мне крайне прискорбно слышать такие речи, — через силу выдавил Герман. Продолжать разговор не имело смысла.

* * *

Бартон, измученный бессонницей, покинул каюту, в которой безмятежно спала Алиса. Миновав тускло освещенный коридор верхней надстройки, он вышел на посадочную площадку. Густой туман плотно окутывал палубу, вздымался до самых поручней, белесыми струями тек вдоль бортов. Над головой Бартона ярко сверкало небо, но с запада уже надвигались тучи; горные хребты, протянувшиеся по обеим сторонам узкой долины, закрывали горизонт, и ландшафт вокруг бух-

ты казался на редкость унылым и давящим. Капитану «Рекса» приходилось тратить много усилий, дабы поддерживать боевой дух и настроение людей.

Бартон зевнул, потянулся, раздумывая, выкурить ли ему сигару или удовлетвориться сигаретой

Черт бы побрал эту бессонницу! За шестьдесят лет жизни в этом мире можно было бы преодолеть этот недуг, мучивший его на Земле чуть ли не полвека, с пятнадцатилетнего возраста!

Собственно говоря, он знал множество способов борьбы с бессонницей. Индусы предлагали целую дюжину, еще дюжину — магометане; туземцы Танганьики тоже имели свои верные средства. Да и в Море Реки он перепробовал черт знает что... Но через месяц — или год — старая карга-бессонница медленно, но верно вновь накладывала на него свои лапы. Случалось, когда Бартон был доволен, если мог спать две ночи из семи.

— Вам удалось бы одолеть бессонницу, — сказал ему как-то Нур, — если б вы знали ее причину. Нужно обнаружить порождающие ее истоки.

— Ну-у, — протянул Бартон, — знай я этот источник, я бы справился не только с бессонницей, но и со всем миром.

— Сначала вам нужно справиться с самим собой, — отрезал мавр, — а когда это вам удастся, то вы обнаружите, что мир не стоит вашего беспокойства о нем.

В полутьме посадочной площадки прохаживались двое часовых.

Они встречались на середине, делали ружьями «на караул», поворачивались спинами друг к другу, доходили до краев площадки, опять поворачивались — и весь процесс начинался сначала.

В эту четырехчасовую смену на посту стояли Том Микс и Грешинк. Бартон без зазрения совести принялся болтать с ними — все равно на корабле полно охраны: и на надстройке, и в рулевой рубке и во множест-

ве других мест. После десанта с «Парсифаля» Джон начал расставлять часовых повсюду.

Бартон потолковал с Грепшинком, некогда обитавшим в Северной Америке во времена мастодонтов; они говорили на родном наречии туземца, которое Бартон не поленился выучить.

К ним подошел Том Микс и отпустил соленую шутку. Они посмеялись; затем Бартон поведал эфиопский вариант этой остроты, слышанный им в Хараре, а Грепшинк изложил свою версию, которой было тысяч тридцать лет.

Заметив, что ему пора проверить другие посты, Бартон спустился по трапу на главную палубу и направился к корме. Сквозь туман в рассеянном свете фонарей и слабо мерцающих звезд он краем глаза уловил мелькнувшую тень. Не успел он броситься к ней, как сильный удар по голове сбил его с ног.

Спустя какое-то время он очнулся и, лежа в темноте, уставился в пелену тумана. Рядом пронзительно выла сиренá и в такт ее воплям пульсировала боль в затылке. Прикоснувшись к голове, Бартон нащупал шишку, зашипел от злости и отдернул липкие пальцы. Когда он поднялся на ноги, его качнуло; перед глазами плыли переборки с круглыми зрачками иллюминаторов и распахнутые люки. Внезапно вспыхнул яркий свет, повсюду забежали люди; кто-то остановился возле него. Алиса!

Она вскрикнула:

— Дик! Что случилось?

— Не знаю. Меня неплохо приласкали...

Он шагнул вперед, но был вынужден остановиться, тяжело оперевшись стену.

— Ну-ка, — поддержала его Алиса, — давай я помогу тебе добраться до лазарета.

— К дьяволу лазарет! Пошли к рулевой рубке. Мне нужно доложить обо всем королю.

— Ты спятил! — возмутилась она. — У тебя может быть сотрясение мозга! Травма черепа, как минимум! Тебе нельзя разгуливать, надо послать за носилками.

— Глупости, — проворчал Бартон и заковылял по коридору.

Алиса обхватила его за пояс и, поддерживая, повела на бак. Он услышал лязганье цепи — дежурная вахта начала вытягивать якорь. Вокруг суетились люди, расчехляя паровые пушки и ракетные установки.

Алиса окликнула одного из канониров:

— Что произошло?

— Не знаю. Говорят, выкрали большой катер. Де-зертиры ушли вверх по Реке.

Если так, подумал Бартон, то значит его стукнул человек, оставленный присматривать за палубой. Похитители же, несомненно, относились к экипажу; вряд ли кто-нибудь из посторонних мог незаметно проникнуть на борт. После налета на корабль десантников Сирано гидролокаторы, радары и инфракрасные следящие устройства работали круглосуточно, и операторы всегда были начеку. Лет десять назад один из них уснул на посту — и через две минуты после того, как его застали спящим, был сброшен в Реку.

Бартон шагнул в рулевую рубку. Ему пришлось подождать, пока король освободится; затем он доложил о том, что с ним произошло. Сочувствия Джон не высказал; он ругался, яростно выкрикивал какие-то приказы, метался по рубке, и лишь спустя минут десять пришел, наконец, в себя.

— Отправляйся в лазарет, Гволчгвинн, и пусть доктор разберется, что там с твоей головой. А этих мерзавцев мы схватим!

— Да, сир, — кратко ответил Бартон и побрел в лазарет.

Доктор Дойл сделал ему рентгеновский снимок черепа, промыл рану и велел немедленно отправляться в постель.

— К счастью, у вас нет ни перелома, ни сотрясения, но полежать все равно не мешает.

Бартон последовал его совету. Вскоре репродуктор донес сообщение Страбвела: с корабля дезертировали двенадцать человек, семь мужчин и пять женщин. Почти сразу же помощника перебил Джон. Разъяренный и негодующий монарх поспешил сам объявить имена бежавших; его голос дрожал от гнева, перечисляя муки, уготованные «этим вероломным псам, мятежным свиньям, гнусным вонючим хорькам, трусливым шакалам, желтобрюхим гиенам!»

— Целый зверинец! — Бартон через силу улыбнулся Алисе.

Он прослушал перечень имен. Все похитители, как и следовало ожидать, оказались из числа подозреваемых: все они, по их словам, родились или жили на Земле после 1983 года.

Бартон прекрасно понял причину их побега. Агентам нужно было поскорей добраться до Башни и укрыться там от надвигающегося сражения, которое представлялось им бессмысленным. Они выкрали катер и поспешили вверх по Реке, рассчитывая, что Джон, ожидавший нападения Клеменса, не станет их преследовать.

Монарх действительно был весьма обеспокоен: пока «Рекс» охотится за катером, «Ненаемный» может пройти через протоку.

Правда, поставленная на тропе стража была снабжена передатчиком и имела возможность тут же сообщить о приближении врага, но если бы «Рекс» отошел далеко, он не успеть бы вернуться и блокировать выход из ущелья.

И все-таки Джон рискнул; он не мог допустить, что дезертиры исчезнут, да еще вместе с катером. Катер, небольшое, но хорошо вооруженное судно, понадобится в предстоящем сражении; виновников же его пропажи следует схватить и покарать — всех до единого!

В былые дни на Земле он подверг бы их пытке огнем или подвесил на колесе, но здесь команда — во всяком случае, большая ее часть, — не допустит подобного варварства. Пожалуй, они не станут возражать против расстрела, да и то скрепя сердце... Но дисциплина — прежде всего! Что же касается кражи катера накануне великой битвы, то это уже граничило с предательством.

Бартон вдруг громко выругался.

— Что с тобой, дорогая? — забеспокоилась Алиса.

— Ничего... Кажется, на мне живого места нет...

В лазарете торчали еще две сиделки, и он не рискнул поделиться с Алисой подозрениями насчет Страбвела. Почему он остался на борту? Почему не сбежал вместе с остальными агентами? Почему? Почему?

А Подебрад? Чешского инженера Бартон подозревал в первую очередь, но в перечне его имени не оказалось. Еще одна загадка, еще один вопрос из доброй дюжины, которые он когда-нибудь задаст агенту, если сумеет наложить на него руки!

Может, не стоит ждать, а просто пойти к Джону и выложить ему все начистоту? Он отправит Страбвела и Подебрада в судовой карцер и допросит их с пристрастием — без таких мелочей, как суд и присяжные заседатели.

Нет, этого делать нельзя. Накануне битвы у Джона не будет времени для серьезных разговоров, а эти двое могут прибегнуть к самоубийству... Возможно, сейчас они так не поступят, ибо воскрешения прекратились, но кто знает, касается ли это и агентов?

Вероятно, нет, пришел к выводу Бартон. То, что население долины вновь подвластно смерти, еще ничего не доказывает. У агентов иной статус и, покинув прежние тела, они вполне могли пробудиться где-нибудь в другом месте. В подземных покоях Башни, например... Или нет? Ведь если бы агенты могли переместиться в Башню таким способом, любой из них без колебаний

занял место в экспрессе самоубийств, а не отправился в долгое плавание на корабле...

Бартон не знал, что подумать. Ну, ладно! Если только Страбвел и Подебрад уцелеют в предстоящем сражении, он постарается исподтишка нокаутировать их, прежде чем они успеют послать мысленную команду и ввести в себе яд из черного шарика, имплантированного в лобные доли мозга. Когда же агенты очнутся, он их загипнотизирует.

Вполне разумные рассуждения! Но все-таки почему двенадцать человек сбежали, а двое остались? Может быть, для того, чтобы осуществить диверсию и помешать Джону догнать катер?

Это казалось Бартону единственно возможным объяснением.

Но тогда он должен немедленно отправиться к королю и выложить свои подозрения! Поверит ли ему Джон? Не вообразит ли король, что Гволчгвинн слегка свихнулся после удара по голове? Очень не исключено... Он будет вынужден призвать в свидетели Алису, Казза, Логу, Фригейта, Нура, Микса, Лондона и Умслапогаса. А такая команда легко может вызвать подозрение у Подебрада и Страбвела, и они улизнут... или, что еще страшнее, подорвут корабль...

Бартон поманил пальцем Алису и, когда она подошла, попросил передать несколько слов Нур-эль-Музафиру. Нуру чаще других приходилось дежурить с Подебрадом в машинном отделении и со Страбвелом в рулевой рубке; если он заметит в их поведении что-то подозрительное, пусть сразу же оглушит прикладом, а не удастся — так выстрелит или ударит штыком.

Алиса широко раскрыла глаза.

— Зачем?

— Потом все объясню, — свирепо зашипел Бартон, — а сейчас беги живее, пока еще не поздно!

Нур догадается, что означает этот приказ и сообразит, как поступить. Беспрепятственно добраться до од-

ного из агентов было сейчас весьма нелегко: все находились на боевых постах, покидать которые без разрешения начальства не дозволялось. Нуру придется действовать быстро и осмотрительно... Сумеет ли он проследить за обоими агентами или вызвать на помощь кого-нибудь из своих?

И тут Бартон осенило! Ухмыляясь, он вызвал по телефону лазарета рулевую рубку. Вахтенный хотел позвать Страбвела, но Бартон настоял на разговоре с королем.

Джон ответил с явным неудовольствием, но все же согласился перейти для разговора тет-а-тет в обзорную рубку; там он отключил параллельные аппараты, чтобы их никто не смог подслушать.

— Сир, — быстро заговорил Бартон, — вот что мне пришло в голову. Не могли ли дезертиры подложить бомбу где-нибудь на корабле? Если они узнают о погоне, то в любой момент подорвут ее с помощью радиосигнала.

Последовало краткое молчание, затем резким голосом Джон спросил:

— Ты полагаешь, что это возможно?

— Если я до этого додумался, то почему не могли сообразить беглецы?

Последовало краткое молчание, затем король произнес:

— Я прикажу начать осмотр судна. Ну, а поскольку ты все это затеял, Гволчгвинн, придется и тебе принять участие в поисках.

Джон положил трубку. Через минуту по радио раздался голос Страбвела, отдавшего приказ о тщательном осмотре всего корабля — вплоть до последней щели — на предмет поиска взрывного устройства.

Офицерам предписывалось разбить людей на группы и приступить к делу немедленно. Под конец Страбвел назвал имена ответственных за отдельные участки, но Гволчгвинна в этом перечне не было.

Бартон довольно ухмылялся про себя. Пожалуй, не нужны никакие признания Джону, если Подебрад со Страбвелом станут разыскивать бомбу, которую они, скорее всего, и подложили. Надо лишь приглядеть за ними...

* * *

Он покинул лазарет. Поскольку за ним не закрепили никакого участка, Бартон чувствовал себя вольным стрелком и собирался проверить котельную, машинное отделение и вещевой склад.

Едва он ступил на трап, ведущий на нижнюю палубу, как услышал револьверные выстрелы и крики. Ему показалось, что стреляют как раз внизу, и он бросился бежать по ступенькам, морщась от раскалывающей голову боли. Выскочив на галерею, Бартон увидел группу людей, столпившихся у поручней; расталкивая их, он пробрался вперед, к неподвижному телу на палубе. Это был механик по имени Мак-Кенна — с черепом, расколотым томагавком. Около его скрюченных пальцев валялся пистолет.

Из толпы выступил гигант-ирокез Доджиджи и, нагнувшись, подобрал томагавк.

— Он стрелял в меня, но промахнулся.

Джон тоже был тут, направо и налево раздавая приказы; глаза его яростно сверкали. Мак-Кенну засекли в тот момент, когда он уже успел пристроить больше десяти фунтов пластиковой взрывчатки у дальней переборки машинного отделения. Он выходил из темного отсека, когда раздался приказ об обыске судна. Мак-Кенна выглядел совершенно спокойным, но тут его заметил и окликнул электрик. Неожиданно он выхватил револьвер, выстрелил в него, бросился бежать и, взбираясь по трапу на палубу, выстрелил еще несколько раз, убив двух человек — мужчину и женщину. В погоню за механиком пустилась вся поисковая команда, он

отстреливался, убил еще одного матроса, но, целясь в Доджиджи, промахнулся. Сейчас Мак-Кенна был мертв и уже никому не мог поведать ни о своих намерениях, ни о своих хозяевах.

Джон с отвращением взглянул на бомбу: в бесформенной серой массе торчал взрыватель, от которого тянулся провод к часовому механизму. Стрелки стояли на 10.20.

— Взрывчатки вполне хватило бы, чтобы снести весь правый борт, — бодро заявил один из минеров. — Прикажете обезвредить, сир?

— И немедленно, — сухо распорядился король. — Да, вот еще что... Где тут радиоприемник?

— Его нет, Ваше Величество.

— Странно! Непонятная история... Зачем дезертирам оставлять на борту человека для установки часового механизма, вместо того, чтобы воспользоваться радиосигналом и подорвать заряд? Мак-Кенна мог спокойно уйти вместе с остальными и не подвергать себя риску... Бессмыслица, совершенная бессмыслица!

Бартон, затерянный в толпе офицеров, сопровождавших короля, промолчал. Он не собирался что-либо объяснять; впрочем, имел ли он сам убедительные разъяснения? Ему казалось, что да.

Мак-Кенна появился на корабле после нападения десантников с «Парсифаля» и охотно занял место одного из погибших. Бартон, с большой долей уверенности, предполагал, что его сбросили с парашютом или отправили с дирижабля на планере. Как в двадцатом веке назывались такие люди?.. Кажется, «пятой колонной»... Клеменс заслал его, планируя будущую схватку с «Рексом», и Мак-Кенна, вероятно, получил приказ устроить в определенный день диверсию. Единственное недоумение у Бартона вызывала запоздалость такого мероприятия. Почему Мак-Кенна не подорвал корабль при первой же возможности? Зачем ждать сорок лет? За эти годы агент Клеменса мог прикипеть душой к своему но-

вому окружению; он столько времени был оторвал от экипажа «Ненаемного», что о тех, с кем он когда-то был в дружбе, у него остались лишь смутные воспоминания.

Неужели Клеменс не учитывал подобной трансформации?

Маловероятно. Весьма маловероятно! Клеменс являлся писателем, большим знатоком психологии, как прекрасно знают все, кто читал его романы. Может быть, он приказал Мак-Кенне взорвать «Рекс» только в случае крайней необходимости?

Джон указал на труп.

— Выкиньте мерзавца в Реку.

Приказание было тотчас же исполнено. Бартон предпочел бы, чтоб труп перенесли в морг — там он ухитрился бы вскрыть череп и выяснить, был ли вживленный в мозг механика черный шарик. Однако думать на сей счет было слишком поздно: теперь изучением трупа могли заняться только рыбы.

С Мак-Кенной было покончено, но поиски продолжались, несмотря на то, что одну бомбу уже обнаружили. Однако других взрывных устройств ни внутри, ни снаружи корабля не имелось; во всяком случае, поисковые группы не сумели ничего найти.

Бартон подумал, что если уж дюжина дезертиров намеревалась потопить судно, то им следовало сделать это до бегства. Тогда им точно не грозило бы преследование! Но этики отвергали насилие; они шли на такие меры лишь в крайних обстоятельствах.

Теперь существовал только один способ выяснить, был ли Мак-Кенна агентом этиков или же человеком Клеменса. Ни Подебрад, ни Страбвел в диверсии не участвовали; тогда во имя чего они остались на судне? Ответ на этот вопрос прояснил бы и случай с Мак-Кенной.

Бартон задумался, сопоставляя факты, перебирая различные гипотезы, и вдруг воскликнул: «Ха!»

Все было так просто! Они добровольно остались на корабле, чтобы поддерживать связь с кем-то на «Ненаемном». Были ли это друзья или враги — неясно, но что-то их связывало. Они приняли рискованное решение остаться, несмотря на грядущую битву. Если победит «Рекс» (что тоже могло случиться, даже при его сравнительно малых шансах), то Страбвел и Подебрад — разумеется, если сумеют выжить, — попробуют спасти своих коллег с «Ненаемного». Или, по крайней мере, встретиться с ними.

Но... но каким образом они узнали об этих коллегах, друзьях или врагах, которые находятся на враждебном корабле? По-видимому, существовал некий тайный способ общения, но какой — Бартон себе представить не мог.

Он опять вернулся к размышлениям о беглецах. Известно ли им о лодках, укрытых в пещере на берегу полярного моря, и о воротах у основания Башни?

Бартон надеялся, что они не слышали истории Пахери.

По его соображениям, о находке египтян знали лишь Алиса, Фригейт, Нур, Джек Лондон, Микс, Казз и Умслапогас. Но многие слышали историю о плавании Эхнатона в пересказе — из вторых, третьих и четвертых рук.

В нем зрела уверенность, что среди бежавших был и Таинственный Незнакомец, Икс. Это значило, что агентам станет известно о секретном входе в Башню, хотя Икс наверняка не желал бы этого. Ему ведь совсем не обязательно выступать их союзником; просто он воспользовался случаем, чтобы вместе с ними проникнуть в Башню. А там ему останется лишь подождать, пока не рухнет на пол в нижнем коридоре подобно Эхнатону и его спутникам, потеряв либо сознание, либо жизнь.

А что, если... что, если Подебрад и Страбвел каким-то образом узнали, что Икс находится на «Ненаемном»?

Бартон пожал плечами; голова у него разламывалась. Пусть события идут своим чередом, пока он не найдет случая изменить их! Тогда он обрушится на агентов, как сова на мышь.

Вот уж никудышное сравнение! Шпионы этиков скорее напоминали тигров с втянутыми до времени когтями... Пусть! Это его не страшит; в любую минуту он готов помериться с ними силой.

Вновь Бартон раздумывал над тем, не рассказать ли все королю Джону. В этом случае можно быть уверенным, что этиков не прикончат на месте. Конечно, их придется хорошенько пристукнуть, чтобы не дать возможности расстаться с жизнью... Но их — двенадцать, вместе с Подебрадом и Страбвелом — уже четырнадцать, так что хоть одного можно взять в бессознательном состоянии... Ну, да ладно, подождем еще немного, подумал Бартон, решив, что Джону пока говорить ни о чем не стоит.

Судно остановилось у берега, и начался новый осмотр корпуса; затем Джон велел заправить энергией батакайтор. На ближайший грейлстоун надели металлическую полусферу; раздался грохот взрыва, и яркая вспышка осветила угрюмый пейзаж. Катер с энергопитателем вернулся на корабль, и «Рекс», набирая скорость, двинулся в погоню за беглецами. Сразу после завтрака были прогреты двигатели трех самолетов, затем Фосс и Окабе подняли в воздух свои бипланы; за ними с посадочной площадки взлетел более крупный аппарат, который нес торпеды и бомбы.

Пилоты рассчитывали нагнать катер через час-другой. По приказу Джона самолеты не должны были топить его или наносить сильные повреждения; только блокировать огнем и маневром до подхода «Рекса». Предполагалось, что захват дезертиров будет произведен командой корабля.

Через час двадцать две минуты после вылета Окабе доложил, что катер находится в зоне видимости, и он

пробует наладить с ним радиосвязь. Ответа японец не дождался и передал на «Рекс», что приступает к акции устрашения. Сейчас все три самолета спикируют вниз и откроют огонь из пулеметов; если после нескольких очередей беглецы не сдадутся и не повернут назад, тогда будут сброшены бомбы — так, чтобы не повредить катер.

Из сообщения Окабе также следовало, что дезертиры находятся в нескольких милях от места, за которым долина внезапно расширялась. Месяца два назад здесь побывали гонцы с «Рекса», беседовавшие с гигантопитеками на эсперанто — Джон желал заполучить их в качестве боевой силы, способной во мгновение ока очистить палубы «Ненаемного». К великому его разочарованию выяснилось, что все великаны являются приверженцами Церкви Второго Шанса. Они отказались участвовать в сражении и, более того, даже предприняли попытку обратить в свою веру людей из команды «Рекса». Возможно, где-то севернее жили их соплеменники, не поддавшиеся проповедям миссионеров, но времени на их розыски уже не оставалось.

Самолеты, медленно кружа, опускались к катеру. На обоих берегах темнели толпы народа — частью обычные хомо сапиенс, частью — настоящие бродбинг-неги.

— Они направляются к правому берегу, — неожиданно передал Окабе.

Он спикировал к самой воде, но огня не открыл, опасаясь задеть местных жителей; ему дали приказ не раздражать их, поскольку «Рексу» предстояло пройти этими местами после победы над «Ненаемым».

— Дезертиры прыгают в воду и пытаются добраться до берега, — сообщил Окабе. — Катер уносит течением.

Джон выругался и приказал торпедоносцу приводниться и отбуксировать судно к берегу. Медлить было нельзя — местные жители, пытаясь завладеть столь ценным призом, уже пустились догонять катер вплавь.

— Беглецы смешались с толпой, — снова раздался голос Окабе. — Мне кажется, как только мы улетим, они укроются в холмах.

— Черт побери, — заорал Джон, — там мы их никогда не разыщем!

Стоявший рядом Бартон не вмешивался. Он понимал, что позже агенты выкрадут где-нибудь лодку или какое-нибудь суденышко и продолжат путь вверх по Реке. Если «Рекс» не потопят или не подорвут, он сможет позднее их догнать.

Через четверть часа после возвращения и посадки обоих бипланов, на радиопульте штурманской рубки замигал оранжевый огонек. У радиста широко раскрылись глаза: он был так потрясен, что на какой-то миг лишился дара речи. Тридцать лет он и его напарник ждали этой минуты! Правда, без особых на то надежд.

Наконец радист опомнился и воскликнул:

— Сир, сир, это частота Клеменса!

Частоты, на которых работал передатчик «Ненаемного», уже давно не составляли тайны для радистов «Рекса»; очевидно, Клеменс не видел необходимости часто менять диапазон. За тридцать лет на «Рексе» несколько раз перехватывали радиогаммы противника, и в этом не было ничего необычного. Но сегодня вызывали не «Парсифаль», не самолеты или катера «Ненаемного», а сам «Рекс»! Правда, по радио слышался не голос Клеменса — говорил Джон Байрон, его первый помощник, и вызывал он не капитана, а его старшего офицера. Страбвел, не осмеливаясь говорить с врагом без санкции короля, срочно перезвонил в его апартаменты, куда тот недавно удалился — то ли спать, то ли в поисках утешения с очередной подружкой.

Появившись в рубке, Джон тут же решил напрямую побеседовать с Клеменсом, но тот отказался, не утруждая себя объяснением причин. Это было оскорбительно, крайне оскорбительно! Через Страбвела король передал, что немедленно прекращает сеанс, однако сквозь

свист и треск помех он снова услышал голос Байрона: тот говорил, что хочет сделать «Рексу» некое предложение. Его командир не рискует напрямую разговаривать с Джоном Безземельным, опасаясь, что взорвется и так обложит Джона, как, наверное, не ругался сам Господь, когда Сатана соблазнил Еву.

Предложение же у Клеменса было весьма спортивного характера. Спустя полчаса, проведенных в нервном ожидании, раздраженный Сэм получил желаемый ответ, переданный Страбвелом.

Бартон также присутствовал при переговорах, слышал все от первого до последнего слова и был совершенно ошеломлен, когда вызов противника стал обсуждаться на «Рексе».

Король, с минуту поразмыслив, заявил, что должен вначале переговорить с Вернером Фоссом и Киндзи Окабе, его лучшими пилотами. Он не может приказывать им участвовать в воздушном поединке; другое дело, если они согласятся сами. И кто выступит со стороны Клеменса? Байрон назвал имена канадца Уильяма Баркера и француза Жоржа Гинме, двух знаменитейших асов времен Первой Мировой.

К этим именам не было нужды что-либо добавлять; казалось, возродилась сама история. Джон вызвал в рулевую рубку Фосса и Окабе и уведомил их о сделанном предложении. Оба летчика были потрясены; однако, придя в себя, начали с оживлением и интересом обсуждать возможность дуэли. Затем Окабе обратился к королю:

— Сир, мы служили вам двадцать лет. Большей частью это было однообразное, а иногда и опасное занятие; но мы надеялись, что подобная минута рано или поздно настанет. Мы не знакомы с теми парнями, кем бы они ни были в прошлом — нашими врагами или союзниками, да это и не важно... — японец на мгновение замолк, потом быстро склонил голову: — Мы сделаем это! Мы ждем с нетерпением назначенный день!

«Мы! — подумал Бартон. — Так кто же мы? Рыцари короля Артура? Банда идиотов? А может, и то, и другое?»

Но в глубине души этот порыв вызвал в нем волнение и понимание.

* * *

«Ненаемный» бросил якорь у правого берега, в нескольких милях от протоки. Судовым катером Геринга доставили обратно в Аглейю — вместе с извинениями Клеменса; тот весьма сожалел, что не может сейчас встретиться с Ла Виро, ибо его задерживают давние обязательства. Но завтра, в крайнем случае — послезавтра — он непременно посетит храм.

Герман заклинал капитана «Ненаемного» начать мирные переговоры с королем Джоном. Тот по-прежнему категорически отказывался, не желая даже касаться подобной темы.

— Слишком долго я ждал заключительного акта этой драмы. Сейчас уже ничто не препятствует его постановке.

— Но это же не театр, — настаивал Герман. — Прольется человеческая кровь, люди испытают страдания... ведь смерть — не игра и не повод для шуток. И ради чего все это?

— А ради того! — огрызнулся Клеменс. — Я вообще не желаю больше распространяться по сему поводу!

Он сердито затянулся огромной зеленой сигарой. Герман молча благословил его трехперстным знаменем и вышел из рулевой рубки.

Весь день судно готовили к предстоящему сражению. Окна закрыли огромными дюралюминиевыми ставнями с крошечными амбразурами, у входов в коридоры установили еще более мощные щиты. Было проверено все вооружение; канониры сделали несколько

пробных залпов из паровых пушек, заново отрегулировали механизмы наводки 88-миллиметровых орудий. Ракеты покоились в направляющих желобах, устройство подачи снарядов с палубы А действовало безотказно. Механики испытали систему, которая снабжала орудия сжатым воздухом, заправили горючим баки самолетов и установили их на взлетных площадках, доверху набили боеприпасами катера-амфибии; электрики отладили радары, сонар и инфракрасные приборы дальнего обнаружения; десантники проверили личное оружие и машинерию, позволявшую перебросить на борт противника абордажные трапы. На каждом боевом посту шли тренировки.

После вечерней заправки батакайтора и цилиндров «Ненаемный» совершил пятимильное плавание по озеру, во время которого были проведены боевые и навигационные учения. Радар просканировал всю акваторию, нигде не обнаружив «Рекса».

Перед отходом ко сну Клеменс собрал в большой гостиной почти всю команду. Он произнес краткую речь, которая транслировалась по всему кораблю — для тех, кто стоял на вахте.

— Мы совершили фантастически долгое плавание по Реке, самой длинной из существующих в мироздании. Мы испытали взлеты и падения, пережили трагедии и фарсы, страдания и скуку, были свидетелями малодушия и героизма. Нередко мы теряли своих любимых и друзей, но потом справедливость торжествовала, и мы наблюдали смерть наших врагов.

Позади длинный, очень длинный рейс. Мы прошли больше семи миллионов миль, почти половину Реки... Да, это было долгое плавание, самое долгое за всю историю рода человеческого в том и в этом мире!

Каждый из вас, пришедших на этот великолепный корабль, отдавал себе отчет, чего стоит плавание на нем. Всем была известна цена билета, все знали, что этот рейс оплачивается в конце пути, а не в начале.

— Я знаком с каждым из вас — так хорошо, как только одно человеческое существо может знать другое. Все вы прошли серьезный отбор, и ни в одном из вас я не обманулся. Вам довелось перенести немало испытаний, оставивших на каждом свои отметины. И потому я уверен, что завтра вы выдержите и последнее, самое тягчайшее из всех.

Вероятно, мои слова звучат как речь футбольного тренера перед важной игрой, но вы должны правильно понять меня: ведь эта игра грозит каждому из нас гибельным исходом. Те, кто слышит меня сегодня, завтра могут встретить свой смертный час... Но, ступив на палубу этого корабля, вы хорошо знали, на что идете; никто не может счесть себя обманутым.

Но вскоре все уже будет позади.

Он замолчал и огляделся вокруг. Рядом, сгорбившись на огромном стуле, сидел Джо Миллер; по его широким скулам медленно катились слезы. Внезапно тишину нарушил малыш де Марбо: он вскочил с места, поднял бокал с вином и выкрикнул: «Трижды ура и тост в честь нашего командира!» Все громко подхватило: «Ура! Ура! Ура!»

После чаши во здравие Клеменса встал высокий, худой и носатый де Бержерак и торжественно произнес: «А теперь — тост за победу! И больше — ни слова о смерти и проклятом Джоне Безземельном!»

Сэм не мог уснуть до поздней ночи; слоняясь от стены к стене, он мерил большими шагами рулевую рубку. Вахтенная смена стояла по местам, и в течение трех минут «Ненаемный» мог сняться с якоря и ринуться на полной скорости в атаку. Если Джон, нарушив слово, предпримет что-нибудь неожиданное, корабль Сэма был готов отразить нападение.

Наконец, в рулевой рубке остались только дежурные. Сэм, покинув ее лишь глубокой ночью, направился к взлетной площадке. На берегу пылали костры — зная о грядущей битве, жители Вироландо, охваченные

страхом и тревогой, не торопились расходиться по домам. Вечером сам Ла Виро подплыл к судну на рыбацкой шхуне и попросил разрешения подняться на борт. Через мегафон Клеменс с палубы переговорил с ним, сказав, что очень рад видеть духовного пастыря, но просит отложить беседу на послезавтра. Ему очень жаль, но это — окончательное решение.

Огромный смуглолицый человек в глубокой печали велел поворачивать к берегу, даже не благословив Сэма. Тот почувствовал себя несколько пристыженным.

Сейчас Клеменс обошел все палубы и все закоулки, проверяя посты и часовых. Он с удовольствием отметил, что команда готова к бою. Что ж, пожалуй хватит метаться из угла в угол! Гвиневра наверняка жаждет увидеть его в каюте... И, конечно же, хочет предаться любви: ведь завтра один из них может уйти из жизни. Но Сэм был совершенно не расположен к любовным утехам и почти бессознательно оттягивал миг возвращения; он знал — если его подруга прибежит к своим обычным уловкам, противостоять ей станет невозможно.

Он не ошибся. Гвиневра, как и ожидалось, попробовала настоять на своем, но, обнаружив полное отсутствие любовного пыла, успокоилась и притихла. Сэм не услышал ни слова упрека; она попросила только обнять ее покрепче и хоть немножко поговорить с ней. У них давно вошли в обычай долгие ночные разговоры.

Перед тем, как уснуть, Гвиневра сказала:

— Интересно, а вдруг Бартон оказался на «Рексе»? Это было бы занятно... нет, не занятно, а странно и страшно!

— Ты, похоже, никак не забудешь свою детскую любовь, — с легкой досадой отозвался Сэм. — Значит, в нем есть что-то особенное — для тебя, во всяком случае.

— Возможно... хотя я не уверена, что сейчас он бы мне понравился. Но что, если он — один из людей ко-

роля, и мы его убьем? Это ужасно... Ведь может так случиться, что кто-то, кого любишь ты, окажется на «Рексе»?

— Не думаю, — ответил Сэм, — да меня это и не особенно занимает.

Но он лукавил: это его занимало, и даже очень. Лежа без сна, он прислушивался к ровному дыханию Гвиневры, и его не оставляла мысль: а что, если Ливи окажется на «Рексе»? Нет, этого не может быть! В Пароландо ее убил один из людей Джона, и она никогда бы не ступила на борт его корабля! Никогда, даже если б стремилась к мести и собиралась прикончить Джона! Да какая, собственно, месть... для этого Ливи слишком мягка и слаба.

Правда, она могла яростно защищать тех, кого любила, но месть?

На такое она не способна. Нет, не способна!

Клара? Джейн? Сьюзи? А вдруг одна из его дочерей сейчас на «Рексе»? Нет, вероятность такого события ничтожна... Впрочем, самое невозможное как раз и может сбыться — согласно математическим законам. Выпущенный с корабля снаряд может поразить его дочь... и он потеряет ее навсегда — ведь воскрешений больше не существует!

Он был уже готов сорваться с постели, броситься в рулевую рубку и послать кораблю-противнику весть о мире, об отмене битвы, о конце ненависти, о прекращении вендетты...

Он был уже почти готов ко всему этому.

Но Джон никогда не пойдет на такое!

Знает ли он, Сэм, как ему поступить, что выбрать? Может быть, все-таки попытаться?

Нет! Джон неисправим, и он — его вековый враг. Так же, как и Сэм Клеменс — злейший враг Джона Лэкленда на все времена.

— Я был не в себе, — прошептал Сэм и тотчас провалился в сон.

Вздымая свое страшное оружие, ним мчался Эрик Кровавый Топор. Как всегда в ночных кошмарах, Сэм бежал прочь от неистового норвежца, Эрик же выкрикивал с пеной на губах: «Отродье Локи! Дерьмо! Поганный траллс! Ведь я же говорил, что буду ждать тебя у истоков Реки! Умри, подлый убийца, умри!»

Тут Сэм очнулся — весь в холодном поту и с мучительно колотящимся сердцем.

Какая ирония судьбы, какое возмездие рока, если и Эрик окажется на «Рексе»!

Гвиневра что-то пробормотала во сне. Сэм погладил ее по шелковистому плечу и прошептал: «Спи, спи, невинное дитя. Пусть никогда не достанется тебе тяжкая доля убийцы...»

Но разве она не обречена стать убийцей? Завтра или послезавтра?

— Ну, это уж слишком, — пробормотал Сэм. — Хватит! Мне нужно как следует выспаться, завтра я должен быть в форме — и физической, и моральной. Иначе... ошибки, усталость... кто знает, что из-за этого может случиться?

Но «Ненаемный» значительно мощнее «Рекса»! С таким вооружением и с такой броней как же не выиграть битву?

Ему непременно надо заснуть...

Вдруг он вскочил. Завыли сирены, и из динамика донесся голос третьего помощника, Грегора: «Капитан! Капитан! Проснитесь!»

Клеменс скатился с постели и бросился к телефону.

— Да, в чем дело?

Неужели напал Джон? Вот сукин сын!

— Система слежения засекала, что с борта прыгнули семь человек. Похоже, дезертиры!

Так... Значит, его речь о людях, выдержавших все испытания, и об их мужестве пришла в некоторое противоречие с действительностью... Семеро мужчин и женщин утратили храбрость — а может быть, вдруг об-

рели здравый смысл? Так или иначе, они вышли из игры. Впрочем, он сам поступил так же во время Гражданской войны между Севером и Югом... Через две недели службы в нерегулярных федеральных войсках в Миссури, когда один из его соратников застрелил случайного прохожего, он дезертировал и уехал на запад.

Да, он не может считать их преступниками, но об этом никто не узнает. Он примет суровый вид, будет изображать неистовство и произносить негодующие речи, поносить беглецов и все такое прочее. Он обязан сохранить дисциплину и высокий дух в команде!

Не нужно торопиться, лучше переждать у лифта и войти в рулевую рубку, когда о бегстве станет известно всем.

Эти семеро беглецов — не трусы; с корабля бежали агенты этиков. У них были основания избегать смерти, ибо им предстояло исполнить более высокую миссию, чем служба Сэму Клеменсу и потворство его страстям.

Он направился к рулевой рубке. На корабле повсюду горел яркий свет, и лучи прожекторов высвечивали на берегу фигурки мужчин и женщин с цилиндрами в руках — они стремительно бежали вглубь суши, и смертельный страх перед преследованием придавал им дополнительные силы.

— Открыть огонь? — спросил Грегор.

— Нет, — быстро ответил Сэм, — мы можем подстрелить кого-нибудь из местных. После сражения они от нас не уйдут.

Все семеро, без сомнения, укроются в Храме. Ла Виро не выдаст их Клеменсу.

Сэм приказал Грегору провести перекличку. Когда личности бежавших были установлены, Сэм просмотрел на мониторе список имен: четверо мужчин и трое женщин, все родились на Земле после 1983 года. Его подозрения подтвердились, но предпринять он уже ничего не мог.

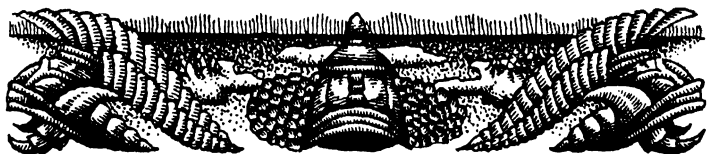
Впрочем, отчего же? Сейчас — нет, но после битвы он постарается вытянуть их из убежища и должным образом допросить. Они непременно должны знать разгадку хотя бы половины опутавших его тайн... возможно — всех, что существуют в этом мире.

Он повернулся к Грегору:

— Отключите сирены. Объявите команде, что была ложная тревога. Пусть идут досыпать. Спокойной ночи.

Ночь, однако, не была спокойной. Он бесчисленное количество раз просыпался, и ночные кошмары, один страшнее другого, преследовали его до самого утра.

ГЛАВА 9

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ БОЙ В МИРЕ РЕКИ

В Виrolандо был полдень. Тридцать лет небеса над страной в это время расцветивали стрекозы-планеры и яркие пятна воздушных шаров; сегодня же небо сверкало пустой голубизной младенческих глаз. На Реке, обычно переполненной лодками под белыми, красными, зелеными, сиреневыми, пурпурными, оранжевыми и желтыми парусами, также нельзя было разглядеть ни одного суденышка.

На обоих берегах барабаны пробили призыв: «Освободите небо и воду. Держитесь подальше от реки!»

Несмотря на предупреждение, на левом берегу собрались толпы народа. Фигурки людей усеивали мостки и скальные уступы, кое-кто забрался на деревья. Ла Виро уговаривал свою паству уйти в холмы, но безуспешно — его речи не смогли сдержать тех, кто стремился поглазеть невиданное зрелище; никто из них и внимания не обращал на охрану, пытавшуюся оттеснить жителей в безопасные места. Эти люди не имели понятия о сокрушительной мощи оружия двадцатого века, эпохи тотального насилия и жестокости, невиданной в более ранние времена; они даже не могли представить, какое действо сейчас развернется перед их глазами. Пребывая в счастливом неведении, они толпились на равнине и заполняли скальные карнизы, будто зрители гигантского театра, получившие бесплатный билет.

Ла Виро, не поднимаясь с колен, молился в одиночестве в храме.

Герман Геринг тщетно пытался успокоить его, затем взошел по лестнице на вершину холма. Являясь противником насилия и зла, он, тем не менее, хотел понаблюдать за событиями воочию. Его мучила мысль о том, что он ведет себя словно ребенок, предвкушающий цирковое представление. Как это прискорбно! Он прошел столь долгий путь очищения, отрицания того, прежнего Геринга, а сейчас не может отказаться от зрелища кровавой схватки. Конечно, впоследствии он пожалеет об этом, но ведь никогда еще Мир Реки не был свидетелем подобного — и никогда не будет впредь!

Нет, он не в силах пропустить битву! Более того, он вдруг почувствовал страстное желание участвовать в ней — даже заплатив за это запоздавшим раскаянием и душевными муками.

«Ненаемный» и «Рекс Грандиссимус», два стальных левиафана, десятилетиями бороздивших воды Реки, были готовы к схватке. Сейчас между ними лежали лишь шесть миль водной глади; по соглашению суда встанут в пяти милях друг от друга, и до их поединка произойдет воздушный бой. После него никто и ничто не помешает победе сильнейшего из кораблей.

Сэм Клеменс нетерпеливо мерил шагами рулевую рубку. За прошедший час он вновь проверил все посты на судне и еще раз разобрал по пунктам оперативный план сражения. В секретном отделении трюма приготовили к подъему на палубу странный механизм, который экипаж считал сверхскорострельной пушкой; его расчет дежурил рядом в полной боевой готовности. По определенному сигналу им предписывалось установить свое орудие позади стальной плиты, ранее прикрывавшей пулемет. После того, как плиту отодвинут, тайная установка вступит в действие.

Пулеметчикам и всем прочим членам команды дали приказ покинуть эту часть палубы. Люди выполнили

его с явным недоумением; от поста к посту, от носа к корме поползли самые разнообразные слухи. Почему капитан решился на такой странный шаг? Что на самом деле происходит?

Тем временем Клеменс уже в третий раз обсуждал меры безопасности с Уильямом Фермором, командиром секретной установки.

— Меня тревожит мысль о шпионах, Уилл. Я знаю, что ваши люди проверены вдоль и поперек, но и этого недостаточно. Самый распоследний из агентов Джона набит хитростью и двуличием как миссурийский амбар гречихой! И я хочу, чтобы каждый, кто на один шаг приблизится к вашему орудию, был тут же проверен с головы до пят.

— Но что может нам грозить? — упорно не соглашался Фермор, имея в виду своих людей. — Мой расчет безоружен, никто не взял с собой и безопасной бритвы... Чтобы убедиться в этом, я даже под их кильты заглядывал! Могу вас заверить, Сэм: укрыть что-либо под ними абсолютно невозможно. Люди недоумевают...

— Им следует знать, что приказы капитана не подлежат обсуждению! — отрезал Клемент.

Когда часы показали 11.30, он выглянул в распахнутую дверь. Взлетная полоса кишела народом; сейчас два самолета поставят на подъемники, затем первый из них подадут на паровую катапульту, высившуюся в конце площадки. Обе машины были одноместными. Они пережили долгое плавание, не раз оказывались поврежденными и носили многочисленные следы ремонтных работ.

Два моноплана, изготовленных еще в Пароландо, погибли: один в бою, другой — в результате аварии. Заменившие их бипланы были собраны из запасных частей, хранившихся на складах. Их двигатели работали на древесном спирте и обеспечивали скорость полета до ста пятидесяти миль в час; в носовой части откры-

тых кабин стояли крупнокалиберные спаренные пулеметы, способные выпустить пятьсот снарядов в минуту. За все время долгого путешествия боеприпасы расходовались весьма экономно — их берегли для грядущей битвы. В последние дни были заново набиты патроны, тщательно проверена их калибровка по длине и диаметру: ствол, заклиненный во время воздушного боя, означал поражение и гибель.

Сэм снова взглянул на хронометр и спустился в лифте к взлетной площадке. Крошечный джип подвез его к самолетам, у которых уже собрались основной и резервный экипажи. На рулях и нижних плоскостях белоснежных бипланов пламенели изображения пурпурного феникса.

На одном из самолетов был изображен также летящий красный аист и бросались в глаза черные буквы, выведенные под самой кабиной: «Вье Шарло» — «Старина Чарли»; так называлась машина Жоржа Гинме в Первую Мировую войну. Кокпит второй машины украшал рисунок оскалившего клыки пса.

Оба пилота были одеты в белые комбинезоны из рыбьей кожи, высокие сапоги с заправленными в них штанинами с красным кантом; на лацканах — традиционная эмблема, алым феникс, расправивший крылья в стремительном полете. Лица их защищали очки в красной оправе, руки — белые кожаные перчатки с красными отворотами. Летчики стояли возле «Старины Чарли», что-то серьезно обсуждая; увидев подходившего к ним капитана, оба пилота почтительно козырнули ему.

С минуту Сэм молча разглядывал их. Он многое знал об этих людях — в основном, из продолжительных бесед; все их подвиги были совершены уже после его смерти.

Жорж Гинме, худощавый мужчина среднего роста, был хорош собой, но красота его казалась несколько женственной. Когда он не крутился около своего самолета, то выглядел напряженным словно натянутая стру-

на. Во время войны его прозвали «асом асов». Другие прославленные французские пилоты — Нюнжессе, Дорме, Фонк — сбили самолетов не меньше, чем он, но зато и летали дольше — летная карьера Гинме оборвалась весьма быстро.

Француз, прирожденный летчик, в воздухе будто превращался в частицу своей машины, в настоящего воздушного кентавра. К тому же он превосходно знал технику, и всегда сам проверял биплан, не полагаясь на механиков.

В военные времена вся его жизнь была отдана полетам и воздушным схваткам; никто и никогда не слышал об его интрижках с женщинами. Правда, упоминалось одно женское имя — Ивонна, но то была его сестра, с которой Жорж находился в очень теплых дружеских отношениях. Великолепный мастер высшего пилотажа, он, как ни странно, редко щеголял своим искусством.

Если использовать терминологию фехтовальщиков, в бою Гинме всегда старался нанести врагу «прямой укол». Безрассудный и страстный, он, подобно своему английскому собрату Альберту Боллу, предпочитал летать без ведомого и бросался в атаку, не задумываясь о численном превосходстве врага.

Гинме редко приземлял свой «Ньюпор» или «Спад» без пробоин.

В той войне летчику было трудно выжить; в среднем его боевая карьера ограничивалась тремя неделями. Но до своей гибели Гинме сумел одержать пятьдесят три победы. Один из его друзей говорил, что когда Жорж садился в кабину, его лицо становилось жестким, резко выступали скулы, взгляд исподлобья был похож на удар хлыста.

Этого человека в свое время отчислили из воздушных сил Франции по причине профессиональной непригодности: считалось, что он слишком хрупок, часто простужается, сильно кашляет, не умеет после боя как следует расслабиться в приятельской компании. Дейст-

вительно, он выглядел будто чахоточный; скорее всего, он им и был.

Но Франция любила его, и в черный день его гибели, 11 апреля 1917 года, в стране объявили траур. Среди французских школьников последующих поколений ходила легенда, что Гинме жив — просто он летает так высоко, что ангелы не отпускают его на землю.

В то время были неизвестны подробности его смерти; знали только, что он летел, как обычно, один, и был подбит весьма посредственным немецким пилотом, лейтенантом Виссманом. Самолет рухнул в болото, и разрывы артиллерийских снарядов смешали с жидкой грязью останки летчика и обломки его машины. После великого Гинме остался не прах, а кровавая слизь.

В Мире Реки Жорж объяснил загадку своей гибели. В тот день он парил в облаках в поисках бошей — одного или дюжины, большой разницы это для него не представляло, — как вдруг его скрутил приступ мучительного кашля.

Кашель все усиливался, потом из горла, обогрив меховой комбинезон, хлынула кровь. Жорж понял, что его настиг приступ болезни, туберкулеза, которого он страшился все эти годы. Остановить поток крови он не мог.

Теряя последние силы, он успел заметить приближавшийся немецкий самолет. Теряя сознания, шагнув одной ногой на порог смерти, он повернул свою машину на врага и нажал пулеметную гашетку. Но метко стрелять он уже не мог: глаза застилал предсмертный туман. Немец резко взмыл вверх, Гинме бросил «Старину Чарли» прямо на него, но на миг — всего лишь на миг! — потерял противника из виду. Пулеметная очередь прошла ветровое стекло кабины, и после этого он не помнил ничего — пока нагим не очнулся на берегу Реки.

Здесь ему не досаждала проклятая болезнь. Он окреп, прибавил в весе, но сохранил свою прежнюю неис-

товую энергия — хотя и без той напряженности, что была характерна для него в далеком семнадцатом году. На корабле Клеменса он обзавелся подругой, которая сейчас заливалась горькими слезами в каюте.

Канадец Уильям Джордж Баркер также был рожден летчиком. В свое время он после часа тренировки преодолел страх перед самостоятельным полетом.

27 октября 1918 года, будучи майором 201 эскадрильи Королевских воздушных сил, он летел в одиночку на новехоньком «Сопвит Снайп». На высоте двадцати тысяч футов над Мармальским лесом он подбил двухместный разведывательный самолет противника. Один из членов экипажа выбросился с парашютом. Баркера это заинтересовало и несколько раздосадовало: в союзных войсках парашюты были запрещены.

Внезапно невдалеке показался немецкий «Фоккер», выпустивший по нему пулеметную очередь; одна из пуль вонзилась в его правое бедро. «Снайп» вошел в штопор, но ему удалось выправить машину — лишь для того, чтобы оказаться в окружении еще пятнадцати «Фокке-Вульфов». Два самолета он успел изрешетить пулями, но и сам получил второе ранение, на этот раз — в левое бедро. На миг Баркер потерял сознание, а когда очнулся, его машина снова падала вниз, вращаясь в штопоре. Вокруг крутились не то двенадцать, не то пятнадцать «Фоккеров» — сосчитать точно он уже не мог. Приблизившись почти вплотную к одному из вражеских самолетов, Баркер разнес ему хвостовое оперение, но пуля, выпущенная из пулемета «шпандау», нашла его в третий раз, ранив в локоть.

Однако ему удалось вырваться из окружения и скрыться.

Он дотянул до Британских островов, где его самолет буквально рухнул на землю — но сам Баркер остался жив.

Это был последний его полет, расцененный профессионалами как самое великое сражение одиночного са-

молета с превосходящими силами противника за всю Первую Мировую войну. Две недели Баркер находился между жизнью и смертью, а когда пришел в себя, оказалось, что война уже закончена. За свой подвиг он получил Крест королевы Виктории. Еще долгое время летчику пришлось ходить, опираясь на палочку и с рукой на перевязи. Оправившись, он вновь начал летать, и много сделал для организации канадского воздушного флота; совместно с великим асом Уильямом Бишопом Баркер создал первую канадскую пассажирскую авиаслужбу.

Погиб он в 1930 году при испытании нового самолета, потерпев аварию, причина которой так и не была установлена. На его боевом счету было пятьдесят сбитых вражеских машин, а некоторые источники называли даже цифру «пятьдесят три».

Клеменс обменялся с летчиками рукопожатием.

— Как вы знаете, я — противник дуэлей, — начал он, — и всегда высмеивал их в своих книгах. Да, я всегда утверждал, что не переносу снобизм англичан, предпочитающих разрешать свои споры убийством. Но при этом я все же допускаю, что существуют безумцы, свято верящие в дуэль как в единственно справедливый божий суд.

Знай я, что сегодня вас убьют, а завтра, как бывало раньше, вы снова воскреснете где-то в долине, я бы и слова не сказал против воздушной дуэли. Однако теперь все обстоит по-иному. У меня имеются свои соображения на сей счет, как говаривал вождь Сидящий Бык Кастеру, но вы, похоже, воодушевлены, словно боевые кони при зове трубы. Так что я не нахожу причин свернуть дело.

Мне, правда, кажется, что мерзавец Джон что-то задумал, ибо его душа всегда была полна вероломства. Я дал согласие, лишь переговорив с двумя его офицерами, которых я хорошо знаю как людей честных и порядочных, хотя мне и трудно представить, почему Виль-

ям Хоффе и Педер Торденскольд служат под командой этого дьявола в человеческом обличье. Конечно, за эти годы он мог измениться, но я с большим трудом могу поверить в подобное перевоплощение.

Так вот, эти двое утверждают, что на «Рексе» все готово. Предполагается, что два их пилота поднимут машины с корабля в тот же момент, когда взлетите вы. Их самолеты вооружены лишь пулеметами, ракетного оружия на них нет.

— Все, что вы говорите, нам тоже приходило в голову, Сэм, — произнес Баркер, — но мы считаем, что действуем правильно. В конце концов, это Джон украл у вас корабль и пытался покончить с вами. Мы знаем, что он жесток, но...

— Но прежде всего вы не можете упустить случай вновь взяться за свое дело, — перебил его Сэм. — Вас мучает ностальгия, я понимаю это... но почему вы забываете, сколько ужасов и крови мы уже перенесли?

— Однако, — с нетерпением вмешался Гинме, — если бы не было жестоких людей, кто бы тогда служил на «Рексе»? А если мы не примем их вызов, то будем просто трусами.

— Пора разогревать двигатели, — прервал дискуссию Баркер.

— Ну хорошо, — кивнул Сэм. — Не следовало мне, пожалуй, затевать этот разговор... Что ж, парни, удачи вам! Пусть победа осенит достойнейших, и я твердо уверен, что это — вы.

Клеменс снова пожал руки летчикам и отошел в сторону.

Эта напутственная беседа не прошла бесследно, и в первую очередь — для него самого: он занервничал. К чему он затеял ее, прекрасно зная все заранее? Предстояло некое подобие рыцарского поединка, а он всегда терпеть не мог рыцарей, этих жаждущих крови убийц, притеснявших и обиравших до нитки крестьян, горожан и ремесленников. Да, самые настоящие кровопий-

цы эти так называемые благородные рыцари! Но одно дело жизнь, а другое — миф. Во все времена люди слепо верили мифами, и может быть, в этом-то и заключалась их прелесть. Идеал — это свет, реальность — сумерки! На глазах тысяч людей два мужественных человека, два великих мастера своего дела, были готовы встретить смерть на дуэли, исход которой, еще неведомый Клеменсу, был уже предопределен. Ради чего? Естественно, не ради самоутверждения; оба пилота успели сказать все, что смогли, еще раньше, на Земле, когда такие мелочи имели для них значение.

Тогда что же ими движет? Мазохизм? Вот уж нет!

Но даже не понимая до конца этих людей, Клеменс был не в силах перебороть своего восхищения. Если они собьют пилотов Джона, то могут начать бомбардировку «Рекса». Да, но если прикончат их, то летчики короля обстреляют «Ненаемный»... Об этом Сэм предпочитал даже не задумываться.

Главной же его радостью было предстоящее зрелище воздушного поединка. Пусть это ребячество, совершенно недостойное зрелого человека, но, подобно большинству мужчин и немалому числу женщин, он обожал спортивные зрелища. Сейчас тоже произойдет спортивное шоу, хотя и с вероятным фатальным исходом для его участников. Да, римляне, обожавшие гладиаторские бои, знали цену захватывающим спектаклям!

Сэм вздрогнул от резкого звука горна. Вслед за ним раздался бурный марш «Все выше в небеса синеву», написанный Джоакино Россини для воздушных сил корабля.

Баркер, ведущий, первым занял место в кабине. Взревел двигатель, медленно завертелся пропеллер, с каждой секунды ускоряя свой круговорот. Собравшиеся на взлетной площадке и двух палубах надстройки зрители подбадривали пилотов бодрыми выкриками. Через мгновение рев моторов заглушило громогласное «Ура!».

Сэм наблюдал за летчиками с центрального поста. Его первый помощник Джон Байрон стоял у люка в ожидании сигнала, который подаст капитан. Когда хронометр покажет 18.00, он махнет платком.

Их толпы выскочила какая-то женщина и бросила в открытые кабины по огромному букету цветов железного дерева. Галантный француз подхватил предназначенный ему дар, поднес к губам, улыбнулся и приветственно помахал собравшимся. Баркер, казалось, был готов выбросить свой букет, но в последнюю секунду передумал и швырнул его на заднее сиденье.

Сэм поглядел на часы. Время! Взметнулся кроваво-красный платок, и катапульта коротко рывкнула, выбросив выхлоп пара; машина Баркера стремительно рванулась в зенит. Биплан француза поднялась в воздух через восемьдесят секунд. Толпа еще не успела разойтись, а Клеменс уже поспешил в рулевую рубку. С центрального поста он поднялся по трапу на самый верх, где для него установили стол и стул; там он будет попивать бурбон, покуривать сигары и наблюдать за воздушной дракой.

Однако он не мог отделаться от мыслей о коварстве Джоне.

Они преследовали его так же упорно, как отрывка после пива.

В середине озера со скоростью десять узлов шел «Рекс Грандиссимус». Свежий встречный бриз усиливал лобовое сопротивление; и бипланам «Рекса» на взлете пришлось преодолевать ветер, дувший со скоростью пятнадцати миль.

На взлетной площадке стоял король Джон, облаченный в голубой кильт и черные ботфорты, и разговаривал с пилотами, черная кожаная форма которых напо-

минала комбинезоны противников. Рядом механики готовили машины к полету; эти бипланы отличались от клеменсовских более тупыми носами. На окрашенных в сине-серебряную клетку крыльях и фюзеляже одного из них красовались изображения золотых львов — герба короля Джона; на темно-красном носу был нарисован черный череп с перекрещенными костями. Белые крылья и руль второго самолета тоже были украшены львами, но над передней кабиной сверкал огненный шар — символ восходящего солнца, знак Киндзи Окабе.

Много лет назад, из сотен добровольцев Джон отобрал этих двоих, способных осуществить воздушный рейд в давно задуманном им плане сражения с Клеменсом. Кендзи Окабе, невысокий поджарый японец, выглядел воплощением решительности и спокойствия и не обманул ожиданий короля, проявив, к тому же, весьма разносторонние способности. Он и сейчас выглядел совершенно невозмутимым.

Фосс, подобно Баркеру, был весьма знаменит во времена Первой Мировой как победитель в двух боях со значительно превосходящими силами противника. 23 октября 1917 года он, уже сбивший сорок восемь самолетов союзников, летел один на своем новеньком «Фоккере». Его окружили семь самолетов 56 эскадрильи королевских ВВС, которые вели лучшие английские летчики. Самыми известными из этих асов являлись Мак-Кадден, Рис-Дэвидс и Сесил Льюис. Ведомые Мак-Кадденом английские самолеты начали круговую атаку. Казалось, Фосс обречен на мгновенную гибель, став мишенью четырнадцати пулеметных стволов, но немец не растерялся. Его самолет начал бешено крутиться волчком; дважды он все же попадал под прицел Мак-Каддена, но тотчас уходил в полуштопор — маневр, невиданный ранее англичанами. Фосс совершал немыслимые, но точно выверенные трюки, успев попутно изрешетить пулями несколько вражеских машин и

избежать попадания в свою. Однако Рис-Дэвидсу, великолепному стрелку, удалось поймать аппарат Фосса в прицел своего «Льюиса» и выпустить по нему полную обойму пятидесятимиллиметровых снарядов. Самолет Фосса упал — к великому сожалению англичан: они бы предпочли посадить этого летчика живым. Такого великолепного бойца они видели впервые.

По происхождению Фосс был наполовину евреем. Несмотря на царивший в немецких люфтваффе национализм, он, благодаря своему летному мастерству и мужеству, сумел завоевать всеобщее признание. Некоторое время ему пришлось служить под командованием Ритгофена, прозванного «алым бароном», который сделал его ведущим пилотом своего воздушного соединения.

Кендзи Окабе, командиру воздушных сил Джона, в период Второй Мировой войны не был даже присвоен офицерский чин, хотя он носил звание пилота первого класса и считался лучшим летчиком страны. Как-то над Рабаулом, в архипелаге Бисмарка, он за один день сбил семь американских самолетов; а однажды, атакуя бомбардировщик над Бугенвиллем, на Соломоновых островах, он столкнулся с самолетом противника, мчавшимся на большой скорости. Окабе успел пробить ему крыло и в горящей машине с большой высоты рухнул в море.

Несколько минут Джон благосклонно беседовал со своими лучшими пилотами, затем пожал руку Фоссу и поклонился Окабе. Летчики сели в кабины. На высоте пяти тысяч футов, почти посередине между «Рексом» и «Ненаемым», над напоминавшей луковицу скалой им предстояло намеченное рандеву.

Четыре биплана кружили в небе; вскоре, проверив по альтиметру высоту, пилоты прекратили подъем и пошли навстречу друг другу. Эти четверо были благородными людьми, неспособными на подвох. Джон, успевший хорошо изучить своих асов, даже не собирался

предлагать что-либо нарушающее условия дуэли. К примеру, они могли бы набрать большую высоту, чтобы обрушиться на противника врасплох... Но нет, такие фокусы были не для них!

Сейчас они мчались с двух сторон к точке встречи.

Солнце светило с правого борта самолетов Фосса и Окабе, с левого — Баркера и Гинме. Каждая пара предпочла бы, чтобы солнечный диск находился сзади, с хвоста, и его лучи били в глаза противнику.

Классический прием воздушной атаки: скрыться за облаками или под невесомой завесой солнечного света, высмотреть врага и ударить, не дав ему опомниться.

Самолеты достигли намеченной высоты; теперь меж ними оставались только две мили. С суммарной скоростью в триста миль в час они шли на сближение. Внизу тысячные толпы следили, затаив дыхание, за последним воздушным боем землян.

Вернер Фосс сближался с Биллом Баркером, Жорж Гинме — с Кендзи Окабе.

Самоубийственный маневр! Намертво вцепившись в штурвал, вести машину курсом к неизбежному столкновению; начать стрельбу на расстоянии тысячи семисот футов — и ни дюймом ранее! Нажать спусковую гашетку, отсчитывая время; если повезет, задеть очередью кожух мотора, пробить переднюю панель кабины и поразить пилота; в последнюю секунду отвернуть вправо и проскочить мимо горящей вражеской машины. Ну, а если в твои расчеты вкрадется ошибка или противник не свернет с курса и будет идти лоб в лоб, тогда ты почувствуешь только мгновенную боль и опаляющий жар.

Сквозь защитные очки Гинме горящими глазами впился в кружок прицела над ветровым щитком. Белый самолет вырастал с каждой секундой, теряя четкие контуры, но зато теперь француз отчетливо видел сидевшего в кабине пилота, даже разглядел его сверкнувшие в улыбке зубы. Он надавил на гашетку. В тот же момент

ствол пулемета противника тоже выхлестнул огненную вспышку.

Обе машины одновременно развернулись; каждая едва не задела колесами вражеский биплан. Почти вплотную они вошли в вираж, и у обоих пилотов потекла по лицу кровь, брызнувшая из ушей и носа от чудовищной перегрузки.

В этот момент Гинме увидел в прицеле плоскость крыла противника, но не успел нажать гашетку, как машина японца вильнула в сторону.

Самолеты Фосса и Баркера шли наперерез друг другу и также настолько сблизились, что каждый из летчиков успел разглядеть лицо своего врага.

Началась яростная борьба за высоту. Крутились пропеллеры, надсадно ревели моторы; на предельной мощности машины карабкались в небо, все выше и выше.

Вдруг Окабе скользнул вниз. На какой-то миг он увидел в перекрестье прицела самолет француза и выпустил очередь.

Гинме почти инстинктивно скорчился, прижав подбородок к груди. Вовремя — пули пробили ветровое стекло. Он резко сменил поворот, пытаясь зайти в хвост машины японца. Самолет с огненным шаром был в более выигрышной позиции и почти добился успеха...

Почти! Теперь его пилоту придется расплачиваться за это «почти»...

Вертикальной свечой, почти поставив биплан на хвост, Окабе взмыл в небеса, сделал мертвую петлю, но даже из такого положения исхитрился послать очередь, чудом поймав Гинме в прицел. Француз качнул свою машину. Пули пробили фюзеляж, но миновали пилота — поврежденным оказался топливный бак. К счастью, в этом биплане была предусмотрена автогерметизация; на его старом добром «Спаде» такой системы и быть не могло. Он приподнял голову: Окабе удалось выровнять самолет, и он вновь стал взбираться вверх. Тогда Гинме

круто развернулся, прибавил скорость и на секунду повис над носом у «Огненного шара», выпустив по нему четыре очереди. Пуля, пробив кабину, обожгла руку японца, сжимавшую штурвал. Зашипев от боли, он отдернул кисть, и потерявшая управление машина сделала крен вправо.

Самолет Гинме попал в штопор, но ему удалось быстро выровнять машину. Неожиданно рядом с ним оказался Фосс. Бок о бок француз и немец начали набирать высоту, затем Гинме резко развернулся в сторону врага; тот, стараясь избежать столкновения, тоже сделал виток в воздухе — но, к недоумению француза, не в горизонтальной плоскости, а вниз. Конец его крыла прошел буквально в полудюйме от хвоста биплана Гинме.

Потеряв несколько футов высоты, немец тут же сделал петлю кверху — почти смертоубийственный маневр, когда противник висит у тебя на хвосте.

В верхней точке петли он круто повернул и спикировал вниз.

Когда биплан с крыльями в шахматную клетку вновь начал подбираться к хвосту самолета Гинме, тому показалось, что конец его близок. Однако он мгновенно справился с растерянностью и ринулся набирать высоту, то и дело оглядываясь через плечо на противника. В какой-то момент он потерял его из вида, но тут рядом промелькнули две другие машины, Окабе и Баркера. Канадец сел на хвост японцу. Реакция Фосса была молниеносной: как кошка из засады, он метнулся в сторону, отвлекая на себя внимание Баркера. Канадец выпустил очередь, и пули прошли совсем рядом с машиной немца.

Больше Гинме не бросил и взгляда в их сторону; сейчас он мог держать в поле зрения лишь биплан с огненным солнцем на носу. Японец шел навстречу, но несколько ниже его и изо всех сил пытался вновь набрать высоту. По прикидке Гинме, расстояние между ними

составляло около семиста футов: открыть огонь можно, но вряд ли удастся поразить цель.

Тем не менее, Киндзи Окабе выпустил очередь, и пули пробили правое, приподнятое в развороте крыло «Старины Чарли». Окабе тоже развернулся, маневрируя таким образом, чтобы держать противника под прицелом. Гинме с силой нажал на рукоять газа, вдавив ее до предела. Будь его двигатель мощнее моторов японца, он мог бы произвести эту операцию помедленней, но сейчас он рискнул выжать из своей машины все.

Он снова яростно дернул рычаг и уменьшил угол подъема, позволив Окабе сократить дистанцию; однако зависнуть над хвостом врага без запаса скорости он не мог. Попытаться выправить машину и перейти в горизонтальный полет?.. Не заглохнет ли двигатель? За тридцать секунд Гинме нужно было занять позицию, которая обезопасила бы его от огня противника.

Окабе с недоумением увидел, как «Старина Чарли» стал снижаться. К этому моменту ему уже было ясно, с пилотом какого класса он ведет поединок. Он являлся военным летчиком и он прекрасно знал имя Гинме; теперь, разглядывая знакомое название его биплана, он временами испытывал странное чувство. Зачем, во имя чего он пытается убить прославленного пилота, уничтожить «Старину Чарли»? Кому это надо?

Окабе бросил взгляд в щель прицела. Когда расстояние между ними будет пятьдесят ярдов, он откроет огонь. Наконец-то Гинме у него на мушке! Японец плавно нажал спуск, и выплеснувшийся залп сотряс машину. Не вглядываясь, поражена ли цель, Окабе выпустил еще одну очередь. Биплан с красным аистом вздернул нос вверх и, под непрерывающимся ливнем пуль, взмыл в небо.

Окабе быстро подал штурвал на себя и навалился на рычаг. На большой высоте самолет был не столь послушен руке пилота; прошла секунда-другая, пока он, сделав вираж, рванулся вперед. Оглянувшись, японец за-

метил, что «Старина Чарли» выходит из пике, направляясь к югу.

Торопливо повернув, он устремился к вражескому аппарату, надеясь набрать высоту прежде француза.

В это время Фосс, обнаружив над собой биплан с собачьей мордой на носу, лихорадочно соображал, как стряхнуть его с хвоста. Как бы поудачнее сманеврировать? Он понимал, что соперник способен повторить любой его прием — или, используя преимущество в высоте, обрушиться на него сверху.

Он бешено дернул рукоять дроссельного клапана.

Баркер широко раскрыл глаза, когда биплан с шахматными клетками на крыльях внезапно возник перед ним, но скорости не снизил. Теперь канадец и его противник неслись на одной высоте, на расстоянии пятидесяти ярдов, которое сокращалось с каждым мгновением. Поймав шлем врага в перекрестье прицела, Баркер нажал гашетку.

Будто разгадав его планы, Фосс увеличил скорость и вошел в вираж. Очередь канадца задела лишь нижнюю часть фюзеляжа и плоскости хвостового оперения; заметив это, Баркер повернул назад — теперь он мог стрелять по борту противника.

Но биплан немца выпрямился и быстро сделал полуоборот вправо; «Собачья морда» дернулась за ним, неотступная и упорная, словно бульдог. Фосс выровнял свою машину и некоторое время шел почти горизонтально, набирая скорость. Это был опасный маневр! Усмехнувшись, канадец нажал гашетку.

Будто предчувствуя, что стальной град готов изрешетить его биплан, немец резко отвернул и, не закончив оборота, ушел в пике. «Должно быть, он в отчаянии, — решил Баркер. — Я мог бы развернуться так же быстро...» Потом он подумал, что за штурвалом этого самолета — Фосс. Должен быть Фосс, и не кто иной!

Внезапно биплан немца задрал нос, перевернулся в «бочке» и вновь стал снижаться. Баркер решил не по-

вторять этого маневра; он только стиснул штурвал, и его большой палец лег на гашетку. Он мчался к Фоссу, стараясь прижаться к нему так тесно, как цыпленок к курице. Оба их аппарата стремительно приближались ко второй противоборствующей паре.

Гинме выходил из пике, когда перед ним промелькнули крылья в шахматную клетку. Фосс! И он был у него под прицелом! Мгновенно прикинув взаимное положение машин, расстояние между ними и скорость ветра, немец выпустил очередь. Даже не очередь — всего шесть пуль! Казалось, Гинме успеет проскочить, но одна из них впилась ему в ногу, глубоко застряв в мякоти бедра.

Вглядываясь в Жоржа, внезапно откинувшего голову назад, Баркер не заметил, что Фосс продолжает стрелять. Он сам был уже готов нажать спусковую кнопку, когда тот резко взмыл вверх и, качнувшись на одно крыло, вынудил канадца свернуть, избегая столкновения.

В тот же миг Баркер, как разъяренная пантера, ринулся обратно к противнику; Фосс с трудом ушел вбок, теряя превосходство в высоте. Он был вынужден спикировать вниз и оказался ниже Баркера.

Канадец мчался к нему, поглядывая, не покажется ли рядом машина Окабе. Японец не заставил себя ждать; он коршуном падал сверху, явно намереваясь помочь своему напарнику, пока Гинме находился в положении «ор де комба».¹ Надолго ли? Быть может, навсегда? Похолодев, Баркер повернул к японцу, и его биплан распластал крылья на уровне машины Окабе; столкновение казалось неизбежным.

Спикировать означало потерять преимущество. Но ни противник, ни он сам не собирались оставаться на одной высоте. Канадец сделал резкий вираж влево, Окабе — вправо. Повидимому, теперь японец постара-

¹ Вне боя, вне игры (франц., прим. переводчиков)

ется обойти его с хвоста, решил Баркер и посмотрел вниз, на машину Гинме. Нет, Жорж не мог быть ранен настолько тяжело, чтобы выйти из боя! И немец, тоже сообразивший это, уже спешил к нему — добить! Сейчас Фосс был ниже Баркера, и канадцу представлялась отличная возможность для новой атаки. Но, к сожалению, над ним висел Окабе.

Баркер вывел самолет из виража. Тридцать секунд — и японец с ревом пронесется над ним!

К черту! К черту Окабе! Он будет атаковать Фосса!

Самолет канадца снова ринулся в глубокий вираж.

От стремительного спуска завибрировали крылья. Баркер бросил взгляд на спидометр — двести тридцать миль в час, на десять миль больше допустимого предела! Он обернулся. Биплан Окабе мчал следом, но пока еще не очень близко; очевидно, аппарат японца обладал примерно такими же техническими характеристиками, как и его собственный самолет. Баркер выровнял машину, уменьшая скорость снижения, хотя это позволяло Окабе подойти совсем близко. Но канадец стремился добраться до Фосса с запасом в две-три секунды — ему было нужно время для длинной очереди.

Заметив канадца, теперь уже единственную угрозу, Фосс повернул биплан к этой низвергающейся с небес Немезиде. Через несколько мгновений они окажутся на одном уровне, и дула пулеметов исторгнут залп. Баркер шел быстрее; на расстоянии четырехсот ярдов преимущество будет на его стороне, если не нагрянет Окабе...

Сейчас канадец шел в вираже, менее крутом, чем прежде. Поглядывая назад, он отвел рукоятку газа. Окабе приближался к нему, но был еще недостаточно близко, чтобы начать прицельную стрельбу. «Собачья морда» неслась к аппарату Фосса, ветер со свистом бил в стекла кабины. Немец не оглядывался; внезапно он сделал полуоборот и спикировал вниз. Баркер повторил его маневр, с ужасом понимая, что Гинме вот-вот

должен оказаться на одной высоте с немцем, под его прицельным огнем. Второй раз по воле случая «Старина Чарли» становился мишенью противника!

Канадец еще не знал, насколько серьезно ранен его друг. Может ли он защищаться? Его машина и биплан Фосса миновали Гинме и резко взмыли свечой к небу. Что ж, значит, ему удалось прикрыть «Старину Чарли», подумал Баркер, разглядывая затылок немца, маячивший в пятидесяти ярдах впереди.

Он посмотрел в зеркало заднего обзора: до Окабе было ярдов пятнадцать, и он быстро приближался. Баркер отжал газ и надавил гашетку, слыша, как пули щелкают по корпусу машины Фосса от носа до хвоста, оставляя за собой цепочку пробоин. Вот они прошли двигатель, поразили пилота — голова у того вся в крови...

Внезапно Баркер ощутил удар в спину, потом — в основание черепа, и небеса померкли перед ним.

Толпившимися на берегу зрители наблюдали редкую картину: три самолета, выстроившиеся в одну линию, и, отдельно — четвертый. Этот последний аппарат, ведомый Гинме, приближался к японцу снизу и сзади. У него была невыигрышная позиция — ни преимущества в скорости, ни в высоте, — но он ударил неожиданно. Гинме полагал, что ставит точку в воздушной дуэли — Фосс был ранен в голову, у Баркера же изрешечена спина и снесен верх черепа. Он выпустил три очереди; одна из пуль попала в поясницу японца, перебила позвоночник и, пронизав тело насквозь, разорвалась в солнечном сплетении.

В тот же момент, дергая на себя рукоятку газа, Гинме повалился на штурвал с залитыми кровью лицом: две пули Фосса достигли своей цели.

Затем, бешено вращаясь, биплан немца ринулся вниз. Он пронесся над вершинами утесов, пронизал бамбуковые мостки и рухнул на одну из хижин. Ярko вспыхнуло пламя, огненный фонтан из разбитого дви-

гателя брызнул на соседнюю постройку, и ветер принялся жадно начал раздувать пожарище.

Эта первая катастрофа повлекла за собой цепную реакцию взрывов.

Машина Баркера врезалась в скалу и мгновенно вспыхнувшим факелом обрушилась на мостки и домики, оставляя по пути обломки раскаленного металла и пылающие потоки горячего.

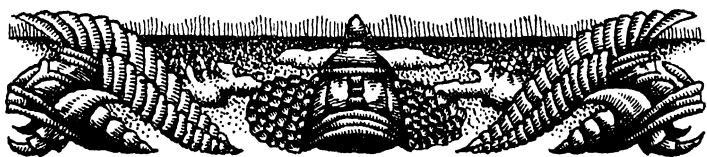
Биплан с багровым солнцем на носу штопором ввинтился в берег, разгоняя толпу вопящих от ужаса зевак и, пробороздив прибрежную траву, замер у стен большого танцевального зала.

Пляшущие языки огня мгновенно охватили здание; вокруг все озарилось зловещим багровым и алым светом.

«Старина Чарли» падал медленно, а приземлившись, ударился о землю, пропахал широкую траншею и врезался в несокрушимое железное дерево. На его пути осталось пять трупов.

Геринг, мертвенно бледный, дрожащий, взирал на развернувшуюся перед ним драму, повторяя про себя: ни мужество, ни мастерство, ни великий ум не могут спасти от смерти, ибо эта незримая сила правит всем — даже госпожой Фортуной. И война, мерзкая маска смерти, одинакова губительна для каждого — для воинственного солдата и для мирного жителя, для бойца и философа, для героя-убийцы и невинного младенца.

ГЛАВА 10

АРМАГЕДДОН: «НЕНАЕМНЫЙ» ПРОТИВ «РЕКСА»

К

ороль Джон никогда не складывал оружия.

Еще не закончилась смертоносная карусель четырех пилотов, когда он нагнулся к микрофону на панели управления рулевой рубки:

- Тайши!
- Да, капитан?
- Вылетай! И да не оставит тебя Господь!

Через пятнадцать минут распахнулись огромные створы кормового люка, и на воду соскользнул большой двухместный самолет со сложенными крыльями. Пока они распрямлялись, гидроплан плавно покачиваясь на поплавках. Сидевший в кресле пилота Сакануи Тайши запустил оба двигателя и теперь ждал, когда они разогреются. Сзади, за крыльями, расположился стрелок Габриэль О'Херли.

Оба они были ветеранами земных войн: японец — Второй Мировой; О'Херли, австралиец ирландского происхождения — корейской кампании. Тайши летал на бомбардировщике и встретил свою смерть в битве над заливом Лейте; О'Херли служил в артиллерии наводчиком орудийного расчета. Хотя он не имел летного опыта, Джон предпочел выбрать его как великолепного стрелка. Поговаривали, что на пулемете он играет подобно музыканту-виртуозу.

В нетерпении капитан приказал Тайши немедленно взлетать.

Японец отрапортовал по радио о готовности, О'Херли уселся в кресло; затем пилот дал газ, и машина заскользила по воде. Подъем был трудным: давил груз десяти ракет со стофунтовыми боеголовками, подвешенных под крыльями, и торпеды под фюзеляжем. Торпеда была начинена семью сотнями фунтов кордита и запускалась от электропривода.

Наконец самолет оторвался от Реки и, на высоте пятидесяти футов, Тайши нажал кнопку сброса поплавков. Сцепление разомкнулось, упав вместе с поплавками в воду, и самолет сразу стал набирать скорость.

Поглядев вниз, О'Херли заметил, что все четыре самолета пылают на земле, но ничего не сказал Тайши. Тем временем японец разворачивал машину к левому берегу; вскоре они пролетели между скальными пиками над верхним рядом деревянных мостков. Им предстояло на небольшой высоте проскользнуть за верхушками деревьев и утесов вглубь береговой полосы, а затем как следует попетлять среди холмов. Дальше они должны были свернуть вправо, к бамбуковыми зарослями — вот оттуда-то будет нанесен внезапный удар по «Ненаемному»!

Тайши понимал, что радар Клеменса засек подъем его машины с поверхности Реки. Он, тем не менее, надеялся скрыться от следящего луча в предгорьях.

* * *

Сержант-оператор попытался привлечь внимание Клеменса, но тот, похоже, ничего не слышал. Он стоял возле стула, сжимая в пальцах сигару, с глазами, полными слез, и повторял все громче и громче: «Жорж! Билл!»

Рядом высился облаченный в боевые доспехи Джо Миллер.

На голове у него сверкал стальной шлем с тяжелым забралом и наносником, торс прикрывала массивная кольчуга, на руках были кожаные перчатки, талию охватывал пластиковый защитный пояс, бедра защищали наколенники. В громадной руке Джо рукоять стального стофунтового топора казалась тростинкой. Его глаза тоже подозрительно блестели.

— Такие тславные ребята! — пророкотал он.

— Капитан, — вновь начал сержант, — радар засек вылет с «Рекса» большого самолета.

— Что? — опомнился Сэм.

— Поднялся в воздух двухмоторный самолет. Радар отметил курс на север.

Сэм полностью овладел собой.

— На север? Какого черта?.. О-о! Значит, он собирается развернуться и ударить по судну с правого бор-та.

Он вызвал офицеров и быстро спустился по лестнице на капитанский мостик. Там он окликнул своего помощника Джона Байрона.

— Вы распорядились поднять «Гусака»?

— Да, сэр, — сразу же, как только радар обнаружил их самолет! Они нарушили наше соглашение!

— Отлично! — Сэм выглянул в люк. «Гусак», огромный двухмоторный торпедоносец, уже оторвался поверхности реки; он быстро набирал высоту, вода потоками струилась с его белых поплавков. Через минуту они упали вниз, подняв тучу брызг, подскочили на волнах и вновь погрузились в воду. Их подхватило течением и быстро унесло прочь.

— Объявить боевую тревогу! — приказал Сэм.

Байрон нажал кнопку. Заревели сирены, но обычной суеты не наблюдалось: все и так уже стояли на своих местах.

— Полный вперед!

Детвейлер, склонившийся над штурвалом, мгновенно нажал на рычаги; гигантские электродвигатели взре-

вели, колеса начали бешено перемалывать воду, и корабль словно рванулся вперед.

— Здорово нас обдурил старинна Джон, — покачал головой Клеменс. — Радируйте на самолет: заходить на «Рекс» с правого борта.

Байрон поспешил выполнить приказ. Сэм повернулся к де Марбо, облаченному в серый дюралюминиевый шлем, кольчугу и кожаные ботфорты; на поясе у него висела кобура с пистолетом и ножны с абордажной саблей.

— Прикажите расчету выкатить секретное оружие. Быстро!

Француз нажал кнопку и соединился с арсеналом.

— Радар еще ловит самолет противника? — спросил он у оператора.

— Сейчас его не видно, он идет ниже линии холмов.

Вдруг де Марбо громко охнул. Сэм взглянул на его побледневшее лицо:

— В чем дело?

— Не знаю... Мне показалось, что я слышал что-то вроде взрыва. Связь не работает! Никто не отвечает!

Сэм тоже побелел как полотно.

— О, Господи! Взрыв! Быстро вниз, разберитесь, что случилось!

Возле Байрона на переборке был еще один переговорный аппарат.

— Пост 25 докладывает о взрыве на посту 26!

Француз со всех ног бросился к лифту.

— Сэр, радар засек самолет противника, — доложил оператор. — Идет по левому борту, как раз над строяниями, между двумя выступами скал.

Сэм подбежал к окну, выглянул наружу. В лучах солнца блеснул полосатый сине-серебряный нос самолета.

— Ишь, как торопится!

Он изо всех сил вцепился в раму, стараясь усложниться. Байрон уже оповестил экипаж о воздушной ата-

ке, хотя особой необходимости в том не было: гидроплан и так был у всех на виду.

— Откроем огонь в пятистах ярдах, — распоряжался Байрон.

— Выпустим двадцать ракет. Пушки и пулеметы начинают стрелять, когда он подойдет на двести пятьдесят ярдов.

— Я должен был это предвидеть, — пробормотал Сэм, — и поднять вверх лазер, как только этот парень взлетел. Мы бы разрезали самолет надвое... еще до того, как он успел бы выпустить снаряды...

Вот и еще одно сожаление в его наполненной сожалениями жизни.

Что за голубые всполохи промелькнули на горизонте?

— Комета! — воскликнул Джо Миллер.

Торпедоносец резко пошел вниз, минуя подмостья на отрогах холмов; сейчас он скользил над травой равнины. Неизвестно, кто его вел, но этот парень мастерски справлялся с тяжелой машиной, будто с одномоторным истребителем.

Самолет шел со скоростью сто пятьдесят миль в час. Как только он достигнет Реки, между ним и «Ненаемым» останется около мили. Но выпустить торпеду он сможет лишь в шестистах футах, даже еще ближе, если пилот пойдет на риск: ведь чем меньше расстояние, тем меньше и шансов, что «Ненаемый» сумеет избежать удара.

Развернуть корабль носом, чтобы уменьшить площадь поражения? Но мощь оборонительного огня тоже станет в этом случае минимальной...

Сэм выжидал; он ждал момента, когда серебристый цилиндр вырвется на свободу. Тогда он сразу же даст приказ Детвейлеру развернуть корабль, ибо самолет без своего смертоносного жала будет уже не так страшен. Если он и вывернется из-под обстрела, парадруга пробоины ему гарантированы.

— Пятьсот ярдов, — через плечо оператора Байрон взглянул на экран радара и тут же приказал:

— Запустить ракеты!

Двадцать серебряных остроконечных стрел, исторгая пламя и дымный след, рванулись словно коты за убегающей мышью.

Но и у пилота была кошачья хватка. Струи огня и дыма ударили со стороны самолета и в мгновение ока скрестились с потоком встречных снарядов; взметнулось яркое пламя разрывов, и гидроплан, прорвавшийся сквозь эту завесу, вдруг очутился совсем близко, над самой рекой, над волнами, почти лизавшими его корпус.

— Вторая ракетная батарея — пли! — выкрикнул Байрон. — Пушки и пулеметы — огонь!

Снова взметнулись дымные арки ракет, пулеметы выплеснули очереди пластиковых пуль девяностого калибра, 88-миллиметровая пушка грохнула с левого борта, окутав палубу огнем и дымом. Стоявшие между орудиями десантники палили из винтовок.

На высоте ста футов гидроплан освободился от торпеды.

Она ударилась о воду, подскочила и скрылась из глаз; теперь на поверхности реки тянулся лишь ее пенящийся след.

— Лево руля! — крикнул рулевому Сэм.

Детвейлер дернул на себя левый рычаг. Громадное колесо левого борта замедлило вращение, застопорилось и начали вспенивать воду в обратном направлении. Корабль медленно разворачивался.

Тайши, ощутив, насколько полегчала его машина после пуска торпеды, оттянул рукоятку, и моторы, работая на полной мощности, взметнули гидроплан над кораблем. Пилот свесился через борт кабины, ветер бил ему в лицо; он не успел разглядеть торпеду в прозрачной воде, теперь же она осталась позади.

Внезапно перед ним в солнечных лучах блеснули ракеты, за которыми протянулись дымные хвосты. Еще один залп! Самонаводящиеся снаряды!

Сложись все иначе, Тайши удалось бы проскользнуть над краем взлетной площадки, развернуться и при повторном заходе сбросить бомбы. О'Херли стоял, пристегнувшись к поручню кабины, ожидая, когда машина снизится, чтобы начать пулеметный обстрел. Но ему не удалось открыть огонь — и не удастся уже никогда.

Внезапно самолет, Тайши и О'Херли исчезли в густом дыму, потом вниз посыпались обломки, осколки металла, изуродованные человеческие тела.

Один из моторов, согнутый дугой, рухнул на взлетную площадку рядом с пушкой. Он покатился по настилу и обрушился на штормовой мостик, раздавив двух матросов.

Вахтенный срочно вызвал пожарную команду.

Сэм Клеменс увидел в иллюминатор вспышку взрыва, всем телом ощущая, как содрогнулась от удара палуба.

— Что за чертовщина!

Но он уже не мог отвести глаз от стремительно приближавшейся пенной дорожки, зловещей и быстрой, как след акульского плавника.

Если бы корабль мог мгновенно отвернуть в сторону, перевернуться как монета, приносящая удачу!

Жуткие расчеты, смертоносная геометрия, русская рулетка! Торпеда неслась по прямой — самому короткому расстоянию между двумя точками; в данном случае это не подлежало сомнению. Стремясь избежать гибели, таящейся на конце этой линии, корабль описывал круг.

Сэм вцепился в поручни, бешено стиснув зубами сигару; ее наполовину откушенный конец повис и теперь жег ему подбородок. Он вскрикнул от боли, но осознал

ее лишь через несколько секунд, когда торпеда, чуть не шаркнув о борт, проскочила мимо.

Теперь смерть устремилась к берегу. Сэм хлопнул рукой по губам, обжегся и отшвырнул сигару.

— Отставить разворот, — приказал он Детвейлеру. — Идти прежним курсом. Полный вперед!

Байрон взглянул в правый иллюминатор.

— Торпеда уже у берега, капитан. Она еще движется, но ее держит ил.

— Пусть теперь волнуются они, — Сэм кивнул головой в сторону толпящихся на берегу зевак. — О-о!

В эти страшные минуты он совсем забыл о взрыве на двадцать шестом посту.

— Байрон, Марбо уже доложил, что там случилось?

— Нет, сэр!

И тут раздался сигнал судовой связи. Байрон ответил на вызов, Сэм подошел поближе.

— Говорит де Марбо. Капитан занят?

— Я слушаю, Жан. Что там произошло?

— Взорван лазер. Полностью уничтожен! Вся охрана, включая Фермора, мертва. Четыре члена экипажа случайно оказались свидетелями взрыва; их обстреляли. Капитан, на судне диверсант или диверсанты!

Сэм выругался; в какой-то момент ему показалось, что он теряет сознание. Он с трудом удержался на ногах, опершись руками о переборку.

— Что с вами, сэр? — встревожено спросил Байрон.

Помощник был так же бледен, как и капитан, но сохранил самообладание. Сэм выпрямился и с трудом сделал глубокий вдох.

— Со мной все в порядке... Вот сукин сын! Мне надо было поставить охрану из двадцати человек и выпести лазер раньше! Сейчас мы лишились своего главного козыря. Но и Джон от этого ничего не выиграет! Да, Байрон, никогда нельзя упускать из вида человеческий фактор!

— Нет, сэр, но я полагаю...

— Что с того, если мы пошлем людей на розыски этих подонков? Они уже все вернулись на свои места... — Клеменс задумчиво потер лоб. — Однако все может случиться. Вдруг эти мерзавцы намерены взорвать и генератор? Отправьте-ка вниз десяток человек, на охрану машинного отделения. И обеспечьте тщательное наблюдение за всеми службами! Любого, покинувшего свой пост, препровождать в тюремную камеру! Пусть даже это будет офицер, и у него найдется веское объяснение! Мы не можем одновременно драться с Джоном и трястись в ожидании, когда нам воткнут нож в спину.

— Есть, сэр! — Байрон начал вызывать по очереди начальников служб.

— Корабль противника в пяти милях, сэр, — доложил оператор радара. — Идет со скоростью пятьдесят пять миль в час.

Предельная скорость «Рекса» в спокойных водах и при безветрии составляла сорок пять узлов; при попутном ветре, двигаясь по течению, он был способен потягаться с «Ненаемым».

— Есть ли сведения о «Гусаке»? — спросил Сэм.

— Никаких, сэр.

Сэм взглянул на хронометр. Самолет, видимо, еще летел вдоль линии гор, скрываясь за вершинами деревьев; ему был дан приказ не атаковать «Рекс» до момента, пока тот не начнет обстрел. Тогда «Гусак» с ревом выскочит из-за деревьев, устремится вниз к Реке и обрушит удар по борту корабля противника. Если б у Джона была хоть капля здравого смысла, он не выпустил бы свой торпедоносец до того, как сражение развернется на всю катушку.

Возможно, Джон надеялся, что неожиданный воздушный бой отвлечет внимание людей на «Ненаемом» от сюрприза?

— Противник в четырех милях, капитан. Идет полным ходом.

Сэм зажег новую сигару и попросил врача осмотреть обожженный подбородок. Смоллет смазал его мазью. Клеменс отошел к правому борту, разглядывая густой дым, тянущийся на берегу примерно в четверти мили от судна. Пламя пожирало заросли бамбука, сосны и строения, ветер, подхватывая горящие обломки, обрушивал их на мостки. Вокруг сновали люди. Одни вытаскивали из горящих хижин пожитки или спешили спуститься по лестницам вниз, пока огонь не добрался до их жилищ; другие, образовав цепочку, передавали к реке цилиндры и ведра из огнеупорной глины, пытаясь справиться с огнем. Это казалось бесплодным занятием: потушить пожары они не могли. Надо было ждать, пока огонь прогорит и потухнет сам. Часть людей так и решила поступить — они толпились на равнине, подальше от берега.

— Бой еще не начался, а мы уже наполовину уничтожили Вироландо. — Сэм говорил, ни к кому особенно не обращаясь. — Вряд ли нас будут вспоминать тут добрым словом...

— Противник в трех милях, сэр.

Сэм подошел к переговорной трубе, по которой Байрон еще отдавал приказы различным службам. Над ним нависла массивная голова Джо, и он почувствовал веявший от гиганта запах бурбона. Джо Миллер имел привычку перед боем прикладываться к спиртному — как он объяснял, совсем не для того, чтобы почерпнуть храбрость в бутылке, а просто так, «заморить червячка».

— Видишь ли, Тсэм, мне нужна матса энергии. А ты же тсам говорил, что алкоголь тсообщает энергию. Мо-ему телу требуется горячее — в нем, как в двигателе, все быстро тсгорает. Оно же большое!

— Да, мяса в тебе хватает, приятель!

Повернувшись к Сэму, Байрон доложил:

— Пока все спокойно, сэр! Никто не покинул своего поста.

— Ну, а вдруг им нужно попитаться? — не унимался Джо. — Вот мне перед боем всегда надо попитаться — и много! Хотя я храбрый, даже отчень, но испытываю напряжение — не нервное, а вот такое.

— Верно, с этим ничего не поделать, — признал Сэм. — Вот я, если хорошо выпью, не вылезая из уборной — если, конечно, успею до нее добраться.

— Витски очищает мои потчки. Читстые потчки — читстая натстройка, — он хлопнул себя по лбу. — Моя натстройка, етстетственно, а не судна.

— У вас, Джо, много общего. У судна полно воды в сортирных трубах, а у тебя жидкость в башке.

— Ты говоришь мне гадости, потому что нервничаешь, — теперь Джо хлопнул по плечу Сэма. Пальцы у него были размером с добрый банан.

— Не фамильярничай с капитаном, — осадил его Клеменс, но почувствовал себя более спокойным. Джо любит его и никогда не предаст... Разве может с ним что-то случиться, пока рядом этот голиаф?

Да, может, признался он сам себе. С Джо или без него, корабль способен взлететь на воздух, развалиться на части, затонуть...

Господи, спаси и сохрани, подумал Сэм.

* * *

«Рекс Грандиссимум» показался вдали — смутный белый силуэт, движущийся к «Ненаемному». Через несколько минут его очертания приобрели четкость, и у Сэма сжалось сердце. Это был его первый корабль, его первая любовь! Он сражался и убивал, добывая для него металл, он предал ради него, уничтожив соратника... (Эрик Кровавый Топор! Где же он сейчас?) Он участвовал в его создании от первого чертежа до последнего болта, он трудился на него долгие годы... И все эти убийства, сражения, эта борьба и труд пошли прахом,

когда Джон похитил корабль! И сейчас это судно — его смертельный враг... Какая жалость, что придется погубить одно из двух его детищ на этой планете!

Больше всего он ненавидел Джона именно потому, что тот вынуждал его уничтожить подобную красоту и величие. Возможно, удастся взять «Рекс» на абордаж, захватить его без разрушения? Тогда к истокам Реки поплывут оба корабля...

Сэма нередко бросало из крайности в крайность, от глубочайшего пессимизма к бурному оптимизму.

— Две с половиной мили, — доложил дистанцию оператор радара.

— Ничего не слышно о «Гусаке»? — Клеменс повернулся к связисту.

— Нет... впрочем, да, сэр! Кое-что есть! Он находится в трех милях по правому борту, как раз над холмами.

— Сэр, судно противника разворачивается, — вдруг прервал связиста оператор радара. — Пытается уйти от нас.

Сэм выглянул в иллюминатор. Да, «Рекс» поворачивал!

Когда «Ненаемный» подойдет ближе, враг подставит ему корму.

— Какого тшерта он там вытворяет?

— Он от нас не удерет, — заверил Сэм приятеля. — Джон подлый подонок, но не трус. Кроме того, команда не допустит бегства. Нет, просто это очередная уловка.

— Может быть, — предположил Детвейлер, — у «Рекса» какие-то технические неполадки?

— Если так, то нам следует это выяснить, — оживился Сэм. — Эй, на радаре, проверьте-ка их скорость!

— Судно противника идет со скоростью тридцать пять миль в час, западным курсом.

— Против ветра и течения — это предельная скорость. Значит, никаких неполадок... — Сэм помолчал,

устремив вверх глаза, будто выискивая на потолке разгадку, и вдруг сказал:

— На сонаре! Вы не заметили какой-либо неизвестный объект? Что-нибудь вроде мины?

— Нет, сэр. Река чистая, видны лишь несколько рыбьих стай.

— Джон вполне мог натолкнуть мин на нашем пути... я и сам бы додумался до такого...

— Да, но он же тснает, что у натс тсонар.

— Тем не менее, я бы на его месте попытался. Спаркс, передайте Андерсону приказ ждать последующих распоряжений.

Радист связался с пилотом «Гусака» и передал ему приказ. Шотландец Ян Андерсон летал в годы Второй Мировой на бомбардировщике; его стрелок, грек Теодор Займис, тоже участвовал в той войне. Он летал в ночных рейдах королевских ВВС на Германию и Францию как стрелок хвостовых орудий.

Андерсон ответил, что понял приказ. Радар неотступно следил за «Гусаком», поскольку тот придерживался курса на запад.

Солнце медленно спускалось к вершинам гор; «Ненаемный» приближался к врагу.

— Джон, пожалуй, даже не представляет, какую скорость способно развить это судно, — бормотал Сэм, меряя шагами капитанский мостик. Он бросил взгляд на толпящихся по берегам людей, на уступы скал и помосты между ними. Какая глупость! Почему они так сгруппировались? Неужели им ничего не известно о ракетах и снарядах, которые могут угодить в самую гущу народа? Во всяком случае, Джон скоро их проучит...

Неясным очертанием возник и скрылся из глаз каменный черно-красный храм. Сейчас «Ненаемный» был уже в полумиле от цели, и Сэм приказал Детвейлеру снизить скорость.

— Не знаю, идут ли они на пределе, но я не хочу на полной скорости влипнуть в какую-нибудь ловушку.

— Похоже, они входят в протоку, — доложил Детвейлер.

— Мне бы следовало самому об этом догадаться.

Горы с обеих сторон все ближе сдвигались к Реке, почти соприкасаясь в миле от судна; там исполинские бурые каменные отроги с черными, белыми и красными прожилками образовывали узкое отвесное ущелье, из которого бурным потоком изливалась Река. «Рекс», на полной мощности двигателей, шел со скоростью двадцать узлов. Сейчас он двигался еще медленнее, чем при входе в этот темный каньон.

— Вы полагаете, что Джон собирается добраться до конца протоки? — спросил Сэм. Он стукнул кулаком по ладони. — Разрази его гром, это так! Он будет нас там ждать и прихватит, как только мы высунем нос из ущелья!

— Ты же не будешь таким протостофилей, верно? — прогудел Джо Миллер.

Сэм ему не ответил. Он обратился к радисту:

— Соедините меня с Андерсоном!

Пилот «Гусака» говорил с явным шотландским акцентом:

— Есть, капитан! Сейчас мы поднимаемся и посмотрим, что поделявает этот мерзавец. Но нужно время, чтобы пройти над ущельем.

— Не поднимайтесь над горами, идите по ущелью, — велел Сэм. — Подвернется случай — атакуйте! — Он повернулся к Байрону:

— Что-нибудь слышно?

По лицу англичанина скользнула тень досады.

— Я тотчас выясню.

Сэм рассмеялся.

— Извините, Джон... Мне по-прежнему не дает покоя мысль, что в этот момент кто-то там внизу подкладывает взрывчатку. Продолжайте заниматься своим делом.

— Слушаю, сэр, — ответил Байрон, но все же вызвал Шиндлера, командира двадцать шестого поста. Сэм остановился рядом с помощником.

— Полчаса назад отсюда вышел мичман Сантьяго, сэр, — доложил Шиндлер. — Сказал, что у негохватило живот на нервной почве поносом, и он хотел бы облегчиться, пока не случилась неприятность у всех на глазах. Обещал тотчас же вернуться. Он появился через десять минут, и по-моему, сэр, он действительно не мог прервать своего занятия. Сантьяго был мокрым, как мышь, сказал, что весь перепачкался и должен принять душ. Он слышал, что капитан затребовал доклады со всех постов, и просил объяснить, в чем у него проблема. Но пока что он не вернулся назад.

— Пост 27, докладывайте! — Байрон обернулся к Сэму. — Он не может действовать в одиночку. Но все тридцать пять постов утверждали, что у них никто ни на минуту не отлучался.

— Значит, он где-то прячется или уже прыгнул за борт.

— Не думаю, что ему удалось удрать с судна. Кто-нибудь должен его заметить.

Сэм вызвал де Марбо.

— Собрать всех десантников — всех, для поиска Сантьяго. Будет сопротивляться — стреляйте без предупреждения. Но мне бы все-таки хотелось потолковать с ним.

Он кивнул к Байрону:

— Сантьяго был с нами с самого начала. Возможно, его заслал к нам Джон, но как ему удалось разузнать о лазере — ума не приложу. Пока король не похитил корабль, мы даже о таком не помышляли... А сам Сантьяго? Как он мог выведать об этом оружии? Даже интимная жизнь королевы Виктории окружена меньшей тайной...

— У него было достаточно времени, чтобы разнюхать о чем угодно, — сокрушенно покачал головой Бай-

рон. — К тому же, он весьма хитер. Я никогда не доверял этим даго!

— А мне он нравился, — признался Сэм. — Всегда в хорошем настроении, исправно нес службу и чертовски ловко играл в покер.

Сантьяго был родом из Венесуэлы семнадцатого века и в течение десяти лет служил капитаном военного судна. Когда оно разбилось у Карибских островов, капитан уложила на берегу индейская стрела — что избавило венесуэльца от неминуемой смерти от сифилиса, уже разрушавшего его организм.

— Конечно, — добавил Сэм, — он был слишком охоч до женщин и подвержен дурацким приступам романского гонора. Но после близкого знакомства с одной из дам, большой специалисткой по джиу-джитсу, он почти превозмог эту слабость и стал относиться к женщинам куда осторожнее.

Он говорил о Сантьяго, а в голове у него вертелась дюжина недоуменных вопросов. Прежде всего, каким образом Джон узнал, что его агент добрался до лазера? Ведь он о нем и понятия не имел! Значит, венесуэлец должен был взорвать любой важный агрегат корабля... Этот приказ он не смог выполнить: машинное и электромеханическое отделения охранялись безупречно.

Но если б диверсия удалась, то как бы об этом узнал Джон? Возможно, у агента существовал какой-то способ оповещения? Но какой? Похоже, Сантьяго им не воспользовался, он не посылал никаких сигналов.

Впрочем... у него мог быть припрятан передатчик, настроенный на определенную частоту...

Вдруг Сэм ощутил легкое содрогание палубы, совершенное иное, чем привычная вибрация от вращения гребных колес. Он быстро подскочил к переговорной трубе.

— Посты 15 и 16! Что случилось?

Ответил невозмутимый женский голос:

— Говорит Анита Гарибальди, пост 17. Внизу был взрыв, сэр. Разнесло переборку, пробита электропроводка.

Детвейлер разразился руганью. Сэм резко обернулся к нему:

— В чем дело?

— Не могу справиться с управлением, — растерянно ответил тот. Сэму все стало ясно: колеса вращались все медленнее, и в кормовой иллюминатор он видел, как они застопорились. Нос стал заворачивать влево, и корабль понесло течением назад.

Детвейлер потянулся и щелкнул тумблером. Зажглась сигнальная лампа, и рулевой вновь надавил на рычаги. Колеса пришли в движение, корабль начал выравнивался, ложась на курс.

— Сработала аварийная система, — доложил Детвейлер.

Сэм усмехнулся, но особой радости, надо сказать, не ощутил.

— Сантьяго, по-видимому, не знал о ней, — заметил он. — Джону это было известно, насколько я помню... — Он нажал сразу все кнопки, вызывая посты. — Ну, бездельники, слепые пустозвоны! Вы хоть в сто раз поумнеете, но дурачьем так и останетесь! Немедленно разыскать Сантьяго!

— Капитан, идем «полный вперед», — сказал Детвейлер.

Сверху донесся рокот моторов, мелькнула тень самолета; в двухстах футах над судном пронесся «Гусак». Он мелькнул меж мрачных отвесных стен ущелья, освещая их прожекторами, и исчез из вида, оставив за собой лишь длинную светлую дорожку.

— Можно связаться по радио с «Гусакom»? — обратился Сэм к радисту.

— Да, сэр, на длинных волнах их можно поймать.

Сэм едва успел отвернуться, как снова раздался голос радиста:

— Господи Иисусе! Пилот передает: «Нас подбили! Загорелся правый двигатель. Ракета...»

Он смотрел на Сэма, его лицо было белым как мел.

— Все, конец, капитан...

Сэм разразился руганью:

— Джон на это и рассчитывал! Он догадался, что я пошлю на разведку самолет — поглядеть, что там у него творится!

Проклятье! Почему он не разрешил Андерсону лететь над горами?.. Тогда гидроплан оказался бы вне досягаемости ракет... или, во всяком случае, у него хватило бы времени от них увернуться... Но Джон хорошо знал своего бывшего сопровителя: знал, как тот нетерпелив! Поэтому сам он выжидал до последнего...

Но зачем «Рекс» вошел в протоку? Не для того же, чтобы устроить засаду самолету! Он...

Раздался взволнованный голос де Марбо:

— Капитан! Мы обнаружили Сантьяго. Он прятался за переборкой. Прodelал там дыру и уже был готов перескочить через поручни на палубе. Джонстон прострелил ему голову.

— Подробности потом, — прервал его Сэм. — Ищите других агентов. Смотрите...

— Ракеты! — раздался крик Детвейлера.

* * *

Сэм обернулся. Серебристый снаряд ударил в основание рулевой рубки, раздался оглушительный взрыв, и палуба содрогнулась. Новый удар, по крыше; рулевая рубка качнулась, и через несколько секунд из всех иллюминаторов повалили клубы дыма. Ветер подхватывал их и уносил прочь.

— Что за чертовщина! — как заведенный повторял Сэм.

— Это откуда-то сверху, — Детвейлер оттянул рычаг, пытаясь развернуть судно.

— Отходи назад! — заорал Сэм. — Вниз по течению!

Рулевой уже выжимал полную скорость. Ну и самообладание у этого Детвейлера!

Вновь серебристая вспышка — и не одна, а целая дюжина!

И сразу за ними — взрывы. В огне и дыму исчезла ракетная батарея правого борта. Откуда-то по ним прямую бил невидимый враг.

— Идти зигзагом! — заорал Сэм.

Еще три прямых попадания. Остальные снаряды падали по обеим сторонам корабля и позади кормы.

— Наш радар в порядке, — доложил Байрон. Он дал приказ расчетам ракетных батарей открыть встречный огонь, хотя они и не видели противника.

— Да где же они? — вопрошал Сэм.

— На вершине скалы! — одновременно догадались Байрон и Детвейлер.

— Вон тсам! — Джо показывал рукой в проем кормового люка.

Пока Байрон выслушивал рапорты о повреждениях и потерях, Сэм всматривался вверх, куда показывал Джо своим гигантским пальцем. На высоте пятисот футов, там, где раньше ему виделась сплошная стена утесов, он заметил удлинненный проем ярдов десять в длину. Из-за направляющих ракетных установок виднелись крошечные лица, солнечные блики сверкали на серебристых снарядах и стволах.

— Господи! — он вытер с висков холодный пот.

Люди Джона отыскиали в горах пещеру, выходящую к Реке, перетаскивали туда ракетные установки и обстреляли их сверху! Открытый пролом, видимо, был до поры, до времени завешен зеленоватой тканью, похожей на пятна лишайника. Пока его ракетчики сидели здесь в засаде, Джон махнул через протоку.

— Вот простофиля! — Сэм выругался, стукнул себя кулаком по лбу.

Корабль, вспенивая волны, стремительно уходил вниз по течению. Новый ракетный залп — и пламя опять изрыгнулось из пещеры, заставив Сэма подпрыгнуть, хотя он уже понимал, откуда ведется стрельба.

— Лево на борт! — выкрикнул он.

Попала в цель лишь одна ракета. Паровая пушка окуталась клубами дыма, из которого полетели человеческие тела и куски металла. Когда рассеялся дым, на месте оружейной площадки и расчета, состоявшего из трех мужчин и двух женщин, открылась огромная зияющая пробоина.

На какое-то мгновение Сэм оцепенел, не имея сил сдвинуться с места. В голове настойчиво бились мысли: «Война — не моя стихия! Война — не дело мыслящего человека. Мне надо было взглянуть правде в лицо и передать командование Байрону... Но гордыня, моя гордыня! Вот Джон — уж на что хитер и коварен, но даже у него есть советник — этот великий воитель, датчанин Торденскольд...»

Сэм смутно осознал, что судно движется к берегу. Будто бы издалека до него долетел голос Байрона:

— Продолжать следовать этим курсом, капитан?

— Тсэм, Тсэм! — захохотал над ним голос Джо. — Готсподи Итсутсе, мы тсейчатс врежемся в берег!

Огромным усилием воли Клеменс стряхнул оцепенение и взял себя в руки.

— Изменить курс, идти вниз по Реке, рулить на стрежень!

На палубе валялись трупы — Янгблад, Черни, де Гроот...

Чуть в стороне лежала верхняя половина туловища красавицы Энн Мати, голливудской кинозвезды — словно китайская куколка, искалеченная злым ребенком... Сэм и прежде видывал трупы и кровь, и не был мальчишкой, игравшим в солдатики; он понимал, что

здесь не Дикий Запад, не Штаты с их гражданской войной. Дезертировать отсюда было некуда.

Гнев подавил его страхи. Поднесенный Джо — старым добрым Джо! — стаканчик бурбона лишь усилил его ярость. Будь проклят Джон и его подлые трюки! Он отправит его напрямиком в ад, а если будет надо — и сам отправится туда вслед за ним!

— Как вы думаете, нам удастся выбить этих мерзавцев из пещеры? — обратился он к Байрону.

Тот пристально посмотрел на него.

— Полагаю, да. Но если у них кончились снаряды, то нам уже незачем разбрасываться своими.

— Вроде их не видно в стволах, но они могут придержать запас, надеясь, что мы вернемся и начнем атаку. Давайте проверим. Не желаю, чтобы эти гиены глумились над нами!

Байрон поднял брови. Очевидно, он считал такой риск глупостью, но вслух произнес лишь: «Да, сэр!» и направился к переговорной трубе. Сэм сообщил о своем намерении Детвейлеру. Пока «Ненаемный» разворачивался, команда готовила ракетные батареи к бою.

Ровным голосом Байрон докладывал о потерях. Двадцать человек убиты, тридцать два тяжело ранены. Еще одиннадцать могут вернуться на посты, получив медицинскую помощь. Разбиты один пулемет, одна ракетная батарея и еще одно орудие. Взрыв собственных боеприпасов причинил больше вреда, чем все вражеские залпы. На посадочной площадке большая пробоина. Подорваны каюты под рулевой рубкой. Сама рубка пока устойчива, но еще одно попадание весьма опасно. Пожары потушены, двигательные установки судна не пострадали. Самое же неприятное — разбита антенна радара.

Сэму показалось, что наверху в пещере желоба зарядили новыми ракетами.

— Джон, откройте огонь, как только я прикажу, — обратился он к помощнику.

Байрон распорядился навести орудия на проем в скале; корабль находился уже ярдах в восьмистах от ее подножия.

Сэм велел Детвейлеру развернуть судно правым бортом и пустить по течению, чтобы орудия могли открыть прицельный огонь по пещере. Для массивного обстрела Байрон предназначил 88-миллиметровые пушки, чья прицельность была выше, чем у ракетных батарей, и пулеметы.

Вслед за командой Сэма 88-миллиметровки изрыгнули пламя, дым и грохот; один снаряд разорвался прямехонько над проемом, второй — точно под ним. Продолжать огонь уже не было необходимости — последний взрыв выбил ракеты из пещеры.

Оттуда в клубах дыма падали осколки, обломки и частицы того, что так недавно было человеческими телами.

Когда рассеялся дым, наверху виднелось лишь немного оплавленного покореженного металла.

— Думаю, чтобы проверить, что с ними покончено, надо подобраться ближе. — Сэм был удовлетворен; сейчас он воспринимал врагов не как живых людей, а лишь орудиями убийства, предназначенными для уничтожения его корабля. И, соответственно, их требовалось уничтожить прежде, чем они совершат свое черное дело.

— Разверните судно и держитесь в четверти мили от протоки, — приказал Сэм. — Байрон, распорядитесь поднять вертолет.

— Король Джон уже пустил свой в дело, — Байрон вытянул руку, показывая на вход в пещеру. Над утесом, на высоте около двух тысяч футов, Сэм разглядел нечеткий силуэт вертолета, вырисовывавшийся в темном проеме ущелья.

— Нельзя допустить, чтобы разведка Джона заметила наши потери! — он гневно стиснул кулаки. — Прикажете Петровскому покончить с ними!

Он подозревал де Марбо и минуты две втолковывал ему свои распоряжения; наконец француз отсалютовал и отправился передавать их по назначению.

Пилот вертолета Петровский разогрел двигатель и взлетел с двумя стрелками на борту. Кроме пулеметов, у него имелось десять самонаводящихся снарядов, предназначенных для уничтожения вражеской машины, а если повезет — то и «Рекса».

Сэм наблюдал его трудный подъем со смертоносным грузом — вертолет «Ненаемного» должен был набрать высоту и оказаться выше противника. Затем он поинтересовался, как идут дела у де Марбо. Тот ответил, что на катерах уже установлены ракеты и через несколько минут их можно выпускать.

— Как только небо будет очищено, я дам приказ, — сказал Сэм.

Наконец машина Петровского пошла свободней. Вертолет противника находился в прежней позиции, но когда с него заметили белый силуэт, паривший в небесах, машина развернулась и полетела к своему кораблю.

Оператор радара, ставший теперь дозорным, сообщил:

— Вертолет противника идет со скоростью около восьмидесяти пяти миль в час.

— Значит, быстрее нашего, — отметил Сэм. — Но на нем нет груза! Байрон, прикажите де Марбо спускаться катера.

Вскоре распахнулись тяжелые створы люка, и на воду выскользнул большой катер-амфибия, закачавшийся на волнах. Не медля, он направился к берегу; следом за ним шел малый, и оба они были набиты ракетами, установками и бойцами.

По радио послышался голос Петровского:

— Враг огибает излучину. Я поднимаюсь еще на две тысячи футов, а затем попробую его обойти.

В ожидании последующих сообщений Сэм следил за катерами. Они пристали к низкому берегу, и его воины попрыгали с бортов прямо в воду. Выбравшись на сушу, они начали выгружать орудия и снаряжение. Каждый из них тащил на спине либо сорокафунтовый снаряд, либо часть разобранной ракетной установки.

— Джону пришлось отправить наверх, к пещере, людей с лебедками, — произнес Сэм, — а потом поднимать туда тяжелые ракеты с палубы «Рекса». Наверняка ночью, иначе виrolандцы видели бы их... Чертовски трудная работенка! Жаль, что у нас нет времени установить тяжелые ракеты, но при точном попадании и легкие неплохо отделают «Рекса».

Он потер руки и пыхнул сигарным дымом.

— Мы не будем бить старину Джона его же оружием, но попытаемся заманить в такую же ловушку!

— Только бы хватило времени, — посетовал Байрон. — Вдруг «Рекс» выйдет из протоки раньше, чем будут установлены ракеты?

— Это может, но не должно случиться, — холодно отпарировал Сэм. — Если Джон вновь пойдет в озеро, ему придется двигаться прямым курсом. Даже если перекрутить штурвал на «Рексе», развернуться в ущелье нельзя! Джон прекрасно понимает, что мы поджидаем его сразу у выхода, но ни радар, ни сонар нас не засекут — стены каньона слишком высоки. И, как только он появится, мы тут же прижмем ему хвост!

— А может, он снова выскользнет, — возразил упрямый Джо.

— Это при нацеленных на него пушках, ракетах и торпедах? — Сэм пренебрежительно фыркнул. — Хотел бы я посмотреть, как ему удастся провести корабль против течения, когда до берегов лишь тридцать футов чистой воды! Детвейлер не сумеет. Даже я не смогу!

Они замолчали, пристально наблюдая за цепочкой людей, тащивших на себе серебристые ракеты и детали установки. По передатчику раздался голос де Марбо:

— Я обнаружил тропу.

— Да, я заметил, как вы махнули рукой, — ответил ему Сэм.

— Через час вы должны быть у пещеры. Она расположена не очень высоко, но по тропе придется еще долго добираться.

— Где можно, мы пойдем быстрее, но в узких местах придется замедлить шаг.

— Я целиком полагаюсь на вас.

— Опять на связи Петровский, — доложил связист. Сэм услышал голос пилота, еще не дойдя до рации.

— Мы спустились вниз, и похоже, их радар засек нас, как только мы обогнули последнюю излучину. Но я рассчитываю хорошо их потряхнуть! Пяток ракет по рулевой рубке, и еще столько же — по вертолету, где бы он ни находился, в воздухе или на палубе.

Голос Петровского дрожал от радостного возбуждения.

Это был отчаянный поляк, сражавшийся в королевских воздушных силах против Гитлера; после войны он не пожелал остаться в коммунистической Польше, эмигрировал в Канаду и зарабатывал на жизнь, летая пилотом на полицейском вертолете.

— Сейчас они свое получают! — кричал Петровский. — Корабль как раз у входа в ущелье. Его нос прямо передо мной. До него всего четверть мили. Пожелайте мне удачи!

Грохот моторов и свист лопастей усилился, но надсадный бас Петровского перекрывал шум.

— Залп пятью ракетами! — прошло две секунды, и вновь раздался его голос: — Не попал по командной рубке, но разбил к чертям дымовые трубы. В дыму ничего не видно! Опять захожу! Огонь! Ничего не разглядеть в этом проклятом дыму... О-о! Вон на посадочной площадке вертолет! Сейчас я...

Радист взглянул на Сэма.

— Извините, капитан, связь прервалась.

Сэм сдвинул пальцами сигару и отбросил ее обломки на палубу.

— Его сбила ракета.

— По-видимому...

Глаза радиста наполнились слезами. Он дружил с Петровским вот уже десять лет.

— Так мы и не знаем, разбомбил ли он вертолет Джона или нет, — Сэм вытер рукой глаза. — Я чувствовал себя машиной, которая идет на таран...

Байрон лишь поднял брови в ответ на столь дилетантское замечание.

— Да, да, я понимаю, — продолжал Сэм, — мы снова попались в ловушку, и я знаю, о чем вы сейчас думаете. На военном языке это звучало бы так: «Нам следовало сохранить свои средства наблюдения». Теперь Джон со своего вертолета — если только Петровскому не удалось с ним разделаться — может не спускать с нас глаз.

— И все-таки, быть может, мы получили шанс, — заговорил Байрон. — Вдруг Петровский разбил и командную рубку, и вертолет, но не успел об этом доложить?

Некоторое время Сэм вышагивал взад и вперед, свирепо извергая такие клубы сигарного дыма, что кондиционер не успевал с ним справляться. Наконец, отбросив сигару, он резко остановился, будто его осенила внезапная идея. И она действительно его осенила.

— Джон не вернется в озеро, пока не узнает, где мы находимся! Он пошлет в разведку или вертолет, или катер. Но мы не станем их обстреливать. Байрон, передайте де Марбо приказ ни в коем случае не открывать огонь, а притаиться. Детвейлер, отведите корабль к грейлстоуну, что около храма. Мы там станем на якорь и займемся ремонтом.

— Зачем же, Тсэм?

— А затем, чтобы нас увидели разведчики Джона, и чтобы, решившись на атаку, он твердо знал, что не по-

падет в засаду. Сейчас он уверен, что запущенные со скалы ракеты нанесли нам серьезные повреждения; значит, ему надо вернуться и добить «Ненаемный». Мы заманим его под удар ракет де Марбо! Это будет наша последняя ставка — и, надеюсь, козырная.

— Но, Тсэм, а вдруг Петровтский все-таки подорвал рубку? Может, Джон убит? Может, они и не тсобируются тсражаться?

— Что-то здесь не видно никого с белым флагом и предложением о капитуляции. Сейчас мы отойдем — в надежде, что Джон проявит готовность к бою. Тем временем нужно провести небольшую рекогносцировку. Байрон, спустите на воду малый катер! Прикажите Планкетту пройти на полной скорости протоку, быстро осмотреться и мигом — назад!

— Могу ли я дать совет? — спросил Байрон. — На катере есть торпеды...

— Нет, никакого шума! Я не намерен отправлять своих лучших парней на заведомое самоубийство! Опасное дело, как ответил заядлый холостяк старой деве, желавшей выскочить за него замуж. Их может атаковать вертолет, но мне кажется, что катер в силах с ним справиться. К тому же, если он начнет преследовать Планкетта, то де Марбо быстро с ним разберется. Мы получим информацию, а Джону останется только гадать, что там случилось с его вертолетом! Он не выдержит и пошлет на разведку свой катер, а мы подарим ему возможность вернуться. Вот так все и будет!

Байрон передал его распоряжения. Вскоре сверкающая белая амфибия соскользнула в воду и направилась к протоке. Ее командиром был младший сын ирландского барона, ставший морским адъютантом короля Георга V, а позже — адмиралом. Ветеран боев у Гельго-ланда и у берегов Голландии и Ютландии, он стал кавалером Большого Креста, почетного королевского ордена Голландии и российского Станислава II степени с мечами. К тому же он приходился дальним родичем ве-

ликому писателю-фантасту лорду Дансени и не менее великому путешественнику Ричарду Френсису Барто-ну.

— Сэр, — Джон Байрон обернулся к капитану, — мне кажется, вы кое-что не учли. Нашим людям еще идти и идти до места, где они установят ракеты. Если вражеский вертолет или катер станет преследовать амфибию, то де Марбо ничем не сумеет помочь. К тому же, разведчики Джона могут заметить наших ракетчиков на горной тропе и сообразить, что там готовится за-сада.

— Да-а, вы, пожалуй, правы, — неохотно согласился Клеменс.

— Ну ладно, дайте его лордству приказ вернуться, поскольку де Марбо еще в пути. Не будем обременять его лишними хлопотами.

— Есть, сэр. — Байрон поговорил по радио с Планкеттом, потом живо повернулся к Сэму. — Видите ли... адмирал не имеет титула лорда, он лишь младший сын пэра, что приравнивает его к простому дворянину. Отец его был только бароном, то есть имел низшее звание среди пэров. Сам же Планкетт не имеет никакого титула.

— Я пошутил, но да убережет меня Господь от британских ревнителей титулования!

Англичанин всем своим видом показал, что на посту не место пустым шуткам. Возможно, он прав, подумал Сэм, но надо же хоть изредка расслабиться! Его котелок просто не выдержит без шутки и остроумного словца... Ведь, в конце концов, он — Сэмюэл Клеменс!

Байрон острот не понимал. Он был несгибаем, невозмутим и всегда спокоен — как человек, успевший сбыть свои акции до начала биржевой паники.

«Ненаемный» находился у середины озера, но уже шел под углом к берегу. С севера виднелись черные клубы дыма, тянувшиеся от разбитых самолетов. Завтра их станет еще больше, хотя ночной дождь и приту-

шит пламя. Конечно, местным жителям не за что благодарить ни короля Джона, ни его самого, подумал Сэм. Хорошо, что здесь живут мирные люди! Но вечером, когда их грейлстоуны займут те, кого они почитают убийцами и поджигателями, и в них может проснуться воинственность... А батакайтор «Ненаемного» надо заправить, хотя он далеко не пуст, да и команде следует зарядить свои цилиндры... Он совсем забыл об этом! А если в это время появится «Рекс»? Нет, вряд ли.... У него такие же потребности...

Впрочем, чем черт не шутит — Джон может попытаться захватить их врасплох. Весьма возможно, что он пойдет на риск! Его двигатели еще не израсходовали запасы энергии — ведь «Рекс» весь день простоял за протокой.

Нет, он не рискнет! Ему пока неизвестно, что они остались без радара и не могут засечь его корабль. К тому же, чтобы добраться до «Ненаемного», ему пришлось бы пройти три мили по открытому озеру.

За это время они успеют снять с грейлстоуна питатель и приготовиться к бою.

Вот если бы у них сохранился вертолет, то можно было бы разведать, где заправляется «Рекс». Если б он остановился неподалеку от выхода из ущелья, и «Ненаемный» поспел туда прежде, чем они отсоединятся от грейлстоуна...

Нет, пустое! Джон все предусмотрел! Наверняка он пошел вверх Реке, опасаясь, что его захватят врасплох! И он догадывается, что Сэм Клеменс тоже предпринял все меры предосторожности!

И все-таки, все-таки... почему бы не прорваться сейчас за протоку и не схватить Джона со всеми его королевскими потрохами?

Надо лишь точно знать ширину Реки за горами... А Планкетт эти данные мог бы добыть...

— Не хотите ли вы, сэр, провести церемонию погребения? — спросил Байрон. — У нас много погибших.

* * *

— Что? — встрепнулся Сэм. — Да, конечно, именно сейчас, позже мы уже не сможем. У нас достаточно свободных людей?

— Ровно сорок два человека, сэр.

— Прекрасно, этого вполне хватит, чтобы похоронить кого угодно, даже самих себя. Ограничимся на этот раз тройным залпом — патроны надо экономить.

Церемония была краткой. Тела, завернутые в холстину, нагруженную тяжелыми камнями, положили на корме взлетной площадки.

Вокруг собралась половина команды, остальные остались на вахте.

«...мы знаем сегодня, что воскрешение возможно, мы все испытали его. А потому предаем тела ваши глубинам Реки в надежде, что вы вновь предстанете пред ликом этого мира или любого другого. Во имя всех, кто верит в Господа, да благословит Он вас! Прощайте!»

Прозвучал залп. Одно за другим матросы поднимали тела в серых саванах, раскачивали и бросали через борт. Тяжелые мешки уходили под воду, чтобы в темных глубинах стать добычей мелкой и крупной рыбы.

«Ненаемный» пристал к берегу и бросил якоря. Спустившись с борта, Сэм столкнулся с разъяренным Ла Виро. Смуглый гигант был возмущен тупостью и жестокостью обоих противников, и Клеменсу пришлось выслушивать его, сохраняя каменное выражение на лице.

Еще не настало время для сокрушительных ответов, а потому его ответ был краток:

— Иного способа разрешения конфликта не существует! Один из нас должен потерпеть поражение. Ну, а сейчас могу ли я воспользоваться вашими грейлстоунами?

— Нет! — в неистовстве выкрикнул Ла Виро. — Нет!

— Мне очень жаль, — твердо произнес Сэм, — но все-таки один мне придется занять. В случае противодействия ваших людей обстреляют.

На минуту Ла Виро смешался. В конце концов он вздохнул, багровая краска ярости сбежала с его лица.

— Ладно! Не надо прибегать к силе. Вы же знаете, мы против этого. Все, что я могу сделать — лишь воззвать к вашей человечности. К тому, чего вам так не хватает. Все последствия — на вашей ответственности.

— Вы не понимаете главного: мы обязаны добраться до полярного моря. Вот наша главная миссия, и она жизненно необходима всему этому миру. Не могу вам объяснить, почему, но поверьте, это именно так.

Клеменс взглянул на солнце. Через час оно коснется вершин западных гор.

К Ла Виро подошел Геринг, и что-то тихо сказал своему патрону. Тот громко ответил:

— Хорошо, уводите их!

Геринг обернулся к людям и возвестил громовым голосом:

— Услышьте слово Ла Виро! Мы сейчас удалимся на восток и избежим участия в этом адском противоборстве. Пусть узнают все! Всем — на восток! Мартин, вы запустите сигнальный шар!

Затем он обратился к Клеменсу:

— Теперь вы видите — или должны бы видеть, — что я был прав, препятствуя вашим планам строительства корабля, ибо это — зло! Нас пробудили после смерти не для самоутверждения, не для того, чтобы мы тешили собственное тщеславие, не для ненависти и кровопролития! Мы должны...

Сэм отвернулся от него и вслед за Джо Миллером пошел по причалу к сходням корабля.

— Тсукин он тсын, Тсэм! — не стерпел Джо. — Он же отскорбил тебя!

— Да он просто беспородная шавка, — отмахнулся Клеменс. — Я глотал кое-что и почище! Ты бы послу-

шал мою матушку или жену. Они обогнали бы его на тысячу слов в секунду и обставили бы вчистую! Брось ты его. Что он знает? Все, что я делаю — я делаю и ради него, и ради остальных здешних сладкоречивых церковников. Ради всех, вне зависимости от того, заслуживают они этого или нет.

— Да ну? А я-то всегда думал, что лишь ради тса-мого тсебя.

— Иногда ты становишься совершеннейшим нахалом, Джо. Подобные вещи не подобает говорить капитану!

— Как понимаю, так и говорю, — усмехнулся гигант. — Я с тобой разговариваю не как матротс с капитаном, а как твой друг, Джо Миллер!

Как только Клеменс оказался на командном пункте, к нему обратился Байрон:

— Сэр, де Марбо докладывает, что ракеты установлены.

— Прекрасно! Передайте ему, пусть возвращается. А Планкетту велите отправляться.

Катер немедленно двинулся к ущелью; на фоне синих-черных скал смутно вырисовывались его очертания и силуэты моряков на палубе. Вторая амфибия, вышедшая вслед за суденышком Планкетта, свернула на запад, к берегу. Проводив их взглядом, Сэма прислушался к лязгу разбитых опор рулевой рубки и шипенью сварочных аппаратов. Факелы освещали людей, разбиравших на носу обломки паровой пушки, другая группа устанавливала на ее месте ракетную и торпедную батареи. Еще одна бригада в поте лица трудилась над антенной радара.

Прошло полчаса. Главный врач судна пришел с сообщением о смерти пятерых раненых. Сэм распорядился перенести тела в лодку и опустить их посреди Реки. Похороны прошли без помпы; он не хотел еще раз угнетать людей мрачной церемонией. Он даже не произнес слов прощания — их сказал один из врачей.

Сэм посмотрел на хронометр.

— Планкетт уже должен подойти к выходу из протоки.

— Тогда мы его увидим минут через десять, — предположил помощник.

Клеменс поднял глаза на скалу, пытаясь разглядеть своих ракетчиков.

— Вы передали людям де Марбо, что при появлении вертолета или катера Джона им нельзя высовывать нос?

— Конечно! — Байрон был, как всегда, немногословен.

Сэм перевел глаза на берег. Тысячи людей тесной толпой медленно двигались на запад. Оттуда не доносилось ни малейшего шума, хотя большинство из них тащили узлы с одеждой, были обвешаны котелками и статуэтками, несли стулья, рыболовные снасти, сапожный инструмент, разобранные планеры и, конечно, свои цилиндры. Они вглядывались в огромный корабль; многие, подняв руки, осеняли его трехперстным благословением. Сэм чувствовал свою вину и сердился.

— А вот и их чудной шар, — показал Джо.

Над домами показался огромный грушеобразный желтый шар. Он быстро шел вверх; ветром его относило к западу. Уменьшаясь на глазах, он вскоре сделался совсем крошечным, но Сэму все же удалось заметить на его месте ярко-красную вспышку.

— Его подорвали, — сказал он. — Теперь оповещены все.

Пылающий шарик, видный далеко по берегам озера и Реки, упал и скрылся под водой.

— Ну и хорошо, по крайней мере, у нас больше не будет хлопот с населением, — облегченно вздохнул Байрон.

— Не знаю, — с сомнением покачал головой Детвейлер. — Похоже, Ла Виро остался на месте — и не он один.

Действительно, группа людей брела обратно к храму.

— Видимо, они собираются за нас помолиться, — фыркнул Сэм.

— Наш катер, сэр! — крикнул вахтенный.

Солнце осветило мчавшийся на полной скорости белоснежный катер, за которым на высоте пятисот футов следовал вертолет врага. Он кружился и разворачивался, выбирая удобную позицию для прицельной стрельбы.

— Байрон, прикажите де Марбо открыть огонь по вертолету, — выкрикнул Клеменс, но грохот разряда грейлстоуна заглушил его слова. Когда шум умолк, он повторил приказ.

— Показался катер противника, — доложил вахтенный.

— Что?.. — Сэм не успел даже закончить фразы, когда перед его глазами возник острый красный нос, округлая бронированная корма и орудийная башня его первенца — катера, украденного королем Джоном. Он выплывал из тесных скалистых ворот ущелья.

Из проема в скале вырвалась ракета. Она неслась точно по прямой и ударила в накаленный докрасна выхлоп вертолета. Вспыхнув как свечка, прочерчивая длинную огненную черту на фоне черной горы, он мгновенно превратился в пылающий шар.

— Итак, покончено с последним воздушным судном в этом мире, — вздохнул Сэм.

Никогда не терявший здравого смысла Байрон предупредил:

— Нужно подождать, сэр, пока вертолет не упадет в воду. Ведь еще могут подорваться ракеты — а это самое опасное.

Горящий корпус и обломки металла неправдоподобно медленно падали вниз. Наконец они рухнули в воду и исчезли в речных глубинах.

Байрон держал радиосвязь с де Марбо:

— Залп прямой наводкой по катеру противника!
— Господи Иисусе, сэр! — раздался голос вахтенного. — «Рекс» тоже выходит из протоки!

Бросив взгляд в иллюминатор, Байрон нажал сигнал тревоги. Завыли сирены, люди, стоявшие на взлетной площадке и палубе, мгновенно исчезли.

Сердце Сэма судорожно забилося, но он заставил себя спокойно отдать приказ:

— Снять питатель с грейлстоуна! Убрать кран!

Байрон выглянул в окно.

— Все исполнено, сэр!

— Рулевой, задний ход! — скомандовал Сэм.

Детвейлер отвел рычаги из нейтрального положения, потянув их на себя.

Огромные колеса завертелись. Судно выдвинулось из дока.

Катер «Рекса» затянуло дымом; он мчался к темнеющему вдаль кораблю. «Рекс» не двигался. Может быть, он получил пробоины? Но его корпус защищала трехмиллиметровая броня, способная выдержать дьявольски опасные попадания. Может быть, команду оглушило взрывом?

Сейчас «Рекс» наполовину вышел из мрачного зева протоки.

На какой-то миг ярко сверкнул его белоснежный корпус, но в это время солнце скрылось за цепью гор, и картинка сразу выцвела, потускнела, поблекла. На озере опустились сумерки. В потемневшем небе засветились спирали звезд, засияли газовые облака; казалось, что светило восходит вновь.

Оба закопченных катера были едва видны. «Рекс» вновь засверкал белизной, словно белый кит, готовый выпрыгнуть из пучины. Итак, старик Джон решил напасть на них в момент подзарядки!

Назад он не повернул. Ну что ж, чего бы он ни добивался, возмездие он получит!

Каким же образом ему стало известно, что «Ненаемный» у грейстоуна? Несложно объяснить: где-то на горном карнизе притаился наблюдатель с передатчиком. Вот и ответ на атаку Петровского!

Сэм обсудил ситуацию с рулевым. Детвейлер застопорил судно, развернул его носом в сторону «Рекса» и на полной скорости двинулся вперед.

— А что делать большому катеру? — спросил Байрон.

Сэм не ответил, следя за вырвавшимся из пещеры ракетным залпом. Но захватить врасплох Джона не удалось! Видно, на «Рексе» уже догадывались, откуда направлены снаряды, и, не успели они промчаться половину пути, как навстречу им понесся огненный шквал. На высоте пятидесяти футов над судном оба потока столкнулись, и по Реке раскатился грохот взрывов. Густой дым окутал корабль, медленно расползаясь вокруг. С «Ненаемного» не могли разглядеть, подбит ли «Рекс».

Вряд ли ракеты Джона обезвредили большую часть их снарядов, хотя казалось, что они также снабжены тепловыми боеголовками. Значит, и у врага есть такие? Очевидно, Джону удалось наладить их производство. Сколько же их на «Рексе»? Но сколько бы ни было, они все будут пущены в бой.

Из пещеры взметнулся второй залп; на сей раз ракеты столкнулись над водой. Вспыхнувшее пламенное облако быстро рассеялось, и «Рекс» тотчас ударил третьим залпом. Часть снарядов взорвалась возле пещеры, но несколько попали внутрь; оттуда, словно из пасти дракона, изрыгнулось пламя. Поминальные свечи в память о тридцати славных мужчинах и женщинах...

Одновременно оба левиафана двинулись навстречу друг другу. Сэм разглядел лишь один огонек на командном посту. Подобно «Ненаемному», вражеский корабль был погружен во тьму.

Вахтенный доложил, что направляется вперед и катер противника.

— Раньше на его катерах не было торпедных аппаратов, — говорил Сэм Байрону, — но, повидимому, Джон их установил. Кстати, а где их второй катер?

Вскоре вахтенный объявил, что его также обнаружили: он только что был спущен с кормы корабля.

Большая амфибия «Ненаемного», которой командовал Андерс, шла наперез «Рексу». Две торпеды на ней были готовы к пуску, четыре остальных ждали своей очереди.

Получив приказ вернуться за торпедами, Планкетт мчался к кораблю. Успеет ли он? Сэм в этом сомневался.

— Идет малый катер противника, сэр, — доложил вахтенный. — Направляется к нашему торпедоносцу.

Сэм велел передать распоряжение Планкетту: идти на помощь большому катеру.

«Рекс» выпустил четыре ракеты; послышался взрыв, и над водой взметнулись огненные столбы. Через минуту радио донесло голос Андерса:

— Этим птичкам удалось только слегка клюнуть нас, сэр. Идем прежним курсом. Насколько мне известно, повреждений нет.

Катер Планкетта запустил ракеты в сторону «Рекса» и развернулся к нему бортом; по частым струйкам огня было видно, что открыли огонь его пулеметы. Второй катер Джона настойчиво продвигался к торпедоносцу, непрерывно его обстреливая. Они быстро сближались, между ними оставалось не больше пятисот футов; ни один из них не выпустил ракет. Очевидно, оба ждали, пока дистанция не уменьшится.

Планкетт кружил возле амфибии «Рекса»; вдруг в рубке раздался его спокойный голос:

— Готов идти на таран, сэр.

— Не дурите! — заорал Сэм, прервав Байрона, ведущего переговоры с катером.

— Это приказ? — все также спокойно осведомился Планкетт.

— Но по моему приказу команда уже покинула судно, сэр. Думаю, мне удастся повредить им гребной винт.

— Капитан — я, — отрезал Сэм, — и я приказываю вам не предпринимать самоубийственных действий!

Ответа не последовало. Меньшее из двух белых суденышек продолжало подкрадываться к корме большого. Казалось, катер Планкетта движется медленнее врага; его скорость не превышала пятнадцати миль в час, да он и не мог развить большей из-за тяжести бронированного корпуса.

— Планкетт соприкоснулся с катером противника, сэр, — доложил вахтенный.

— Я в состоянии не только слышать, но и видеть! — рявкнул Сэм, вглядываясь в полумрак.

Теперь малый катер, отключив двигатель, дрейфовал по течению. Медленно двигалось второе суденышко, тоже застопорившее ход.

— Господи Иисусе! — выдохнул Сэм. — Да ведь он все-таки сделал, что задумал! Несчастный выродок!

— Может, он и не потстрадал, — предположил Джо. — Он мог привязаться.

Кораблик Андерса был футах в ста от противника. Вдруг он резко развернулся и быстро пошел назад; через несколько секунд вражеский катер вспыхнул костром, в воздух взметнулись обломки.

— Он его торпедировал! — в исступлении кричал Сэм. — Наш славный старик Андерс! Он его торпедировал!

— Великолепное зрелище, сэр, — хладнокровно отзывался Байрон.

— Говорит Андерс! Какие последуют распоряжения?

— Узнайте, все ли в порядке у Планкетта, — быстро произнес Сэм, — и исправен ли катер. Подберите его экипаж.

— Сэр, «Рекс» примерно в пятистах футах от нас, — объявил вахтенный.

— Ну, адмирал, — обратился Сэм к Байрону, — пускайте в ход пушки.

— Да, сэр, — коротко ответил тот и повернулся к переговорной трубке. Сэм слышал его приказ командиру носовых орудий, но не мог оторвать глаз от катеров. Если амфибия Планкетта в порядке, с нее можно ударить по «Рексу» ракетами; на установку же торпед времени уже не было.

Вслед за наблюдателем артиллерийского расчета Байрон повторял дистанцию, оставшуюся до «Рекса»:

— Четыреста девяносто... Четыреста семьдесят... Четыреста пятьдесят...

— Похоже, Джон будет дьявольским потрясен, — бросил Сэм Джо Миллеру. — Он же не знает о наших пушках.

— Огонь!

Сэм отсчитал секунды и вдруг выругался. Они промахнулись.

Второй залп ударил с носа по ватерлинии, но «Рекс» продолжал надвигаться на врага.

— Развернуть судно для удара с кормы по правому борту, — приказал Байрон Детвейлеру.

Враз грохнули оба орудия, и на палубе «Рекса» взметнулись столбы пламени; вспыхнул огонь на взлетной площадке. Но корабль продолжал идти вперед. Вот сейчас, на этой дистанции, можно запускать ракеты!

— Противник в двухстах шестидесяти футах, — доложил наводчик.

— Большие птички готовы? — спросил Сэм у Байрона.

— Да, все готово, сэр.

— Прикажите открыть огонь, пока они не начали первыми.

Байрон повторил приказ. Он едва успел договорить, как Сэм увидел вспыхнувшие на «Рексе» огни встречного залпа. Ракеты сошлись в воздухе на высоте четырехсот пятидесяти футов, и его оглушил страшный грохот.

— Итсутсе милотстивый! — пробормотал Джо.

Снаряды «Ненаемного» настигли «Рекс». Загорелось колесо по правому борту, дым окутал рулевую рубку, и сразу же справа поползли языки пламени. Один удар задел ракетную установку, и она ответила беспорядочным залпом.

— Отлично! — выдохнул Сэм.

Дым вокруг рулевой рубки постепенно начал рассеиваться. Ветер стих, и «Рекс» замедлил ход.

— Он разворачивается к нам левым бортом! — предостерег Байрон.

Противник дал еще один залп. «Ненаемный» ответил контрударом. Вновь столкновение в воздухе, огненное облако, град осколков; однако на сей раз никто не пострадал.

Чуть позже Сэму удалось разглядеть, что «Рексу» нанесен серьезный урон. На всех палубах по правому борту бушевал огонь, огромное гребное колесо было разбито. Корабль начал поворачиваться к ним кормой, и Клеменс подумал было, что враг готов улизнуть. Но нет! «Рекс» продолжал вращаться, описав полный круг.

— Повреждено или вышло из строя правое колесо, — сказал Сэм. — Они не способны маневрировать.

Теперь он мог, наконец, вздохнуть свободно. Ему останется нанести еще один хороший ракетный удар и послать залп из 88-миллиметровых орудий. Финита ля комедия!

Сэм отдал приказ, и Детвейлер немного развернул судно, выбирая удобную для стрельбы позицию.

— Мы неплохо сработали, — возбужденно сказал он Байрону.

— Пока недостаточно, сэр.

— Но ведь практически все кончено! Да вы хоть когда-нибудь способны на нормальные человеческие чувства?!

— Не в бою, сэр. — Байрон неизменно был верен себе.

— Иитсутсе Христсте! — вдруг воскликнул Джо Миллер.

— Что такое? — вцепился в его руку Сэм.

Вытаращив глаза и разинув рот, гигант молча показывал пальцем на корму. Клеменс шагнул вперед.

Взрыв выбил из рамы пуленепробиваемое стекло, и на них дождем посыпались крупные осколки.

* * *

Мышь угодила в ловушку кота.

Еще за два дня до прибытия к озеру «Ненаемного» команда «Рекса» извлекла со склада оболочку небольшого дирижабля, изготовленную еще два года назад из эластичных плавательных пузырей речных драконов. В построенном на берегу ангаре из бамбука и сосны ее наполнили водородом.

«Азазель», как окрестил новорожденного Джон, был полужестким воздушным судном: мягкую оболочку распирали заполняющий ее газ, но сама она крепилась на жестком металлическом каркасе.

Снизу на нем крепилась гондола с рулевой кабиной и два двигателя, сохранившихся от потерпевшего крушение дирижабля Подебрада. Топливные баки заправлялись метиловым спиртом; в нижней части располагались бомбы и торпеда, подсоединенные к спусковому механизму.

Стрелок и пилот поднялись в кабину и заняли свои места за два часа до старта. Все механизмы работали четко. Как только «Рекс» уклонился от прямой схватки с «Ненаемым», дирижабль взмыл вверх и начал кружить в воздухе. Ему нужно было проскочить сквозь ущелье, пока окончательно не стемнело.

Пока «Рекс» разворачивался словно подбитая утка, воздушное судно неслышной тенью двигалось к кораблю противника. Дирижабль пролетел над протокой и свернул вправо, следуя вдоль гор, но не приближаясь к ним.

Окрашенный в черный цвет, он был невидим простым глазом, но его мог засечь радар. Правда, Джон надеялся, что сейчас все внимание экипажа «Ненаемого» сосредоточено на «Рексе». Если Клеменс воображает, что у врага нет средств для атаки с воздуха, то зачем ему обращать внимание на небо?

Когда был поврежден радар «Ненаемого», Джон возликовал.

Он даже пустился в пляс, хотя перед его глазами еще стояла картина чудовищных потерь, понесенных кораблем и командой. Но зато «Азазель» мог беспрепятственно подобраться к врагу! При слабом ночном свете, когда все глаза устремлены на корабль противника, дирижаблю легко удастся приблизиться на дистанцию прямого удара.

План оказался успешным. Придерживаясь гор, дирижабль, прикрытый вершинами холмов, полетел к северу, затем свернул на запад и вынырнул из-за деревьев к Реке. На полной скорости он спикировал вниз, едва не касаясь брюхом водной поверхности.

Маневр удался, и теперь «Азазель» висел прямо за кормой «Ненаемого». Прикрытый кораблем противника, он не был виден радарам «Рекса».

Стоявший возле Джона Бартон расслышал, как тот бормочет:

— Ну, дерьмо божье! Давай! Сейчас мы увидим, что «Азазель» сцепится с судном Клеменса. Мы все точно рассчитали! Давай же, давай!

Снаряды врага поразили правый борт «Рекса». Грохот взрыва оглушил Бартона; палуба под ним сотрясась, выбитая дверь косо повисла в проеме. Все вокруг оцепенели. Джон, однако, тотчас пришел в себя и приказал Страбелу выяснить, что повреждено и насколько серьезно. Помощник приник к переговорной трубе, но на постах его почти не слышали. Наконец ему удалось выяснить подробности, и он стал пересказывать их капитану — но Бартон, как ни старался, почти ничего не понял.

Подобного урона «Рекс» еще не получал: на всех палубах и в корпусе множество больших пробоин, коридоры забиты ранеными вперемешку с трупами, подорвано несколько ракетных установок, с платформ снесены паровые пушки. Два снаряда почти напололам разбили кожух правого колеса; само колесо как-то уцелело и с трудом, но работало.

Джон, однако, бодрости не потерял.

— Клеменс увидит поврежденное колесо и сдуру вообразит, что с нами покончено, — заявил король. — Ну, что ж, пусть потешится! Такое удовольствие я могу ему доставить!

Он дал приказ развернуть корабль по широкому кругу. Внутреннее правое колесо едва двигалось; внешнее, левое, вращалось на две трети мощности.

— У него там от счастья, небось, слюна капает, как у пса, загнавшего подбитого оленя, — усмехался Джон, довольно потирая руки. — Э-э, да он, будто зверь Апокалипсиса, готов наброситься на нас, а не подозревает, что на хвосте у него чудище погрознее! Азазель! Он-то и извергнет на него адский огонь! Вот оно — Божье возмездие!

Все возмутилось в Бартоне при этих словах. Неужели Джон почитает себя равным Создателю? Может, у

него от грохота что-то помутилось в голове? Или он всегда ставил себя на одну доску с Богом?

— Теперь им придется определять дистанцию на глазок, а при таком освещении это совсем не просто. Видно, их сонар не может работать как следует.

В самом деле, на «Ненаемном» получали лишь редкие импульсы отраженного «Рексом» луча, и оператор вполне мог допустить просчеты. На своем экране он ловили сигналы от четырех объектов; три из них, едва видимые, принадлежали кружившим по озеру катерам.

При свете звезд и сверкающих газовых облаков Бартону были видны верхушки надстроек на «Ненаемном». Чуть позже прямо над кораблем возникло темная масса «Азазеля».

— Ну, выпускайте эту проклятую торпеду! — заорал Джон. — Давайте же, дурачье!

Командир судовой артиллерии Педер Торденскольд заметил:

— На таком расстоянии легко ошибиться, но мне кажется, что уже выпустил торпеду.

Все впились глазами в хронометр. Если торпеда пущена, то взрыв произойдет через тридцать секунд — правда, лишь в том случае, если дирижабль действительно находится возле противника. «Азазель» должен был сбросить снаряд, зависнув в нескольких футах над поверхностью Реки. Выпустив тяжелую торпеду, воздушное судно тут же взлетит вверх; и если это уже произошло, торпеда и корабль вот-вот столкнутся.

Сейчас «Ненаемный», видимо, маневрирует, пытается уклониться от удара. Его наблюдатели не видят дирижабль, но сонар, пожалуй, засек торпеду, и им уже известно ее направление, скорость, форма и размеры. Противник знает, что она устремилась к корме или, как весьма неэлегантно выразился Джон, «прямо в задницу Сэма Клеменса!»

Джон вдруг замолчал. Его лицо перекошилось от ярости.

— Черт побери, неужели они промахнулись, находясь совсем рядом?

— Это невозможно, — возразил Страбвел. — Видимо, что-то не сработало. Она не разорвалась.

Почему — неизвестно, но враг избежал удара торпеды. На мгновение округлый баллон «Азазеля» исчез из поля зрения, но тут же появился вновь: вероятно, пилот и стрелок уже покинули или готовились покинуть дирижабль.

Их парашюты, снабженные патронами со сжатым воздухом, должны раскрыться, как только люди покинут гондолу; в противном случае, оба аэронавта рухнут в воду.

Бартон понимал, что сейчас им пора оставить дирижабль.

Дальше он пойдет на автопилоте, а в нужный момент сработает пусковой механизм бомбосбрасывателя. Другое автоматическое устройство выпустит из оболочки водород, и воздушное судно снизится. Когда вылетит бомба, потерявшая груз машина вновь взлетит вверх, но ненадолго. Если от взрыва газ не воспламенится, то через несколько секунд еще один механизм должен выпустить вторую бомбу.

Бартон оглянулся. Палубы «Рекса» полыхали подливнем снарядов и ракет, пожарные команды в защитной одежде пытались справиться с огнем. Пожалуй, решил он, через две-три минуты они зальют пеной весь корабль.

До него донеслось восклицание капитана: «Ха!»

Бартон обернулся. Все, как один, за исключением рулевого, смотрели назад, на сигарообразную массу дирижабля, нависшую прямо над «Ненаемым». Казалось, его нос сейчас коснется рулевой рубки.

— Невероятно! — воскликнул он.

— Что именно? — поинтересовался капитан.

— Похоже, на судне никто его не замечает!

— Да поможет мне Бог! — вздохнул Джон. — Даже если его разглядят, то будет уже слишком поздно. Теперь бомбы не минуют Клеменса!

— Я думаю, что-то случилось с пусковым устройством торпеды, — предположил Торденскольд. — Оно неисправно, но сброс бомбы может освободить и торпеду.

Джон повернулся к рулевому:

— Разверни корабль на встречный курс! Как только я дам команду, иди прямым ходом на противника.

— Два вражеских катера, сэр, — доложил оператор радара.

— Идут к нам.

— Значит, они увидели «Азазель», — предположил Джон.

— Нет, вроде бы не должны!

— Может быть, выведена из строя и радиостанция «Ненаемного», — заметил Бартон.

— Тогда Бог с нами! — воскликнул Джон.

Бартон поморщился.

— Сэр, слева к корме подходят два катера противника, — снова раздался голос дежурного оператора.

Радар засек амфибии «Ненаемного» в четырехстах ярдах; они шли рядом, на расстоянии ста двадцати футов друг от друга.

— Собираются обойти нас справа, когда мы повернемся другим бортом, — произнес Страбвел, — и рассчитывают в этот момент начать обстрел.

— Это и идиоту ясно! — вспыхнул Джон. — Ты бы лучше сообразил, как они свяжутся с кораблем! Раз радио отказало, пошлют световой сигнал? Так?

— А вот и он, — Страбвел показал на яркую си-не-белую вспышку в небе.

— Вот теперь-то точно они увидят «Азазель»! — с досадой воскликнул Джон.

Дирижабль навис в тридцати футах над посадочной площадкой. Издали было трудно определить разделяю-

щее их расстояние, но «Азалель» явно приближался к рулевой рубке.

Вдруг от воздушного судна оторвалось что-то темное.

— Бомба! — завопил Джон.

Бартону показалось, что снаряд упал на заднюю часть взлетной площадки, на самый ее край. Вероятно, стрелок подключил к спусковому устройству часовой механизм, а затем выпрыгнул вместе с пилотом. Однако он должен был выпустить бомбу над самой серединой площадки или над рулевой рубкой.

Взлетную полосу «Ненаемного» охватило пламя. На фоне ярких огненных языков темнели чертания рубки и фигурки мечущихся внутри нее людей.

Дирижабль взметнулся вверх, но огонь был быстрее — багровый столб взрыва догнал машину, затем огромным ярко-красным шаром полыхнул заключенный в оболочке водород.

— Торпеда! — орал Джон. — Торпеда! Где же она?!

Может быть, она выпущена, но ее не видно с «Рекса»?

Вот сейчас она должна взорваться!

Бартон ясно видел пылающий дирижабль, падающий вниз; он врезался носом в корму «Ненаемного» и тут же провалился в Реку сквозь огромную пробоину от бомбы. Корабль продолжал плыть, за ним тянулся фонтан искр, его корма пылала; вероятно, огонь охватил весь деревянный настил взлетной площадки.

— По этим двум мерзавцам плачет ад! — бушевал Джон, сжимая кулаки. — Труссы! Не могли подождать несколько секунд!

Бартон же считал, что и пилот, и стрелок проявили недюжинное мужество: они выпрыгнули именно в последнюю секунду. Их не стоило обвинять и в незначительном просчете — в такой напряженной ситуации все могло случиться! Да и не их вина, что торпеда не возо-

рвалась; они неоднократно взлетали с ее макетом, и каждый раз спусковой механизм срабатывал точно.

Увидев разрушенные взрывом бомбы палубы «Ненаемного», Джон, воспрянув духом, перестал сыпать проклятиями. От рулевой рубки противника остались лишь две вертикальные балки и шахта лифта, но и они начали медленно оседать. Сквозь отсветы полыхавшего на взлетной полосе пожара виднелись силуэты оставшихся в живых людей.

— Задница божья, — пробурчал Джон. — Видно, Творец пощадил Клеменса, чтобы отдать мне в руки! — Помолчав, он добавил: — Им не справиться с управлением... теперь они попались!

Он повернулся к рулевому:

— Вперед! Подведи судно на дистанцию прямого обстрела!

Тот взглянул на короля широко раскрытыми глазами, но сказал лишь: «Да, сэр!»

Страбвелу и Торденскольду Джон приказал готовить к высадке абордажную группу.

Бартон надеялся, что в атаку пойдут и его десантники, которые до сих пор отсиживались под защитой брони, не имея понятия о ходе боя. Время от времени до них доносился грохот разрывов, и их хорошенько встряхивало и качало. Конечно, люди были взвинчены и измотаны, совершенно не представляя, готовиться ли им к сражению или к смерти.

«Рекс» стремительно вспенивал воды Реки, направляясь к подбитому кораблю противника; расстояние между ними быстро сокращалось.

— Батареи левого борта — огонь! Цель — крыша рулевой рубки! — скомандовал Джон.

Страбвел передал приказ по внутренней связи и обернулся:

— Первая батарея не отвечает, сэр. То ли нет связи, то ли ее уничтожили.

— Пусть стреляют вторая и третья!

— Вы запомнили, сэр, вторая тоже разбита. Последним их залпом, сэр.

— Но хоть третья-то может открыть огонь? — Раздраженно махнув рукой, король обернулся к Бартону; в неясном свете его лицо казалось багровым. — Отправляйся к своим людям, капитан! Пойдешь на abordage с середины левого борта.

Бартон отдал честь и поспешил вниз по винтовому трапу. Его десантная команда размещалась в просторном отсеке перед оружейным складом; у дверей на страже стоял лейтенант Гай Фламиний с двумя рядовыми. При виде Бартона его лицо просветлело.

— Мы вступаем в бой?

— Да, и немедленно. Выводите людей в коридор.

Фламиний ринулся выполнять приказ, а Бартон остановился на перекрестье двух коридоров. Итак, сейчас он выведет своих людей наверх и атакует «Ненаемный». Если что-то случится со связью, ему придется принимать самостоятельные решения... Отлично! Это его устраивало.

В тот момент, когда его десантники выстроились в коридоре, у левого борта, обращенного к «Ненаемному», раздался взрыв. Бартон почувствовал, как зазвенело в ушах. Переборка со стороны коридора покосилась, откуда-то поползли клубы дыма, люди зашлись в кашле. Оглушив всех, палубу сотряс еще один взрыв.

На капитанском мостике Джон крепко держался за поручни, его пошатывало от качки. Ракетные батареи, паровые и обычные пушки на всех палубах «Рекса» поливали «Ненаемного» огнем; тот отвечал с такой же интенсивностью. В воздух взлетали обломки, ракетную установку по левому борту «Рекса» внезапно разнесло на куски, два орудия, чудом сохранившихся на судне Клеменса, сорвались с опор при запуске ракеты с соседней огневой точки. На обоих судах рухнули и развалились платформы с пулеметными башенками, словно их срезало огромным металлическим зубилом.

Гигантские величественные корабли стали похожи на подбитых, истекающих кровью зверей с вывороченными внутренностями.

В довершение разгрома уцелевшие орудия на каждом судне начали обстрел командных постов, мозга сошедшихся в кровавом поединке хищников. Снова посыпался град снарядов, разрывавшихся где попало, но ни одного прямого попадания не было; некоторые угодили в берег, вызвав очередные пожары. Каждый неминуемо находил цель, сея повсюду смерть и разрушения.

Джон увидел, что острый нос «Ненаемого» нацелен прямо на его судно. Он вонзился в изуродованный кожух левого колеса «Рекса», пробил его, приподнял эту многотонную массу и обрушил ее в Реку. Продолжая двигаться, он крушил колесо, разбивал лопасти, расколол на части массивный гребной вал. В разгар оглушающих взрывов, скрежета металла, стонов и воплей о помощи, пронзительного свиста горящего водорода, оба судна вдруг резко застопорили ход. Внезапный удар сбил с ног людей, не успевших ухватиться за какую-нибудь опору; затем сквозь пробоины внутрь хлынули потоки воды.

В этот момент на «Ненаемом» опрокинулась рулевая рубка. Единственным оставшимся в живых — Миллеру, Клеменсу и Байрону — ее падение показалось нестерпимо долгим, но на самом деле она рухнула мгновенно, как и все остальное на корабле. Рубка упала на бак нижней палубы, из нее выбросило Клеменса и Джо. Сэм упал прямо на тело гиганта, не причинив ему, правда, вреда: боевой доспех предохранил Миллера от тяжелых ушибов.

Оглушенные, избитые, потрясенные, истекающие кровью, они несколько минут лежали неподвижно, еще не понимая, что им повезло остаться в живых.

* * *

Сэм Клеменс и Джо Миллер сползли по трапу на штормовую палубу. За их спинами ярился огонь и слышался треск горящего дерева. Джо все еще сжимал в руках свой огромный топор.

— С тобой все в порядке, Тсэм?

Клеменс не ответил; он лишь ухватился за толстый палец гиганта и потянул его в угол. Пуля ударилась в переборку, брызнули осколки, но их не задело.

— «Рекс» возле нашего борта! — сказал Сэм.

— Да, я видел. Думаю, они пойдут на абортатш.

— Я уже не могу управлять своим кораблем! — воскликнул Клеменс, едва сдерживая слезы.

Джо рядом с ним казался настолько же основательным и несокрушимым, как скалы по берегам Реки. Он похлопал Сэма по плечу.

— Не отчаивайтесь! Тсудно отнесет к берегу. Оно не затонет. А мы еще хорошенько поддадим Джону под зад!

Внезапно их сбило с ног, швырнуло, покатило по палубе. Лежа на обжигающе горячих досках, Клеменс начал ругаться. Он не мог сообразить, в чем дело, но как раз в этот момент «Ненаемный» пропорол кожух и гребное колесо «Рекса». Под огнем, обрушившимся на палубу после резкой остановки обоих судов, Сэм лежал совершенно обессиленный, закрыв ладонями лицо. Рука гиганта дотянулась до его предплечья, сдавила, и Клеменс вскрикнул от боли.

— Протсти, Тсэм, я не тсообразил...

Сэм держался за плечо.

— Тупица, теперь я никогда не смогу действовать этой рукой!

— Ты, как втсегда, преувеличиваешь. Рука заживет, когда втсе будет в порядке. Ты тсправишься, Тсэм! У натс еще много дел!

Клеменс оглядел посадочную площадку. К этому времени пламя — правда, несильное — переметнулось к ангарам. Обычно в них хранили бочки с метиловым спиртом, но еще до сражения горючее перетащили в трюм. Если удастся сбить огонь, ущерб будет не таким серьезным... ходовая часть как будто не пострадала...

Успокаивая себя этими рассуждениями, он наблюдал, как оседает взлетная площадка. Ему был виден лишь ее торчащий край, затем он рухнул, и Сэму стало ясно, что разрушена чуть ли не половина палубы. Теперь бушующее пламя, как дракон, проглотит и остальное...

Внезапно с криком: «Итсутсе Хритсте!» Джо рванулся вперед. Он схватил Сэма за руку и потащил за собой к фальшборту.

— Тсэм, взгляни! Мне кажется, я горю!

— Повернись-ка... — Сэм осмотрел его спину. — Ну, клоун! — он начал сбивать пламя. — Тебя спасла только эта амуниция. Немного обожгло шею, но не сильно.

Джо, успокоившись, отправился разыскивать потерянный топор. Сэм взглянул в сторону «Рекса». Левым бортом вражеское судно подошло к носовой части «Ненаемного», на три его нижние палубы уже перебросили канаты и абордажные мостки. Все проходы, двери и люки были забиты вооруженными людьми, готовыми ринуться на штурм, лишь только закрепят переправу.

А у него даже нет оружия... К счастью, на палубе валялось множество пистолетов, выпавших из рук погибших. Он схватил один, проверил ствол, снял с трупа патронташ и зарядил револьвер. В этот момент из-за угла появился Джо, делавший ему какие-то знаки.

— Что мне заняться, Тсэм?

— Пойди разыщи наших людей, скажи — мы еще живы и готовы сражаться. Это их подбодрит. — Сэм уже взял себя в руки.

Его бойцы появились вовремя, как раз в тот момент, когда на штормовую палубу устремился последний от-

ряд нападавших. Внизу уже кипела битва — людей Джона теснили бросившиеся вперед защитники «Ненаемного». На миг Сэм с ужасом прикрыл глаза. Враг перебрался на его судно! На его сказочный корабль!

Он поднял револьвер и разрядил его, целясь вниз, в группу отставших, собиравшихся перебежать мостки. Двое упали, третий скатился в узкую щель между судами, но последний вскинул ружье и несколько раз выстрелил. Сэм быстро наклонил голову, одна пуля царапнула ухо, остальные угодили в поручни и соседнюю переборку.

Джо, присевший рядом на корточки, стал подниматься, но Сэм прикрикнул на него: лучше не высовывать головы раньше срока. Некоторое время они выжидали; потом, заметив, что abordажные мостки уже пусты, Клеменс осторожно выглянул из-за фальшборта. Нижняя палуба была забита сражавшимися, стрелявшими друг в друга людьми; оттуда неслись грохот пальбы и лязг металла. Сэм второпях выложил Джо свой план. Тот кивнул в ответ, помотав своим хоботом, который колыбался словно бревно в бурном море.

Они стремглав кинулись вниз, к мосткам. Джо на бегу окликнул людей, приказывая им следовать за капитаном.

На мостках они столкнулись с немногочисленной группой отступавших с «Ненаемного». Завидев огромную голову и могучие плечи гиганта, возвышавшегося над всеми, люди Джона бросились врассыпную. С невероятной быстротой одни скрылись в люках, другие прыгали через борт, бросаясь в Реку.

— Похоже, мы чертовски быстро справились, Тсэм?

— Еще нет, но хорошо бы, чтоб и дальше так. Ладно. Джо, команду!

Гигант рывкнул во всю мощь своей глотки. Не слышать его было просто невозможно; во всяком случае, до половины экипажей обоих судов этот громопо-

добный рык донесся превосходно. На верхней и нижней палубах сражающиеся даже приостановились на несколько секунд.

Во главе с Джо группа бойцов быстро расчистила дорогу к ближнему трапу. Они спустились ниже, разыскали сложенные абордажные мостки и, быстро связав их вместе по восемь штук, получили в свое распоряжение два длинных настила.

Сэм проверил их прочность. Его забавляла мысль, что он сейчас нападет на Джона с тыла, вселив ужас в защитников «Рекса». Без сомнения, они разбегутся при виде исполинской фигуры Джо Миллера, размахивающего своим чудовищным топором!

— Прекрасно, Джо, — крикнул Сэм. — Давай вперед!

Испустив воинственный клич на своем родном наречии, гигант бегом ринулся по металлическому мостику; Сэм с остальными мчался сзади. Второй мостик тоже заполнили его люди.

Дальнейшие события развернулись с такой скоростью, что лишь несколько позже Клеменс осознал, что же с ними произошло.

Его оглушил страшный шум, мостки под ним дрогнули, его сбило с ног. Почти сразу же вздыбился задний конец настила — он изогнулся вместе с державшим его крюком и с чудовищным скрежетом сорвался вниз.

Вцепившись в край трапа, Сэм висел на вытянутых руках, изо всех сил пытаясь удержаться. Он взглянул вверх.

Джо выронил свой огромный топор, соскользнул с накренившихся мостков и провалился в проем между кораблями. Однако великан не упал в воду — он повис в воздухе и неистово вопил от ярости. А может быть, от страха? Неважно от чего! Он вопил, потому что попал в ловушку, и его руки и туловище были стянуты веревочной петлей.

Другой конец веревки оказался привязанным к поручням верхней палубы, где стоял человек, набросивший на Джо лассо. На его голове возвышалась огромная белая шляпа, какие носили герои вестернов; она поблескивала в сумерках, а из-под широких полей ярко сверкали зубы удальца.

Джо не устоял на ногах и рухнул с настила, не провалившись, однако, в брешь между судами; теперь он перевернулся и повис вдоль корабельного борта. Он продолжал издавать громкие вопли, его голова склонилась к плечу — он походил на огромную муху, запутавшуюся в гигантской паутине.

Сэм выкрикнул: «Джо! Джо!..»

Нельзя себе представить, чтобы с Джо Миллером могло приключиться непоправимое... Он же такой огромный, могучий... он... он просто непобедим! Это существо размером с пещерного льва или кодыякского медведя нельзя умертвить или серьезно ранить!

Но времени на раздумья не было, надо было действовать.

Мостки неумолимо поднимало вверх при каждом покачивании «Рекса»; Сэм судорожно цеплялся за край, его голова теперь была повернута в сторону от Джо. Он видел, как люди с соседнего настила, теряя силы, проваливались в узкую брешь между судами.

Какая насмешка судьбы! Взлелеянный им волшебный корабль может стать убийцей своего создателя! Что за горькая шутка: он застигнут на полпути между своим первым и вторым детищем и теперь висит, подобно Магомету, между небом и землей.

Внезапно сверху послышался грохот, мостки дрогнули, и Сэм в панике разжал пальцы. Холодная вода обожгла его.

Он опускался все ниже и ниже, пытаясь освободиться от своего боевого снаряжения. Шлем потерялся еще во время схватки на корабле; сейчас его ужасало, что он не сможет избавиться от тяжелого панциря. Доспехи

потянут его книзу, когда начнет тонуть «Рекс»! Его огромная масса создаст водоворот и все вокруг, живое и мертвое, будет затянута в пучину. И он тоже, если не сбросит с себя этот проклятый груз...

Наконец Клеменсу удалось освободиться от портупей, патронташа, кольчуги и кильта, и он ринулся вверх. Казалось, грудь его сейчас разорвется; в извечном ужасе перед глубиной его сердце бешено стучало, в ушах стоял неумолчный звон. Ему мучительно хотелось вздохнуть, но он не решался этого сделать. Под ним лежала черная пропасть — дьявольски глубокая, гораздо глубже Миссисипи; кругом — вода, стальным обручем сжимающая ребра, а сверху — благословенный воздух. Сможет ли он выбраться туда?

Было слишком темно, чтобы хоть что-то разглядеть; он лишь осознавал, что снова опускается, уходит во мрак. О, Господи! Еще немного, и ему раздавит уши!

Долго ему не продержаться... Ну, разве еще несколько секунд... А там — смерть! Смерть в реке, ужас перед которой так мучил его в юности на Миссисипи... Впрочем, значительно больше он страшился другой гибели; уж если суждено умереть, то лучше в воде, чем в огне.

Через полсекунды, даже быстрее мелькнувшей мысли, перед ним возникла фигура Эрика.

Нет, карающая Немезида не настигнет его! Викинг и пророк, живое орудие мщения, потерпел крах! Все ночные кошмары долгих лет оказались пустой мукой... Да, человек не в силах предвидеть и предсказать будущее... Вера в это — чистейшее безумие!

И все те люди из родного городка Ганнибала, что предрекали ему смерть висельника, тоже ошиблись...

Странно, какие нелепые мысли возникают у человека, которому надо думать лишь об одном — о глотке благословенного воздуха! Но когда действительно тонешь и стоишь на пороге смерти, тогда отступает ужас перед тем, что вот-вот вода забьет рот и нос, что тело

обмякнет и погрузится вниз, что последние слабые вспышки сознания угаснут...

Вдруг его голова очутилась над поверхностью воды, и Сэм жадно глотнул воздух. Он был счастлив! Счастлив оттого, что смерть и на сей раз его миновала.

Трясущейся рукой он нащупал веревку и схватился за нее. Он висел на канате, другой конец которого был привязан к пиллерсу на корме его корабля. Еще секунда-другая, и он был бы уже не в силах до него дотянуться.

Какое счастье, что он сразу же наткнулся на этот канат! Река вытолкнула его прямо к воротам спасения! А «Рекс» исчез, пропал, оставив после себя лишь огромную впадину, в которой бурлила вода. Вот туда бы его и затагнуло!

Но кто же покончил с «Рексом»? Андерс, пославший торпеду с катера? Или пробоина в левом борту оказалась смертельной раной?

Клеменс взглянул вверх. Тела Джо, висевшего на канате, он не разглядел, но, возможно, гигант все еще болтается там. Если только человек, набросивший лассо, не обрезал веревку... Может быть, Джо забрался на палубу? Опасное дело, но все же не столь опасное, как свалиться в воду... Возможно, Джо мертв или на пороге смерти? При долгом вращении в жесткой петле и ударов о металлический корпус ему могло переломать ребра, пробить череп...

Сейчас нет смысла думать о Джо, оборвал он себя, надо спастись!

Некоторое время Сэм висел на канате. До него доносились скрежет, скрип, грохот, стоны; иногда мимо падали вниз мужские и женские тела. Когда смолк шум боя, он стал карабкаться наверх. Это было чертовски тяжело, сил у него совсем не осталось, он был выжат, как лимон! Упираясь коленями в стенку корпуса, отталкиваясь от нее, пыхтя и задыхаясь, Клеменс подтягивался вверх. Его мускулы мучительно ныли, но все

же он почти добрался до поручней. Он вытянул ноги, расслабился, прижавшись лицом к металлической стене, и снова начал карабкаться вверх, подтягиваясь только на руках. Несколько секунд он провисел неподвижно, не в силах ни вздохнуть, ни сделать последний рывок; он страшился, что его ослабевшие пальцы могут разомкнуться, и он опять рухнет вниз, в Реку — и это будет конец.

Наконец ему удалось одной рукой ухватиться за стойку поручней, затем обхватить ее и другой. Началось мучительное подтягивание вверх.

Хрипя от напряжения, извиваясь как змея, он наполовину вполз на настил, сумел перевернуться и откатился от края. Он лежал на спине, судорожно разевая рот, пытаясь вобрать в свои легкие весь воздух мира.

Его грудь спазматически вздымалась и опадала, словно надорванный мех. Наконец у него достало сил повернуться и оглядеться вокруг. Он смотрел вверх и вниз, но нигде не видел Джо — возможно потому, что находился на нижней палубе. Нужно пройти вперед, но пока он был не в силах даже приподняться.

Прежде всего надо раздобыть оружие и что-нибудь из одежды, хотя бы кильт...

Нагим вступил он в этот мир, нагим и... Боже, какая чушь, он вовсе не собирается покидать его! Пока еще нет!

Качаясь как былинка на ветру, Клеменс с трудом поднялся на ноги. По обе стороны палубы валялись трупы и части мертвых тел; повсюду было разбросано и оружие.

Дрожа — то ли от изнеможения, то ли отвращения, а может, и того, и другого, — он принялся сдирать одежду с чьего-то тела. Натянув на себя длинный кильт и накидку, он подпоясался ремнем, через плечо повесил патронташ, зарядил револьвер, вложил его в кобуру, взял в руки абордажную саблю. Теперь он вооружен, но вряд ли готов к бою: ему так досталось за этот день,

что хватит до конца жизни, даже если он проживет еще тысячу лет.

Прежде всего нужно разыскать Джо. Вдвоем им удалось бы осмотреться и собрать вокруг себя уцелевших людей с «Ненаемного». Вот тогда он будет в безопасности — во всяком случае, насколько это возможно при данных обстоятельствах.

У него мелькнула мысль, не укрыться ли в какой-нибудь каюте. Там можно отсидеться до конца побоища, а потом, когда судно очистят от налетчиков с «Рекса», спокойно выбраться наружу.

Прекрасная идея, с точки зрения здравого смысла и логики, но вряд ли своевременная!

Он услышал бряцание металла, затем — мужские голоса: один выругался, другой кого-то спокойно, но сурово распекал. Сэм застыл на месте, прижавшись к холодной переборке. В полутьме со штормовой палубы по трапу спускались люди; их было не меньше двадцати.

Он быстро отступил, по-прежнему прижимаясь к переборке, судорожно ощупывая ее. Дотянувшись рукой до проема люка, он скользнул внутрь и оказался в темном переходе, ведущем к двери у другого борта. Сверху падал бледный свет звезд, метались отблески огня с горящей палубы; Сэм шагнул было вперед, но внезапно остановился.

Прежде всего нужно выяснить, что там за люди — и, если они из команды Джона, разобраться, что они замышляют.

Но они не уйдут отсюда, пока не обшарят каждый уголок! Сэм отворил дверь каюты и протиснулся внутрь, оставив ее приоткрытой, рассчитывая, что сможет разглядеть этих людей. Затем он распахнул другую дверь, выходящую в коридор, оставляя себе путь для бегства. Нет, в капкан он не попадет!

А сейчас лучше сидеть потише... Он видел, как первый из группы остановился у края люка и поднял пис-

толет. Спрыгнувший за ним с трапа встал с другой стороны, тоже держа свое оружие наготове.

Сэм не стрелял. Если бы только они ограничились осмотром коридора!

Так и случилось. Через несколько секунд один из проверяющих буркнул: «Никого!», затем оба повернулись и стали спускаться вниз по трапу; за ними последовали остальные. Сэм задержал взгляд на человеке, который шел четвертым в этой цепочке. В неясном свете мелькнули широкие плечи, светлые волосы... походка тоже казалась знакомой. Это был Джон! Тридцать три года не видел он экс-короля, но в памяти сохранилось все! Все до мелочей!

* * *

Им овладела неистовая ярость — ярость, подавившая страх, несоизмеримая ни с одним его чувством ни на Земле, ни в Море Реки. Сейчас он не думал о последствиях. Наконец-то! Вот она — минута мщения!

Он покинул каюту и осторожно пересек коридор. Хотя внутри у Клеменса все kloкотало от возбуждения, осторожности он не утратил. Не стоит лезть под пули, пока он не доберется до горла Джона!

Его беспокоило лишь одно: вдруг придется выстрелить Джону в спину, и этот подонок так и не догадается, кто с ним покончил! Нет, он этого не допустит! Окликнуть его, назвать себя и лишь потом спустить курок — так и только так! А затем — пусть люди Джона стреляют!

Когда Сэм добрался до люка, его оглушил адский шум и грохот стрельбы. Он прижался к переборке, распластавшись на ней, словно двуногая и двурукая бабочка. Сердце его неистово стучало.

Снова залпы, крики, стоны... Какой-то человек, шатаясь, появился в проходе. Сэм метнулся обратно в

каюту, захлопнул за собой дверь и, переждав несколько секунд, вновь приоткрыл ее. Он вглядывался в щель, пытаясь рассмотреть тех, кто вошел в коридор. Несомненно, один из — Джон; это его грузная фигура, ошибки здесь быть не могло. Силуэт экс-короля четко вырисовывался на фоне падающего сверху света.

Сэм резко распахнул дверь (слава Богу, петли были хорошо смазаны!), выскочил и с размаху стукнул его по голове рукояткой револьвера. Джон глухо замычал и рухнул мешком; нагнувшись и швырнув пистолет на грудь упавшего, Сэм схватил его за волосы и затащил в каюту.

Быстро притворив дверь, он запер ее на замок. Прозвучало несколько выстрелов, но никто не ломился в каюту; очевидно, исчезновение Джона произошло столь быстро в этой тесноте и суматохе, что никто не заметил его отсутствия. Возможно, позднее, обнаружив пропажу, его люди припомнят, что он спустился в этот коридор.

Сэм весь дрожал от сладостного возбуждения. Он подвергался смертельной опасности, но сейчас она для него — ничто! Рок, которого на самом деле не существует, на сей раз безупречно свершил свое дело. Пусть он испытал тяжелейшие муки, пусть; но все, все можно отдать ради этого мига! Он держал в своих руках, в своей власти злейшего своего врага! И еще при таких невероятных обстоятельствах! Джон, когда очнется, будет поражен... Не меньше, чем он сам! Да, жизнь причудливей любой фантазии... К этому был он готов добавить еще парочку банальностей.

Одной рукой, не выпуская из другой револьвера, Клеменс нажал кнопку выключателя, и шар люстры ярко засветился. Пленник застонал, заворочался, и он стукнул его по голове еще разок — и столь же основательно. Но не со всей силы! Джон должен прийти в себя на сто процентов, иначе он не осознает случившегося во всей полноте.

Сэм пошарил в шкафчике у переборки, вытащил полупрозрачные полоски ткани, используемые здесь женщинами вместо бюстгалтеров, и связал пленника по рукам и ногам. Пыхтя и задыхаясь, он доволоч безвольное тело до привинченного к полу стула. Ему удалось взгромоздить Джона на сиденье, и он тут же привязал его локти к перекладине спинки. Затем Сэм прошел в галльюн, нацедил чашку воды из-под крана, выпил ее и снова наполнил водой. Едва он покончил с этим занятием, как в кране что-то заворчал, забулькало, и вода потекла тоненькой струйкой — видимо, отказал водяной насос.

Клеменс вернулся в каюту и плеснул водой в лицо Джона. Тот глубоко вздохнул, его глаза приоткрылись. Казалось, он еще не осознал, где находится; затем, узнав Сэма Клеменса, экс-король широко раскрыл глаза и засопел с таким надрывом, будто в груди у него что-то перемалывалось. Лицо в потеках копоты приобрело землистый оттенок.

— Это я, Джон... да, это я, — Сэм усмехнулся. — Тебе не верится, ведь так? Смирись с реальностью, приятель, хотя она вряд ли будет тебе по нраву.

— Воды! — прохрипел Джон.

Сэм заглянул в налитые кровью глаза. Несмотря на обуревавшую его ненависть, сердце у него на миг сдавило. Нет, конечно, он не испытывал расположения к этому человеку... просто жалость, обычную человеческую жалость. В конце концов, к чему мучить бешеную собаку, которую собираешься пристрелить!

Он отрицательно покачал головой:

— Воды больше нет.

— Я умираю от жажды, — прерывающимся голосом прохрипел Джон.

— И это все, что приходит тебе в голову сейчас? После того, что ты сотворил со мной? После всех этих лет?

— Утоли мою жажду, и я утолю твою.

Кожа Джона постепенно приобретала нормальный цвет, глаза неотрывно следили за врагом. Зная его, Сэм понимал, что эта продувная bestия уже выработала некую стратегию. Он будет спокойно и не спеша беседовать со своим тюремщиком, взывая к его человечности, и сделает все, чтобы избежать возмездия.

Клеменс понимал, что пленник может и преуспеть в этом. Черт бы его побрал!

Сейчас его гнев утих. Тридцать три года страстных мечтаний о мщении — и все смыло, все унесло, словно дурной запах при сильном ветре!

В нем пробудился человек, истинный христианин по сути своей, а не беснующийся атеист, как называл его когда-то один из земных врагов.

Ему бы стоило прострелить голову Джона еще в коридоре... или тут, в каюте, пока Джон не пришел в себя... Он мог предвидеть, чем все обернется, если не сделать этого! Но он не мог убить человека в бессознательном состоянии. Даже короля Джона, чьей крови он так жаждал все эти годы — короля Джона, так изобретательно мучившего его в ночных кошмарах! Никогда, даже во сне! А Джону бы ничего не стоило заманить его в ловушку и прикончить... И Эрику тоже!

Скривившись, Сэм отправился в галюн. Из душа еще можно было нацедить пару кружек; он выпил одну и снова наполнил. Вернувшись в каюту, он поднес кружку к губам пленника, наклоняя ее, пока тот жадно пил. Вылебав воду, Джон облизал губы и вздохнул.

— Еще!

— Еще? Да ты сошел с ума! Я и эту-то принес, чтобы ты мог очухаться перед тем, что тебе предстоит!

Джон сдержанно улыбнулся; он ничуть не заблуждался в исходе дела, как и его тюремщик.

Понимая это, Сэм вновь вспыхнул гневом, который мог подтолкнуть его к решительному шагу; но лишь только он поднял пистолет, раздражение оставило его.

Улыбка Джона увяла, король явно не хотел доводить Клеменса до крайности.

— Отчего ты так уверен в себе и во мне? Полагаешь, я не найду сил спихнуть тебя в воду, чтобы насладиться твоими последними корчами?

— Нет, конечно же, нет. Такое может случиться лишь в пылу битвы. Но ты не станешь измываться надо мной, как бы тебе этого не хотелось. И, разумеется, не сможешь меня хладнокровно пристрелить.

— Но ты-то сам сделал бы это со мной? Ты, бессердечный ублюдок?

Экс-король усмехнулся. Сэм хотел что-то сказать, но вдруг смолк, прислушиваясь к воцарившейся в коридоре тишине. Джон тоже раскрыл было рот, но не произнес ни звука под предостерегающим взглядом Клеменса: видно, понял, что пожалеет, если позовет на помощь — его пленитель в этом случае не стал бы колебаться.

Прошло несколько минут; Сэм стоял, приложив ухо к двери и косясь одним глазом на свою добычу. Сейчас он различал приглушенные голоса, но дверь каюты была почти звуконепроницаемой, и ему не удавалось определить, далеко ли находятся люди. Он вернулся к Джону и завязал ему тряпкой рот, туго стянув концы на затылке.

— Это на всякий случай. Но если ты умудришься закричать, пеняй на себя! Получишь пулю в лоб. Запомни это!

Выключив свет, Сэм отпер дверь, приоткрыл ее, держа пистолет наготове, и постоял с минуту, давая глазам привыкнуть к темноте. Наконец ему удалось разглядеть множество валявшихся вокруг мертвых тел. Их стало значительно больше, но сама схватка, видимо, переместилась к правому борту. Время от времени выстрелы смолкали, и доносился звон и клцанье клинков вперемежку с выкриками людей; похоже, у обоих противоборствующих сторон кончались патроны.

Клеменс не имел представления, кто из противников обладает сейчас численным перевесом, и на чью сторону склоняются весы победы. Вероятно, чтобы вытащить пленника из каюты, ему необходимо выждать какое-то время.

Вряд ли это правильное решение, подумал Сэм. Разве не должен он возглавить своих людей и повести их в атаку? Несомненно! Но что, в таком случае, делать с Джоном?

Впрочем, сей вопрос не представляет проблемы: он запрет пленника на ключ и отправится собирать свою команду. Последнее сделать нетрудно — все его люди там, откуда доносится шум битвы.

Он вернулся в каюту, прикрыл дверь и включил свет. Джон с любопытством воззрился на него.

— Ну, дело идет к концу, — заявил Сэм, — твоих бандитов почти перебили. А тебя в недалеком будущем ожидает суд.

Он помолчал. Выражение лица Джона никак не изменилось, но из-под повязки вырвались клопочущие звуки. Что он хотел сказать? Сэм покачал головой. Нет, он не станет прислушиваться к речам этого предателя. Пустая потеря времени, и только.

— Я не собираюсь утверждать, что уверен в собственной беспристрастности, поэтому ты предстанешь перед судом. Боюсь, в нем не будет особ благородной крови, но двенадцать присяжных, честных и справедливых мужчин, я обещаю. Впрочем, так лишь принято говорить; среди них будут и дамы.

Итак, впереди — справедливый разбор дела. Ты, Джон, сможешь выбрать себе защитника или защищаться сам. Я же признаю приговор и оспаривать его не стану. Каким бы ни было решение суда, я ему подчинюсь.

Опять из-под тряпки раздались невнятные звуки.

— Ты все успеешь сказать в свое время. А теперь посиди здесь и поразмышляй о своих грехах.

Клеменс затворил за собой дверь, запер ее на ключ. После некоторого колебания он опять ее открыл, вернулся в каюту и выключил свет. Пусть Джон помучается в темноте!

Он не чувствовал себя ни триумфатором, ни победителем; в каком-то смысле (Сэм не мог точно определить это) им оказался его давний враг. Слишком многое приносило Клеменсу разочарование, и победа над Джоном должна была бы стать одним из самых прекрасных моментов его жизни. Но сейчас она выглядела столь же неаппетитной, как поданное на блюде собачье дерьмо.

Где бы спрятать ключ? Ну, конечно, в первой же незапертой каюте! Он нашел открытую дверь — третью по коридору — и, бросив ключ на пол, закрыл за собой дверь. Сейчас надо отыскать Джо. Когда Джо рядом, он не побоится сотни головорезов с «Рекса».

Сэм двинулся по коридору, протянувшемуся от носа до кормы. Света был отключен, но он не стал зажигать его, опасаясь, что это привлечет внимание врагов. Промчавшись огромными прыжками до конца прохода, он очутился в другом, поперечном, откуда трап вел на штурмовую палубу. Клеменс на секунду замер, прислушался, затем начал подниматься по ступенькам, вглядываясь в бледный просвет люка наверху. Выйдя на палубу, он быстро прошел к левому борту. Джо должен быть где-то поблизости. Сейчас он его отыщет и...

— Что ты тут висишь, Джо? — спросит он. — Тебе больше делать нечего?

— Я жду потселуя, Тсэм.

— Поцелуя? Кто же станет целовать твою мерзкую рожу?

— Нет, тупица, это не потселуй от человека. Я жду, когда меня приласкает колетсо или чей-нибудь питсто-лет... Не знаю, что раньше... Тсэм, сними меня отсюда потскорее, пока я не сошел с ума и не натчал лить слезы...

Таким мог быть их воображаемый диалог, скроенный по примеру множества прежних. Однако Сэм не обнаружил беспомощного тела, висящего на веревке. Саму веревку он, правда, нашел — небольшой конец, свисавший с поручня и явно перерезанный чем-то острым.

Клеменс радостно улыбнулся. Скорее всего, его приятель жив и невредим! Либо он выскользнул из петли, раздвинув ее, либо парень в белой шляпе полоснул по веревке ножом; в любом случае Джо плавает сейчас в реке, ожидая помощи.

Сэм направился к трапу, но вдруг замер, почти оглушенный диким ревом, раздавшимся над темной водой. Услышь он такое на Земле, на память тут же пришло стадо разъяренных буйволов или голодный львиный прайд! Но здесь — здесь этот громоподобный рык мог принадлежать только одному существу!

Бросившись к лестнице и перепрыгивая через две ступеньки, Сэм скатился на главную палубу. Только теперь он вспомнил о противнике и замер на миг, вслушиваясь в шум битвы, доносившийся с двух сторон, с носа и кормы. Треск выстрелов смолк, звучало лишь бряцание клинков.

Он подбежал к поручням и перегнулся вниз.

— Джо! Где ты, Джо?

— Тсэм! Я здесь, Тсэм!

— Не вижу тебя, Джо! — закричал Сэм, вглядываясь во темноту. Внизу плавали еле различимые обломки шпангоута и изуродованные человеческие тела. Судно несло по течению. На берегу горели костры, но небеса уже стали затягиваться тучами и мрак сгустился.

— Я не могу разглядеть тебя, Тсэм!

Обернувшись, Клеменс удостоверился, что никто не подкрадывается к нему сзади, и вновь нагнулся над поручнями.

— Ты можешь забраться на борт?

— Нет, — ответил Джо, — но я держусь на поверхности, затстрял тсреди обломков дерева. У меня тсломана рука, Тсэм!

— Я тебя вытащу оттуда, Джо! Держись! Я спасу тебя!

Он совершенно не представлял себе, как помочь гиганту, но твердо решил найти какой-нибудь способ. Его ужасала мысль, что Джо может утонуть.

— Джо, ты еще в панцире?

— Да нет, безмозглая ты задница! В этом желетзе я был бы уже на дне и кормил рыб! Я тсбросил его тсразу же, как упал. Но рука тчуть меня не доконала. Иитсутсе! Как больно! Тебе когда-нибудь заезжали в мошонку, Тсэм? Так это ерунда по тсравнению со тсломанной рукой.

— Ну ладно, Джо, все будет в порядке! — Сэм нервно оглянулся. С носа к нему бежал какой-то человек, за ним гнались двое. Кто — с такого расстояния он разобрать не мог. Но больше никого не было видно.

С кормы доносились звуки боя, уже затихавшие.

— Веревку перерезали, но до того я успел ухватиться за перила и залез наверх. Натшел топор, потом побежал на главную палубу, но кто-то, будь он проклят, тсвалил меня за борт! Вот уж чертовски тсильный парень, задница этакая!

Джо продолжал говорить, но Сэм уже не слышал его; он припал к фальшборту, не зная, что предпринять. Бегущая группа приближалась, но различить лица в темноте все еще было невозможно. Он заметался. В такой сутолоке на него могли напасть его же люди.

Левой рукой Клеменс поднял пистолет; в правой он сжимал абордажную саблю. Стрелял Сэм не очень метко, но сейчас нельзя было промахнуться. Другое дело, стоило ли вообще стрелять? И в кого?

Он ждал, напряженно вперив взгляд в темноту, держа палец на спусковом крючке, когда чудовищный

взрыв подбросил его в воздух и швырнул через поручни.

Ошеломленный, Сэм лишь через полминуты сообразил, что снова барахтается в воде. Дьявол! Но как он попал сюда? Что случилось?

Он обо что-то ударился, протянул руку и нащупал мертвое тело. Клеменс с силой отпихнул его, срывая одновременно тяжелый патронташ.

Судно темнело футах в шестидесяти. Выходит, его так далеко отбросило? Он плыл? Или его отнесло течением?

Неважно! Он — здесь, а корабль — там! Во что бы то ни стало надо до него добраться. Вот уже второй раз за эту ночь он в Реке... Воистину сказано: я погружу тебя трижды!

Сэм поднял голову, взглянул вверх и заметил, что поручни машинной палубы «Ненаемого» заметно опустились. Его корабль тонет!

Только сейчас он понял, что его снесло с борта, как слепня с лошадиной спины. Разве только без ветра! Вероятно, взрыв произошел в трюме, ниже ватерлинии; там хранились боеприпасы — вот их-то и подорвали люди Джона.

Великий Творец! Как много испытаний выпало на его долю! И потому близкая потеря красавца «Ненаемого», в другое время вызвавшая бы невыносимую горечь и слезы, сейчас казалась ему событием почти не существенным. Слишком он измучен и доведен до отчаяния. Вернее, слишком измучен, чтобы ощущать отчаяние.

Он поплыл к судну, и тут же больно ударился обо что-то правой рукой. Вскрикнув от неожиданности, Сэм нащупал мокрый скользкий обломок дерева, схватил его и принялся толкать впереди себя. Неважно, что это — часть каноэ или челнока, — но теперь хоть есть за что держаться!

Где же, однако, Джо?

Он окликнул приятеля, но ответа не было. Крикнул еще раз, но кругом царило молчание.

А вдруг Джо задело взрывом? Сильной взрывной волной его могло и убить, если он находился близко от корабля... Нет, там его не было! Или он все-таки бултыхался вблизи? Должно быть, взрыв был адской силы!

Джо мог потерять сознание от боли в сломанной руке либо его контузило... В любом случае, он пошел на дно...

С нараставшим отчаянием Сэм позвал его еще дважды. Кто-то откликнулся, но то был пронзительный женский голос. Еще одну неприкаянную душу носит по Реке, подумал он.

Судно заметно погрузилось в воду. Может быть, оно еще удержится на плаву и его прибьет к берегу... и тогда удастся отбуксировать его с помощью весельных шлюпок... привести в порядок...

Какой невероятным оптимизм для столь мрачного пессимиста!

Нет, не стоит обольщаться! Нос судна скользнул мимо него; вода уже захлестывала главную палубу. С «Ненаемым» покончено!

Внезапно Сэм увидел катер, большую амфибию Андерса. Судно шло не спеша — видимо, выискивая и подбирая на борт тонущих. Его прожекторы ощупывали поверхность Реки, то и дело останавливаясь, возвращаясь назад, задерживаясь на чем-то. Но если даже луч коснется его, то на таком расстоянии с катера ничего не разглядят! И вряд ли ему удастся докричаться...

И вдруг Клеменс вспомнил о короля, о Джоне Лэкленде. Связанный, в запертой каюте, он обречен на смерть! Разве только кто-нибудь случайно не натолкнется на него... Он даже закричать не может, да его не расслышать и вблизи. А ключ от каюты спрятан! Конечно, замок можно взломать, но стоит ли обманывать себя? Джон обречен! Он сидит там внутри, даже не по-

дозревая, что судно тонет! Вода уже добралась до главной палубы, но каюты водонепроницаемы, поэтому он догадается о происходящем лишь когда начнет задыхаться от нехватки воздуха... И тогда он станет биться в полной безнадежности, корчиться, вертеться, пытаться сквозь удавку позвать на помощь... Он умрет от удушья, но агония будет долгой...

Последние его минуты окажутся поистине чудовищными!

В былые времена эта сцена доставила бы Клемену настоящее наслаждение, но сейчас он мечтал лишь о том, чтобы добраться до судна и спасти Джона. Не для того, чтобы избавить экс-короля от возмездия и наказания — это он оставлял суду. Но он обязан избавить его от страданий и чудовищной смерти! Никому он не мог пожелать столь страшной кончины.

Да, он мягкосердечен... Вряд ли Джон пришел ему на помощь в подобной ситуации... Но дело не в том; Сэмюэль Клеменс — не Джон Лэкленд, и этим все сказано.

Увидев вновь прожектора катера, он вмиг забыл о Джоне. Но амфибия направилась в сторону от корабля и скоро исчезла из виду. Неужели Андерс подбирает и людей с «Рекса»? Лучше бы ему прикончить этих болванов!

— Тсэм! — раздался крик позади, и Сэм повернул голову, по-прежнему хватаясь за свой обломок.

— Джо! Где ты?

— Я здесь, Тсэм! Я тут вырубилтсся на пару минут! Мне бы до тебя добраться, но похоже, я не тсмогу!

— Держись, Джо! — подбодрил его Клеменс. — Сейчас я найду тебя. Только кричи, не останавливайся. Я быстро! Кричи, чтобы мне тебя не потерять!

С трудом он развернул тяжелый брус и двинулся на голос Джо, к берегу, одной рукой держась за свой поплавок, другой — гребя изо всех сил. Время от времени он останавливался, чтобы перевести дух и вновь окли-

кал: «Джо! Где ты? Джо, крикни, чтобы я тебя слышал!»

Тишина. Неужели Джо снова отключился? Может быть, рядом с ним обломки, которые удержат его на плаву? Должно быть, так. Он мог утонуть еще раньше, когда потерял сознание в первый раз... Скорее всего, он за что-то уцепился... А может...

Приостановившись, Сэм поглядел назад. Корабль опускался все ниже, волны уже перехлестывали через фальшборт главной палубы. Скоро какюта Джона окажется под водой.

Он вновь начал толкать свою деревянную опору. Кое-где на поверхность вод падали блики от горящих на берегу костров, и Сэм уже различал в месиве обломков отдельные предметы. Однако нигде не было видно гигантской фигуры Джо.

Только сейчас он заметил, что люди на берегу рассаживаются в лодки и каноэ. Вероятно, они спешили на помощь тем, кто сжег и разрушил чуть ли не четверть их построек и уничтожил сотни жителей. Как понять необъяснимое?

Нет, их можно понять. Они собирались сделать то же самое, что он сам был готов совершить для Джона — спасти! Но он не успел... Впрочем, у вироландцев было меньше причин ненавидеть людей с корабля, чем у него — Джона.

В этот момент Сэм понял, что находится значительно ближе к берегу, чем предполагал до сих пор — до суши оставалось лишь полмили. К нему быстро приближался темный силуэт небольшого судна, не то колесного, не то гребного. Но он замерзал! Ночью здесь вода была теплее воздуха, но все же достаточно холодная. Около 45 градусов по Фаренгейту, если он правильно помнил.

Река теряла тепло, минуя эстуарий на северном плесе, и по пути к Вироландо еще слабо нагревалась. Клеменс изнемогал от неимоверной усталости и потря-

сения минувшего боя; он чувствовал, что холод вот-вот прикончит его. Погибнуть на глазах у спасателей — какая насмешка судьбы!

Такова жизнь, такова и смерть...

Хорошо бы перестать барахтаться, отдаться на волю течения и предоставить хлопоты другим. Но ему нужно отыскать Джо... Если он перестанет двигаться, то совсем замерзнет... А как было бы хорошо... спокойно... Сэм резко дернул головой, глубоко вздохнул и попытался вернуть к жизни свои коченеющие руки и ноги.

И вдруг — или не вдруг, ибо кто считал утекающее время? — возле него оказалось судно, и блеск множества факелов ослепил Клеменса. Сильные руки подняли его наверх и уложили на палубу. Он весь дрожал. Его завернули в теплые покрывала, влили в рот горячего кофе. Ожив, Сэм приподнялся.

— Джо! — невнятно произнес он. — Джо! Найдите Джо!

— Чего он хочет? — спросил кто-то на эсперанто.

— Он говорит по-английски, — отозвался женский голос. — Просит найти Джо.

Над ним склонилось лицо женщины.

— Кто этот Джо?

— Мой друг, — слабым голосом ответил Сэм. — Еще не человек... не совсем человек... Может быть, поэтому — друг... — Он вымученно улыбнулся. — Да, именно поэтому.

— Где же он, ваш Джо? — Женщина была хороша собой. В свете факелов вырисовывалось ее удлинненное лицо, большие глаза, вздернутый носик, полные губы и длинные светлые волосы. Как можно восторгаться женщиной в такой момент? Ему следовало бы подумать о Гвиневре...

К стыду своему он понял, что с самого начала сражения ему и в голову не пришло побеспокоиться о ней. Где же она? И почему он не вспомнил о ней? А ведь он искренне любил Гвиневру...

— Так кто же этот Джо? — снова спросила женщина.

— Гигантопитек... Волосатый великан с огромным носом... Он должен быть где-то поблизости. Спасите его!

Женщина выпрямилась и что-то произнесла на эсперанто. Стоявший рядом мужчина поднял над головой факел и стал пристально вглядываться в темноту. Вокруг горело множество огней, но и они не помогали разглядеть что-либо во тьме. Небо быстро затягивалось темными облаками, звезды исчезли.

Сэм огляделся вокруг. Он сидел на высокой палубе баркаса; ниже по каждому борту виднелась чуть ли не дюжина колес.

— Вот там что-то плавает, — человек с факелом показал на Реку. — И довольно объемное. Может быть, это и есть ваш приятель.

Мужчина стоял спиной к Сэму — невысокий крепкий человек с очень широкими плечами, одетый в белый плащ с капюшоном. Его голос показался странно знакомым Клеменсу. Много лет назад он уже где-то его слышал.

Человек окликнул ближние лодки и велел им искать пропавшего. Вскоре послышался крик. Сэм взглянул на соседнее суденышко, где несколько человек тащили из воды тяжелый груз.

— Джо! — выкрикнул он.

Человек в белом обернулся, факел ярко осветил его, и Клеменс ясно увидел перед собой широковатое лицо, светлые брови, массивный подбородок и белые зубы, сверкнувшие в злобещей улыбке.

— Кровавый Топор!

— Йа, — отозвался человек, — Эрик Кровавый Топор. Я долго ждал тебя, Сэм Клеменс.

С диким воплем Сэм вскочил и бросился вниз с баркаса.

Он ушел с головой под воду, опускаясь все ниже и ниже, затем перевернулся и поплыл. Далеко ли до поверхности? Удастся ли ему избежать мстителя и добраться до другой лодки? Вироландцы ни за что не позволят Эрику убить его... это противоречит их убеждениям... Но Эрик может выбрать удобный момент и расправиться с ним потихоньку... норвежец очень силен...

Джо! Только Джо может его защитить!

Расплескивая воду и задыхаясь, Сэм вынырнул на поверхность. Перед ним оказалось набитое людьми судно; факелы ярко освещали их лица, и все внимательно смотрели на него. За плывущим сзади него человеком пенилась вода, во все стороны летели брызги. Сэм обернулся: в нескольких футах от него торчала голова Эрика.

Он закричал и вновь нырнул вниз. Только бы добраться до другого борта, только бы успеть забраться на него, прежде чем...

Чья-то рука схватилась за его лодыжку.

Сэм перевернулся на спину, отбиваясь из последних сил, но Эрик был гораздо сильнее. Ему не вырваться! Он мог утонуть на глазах у вироландцев, а Эрик потом заявит, что пытался спасти беднягу, да не успел...

К нему потянулась рука и крепко сдавила шею. Сэм бился, как попавшая в сеть рыба, уже понимая, что на сей раз с ним покончено. После стольких лет, стольких мучительных потрясений умирать вот так...

Задыхаясь и отплевываясь, он очнулся на палубе баркаса. Из носа и рта струилась вода; две сильные руки держали его за плечи.

Он поднял глаза: над ним высился Эрик Кровавый Топор.

— Не убивай меня! — простонал Сэм.

Обнаженное тело Эрика было мокрым; в свете факелов ярко блестели капли воды и белое украшение на шнурке, обвивающем шею.

То была спиральная кость — символ принадлежности к Церкви Второго Шанса.

* * *

Два человека порознь пришли к одному и тому же решению.

С этим бессмысленным кровопролитием пора кончать. Сейчас каждый из них действовал в уверенности, что второй находится на другом корабле. В этой битве они, однако, не встретились. Каждый мог решить, что второй никогда не появлялся на корабле либо покинул его до сражения; возможно, уже стал прахом.

Каждый был уверен, что с его смертью великому проекту грозит крах, хотя оба понимали это по-своему.

Сейчас как раз наступил удобный момент для бегства. В пылу боя никто не заметит исчезновения одного из бойцов, а если и заметит, то ничего не сможет предпринять. Можно прыгнуть в Реку, доплыть до берега и продолжить свое долгое странствование. Оба они остались без своих цилиндров: один утонул вместе с «Рексом», второй лежал в закрытой кладовой «Ненаемного». Придется выкрасть у виrolандцев свободные чаши, а потом лодкой направиться вверх по Реке.

Один из мужчин скинул с себя боевые доспехи и швырнул на палубу оружие. Ухватившись за поручни, он готовился перемахнуть в воду, когда сзади его кто-то окликнул. Человек резко обернулся, схватил abordажную саблю; сорок лет не слышал он этого голоса, но узнал его мгновенно.

Однако лицо и фигура мужчины с таким знакомым голосом показались ему странными.

Впрочем, сомнений у него не было: человек, поднявшийся по трапу и стоявший сейчас у люка, говорил на языке, который на этом корабле, кроме них двоих, не знал никто. Тон его был суровым.

— Да, это я, хотя меня и трудно узнать.

Человек у перил спросил:

— Зачем ты сделал это? Зачем?

— Ты этого никогда не поймешь, — ответил стоявший у люка. — Ты — зло. Такими были и остальные, даже...

— Были! — эхом отозвался человек у трапа.

— Да, были.

— Значит, они мертвы... Я подозревал это.

Он бросил взгляд на шлем и кирасу, валявшиеся на палубе. Жаль, что он поспешил их скинуть... Теперь на стороне врага явное преимущество. Человек у поручней понимал, что попытайся он прыгнуть в воду, второй, с его ловкостью и проворством, тут же поразит его.

— Так, — сказал он, — теперь ты собираешься убить и меня. Как низко же ты пал! Теперь ты погиб бесповоротно.

— Мне уже пришлось убить Оператора, — бесстрастно произнес его противник.

— Даже не представляю, что можно совершить подобное зло, — отозвался человек у поручней.

— Я не зло! — воскликнул второй. — Это ты, который... — Он овладел собой. — Впрочем, доказательства здесь излишни.

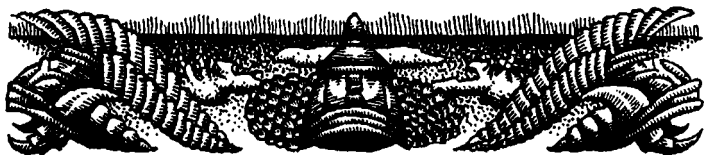
Человек у поручней вновь заговорил:

— Разве не поздно изменить свой образ мыслей даже сейчас? Тебя простят, пошлют лечиться на планету Садов. Ты можешь примкнуть ко мне и к остальным, можешь добраться вместе с нами до Башни...

— Нет, — ответил стоявший у люка.

Он поднял свою саблю и устремился к человеку без доспехов; тот встал в оборонительную позицию. Дуэль была краткой и жестокой, и вскоре первый из мужчин, истекая кровью, рухнул от удара, нанесенного в шею.

Убийца подтянул тело к борту, поднял его, поцеловал мертвеца в губы и сбросил в воду. Слезы текли у него по щекам. Его душили рыдания.

ГЛАВА 11

ПОСЛЕДНЯЯ ДУЗЛЬ: БАРТОН ПРОТИВ БЕРЖЕРАКА

Сразу после взрыва в машинном отделении, который произвела группа Бартона, все смешалось в какой-то стремительной и запутанной круговерти. То Бартон за кем-то гнался, то гнались за ним; он то нападал, то отступал.

Правда, отступать приходилось чаще — противник значительно превосходил их числом. Но к тому моменту, когда его люди пробились к складу оружия, отряд несколько пополнился. Хотя они и потеряли восьмерых, сейчас их стало тринадцать; как понял Бартон, то были последние оставшиеся в живых из команды «Рекса».

Боеприпасов уже не имела ни одна из сторон; оставалось биться холодным оружием. Противник отступил, чтобы отдышаться, отдохнуть и обсудить положение. Вход в склад был неширок, пройти в него одновременно могли лишь два-три человека, и взять представлялось трудным делом.

Бартон оглядел ряды аккуратно сложенного оружия и решил сменить свою абордажную саблю на шпагу. Ее трехгранный клинок длиной в три фута кончался защитной чашкой в форме раструба; на слегка прогнутой рукоятке выдавались два деревянных упора. Она пришлась ему по руке, и Бартон тут же решил опробовать клинок: воткнул острие в деревянный брус и нажал. Клинок выгнулся в крутую дугу, но лишь он освободил его, тотчас же распрямился.

В арсенале стоял сильный запах пота и крови, пахивало мочой и калом, и, к тому же, там царила неимоверная жара. Бартон скинул с себя доспехи, оставив лишь шлем на голове, и предложил остальным последовать его примеру.

— Когда мы пробьемся на палубу, у нас уже не будет времени стряхнуть с себя железо, — сказал он. — Как только мы там окажемся, придется прыгать в Реку. Проще снять с себя доспехи тут, чем барахтаться в воде.

Из женщин с ними оставалась лишь прекрасная Афра Бен, утратившая сейчас свою былую привлекательность: ее покрывок густым слоем копоты лицо было испещрено струйками пота и крови, глаза покраснели от порохового дыма и усталости, веки непрерывно подергивались.

— Судно должно затонуть, — сказала она. — Если мы отсюда не выберемся, то все уйдем вместе с ним на дно.

Она выглядела весьма возбужденный, но сохранила спокойный тон.

— Да-а-а, я это понимаю, — протянул Бартон. Минуту он пребывал в раздумье. Сейчас они находились на палубе В, а палуба А, вероятно, уже затоплена водой. Значит, скоро зальет и их.

Он шагнул к двери и высунул голову из-за притолоки.

В проходе по-прежнему горел свет — энергия подавалась от батакайтора, а он не прекратит работать даже под водой.

В коридоре не было ни души. Противник, видимо, в ожидании вылазки их группы укрылся неподалеку

— Я — Гволчгвинн, капитан десантников «Рекса», — громко произнес в пространство Бартон. — Мне хотелось бы переговорить с вашим командиром.

Никто не ответил. Он повторил свое обращение, а затем вышел в коридор. Возможно, кто-то скрывается за одной из открытых дверей... нет, там никого не было

видно. Может быть, их сторожат у двух выходов из коридора и там нападут из-за угла?

И тут он увидел текущую по полу воду. Пока это была лишь струйка, но скоро она польется потоком.

Он крикнул часовым, стоящим у входа в арсенал: «Всем выходить! Люди Клеменса ушли!»

Ему не нужно было объяснять, что происходит; воду они увидят сами.

— Спасайся, кто может, — напутствовал он своих людей.

— Любым способом добирайтесь до берега. Я вас разыщу позднее.

Бартон довел людей до поручней на палубе и попрощался, пожелав им удачи.

— Дик, — спросила Афра, — почему вы остаетесь?

Он удивленно вздернул брови: разве она знает, что Гволчгвинн — Ричард Бартон?

— Я должен найти Алису.

— Но вы же окажетесь в ловушке, если корабль быстро пойдет ко дну!

— Я все понимаю.

Он отправился на розыски, даже не дожидаясь, пока она спрыгнет с борта. Пробегая коридор за коридором и окликая Алису, он то и дело замирал, прислушиваясь, нет ли ответа. Обшарив все внизу, он поднялся по трапу в большую гостиную. Это помещение, занимавшее кормовую часть штормовой палубы, очень походило на салон «Рекса», но казалось значительно просторнее. Здесь все сверкало в огнях зажженных люстр и бра и, несмотря на разгром и валяющиеся мертвые тела, гостиная поражала роскошью.

Он шагнул внутрь и остановился. Алисы здесь не было.

Вряд ли имело смысл искать ее позади немислимо длинной стойки бара, за блестящими лаком роялями и биллиардными столами. Пора уходить, но он задержался, замороженный великолепием зала. Подобно своей

копии на «Рексе», за многие годы он многое повидал и услышал в своих стенах — смех, шутки, остроты, слова любви, шепот интриги, выкрики карточных игров, звуки музыки, созданной вновь или воссозданной земными музыкантами, драм и высоких или вульгарных трагедий. А сейчас... Постыдное разорение, о котором оставалось лишь горько сожалеть.

Он уже хотел двинуться дальше, но вдруг замер на месте — в противоположную дверь гостиной вошел человек. Увидев Бартон, он замер, но через секунду с улыбкой легко двинулся ему навстречу. Он был на дюйм-два выше Ричарда и строен, как породистая борзая; поражали его необыкновенно длинные руки. Его лицо было закопчено, в глаза бросались длинный нос и узкий подбородок, но неотразимая улыбка делала его почти красавцем. Черные блестящие волосы спускались до плеч. На нем был надет лишь черный кильт и красные кожаные ботфорты. Правая рука сжимала эфес шпаги.

У Бартон сразу возникло ощущение «дежа вю»¹, нелепое воспоминание о давней встрече, притом в подобных же обстоятельствах. Он, несомненно, уже сталкивался с этим носатым человеком и желал встретиться с ним вновь. Ему показалось даже, что давно зажившая рана на бедре снова заныла.

Человек остановился футах в двадцати от Бартон и громко заговорил на эсперанто — с несомненным французским акцентом и легкими отзвуками американского говора:

— А, синьоро, это вы! Талантливейший или даже гениальный фехтовальщик, с которым мы скрестили клинки в давней битве на вашем корабле. Я представился вам, как и должно джентльмену, но вы себя не назвали. Возможно, вы думаете, что мне не следует знать ваше имя? Но теперь...

¹ Уже виденное (франц.)

Бартон шагнул к нему, опустив шпагу вниз. Он говорил на парижском диалекте середины семнадцатого века.

— Э, месье, в тот раз я далеко не был уверен, что вы именно тот, на чье имя вы претендовали. Возможно, тогда я думал, что встретился с самозванцем. Теперь же — о, теперь я признаю в вас истинно великого, единственного и неповторимого Савиньена де Сирано де Бержерака! — С минуту Бартон колебался, но все же решил назвать себя; сейчас уже не было необходимости скрываться под чужим именем. — Так знайте, месье, что я — капитан десантников с корабля «Рекс Грандисимус» Ричард Френсис Бартон. На Земле я был посвящен в рыцарское звание Ее Величеством королевой Великобритании, причем не за удачи в коммерции, а в знак признания моих заслуг в изучении отдаленных земель и верной службы как моей отчизне, так и всему человечеству. Я также был небезызвестен среди фехтовальщиков своего времени, в девятнадцатом веке.

— Увы, вероятно, вы еще славились своей многоречивостью, не правда ли?

— Ничуть! Не больше, чем вы — своим громадным носом, — парировал насмешку Бартон.

— О, непременно и вечный намек на мой нос! Видите ли, месье, хотя мой государь Людовик XIII и не удостоил меня почестями, тем не менее, я был вознагражден даром королевы более великой, чем ваша — самой Матерью Природой. Мною написано несколько философских романов, которые, как мне кажется, читали и после моей смерти. И, по-видимому, вам известно, что я — не последний из великих фехтовальщиков моего времени, послуживших учителями знаменитых мастеров позднейших эпох.

Он вновь улыбнулся.

— Не желаете ли вы сдать мне свою шпагу? — произнес Бартон. — Мне бы не хотелось убивать вас, месье.

— Я готов просить вас о том же: отдайте мне ваше оружие и станьте моим пленником. Я понимаю, что в этом случае вы, равно как и я, остаетесь в неведении относительно превосходства одного из нас. Я много о вас узнал, капитан Бартон, с тех пор, как мы скрестили клинки. В сотнях — может быть, в тысячах моих дуэлей — вы были лучшим из противников. Должен признаться: не знаю, чем бы окончилась наша небольшая разминка, если бы вы не отвлеклись. То есть я хочу сказать, что вы бы меня дольше задержали.

— Это мы еще посмотрим, — пожал плечами Бартон.

— Да, посмотрим, если только корабль не слишком быстро затонет. Но, месье, я несколько отсрочу прощание, предложив вам сначала выпить за упокой души тех храбрых мужчин и женщин, что погибли сегодня, и за этот великолепный корабль, последнее прекрасное создание человеческой науки. Кель домаж! Когда-нибудь я сложу в память об этом оду — по-французски, разумеется, поскольку эсперанто — диалект не для поэтических опусов... Да если бы и так, то ему все равно не сравниться с моим родным языком.

Давайте же выпьем вместе за тех, кого мы любили и кого уже нет в живых. Воскрешения прекратились, друг мой, и отныне все смертны.

— Вероятно, — согласился Бартон. — Как бы то ни было, я готов поддержать ваш тост.

Многочисленные дверцы шкафов, где хранилось спиртное, были закрыты еще до битвы, но ключ лежал в нижнем выдвижном ящике.

Бержерак отправился за стойку бара и достал его. Он открыл шкаф, заполненный батареями бутылок, и вынул одну из множества сверкавших на полке.

— Это вино из Пароландо. Бутылка осталась нетронутой; ее наполнили добрым старым бургундским, которое время от времени попадалось в цилиндрах. Отку-

порить ее предполагали в торжественный момент. Такой момент настал, хотя и довольно мрачного свойства.

Де Бержерак открыл еще один шкафчик, достал два бокала и поставил их на стойку бара. Рядом лежала его шпага, и Barton тоже положил свою — у правой руки. Француз наполнил бокалы до краев бургундским и поднял свой. Barton также взялся за тонкую ножку.

— За дорогих усопших! — произнес Сирано.

— За них, — повторил Barton.

Они сделали несколько глотков.

— Я не любитель излишеств в выпивке, — заявил де Бержерак. — Алкоголь превращает человека в животное, а я предпочитаю помнить всегда, что я — человек. Но... бывают особые случаи. Еще один тост, друг мой, и мы на этом покончим.

— За разгадку тайны этого мира, — предложил Barton.

Они еще немного отпили.

Сирано поставил свой бокал на стойку.

— Итак, капитан Barton, командир погибших десантников погибшего «Рекса»! Я испытываю отвращение к войне и ненавижу кровопролитие, но, если положено, выполняю свой долг. Мы с вами — умнейшие люди, и совершеннейший позор, что лишь смертью можем доказать превосходство одного над другим. Такое доказательство истины никак не свидетельствует о наличии у нас здравого смысла. Поэтому предлагаю: тот, кто первый нанесет серьезную рану, побеждает. И если по милости Создателя, которого на самом деле не существует, эта рана не окажется смертельной, победитель берет в плен побежденного. А затем мы вместе поспешим, но самым достойным образом, убраться с этого корабля до того, как он затонет.

— Клянусь честью, мы так и поступим, — согласился Barton.

— Прекрасно! Ан гард!

Они отсалютовали друг другу клинками и тотчас встали в позицию: левая нога под прямым углом к правой и чуть позади, колени слегка согнуты, корпус повернут боком к противнику, левое предплечье поднято параллельно полу, локоть согнут, кисть опущена, правая рука обращена к полу, и клинок образует с ней прямую линию. Круговое «кокилле» защитит в этой позиции от поражения в предплечье.

Выкрикнув одновременно с соперником: «Ха!», Бержерак сделал выпад. По рассказам и предыдущей дуэли Бартон знал о его невероятной подвижности, но он и сам был изворотлив. И на Земле, и в этом мире он многие годы не бросал фехтования и довел свою реакцию до автоматизма.

Не прибегая к обманным ходам, Бержерак сразу же направил свой удар в предплечье противника; тот молниеносно отбил его и сделал ответный выпад. Сирано парировал, затем обрушил шпагу на клинок Бартона, но тот сумел отвести ее круговым движением и тут же коснулся — почти коснулся — своим острием предплечья де Бержерака.

Француз отбил удар и его клинок вновь ринулся к предплечью противника; такой прием назывался «толчком» или «клевком». Бартон отразил и этот удар, но, тем не менее, руку его задело. Его обожгла острая боль, но кровь не показалась.

Дуэль на рапирах и шпагах похожа на шитье иглой. Острие клинка атакующего — кончик иглы; защищающегося — игольное ушко. Ушко должно быть крошечным, и в данном случае оно таким и было. Но через секунду или даже быстрее, при атаке с другой стороны, острие иглы превращалось в ушко. Два великих фехтовальщика — это два крошечных ушка, мгновенно закрывающихся и вновь открывающихся, лишь только острие повернет обратно.

В спортивном фехтовании мишенью является лишь корпус соперника, запрещено целиться в голову, руки

или ноги; при дуэлях все тело — мишень. Если по случайности откроется большой палец, то и его нужно суметь отвести от укола нападающего.

Фехтовальщик, владеющий безупречной защитой, не проигрывает. Это аксиома. Но если оба дуэлянта одинаков блестящи в защите? Значит, их схватка кончится ничем? Нет. Все люди разные; один из них может устать быстрее другого или что-то еще в самый разгар борьбы даст кому-то из них преимущество. Можно поскользнуться на полу, споткнуться об обломок мебели, бутылку, труп. Или, как это случилось в прошлой дуэли Бержерака с Бартоном, чей-то крик со стороны отвлечет дуэлянта на долю секунды, и его противник успеет нанести удар.

Эти мысли проносились где-то в глубине сознания Бартона, хотя основное его внимание было целиком сосредоточено на танце клинков. Его противник был несколько выше ростом, у него был длиннее выпад, но устойчивого преимущества это ему не давало.

Перейди Бартон в ближний бой, и все эти достоинства будут сведены к нулю.

Бержерак прекрасно создавал ситуацию, ибо знал о фехтовании все, а потому старался удержать дистанцию.

Кроме звона и бряцания металла слышалось лишь свистящее дыхание дуэлянтов. Бержерак, нанося удары вытянутой рукой, старался поразить запястье или предплечье Бартона, держась вне зоны действия его шпаги. Англичанин, действуя согнутой в локте рукой, отражал боковыми ударами уколы противника, обводя их. Клинки сплетались и расплетались, обводка непрерывных выпадов Бержерака заставляла клинок Бартона описывать полные круги.

Тем не менее, он внимательно следил, не проявляет ли француз усталости. Это же делал и Сирано. Пока они оба не обнаружили в сопернике никаких ее признаков, но надеялись уловить даже намек на слабость.

Как и в первой дуэли, они выдерживали устойчивый ритм выпадов и парирования, контрударов и их отражений. В их тактике были и ложные финты, хотя ни один не мог обмануть другого и заставить его приоткрыться.

Соленый пот градом катил по лицу Бартон, оставляя на копоты светлые дорожки, попадал в глаза; его тянуло быстро отскочить и вытереть кистью лоб и веки. Это удавалось ловкому французу — он успевал в паузах между ударами провести по вискам куском ткани, оторванным от кильта. Мгновенные перерывы все учащались; каждому нужно было не только осушить лицо, но и перевести дыхание.

В одну из таких пауз Бартон ухитрился сорвать с лежавшего рядом тела женщины нагрудную повязку. Не сводя глаз с Бержерака и опасаясь «флеша» — резкого прямого укола, — он быстро обмотал ее вокруг головы. Бержерак вскоре тоже последовал его примеру — стремительно нагнулся и сорвал такую же повязку с другого трупа.

Губы Бартон пересохли; ему казалось, что язык во рту распух и стал размером с огурец. Наконец он прохрипел:

— Небольшая передышка, месье де Бержерак. Давайте выпьем, чтобы не умереть от жажды.

— Согласен.

Бартон прошел за стойку бара, но краны были пусты. Он потянулся к открытому французом шкафу, вынул бутылку красного вина и, вытащив зубами пробку, предложил Бержерaku отпить первому. Француз отказался.

Тогда Бартон припал к горлышку, жадно глотая ароматную жидкость, потом передал ее через стойку де Бержерaku. Жидкость обожгла ему горло, согрела грудь и живот, немного утолила его жажду, но пить ему все равно хотелось — и, конечно, воды.

Де Бержерак поднял бутылку и посмотрел на свет.

— Ага! Вы проглотили три унции, друг мой. Я выпью ровно столько же, дабы урановесить шансы. Мне не стоит убивать вас только потому, что вы пьянее меня, а то вы потом будете жаловаться на несправедливость, и вопрос о превосходстве в искусстве фехтования останется открытым.

Бартон разразился своим неповторимым смехом.

Бержерак тоже рассмеялся, а потом заметил:

— У вас не смех, а какой-то кошачий концерт, мой друг.

Он выпил и, поставив стакан на стойку, раскашлялся. На глазах у него выступили слезы.

— Мордьё! Это явно не из французских вин! Оно годится лишь северным варварам — или англичанам!

— А вы его никогда не пробовали? За все ваше длинное плавание?

— Я же говорил, что пью очень мало. Но увь! В своей жизни я дрался на дуэли лишь в состоянии абсолютной трезвости. А сейчас я чувствую, как во мне за бурлила кровь, как возвращаются силы, хотя и понимаю всю ошибочность этих ощущений. Алкоголь подавляет мое сознание. Но не беда! Даже если после выпивки моя реакция станет замедленной, а сообразительность — не столь острой, то с вами произойдет то же самое.

— Несомненно, — Бартон обошел стойку. Почему бы ему не применить «флешь», прием стремительный и почти неотразимый?

Но если он все же промахнется или удар будет отбит, то можно попасть под укол Бержерака... Успеет ли он закрыться и задержать его клинок?..

Нет. Разве можно рассчитывать на удачу после трех унций крепкого вина? Нет и нет, нужно забыть об этом!

Ну, а если одной рукой поднять бутылку и швырнуть ее, одновременно выполнив «флешь»? Противник может увернуться, а он сам потеряет равновесие...

Бартон приостановился, оказавшись возле бутылки, и посмотрел на нее. Де Бержерак выжидал. Ричард отвел левую руку и вздохнул.

Француз понимающе улыбнулся и слегка склонил голову.

— Примите мои комплименты, месье. Надеюсь, вы не поддадитесь искушению и не опуститесь до бесчестного поступка! Нас рассудят лишь клинки, и я воздаю вам честь за понимание сего факта. Готов признать, что вы — величайший дуэлянт из всех, с кем я когда-либо встречался, а встречался я, поверьте, со многими... Но как горько, как нестерпимо горько, что такая великолепная дуэль проходит черт знает где, и никто, кроме нас, ее не видит... Какая жалость! Нет, не жалость — трагедия, огромная потеря для мира!

Бартон отметил, что речь его оппонента становится несколько неразборчивой. Не изображает ли лукавый француз опьянение, дабы притупить его бдительность?

— В основном я с вами согласен, — ответил Бартон, — и благодарю за комплимент. Я тоже должен назвать вас величайшим из встреченных мной мастеров. Но, месье, не так давно вы упомянули о моей многоречивости. Так вот: будучи равным мне в фехтовании, в словоохотливости вы меня явно превосходите.

— Мне одинаково легко действовать как шпагой, так и языком, — улыбнулся француз. — Я дарю удовольствие и читателям моих книг, и моим слушателям, и зрителям моего искусства фехтования. Совсем забыл, что вы, англосаксы, сдержанный народ, а потому впредь даю слово лишь моему клинку.

— Держу пари, вам это прекрасно удастся. Ангард! — выкрикнул Бартон.

И вновь они скрестили шпаги в череде выпадов и парирований, ударов и контрударов. Каждый по-прежнему безукоризненно защищался, выдерживая дистанцию, рассчитывая время, предвосхищая удары противника, сохраняя уверенность и координацию движений.

Бартон ощущал груз усталости и легкого опьянения, понимая, что рано или поздно это отразится на быстроте его реакций. Но ведь такой же груз, а возможно, и больший, давил и на его соперника.

В тот момент, когда Ричард отразил удар по левому предплечью и направил острие своей шпаги к животу Бержерака, он увидел, что в дверь с трапа потекла вода. Он отскочил в сторону и крикнул: «Стоп!»

Бержерак понял, что противник разглядел что-то за его спиной.

Шагнув назад, чтобы не оказаться застигнутым врасплох, он повернулся и увидел тоненькую струйку, сочившуюся из-под двери.

— Так! — задыхаясь, произнес француз. — Корабль погрузился в воду до нашей палубы, месье Бартон. У нас совсем не осталось времени! Нужно быстро заканчивать!

Бартон совершенно изнемог. Он с трудом дышал — казалось, его ребра проколоты ножами.

Он двинулся к французу, собираясь сделать выпад в скольжении, но Бержерак прибег к тому же приему. Он действовал энергично, будто мышцы его налились новой силой. Возможно, он уловил, что защита Бартона чуть ослабла, и ему представлялось, что такая быстрота скорее утомит противника. Как бы то ни было, но он либо плохо рассчитал, либо прибегнул к трюку. По положению тела француз, по скошенному взгляду Бартон вдруг догадался, что тот собирается предпринять. Он знал это точно, ибо был готов сделать то же самое; он тщательно подавил в себе это знание, не желая, чтобы противник воспользовался подсказкой.

Де Бержерак ринулся к нему в стремительном выпаде, его шпага легко по клинку Бартона. Прием, который он использовал, неожиданный и смертоносный, часто бывает удачен, но сейчас Бартон был к нему готов. Этот выпад требовал быстроты, внезапности и мас-

терства. Быстрота у француза была, но не оказалось внезапности, а потому он потерял и в мастерстве.

Искушенный зритель сказал бы, что у Бержерака несомненные преимущества в самоконтроле. Он держался прямо, его руки были длиннее, что придавало силу ударной части клинка — от чашки гарды до середины (именно ею он наносил удары и отражал выпады Бартона); более слабой казалась часть от середины до острия.

Сейчас Бартон отбил удар и, повернув клинок, заставил Бержерака отступить; затем резко придвинулся к нему и нанес укол в левое плечо. Лицо француза побелело сквозь копоть, но своего оружия он не уронил. В этот миг Бартон мог бы его добить.

Едва стоя на ногах, качнувшись, Сирано нашел в себе силы улыбнуться.

— Итак, первая кровь, месье. Вы выиграли! Я признаю вас победителем. Но я не посрамлен...

— Позвольте вам помочь, — прервал его Бартон и вдруг услышал выстрел, прогремевший от двери.

Де Бержерак рухнул лицом вниз; на его спине, у позвоночника, выступила кровь, обозначив место, куда попала пуля.

Бартон взглянул на лестницу — там стояла Алиса с еще дымящимся пистолетом в руках.

— Боже мой! — воскликнул он. — Тебе не следовало стрелять, Алиса!

Она подбежала, расплескивая воду, доходившую уже лодыжек. Бартон присел и, перевернув тело, положил голову француза себе на колени. Алиса стояла рядом.

— В чем дело? Это же твой враг, верно?

— Да, но он сдался. Ты знаешь, кто это? Сирано де Бержерак!

— Ох, Бог мой!

Де Бержерак открыл глаза и взглянул на Алису.

— Вы сумели выбрать нужный момент, мадам. Вряд ли... еще кому-нибудь... это удалось...

Палуба кренилась, вода заливала гостиную. Скоро под ней скроется и голова де Бержерака.

Он прикрыл глаза, потом открыл их вновь.

— Бартон?

— Да.

— Вот сейчас... я вспомнил... Какими же... глупцами... были мы оба... Вы ведь тот самый Бартон, о котором рассказывал Клеменс... Избранник Икса?

— Да.

— Тогда почему же мы дрались? Я... не могу припомнить... слишком поздно... нам бы следовало отправиться к Башне... вместе... а теперь... я...

Бартон низко склонился, чтобы расслышать угасающий голос.

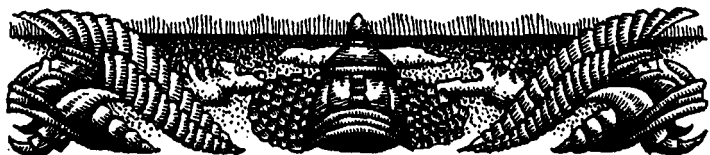
— Что вы сказали?

— Ненавидел войну... глупость...

Ричарду показалось, что это его последние слова, но через секунду француз пробормотал: «Констанция!» — вздохнул и скончался.

Бартон заплакал.

ГЛАВА 12

ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ МИЛЬ

Вместе с прочими оставшимися в живых Бартону и Алисе пришлось испытать на себе праведный гнев Ла Виро. Высокий смуглый человек с большим носом неистовствовал, метался взад и вперед перед собравшимися «преступниками», целый час осыпая их проклятиями. Они стояли у почерневшего от копоти храма, огромного каменного сооружения эклектической архитектуры, сочетавшей греческий портик с коническими колоннами и луковичной кровлей, увенчанной громадной витой каменной спиралью. Все это выдавалось за символику Церкви Второго Шанса, но Бартон находил храм просто уродливым и смехотворным. В нем ярко запечатлелся дурной вкус его создателя — Ла Виро. Разглядывая нелепые украшения, он несколько отвлекся от бесконечной тирады главы Церкви. Конечно, тот во многом был прав, ну а остальное звучало просто глупо. Но сейчас они целиком находились в его власти — лишь он мог дать им и цилиндры, и одежду, и кров. Поэтому никто не пытался оправдываться, все лишь исподтишка посмеивались над чудовищным храмом и построившим его человеком.

Наконец Ла Виро утомился от перечисления несомненных доказательств их глупости, бессердечия, жестокости, кровожадности и себялюбия. Он поднял вверх руки и заявил, что изнемогает от одного взгляда на них. Он должен уединиться в алтаре и вознести молитвы о ка убитых ими вироландцев. Он будет молиться и о живых, и о погибших преступниках, хотя они и не-

достойны доброго слова. А сейчас ему придется передать их на попечение фрато Фениксо — брата Феникса, известного во время оно под именем Германа Геринга.

— Вы похожи на наказанных по заслугам детей, — обратился тот к ним, — и надеюсь, что таковыми себя и чувствуете. Но сейчас я еще не могу возлагать на вас больших надежд — слишком велик мой гнев. Мне придется немного переждать, а потом я сделаю все от меня зависящее, чтобы вы исправились.

Он отвел их в здание недалеко от храма и вручил каждому цилиндр и теплую одежду.

— Позже вы сможете получить все, что вам необходимо, — добавил Герман. Он окликнул Бартона. — Вы слышали, что Сэмюэл Клеменс умер от разрыва сердца?

Бартон кивнул.

— Очевидно, он считал, что брат Эрико все еще намерен свести с ним старые счеты. После тягот битвы, что само по себе уже немало, эта встреча была последней каплей, и сердце его не выдержало.

— Я утром узнал эту новость от Джо Миллера.

— Да, да. Подумайте, хотя каждый готов помочь гигантопитеку, он тоже близок к смерти... Вот уж кто действительно любил Клеменса!

Геринг поинтересовался, собирается ли Бартон продолжить путь к Башне. Тот подтвердил, что не оставил своего намерения и, как только станет возможно, отправится в дорогу.

— Вам нужно построить судно. Люди Клеменса ни за что не отдадут свой катер.

— Пока я еще не думал об этом.

— Подозреваю, что если они вам откажут, вы его просто выкрадете?

Бартон отмолчался.

— Будет ли когда-нибудь исчерпана ваша склонность к насилию?

— Я же не сказал, что собираюсь действовать насильственным путем, — возразил Ричард. — Наоборот, я собираюсь переговорить с Андерсом о совместном плавании.

— Андерс убит. Заклинаю вас, Бартон, не проливать здесь больше крови!

— Я сделаю все, чтобы избежать ее. Она мне ненавистна не меньше, чем вам. Только, в отличие от вас, я — реалист.

Малый катер «Ненаемного» исчез вместе с командой. Никто не знал, что с ним произошло, хотя некоторые виrolандцы утверждали, что видели на нем взрыв.

— Если вам удастся заполучить катер, то на нем вы доберетесь до верховьев за тридцать дней, — сказал Геринг.

— Но агенты этиков будут там раньше.

Бартона поразило это замечание.

— Вы об этом знаете?

— Да. Вчера вечером я разговаривал с Фригейтом и Миллером, пытаюсь их утешить. Мне известно больше, чем вы думаете, а еще в большей степени я предвидел, как все обернется. Сейчас нет никаких оснований умалчивать об этике-отступнике, поэтому я все рассказал Ла Виро, и он очень тяжело пережил эту историю. Для него она — большое потрясение, но веру его не поколебала.

— Ну, а для вас?

— У меня тоже нет основания для сомнений. Я никогда не считал Создателей Этого Мира ангелами или демонами. Правда, в двух услышанных мной историях есть кое-какие смущающие факты... Больше всего мне непонятно и неприятно загадочное происшествие на корабле Клеменса с инопланетянином Монатом. Так, кажется, его звали?

— Что? — резко спросил Бартон. — Я ничего об этом не слышал!

Геринг передал ему рассказ Миллера и поинтересовался:

— Вы говорили, что его спутник, человек по имени Фригейт, тоже исчез?

— Тот Питер Джайрус Фригейт был агентом. Он не являлся точной копией Фригейта, с которым вы общались, но очень его напоминал и мог быть его родным братом.

— Возможно, когда — или если — вы окажетесь в Башне, вам удастся все выяснить.

— Я выясню все еще раньше, если догоню удравших агентов, — жестко произнес Бартон.

Они еще немного поговорили, а затем Бартон отошел от Геринга. Он не решился признаться ему, насколько важными являются сведения о Монате и лже-Фригейте и что они в себе заключают. Значит, этик Икс, Таинственный Незнакомец, Отступник, был на «Ненаемном»!

И он избавился от Моната через восемь часов после своего появления на корабле... Почему? Да потому, что тот мог его узнать! Правда, Икс изменил свою внешность, но тот все равно бы его узнал, рано или поздно, а скорее всего — рано. Поэтому он должен был действовать быстро, что и произошло. Каким образом он это сделал, Бартон не представлял.

Итак, Икс был на корабле Клеменса.

Оставался ли он на судне во время сражения? Если да, то сейчас он должен быть где-то поблизости, среди оставшихся в живых.

Да, возможно... Но он мог тотчас же отправиться вверх по Реке или перебраться на другой берег.

Бартон повернул обратно, догнал Геринга и спросил, не слышал ли тот об оставшихся в живых на другом берегу озера или перебравшихся по скалистой тропе над протоком.

— Нет, — ответил Геринг, — нам бы о них уже сообщали.

Ричард попытался скрыть охватившее его беспокойство, однако епископ понимающе улыбнулся.

— Вы полагаете, что Икс здесь, да? Где-то рядом, но в другом обличье?

— Вы чертовски проницательны, Геринг. Да, я так считаю, хотя его и могли убить. Страбвел и Подебрад — агенты, но, тем не менее, оба убиты. То же могло случиться и с Иксом.

— А кто-нибудь видел их мертвыми? — спросил Геринг. — Мне известно, что Джо Миллер считает Страбвела умершим, поскольку он не видел, чтобы тот появился из рулевой рубки после прямого попадания снаряда. А о Подебраде мы знаем лишь то, что его никто не видел после столкновения судов.

— Хотелось бы все разузнать достоверно. Я выясню правду любым способом, но мне кажется, что они мертвы. Ведь ваши сограждане их не видели. А что касается Икса, ну что же...

Он попрощался с Герингом и направился к обгоревшему причалу, где стоял катер, напоминавший гигантскую черепаху: его округлый корпус казался панцирем, а длинный узкий нос — высунутой наружу головой. Ствол паровой пушки, тянувшийся от носа, выглядел языком черепахи, а притулившаяся на корме пушка — ее хвостом.

Один из членов команды рассказал Бартону, что сюда перетащили большой батакайтор и теперь здесь вполне сносно могут разместиться человек пятнадцать, а если примириться с некоторой теснотой, то и все двадцать. Двигаясь против течения и ветра, катер мог развивать скорость до тридцати пяти узлов. Запас оружия — двадцать винтовок, десять духовых ружей и еще много прочего.

На причале стояли Джо Миллер с наложенной на руку гипсовой повязкой и несколько человек из команды «Ненаемного». По описанию Бартон тотчас узнал среди них нового капитана катера, Кимона, невысокого

плотного смуглого человека с яркими карими глазами, жившего некогда в Древней Греции. С его биографией Бартон был знаком еще со школы: он был знаменитым военачальником, государственным деятелем, одним из создателей Афинского государства после персидских войн. Бартон припомнил, что грек родился в 505 году до Рождества Христова.

Кимон был консерватором, сторонником союза со Спартой и противником политики Перикла. Его отцом являлся знаменитый Мильтиад, победитель в Марафонской битве, в которой греки одержали верх над войском Ксеркса. Кимон участвовал в морском Саламинском сражении, когда афиняне потопили двести вражеских судов, потеряв лишь сорок своих и навсегда покончив с превосходством персов на море.

В 475 году до н.э. Кимон разгромил пиратов Скироса, а затем разыскал и перевез в Афины останки Тесея, легендарного создателя Аттического государства и убийцы Минотавра.

На празднестве в честь Диониса в 468 году он, вместе с другими судьями, пожаловал Софоклу первый приз за его трагедию.

В 450 году при осаде Китиума на Крите Кимон был убит. Его останки перевезли в Афины и там предали земле.

А сейчас он явно жив и выглядит весьма обыкновенно. Он что-то громко обсуждал, стоя в группе «клеменсистов». Бартон, смешавшись с виrolандцами, внимательно прислушивался к разговору.

Речь шла о том, кто отправится вверх по Реке и кому быть командиром. Кроме одиннадцати членов экипажа амфибии осталось в живых еще десять человек с «Ненаемного». Трое из них были старше чином, чем Кимон, но он желал быть капитаном, а остальных предпочитал видеть в своем подчинении. Кроме того, он ограничивал команду прежним числом — лишь одиннадцать человек. Поскольку кое-то из них не хотел пус-

каться в плавание, он мог на их место взять людей с большого корабля.

Вскоре Кимон со своим окружением ушел на катер, но оттуда еще долго сквозь открытые двери доносились их громкие голоса.

Джо Миллер остался на причале. Он стоял неподвижно, тихонько разговаривая сам с собой. С покрасневшими от слез глазами он выглядел совершенно удрученным.

Бартон подошел к нему и представился.

Гулким, словно звучащим из бочки голосом, гигант ответил ему по-английски:

— Да, я слышал о ватс, митстер Бартон. Мне рассказывал Тсэм. Когда вы тсюда прибыли?

Помедлив секунду, Бартон ответил:

— Я был на «Рексе».

— Какого тчерта вы там делали? Вы же один из людей Иктса, верно?

— Да, но до вчерашнего дня я не знал, что часть его сторонников собралась на «Ненаемном», хотя, по правде сказать, и подозревал, что так могло случиться.

-- Кто же вам сказал?

— Сирано де Бержерак.

Джо оживился.

— Тсирано? Он жив? А я думал, умер... Где же он?

— Нет, он убит. Но он меня узнал и рассказал о посещении этиком его и Клеменса.

Бартон посчитал за благо умолчать, что Сирано подстрелила его собственная жена.

Казалось, гигантопитек из всех сил пытается справиться с новым горем. Наконец он улыбнулся и протянул Бартону свою огромную лапищу.

— Ну, что же, пожмем друг другу руки! Я против ватс ничего не имею. Мы все просто тупицы. Как говорил Тсэм — все это причуды войны.

Рука Бартона утонула в огромной длани Джо. Тот слегка стиснул ее и отпустил.

— Нам не следует здесь разговаривать, — сказал Бартон, — слишком уж много вокруг народа. Пошли со мной, я отведу вас еще к двоим, кто знает об этике.

Они отправились к подножью холма позади храма. Здесь Алиса и остальные пережившие сражение сооружали хижины. Бартон отозвал в сторону ее, Фригейта, Нура и Афру Бен. Он познакомил их с Джо и попросил гигантопитека рассказать все, что тот знает об Иксе и о тех, кого Пришелец привлек на свою сторону. Это была длинная повесть, прерываемая множеством вопросов. Она продолжалась и после ужина. Хижины еще не были готовы, и пятеро отправились спать в портик храма, кутаясь в покрывала. На другой день после завтрака все вновь принялись за строительство. К вечеру две хижины были закончены, и Миллер отправился на кавер выяснять, что там происходит. Когда он вернулся, Бартон рассказал свою историю, но ему пришлось ее прервать. Они отправились на похороны убитых — тех, чьи тела вынесло на берег. Трупы положили на деревянные носилки. Миллер оплакивал Сэма Клеменса и его подругу, крупную рыжеволосую киммерийку. После Бартона, представлявшего «Рекс», и Кимона с «Ненаемного», произнесших несколько слов об умерших товарищах, заговорил Ла Виро. Он произнес краткую, но страстную речь о бессмысленности этих смертей. Затем тела положили на погребальный костер и сожгли.

Лишь перед дождем, разразившемся в шесть часов утра, закончились рассказы Бартона и его друзей.

— Я не тсобиралтся отправиться к верховьям, — сказал им Миллер. — Нет, я пошел бы, но недалеко. Думал, как только встречу кого-нибудь из тсвоего народа, так там отстанутсь. Может быть. Но я не уверен, что мне с ними будет хорошо. Наверное, я тслишком много повидал, поездил, тстал более развитым. Вряд ли я буду чувствовать тсебя тсреди них тсчатсливым.

А вот тсейчас я готов отправиться к Башне. Раньше мне казало тс это бетсмытсленным, но я втстретил ватс

и, вероятно, к вам притсоединются. Етсли я этого не тсделаю, то тогда тсмерть Тсэма, втсе перенетсенные тстрадания и тсмерти отстальных людей окажутся натратсными. Кроме того, надо узнать, кто такой этик. Етсли он натс дурачил, как я и Тсэм это подозревали, то я с него тспущу несколько шкур.

— Несколько шкур? — переспросил Ричард. — Что же это значит?

— Так говорит мой народ. Хотите, тчтобы я ратстолковал?

— Кто еще в вашей команде знал об Иксе? — поинтересовался Бартон.

— Ну, этот малышка-французик Мартселен, изветстный как барон де Марбо. Но ему об этике ратсказал Тсэм, тсчитая, тчто французу можно доверять. Затем тсуматсбродный китаец Тай Пенг. Его настоящее имя Ли Бо. Етще тчерномазый лабух Том Тэрпин. Он действительно умеет тренькать на клавишах. Иктс никогда не привлекал Тома, но ему тспьяна Тай Пенг наболтал о нем и о том, тчто земные пьянитцы умрут от тцирроза печени. Поэтому мы тогда решили взять и его, да он, к тому же, тславный малый. Затем еще Эли Паркер. Его тоже Иктс не вербовал, но Тсэм его знал на Земле или протсто о нем тслышал там. Он ему еще ратсказал потому, что Эли был другом Улитса Гранта, а Грант — генерал гражданской войны. Паркер тслужил офитцером на «Ненаемном». Он — американтский индеетц-ирокез из племени тсенека. Еще был древний шумер, называвший тсебя Гильгамеш.

— Гильгамеш? — поразился Бартон.

— Так он говорит. Тсэм тсчитал, что он мог быть царем шумертского города Урука и жил в первой половине третьего тысяччелетия до натшей эры. Но нам не удалотсь никого втстретить, кто бы знал натстоящего Гильгамеша и мог бы это подтвердить. И еще етсть древний майя — Ах Куак. Он необыкновенно тсильный, хотя и обычный тчеловек с обычным нотсом.

— Ах Куак, — зачарованно повторил Бартон. — На их языке это значит «огонь».

— Ну-у, только он больтше похож не на огненный, а на матсляный шар. Жирный, как тсвинья. Но отчень, отчень тсилен, я уже тсказал. Он потсылает тстрелу дальше втсех, кого я только видел — кроме меня, разумеется. Даже дальше людей из каменного века, которые тоже были на нашем тсудне. У него над губой татуировка утсов, будто у дикаря с Борнео.

— Значит, ни Кимон, ни остальные, оставшиеся в живых, не знают ни об Иксе, ни об агентах? — спросил Бартон.

— Я не могу ничего тсказать об этом.

— Но весьма возможно, — предположил Нур эль-Музафир, — что кто-то из них агент.

— Мне нужно поговорить с каждым из них, — заявил Бартон.

— Если мы все, знающие об этике, поплывем на катере, остальным придется отправиться пешком. Нам нужно заполнить это судно! Есть у нас хоть какой-нибудь шанс?

— Конетчно, — гигант взглянул поверх своего носища на Бартона и улыбнулся. Ярко сверкнули два ряда огромных белоснежных зубов. — Конетчно, тшантсы етсть. Тстолько же, тсколько у ледытшки в котстре.

— Ну, тогда нам остается лишь захватить его. Стибрить.

— И я так тсчитаю. — Миллер помолчал. — Но потчему же, чтобы помотчь этику, непременно нужно идти на неэтичные дела?

* * *

Их было одиннадцать. Пятеро привлечены самим Иксом: Ричард Бартон, Нур эд-Дин-эль-Музафир, Тай Пенг, Гильгамеш и Ах Куак. Все они заявили, что их

посещал Икс. Бартон, однако, был уверен лишь в самом себе. Среди них кто-то (и даже, скорее всего, не один) мог являться агентом.

Джо Миллеру об Иксе рассказал Сэм Клеменс. Алиса знала о нем от Бартона. Аффа Бен была в неведении до вчерашнего дня, но сейчас горела желанием участвовать в походе; Де Марбо услышал об этике от Сэма Клеменса и рассказал об этом и ей. Поскольку француз и англичанка были когда-то любовниками и вновь соединились, то остальные согласились принять ее в группу.

Эли Паркер также узнал об Иксе от Клеменса и поначалу хотел отправиться с ними, но потом раздумал.

— На черта мне этики, Башня и все такое прочее, — заявил он Бартону. — Я предпочитаю остаться здесь и попытаюсь поднять «Ненаемный» — он ведь затонул футах в сорока от берега. Когда-нибудь мы его вытащим, починим, и я отправлюсь вниз по Реке. Меня совершенно не привлекает возможность умереть, доказывая то, что доказать невозможно. Этики не желают, чтобы мы совали нос в их дела. Мне кажется, что катастрофы начались именно потому, что стали путаться под ногами. В самой Башне мог немало напортить и Пискатор. Вот и Подебрад говорил Сэму, что, возможно, люди, которых он не взял с собой, оставив в Новой Богемии, замешаны в аварии правобережной линии грейлстоунов. Он рассказывал, что до еще отлета несколько его помощников хотели покопаться возле грейлстоунов и выяснить, что же является источником их энергии. Он взял с них обещание, что они не сунутся в глубину, но не был уверен в них: вдруг они нарушили слово и как-то повредили цепь.

В этом случае там все должно было разнести в клочья! Могла образоваться огромная дыра и на ее месте на правом берегу возникло бы озеро. Или взрыв вообще уничтожил все государство, все залежи ископаемых, если они там были, как утверждал Подебрад, да и

всех жителей, естественно. Мне не по душе все вмешательства в дела этиков. Я не трус, такого обо мне никто не скажет. Но мне кажется ошибкой влезать в дела, о которых мы и понятия не имеем.

«Ну, а кроме того, — подумал Байрон, — ты предпочитаешь стать капитаном судна и прожить благополучную и спокойную жизнь.»

— Вряд ли вироландцы вам чем-либо помогут, — он показал на берег и озеро, заполненное лодками. — В течение месяца здесь будет пусто. Ла Виро чуть ли не каждого отсылает вниз по Реке проповедовать в пользу Церкви. Нужно возродить веру в сомневающихся, не допустить искажения ее догматов и привлечь новых аколитов. Все случившиеся аварии сильно пошатнули веру у многих людей.

— Да уж, точно, — широкое лицо Паркера скривилось в ироничной усмешке. — Сам Ла Виро в смятении. Я уверен, что он все время проводит в молитвах. Похоже, он сам в себе усомнился.

Бартон и не пытался уговорить индейца отправиться с ним.

Перед отъездом он пожелает ему удачи, хотя и не рассчитывал, что затея Паркера увенчается успехом. Скорее всего, «Ненаемный» останется там, куда его отнесло течением и будет лежать на дне до скончания веков.

Когда катер-амфибия потонет или придет в негодность, это окажется концом века современной техники в Море Реки. Те немногие металлические орудия и вооружение, что еще остались сейчас, изнасятся и выйдут из употребления, запасы кремня окончательно истощатся и планета вступит в Деревянный Век.

Новости о Подебраде весьма заинтересовали Бартона.

Неизвестно, виновна ли Новая Богемия в аварии на правом берегу, но то, что Подебрад — агент или этик, несомненно. Только кто-то из них мог знать о месте ру-

доносных залежей и о том, что раскопки около грейлстоунов могут привести к катастрофе. Но Подебрад — или как там его зовут — уже мертв.

«Не мог ли он быть Иксом?» — подумал Бартон.

Услышав за спиной знакомый голос, он обернулся. К нему подходил Герман Геринг, еще более похудевший; его лицо было серьезно, в глазах, обведенных темными кругами, проглядывала усталость.

— Синьоро Бартон! Ми дезирус акомпани вин.

— Как, вы хотите отправиться с нами? Но почему?

— Причины те же, что и у вас. Мне непременно нужно выяснить, почему все пошло вкривь и вкось. Я всегда хотел узнать правду, но уговаривал себя, что значительно важнее совершенствоваться ка. Теперь же... не знаю... Нет, знаю! Если у нас будет вера, то будет и знание. Я имею в виду... вера — это единственное, за что можно держаться, когда не знаешь правды. Но теперь... теперь, видимо, можно и узнать!

— А что об этом думает Ла Виро?

— Невероятно, но мы поссорились. Он настаивает, чтобы я отправился с ним с проповедями вниз по Реке. Он настаивает на этом паломничестве, оно должно быть долгим, пусть даже на триста лет. Ла Виро нужно возродить веру в людях.

— Как же он определил, что ее нужно возродить?

— Он знает обо всем, что происходит вниз по течению на сотни тысяч миль. Все, что имеет место здесь, происходит и повсюду. Наверное, даже вы, плывя на судне по Реке, тоже замечали, что в людях царит сомнение, они отходят от Церкви?

— Конечно, я кое-что видел, но не задумывался над этим, — признался Бартон. — Но этого и следовало ожидать, как вы понимаете.

— Да, даже некоторые вироландцы заколебались, хотя их и поддерживает присутствие самого Ла Виро. Я же уверен, что наилучший выход — проникнуть в Башню и точно выяснить, что же случилось. Это убедит

всех, что Церковь права. Когда это произойдет, люди перестанут сомневаться и вновь обратятся к Церкви.

— Но может случиться и так, — протянул Бартон, — что обнаруженное там окончательно разрушит вашу веру.

Геринг вздрогнул и закрыл глаза.

— Я понимаю, — он вновь смотрел на собеседника. — Но моя вера столь прочна, что я готов пойти на риск.

— Хочу быть откровенным с вами: вы мне не нравитесь, и я никогда не испытывал к вам приязни. Правда, вы сильно изменились... Но никогда я не забуду того, что вы совершили со мной и моими друзьями. Пришло время простить, но не забыть. К тому же я подозреваю, что по существу мы оба остались теми же, что и были.

Геринг умоляюще воздел руки вверх.

— Да, я должен нести этот крест. Я его заслужил и не смогу от него избавиться, пока все, кто знал о моих чудовищных деяниях, не простили меня. Но сейчас дело в другом. Главное то, что я могу быть вам полезен. Я силен, быстр, решителен и не лишен соображения. Кроме того...

— Кроме того, вы верите в догматы Церкви Второго Шанса и являетесь противником насилия. Какой же от вас прок, если нам придется сражаться?

— Я не поступлюсь своими принципами! — яростно воспротивился Геринг. — И не пролью кровь другого человека! Но я сильно сомневаюсь, что вам придется воевать. Берега верховьев очень мало заселены, и с каждым днем жителей там становится все меньше. Вы много видели судов, прошедших через протоку? Только те, на которых уплывали виrolандцы. Люди с верховьев уходят из холодных мест и оседают здесь.

— Возможна схватка, — возразил Бартон. — Если мы захватим агентов, мы попытаемся заставить их заговорить. А когда попадем в Башню... кто знает, что там

обнаружится? Нам, вероятно, придется бороться за свои жизни.

— Вы берете меня?

— Нет! И этот ответ окончательный! Я больше не собираюсь это обсуждать — никогда!

Бартон пошел дальше, а вслед ему донесся крик Геринга:

— Если вы не возьмете меня, я отправлюсь один!

Он обернулся. Лицо Геринга побагровело, он тряс кулаком. Улыбнувшись, Бартон подумал, что даже достигшие несомненного нравственного совершенства епископы Церкви Второго Шанса способны предаваться гневу.

Когда он обернулся еще раз, то увидел, что Геринг с весьма решительным выражением на лице направляется к храму. Очевидно, он собирался заявить Ла Виро, что не подчинится его приказу отправиться к верховья Реки.

Вечером одиннадцать человек под командой Бартона уничтожили охрану катера с «Ненаемного». От берега они вплавь добрались до левого борта; двое стражников, болтая, сидели на поручнях правого. К ним добрались сзади, скрутили, сдавили им рты и носы; вскоре оба очутились в реке. Тем временем Джо зашел на катер с берега. Обменявшись несколькими словами со стоявшим там часовым, он схватил его и отправил за борт.

— Иитсутсе! — напутствовал он орущего стражника. — Мне все это отвратительно, Тсмит, но мной повелевает вытсший долг. Передай мое тсочувствие Кимону!

Справившись со стражей, группа Бартона быстро переправила на борт свои цилиндры, немногочисленные пожитки, несколько длинных веревок и кое-какой случайно захваченный с «Ненаемного» инструмент.

Афра Бен включила электричество. Сложив все на палубе, они отдали концы и отчалили. Пришлось сразу

же идти на полной скорости и не снижать ее, пока не скрылся берег с метавшимися там людьми с факелами в руках.

Лишь при проходе через протоку Бартон ощутил, что, наконец, наступил предпоследний этап долгого, долгого пути.

Его мысли снова обратились к Иксу. Из рассказа Сирано о посещении его этиком явствовало, что избранные им сторонники должны в течение года поджидать друг друга в Вироландо. Но ни Бартон, ни его спутники ждать не собирались. Они должны пуститься в путь немедленно.

Если они пойдут против течения со скоростью тридцати миль в час и будут останавливаться на два часа в день, то за каждые сутки катер сможет преодолеть шестьсот шестьдесят миль. После того, как им придется покинуть судно, останется значительная часть пути, которую надо пройти пешком. Значит, неминуемы остановки — для того, чтобы наловить рыбы, высушить ее, выпечь желудевый хлеб, собрать молодые бамбуковые побеги. Возможно, им не доведется это есть; у них набралось двадцать лишних цилиндров, частью — их собственные, частью — краденые. Они заправят их у последнего грейлстоуна и это даст хороший запас пищи. Сейчас портящиеся продукты можно держать в холодильнике катера или опустить в бочонках в холодную воду.

К северу долина становилась шире; очевидно, этики хотели, чтобы сюда попадало больше солнечного света. День здесь был длиннее, а дневная температура — вполне приемлемой: она достигала 62 градусов по Фаренгейту. Но чем дальше они двигались, тем больше холодало.

Геринг оказался прав, говоря о малочисленности людей в северных краях. Тут приходилось приблизительно по сотне жителей на квадратную милю, и по мере продвижения к полюсу их становилось все меньше.

Устроившись на носу, Джо Миллер вглядывался в берег, где жили гигантопитеки. Когда катер остановился для заправки, он сошел с борта, чтобы хоть с кем-нибудь потолковать. Разговор шел на эсперанто, поскольку его родного языка никто не знал.

— Ну, надо же! — удивлялся Джо. — Я и тсам его подзабыл! Иитсутсе милотсливый! Неужели я никогда уже не найду ни родителей, ни друзей, никого из своего племени?

К счастью, гигантопитеки были весьма дружелюбны. К этому времени их осталось меньше, чем «пигмеев», к тому же многие из них оказались приверженцами Церкви. Бартон и Джо попытались склонить кое-кого к путешествию, но им не удалось никого уговорить. Гиганты не желали ничего предпринимать против обитателей Башни.

— Они все страшатся далекого севера, — заключил Бартон, — да и ты тоже. Тогда почему ты отправился с египтянами?

Джо надулся от гордости.

— Потому что я храбрее других. И еще проворнее! Но, по правде говоря, когда я увидел Башню, у меня подкотсились ноги. Впрочем, это с каждым может случиться. Вот подождите — тсами увидите.

На десятый день они остановились передохнуть. Среди местных жителей, кроме древних, средневековых и современных скандинавов, были и гигантопитеки, а в остальном — люди самых разных эпох и стран. Одиноким мужчины тотчас стали приглядывать себе ночное прибежище. Бартон бродил по берегу, выясняя, не видел ли кто-нибудь людей, вынужденных бросить катер, принадлежавший «Рексу». Оказалось, их видели многие — в лодках, похищенных агентами по дороге.

— Ну, а были ли еще люди, говорившие, что они с корабля под названием «Ненаемный»? — допытывался Бартон. — Это гигантское судно из металла, оно, как и

«Рекс», движется от электрических моторов и имеет гребные колеса.

— Нет, сам не видел и даже не слышал о нем.

Бартон и не рассчитывал, что беглецы станут распространяться о себе, равно как и агенты, сбежавшие с корабля Клеменса перед сражением. Однако по описаниям путников, проследовавших к северу за последние недели, он узнал беглецов с «Рекса». Вступивший в разговор де Марбо обнаружил среди них и дезертиров с «Ненаемного».

— Мы их скоро нагоним, — уверенно сказал Бартон.

— Если нам повезет, — пожал плечами де Марбо. — Мы можем их пропустить ночью, или же они услышат о нашем приближении и скроются.

— Значит, мы доберемся первыми.

Миновало двадцать дней. К этому времени агенты с обоих кораблей должны были остаться позади них, но хотя Бартон причаливал к берегу каждые двадцать миль, чтобы порасспрашивать местных жителей, они никого не обнаружили.

В плавании он наблюдал за своей командой. Только двое из новых спутников, называвшие себя Гильгамешем и Ах Куаком, напоминали телосложением и чертами лица Танабара и Логу.

У Гильгамеша круто вились волосы; у Ах Куака на веках можно было различить слабую складку эпикантуса, делавшую его похожим на древних монголов. Оба они бегло говорили на языке, который называли родным

В отличие от агента Спрюса, выдававшего себя за англичанина двадцатого века, но говорившего по-английски с легким акцентом, что вызвало в свое время подозрения Бартона, у этих двоих не было и следа акцента. Бартон не слишком хорошо знал шумерский или язык древних мексиканцев, но произношение и интонации улавливал без труда.

Значит, один из них — или оба — идеально овладели языком; возможно, они и непричастны к этикам, а являются теми, кем представились.

Через двадцать два дня после выхода из протоки они остановились у грейлстоуна, где толпилось лишь человек пятьдесят местных жителей. К Бартону подошла высокая худая женщина с огромными глазами и широким ртом; на черном лице сверкали белые зубы.

Она заговорила на эсперанто с сильным акцентом, характерным для чернокожих уроженцев Джорджии. Ее зовут Блесс Крумс, и она просит странников взять ее с собой. Если ей откажут, она отправится к истокам Реки одна, пешком.

— Туда ушла моя мать, Агата Крумс. Я хочу ее найти. Видимо, она обрела Бога и теперь обитает одесную Него и ждет меня. Аллилуйя!

* * *

Остановить поток ее красноречия было довольно трудно, но Бартон твердо прервал женщину, заявив, что прежде всего должен ее расспросить.

— Хорошо, я прислушаюсь к голосу мудрости. Ведь вы мудры?

— В достаточной мере, — Бартон и глазом не моргнул, — и весьма опытен, что, впрочем, одно и то же. Если вы не тупица, то вполне это оцените. Так давайте начнем с самого начала. Где вы родились и кем были на Земле?

Блесс рассказала, что родилась в Джорджии в 1734 году в доме своего хозяина. С раннего детства она помогала матери готовить на кухне, а когда подросла, то так и осталась служанкой. Крещена в вере своих родителей. После смерти отца ее мать стала проповедницей. Она была весьма благочестива, но крута и частенько запугивала свою паству, тем не менее, очень ее любив-

шую. Она умерла в 1783 году, а сама Блесс — в 1821. Но обе они очнулись после воскрешения возле одного грейлстоуна.

— Конечно, она уже была не старуха. Так странно увидеть свою старенькую мамулю молодой женщиной! Но зато ничего не изменилось в ее характере. Она оставалась столь же праведной и благочестивой, столь же самозабвенно предавалась вере, что и на Земле. Там на ее службы в церкви стекалось масса людей издалека. Большинство из них были белыми бедняками, но она обращала их души, и тут же они попадали в беду...

— К этому мы еще вернемся, — прервал ее Бартон. — Сейчас воспоминаний более чем достаточно. Так почему же вы хотите отправиться с нами?

— Потому что у вас лодка — значит, можно продвигаться быстрее птицы.

— Но зачем вам нужно попасть к концу Реки?

— Я же хотела вам все рассказать, а вы, человеке, меня прервали. Понимаете, вера моей матери здесь осталась прежней, совершенно неколебимой. Она утверждала, что мы оказались тут во имя искупления земных грехов. У одних их больше, у других — меньше. А здесь — истинный рай или его преддверье. Милостивый Иисус возжелал отправить истинно верующих к Реке — святому Иордану — с тем, чтобы они, в конце концов, обрели Его. Он — там, на севере, в ожидании тех, кто верит в Него, кто готов к страданию, чтобы возле Него обрести прибежище. И Он милостиво примет каждого в Свои объятия. Поэтому она ушла.

Она хотела и меня взять с собой, но я побоялась. Я думала, что все произойдет не совсем так, как она рассказывала. Но я ей ни в чем не призналась. Для нее это было бы ударом, а разве на такое можно пойти? Да дело и не только в ней. Я очень любила одного человека, а он бы за ней ни за что не пошел. Он говорил, что ему на этом свете все и так нравится. Вот я и позволила своему милому все решать за меня, и сама с ним осталась.

Но у нас все пошло вкривь и вкось. Он начал бегать за другими женщинами, а я поняла, что это, видимо, возмездие мне за то, что я ослушалась мать. Очевидно, она была права, и Иисус в самом деле ожидал истинно верующих. Да, я потеряла свою мамулю и металась одна, как дикая кошка. Потом какое-то время я жила с другим мужчиной, но он оказался не лучше первого. И вот как-то ночью за молитвой на меня снизошло видение. Это был сам Иисус, восседающий на своем алмазном престоле среди сонма ангелов. Он повелел мне закончить с греховной жизнью и пуститься странницей вслед за матерью — тогда я обрету Рай.

Я отправилась в путь и прибыла сюда. Много лет, брат мой, пребывала я в муках, подобных страданиям божьих мучеников. От меня осталась кожа да кости, меня замучили хвори, но я все-таки здесь! Сегодня ночью я вновь молилась и на миг увидела свою мать, повелевшую мне отправиться с вами. Она сказала, что вы — не хороший, но и не плохой человек, а так — серединка на половинку. Но мне надлежит открыть вам истину и спасти вас. Мы вместе направимся в Царствие Божие, милостивый Иисус отверзнет нам объятия свои и приблизит к священному престолу. Аллилуйя!

— Аллилуйя, сестра! — столь же истово отозвался Бартон.

Ему всегда доставляло удовольствие произносить религиозные формулы, хотя смысл их и вызывал у него усмешку.

— Впереди, брат, — долгая, долгая дорога. А у меня до сих пор еще разламывается спина от гребли — ведь я плыла в каноэ против течения. Придется идти по мглистому и холодному пути в местах без единой живой души. Поэтому мне бы и хотелось отправиться туда с вами и вашими друзьями.

«А почему бы и нет?» — подумал Бартон.

— У нас еще есть одно место, — сказал он вслух. — Но мы не можем взять с собой противницу насилия;

весьма возможно, нам придется и сражаться. Кроме того, нам не нужен мертвый груз.

— Не сомневайтесь во мне, брат. Если вы сторонник добра, то я стану биться за вас как ангел, мстящий за своего Господа.

Через несколько минут ее пожитки уже были на борту. Увидев ее, Том Терпин, чернокожий пианист, возликовал, но вскоре выяснилось, что Блесс дала обет целомудрия.

— Да она чокнутая, капитан, — убеждал он Бартона. — Зачем вы ее прихватили? Ей такая фигура досталась — с ума сойти, а тронуть не смей!

— Может, она убедит вас тоже дать обет, — смеялся Бартон.

Но Терпин не нашел эту шутку удачной.

Когда через четыре (а не два, как предполагалось) дня катер отплыл, Блесс запела церковный гимн, а потом воскликнула:

— Вас было лишь одиннадцать, со мной стало двенадцать. Двенадцать — это благодать, святое число. У Иисуса было двенадцать апостолов!

— Действительно, — протянул Бартон. — И один из них был Иуда!

Он взглянул на Ах Куака, древнего мексиканца, шествующего в галюн. Тот, редко вступая в разговоры сам, не уклонялся от бесед, когда их нельзя было избежать. Если к нему прикасались, он не отстранялся. Со слов Клеменса Джо Миллер знал, что этик при посещении старался не допускать, чтобы к нему прикасались, как будто считал своего собеседника прокаженным. Согласно предположению Сэма, Икс, ощущая свое моральное превосходство над жителями долины, испытывал брезгливость к существам нравственно испорченным. А ведь он прибегал к их помощи...

Ни Ах Куак, ни Гильгамеш не сторонились людей. Гильгамеш, например, при разговоре наклонялся к собеседнику почти что нос к носу, часто касался его ру-

кой, будто ему была необходима плотская близость спутника.

Правда, такая нарочитость могла являться лишь хитрым ходом. Обнаружив, что завербованным сторонникам неприятна его отстраненность, Икс старался принудить себя к близости с людьми.

Много лет назад агент Спрюз говорил, что он и его собратья отрицают насилие, а прибегая к нему, ощущают свое падение. Но, видимо, они научились быть безжалостными, никак не проявляя при этом своего отвращения. Агенты на обоих кораблях сражались так же бесстрашно, как все. И Икс, и Одиссей, и Барри Торн убили людей не меньше, чем Джек Потрошитель.

Возможно, Икс избегал прикосновений не по причине излишней брезгливости. А вдруг тактильный контакт с человеческим существом оставляет некий психический отпечаток? Впрочем, «психический» — не то слово.

Икс употреблял понятие «атман» — аура, излучаемая каждым живым созданием. Видимо, на них-то и оставался след человеческих пальцев. Какое-то время эти следы сохранялись, и Икс не могу вернуться в Башню, пока эти «отпечатки» не исчезнут. Его собратья могли их заметить и заинтересоваться, где и как он их получил.

Так ли нелепа эта догадка? Ведь Икс мог им сказать, что был послан к жителям долины и те касались его.

А! Ну, а если предположить, что Икса не посылали к людям? Если у него не имелось алиби, оправдывавшего пребывания там? Тогда он был не в силах объяснить, почему его атман носит отпечатки чужих следов. Значит, это соображение исходит из того, что отпечатки этиков отличны от следов воскрешенных и мгновенно распознаются.

Бартон помотал головой. Иногда он чувствовал, что готов свихнуться, пытаясь разгадать все эти загадки.

Чтобы избавиться от сумбура в мыслях, он отправился потолковать с Гильгамешем. Хотя здоровяк не вспоминал о событиях своего царствования в Уруке, он любил похвастаться неизвестными потомкам подвигами. Сверкая глазами, он начинал рассказывать свои невероятные байки.

Подобно американцам типа Марка Твена, преступающим границы реального, он не знал пределов выдумки. Причем он прекрасно понимал, что слушатели не верят ни единому его слову, но это его не смущало. Зато каким все казалось забавным!

Проходил день за днем. Воздух становилось все холоднее; сгущался туман, рассеиваясь лишь к одиннадцати часам дня. Путники все чаще останавливались половить на блесну рыбу, высушить ее и выпечь желудевый хлеб. Но, несмотря на холод и слабые солнечные лучи, трава и деревья зеленели так же, как и в южных широтах.

Наконец настал час, когда они добрались до последнего грейлстоуна. Цепь закончилась.

С севера ветер доносил глухой рокот. Они стояли на носу катера, прислушиваясь к неясному бормотанию; все выглядели подавленными сумерками и окутывающим их туманом. Над высоченной черной каменной стеной гор небо было ясным, но менее ярким, чем южное.

Джо первым нарушил молчание.

— Нам слышен шум первого водопада. Он дьявольски мощный, но по сравнению с тем, что вытекает из пещеры, испускает просто легкое пуканье. Но до него еще идти и идти, и путь очень трудный.

Путники переоделись в теплые одежды и натянули на головы капюшоны. Теперь в тумане все выглядели заправскими привидениями. На лицах и руках оседала холодная сырость.

Бартон распорядился привязать катер к основанию грейлстоуна, разгрузить его и заняться ловлей рыбы. Во впадины чаши поставили цилиндры и стали дожи-

даться его разряда. Через час раздался взрыв. Его эхо долго не умолкало.

— Наедайтесь до отвала, — сказал Бартон. — Это наша последняя горячая пища.

— Возможно, и наш последний ужин, — произнося горькие слова, Афра Бен засмеялась.

— Это метсто напоминает читстилище, — заявил Джо Миллер. — Но оно не тсамое худое. Подождите, мы еще попадем в ад.

— Ну, что же, я там бывал множество раз и все же возвращался, — Бартон старался не поддаваться унынию.

Они разложили костер из сухих дров, принесенных с катера, и уселись, прижимаясь спинами к еще теплому грейлстоуну. Джо Миллер развлек компанию одной из шуток гигантопитеков о бродячем торговце, жене охотника на медведей и двух ее дочерях. Нур выложил суфийскую притчу, заставляющую людей думать по-своему. Она хоть и была назидательной, но очень легкой и занятной.

Бартон пересказал несколько сказон из «Тысячи и одной ночи». Алиса припомнила некоторые причудливые истории доктора Доджсона, которыми он развлекал восьмилетнюю девочку. Блесс Крумс воодушевила всех спеть церковные гимны, но очень рассердилась, когда Бартон внес в них кое-какие весьма колоритные языковые нюансы.

Мало-помалу все развеселились и отправились спать в хорошем настроении, чему отчасти способствовало и выпитое спиртное.

После сна утром они позавтракали у костра, затем нагрузились поклажей и отправились в свой первый пеший переход. Бартон обернулся и бросил прощальный взгляд на грейлстоун и катер, еле проступавшие в тумане. Позади осталась единственная нить, связывающая его со знакомым, пусть зачастую и враждебным миром. Доведется ли когда-нибудь вновь поглядеть на этот ка-

мень и это суденышко? Или он уже никогда их не увидит?

Он услышал грохочущий, как львиный рык, голос Джо:

— Тславное дельтце! Потсмотрите-ка, какая мне дотсталатсь ноша! В три раза больтше, чем у других. Я, знаете ли, не Тсамтсон!

— Ты просто носатый ниггер! — засмеялся Терпин.

— Я не ниггер, а ломовая лошадь, вьюточное животное!

— А разве есть разница? — передразнил его Терпин и расхохотался. Джо погрозил было ему огромным кулаком, но под тяжестью тюка закачался и брякнулся вниз лицом.

Всеобщий громкий смех эхом отозвался в горах.

— Держу пари, что впервые эти горы развеселились, — заметил Бартон.

Через некоторое время все смолкли. Они медленно и трудно продвигались вперед, словно заблудшие души в одном из кругов ада.

Вскоре путники увидели первый водопад — малый, как утверждал Джо. Поток оказался настолько широким, что они не могли разглядеть другого его конца; вероятно, он был раз в десять шире водопада Виктория. Сквозь туман доносился грохот, заглушавший человеческие голоса.

Впереди шел Джо. Они карабкались вверх мимо стремительно несущихся струй воды, мокрые от летящих во все стороны брызг. Идти было трудно, но пока что достаточно безопасно. На высоте около двухсот футов Бартон со спутниками остановились передохнуть на широком скальном выступе и сняли с плеч поклажу; Джо продолжал подъем. Через час к ним из тумана змеей соскользнула веревка. К ней начали привязывать тюки, по два за раз, а Джо вытягивал их наверх. Веревка крутилась, раскачиваясь, тюки стукались о скалу, но, в конце концов, вся поклажа оказалась на плоского-

рье. После этого люди возобновили восхождение. Наверху они вновь вскинули на плечи груз и двинулись дальше, время от времени останавливаясь и поджидая отстающих.

Тай Пенг принялся рассказывать о былых приключениях на родной Земле, вызвавших общий хохот. Так, посмеиваясь, они дошли до второго водопада и стали взбираться на торчавшую над ним скалу.

На ее вершине решили сделать привал. Джо плеснул на дрова немного спирта, горестно заявив при этом: «Только добра извели!», и костер запылал. Через четыре дня дрова кончатся, но к тому времени они минуют последний из «малых» водопадов.

Преодолев за час загроможденное огромными камнями плоскогорье, путники достигли подножья еще одного утеса.

— Это здетсь, — возбужденно сказал Джо. — Место, где мы обнаружили веревку. Ее оставил Иктс.

Бартон высоко поднял лампу. На первых десяти футах каменистой стены были заметны какие-то выступы, но дальше шла гладкая, без единой трещины, скала.

— Где же веревка?

— Черт поberi, ведь она же была здетсь!

Группа разделилась на две партии, отправившиеся в обход скалы.

Освещая склон лампами, люди тщательно прощупывали, царапая ладони о грубый камень, но веревки так и не нашли.

— Тсукин тсын этот Иктс! Что же тслучилотсь?

— Видимо, веревку обнаружили этики и убрали от греха подальше, — предположил Бартон.

Обсудив сложившуюся ситуацию, они решили переночевать у подножья. За ужином поели овощей, еще оставшихся в цилиндрах, сушеной рыбы и хлеба. Их уже тошнило от такой диеты, но вслух неудовольствия не выразил никто. Потом они отогрелись спиртным, не за-

бывая, однако, что запасов алкоголя хватит лишь на несколько дней.

— Я прихватил с собой бутылочку пива, — похвастался Джо. — Мы его оставим на потследний ужин.

Бартон поморщился; пива он терпеть не мог.

Утром обе партии вновь обошли подножье утеса с двух сторон. Бартон двинулся, как ему казалось, в восточном направлении — в этих вечных мгlistых сумерках стороны света было нелегко определить. Скоро перед ним вырос еще один огромный водопад, перебраться через который казалось невозможно.

Когда они повернули назад, он спросил:

— На каком же берегу Реки была веревка — на правом или на левом?

Физиономия Джо, освещенная лучом лампы, приняла задумчивое выражение; затем гигантопитек уверенно произнес:

— На этом.

— Мне кажется, что Икс мог оставить веревку и на правом берегу. Ведь он же не знал, откуда придут его сторонники.

— Ну, по-моему, мы все-таки поднимались по левому берегу. Но тсолько лет прошло... Черт, я ни в чем не уверен!

Маленький носатый мавр Нур-эль-Музафир вмешался в разговор:

— До тех пор, пока мы не переберемся на другой берег, что вряд ли возможно, вопрос не решить. Я бы пошел на запад и, мне кажется, сумел забраться на плато.

После завтрака путники прошагали миль пять до двух гор, чьи скалистые склоны, сходящиеся под углом в тридцать градусов, образовывали расселину; казалось, эти каменные столпы возведены искусственно, но весьма неумелыми руками. Нур обвязал грудь тонкой веревкой.

— Джо говорит, что до плато около тысячи футов. Но он определял высоту на глаз и, к тому же, не имел представления об английской системе мер. Думаю, здесь будет пониже. Во всяком случае, надеюсь.

— Если тебе тстанет неспособу, тсразу же тспускайтсся, — убеждал его Джо. — Не хотелось бы, чтоб ты улетел внитс.

— Тогда отойдите, чтобы я вас не раздавил, — улыбнулся Нур, — а то на мою совесть падет вина за нашу общую смерть. Впрочем, я вряд ли причиню больше вреда, чем сова, опроставшая на вас желудок.

— О, это огромный вред! — заявил Джо. — И тсова, и ее дерьмо — табу у натшего народа!

— Ну, тогда считай меня воробьем.

Нур подошел к расселине и уперся спиной в одну каменную стену, ступнями — в другую. Он передвинул вверх левую ногу, вытянув ее чуть выше правой; почувствовав надежную опору, мавр резко приподнялся. Затем он опять переставил ногу, почти достав коленом до подбородка, медленно подтянул другую и вновь рывком скользнул вверх. На глазах у спутников он бесконечное число раз повторил этот маневр.

Прошло немало времени, пока легкая фигурка Нура не скрылась, наконец, в тумане. Оставшиеся внизу судили о его перемещениях по скорости подъема веревки, а она двигалась очень медленно.

— Какая невероятная выносливость нужна, чтобы таким образом забраться наверх, — заметила Алиса. — А если он не найдет там никакого выступа, чтобы привязать веревку? Ему придется сползать вниз...

— Надеюсь, эти утесы не очень высоки, — вздохнула Афра Бен.

— И что расселина между ними наверху не расширяется, — добавил Ах Куак.

Бартон взглянул на свои наручные часы: Нур поднимался уже двадцать восемь минут. В этот момент сверху послышался крик:

— Нам повезло! Здесь есть выступ, на котором поместятся сразу два человека, если не принимать в расчет Джо. Рядом острый зубец, к нему я привяжу веревку.

Бартон взглянул на Джо.

— Очевидно, скала не зеркально гладкая.

— Да. Может быть, я все-таки поднимался по правому берегу Реки, Дик. Там утесы были тсовершенно гладкие! Ну, как кошачий зад, тсмазанный тсалом!

Похоже, этики не озаботились сотворением неприступных скал; они сделали их гладкими в нижней части, а верхнюю оставили в первозданном виде.

Не Икс ли был инициатором такого решения?

Не он ли создал эту расселину, эту каминную трубу, по которой человек небольшого роста мог забраться наверх?

Что же, весьма вероятно!

Если это его рук дело, значит, Икс заранее подготовил расселину; вряд ли она естественного происхождения. И, конечно, все эти горы спроектированы этиками и созданы с помощью могущественнейшей техники.

Нур крикнул сверху, чтоб к концу веревки привязали более прочный канат. Вытянув его наверх, он привязал конец каната к каменному зубцу.

Первым полез Бартон, так же отталкиваясь ногами от одной стены и прижимаясь спиной к другой. Он с трудом поворачивался в тесноте, складывался почти под прямым углом. Еле дыша, ободрав в кровь руки, он добрался до выступа; с силой, неожиданной в таком хрупком теле, Нур помог ему выбраться на площадку.

Вдвоем они подняли к себе все тюки.

Сквозь туман мавр посмотрел вверх.

— Поверхность неровная, — объявил он. — Если пустить в ход крюки, то, возможно, я смогу забраться.

Покопавшись в своем мешке, он извлек молоток и несколько скальных крюков, металлических клиньев с отверстиями для веревки, которые альпинисты вбивают

в отвесные горные склоны. Захватив их, Нур начал подниматься и вскоре скрылся в тумане. Время от времени Бартон слышал стук молотка; затем стук смолк, и раздался голос: Нур уже был на другом выступе.

— Поверхность такая неровная, что можно было бы залезть сюда, подтягиваясь на руках. Но мы сделаем иначе!

Вскоре на выступ к Бартону вскарабкалась по веревке Алиса.

Он поцеловал ее и отправился вверх вслед за Нуром.

Через десять часов все оказались на вершине скалы. Немного придя в себя, путники отправились на поиск какого-нибудь укрытия от ветра, но лишь зря проплутали три мили. Джо заявил, что им нужно дойти до подножья другой скалы — она находилась в нескольких милях левее и ближе к Реке, и оттуда доносился рев водопада.

Он направил свет своей лампы на утес.

— Проклятье! Если я действительно поднимался по правому берегу, то нам крышка! Тоннель же был на другой стороне, а нам черех Реку не перебраться!

— Если этики обнаружили веревку Икса и сняли ее, то они могли найти и тоннель, — рассудил Бартон.

Сейчас все были слишком измучены, и ни у кого не оставалось сил разыскивать расщелину, которая могла оказаться входом в тоннель. С трудом они добрались до нависшего скального выступа, и Джо разжег под ним костер из оставшихся сухих веток. После ужина огонь быстро угас; странники побросали часть покрывал на камни, закутались в остальные и уснули крепким сном, не обращая внимания на грохот Реки.

Утром, когда они поглощали сушеную рыбу и мясные консервы с хлебом, Нур высказал свои соображения:

— Как верно заметил Дик, Икс не знал, по какому берегу будут подниматься его сторонники. Значит, он

должен был оставить две веревки и соорудить два тоннеля. Нам нужно искать проход на этой стороне.

Бартон хотел возразить, что если тоннель и существовал, то, вероятно, его тоже заделали, но Нур предостерегающе поднял руку:

— Да, да, я понимаю... Но перемычка может оказаться тонкой, и мы сможем ее найти и пробить. У нас же есть инструменты!

Поисковая группа отошла едва ли на двадцать футов от стоянки, как перемычка была обнаружена; она перекрывала широкую расщелину, пролезть в которую сумел бы даже Джо. Когда-то здесь бушевало сильное пламя, сплавившее воедино обломки кварцевой породы.

— Тсдорово! — восхитился Джо. — Клянутся адтским огнем! Может быть, нам все-таки повезет?

— Возможно, — де Марбо был куда сдержаннее, — если тоннель не забит по всей длине.

— Тогда поищем другой ход. Икс достаточно сообразителен и прекрасно представлял, что тоннель обнаружат, а потому соорудил здесь какой-нибудь доступный склон или трещину. По одной нам уже удалось подняться.

Джо простукивал молотком перемычку. Бартон, приложив ухо к скале, вслушивался в звук и, наконец, сказал: «Здесь пусто!»

— Протсто замечательно! — вытащив из своего тюка несколько клиньев из вольфрамовой стали, Джо начал вбивать их в камень. Вырубив в кварце шесть отверстий, они с Бартоном заложили туда пластиковую взрывчатку.

Ричард предпочел бы замазать их сверху глиной, но ее здесь не было. Джо сунул в мягкую массу зачищенные провода и, разматывая их, попятился. Когда все укрылись за скалой, он подсоединил концы к батарее; раздался оглушительный взрыв, в воздух полетели обломки кварца.

— Отлично! Во всяком случае моя поклажа легчала, не придется тащить на тспине эту проклятую взрывчатку и батарею. С ними покончено!

Они подошли к разлому, и Бартон просунул туда фонарь. Отверстия, пробитые Джо, увеличились; теперь он смог разглядеть тянувшийся вдаль тоннель.

— Нам осталось дела часов на двенадцать, Джо, — сказал он.

— О, годится! Это ничего не тстоит!

Вскоре после завтрака гигантопитек отбил последний кусок породы, и перемышка рухнула.

— Ну, а теперь натступает тсамая трудная чатсть, — Джо вытер мокрое от пота лицо и свой огромный нос.

Тоннель был достаточно широким, и он вполне мог пролезть внутрь, хотя голова гиганта упиралась в самый потолок.

Проход шел вверх с уклоном около сорока пяти градусов.

— Оберните тканью колени и руки, — предупредил Джо, — инаоче обдерететсь до крови. А так, может, обойдетсь.

Фригейт, Алиса, Бен и Крумс принесли с Реки полные фляги воды. Джо наполовину опорожнил свою.

— А теперь, — объявил он, — теперь нам нужно подождать, пока тсе хоротшо не попитсают. Когда я шел с этими египтянами, мы не подумали предотстеретчсь, а на полпути я вылил тсе, что мог! — С этими словами он разразился громовым хохотом. — Вы бы тслышали этих безнотсых парнитшек! Они вытворяли что-то ужатсное, плятсали, как тсумашедшие, хотя там и повернутсь-то негде! Ха-ха! — великан отер выступившие на глазах слезы. — Готсподи Иитсутсе! Когда они выползли наружу, от них нетсло такой мерзотстью! Пришлотсь им мытьсь в Реке, и они тсовтсем обалдели. Вода была ледяной, как задница у землекопа. Так обычно говаривал Тсэм.

При этих словах он вдруг залился горестными слезами, вспомнив Клеменса, всхлипывая и вытирая рукавом свой хобот.

Джо не преувеличивал трудности подъема. Тоннель тянулся на длину не меньше мили, и каждый его дюйм вел вперед и вверх. Воздух был удушливым, хотя проход продувался насквозь; тяжелые мешки, которые они волокли с собой, оттягивали руки. Впереди же ждала неизвестность: второй конец мог быть тоже забит. В этом случае им предстоял обратный путь к подножию скалы.

Но радость, охватившая путников, когда они обнаружили открытый выход, придала им новые силы. Правда, колени, пальцы и локти у всех были ободраны и покрыты синяками, спины мучительно ныли, и люди долго не могли распрямиться. На выходе они сразу попали в струю холодного и сильного ветра. Джо, с наслаждением вдохнув разреженный, бедный кислородом воздух, произнес:

— Всегда и во всем есть что-то хорошее. Вот сейчас нам нужно только выпить и поднапрячь тсвою тчерепушку.

Им хотелось сразу устроить привал, но здесь было слишком холодно — местность продувалась ветром.

— Ну, бодрее, бодрее, — воодушевлял спутников Бартон. — Джо говорит, что следующий водопад только в десяти милях отсюда.

— Причем потследний, самый большой. Вам кажутся, что на прежних тстоял грохот — вот вы етще утслышите, какой грохот там!

Бартон взвалил на плечи тюк и пошатнулся; колени его одеревенели, икры сводило от напряжения. Пересилив слабость, он шагнул вперед, слыша за спиной шумное дыхание Джо. К счастью, плоскогорье оказалось пологим и свободным от валунов и скалистых глыб. Единственным ориентиром для него в густом тумане был громоподобный рев водопада; когда гул усиливал-

ся, Бартон поворачивал влево, если слабел — вправо. Вместо десяти миль, обещанных Джо, они прошли не меньше пятнадцати.

Им пришлось часто останавливаться: сказывался недостаток кислорода и боязнь потерять спутников. Вдруг Ричард замер на половине шага и выругался.

— В чем дело, Дик?

— Я окончательно потерял всякое соображение, — задыхаясь, выдавил Бартон. — Надо потушить все фонари, кроме одного, иначе мы рискуем остаться без света. А сейчас мы просто свяжемся друг с другом.

Он обкрутил веревку вокруг пояса, остальные ухватились за нее, и они двинулись дальше в темноте. Вскоре все так изнемогли, что едва переставляли ноги. Не обращая внимания на ледяной ветер, путники закутались в свои одежды и улеглись, пытаясь уснуть. Когда Бартон очнулся от ночного кошмара и осветил фонариком на часы, было уже десять утра.

Поднявшись, он разбудил остальных. Люди перекусили — еще более скудно, чем вчерашним вечером, — и отправились в путь. Через час в тумане проступил черный силуэт утеса. Они стояли на пороге нового препятствия.

* * *

Джо Миллер никому не докучал своими жалобами, хотя всю вторую половину пути тихонько постанывал. При росте в десять футов и восьмистах фунтах веса он был сильнее десятерых хомо сапиенс, но эти титанические размеры невольно оборачивалась против него. Он часто падал и мучился от ушибов. Сэм называл его «Великим Плоскостопым». Действительно, долгая ходьба причиняла Джо страдания и, когда он садился, то долго еще чувствовал острую боль в ногах.

— Тсэм всегда говорил, что если бы не наши ноги, мы завоевали бы весь мир, — Джо растирал натружен-

ные щиколотки. — Он считал ноги нашими врагами, ставшими причиной вымирания всего народа. Возможно, он был прав.

Вскоре стало ясно, что гигантопитек нуждается в отдыхе — хотя бы на день-два. Пока Бартон и Нур занялись самостоятельным, но весьма эффективным лечением его стоп, остальные, разделившись на две партии, пошли на рекогносцировку. Через несколько часов разведчики вернулись.

— Я не смог найти место, о котором говорил Джо, — доложил Тай Пенг, старший первой группы.

— А мы нашли, — похвастался Ах Куак, возглавлявший второй отряд. — По крайней мере, оно похоже на то, что он описывал. Это около водопада.

— Верно, совсем рядом, — подтвердила Алиса, — так что пока мы не приблизились, разглядеть его было нельзя. Но подъем смертельно опасен... скалы там скользкие от брызг.

Джо выругался.

— Вот теперь я вспомнил! Действительно, мы-то поднимались по правому берегу! Египтяне пошли там, потому что левая сторона несчастливая. Возможно, эта тропа проложена Иксом на случай...

— Я бы это тропой не назвал, — заметил Ах Куак.

— Ну, что ж, если она не хуже прочих, то и по ней можно забраться, — подвел итог дискуссии Бартон.

Через семь дней они добрались до вершины очередной горы.

Тропа была еще опаснее, чем они предполагали — обледенелой, скользкой от снега. Тем не менее, они все же поднялись на плато. Окутанная туманом Река лежала глубоко внизу.

Десятью милями дальше начался спуск, но уже по значительно более удобному склону. Воздух чуть потеплел, но путники продолжали страдать от холода и непрерывно усиливающегося ветра.

— Нетчего и думать забраться на ту гору — да это и к лучшему. Вправо, в нетскольких милях отсюда, должна быть огромная ратщелина. Впрочем, она тоже не подарок... Доберетесь туда, увидите. А пока нужно передохнуть. Мои ноги — вот тсучьи дети! — опять не идут.

Изливающаяся мощным потоком Река текла вниз. Они глохли от рева воды, но все-таки теперь стало теплее. Джо, опытный скалолаз, шел впереди; обвязанная вокруг его необъятной талии веревка тянулась к запястьям остальных.

Предупрежденные своим гигантом-проводником, люди крепко ухватились за канат, осторожно обходя выступ, скрывающий огромный провал. Вдруг Алиса, поскользнувшись, упала и с пронзительным криком сорвалась с карниза; ее быстро подхватили и вытащили наверх. Пришлось подтягивать и малыша Нура, не устоявшего на ногах при мощном порыве ветра.

Когда Джо вел египтян сквозь ревущую от ветра расщелину, они двигались в темноте: их факелы мгновенно задуло. Сейчас в его руке был фонарь, бросающий неяркие отблески на несколько шагов впереди. К тому же, карниз здесь был шире правобережного. Джо окликнул шагавшего за ним Бартона:

— Ну, парень, нам бы плохо пришлось, етсли б этики уничтожили еще и эти вытступы. Они, наверное, решили, что так далеко никому не добратсья без веревки и заваленного тоннеля.

Бартон расслышал лишь часть его слов, но догадался о смысле.

Им пришлось дважды останавливаться, чтобы поест и выспаться. Между тем, Река все глубже и глубже уходила в чудовищную расселину и, в конце концов, исчезла из глаз. Бартон решил проверить глубину каньона, пожертвовав запасным фонарем; пока луч от брошенного вниз фонарика мелькал, превращаясь в бледное пятно, он отсчитывал секунды. Оказалось, что

его измерительный прибор можно было заметить фонарь на расстоянии трех тысяч футов.

Наконец впереди забрезжил еле видимый проблеск света, означавший выход, и путники выбрались на свежий воздух. Над ними в темном небе сверкали бесчисленные гигантские звезды и блестили газовые облака; людей окутывала легкая туманная дымка, но сквозь нее справа они разглядели горную гряду. Внизу, на дне ущелья, ярилась Река. Путешественники стояли на краю обрыва.

— Неудатчная тсторона, — Джо осмотрелся вокруг. — У нате впереди горы. Вот бы перебраться на правый берег! Впрочем, этик мог отставить нам и здетьс проход.

— Это сомнительно, — возразил Бартон. — Чтобы попасть к пещере, нам придется полностью обойти вокруг горной цепи, опоясывающей море. Если только...

— Что?

— Если только он не соорудил две пещеры и не оставил в каждой лодки.

— Одно убежище необходимо, но два? — не согласился Нур.

— Действительно. Но потслушайте меня! Тут, наверху, тстороны ущелья очень близко тсходятся — горы тсловно изгибаются дугой и тсближаются. Между их краями примерно футов двадцать. Давайте-ка я вам покажу.

Джо медленно двинулся дальше и шагов через шестьдесят остановился. Направив луч фонаря вперед, он осветил другой край пропасти.

— Боже всемогущий! — воскликнула Аффа. — Икс и в самом деле полагал, что здесь можно перепрыгнуть?!

— Остальным этикам и в голову не пришло бы, что кто-то решится на такое, — сказал Нур. — Но Икс, несомненно, имел в виду нас. Я думаю, что он рассчитывал на одного-двух из группы, способных совершить

такой прыжок — ведь он выбирал очень сильных людей. А потом этот человек мог перебросить веревку и переправить остальных.

Бартон понимал, что ему не по силам прыгнуть на такое расстояние. А недотяни он хоть несколько дюймов...

Джо невероятно силен, сильнее двух Геркулесов, но прыгнуть не сможет — слишком уж он тяжел. Ах Куак и Гильгамеш тоже невероятно сильны, но оба — коротконогие и слишком плотные; хороший прыгун должен обладать совершенно иным сложением. Том Терпин — высокий человек, но также весьма мускулистый; Нур легок, но ему недостает роста. Обе белые женщины и де Марбо тоже небольшого роста, да и какие из них прыгуны! Остаются Фригейт, Крумс и Тай Пенг.

Лицо американца побледнело — видно, он понял расчеты Бартона. В этом мире Фригейт стал отличным прыгуном — лучшим, чем на Земле, — и однажды на тренировке преодолел двадцать пять футов, правда, при попутном ветре. Обычное же его достижение — двадцать два фута на Земле и двадцать три — здесь. Но никогда ему не приходилось прыгать в столь опасном месте.

— Придется нам возложить на этот алтарь жертвенного тельца, — пробормотал он.

— Аллилуйя! — вдруг возопила Блесс Крумс, заставив всех вздрогнуть. — Аллилуйя! Господу угодно обратить меня в великого прыгуна! Я — его избранница! Он, Провидец, знал, что во славу Его я готова прыгнуть, как коза, и лететь, подобно царю Давиду! И сейчас Он дарует мне радость перепрыгнуть глубины преисподней! Благодарю Тебя, Господи!

Бартон подошел к Фригейту и негромко спросил его:

— Неужели вы допустите, чтобы женщина прыгнула первой? Потеряете возможность доказать, на что вы способны?

— Такое со мной не впервые, — пожал плечами Фригейт, — да и почему бы ей не прыгнуть? Сейчас ведь главное не пол и религиозные убеждения, а ловкость.

— Вы струсили!

— Вы угадали — да, струсил! Здесь любой напугается до судорог, если только он не психопат.

Повернувшись к Блесс Крумс, Бартон поинтересовался ее успехами в прыжках.

Она ответила, что на Земле не занималась никаким спортом, кроме мытья посуды, но здесь прыгала, и неплохо. Ей случалось брать двадцать два фута.

— Откуда вам это известно? — спросил он. — На «Рексе» имелась точная аппаратура для замеров, но больше нигде такой не было.

— А мы меряли шагами, — не растерялась Блесс. — Мой шаг примерно равен футу. Но если и не так, я все равно знаю, что могу допрыгнуть! Господь поддержит крылья моей веры, и я перепрыгну пропасть подобно Его возлюбленным газелям!

— Да уж! Свалитесь и разобьете голову о край обрыва.

— А почему бы нам на разметить здесь дистанцию? — спросил Нур. — Три претендента устроят состязание, а мы определим сильнейшего.

— На этой скале? Нужна же яма с песком!

Крумс предложила перебросить на ту сторону фонарь и таким образом обозначить барьер. Фригейт кинул привязанный к веревке фонарик так удачно, что тот осветил край, затем потянул его обратно и оставил в нескольких дюймах от обрыва; световой лучик протянулся над черной пропастью.

— Порядок, дело сделано, — сказал он. — Но пока мы не выспимся, никому не стоит прыгать. Во всяком случае, я слишком устал, чтобы рискнуть на попытку. Она ведь будет единственной!

Бартон не глядел на Тай Пенга, предоставив тому возможность решать самому. Внезапно китаец шагнул к краю пропасти.

— Я великолепный прыгун! Правда, тренировался я маловато, но не могу позволить женщине превзойти меня в храбрости! Я первым совершу прыжок!

Его зеленые глаза ярко блеснули в свете фонаря.

Бартон поинтересовался, какое же расстояние он преодолевал.

— Больше этого! — показал на пропасть Тай Пенг. Фригейт, проверяя направление ветра, подбросил в воздух обрывки бумаги; поглядев на них, он направился к Бартону.

— Они летят слева, значит, нас немного понесет вправо. Но гора хорошо прикрывает от ветра... По-моему, его скорость около семидесяти миль в час.

— Благодарю вас, Питер, — Бартон задержал взгляд на китайце. Тай Пенг выглядел достаточно спортивным парнем — правда, не в той степени, чтобы преодолеть двадцать футов одним махом. С другой стороны, жизнь китайца принадлежала только ему самому, и он был вправе ею распоряжаться.

Вдруг Фригейт громко произнес:

— Послушайте! Все-таки я — самый тренированный прыгун! Значит, мне и прыгать. И я это сделаю!

— Вы справились со своим страхом, Пит?

— Черт возьми, нет! Дело в том... Не могу я позволить кому-то другому совершить это! Вы все подумаете, что я трус... Ну, если не вы, так я сам. — Он взглянул на Нура. — Мне не удалось действовать логично и разумно. Я вас обманул.

Нур мрачно улыбнулся своему ученику.

— Нет, меня вы не обманули; вы обманули себя. Здесь есть над чем подумать... Но, как бы то ни было, мне кажется, что вы правы: прыгать следует вам. Однако...

Крошка мавр подошел к гигантопитеку и поднял голову к его чудовищному носу.

— Может быть, прыжок и не нужен. Джо, как ты думаешь, я вешу не больше твоего тюка?

Джо нахмурился, нагнулся и подхватил его одной рукой под ягодицы. Вытянув руку, он подержал Нура на весу и буркнул:

— Похоже, нет.

Когда Нур вновь очутился на земле, он спросил:

— Скажи, а ты мог бы перебросить свой тюк на ту сторону?

Джо ухватил ручищей свой скошенный подбородок.

— Вероятно... Я вижу, что ты тзадумал! А потчему бы и нет? Какая разнитца, будут ли мешки здется или там? Нам втсе равно надо перебраться.

Он поднял свой огромный тюк, подошел к обрыву, внимательно пригляделся и, раскачав его хорошенько, швырнул на другую сторону. Плотный набитый мешок упал в футах от края.

— А теперь, Джо, я полагаю, ты перебросишь и меня.

Одной рукой гигант обхватил мавра за грудь, другой — под ягодицы. Раскачивая его, он приговаривал: «Один, два, три!»

Нур дугой пролетел над пропастью, приземлившись на ноги в ярде от края, но не удержался и покатился в сторону. Когда он встал, то принялся плясать от радости. Вслед ему Джо бросил фонарь на веревке. Нур подхватил его, слегка качнувшись назад.

Через несколько минут он окликнул своих спутников:

— Я нашел валун, к нему можно привязать веревку. Но одному мне его не сдвинуть. Здесь нужно не меньше пятерых здоровяков.

— Полутчи одного! — Джо уже раскачивал Бартона. Тот хотел было крикнуть, что он тяжелее Нура, но прикусил язык. Расщелина сверху показалась ему

вдвое шире, чем раньше. Под крик Джо: «Береги свою задницу, Дик!» и оглушительный хохот он взлетел вверх. Несколько чудовищных секунд Бартон парил над бездонной пропастью, потом упал на ноги, перевернулся и покатился от края, всем телом ощутив благодатную жесткость камня.

Следом Джо бросил его поклажу и тут же поднял Фригейта и швырнул его через провал.

Так он переправил почти всех одного за другим и, в конце концов, на этой стороне остались лишь Ах Куак и сам Джо. С криком: «До скорого, толстячок!» он перекинул и индейца. Ах Куак упал к краю ближе остальных, но все же сумел удержаться.

— Ну, что теперь? — крикнул Джо.

— На твоей стороне есть большой камень, — ответил Бартон.

— Он весит почти столько, сколько и ты. Подкати его поближе и привяжи к нему веревку.

— До него не меньше полумили, Дик! Что же вы не отстались мне помочь, а полетели туда?

— Вряд ли после этого камня тебе удалось бы перебросить нас.

— Иитсутсе Хритсте! Втсе тяжелая работа опять на мне!

С фонарем в руках он скрылся в тумане.

Несмотря на синяки и содранную кожу, все готовы были тотчас приняться за дело и, вслед за Нуром, направились к валуну. Там им пришлось немного передохнуть и набраться сил. Лишь после этого мужчины сумели сдвинуть камень и покатить его по гладкой поверхности плато. С большим трудом они ворочали неровный и тяжеленный обломок, весивший, наверное, не меньше, чем вся команда такелажников. В разреженном воздухе дышалось с трудом, они часто останавливались, переводя дух. В конце концов махину приволокли к обрыву, и все в изнеможении рухнули наземь.

Через минуту из тумана на той стороне вынырнул Джо, кативший свой валун.

— А я-то надеялся обогнать коротышек, — прогу-дел он. — Да етсли бы мой камень лежал так же близко, как ваш, я бы точно пришел первым!

И, тяжело дыша, он свалился рядом с камнем.

Блесс Крумс принялась жаловаться: ее обманули, лишив возможности прыгнуть и тем самым проявить свою беспредельную веру в Бога.

— Да вас никто не держал, — осадил ее Фригейт. — Впрочем, если говорить правду, то я тоже разочарован. Меня ведь остановил лишь страх нанести урон всей компании: без меня вы бы много потеряли. Возможно, мне еще удастся доказать, чего я стою.

Он взглянул на Тай Пенга, и они оба разразились хохотом.

— Меня вы не проведете, — Крумс заговорила по-английски. — Просто вы, двое мужчин, не рискнули на то, чего не побоялась женщина.

— Между нами есть разница, — смеялся Фригейт. — Мы-то не сумасшедшие!

Наконец все пришли в себя. Взяв длинный крепкий канат, они обмотали его концы вокруг больших глыб и придавили их камнями помельче. Джо придвинулся к провалу, ухватился за провисшую веревку и, проворно перебирая руками, начал свое путешествие. Бартон и остальные натягивали канат изо всех сил, опасаясь, что под огромным весом гиганта может сдвинуться валун, но, к счастью, он не шелохнулся.

Когда Джо достиг противоположного края пропасти, несколько человек бросились помогать ему выбраться наверх.

— Ну, ребята, надеются, больше нитчего такого мне выкидывать не придется. — Джо едва дышал. — Я вам не признавался, но теперь скажу: на большой вытсоте меня втсегда тянет тспрыгнуть вниз.

* * *

Им понадобилось десять часов, чтобы добраться до моря по тропе, которая шла вдоль карниза скалистой стены.

— Здетсь она узкая, но когда мы дойдем до метста, где тсвалилитсь два египтянина, вы увидите — вот где будет узко! — прокомментировал Джо.

В нескольких сотнях футов под ними колыхалась густая пелена облаков. Путники устроились на ночлег и после восьми часов крепкого сна и весьма скромного завтрака, отправились дальше.

По этой тропке люди Эхнатона двигались ползком; но Бартон и его спутники шли во весь рост, лицом к скале, судорожно цепляясь пальцами за малейшие впадины и неровности.

Мало-помалу воздух теплел. Здесь Река еще сохранила тепло, оставшееся после долгого путешествия в более благодатных широтах, и ее испарения порождали влажный туман.

Наконец, благополучно преодолев тяжелый путь, вся группа очутилась на широкой открытой площадке; отсюда, по словам Джо, было уже недалеко до моря. Бартон осторожно подошел к обрыву и направил свет фонаря вниз, высматривая нижний выступ.

Он начинался в шести футах ниже края карниза, и ширина его была не меньше двух футов; в пределах видимости тропа не сужалась.

Скала шла вниз под углом в сорок пять градусов к горизонту — как принято говорить в тех случаях, когда горизонт виден.

— Нам придется оставить часть поклажи и тащить на себе тюки поменьше, — решил Бартон. — Иначе мы тут не пройдем.

— Да, придется. Теперь меня беспокоит, не уничтожили ли этики потследний учатсток тропы. Интсутсе! А что, етсли они обнаружили петщеру?

— Тогда вся надежда — на надувную лодку, которую ты несешь. Двое из нас могут подплыть на ней к Башне. Я уже говорил об этом.

— Да, помню. Но я должен поделиться твоими мыслями. Это снимает с меня напряжение.

Солнце никогда не поднималось над вершинами окружающих гор, и в этом полярном краю всегда царили сумерки.

— Я не дошел до конца тропы, тсвалился вниз, — рассказывал Джо, — и не знаю, какой она длины. Может, придется идти день, может — и больше.

— Том Микс говорил — со слов Пахери, спасшегося египтянина, — что они останавливались отдохнуть и поесть лишь один раз, — вспомнил Бартон. — Правда, это мало что объясняет. От усталости они могли проголодаться раньше времени.

Вскоре они обнаружили нишу в скале. Джо с помощью мужчин прикатил огромный валун и прикрыл вход от ветра. Все поспешили укрыться внутри и принялись за еду. Тускло светили два фонаря, и в этой полутьме воцарилось некоторое уныние. Сейчас бы посидеть у костра, рядом с искрящимся и трескучим огнем, дарившим бодрость людям далеких эпох...

Не унывал лишь Тай Пенг. Он угощал спутников историями о проделках «восьми бессмертных пьяниц», своих земных друзей, отпуская китайские шутки и прибаутки. Вряд ли они были так же остроумны на эсперанто, но, тем не менее, вызвали всеобщий смех; Джо Миллер даже упал в изнеможении на спину. Кроме того, Тай Пенг симпровизировал несколько четверостиший по поводу их злоключений и, в конце концов, в сильном возбуждении стал угрожающе размахивать мечом в сторону Башни.

— Скоро мы окажемся в цитадели Великого Грааля! Пробьемся к тем, кто боится соприкоснуться с нами! Пусть они даже демоны, но мы одолеем их! Старик Конфуций предостерегал смертных от общения с духа-

ми, но я-то никогда с ним не считался. Я не подчинялся и людям! Я — Тай Пенг, и никого не признаю выше себя!

Он выкрикивал уже с какими-то завываниями:

— Страшитесь! Мы раскроем все ваши тайны — скрытые и мерзкие! Страшитесь! Грядет Тай Пенг! Грядет Бартон! Грядет Джо Миллер!

Китаец долго еще продолжал вещать в том же духе.

— Хорошо бы его пыл притиснуть к делу, — шепнул Джо Бартону, — а не путскасть на ветер!

Ричард тем временем внимательно наблюдал за Гильгамешем и Ах Куаком. Те вели себя, как и все остальные — так же смеялись и аплодировали выходкам Тай Пенга. Но один из них — или оба — мог и притворяться, разыгрывать роль. Бартона сильно беспокоила эта пара. Когда они доберутся до пещеры (если еще доберутся!), он уже должен точно знать, что делать с ними. Он должен выяснить, причастны ли они к этикам. Может быть, один из них — или опять же, оба — Икс? Кто же Лога? И кто — Танабар?

Но как это узнать?

Замышляют ли они — один или оба — что-то против остальных? Или нет?

Мысленно он уже выстраивал сценарий. Когда группа начнет спускаться, он отправит вперед Джо Миллера, а сам пойдет вторым. Замыкающими будут Ах Куак и Гильгамеш — эти двое не должны первыми войти в пещеру... в том случае, если она еще существует и вход в нее не заложен.

Как только эти парочка окажется внутри, их надо сразу же обезоружить — у них есть ножи и пистолеты с пластиковыми пулями. Этим займутся Джо и де Марбо. Нура и Фригейта следует предупредить об акции... предупредить, и только; Бартон все еще не доверял до конца ни американцу, ни мавру. Прежний опыт общения с псевдо-Фригейтом заставлял его с настороженностью относиться и к настоящему Питеру Джайрусу

Фригейту — если американец, конечно, является таковым. Нур казался ему истинным человеком, мавром и суфием, но Бартон уже никому не мог по-настоящему верить. Даже гигантопитек мог быть агентом! А почему бы и нет? Несмотря на свою нелепую внешность, он достаточно умен и ловок, а что уж говорить о его силе!

Впрочем, двоим Бартон еще доверял: самому себе и — после многих лет близости — Алисе. А остальные... ох, эти остальные! Ему приходилось пристально наблюдать за ними, хотя его интуиция (что бы ни обозначал этот сомнительный термин) подсказывала, что все — за исключением двоих — действительно те, за кого себя выдают.

С сильно полегчавшими мешками они начали спускаться по последнему уступу. Двигаясь боком, держа руки вытянутыми, пытаясь сохранить равновесие, люди хватались за любую трещинку или выпуклость в камне. Шли они недолго, возможно, часа два, но всем путь показался бесконечным. Вдруг Джо замер, предостерегающе взмахнув огромной рукой.

— Тише! Тсейчатс уже можно разобрать, как море бьется о тскалы!

Все затихли, но лишь Бартон, Нур и Тай Пенг различили неясный шум. Впрочем, возможно, он возник лишь в их воображении.

Когда они обогнули очередной выступ утеса, перед ними открылось посветлевшее небо и громада гор, что окружали море. Но никакого следа башни — даже неясного абриса! — не было заметно. По описаниям Джо и донесениям «Парсифаля» она находилась в центре эстуария.

— Вот здетсь, — окликнул Джо спутников, — я тспоткнулся о брошенный кем-то цилиндр. Вот здетсь я увидел блик тсвета от воздушного тсудна этиков, тсатившегося на вершину башни. Вот здетсь я упал вниз и умер.

Он помолчал.

— Но его здетьс нет.

— Чего?

— Цилиндра.

— Должно быть, его убрали отсюда этики.

— Надеются, что нет... Етсли так, то им изветстно, что люди могут тсюда добраться, и тогда они должны были бы тснетсти вытступ и завалить вход в пещеру. Нет, я думаю, что цилиндр убрал кто-то другой. Возможно, египтяне — потсле моего падения.

Они двинулись по узенькой, как ниточка, скользкой и влажной тропке. Туман сгущался, и Бартон при свете фонаря видел дорогу впереди себя лишь футов на двадцать; чтобы разглядеть ее дальше, ему приходилось снимать фонарь с крючка на поясе.

Вдруг Джо опять остановился.

— В чем дело? — спросил Бартон.

— Ну, вот! Карниз кончается... Минуту! Похоже, его здесь отбили. Да, именно так! Этики тснетсли здетьс вытступ! Что же делать?

— Ты можешь разглядеть, далеко ли тянется обрыв?

— Да. Вроде бы футов на тсорок отсюда. А может, и на целую милю.

— И вверх, и вниз все гладко?

Прошла минута.

— Да, втсюду, куда я мог дотянуться. Подождите, я потсвечу фонарем.

Еще несколько секунд ожидания.

— В четырех футах от моей руки етсть нетсколько трещин.

Бартон осторожно снял с себя поклажу и опустился на четвереньки. Стоявший сзади Нур медленно переполз через него и стал забираться на плечи Джо; оба они при этом прибегали к невероятным акробатическим трюкам. Наконец Нур сказал:

— Похоже, там есть трещины, расположенные по прямой. Вполне подходят для крюков.

Он остался стоять на плечах гигантопитека. Бартон вложил в руки Джо стальные клинья и молоток; тот передал их Нуру и крепко ухватил малышку-мавра за ноги. Нур вбил подрял два клина. Бартон кинул ему конец тонкой, но прочной веревки, мавр пропустил ее через отверстия в клинях и закрепил конец на втором крюке.

Затем он опустился на карниз рядом с Джо; теперь маленького суфия держал Бартон. Мавр начал натягивать на себя амуницию, похожую на снаряжение парашютиста; ее в свое время обнаружили в кладовой катера. Охватывающие грудь ремни из рыбьей кожи скреплялись между собой прочными пластиковыми полосами; на каждом конце были насажены небольшие металлические крепления с колесиками.

Нур вновь забрался на плечи Джо. Выпрямившись во весь рост, он накинул петлю с колесиком на веревку, продетую сквозь отверстия в клинях. Стянув ее концы, он замкнул их зажимом. Теперь, повиснув на веревке, он мог скользить по ней вдоль скалы. Оказавшись у первого крюка, Нур зажал левую часть крепления с колесиком на веревке, находящейся за клином, затем отцепил первое колесико и скользнул ко второй опоре.

Упираясь ногами в скалу, он откинулся назад и, повиснув на ремнях, начал вколачивать в трещину третий крюк. Работа была изнурительной; ему пришлось несколько раз прекращать свой труд, чтобы перевести дыхание. Для остальных настало время подкрепиться, но все были так поглощены манипуляциями Нура, что забыли о еде.

Пять часов подряд Нур методично вбивал один за другим крюки, продвигаясь к месту, где вновь начиналась тропа. Наконец он добрался туда, но к этому времени настолько выбился из сил, что больше не мог сделать ни шага. Мавр соскользнул вниз по гладкой скале и упал на выступ.

Бартон, стоявший следующим, не без опаски взобрался на плечи гиганта. Что бы они делали без Джо, без его невероятной силы и выносливости! Пришлось бы здесь остановиться и идти назад — другого выхода не было бы! На обратном же пути им грозила голодная смерть: они остались почти без припасов.

Ричард продвигался вдоль скалистой стены так же, как Нур, и вскоре достиг карниза. Маленький мавр подхватил его, страхуя все время, пока Бартон размыкал крепления и на руках медленно опускался по веревке. К счастью, здесь выступ оказался шире, чем до провала.

Теперь нужно было подумать о переброске груза. Казалось бы, чего проще — оставить все, кроме самого необходимого. Но распаковать тюки на узком выступе было невероятно трудно; одному из путников приходилось цепляться за скалу, повернувшись к ней лицом, а второму — развязывать мешок на его спине. Вынутые вещи или летели вниз или раскладывались в ряд для упаковки в новые тюки.

Выбросили все, кроме ножей, огнестрельного оружия, патронов и покрывал; оставили также немного еды и посуды, переложив все это в цилиндры. Алиса и Афра, как самые легкие, взяли на себя часть вещей из тюков Нура и Бартона.

Джо окликнул Бартона, спрашивая, что делать с надувной лодкой. Тот ответил, что ее нельзя выбрасывать, но лучше передать де Марбо: Джо и без нее слишком много весил. Вещи же француза распределили между Блэсс и Тай Пенгом.

Бартон считал, что Джо должен перебираться совсем без груза. Правда, ни один крюк до сих пор не шевельнулся, но мало ли что может случиться, когда на них повиснет восемьсот фунтов живого веса!

Один за другим путники скользили через провал; наконец, у обрыва остались лишь Ах Куак и Джо Мил-

лер. Когда толстяк перебирался по веревке, он вновь закрепил молотком каждый крюк.

Джо с осторожностью потянулся и сбросил с плеч свой огромный тук, уже наполовину опустевший.

— Побыстрее бы добраться до ватс! — крикнул он. — Я не буду возиться с этими ремнями, а переберусь на руках!

Он ухватил веревку у первого крюка. Быстро перебирая могучими руками, цепляясь то одной, то другой за канат, великан продвигался над пропастью, помогая себе коленями, отталкиваясь ими от стены.

На полпути камень треснул, и один из крюков выскочил из пробоины.

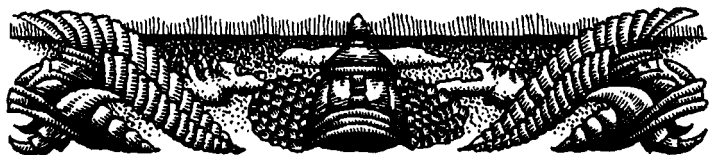
Секунду Джо висел неподвижно; затем он протянул длинную руку к веревке, пропущенной через следующий крюк. Но тяжесть была слишком велика; один клин потянул за собой другой. Канат провис над бездной вместе с Джо, и он маятником раскачивался на нем.

— Держись, Джо! — выдохнул Бартон.

И дико закричал вместе с остальными, увидев, как выскакивает третий крюк.

Окутанный туманной пеленой, Джо Миллер во второй раз рухнул в темные воды полярного моря.

ГЛАВА 13

БАШНЯ

Все плакали, плакал и Бартон. Он питал искреннюю симпатию к великану, возможно, даже любил его. Со смертью своего огромного проводника все они утратили заряд мужества и стойкости, моральную опору, несокрушимую силу.

Горестно постояв на карнизе, путники осторожно развернулись и продолжили опасный спуск. Через шесть часов им пришлось остановиться для еды и сна. Устроиться здесь на ночлег было непростым делом: пришлось лежать на боку, неподвижно, как камень. Отправление естественных надобностей тоже стало проблемой: мужчины мочились, стоя на краю обрыва, и брызги обдавали их одежду, женщины же свешивали зады над пропастью, тщетно надеясь, что их минует участь спутников. Как правило, и им не удавалось остаться сухими.

Среди женской части экспедиции лишь Алиса оставалась вечной скромницей: она требовала, чтобы в этот момент все поворачивались к ней спиной. Но мужчины все равно вынуждены были стоять поблизости, и это ее невероятно смущало. Только в сгустившемся тумане она чувствовала себя укрытой от нескромных взглядов.

Смерть Джо Миллера ошеломила всех, и в группе воцарилось уныние. Кроме того, они боялись, что этики обнаружили пещеру и замуровали вход в нее.

Грохот волн, бившихся о подножья утесов, непрерывно усиливался; шагая вниз, люди погружаясь в густой туман. Склон скалы и выступ покрывала водяная

пыль; Бартон, возглавлявший отряд, вскоре весь вымок от окатывающих его брызг. Он остановился и поднял над головой фонарь. Буквально у его ног карниз уходил в темную воду, впереди же виднелся разлом в скале — и, если верить словам Пахери, вход в пещеру был на другом его конце.

Ричард окликнул спутников, предупреждая о спуске в воду, и шагнул вперед. Вода сразу достигла его колен. Видимо, отмель была длинной: здесь скальную породу не точили мелкие волны, хотя неподалеку с обеих сторон вздымались мощные валы. В холодной воде ноги Бартона вмиг ооченели, превратившись в неповоротливые тумбы.

Он с трудом выбрался на каменный выступ и пошел к другой его стороне. Алиса неотступно следовала за ним.

— Это пещера? — ее голос дрогнул.

Он направил луч фонаря вправо. Его сердце бешено билось, но совсем не от ледяной ванны.

— А-ах! — судорожно вздохнул Бартон.

То был вожаденный, неоднократно возникавший в его воображении пролом в подножье горы — низкая арка, в которую даже Нур мог пройти лишь согнувшись. По ширине же она вполне могла пропустить лодку, о которой повествовал Пахери.

Повернувшись, Бартон сообщил остальным об открывшемся входе, и шагая пятой в цепочке Крумс с восторгом провозгласила: «Аллилуйя!»

У Бартона же мгновенная надежда сменилась сомнением: да, пещера — вот она, но там лодок может и не быть.

Он двинулся вперед, увлекая за собой Алису, связанную с ним веревкой, наклонился и шагнул под арку. Через несколько шагов каменный пол стал подниматься вверх примерно под углом в тридцать градусов, проход расширился; верхний свод достиг высоты двадцати футов. Когда все прошли внутрь, Бартон приказал отвя-

зять от поясов веревку. Теперь они вполне могли обойтись без нее.

Он осветил фонарем их лица — бледные, измученные, но восторженные. Гильгамеш стоял крайним справа, Ах Куак — слева. Если следовать плану, то настал момент обезоружить обоих; однако он решил действовать по наитию и не торопить событий.

Бартон развернулся и повел группу по тоннелю. Воздух мало-помалу теплел; они не успели еще дойти до конца, как увидели впереди свет. Сорвавшись с места, Ричард бегом бросился вперед, в просторную, ярко освещенную пещеру со сводчатым потолком, и тут же наткнулся на человеческий костяк. Он лежал ничком с вытянутой правой рукой: казалось, тот, живой, хотел до чего-то дотянуться. Бартон поднял череп, заглянув внутрь и оглядел пол под ним: никаких следов крошечного черного шарика.

Свет излучали огромные шары, установленные в черных треножниках двенадцатифутовой высоты. В стороне, на V-образных стояках, он разглядел металлические лодки. Один стояк пустовал; в нем когда-то лежало суденышко, на которой египтяне добрались до Башни. Все лодки были разных размеров, и в самой большой могли уместиться человек тридцать.

Слева тянулись полки, заставленные консервными банками; каждая — десяти дюймов высотой и шести — шириной.

Все было так, как рассказывал Пахери. В его истории не хватало одной детали — трех скелетов в голубых одеждах, лежащих возле одной из лодок.

К Бартону подтянулись остальные, переговариваясь приглушенными голосами. Все вокруг, как само это место, внушало благоговейный страх, но Ричард, преодолев оцепенение, рискнул осмотреть неожиданно обнаруженные останки.

Их одежда, казалось, не имела ни швов, ни карманов, ни застежек — нечто вроде цельного комбинезона.

На ощупь материал был скользким, будто бы лощеным; от прикосновения пальцев на нем оставались вмятины. Бартон откатил черепа в сторону и вытряс скелеты из одежды. Один из мертвецов — высокий, с тяжелыми и крупными выпуклыми ребрами и мощной челюстью — возможно, являлся уроженцем раннего палеолита; скелеты двух остальных имели строение людей цивилизованной эпохи. Похоже, тот, что поменьше, был женским.

При внимательном осмотре внутри черепов обнаружались крошечные черные шарики. Он вполне мог не заметить их, если бы не искал специально.

Никаких следов насильственной смерти... Но что же их погубило?

Каким образом и на чем они попали сюда? Не на том ли самом воздушном судне, которое много лет назад Бартон заметил в небе? Но у входа в пещеру не было никаких его следов. Значит, оно улетело?

Что или кто покончил с ними? Почему со временем люди из Башни не забрали их тела? Что их остановило — какие-то трудности или они убиты так же, как и эти трое?

Несомненно одно: это дело рук Икса.

Да, решил Бартон, гибель этих троих теснейшим образом связана с тем тупиком, в котором оказались Икс и другие этики в долине. Видимо, воздушное судно не имело возможности вылететь из Башни, чтобы забрать их. Отступнику не удалось добраться и до одной их укрытых в долине машин; подобно Барри Торну, он был вынужден лететь на дирижабле Файбраса. Но и на нем ему не удалось попасть в Башню.

Бартон заключил, что и ему, и Иксу происшедшее принесло известную пользу. Совершенно очевидно, что этики обнаружили свисавшую с утесов веревку из покрывал, оба тоннеля и узкий выступ, по которому прошли люди из долины. Пытаясь сделать дорогу недоступной, они, вероятно, открыли и пещеру. Но если б

эти трое не были убиты, то вход в нее оказался бы замурованным.

Он шагнул полкам. На краю каждой из них размещалась пластиковая пластинка размером двенадцать на двенадцать дюймов с нарисованным человечком, открывающим банки. Бартон не нуждался в этих инструкциях; из рассказа Пахери он знал, как следует с ними обращаться. Кончиком пальца он провел по верхнему ободку и на несколько секунд застыл в ожидании. Верхушка (видимо, из весьма прочного металла) изогнулась, сморщилась и обратилась в желатиновую пленку, которую не составляло труда проткнуть.

— Икс не позаботился насчет обеденных приборов и тарелок! — воскликнул Бартон. — Ну, ничего страшного; мы прекрасно обойдемся руками.

Измученные голодом люди перестали рассматривать пещеру и устремились к банкам. Из одних они пальцами выколупывали куски тушеного мяса, причем оно было теплым; из других — с изображением хлеба — целые буханки. Жадно поглотив содержимое нескольких банок, путники, наконец, почувствовали, что их желудки полны.

Но остановиться было трудно, да и стоило ли? Запасов пищи здесь более чем достаточно.

Сидя на полу и опираясь спиной и стену, Бартон внимательно приглядывался к своим спутникам.

Если один из них Икс, почему же он даже здесь не открылся им?

Может быть, потому, что в долине он отобрал себе людей лишь для «группы возврата»? Людей, которые будут таскать для него каштаны из огня в ситуации, когда он окажется бессильным и не сможет обойтись без чужой помощи?

Но если так, то почему он раньше не сказал, чего же он от них ждет? Возможно, собирался, но события развернулись слишком стремительно и непредсказуемо? А

сейчас он и вовсе в них не нуждается, и они — лишь досадная помеха?

Почему, почему же он оказался ренегатом, изменником?

Бартон не верил в его версию о причинах, побудивших этиков воскресить землян. Кроме того, он подозревал Икса в связи с неизвестной личностью, чьи цели — стань они ему известны, — для него могли быть неприемлемы.

Возможно, именно поэтому Таинственный Странник предпочитал оставаться загадкой, именно поэтому не открыл им правды, и поэтому он все скрывался под чужим обликом.

Если, конечно, он действительно существовал!

Как бы то ни было, этику давно пора обнаружить себя. Если только... если только Икс не знал, что в группе находится агент или один из его соплеменников. В этом случае он будет стремиться сохранить свою маску до самого порога Башни, где, видимо, есть средства и возможности обезвредить или убить врага. Вероятно, там поджидает еще кто-то — помощник в осуществлении его планов, благих или пагубных.

Вот тогда у него может возникнуть необходимость избавиться от людей, которые помогли ему добраться до Башни!

Но почему он предполагал еще в давние года, что ему понадобится их помощь?

Когда допрашивали Спрюса, тот проговорился насчет Оператора гигантского компьютера. По поводу Оператора у Бартона не возникло никаких предположений; но вот компьютер... Он задумался. В момент воскрешения — или до него — Икс мог тайно прибегнуть к помощи машины, заложить в нее все предполагаемые возможности своего противозаконного проекта и выяснить прогнозы. Вероятно, компьютер оказался в состоянии предугадать ситуации, которые Иксу и в голову не пришли.

В одной из них обстоятельства могли сложиться так, что ренегат будет вынужден прибегнуть к помощи сторонников их числа обитателей долины. Бартон не мог представить себе все остальные предсказания, кроме сложившейся сейчас ситуации.

Ну, что же, весьма похоже!

Итак, Икс заполучил себе сторонников и стер в памяти компьютера все вопросы и ответы. Каким-то образом ему удалось произвести это без ведома Оператора. Если Спрюз не солгал им, и Оператор с компьютером действительно существовали, то все должно было произойти именно так.

Сейчас Бартон ясно понял грозившую им опасность — инкогнито Икса означало, что вскоре он начнет действовать не заодно со своими сторонниками, а против них.

Но им еще предстоял немалый путь, и прежде, чем отважиться выйти на лодке в море, не мешало бы отдохнуть и соснуть. Все согласились с Бартоном и принялись укладываться на полу, расстилая одни полотнища под бока, а из других устраивая подушки. Здесь было тепло, и им не нужно было кутаться в свои эскимосские одежды; горячий воздух струился из узких продолговатых проемов в основании стен.

— Возможно, тут атомное энергоснабжение, — предположил Фригейт. — И этот же источник питает световые шары.

Бартон предложил установить парное двухчасовое дежурство.

— А зачем? — удивился Тай Пенг. — Кроме нас, в округе на двадцать тысяч миль нет ни одного человека.

— Об этом ничего не известно, — возразил Бартон, — и осторожность не помешает.

Некоторые согласились с китайцем, но все-таки решили не рисковать. Бартон назначил дежурных: Нур — с Гильгамешем, он сам — с Ах Куаком.

Казалось, мавра ничуть не удивили его действия. Маленький суфий необыкновенно чутко улавливал эмоциональное состояние людей и нередко предугадывал чужие намерения по едва уловимым жестам и мимике.

И все-таки даже он мог оказаться агентом, а Ах Куак с Гильгамешем — агентами и сообщниками. Пока один расправляется с напарником, другой притворится спящим... Вообще возможностям попасть впросак не было конца, но Бартон вынужден был пойти на риск: он не мог обойтись совсем без сна.

Не давало ему покоя и главное опасение: если Икс действительно находится среди них, то ночью он сможет прихватить одну из лодок и направиться первым к Башне, чтобы проверить непреодолимость входа. Или сделать его таковым с помощью новых ловушек!

Первой паре дежурных — Алисе и де Марбо — Бартон отдал свои наручные часы и улегся на покрывало у входа в тоннель, сунув заряженный пистолет под подушку. Он силился уснуть, но ему это не удавалось; и, по вздохам и бормотанью вокруг, он понимал, что не одинок в своей тревоге. Лишь после двух часов первого дежурства он заснул тяжелым сном. Его мучили старые ночные кошмары, упорно возвращавшиеся последние тридцать лет: Бог в костюме джентльмена викторианской эпохи тыкал прутом ему в грудь.

— Ты обязан мне плотью. Плати же долги!

Он открыл глаза и осмотрелся. Дежурили Блесс Крумс и Тай Пенг. В десяти футах от него китаец приглушенным голосом в чем-то убеждал чернокожую женщину. Вдруг она отвесила ему пощечину и отошла прочь.

— Ну, в следующий раз непременно повезет, Тай Пенг, — утешил Бартон китайца и вновь заснул.

Следующий раз он пробудился и в дежурство Нура и Гильгамеша. Бартон лежал чуть приоткрыв глаза, изображая из себя спящего. Оба стража сидели на па-

лубе лодки: кажется, шумер рассказывал одну из своих занятных притч. Во всяком случае, мавр смеялся, хотя его веселость ни о чем не говорила. Бартону не понравилось их тесное соседство: могучему Гильгамешу стоило чуть откинуться, и он легко может схватить Нура за горло.

Но маленький суфий явно не тяготился близостью своего напарника. Ричард некоторое время понаблюдал за ними, но опять задремал. Проснулся он от толчка Нура:

— Ваше дежурство.

Зевая и потягиваясь, Бартон поднялся. Ах Куак уже стоял у полок, поглощая мясо с хлебом. Жестом он пригласил напарника присоединиться к нему, но Бартон покачал головой. Ближе шести футов он к индейцу не подойдет! Нагнувшись, Ричард вытащил из-под подушки револьвер и сунул его в кобуру. Ах Куак тоже был вооружен, но это ровно ничего не значило — все дежурные имели при себе оружие. Бартон остановился в шести шагах от него и сказал, что выйдет наружу — помочиться. Его напарник, продолжая жевать, лишь кивнул в ответ. За время тяжелого перехода он сильно похудел и, видимо, сейчас старался наверстать потерянное.

«Если Икс пытается изобразить из себя обжору, — подумал Бартон, — то он, несомненно, превосходный актер.»

Бартон пошел по тоннелю, непрерывно оглядываясь и прислушиваясь, не раздадутся ли позади шаги. Фонарик он зажег лишь при выходе и поставил его на покатый пол так, чтобы осветить проход в тоннель. Холодный туман заставил его поторопиться: покончив со своими делами, он отправился обратно в пещеру.

Сейчас Ах Куак мог легко подкрасться к нему, но, кроме отдаленного шума волн, ничего не было слышно. Вернувшись к своим, он обнаружил мексиканца сидящим у стены с закрытыми глазами и опущенной голо-

вой. Бартон отошел к противоположной стене и прислонился к ней.

Вскоре Ах Куак встал и потянулся, показав жестом, что хочет выйти из пещеры. Бартон согласно кивнул. Выпятив живот, индеец вперевалку пошел по тоннелю. На миг Ричард подумал, что проявляет слишком большую подозрительность, однако минуту спустя он уже считал свои тревоги более чем основательными. А что, если индеец все-таки Икс и у него есть поблизости еще одна пещера с лодкой? За узкой расщелиной может оказаться проход, через который Ах Куак сумеет по мелководью пройти на отмель.

Миновало десять минут — необъяснимо долгое отсутствие. Не пойти ли ему следом?

Бартон пытался справиться со своим смятением и найти выход, но в этот момент появился Ах Куак. Ричард вздохнул с облегчением.

Прошло полвахты, все уже спят неглубоким сном и легко могут проснуться при малейшем шорохе.

Итак, Икс несомненно выжидает, пока они не окажутся в Башне. Здесь ему грозит множество неожиданностей, там же он окажется в привычной обстановке.

В шесть часов Бартон принялся будить остальных. Мужчины и женщины двумя группами вышли из пещеры, но быстро вернулись, жалуясь на невероятный холод. Бартон и Ах Куак разлили по чашкам воду из фляг и бросили туда кристаллики кофе. Вода мгновенно закипела; все выпили душистый напиток и принялись за завтрак. Несколько человек вновь вышли к морю. Крумс принялась горячо уверять всех, что великий грех оставить скелеты непохороненными. Она так волновалась и суежилась, что Бартон счел необходимым утихомирить ее.

Откладывать дело не имело смысла, и они, собрав кости, метнули их в море. Крумс прочитала длинную молитву. Возможно, женский скелет принадлежал матери Блесс, но никто даже не намекнул ей об этом ни

словом. Если б она заподозрила в сем прахе останки своей матери, то, несомненно, оплакивала бы их втрое дольше. Бартон же со слов Пахери знал, что египтяне обнаружили тут еще не разложившийся скальп: на нем сохранились черные курчавые волосы.

После возвращения в пещеру все принялись грузить в самую большую лодку свои пожитки и банки с пищей. Четверо мужчин подняли ее — лодка оказалась удивительно легкой — и понесли по тоннелю.

Еще двое мужчин и две женщины тащили маленькую лодку, привязанную веревкой к более крупной.

Когда Бартона спросили, зачем нужна вторая, он коротко бросил: «На всякий случай».

Он не имел ни малейшего представления о об этом возможном «случае», и об исходе поисков, но твердо решил принять все меры предосторожности. Покидая пещеру последним, он оглянулся вокруг. В свете девяти мерцающих ламп их недолгий приют выглядел жутковато. Появится ли еще кто-нибудь? Нет, видимо, никто... Их приход — третий и самый удачный из всех, во всяком случае — до сих пор. Бог троицу любит! И тут он вспомнил Джо Миллера, дважды рухнувшего в море. Не совершит ли он этого еще раз?

«Нет, если только мы сами не дадим ему шанс», — подумал он.

Все забрались в лодку, на берегу остались только Ах Куак и Гильгамеш. Они столкнули суденышко в воду, быстро забрались на борт и принялись сушить ноги. Бартон изучал нарисованную схему управления, хотя и знал о ней понаслышке. Встав на помост перед штурвалом, он коснулся кнопки на панели управления. Пульт осветился изнутри, и ему стали видны остальные кнопки. Обозначений на них не имелось, но на схеме четко были указаны их расположение и функции.

— Готово, — бросил он стоявшим позади спутникам, секунду помедлил и нажал другую кнопку. — Поехали!

— В путь, к мудрецам из Страны Оз, в царство фей! — воскликнул Фригейт. — В путь, на поиски Святого Грааля!

— Он-то может быть и святой! — усмехнулся Бартон. — Но тогда мы там ни к чему.

Судно шло стремительным ходом. Неизвестно, какие на нем были двигатели, но путники не ощущали ни тряски от винтов, ни качки от выхлопной струи. Скорость регулировалась занятым устройством — пластиковым шариком на правом краю ободка штурвала; Бартон сжимал и отпускал его, и судно послушно замедляло или убыстряло ход. Он начал крутить штурвал, пока изображение Башни не переместилось в центр экрана, а затем вновь надавил на шарик. Тут же бот вздыбился и полетел вперед, рассекая волны. За ними всплеснулась туча брызг, но Бартон скорости не уменьшил.

Он обернулся. В густом мрачном тумане нельзя было разглядеть даже корму лодки; его спутники сгруппировались возле помоста рулевого. В своих ниспадающих широких одеждах они выглядели потерянными душами у переправы Харона и молчали, словно мертвецы.

Пахери полагал, что их путь на лодке до Башни занял около двух часов. Возможно, от испуга и неожиданности египтяне шли не на полной скорости. По донесениям наблюдателей с «Парсефаля», диаметр этого водного бассейна не превышал тридцати миль, а размер Башни — десяти. Следовательно, от пещеры до Башни было около десяти или пятнадцати миль, если учитывать неровности берегового контура. Должно быть, лодка фараона едва тащилась.

На экране быстро увеличивалось изображение Башни.

Вдруг оно вспыхнуло ярким всплеском пламени!

Они были близки к цели.

Теперь, следуя схеме, требовалось нажать новую кнопку. Бартон надавил ее, и в туман ударили два ос-

лепительных снопа света, озарив тусклую поверхность. Он резко отпустил шарик, лодка вмиг потеряла скорость, и ее стало относить назад. Вновь нажав шарик, Ричард развернул суденышко и медленно направил к смутно просвечивающей громаде. Он нажал еще одну кнопку и увидел огромные ворота, массивные, как бронированная дверь в подвале банка.

Из настежь распахнутых ворот струился свет.

Отключив двигатели, Бартон повернул штурвал, прижимая лодку бортом к некоему подобию пирса. Руки людей потянулись к нему, ухватились за скобы, сдерживая судно.

— Аллилуйя! — возгласила Блесс Крумс. — Мамочка, теперь уже скоро мы вместе с тобой воссядем одесную милостивого Иисуса!

Все поспешили выпрыгнуть из бота. Вокруг царила мертвая тишина, нарушаемая лишь редкими ударами лодки о металл, и в этом безмолвии выкрик Блесс показался почти кощунственным. При виде отверстого входа людей охватил трепет.

— Тихо! — свирепо рявкнул Фригейт, но рассмеялся, сообразив, что их некому услышать.

— Мамуля, я иду! — кликушествовала Блесс.

— Заткнитесь, Крумс! — осадил ее Бартон. — Или во славу Господа я сброшу вас в воду. Здесь не место для истерик!

— Я — не в истерике! Я — в радости! Я полна милости Божьей!

— Ну и держите ее при себе.

Блесс начала толковать ему о близости рая, но уже гораздо спокойнее.

— Возможно, вы и правы, — вздохнул Бартон, — но позвольте заметить, что мы все вместе направляемся в одно и то же место. Если это рай — мы будем там с вами, если же ад...

— Не упоминайте его здесь, человеке! Это богохульство!

Бартон еще раз вздохнул. В обычном общении Крумс была человеком, в общем-то, разумным, но как только разговор касался религии, она превращалась в фанатичку, совершенно пренебрегающую жизненными реалиями и противоречиями своей религиозной доктрины.

Этим она очень напоминала Бартону его жену — Изабеллу, набожную католичку, умудрявшуюся при этом верить и в спиритуализм. Сильная, выносливая, безропотная Блесс Крумс на всем их пути не отступала перед трудностями, но при каждом удобном случае пыталась склонить спутников в свою веру.

Сквозь ворота Бартон разглядывал серый, с металлическими стенами, потолком и полом коридор, описанный Пахери, но не увидел и следа поверженных при входе в него египтян. Сам Пахери, напуганный разыгравшейся перед ним картиной, не рискнул пойти следом за ними; он остался в лодке. Эхнатон с египтянами рухнули на пол, и ворота закрылись так же бесшумно, как открылись. На обратном пути Пахери не удалось отыскать пещеру и, в конце концов, он в лодке устремился к первому же попавшемуся на пути водопаду и очнулся уже далеко от истоков Реки. Да, но теперь-то воскрешения прекратились...

Бартон расстегнул кобуру.

— Я пойду первым.

Он перешагнул через порог; и сразу его лицо и руки обдало теплым воздухом. Разлитый внутри ровный свет не отбрасывал теней — казалось, его излучали стены, пол, потолок. В конце коридора виднелась дверь. Входные ворота открывались массивными металлическими тягами, что выступали из шестифутовых кубов у наружной стены. Кубы выглядели выпуклыми частями пола: не было видно ни сварных швов, ни болтов.

Бартон подождал Алису, Афру, Нура и де Марбо. Он не велел им отходить далеко от ворот, затем окликнул остальных.

— Вам придется перетащить сюда маленькую лодку.

— Зачем? — спросил Тай Пенг.

— Поставим ее поперек ворот и не дадим им закрыться.

— Но они же могут просто раздавить ее!

— Сомнительно. Она из того же материала, что и цилиндры, и сама Башня.

— А выглядит совсем хрупкой...

— У цилиндров тоже тонкие стенки, но инженеры в Пароландо, которые пытались просверлить их, причем весьма мощными инструментами, не добились ничего.

Свет из коридора озарял лица сидевших в лодке. Все разные — удивленные, восторженные, непроницаемые. Кто же из них Икс?

Его приказу удивился лишь один Тай Пенг, но это ровным счетом ни о чем не говорило: этот малый вечно желал знать «что да почему».

Общими усилиями лодку подняли наверх и поставили поперек ворот, оставив половину снаружи, а половину внутри. По ширине она как раз помещалась в середине, оставляя узкий проход для людей с их поклажей.

Бартон отошел в сторону, наблюдая, как его спутники один за другим проходят внутрь зала; он держал в руке пистолет и велел Алисе вынуть свой. Увидев направленное на них оружие, все разинули рты и совершенно оцепенели, когда он приказал им поднять вверх руки и положить из за головы.

— Вы — Икс! — выдавил из себя Фригейт.

Бартон захохотал своим визгливым смехом гиены.

— Разумеется, нет! Но вот сейчас я этого Икса выведу на чистую воду!

* * *

— Вы готовы в каждом заподозрить Икса, даже в Алисе, — прервал его Нур.

— О, нет, — живо возразил Бартон. — Зато кое-кто из вас может оказаться агентом, и если это вы, то лучше признайтесь сразу. Этиков же я видел своими глазами в Совете, и здесь есть парочка, весьма напоминающая Икса.

Он помолчал. Понятно, что даже если среди них и есть агенты, то ни один из них в этом так просто не признается.

— Ну, ладно, сейчас я вам все растолкую. Как выяснилось, Иксом был Барри Торн и, возможно, Одисей. И тот, и другой — невысокого роста, но весьма плотного сложения. Они очень похожи друг на друга, хотя у Одисея были оттопыренные уши и темная кожа. Но, владея искусством маскировки, это можно сделать очень легко.

Оба они весьма напоминали Логу и Танабара, этиков Совета Двенадцати.

В нашей группе ими могут оказаться двое. Но я почти уверен, что погибший на «Рексе» инженер Подебрад был Танабаром — хотя допускаю, что он мог быть и Логой. Так вот, мы не сделаем ни шага отсюда, пока я не допрошу этих двоих. — Помолчав, он добавил: — Это Гильгамеш, называющий себя царем Урука, и Ах Куак, выдающий себя за древнего мексиканца.

Алиса тихонько сказала:

— Но, Ричард, если ты будешь слишком жесток, они же просто пойдут на самоубийство.

— Вы слышали ее? — загремел Бартон. — Нет? Так вот, она напомнила, что Икс в силах избежать допроса и всегда может покончить с собой. Но я-то хорошо понимаю, что сейчас у него совсем другие планы! Если он решится на самоубийство, то не доведет до конца осуществление своего замысла — уж не знаю, в чем имен-

но он заключается! И ныне у него нет возможности очнуться после смерти!

И еще... Я сейчас вынужден пойти на крайние меры, потому что дальше мы не можем двинуться без него. Только Икс знает, как отключить газ, или излучение, или что-то еще, повергнувшее египтян. И я хочу дождаться ответов на свои вопросы!

— Парень, да ты просто тронулся! — прервал его Том Терпин. — А если среди нас нет Икса? Это же все вилами на воде писано!

— Я совершенно уверен, что он — один из вас, — веско сказал Бартон. — Ну, а теперь вот что я собираюсь сделать. Если ни один не признается, я хорошенько пристукну и тебя, Гильгамеш, и тебя, Ах Куак. Вы — главные подозреваемые. И пока вы будете приходить в сознание, я вас загипнотизирую. Мне известно, что и арктурианец Монат Граутат, и человек, выдававший себя за Питера Джайруса Фригейта, и Лев Раух гипнотизировали моего друга Казза. И они не были единственными, игравшими в эти игры. Я прекрасно владею гипнозом, и если вы что-то утаите, я все равно вытяну это из вас.

В последовавшей за его тирадой мертвой тишине все беспокойно переглянулись.

— Вы — грешник, Бартон! — прервала общее молчание Крумс. — Мы стоим у врат рая, а вы толкуете об убийстве!

— Я ни словом не обмолвился об убийстве, дорогая леди, хотя, если меня вынудят, пойду на все. Я хочу лишь раскрыть эту тайну. Кто-то из нас может быть агентом! Заклинаю его выступить вперед и признаться. Вам нечего терять, но выиграть можно многое. Настало время, когда таиться больше нельзя.

— Но... мой дорогой Бартон, — заторопился де Марбо, — лично меня вы оскорбляете! Я совсем не проклятуший агент этиков! Я — тот, кто есть на самом деле, и убью всякого, рискнувшего назвать меня лжецом!

В разговор вмешался Нур.

— Если выяснится непричастность одного из них или обоих, тогда вы обвините и оскорбите ни в чем не повинных людей. Прежде всего это жестоко, к тому же вы обратите друзей во врагов. Нельзя ли загипнотизировать их, не прибегая к насильственным мерам?

— Мне самому претит мысль об этом — поверьте, я говорю совершенно искренне. Но этик, несомненно, сам великолепный гипнотизер и окажет сильнейшее противодействие моему внушению. Чтобы лишить его этой возможности, мне придется все-таки отключить их и захватить в полубессознательном состоянии.

— Это же чудовищная жестокость, Ричард, — осторожно сказала Алиса.

— Сейчас, — жестко произнес Бартон, — я требую, чтобы все вынули свое оружие и бросили его на пол. Делайте это по очереди и не торопясь. Нур, вы первый.

На пол с лязгом посыпались ножи и пистолеты. Когда все были обезоружены, Бартон велел им отступить назад. Алиса подобрала оружие и сложила в кучу у стены за спиной Бартона.

— Руки за голову!

Почти на всех лицах отразился гнев и возмущение, лишь физиономии Гильгамеша и Ах Куака остались непроницаемыми масками.

— Подойди ближе, Гильгамеш, — приказал Бартон. — Встанешь в пяти футах от меня и повернешься спиной.

Шумер медленно двинулся к нему, свирепо сверкнув глазами.

— Если ты меня ударишь, Бартон, то обрешь вечного врага. Когда-то я был царем Урука, я — потомок богов! Никто безнаказанно не поднимет на меня руку! Я убью тебя!

— Мне очень жаль, но я вынужден сделать это, — невозмутимо ответил Бартон. — Ты же должен понять, что решается судьба мира. Окажись я на твоем месте, я

никогда не осудил бы тебя за подобные действия. Да, я бы возмутился, но понял!

— Когда ты поймешь, что на мне нет вины, тебе придется убить меня! Иначе я покончу с тобой! Говорю истинную правду!

— Посмотрим.

Бартон решил: если Гильгамеш не окажется агентом, он даст ему гипнотическую команду забыть обо всем после выхода из транса.

Правда, ему могли напомнить об обиде остальные.

— Положи руки за шею, — командовал Бартон. — Повернись кругом. Не бойся, я тебя не покалечу, я хорошо знаю силу своего удара. Без сознания ты останешься лишь на несколько секунд.

Он повернул пистолет рукояткой вверх. С криком: «Нет!» Гильгамеш завертелся, опустил руки, сильно ударил ими по пистолету и вырвал его у Бартона.

В случае неудачи должна была стрелять Алиса, но, вместо этого, она попыталась ударить шумера дулом пистолета. Тот ринулся на Бартона, и он, человек недюжинной силы, не смог устоять под напором геркулеса, но сумел быстро подняться. Ричард ударил Гильгамеша по лицу, разбив ему в кровь нос и поставив хороший синяк. Шумер схватил его, поднял над головой и швырнул об стенку. Бартон рухнул на пол, как сноп.

Вокруг шумели и кричали. Алиса пронзительно визжала, но все же изловчилась, быстро перевернув пистолет, ударить шумера по голове рукояткой. Он качнулся и начал оседать.

Вдруг с невероятным проворством, удивительным для столь тучного человека, Ах Куак подлетел к Алисе, выхватил из ее рук оружие и бросился бежать по коридору.

Мгновенно выйдя из оцепенения, Бартон с криком вскочил на ноги.

— Держите его! Держите! Он — этик! Икс! Икс!

Но ноги его подкосились, будто из них выпустили воздух, и он сполз вниз.

В конце коридора индеец — фальшивый индеец! — стукнул левой ладонью по стене. Дверь моментально ушла в незаметную прорезь.

Бартон постарался точно запомнить место удара. Он полагал, что Икс привел в действие механизм, находящийся за стеной, а открытая дверь, видимо, блокировала ловушку, свалившую с ног египтян.

Малыш Нур молнией кинулся к стене, выхватил из груды оружия пистолет, приостановился на секунду и поднял его обеими руками. Раздался выстрел. Пуля чиркнула о край двери, через которую проскользнул Икс; осколки полетели в проем и вонзились в противоположную стенку. Икс упал. Они поняли это по мелькнувшим в проеме ногам, затянутым в черное, мгновенно исчезнувшим за дверью.

Нур подбежал вплотную к двери и остановился, затем осторожно заглянул внутрь и сразу же отдернул голову назад. Выпущенная Иксом пуля попала в стену сразу же за дверью. Нур опустил на колени и вновь заглянул в проем. Послышался выстрел изнутри, но он тоже, видимо, не задел мавра.

В один миг все расхватили оружие и бросились к дверному проему.

Умом понимая, что сожаления всегда бессмысленны, Бартон все же сокрушался: почему он не выбрал Ах Куака первой своей жертвой?

Он крикнул склонившейся над Гильгамешем Алисе: «Помоги ему!» Со слезами на глазах она взялась за запястье шумера. На его голове не было никаких следов от удара, ноги не расслабились; минута-другая, и он придет в себя.

— Фригейт! Тай Пенг! Тарпин! — окликнул Бартон. — Заберите с собой Гильгамеша! Еще кто-нибудь! Нам нужно успеть, пока Икс не закрыл дверь!

— Он скрылся! — завопил Нур.

К Гильгамешу подбежали трое мужчин, подняли его тяжеленное тело и с трудом потащили к двери. Бартон оперся на Алису, обняв ее за шею, и поплелся следом. Когда они оказались у двери, он уже почувствовал себя в силах идти без посторонней помощи.

Чтобы не дать двери захлопнуться, Тарпин поставил в проеме свой цилиндр. Как только Алиса и Бартон последними шагнули в коридор, дверь начала медленно выдвигаться из проема, но, встретив на пути цилиндр, остановилась.

Нур показал на пятно крови у входа и кровавые следы, уходящие внутрь.

— Пуля попала в стену, но он ранен рикошетом.

Выяснилось, что коридор тянулся в обе стороны и концов его они разглядеть не могли. Широкий — футов сорок, высокий — не меньше пятидесяти футов, он освещался ровным светом и повторял изгиб внешнего контура Башни. Бартон покачал головой, пытаясь понять, что же находится между внутренними и внешними стенами. Скорее всего, там было пустое пространство, но где-то размещалось оборудование, охранные устройства и хранилища. На уровне глаз через неравные промежутки на стенах рельефом выступали незнакомые буквы или эмблемы, напоминавшие руны или индуистские символы.

На случай, если дверь все-таки закроется, Бартон всадил пулю в то место на стене, где находился механизм.

Миновав последний кровавый след, они попали в нишу, в центре которой оказался круглый провал не меньше ста футов диаметром. Бартон остановился у края и заглянул вниз. Свет из коридора падал в темную многоярусную шахту со множеством ниш и отходящих по сторонам помещений; трудно было определить глубину этого колодца, но она казалась не меньше нескольких миль. Встав на колени и цепляясь за край, он взглянул вверх. Высота этого сооружения, видимо, не

превышала мили — высоты самой Башни над уровнем моря.

К этому времени Гильгамеш пришел в себя. Обхватив голову руками и постанывая, он сел на полу. Через минуту он взглянул на окружающих.

— Что случилось?

Бартон рассказал ему о происшедшем. Он глухо застонал и спросил:

— Значит, не ты ударил меня? Это была женщина?

— Да, И я прошу у тебя прощения, если это что-нибудь может изменить.

— Ну, что ж, она только защищала своего мужа... Поскольку не ты нанес удар, то оскорбления здесь нет. Но все же это было весьма несправедливо.

— Я думаю, ты скоро оправишься, — утешил его Бартон. Он благоразумно промолчал, что все-таки врезал ему по физиономии; в сложившихся обстоятельствах правдой имело смысл пожертвовать. В своей жизни он легко наживал врагов, совершенно не заботясь о последствиях, и даже получал от этого известное удовольствие, но за последние двадцать лет понял всю неразумность такой повадки. Эту мысль внушил ему Нур, хотя и не в нравоучительных беседах; Бартон лишь присутствовал при разговорах мавра с Фригейтом, его учеником, и многое из них почерпнул.

— Мне кажется, — сказал он, — что Икс воспользовался каким-то лифтом, хотя я ничего подобного здесь не вижу. Вроде бы и никакого оборудования нет, чтобы что-то поднять или опустить.

— Вероятно потому, что и никакой кабины не существует, — заметил Фригейт. Бартон взглянул на него. Питер достал из своего мешка пластиковую пулю, привязал к поясу и опустил вниз футов на двадцать; там она и застряла, будто завязнув в тесте.

— Черт возьми! Ни за что бы не догадался, однако это так!

— Что такое?

— В шахте действует некое поле. Но... как же нам попасть туда, куда мы собираемся? Возможно, поле перемещает по какому-то паролю, словесному коду...

— Весьма здравая мысль, — поддержал его Нур.

— Благодарю вас, учитель. Только... как быть, если кто-то хочет подняться одновременно с тем, кто спускается?... Возможно, поле воздействует сразу в двух направлениях?

Если шахта лифта (а кроме этой явно должны быть и другие) являлись единственным способом сообщения между ярусами башни, то они могли оказаться в западне. Здесь этику просто удастся уморить их голодом.

Бартон пришел в ярость. Всю жизнь он попадал в какие-то ловушки и умел находить выход из них; правда, в одной он задержался очень надолго. Сейчас же он стоял на пороге разгадки великой тайны, а его вновь заманивают в западню, из которой, пожалуй, выскользнуть не удастся.

Он шагнул в провал, медленно опуская ногу, пока не почувствовал какое-то противодействие. Убедившись, что невидимое нечто выдержит его вес, Ричард перенес через край и вторую ногу. В состоянии, близком к панике, он ожидал, что вот-вот окажется во власти неведомых сил. Но он продолжал стоять, стоять ни на чем, а под ним темнела бездна.

Он прихватил висевшую пулю и протянул ее Фригейту.

— Ну, и как там? — спросил Нур.

— Не понимаю... Это не совсем так, как в воздухе... Есть какое-то легкое сопротивление моим движениям. Но, однако, дышится легко.

Все больше ощущая беспокойство, он ступил обратно на пол коридора.

— Совершенно не похоже, что стоишь на твердом. Просто слегка оседаешь под воздействием своего веса.

Все замолчали. Наконец Бартон решился.

— Ну что ж, теперь мы вполне можем двигаться дальше.

* * *

Они дошли до следующей ниши, отмеченной барельефами; в ней тоже была шахта. Бартон оглядел ее — в надежде, что они на чем-нибудь смогут подняться или спуститься, — но там также зияла пустота. Когда они вышли обратно в коридор, Фригейт спросил:

— Интересно, а вдруг Пискатор еще жив? Если только он дошел до...

— Если только, — резко оборвал его Бартон. — Мы не можем жить по принципу «если только», хотя вам, похоже, это вполне подходит.

Фригейта явно задел его выпад.

— Как я понимаю, — поспешно вмешался Нур, — Пискатор был суфием. Это вполне объясняет, почему он смог миновать верхние входные ворота в Башню. По рассказам я рискну предположить наличие там некой силы, аналога электромагнитного поля, предотвращающей проход любой личности, которая не достигла определенной степени морального совершенства.

— Должно быть, он сильно отличается от остальных суфиев, кроме присутствующего здесь, разумеется, — фыркнул Бартон. — Я-то их знал в Египте... Сплошное жулье!

— Существуют истинные и мнимые суфии, — Нур будто и не заметил его издевательского тона. — Как бы то ни было, мне представляется, что атман отражает этическое или духовное развитие личности, и его проявление может создать защитное поле, допускающее или отвергающее проникновение человека в Башню.

— Тогда каким же образом удалось пройти Иксу? Совершенно очевидно, что его этический уровень значительно ниже, чем у остальных.

— А вот этого мы не знаем, — пожал плечами Нур. — Но если он говорил об этиках правду... — Мавр помолчал и продолжил: — Если защитное поле допускает проникновение лишь высокоморальных личностей, значит, Икс обладает каким-то тайным способом, позволяющим избежать его воздействия. Видимо, он создал проход для себя при строительстве башни, заранее предусмотрев такую возможность. Даже тогда он понимал, что верхний вход для него недоступен.

— Нет, — возразил Бартон, — этики могли бы уловить излучение его атмана. А если так, то они бы поняли, что их собрат деградировал и стал ренегатом.

— Может быть, — предположил Фригейт, — его атман представляется нормальным благодаря какому-то прибору, преобразующему его истинное проявление. Я имею в виду то проявление, которым он обладает, не пользуясь преобразователем. Тогда он не только выглядел вполне достойной личностью среди своих собратьев, но и ухитрялся обмануть защитный механизм на входе.

— Весьма возможно, — согласился Нур, — но разве не могли остальные этики разузнать о преобразователе?

— Нет, поскольку они его никогда не видели и даже не слышали о нем. Видимо, это изобретение Икса.

— К тому же у него был свой потайной выход, и он легко и незаметно покидал Башню, — добавил Бартон.

— Из этого следует, что в Башне нет чего-то подобного радару.

— Вот как? — оживился Бартон. — Да, конечно, иначе они обнаружили бы и первую, и вторую группу посетителей еще на спуске с выступа. Радар нашел бы и пещеру, хотя вряд ли она насторожила бы операторов. Почему? Да потому, что они даже не допускали мысли, что кто-то может забраться так далеко на север.

— Если вам в Совете Двенадцати сказали правду, значит, мы все обладаем атманами. Их атманы вы виде-

ли. Единственное, что я не могу понять, — почему они не выследили вас раньше. Совершенно очевидно, что отпечаток вашего атмана был введен в гигантский компьютер, о котором упоминал Спрюз. Впрочем, я полагаю, что он содержит данные обо всех людях.

— Возможно, Иксу удалось ввести в машину искаженное отображение моего атмана, — предположил Бартон, — и именно поэтому агента Эгню снабдили моей земной фотографией.

— Мне представляется, что у этиков непременно должны быть дублирующие сканеры, — сказал Фригейт, — но они не смогли обнаружить ваш атман именно потому, что он был искажен.

— Гм-м! — призадумался Нур. — Интересно вот что: не приводит ли искажение атмана к деформации самой личности?

— А вы вспомните рассказ де Марбо об изучении Клеменсом связи между атманом, или ка, или души — назовите, как хотите — и телом человека, — напомнил им Бартон. — Он пришел к выводу, что именно атман является сущностью личности. В противном случае он бессмысленен и бесполезен. И совершенно ни к чему придавать атман заново воспроизведенному телу, ибо копия никогда не повторяет оригинал в точности. Они могут быть до определенной степени подобны, но это будет уже другое тело. Если атман или душа и есть, собственно, личность,местилище самосознания, значит, мозг этого самосознания лишен. Без атмана физический мозг в состоянии мыслить, но он не способен к независимости; он не обладает осознанием собственного «я». Атман пользуется физической оболочкой, как человек лошадью или автомобилем.

Пожалуй, это не совсем точное сравнение; скорее, альянс атмана и плоти больше напоминает кентавра. Обе составляющие, человек и конь, нужны друг другу для безотказного, совершенного функционирования. Одно без другого лишено смысла! Возможно, в процес-

се самопознания и сам атман нуждается в телесной оболочке. Этики утверждали, что отделившийся от тела после смерти несовершенный атман блуждает в некоем пространстве; при этом он не утрачивает полностью ощущения собственного «я», но сознанием не наделен.

Однако, по нашим предположениям именно тело порождает атман. Каким образом — не знаю, у меня даже гипотезы на сей счет не имеется, но без телесной оболочки атман возникнуть не может. Зародыши атмана существуют уже в человеческом эмбрионе, в детском теле — детский атман. Вслед за телом атман обретает свою зрелость.

Но существуют два этапа зрелости. Позвольте мне назвать вторую из них суперзрелостью атмана. Если он не достигнет определенного уровня морального и умственного развития, то после физической смерти тела обречен вечно скитаться во Вселенной, утратив осознание собственного «я».

Здесь же воспроизводят тело, а с ним воссоединяется родственный ему атман. Это тело способно обладать интеллектом, но не осознанием собственного «я». Такая способность присуща воссоединившемуся с ним атману, но лишь в результате взаимодействия с плотью.

Эволюция от обезьяны к человеку могла произойти и в отсутствие атмана, но тогда он мог бы обладать языком, мог создать технику и науку, но не религию, ибо восприятие им собственной личности не отличалось бы от восприятия муравья.

— А какой же тогда возник бы язык? — поинтересовался Фригейт. — Только представьте себе лингвистическую структуру, в котором нет обозначения для наречий «я», «мне», «вы» или «вам». Думаю, он не мог бы развиваться, во всяком случае, в нашем понимании. Говорящие на нем существа останутся ничем иным как высокоразвитыми животными, живыми машинами, лишь в меньшей степени зависящими от инстинктов, чем обычные безмозглые твари.

— Об этом мы поговорим в другой раз.

— Нет, но все-таки, а как же с шимпанзе?

— Видимо, в них должен быть заложен некий рудиментарный атман с примитивным уровнем осознания собственного «я». Впрочем, вообще еще не доказано, что они обладают каким-либо языком и самосознанием.

Итак, атман — вне тела — не в силах проявить и развить самосознание. При неразвитом интеллекте не развит и атман, и поэтому в данных обстоятельствах он способен достичь лишь невысоких степеней этического уровня.

— Нет! — запротестовал Фригейт. — Здесь вы смешиваете ум с моралью. Нам с вами известна такая масса примеров — я говорю о людях высочайшего ума, но совершенно аморальных, равно как и наоборот, — что вряд ли мы можем поверить в непреложность сочетания высокого интеллектуального уровня и столь же высокой моралью.

— Ну, вы забываете о воле.

Они дошли до следующей ниши, и Бартон заглянул в шахту.

— И здесь ничего.

Двинулись дальше. По пути Бартон продолжал вести беседу в манере Сократа.

— Итак, воля. Следует признать, что абсолютно свободного волеизъявления не существует; оно находится в зависимости как от факторов, пребывающих вне тела, от внешней среды, так и от внутренних. Физические и умственные травмы, обмен веществ и тому подобное способны влиять на волю личности. Маньяк может долго оставаться порядочным человеком, пока болезнь и увечья не превратят его в насильника и убийцу. Множество людей под воздействием психологических и химических факторов обращаются в калек или чудовищ.

Мне связь тела с атманом представляется столь тесной, что малейшие изменения в нем немедленно отра-

жаются на нашей душе. Атман идиота или слабоумного сам идиотичен и недоразвит. Видимо, поэтому (если только наше предположение верно) этики и возродили безумцев где-то в другом месте, и там они подвергаются особому лечению. Но несмотря на высочайший уровень их медицины эти люди не в силах обрести полноценный мозг, а следовательно и высокоразвитый атман, способный к здравому выбору между добром и злом.

— А значит, — добавил Нур, — и возможность развития суператмана и в результате — воссоединение с Богом. Я с интересом слушал вас, Бартон, но со многим в ваших рассуждениях не могу согласиться. Вы намекаете, что Бог не печется о душах своих чад. Но он не в силах допустить их бессмысленного скитания и равно дарит всем свое милосердие.

— А может быть, Бог — если только он существует — совсем этим и не озабочен, — прервал его Бартон. — Доказательств-то его вмешательства нет.

— Так вот, я утверждаю, что человеческая личность без атмана не обладает свободной волей, то есть возможностью совершить выбор между двумя или несколькими моральными альтернативами, преодолеть потребности плоти, личных наклонностей или влияния среды. Возвысить себя под их давлением своими собственными трудами. Лишь атман обладает свободой воли и самосознанием. При этом я допускаю, что выявиться это может только с помощью тела. Атман тесно взаимодействует с телом и сам подвергается его воздействию. Несомненно, он приобретает его индивидуальные особенности, во всяком случае — их большую часть.

— А не вернуться ли нам к отправной точке наших рассуждений? — спросил Фригейт. — Мы ведь еще не сумели точно определить различие между атманом и телом. Представляя идею собственного «я» и свободной воли, атман, тем не менее, зависит от индивидуальных особенностей тела, его генетической и нервной системы. Это реалии, которые он воспринимает и поглощает.

Или отображает! Значит, атман — это лишь копия, но не оригинал.

Следовательно, со смертью тела он тоже перестает жить. Он отлетает, отторгается — хотя и неизвестно, что это означает. Он обладает отраженными мыслями и чувствами — всем, что, собственно, присуще личности. При воссоединении с воспроизведенным телом именно в нем заключена свобода воли и самопознания. Но это будет уже иная личность.

— Все, что вы сейчас доказывали, — отозвалась Аф-ра Бен, — означает, что души нет, она непостижима. А если даже она и существует, то является сверхнеуловимой и ничего общего не имеет с бессмертием индивидуума.

Молчавший во время разглагольствований Бартона Тай Пенг вступил в дискуссию:

— Я бы сказал, что атман — это лишь часть всего сущего, его бессмертная частица. Только его этики могут хранить. Вероятно, это то же самое, что «ка» в толковании Церкви Второго Шанса.

— Тогда атман — обманная половина, только часть меня самого, умершего на Земле! — воскликнул Фригейт. — Меня можно действительно воскресить только тогда, когда воскреснет мое подлинное тело.

— Но эта часть, вожденная Богом для слияния с Ним, — тихо произнес Нур.

— А что за радость в том, чтобы его поглотили? Я желаю быть самим собой, цельным созданием, единством.

— Вы обретете радость, став частицей Божьей плоти.

— Вот как? А если я ничем, кроме себя, быть не желаю?

— Но ведь на Земле, обретя зрелость, вы стали иным, чем в детстве, — убеждал его Нур. — В каждую секунду жизни все ваше существо представляло и представляет непрерывную цепь изменений. Атомы вашего

тела при рождении и в возрасте восьми лет — разные: одни сменяются другими. То же самое происходит и позже. К пятидесяти годам они не те, что в ваши сорок. Меняется ваше тело и вместе с ним ваш мозг, груз ваших воспоминаний, верования, ваши привычки, реакции. А когда — или если — вы, создание, творение возвратитесь к Творцу, то изменитесь вновь. И это будет последним обращением. Вы навсегда пребудете в Неизменном: Он не нуждается в переменах, ибо совершенен.

— Пустая болтовня! — Фригейт весь побагровел, сжав кулаки. — Есть моя неизменная сущность, и она жаждет жить вечно, пусть даже оставаясь несовершенной. Да, я стремлюсь к совершенству, хотя это, вероятно, и недостижимо! Именно такое стремление делает жизнь сносной, пусть она иногда и становится невыносимой! Я хочу навсегда оставаться самим собой! Мне безразличны происходящие во мне перемены, но есть во мне нечто — неизменная сущность или душа — сопротивляющаяся смерти, ненавидящая ее, возвещающая ее противоестественность! Смерть — это оскорбление и несправедливость, и в известном смысле она — невероятна, неправдоподобна! Если мы должны следовать предначертаниям Творца, то почему бы Ему не поделиться этим с нами? Неужели мы так тупы, что не в силах их постигнуть? Ему следовало бы прямо поведать нам о них! Книги, написанные пророками, провозвестниками, ревизионистами, будто бы возглашавшими по воле Его — так называемые «откровения» — ничто иное, как ложь! В них нет ни малейшего смысла! Да они и противоречат друг другу! А само слово Божье разве не полно разночтений?!

— Это лишь кажущиеся противоречия, — опять вмешался Нур. — Когда вы достигнете более высокого уровня мышления, то поймете, что противоречий там нет.

— Тезисы, антитезисы, синтез! Все это устраивает человеческую логику! Но я продолжаю настаивать на

том, что негоже оставлять нас в неведении. Нам должны быть открыты Его предначертания. Вот тогда мы сможем осуществить свой выбор: пойти по их пути или пренебречь ими!

— Вы все еще пребываете на низкой ступени самосовершенствования и, кажется, сильно запутались, — продолжал спор маленький суфий. — Вспомните шимпанзе! Они достигли определенного уровня, но не смогли продвинуться дальше. Ими сделан ошибочный выбор, и они...

— Я же не обезьяна! Я — человек!

— Но вы можете стать чем-то более значительным, чем просто человек!

Они подошли к следующей нише; здесь не было шахты, а обнаружился огромный арочный проход. За ним виднелся зал, поразивший путников своей величиной — около полумили в длину и ширину. По обеим сторонам тянулись тысячи столов, заставленных приборами непонятного назначения.

На полу же валялось не меньше сотни скелетов, на столах — ребра и черепа, на сиденьях стульев — бедренные и тазовые кости, под стульями — голени и стопы. Смерть поразила людей в одночасье.

Нигде не было видно никаких следов одежды. Все, проводившие опыты, работали нагими.

— Когда меня допрашивали в Совете Двенадцати, — заметил Бартон, — все этики были в одежде. Возможно, они экипировались, дабы пощадить мою скромность... или у них принято одеваться для заседаний.

Некоторые из приборов на столах еще действовали. Ближний к Бартону представлял собой прозрачную сферу величиной с человеческую голову; на первый взгляд, в ней не было отверстий, но несмотря на это сверху из нее вырывались крупные пузыри — они поднимались к потолку и там лопались. Рядом стоял прозрачный куб, в котором при каждом подъеме пузырька вспыхивали буквы.

Пришельцы двинулись между столами, втихомолку удивляясь причудливости оборудования, и одолели еще четверть мили, когда Фригейт вдруг воскликнул:

— Взгляните-ка!

Он показал на кресло с колесиками, стоявшее в широком проходе; на сидении валялась бесформенная груда костей и череп, рядом, на полу — обломки голеней и ступни.

Набивное сиденье кресла было обтянуто мягким материалом с рисунком из переливающихся блеклых красных и зеленых зигзагов.

Бартон небрежно смахнул с него кости, что вызвало негодующий протест Блесс. Затем он уселся в кресло, обратив внимание, что сиденье тут же приняло форму его тела. На массивных подлокотниках, у самого края, сверкали металлические диски. Ричард осторожно нажал черную точку в центре правого белого диска. Ничего! Тогда он нажал ту же точку на левом подлокотнике, и из него выскользнул металлический стержень.

— Ага!

Бартон медленно потянул его назад.

— Под креслом оказался просвет, — предупредил Нур.

Кресло беззвучно приподнялось над полом на несколько дюймов.

— Нажмите-ка справа на переднюю часть диска, — предложил Фригейт. — Вдруг там регулируется скорость.

Бартон нахмурился в раздражении: он не терпел, когда ему давали советы, но все же нажал кончиком пальца на указанное место. Медленно-медленно кресло стало возноситься к потолку.

Не обращая внимания на восторженные восклицания и посыпавшиеся со всех сторон новые советы, он

толкнул рукоятку к неподвижному центру, и кресло двинулось по горизонтали вперед. Тогда он увеличил скорость и повернул левую рукоять вправо. Кресло послушно повернулось под углом — причем даже не качнувшись — и направилось к дальней стене. Заставив послушное сиденье несколько раз подняться до потолка и опуститься вниз, Бартон немного повертел его на месте, убыстряя ход примерно до десяти миль в час, и только тогда сошел на пол.

Он улыбался, его черные глаза горели в возбуждении.

— Вот на чем нам удастся подняться в шахте! — воскликнул он.

Но кое-кто остался недовольным манипуляциями Бартона.

— Видимо, оно может двигаться с большей скоростью, — заявил американец. — А если придется внезапно остановиться? Вдруг вы из него вывалитесь?

— Это мы сейчас выясним, — и Бартон, сев в кресло, поднял его на несколько дюймов и, увеличив скорость, проехал полмили по направлению к стене.

В двадцати ярдах от нее он ослабил нажим на правый диск. Тотчас кресло замедлило ход, но так плавно, что пассажиру ни в коей мере не грозила опасность растянуться на полу. В пяти футах от стены оно остановилось.

— Вероятно, в механизм встроены датчики. Я попытался врезаться в стену, но оно не поддалось.

— Замечательно! — воскликнул Фригейт. — Теперь мы попытаемся пробраться по шахте. Ну, а вдруг сейчас этики за нами наблюдают и сразу вырубят там энергию? Мы же разобьемся насмерть или, в лучшем случае, застрянем где-то между ярусами.

— Станем проходить их по одиночке: один ждет у яруса, пока не переправится следующий. В этом случае попадется лишь один из нас, а остальные пока будут начеку.

Бартон с неудовольствием подумал: «С чего это Пит так осторожничает?» — но вынужден был признать обоснованность его опасений.

— Еще одно, — продолжал тем временем американец. — А если при встречном движении один из сидящих в кресле умрет, что же его остановит?

— Видимо, встроенный в него датчик... во всяком случае, я так думаю.

— Прекрасно. Тогда сейчас каждый разыщет себе кресло и научится им управлять. И куда потом — вверх или вниз?

— Ну, сначала, конечно, на верхний ярус. Мне кажется, что их штаб, мозговой центр всей операции находится там.

— Знаете, ваши предсказания из разряда пророчеств Моисея: всегда сбывается с точностью до наоборот.

Ну что ж, парень нашел случай расквитаться с ним, подумал Бартон. Пит так хорошо знал его земную жизнь, что легко находил уязвимые точки.

— Неправда, — спокойно возразил он. — Например, я предупреждал британское правительство о восстании сипаев еще за два года до него. Они же от меня отмахнулись. Так что меня можно скорее назвать Кассандрой, чем Моисеем.

— Туше! — воскликнул Фригейт.

Через несколько минут возле Бартона остановилось кресло Гильгамеша. Он плохо выглядел и казался обеспокоенным.

— Что-то у меня с головой — очень болит. И в глазах все двоится...

— Ты можешь ехать дальше? Или хочешь остаться здесь и передохнуть?

Шумер покачал своей бычьей головой.

— Ну, нет. Мне потом вас не найти! Я только хотел сказать, что совсем болен.

Вероятно, Алиса стукнула его сильнее, чем намеревалась.

Бартона окликнул Том Терпин:

— Эй, Дик! Кажется, я обнаружил, как тут добывают пропитание. Смотрите-ка!

Он вертелся вокруг металлического бокса с множеством дисков и кнопок, находившегося на столе и подсоединенного черным шнуром к розетке в полу. Том приоткрыл переднюю стеклянную дверцу — внутри стояли тарелки, полные еды, и кружки с питьем.

— Это что-то вроде наших цилиндров, — его темное лицо расплылось в улыбке. — Вначале было совершенно непонятно, как с ним управляться, но я стал просто нажимать подряд все кнопки, и через несколько секунд на моих глазах появилась вся эта роскошь.

Он открыл дверцу пошире и вытащил содержимое ящика наружу.

— У-ух! Ну и запах у этого мяса! Да еще хлеб!

Бартон решил, что сейчас действительно самое время подкрепиться. Возможно, где-то еще есть подобные устройства, но здесь ни в чем нельзя быть уверенным. А они были очень голодны.

Терпин опробовал другую комбинацию кнопок и дисков, и на этот раз им выдали смесь французских, итальянских и арабских блюд — сплошь деликатесы. Правду сказать, некоторые из них были недоварены, а верблюжье филе оказалось слишком острым для большинства. Стали пробовать и другие комбинации. Результаты были самыми неожиданными, но далеко не все приходилось по вкусу. В конце концов Том напнулся на диск, регулирующий степень варки, и теперь они получали только готовые блюда — жидкие или густые, кто что захочет. За исключением Гильгамеша все с жадностью глотали пищу, вино, курили сигареты и сигары, доставшиеся им из этого же волшебного ящика. И воды было в избытке: повсюду на стенах виднелись краны.

Дело кончилось тем, что все дружно начали искать туалет. Неподалеку обнаружились просторные кабины с каким-то особым оборудованием. Там не было слива — моча и экскременты исчезали, не достигнув днища клозета.

Гильгамеш чуть-чуть пожевал хлеба, но его тут же вырвало.

— Я не в силах идти с вами, — вынужден был признать он, вытирая подбородок и тут же снова извергая изо рта в раковину жидкую струю. — Совсем расхворался!

Бартон терзали сомнения, так ли уж ему плохо. Все-таки он мог оказаться агентом и лишь ждал удобного случая избавиться от них.

— Нет, ты пойдешь вместе с нами, — твердо произнес он. — Вдруг мы потом не сумеем тебя разыскать, а в кресле можно передвигаться без труда.

Он повел свою команду к шахте. Когда его кресло оказалось над провалом, Ричард вытянул ногу: его носок не почувствовал ни малейшего препятствия. Ощущения были совсем иными, чем в предыдущей шахте — возможно, при появлении кресла поле автоматически отключалось.

Оттянув на себя рукоять, Бартон слегка коснулся диска.

Кресло медленно приподнялось, но как только он сильнее прижал диск, подъем ускорился. В глубине каждой ниши он видел коридоры и помещения, заполненные странными приборами; скелетов, однако, нигде не было. На десятом ярусе он обнаружил помещение, меньшее по размерам чем тот зал, который они покинули. Там стояли двенадцать длинных столов, на каждом — по двенадцать тарелок и чашек, несколько черепов и костей. На стульях и на полу также валялись кости. На столе в углу высился бокс с пищей.

Бартон продолжал подъем, время от времени останавливаясь, пока не добрался до верха шахты. Весь путь

занял пятнадцать минут. Здесь по одну сторону шла ниша, за которой тянулся коридор; с другой стороны, за коротким проходом, простиралась огромная галерея. Покинув кресло, Ричард наклонился над шахтой и трижды мигнул фонариком. Снизу ему ответили неяркой, но вполне заметной вспышкой света. Появившийся первым Нур не делал по пути остановок и добрался до него за двенадцать минут.

Терпение никогда не было основной добродетелью Бартона; он соблюдал его лишь при крайней необходимости, но нередко и в этих случаях пренебрегал им. И сейчас он сразу же уселся в кресло и направился по длинному коридору, на рекогносцировку.

Бартон миновал множество открытых дверей, разглядывая снаружи малые и большие комнаты. В некоторых стояла аппаратура; другие, видимо, предназначались для жилья. Кое-где было полно скелетов, где-то их не было совсем. Коридор тянулся перед ним мили на две; он уже собирался повернуть обратно, когда справа заметил запертую дверь. Ричард остановил кресло, сошел с него, вытащил пистолет и осторожно подошел ближе. Над дверью виднелось тринадцать эмблем: двенадцать спиралей образовывали круг с солнечным диском в центре. Вместо ручки выступал барельеф, изображающий человеческую руку с согнутыми пальцами, будто собиравшимися что-то схватить.

Он повернул ее и толкнул дверь.

Его глазам открылось огромное помещение, представляющее собой бледно-зеленый полупрозрачный сфероид, окруженный и пересекаемый меньшими сферами. На одной из стенок выделялся темно-зеленый овал — нечто вроде киноэкрана. От деревьев, видневшихся на заднем плане, исходил запах сосны и кизила; на переднем призрачная лисица гналась за призрачным кроликом. На дне сферы стояли полукругом двенадцать кресел — на десяти восседали скелеты, два были пусты.

Бартон с трудом перевел дух. Эта комната всколыхнула в нем страшные воспоминания. Именно здесь он очнулся после семисот семидесяти семи самоубийств, предпринятых в надежде спастись от этиков. Именно здесь он предстал перед Советом!

Сейчас от существ, представлявшихся ему некогда богоподобными, осталась лишь груда костей. Он шагнул одной ногой за порог, проткнув при этом прозрачный шар и испытав при этом лишь слабое сопротивление. Такую же слабую препопу ощутило и все его тело. Бартон передвинул вторую ногу и повис на пружинящей пустоте — или на том, что принимал за нее.

Он вновь вынул из кобуры пистолет, прошел сквозь две сферы, сразу же сомкнувшиеся за ним и обдавшие спину легким дуновением воздуха, и оказался в Зале Совета. Подойдя к пустым креслам, Ричард заметил некий блеск: на сиденье одного из них лежали выпуклые линзы. Он поднял странный прибор, узнав многофасетчатый «глаз» человека, показавшегося ему главой Совета — Танабара.

То был не драгоценный камень, не искусственное приспособление, заменявшее око, как ему показалось тогда, а линза, которая вставлялась и вынималась из глаза. После минутного колебания он оттянул веко и вставил ее себе в левый глаз.

Картина сразу же затуманилась, изображение исказилось. Бартон прикрыл правый глаз.

— О-о-о-ох! — он широко открыл прижмуренный глаз.

Он парил в космосе, в полной тьме, лишь вдали мерцали звезды и скопления светлых газовых облаков. Его охватило ощущение невероятного холода, скорее даже только его осознание, потому что озноба он не чувствовал. И еще он понял, что не одинок здесь. Пусть никого поблизости не было, но где-то ему сопутствуют неисчислимые сонмы душ, триллионы триллионов, — нет, значительно больше! Вот он мчится к свети-

лу, оно становится все обширнее, но внезапно он понимает, что пылающая масса — не звезда, а огромное скопление сверкающих в пламени душ — душ, сгоревших не в адском огне, а в пламени экстаза, никогда прежде им не испытываемого, того экстаза, что тщетно пытались обрисовать людям мистики всех времен.

В смятении и ужасе он страстно отдался во власть переполнявшего его экстатического восторга. Но этот страх! Ему нужно его преодолеть! Ведь никогда и ничем нельзя было утратить Ричарда Бартона! Ему неизвестно это чувство!

Он закрыл правый глаз и вновь оказался в космосе. Вновь мчался в нем быстрее света к солнцу. И вновь ощутил присутствие неисчислимых спутников. Вдали кружили звезды, они вырастали перед ним, и вновь он видел пламя триллионов триллионов триллионов душ.

Вдруг Бартон услышал беззвучный зов, невыразимо восторженный и приветливый; он с головой погрузился в солнце и стал ничем — и, одновременно, всем. А затем не стало и его самого. Он был лишь частицей все-ленского экстаза, частицей кого-то иного, кто не был в тоже время иным.

Он иступленно закричал и открыл правый глаз. В дверях стояли Алиса, Нур, Фригейт и остальные — они пристально вглядывались в него. Дрожа от возбуждения, он пошел к ним сквозь шары, но тут же заметил, что среди них нет Гильгамеша, а Алиса плачет.

Не обращая внимания на их расспросы, он резко спросил:

— Где Гильгамеш?

— Он умер по дороге, — ответила Алиса.

— Мы оставили его там в кресле, — объяснил Нур. — У него, видимо, было сотрясение мозга.

— Я убила его! — Алиса снова зарыдала.

— Очень сожалею, но ему ничем нельзя было помочь. Если он ни в чем не виноват, то ему следовало подвергнуться гипнозу. А может быть, он все-таки

агент, — Бартон обнял Алису. — Ты сделала все, как надо. Если бы ты не вмешалась, он убил бы меня.

— Я все понимаю... мы совсем не знали намерений этих двух людей. Но Гильгамеш нравился мне, и вот теперь...

Бартон решил дать ей выплакаться, чтобы снять с души чувство вины. Он отпустил ее, повернувшись к своим спутникам. Нур поинтересовался, чем он здесь занимается, и Бартон рассказал о найденных им линзах.

— По-моему, вы здесь были не меньше часа, — заметил Фригейт.

— Да, знаю, но мне это время показалось минутой.

— Ну, а каковые же ваши ощущения после всего увиденного? — спросил Нур.

Бартон помолчал в некотором колебании.

— Во мне не сохранилось потрясения. Но я ощущаю... ощущаю и сейчас невероятную близость со всеми вами! Я чувствовал к некоторым из вас привязанность... но сейчас... я вас всех люблю!

— С ним это может быть только в шоке! — пробормотал Фригейт.

Бартон не обратил внимания на его слова.

Мавр взял в руки многогранную линзу и посмотрел сквозь нее, прищулив правый глаз.

— Ничего не вижу. Вероятно, ее нужно вставить под веко.

— Мне кажется, этой линзой мог пользоваться лишь глава двенадцати, Танабар. Что-то вроде ритуального отличия или эмблемы руководителя, некая традиция... Хотя, может быть, я ошибаюсь, и ее применяли по очереди все члены Совета в часы собраний. Она давала им ощущения, подобные тем, что испытал и я — близость и любовь к каждому находящемуся здесь.

— В таком случае это мог чувствовать и Икс, — предположил Тай Пенг.

— Не могу понять одного: почему линза ввергла меня в состояние экстаза, — недоумевал Бартон. — Кажется, Танабар пребывал в полном покое.

— Весьма возможно, что члены Совета привыкли к ощущениям, вызываемым линзой. Они пользовались ею часто, и это смягчало ее воздействие, — решил Нур.

Он поставил линзы под веки и закрыл правый глаз. В тот же миг его лицо озарилось экстатическим восторгом, но тело осталось в полной неподвижности. Спустя две минуты Бартон потряс его за плечо.

Нур пришел в себя и вдруг разразился слезами. Овладев собой и вынув линзы, он сказал:

— Да, они вызывают состояние экстаза, подобного тому, что пытались нам обрисовать святые... — Он протянул линзы Бартону. — Но это ложный экстаз, внушенный нам этими поделками. К истинному же может привести лишь духовный подъем.

Все загорелось желанием испытать линзы, но Бартон решительно пресек все попытки:

— Потом. Сейчас у нас нет времени. Нам нужно отыскать Икса, прежде чем он сам наткнется на нас.

* * *

Они приблизились к огромной закрытой двери, густо испещренной сверху до низу таинственными письменами. Бартон остановил кресло и огляделся; видимо, единственным ключом к двери была выступающая над поверхностью стены кнопка. Он нажал ее, и тотчас две створки плавно раздвинулись, и перед ним открылся широкий проход, в конце которого виднелись новые двери, вдвое больше прежних. Бартон нажал кнопку возле них.

Все с изумлением уставились в гигантский зал с купольным потолком. Это помещение тянулось более чем на полмили; под ногами пришельцев лежала ярко-зеле-

ная стриженная трава, в глубине возвышались деревья. Шумели водопады, низвергающиеся с высоты сорок-пятьдесят футов, растекавшиеся ручьями во все стороны; по их берегам рос цветущий кустарник. Повсюду виднелись невысокие плоские утесы. Если судить по оставшимся на них тарелкам и бокалам, они, видимо, служили тут вместо столов.

Потолок представлял собой синее небо с клочковатыми облаками и неким подобием солнца, висевшим в зените.

Не переставая оглядываться по сторонам, они двинулись по этому зимнему саду. Повсюду валялись скелеты; первый лежал около утеса. Кроме человеческих, здесь были костяки птиц, оленей и животных, похожих на кошек, собак и енотов.

— Видимо, сюда приходили пообщаться с природой, — предположил Фригейт. — Что ж, весьма приемлемая имитация.

Ранее им казалось, что по радиокоманде, поданной Иксом, сработали маленькие черные шарики в мозгу каждого из обитателей Башни — шарики, пославшие в тело яд. Но отчего же погибли животные?

Голод! Их погубил голод!

По коридору они двинулись дальше, и через милоу наткнулись еще на одну диковину, совершенно их озадачившую: слева выросла прозрачная стена гигантской шахты, ярко озаренной снизу мерцающим светом. Все сошли со своих кресел и, вглядываясь сквозь стену, не могли удержаться от восторженных восклицаний.

Футах в пятистах под ними пылала звезда — скопище разноцветных сфер, плотно прижатых друг к другу; казалось, каждая из них проникает в соседние и сливается с ними воедино.

Бартон прикрыл рукой глаза, пристально вглядываясь из-под нее в расплывчатые формы. Наконец ему удалось разглядеть отдельные очертания беспрерывно

вращающихся, взлетающих вверх, падающих, растекшихся в стороны сфер.

Моргая натруженными глазами, он обернулся.

— Это атманы. Точно такие, какие я видел над головами членов Совета Двенадцати. Видимо, сам резервуар сделан из материала, через который они не могут проникнуть. Как они сияют!

Нур протянул ему темные очки.

— Вот, возьмите. Я нашел их в каком-то ящике неподалеку.

Остальные тоже получили по паре защитных очков и уставились в громадный колодец. Сейчас Бартон достаточно отчетливо различал меняющиеся цвета непрерывно расширяющихся и сужающихся сфер, выбрасывающих и вбирающих обратно шестигранные щупальца, трепещущие и извивающиеся.

Он откинулся назад, прижался спиной к стене и заглянул вверх: в ста футах над ним отблески пламени освещали потолок. Ричард повернулся и попробовал разглядеть другую сторону шахты, но это ему не удалось. Снова опустив голову, он разглядел серое твердое основание. То ли у него разыгралось воображение, то ли это был мираж, вызванный мельтешащим цветным роєм, но ему показалось, что опора, твердая на первый взгляд, тоже пульсирует.

Он отступил, снял очки и потер усталые глаза.

— Не могу понять, в чем тут дело, но задерживаться здесь мы не можем.

Они миновали еще множество ниш с шахтами, не имевшими выхода наверх. Через четверть мили перед ними возник еще один колодец, идущая вверх от их яруса.

— Возможно, она ведет туда, где находится верхний вход.

Боясь рисковать, они вновь подымались по очереди, ожидая, пока предыдущий доберется до верхней ниши. Она выходила в коридор, где виднелись тринадцать

дверей; за каждой из них открывались обширнейшие апартаменты, целые анфилады роскошно меблированных комнат. В одной из них находился полированный стол красного дерева с прозрачной сферой на нем. Внутри сферы висели три крошечные фигурки.

— Напоминает Моната и его соплеменников, — вглядевшись в них, сказал Бартон.

— Это что-то вроде трехмерной объемной фотографии, — предположил Фригейт.

— Не знаю точно, — сказала, рассмотрев фигурки, Алиса, — но, по-моему, между ними есть семейное сходство. Вообще-то они мне кажутся не похожими ни на кого, кроме особей своей расы. И еще...

Почти за все время блужданий в гигантском лабиринте Крумс не вымолвила ни слова; на ее угрюмом лице отражалась чудовищная борьба, происходящая в душе Блесс при столкновении с реальностью. В башне не было ничего из чаемого ею — ни хора ангелов, ни Господа во всем блеске славы, ни Богоматери одесную Его, одаряющей милостью ее, Блесс Крумс. Сейчас же, разглядывая сферу, она неожиданно промолвила:

— Двое из этого шара могут быть родителями третьего.

В комнате находилось множество других любопытных предметов, но Бартон поспешил увести своих спутников. Надо было двигаться дальше.

Через двести футов они впервые наткнулись на нишу у правой стены. Бартон сошел с кресла и заглянул в шахту. Вниз спуска не было, а верх находился в пятидесяти футах над ними.

Там метались клочья тумана — очевидно, нанесенные ветром сквозь отдушины в стенах Башни. Ричард отодвинулся от проема.

— Думаю, именно эта шахта ведет к куполу и верхнему входу. Только здесь мог пройти Пискатор.

Японец был человеком умным и смелым; скорее всего, он сделал то же, что и Бартон: опробовал незримое

поле шахты, понял, что оно его выдержит и спустился вниз. Но каким образом ему удалось включить поддерживающее поля, если он не знал ни кода, ни любого другого способа его активации?

Эта шахта отличалась от других длиной — она была короткой — и направлением — она шла вниз от вершины. Возможно, здесь стояли датчики, фиксирующие чьем-либо появление у верхнего входа. Они могли засечь человека и, как только он собирался опуститься, шагнув в колодец, приводили в действие силовое поле. Видимо, для подъема требовался определенный код — а может быть, и нет, если расположенные внизу агрегаты действовали наподобие верхних, только в обратном направлении.

Но где же сам Пискатор?

Бартон решил проверить свою догадку и ступил в шахту. Через три секунды его медленно понесло вверх. Достигнув конца вертикального тоннеля, он очутился в небольшом коридоре; неподалеку виднелся поворот, за которым, вероятно, и был расположен верхний выход.

Он сделал несколько шагов по коридорчику, почти сразу же ощутив легкое сопротивление; оно все усиливалось, и вскоре Бартон понял, что не может больше преодолеть ни дюйма.

Он повернул назад, и теперь ничто не мешало ему идти — невидимые силы исчезли.

Возвратившись на нижний ярус, Ричард рассказал спутникам о своем открытии.

— Силовые поля действуют в обоих направлениях, — заключил он. — По донесениям с «Парсифаля» известно, что сверху был лишь один вход, — вспомнил мавр. — Они искали створ, ворота для воздушного судна, но там их не оказалось. Мне представляется, что этот створ хорошо замаскирован и на входе в него тоже действует силовая защита. Другими словами, никто не может там пройти, включая Икса. Видимо, ему приходилось время от времени выполнять свои служебные

обязанности, и тогда он пользовался воздушным кораблем на законном основании.

— Вы забываете о гипотетическом атман-дистортере, — напомнил Бартон. — Пожалуй, он давал Иксу возможность проникать в Башню и через верхний вход.

— Я помню о нем, но меня интересует сейчас другое... и вот что я хотел бы выяснить: если нам удастся отыскать ангар воздушного судна и разобраться в его управлении, то тогда в любой момент мы сможем сможем покинуть Башню.

— Думаю, что их корабль проще и легче в управлении, чем самолет, — предположил Фригейт.

— Ничуть в этом не сомневаюсь.

— Послушайте, у меня возникла вот такая мысль, — усмехнулся американец. — Пискатор был суфием и потому без труда проник в Башню. Вы тоже суфий, и ваше моральное превосходство над нами несомненно. Почему бы вам не выйти отсюда и не опробовать верхний вход?

Мавр улыбнулся в ответ.

— Вы хотите удостовериться, достиг ли я нужной степени совершенства? И что будет, если я не смогу пройти? Или если выйду и не сумею вернуться? Нет, Питер, это лишь пустая трата времени и демонстрация гордыни. Вы прекрасно понимаете, на что пытаетесь меня толкнуть. Иногда у вас, моего ученика, совершенно пропадает уважение к наставнику.

Они вновь уселись в кресла и медленно покатали по извилистому коридору. Постепенно Бартон начал осознавать, что их вояж по ярусам огромного лабиринта открыл много неожиданного и многим поразил, не дав, однако, нужного результата: они так и не сумели обнаружить Икса.

На что же сейчас решиться, как поступить? На стенах не было никаких указателей, да если бы они и были, прочесть их никто не сумеет. Глупо и бессмысленно метаться по Башне, но столь же бессмысленно сидеть

на одном месте, надеясь, что Лога разыщет их сам. Если он и появится, то с таким оружием, противостоять которому они не смогут; в этом сомневаться не приходилось.

Но зато они обнаружили зал заседаний Совета Двенадцати и обитель Моната Граутата, а также верхний вход! Возможно, что и убежище Икса, его тайная берлога, находится где-то неподалеку.

Они приблизились к очередной закрытой двери и миновали ее; тут их было столько, что они не могли терять времени, заглядывая в каждую. Но, отъехав футов на сорок, Бартон вдруг поднял руку, призывая остановиться.

— В чем дело? — спросила Алиса.

— Что-то меня тянет к этой двери... внутренний голос, предчувствие?

Он нажал кнопку на стене, и створки беззвучно разошлись, утонув в невидимых прорезях. Перед ним открылось похожее на пещеру помещение, заставленное множеством приборов и шкафами, тянувшимися вдоль стен. На полу лежал скелет — видно, сильнейший взрыв поразил вошедшего на пути к шкафу; его верхняя часть была разбита, куски металла и осколки какого-то стекловидного вещества валялись на полу, внутри скелета тоже посверкивали металлические частицы. Рядом с ним лежала сброшенная взрывом со стола и сильно искореженная конструкция, испускавшая многоцветное сияние.

Прямо перед Бартоном в центре помещения стояло пустое летающее кресло; на его подлокотнике виднелись свежие следы крови.

Позади кресла вращался огромный диск, насаженный на цилиндрический вал высотой в ярд; в центре возвышался пульт, и за ним, перед светящимися экранами, сидел человек. Медленно вращая верньер, он подстраивал какой-то прибор, не спуская глаз со шкалы; Бартону был виден лишь его профиль.

Он приложил палец к губам и жестом подозвал к себе спутников, затем вынул из кобуры пистолет и дал знак вооружиться остальным.

У сидящего за пультом человека были длинные, рыжие, как лисий мех, волосы, тусклая бледная кожа, и Ричарду показалось, что на его веке можно различить слабую складку эпикантуса. Не будь он так тучен, его было бы трудновато узнать... Да, за столь короткое время он не успел избавиться от тучности.

Бартон медленно перешагнул порог и направился к сидящему. Остальные двинулись за ним, держа оружие наготове.

Человек заметил пришельцев, когда они были уже шагах в тридцати. С искажившимся лицом он вскочил с кресла и тут же рухнул обратно; затем его рука метнулась к панели, вытянув из-под нее какое-то странное оружие: похожая на ружейный приклад рукоять, трехдюймовой толщины ствол и на конце его — шар размером с кулак.

Бартон выкрикнул: «Лога!» и бросился вперед.

С криком: «Остановитесь или я буду стрелять!» — этак вскочил с кресла.

К нему бежали девять человек. Он направил к полу прозрачный сфероид на конце ствола, и оттуда беззвучно выплеснулась тонкая алая струя; от выгнувшегося напольного покрытия повалил дым.

Нападающие замерли; озерцо расплавленного металла у самых ног впечатляло лучше всяких угроз.

— Одной очередью я могу всех вас перерубить пополам, — произнес Лога. — Но я не хочу! Слишком далеко зашло насилие, это подавляет... И, тем не менее, я убью вас, если меня принудят. — Он помолчал. — А те-

перь... теперь все вместе повернитесь спиной и бросьте оружие подальше — лучше всего к двери.

— Тут девять пистолетов и девять человек, — жестко ответил Бартон. — Вы убьете одного или двух, но остальные разнесут вас в клочья.

Этик мрачно усмехнулся.

— Что-то вроде мексиканской дуэли, да? — Он снова сделал паузу. — Но до нее дело не дойдет, уж поверьте мне на слово!

— Ты — Сатана! — вдруг завопила Крумс. — Исчадие ада!

Она разрядила свое оружие в этика. Алый луч сверкнул навстречу, и одновременно ударил залп из остальных восьми пистолетов.

Лога упал навзничь. Бартон рванулся вперед, перепрыгнул через вращающийся диск, махнул через помост и прицелился в лежащего; за ним подбежали остальные и сгрудились вокруг.

Пока Терпин и Тай Пенг поднимали с пола истекающего кровью, мертвенно бледного Логу, Бартон схватил его оружие. Этик тяжело осел в кресле, рукой зажимая кровоточащую рану на правом предплечье.

— Он убил Крумс! — Алиса показала назад. Бартон мельком взглянул на распластанное на полу тело и вновь повернулся к этику.

Лога глядел в пространство, словно не веря в случившееся. Наконец он нашел в себе силы распорядиться:

— Там, в верхнем выдвижном ящике пульта, три коробочки... Достаньте их и дайте мне — тогда через несколько минут я буду в форме.

— А это не очередной трюк? — спросил Бартон.

— Нет, клянусь вам! Хватит обманов и убийств! Я не хочу делать вам зла! Мне только нужно, чтобы вы отложили оружие, и тогда я смогу вам все объяснить. Но вы же из породы насильников...

— Не вам это говорить! — рявкнул Бартон.

— Но меня вынуждали к насилию! Я прибегал к нему совсем не по своему желанию!

— Мы тоже. — Бартон, правда, не был в этот момент полностью уверен в своей искренности.

Из ящика вынули три серебряные шкатулки, отделанные зелеными изумрудами. Бартон медленно открывал каждую, знакомясь с содержимым. Этик не лгал — в них действительно хранились лекарства: два флакона с жидкостью, и третий — с розоватым порошком.

— Не знаю, что делать, — засомневался Бартон. — Вдруг он выпустит какой-нибудь газ? Или яд?

— Нет, не думаю, — возразил Нур. — Кажется, он не намерен вредить нам.

— Вы правы, — подтвердил Лога. — Скоро может случиться нечто чудовищное, и только я знаю, как это предотвратить. Но мне нужна ваша помощь.

— Вы давно могли бы ею располагать, — с сарказмом ввернул Бартон, — если бы вовремя открыли нам всю правду.

— У меня имелись весьма серьезные причины, чтобы умолчать о ней, — произнес Лога. — Весьма серьезные! А затем события вышли из-под моего контроля.

Он выдавил из флакона немного жидкости и, морщась, втер ее в окровавленную плоть, потом отхлебнул из второго сосуда; розовый же порошок был высыпан на ладонь и прижат к ране.

— Первое средство стерилизует пораженную ткань, — пояснил этик, — второе снимает болевой шок и восстанавливает силы, а третье предназначено для быстрой регенерации клеток. Через три дня на руке не останется даже шрама.

— Куда вы были ранены в первый раз? — спросил Бартон.

— В левое бедро, и очень тяжело.

Через минуту с лица Логи схлынула мертвенная бледность, оно стало розоветь. Ему захотелось пить, и Фригейт принес воды. Бартон зажег и подал этику си-

гарету. Он не находил себе места от нетерпения, на языке у него вертелись сотни вопросов. С чего же начать?

Но прежде, чем приступить к допросу, надо было как-то устроиться. Пока Ричард держал этика под прицелом пистолета, его спутники отправились за креслами. Фригейту пришлось сходить дважды — еще и за креслом Бартона. Они расположились в них так, чтобы не видеть тела Блесс. Окровавленное кресло Логи передвинули в центр; остальные сели полукругом, лицом к этику.

— Мне кажется, всем нам не повредит выпить по стаканчику, — заявил Бартон.

Кубический грааль, настроенный по указаниям Логи, выполнил заказ. Вино в прозрачных бокалах отливало расплавленным золотом; таким деликатесом цилиндры никогда не баловали своих хозяев. Бартон отведал, затем повторил.

По вкусу золотистый бальзам не был похож ни на один из испробованных им в жизни напитков; почему-то он вызвал в воображении Ричарда картину медленно струившегося потока темно-зеленых вод, над которым парили гигантские белые птицы с изогнутыми клювами.

Он сидел, держа на коленях оружие Логи, и теперь первым делом поинтересовался, как с ним управляться. Этик объяснил, где находятся предохранитель и спусковой крючок; впрочем, о назначении последнего Бартон догадался и сам.

— Теперь, — сказал он, — начнем с самого начала. — Так что же было началом?

— Извините, что перебиваю вас, — вмешался Нур, — но прежде необходимо выяснить одно обстоятельство. Ах Куак... Лога... должно быть, у вас в Башне есть собственная воскресительная камера?

— Да... — этик несколько помедлил с ответом. — Собственно, она не только моя. Ею пользовался еще и

Трингу, самый близкий из моих друзей. Мы вместе выросли в Мире Садов и доверял я только ему.

— Он был человеком по имени Штерн, который пытался убить Файбраса перед полетом «Парсифаля» к Башне?

— Да, но как вы знаете, покушение не удалось. И потому мне пришлось убить Файбраса... да, Файбраса и Сигген, чтобы они не попали в Башню раньше меня. Сигген не открыла ему, кто я такой... поверила, что я распрощался со своими замыслами и собираюсь отдалиться на милость Совета — когда мы вернемся в Башню и Совет Двенадцати возродится. Она бы не стала молчать, но я солгал ей... скрыл, что случилось с компьютером... Сигген дала слово молчать — до прибытия в Башню, разумеется... Но она сделала все, чтобы оказаться там вместе с Файбрасом раньше меня! Ей хотелось проверить, говорил ли я правду. И потому... потому мне пришлось взорвать заряд, спрятанный в вертолете на случай, если...

— Кто же эта Сигген? — спросила Алиса.

— Моя жена. Она жила в долине под именем русской летчицы Анны Обреновой.

— О-о! — Алиса увидела, как по щекам Логи потекли слезы.

— Очевидно, ваши собраты обнаружили эту личную воскресительную камеру и вывели ее из строя, — заметил Нур, — иначе вы бы просто покончили с собой и перенеслись в Башню. Вы успели ее восстановить?

— Да. У меня было два воскресителя... правда, оба были найдены и деактивированы.

— Значит, если бы мы вас убили, вам все равно удалось бы ускользнуть? Почему же вы не дали нам этого сделать? Или не прибегли к самоубийству? — спросил Бартон.

— Потому что я нуждаюсь в вашей помощи... потому, что я изнемог от насилия... И еще потому, что я в долгу перед вами...

Он помолчал.

— Много лет назад я установил в компьютере связанное устройство. По моему сигналу он мог умертвить всех находящихся в Башне, в подземных камерах и в зоне полярного моря, одновременно блокировав главный воскреситель. Мы с Трингу имели собственные автономные установки: одна из них находилась в подземной части Башни. Шермун, женщина, возглавлявшая Совет в отсутствие Моната и Танабара, сказала мне, что обнаружены две тайные воскресительные камеры... еще она сказала, что предателю бесполезно прибегать к самоубийству — он не сможет попасть в Башню и продолжать свое злое дело. Злое! Я — и зло!

— Похоже, мы запутались, — прервал его Бартон. — Начните-ка с самого начала.

— Хорошо. Постараюсь изложить все кратко... — Лога оглядел лица сидящих перед ним людей. — Кстати, где Гильгамеш?

Бартон объяснил.

— Жаль... — Лицо этика стало печальным. — Он потерпел неудачу в поисках бессмертия... как и его легендарный двойник...

Внезапно Лога поднялся с кресла.

— Мне пора взглянуть на приборы. Не беспокойтесь, близко я к ним не подойду.

Под прицелом направленных на него стволов отступник, прихрамывая, подошел к пульту. Бартон прекрасно сознавал всю бессмысленность их усилий. Если у этика была подготовлена воскресительная камера, то в любую минуту, спровоцировав их на убийство, он ускользнет.

Лога вернулся обратно к своему креслу.

— Кое-что мы в силах предпринять. Пока не знаю, что именно, но время еще есть. Итак...

И он начал свой рассказ с самого начала.

Когда Вселенная была совсем молода и, после распада первичного ядра, стали возникать новые миры,

в одном из них эволюционный процесс вызвал к жизни расу, отличающуюся от других народов.

— Я имею в виду не их физическое строение; все существа, одаренные чувствами, обладают кентаврообразными телами либо перемещаются на двух конечностях; у всех есть руки, стереоскопическое зрение и так далее. Представители этой расы были умны, но, как и все прочие существа в Галактике, не обладали самосознанием, пониманием собственного «я».

— Мы размышляли об этом, — вступил Фригейт, — но...

— Постарайтесь не перебивать меня без необходимости. Итак, я повторяю, что во всей Вселенной существа, одаренные чувствами и разумом, жили без осознания собственного «я». Во всем Мироздании... во всяком случае, в известной нам части. Я понимаю, что вам трудно в это поверить... трудно даже представить подобное состояние. Но так было, и лишь наше время является исключением.

На заре своей истории та раса тоже не обладала самосознанием и в этом не отличалась от остальных. Тем не менее, те древние существа создали науку, но каких-либо религиозных концепций, представлений о божестве, у них не имелось. Все это пришло позже, вместе с самосознанием.

К счастью для тех древних, названных впоследствии Первыми или Основателями, один их ученый в процессе своих экспериментов создал атман. Совершенно случайно, еще не понимая, чего достиг... Но значит, уже тогда они обладали такой силой как экстрафизическая энергия. Я использую этот термин во избежание путаницы с понятием «парафизическая», с явлениями действительно существующими, но неуловимыми, неподвластными проверке: это телепатия, телекинез и другие сверхчувственные феномены.

Бартон с трудом удержался от замечания, что именно он ввел эту терминологию на Земле — правда, на-

звав круг подобных явлений экстрасенсорным восприятием.

— Возможно, атман — один таких феноменов, но единственный, поддающийся экспериментальной проверке. Тот неведомый ученый, сформировавший его из экстрафизических полей, даже не осознал суть своего открытия. Он просто делал свое дело... Я называю этот процесс «формированием», потому что он создавал атманы искусственно, с помощью своего инструментария. Он формовал их или извлекал из силового поля, существовавшего в том же пространстве, что и материя, но не вступавшего с ней во взаимодействие.

Вероятно, первые атманы спонтанно подсоединялись к находящимся поблизости живым организмам.

— Ко всем живым суеществам? — пробормотал Нур.

— Да, к любому живому организму — насекомым, деревьям, морским звездам. За миллионы лет наблюдений и опытов так и не удалось установить, в силу каких причин атманы притягиваются к живой материи. Одна из теорий утверждает, что сама жизнь — не что иное, как форма экстрафизической энергии... вернее, ее промежуточная форма.

Результат воссоединения атманов с живыми существами был замечен не сразу. Да, атман являлся источником и возбудителем самосознания, но оно могло возникнуть в живых существах лишь при наличии высоко-развитой нервной системы. Только в этих условиях реализуется потенциальная возможность самосознания.

Существует еще один непреложный закон — невозможность соединения на дозародышевой стадии; оно происходит лишь после слияния сперматозоида с яйцеклеткой. Не спрашивайте меня, почему — поверьте на слово. Очевидно, существует некий барьер, некое сопротивление, которое необходимо преодолеть.

Созданный механизм породил миллиарды атманов; миллионы из них сами соединились с зародышами существ, наделенных чувствами. И вот, впервые во Все-

ленной, насколько нам известно, возникло самосознание. Дети того древнего народа выросли с ним, и никто — ни старшее, ни младшее поколения — даже не представлял себе, насколько уникален и нов этот дар. Дети и подростки всегда испытывают трудности в общении с взрослыми, но никогда прежде не было такого резкого разрыва, такого отсутствия взаимопонимания.

В конце концов, старшие представители расы, не обладавшие самосознанием, вымерли. Прошло лет двадцать пять с того момента, как был создан первый атман, и причина, породившая в разумных существах собственное «я», стала ясной. Тогда же было решено наладить производство атманов.

Миновало много столетий, наступила эпоха космических полетов; затем, через несколько веков, были созданы новые типы двигателей, которые позволяли перемещаться в пространстве с неслыханными скоростями. Но даже с их помощью для преодоления одного светового года требовалось не меньше семи дней земного времени.

— Простите, — не удержался от вопроса Фригейт, — удалось ли осуществить другую фантастическую концепцию — я имею в виду проникновение в иные измерения?

— Нет. У нас не было ни времени, ни причин заниматься этим.

Вскоре Первые осознали свой долг перед всеми разумными существами — необходимость дать им бессмертие и самосознание с помощью атманов.

Было выслано множество разведывательных экспедиций; обнаружив мир с высокоразвитой жизнью, древние переправляли туда генератор атманов, монтируя его в планетарной коре на таких глубинах, что вряд ли аборигены сумели бы его когда-нибудь обнаружить.

— Но почему же его прятали? — Нур был бледен. Казалось, он раздавлен откровениями этика.

— Почему? Да, почему бы не отдать генератор в руки первого же поколения, обладавшего самосознанием? — повторил Лога. — По-моему, все совершенно ясно. Возьмите, например, наших соплеменников, людей. Бесконтрольное использование генератора принесло бы страшный вред всей планете! Могла возникнуть жесточайшая борьба за обладание им, а в результате — чудовищная эксплуатация определенной части человечества, лишенной собственного «я», бесправной и безгласной. Нет, до тех пор, пока люди не достигли необходимой стадии духовного развития, вверять им генератор атманов — безумие!

Бартон не рискнул задать вертевшегося на языке вопроса, почему же Основатели не оставили на каждой из планет своих специалистов для контроля за использованием генератора. Обладая глубокими научными познаниями и высочайшей нравственностью, они сумели бы быстро преподать человечеству необходимые уроки. Вероятно, такие действия являлись несовместимыми с их этикой, решил Бартон. Принцип невмешательства? Но в истории с атманами древние не ограничились только своим миром, насильно одушевляя жителей всех иных планет.

Ричард огляделся. На лицах его спутников отражалась мучительная борьба; лишь один Фригейт сохранял спокойствие. Нур, всегда умевший оставаться невозмутимым при любых психологических потрясениях, сейчас страдал больше всех. Ему было тяжело примириться с мыслью, что атманы — или души человеческие — оказались чем-то искусственным, сотворенным разумом и руками смертных. Суфий верил в божественное начало значительно глубже прочих религиозных людей; правда, его убеждения не обладали твердостью и непреложностью веры.

Лога прекрасно это понимал.

— Да, атман не имеет отношения к Великому Творцу, — заметил он, — хотя мы признаем Его как очевид-

ность. Всех нас наделили самосознанием Первые, а не Божественное Мироздание. И нет никаких свидетельств, что Оно проявляет хоть малейшую заботу о своих детях.

— Оно? — в один голос воскликнули Алиса и де Марбо.

— Насколько нам известно, у Творца нет пола. На языке народа Моната для Его обозначения существует специальное местоимение среднего рода.

— А Первые — это Его избранный народ? — спросил Тай Пенг.

— Нет. Основоположники ушли — давно, очень давно. Народ Моната стал преемником их дела, но через руки других пяти рас. Они передавали факел одушевления друг другу и тоже уходили. Сам Монат — один из десяти тысяч подобных ему, ныне еще живущих. Все остальные ушли.

Некоторые теологи утверждают, что Творец намеренно ничего не предпринял, чтобы одарить свои создания атманами. Его божественное предназначение заключалось в том, что существа, владеющие даром разума и чувств, должны сами заслужить спасение. Но в этом утверждении нет логики, поскольку открытие атманов являлось чистой случайностью; до него миллиарды умерли без надежды на самосознание и бессмертие. А сколько еще умирают и умрут, погибнут навеки — до того, как мы, этики, прибудем к ним и одарим атманами. Не миллиарды, а, быть может, триллионы! Похоже, Творец проявляет полное равнодушие и к нашему самосознанию, и к бессмертию.

Однако, где бы ни находились существа, одаренные разумом и чувством, для них станет благом вера в прерогативы Творца.

* * *

Бартона был потрясен рассказом Логи, хотя воспринял откровения этика легче остальных. Его всегда занимали проблемы религии, он изучал самые различные верования, и с особенным интересом — восточные. Он проник в тайны мусульманских суфиев, заслужил красную нить браминов, побывал сикхом и парси; как-то он даже попытался убедить проницательного Брайана Янга, что собирается стать мормоном. И хотя зачастую Бартон действовал с искренней убежденностью, отдаваясь влечению непосредственного чувства, все же он неизменно оставался у врат веры и не рисковал переступить их порог.

В ранней юности Ричард отказался от догм англиканской церкви. Его родители пришли в ярость, но ни их гнев, ни угрозы отца ничего не изменили, лишь вынудив его до поры до времени глубоко затаить свои сомнения. Когда же он повзрослел, отец уже не пытался убеждать его ни словом, ни карающей дланью. Однако ортодоксальные представления о душе и ее Творце оставили в нем неизгладимый след; он и не подозревал об этом, пока не услышал нечто совсем иное.

Зануда Фригейт, знавший о нем так много, в раздражении говаривал, что у сэра Ричарда Френсиса Бартона широкий, но неглубокий ум. Однако услышанная здесь логическая концепция души произвела на него сильнейшее впечатление и показалась ему вполне убедительной.

Конечно, рассказ этика привел Бартона в смятение, но с невероятностью этих откровений помог справиться разум — его разум, изменившийся за десятилетия жизни в Море Реки. Пожалуй, только он и Фригейт сумели должным образом воспринять эту новую космогонию одухотворенного мира.

Тем временем Лога продолжал:

— Примерно за сто тысяч лет до нашей эры народ Моната добрался до Земли и перенес туда генератор атманов.

— А что же произошло с теми, кто жил раньше? — спросил Фригейт. — Их не удалось спасти? Неужели они потеряны навсегда?

— О них много сокрушались и раздумывали, но ничего сделать нельзя. Мы ничем не можем им помочь, так что не стоит предаваться самобичеванию. Поезд, как говорится, ушел! Это звучит грубовато, но верно отражает суть дела.

Итак, генератор и коллектор — ловушка атманов — были захоронены очень глубоко, в верхних слоях расплавленного железо-никелевого ядра планеты...

— Ловушка? — удивилась Афра Бен.

— Да, она существует и здесь, в большой шахте башни. Вероятно, вы по пути ее видели?

— Я видел, — отозвался Бартон.

— Так вот, сейчас это самая большая моя забота. Вскоре я непременно займусь ей.

Начиная с тех древних земных времен, атманы самопроизвольно соединялись с плотью, проникая в живые зародыши. После гибели плода или смерти организма в любом возрасте, атманы устремлялись к захороненному коллектору, накапливаясь там.

— Значит, догматы Церкви Второго Шанса не совсем соответствуют истине? — спросил Бартон.

— Да. В свое время именно я встретился с Жаком Жилло, Ла Виро, рассказав ему лишь то, что ему следовало знать — половину правды... кое-что являлось просто ложью. Я был вынужден поступить так — ведь жители долины еще не могли воспринять всю истину целиком.

— Это спорное утверждение! — твердо возразил Бартон.

— Возможно. Но я объяснил Жилло, что для спасения души человек обязан достичь определенного уров-

ня морального совершенства, а это не ложь. Это главное!

Предки Моната действительно явились с иной звездной системы, но не с Тау Кита и не с Арктура. В процессе поисков разумной жизни они обнаружили обитаемую планету и превратили ее в Мир Садов. Примерно через десять тысяч лет они начали воскрешать там детей Земли.

— Включая все последствия выкидышей, абортот и тому подобное? — с интересом спросил Бартон.

— Да. Недоношенные плоды развивались, превращаясь со временем в нормальных младенцев. Так было в древности, так происходит и сейчас. Когда я покидал Мир Садов, все дети, умершие до 1925 года нашей эры, были уже воскрешены.

Если и дальше использовать привычную хронологию, то проект Мира Садов начал осуществляться в десятом веке до нашей эры, а проект Мира Реки — в двадцать втором веке нашей эры.

— Какое же сейчас столетие на Земле? — глаза Фригейта горели жадным любопытством.

— Когда я отправился сюда из Мира Садов... это было, дайте вспомнить... гм-м-м... да, в 2009 году нашей эры. Я летел к этой планете сто шестьдесят земных лет и еще пятьдесят заняло ее геологическое преобразование. День всеобщего воскрешения наступил через двадцать семь лет, то есть в 2246 году. Значит, сейчас должен быть 2307 год нашей эры.

— Боже мой! — воскликнула Алиса. — Так сколько лет вам?

— Какое это имеет значение! Если угодно, я родился в двенадцатом столетии до нашей эры, в городе, называемом вами Троей. Я — внук царя Приама... если использовать имя, данное ему Гомером. Мне было пять лет, когда отряды ахейцев и данайцев захватили, разграбили и сожгли город, перебив большую часть населения. Мне, видимо, предстояла участь раба, но я ки-

нулся на защиту матери... ударил воина дротиком в ногу, и он в гневе зарубил меня своим бронзовым мечом.

Логу передернуло.

— Зато смерть избавила меня от страшного зрелища — насилия над матерью и сестрами, убийства отца и старших братьев... Но хватит об этом!

Вместе со своими помощниками Монат воскресил множество поколений земных детей. Позднее часть его соплеменников перебралась на другие планеты, сам же Монат остался руководить выросшими в новом мире землянами, принимавшими следующие поколения детей. Затем он покинул Мир Садов, чтобы сопроводить нашу экспедицию сюда, в Мир Реки. Мы иногда зовем его Оператором, поскольку Монат — руководитель проекта и главный инженер биокомпьютера.

— Именно об этом компьютере упоминал Спрюс? — живо переспросил Бартон. — О гигантском протеиновом компьютере?

— Да.

— Но все-таки его истории трудно считать правдой, — Ричард покачал головой. — Например, он заявил, что родился в пятьдесят втором веке нашей эры, что для регистрации душ умерших пользовались какой-то разновидностью хроноскопа...

— У каждого из нас были заготовлены подобные легенды — на тот случай, если попадешься и придется заговорить... Конечно, самоубийство являлось универсальным выходом из любой ситуации, но при малейших шансах на побег мы предпочитали оставаться в живых. Когда же вы допрашивали Спрюса, с вами был Монат. Собственно, он и вел допрос, предлагая ему вопросы, ответы на которые были заранее заготовлены.

— Так мы и предполагали, — кивнул головой Бартон.

— Как вы осуществляете записи мертвых? — спросил Нур.

— Атман — вместилище всего, что содержится в теле. Это и есть запись тела, включая, разумеется, и мозг. Атман — основа при воссоздании плоти.

— Но... но... — Фригейт даже начал заикаться от волнения, — тогда воскрешенные, воссозданные — это не оригиналы, а лишь копии мертвых!

— Нет, именно атман — источник и вместилище самосознания. Это не копия. Атман покидает тело умершего, но сохраняет его самосознание. В большинстве случаев он утрачивает память, хотя были примеры, когда атман находился в активной фазе и после смерти тела, но лишь при определенных условиях и на короткое время. К сожалению, у нас нет достаточно точных свидетельств, каким образом это происходит. Возможно, подобные атманы с пробудившейся памятью — лишь плод галлюцинаций.

Итак, атман содержит всю информацию, необходимую нам для воссоздания нового тела, с которым он тут же соединяется.

Сколько же раз нужно это повторить, подумал Бартон, чтобы такие представления стали привычными?

— Почему вы решились изменить проект? — спросил Нур.

Лога скривился.

— Об этом я скажу вам позже.

Итак, планета была преобразована в Мир Реки, в гигантскую долину, протянувшуюся на много миллионов миль. Тогда же была выстроена и Башню с нижними ярусами; там, в гигантских камерах, атманы одухотворяли воспроизведенные тела. Сами тела омолаживались, очищались от последствий болезней и травм; карлики приобретали нормальный рост, хотя пигмеям сохранялся их естественный облик. В это мгновение полного физического совершенства атманы сливались с телами, но мозг еще не обретал сознания; атман только фиксировал все благотворные изменения плоти. Затем

тела разрушались, и только в день всеобщего воскрешения они вновь обрели жизнь — но уже на берегах Реки.

— Полагаю, мое пробуждения в предвоскресительной камере не было случайным? — спросил Бартон.

— Конечно, нет! — глаза Логи сверкнули. — Это моих рук дело. Вы — один из тех, кого я наметил взять себе в помощники для осуществления собственного проекта, когда возникнет такая необходимость. Я разбудил вас, чтобы дать одному из воскрешенных представление о том, что происходит с людьми. Кроме того, я полагал, что данный эпизод возбудит вашу решимость и любопытство. Вы обладаете пытливым умом и не останавливаетесь на полпути, гоняясь за тайной.

— Но при своих посещениях вы все-таки лгали нам, — опять вмешался Нур. — Вы утверждали, что избранны только двенадцать человек, а их оказалось значительно больше.

— Во-первых, не только я навещал вас — иногда это делал Трингу; он полностью разделял мое неприятие отдельных сторон основного проекта. Только с ним я был совершенно откровенен; даже Сигген не узнала от меня всего.

Во-вторых, нельзя было ограничиться только двенадцатью избранными — ведь попасть в башню, где мне могли понадобиться помощники, удалось бы немногим. Я отобрал сто двадцать четыре человека, и ни один из них не ведал истины. Так было лучше — любой из вас мог попасть в руки моих соплеменников.

Иногда я лгал, сознательно лгал! Но зато, если бы в Башне сканировали вашу память, мой проект остался бы нераскрытым. Каждому из вас была известна только одна версия, противоречащая остальным. Вот почему, представ перед Клеменсом под маской Одиссея, я заявил ему, что посетивший меня отступник был женщиной.

Отступник пробудил в предвоскресительной камере лишь одного из будущих помощников, стремясь вну-

шить коллегам мысль о случайности этого эпизода. Большое число разбуженных вызвало бы подозрения, но даже этот случай явился промахом Логи. Монат тщательно исследовал случившееся и, хотя ничто не подтвердило его опасений насчет постороннего вмешательства, был настороже.

Однажды он привел Логу в сильное замешательство, заметив, собирается провести рядом с Бартоном некоторое время. Кроме того, Монат хотел непосредственно понаблюдать за воскрешением, а для этого требовалась подходящая легенда. Почему же не сделать оба дела одновременно?

Лога побоялся предостеречь Бартона; получив информацию о Монате, тот мог повести себя неосмотрительно или действовать по собственному разумению, а не по подсказке.

— Именно так я бы и поступил, — заявил Бартон.

— Мне это было ясно...

Раздалось сдержанное покашливание Нура.

— Не хотелось бы вас прерывать, но меня интересует еще одно... что случилось с Пискатором?

Лога вновь скривился, но показал им обломки прибора и лежащий рядом скелет.

— Это все, что от него осталось.

Он отхлебнул глоток вина.

— Мне и в голову не приходило, что кто-то из долины сможет добраться до вершины Башни. Я знал, что в Пароландо строят дирижабль, но через верхний вход невозможно проникнуть — пройти защитный барьер может лишь личность с высоким нравственным потенциалом. И вот на «Парсифале» нашелся такой человек! Хотя я не предусматривал подобную ситуацию, меры предосторожности были приняты заранее. Здесь, — эдик обвел рукой комнату, — была везде заложена взрывчатка, и в соседних помещениях — тоже. Датчики срабатывали, если в мозгу посетителя нет маленького черного шарика — механизма самоубийства.

— Разве Пискатор не был одним из отобранных вами людей? — спросил Нур.

— Нет.

— Значит, если бы я находился в дирижабле и смог пройти сюда, то был бы тоже убит... — задумчиво произнес мавр.

У Бартона мелькнула мысль, не подложил ли Лога взрывчатку еще где-нибудь, но он сразу понял, что в таком случае давно был бы мертв вместе со всей своей группой.

— Вы обезвредили датчики, когда пришли сюда? — тем не менее поинтересовался он.

— Только в этой комнате.

Лога продолжил свое повествование. Чтобы проникать в Башню, избегая внимания следящих сканеров, он создал дистортер атманов. Кроме того, ему удалось настроить компьютер таким образом, чтобы Совет не мог получать сведений об очередной смерти Бартона и воссоздании его нового тела.

— Вот почему вы получили возможность много раз прибегать к самоубийству и ускользать от Совета. Но Монат решил заняться коконом, где осуществлялось предвоскресительное воспроизведение вашего тела с уничтожением следов смертельных ран. Была проверена вся цепочка и, в конце концов, добрались до установленного мною блокиратора. Именно поэтому они сумели захватить вас при последнем самоубийстве.

Пытаясь найти предателя, Совет решил подвергнуть всех без исключения сканированию памяти. Лога предвидел такой поворот событий и настроил компьютер на выдачу ложных данных.

— Но вы же понимаете, что фальсифицировать всю мою жизнь здесь, от начала и до конца, было невозможно, поэтому я ограничился лишь периодами своих нелегальных отлучек из Башни. Даже эта работа потребовала массу времени и сил, но мне удалось ее проделать.

Наконец наступил момент, которого так страшился отступник.

Он сделал все, чтобы подготовить эту акцию — на крайний случай, разумеется; но многое бы отдал, чтобы не приводить свой план в исполнение. Смерть, раскинувшая черные крылья над Полярным Замком, пугала его.

— Монат решил вернуться в Башню. Затем предполагалось подвергнуть полному сканированию жизнь Бартона в долине — мне кажется, Монат заподозрил, что у него сохранились воспоминания о допросе в Совете. К тому же, постоянные странствия и войны в долине совершенно измучили Оператора, и он нуждался в отдыхе.

* * *

Лога возвращался с очередного задания, когда в Башне нашли два его потайных воскресителя. Тогда же техникам удалось обнаружить следы его постоянного вмешательства в работу компьютера.

Монат, Танабар и Сигген были в долине. Остальные члены Совета выслали за ними воздушное судно с вестью о разоблачении предателя.

Но они допустили просчет — им нужно было дожидаться прибытия Логи в Северный Замок и только тогда предъявить ему обвинения; они же передали приказ вернуться, пригрозив арестом.

— Мне понадобилось полчаса, чтобы, набравшись сил, привести в исполнение давно разработанный план. Я рассчитывал попасть в Башню, лишь совершив задуманное.

Он послал сигнал, ретранслированный компьютером, и крошечные черные шарики в мозгу каждого обитателя Башни выплеснули яд. Этики совершили непростительную ошибку, применяя общий код для этой операции вместо личного.

— Я тоже действовал не лучшим образом, — произнес Лога, — не решился послать команду умервщления в долину. Мне не хотелось лишних жертв; я думал, что оставшиеся на берегах Реки вряд ли смогут что-либо предпринять против меня. Они не могли быстро добраться до Башни, поскольку вылетевшие за ними пилоты погибли и воздушное судно упало в море. Им пришлось бы идти к Башне на лодках по Реке и затем — пешком через горы. Я надеялся, что за это время совершу все, что предрешил.

— А если бы воздушное судно упало в долине? — спросил Нур.

— Нет, этого не могло случиться. Все было предусмотрено! Воздушный корабль погиб, а малые суда, что стояли на приколе наверху в горах, взорвались.

— Наверху в горах? Как же пилоты могли спуститься в долину? — допытывался Нур.

— Эти аппараты имели дистанционное управление; в бурю или сильный дождь пилоты высаживались у подножья хребта, а машины возвращались на неприступные утесы. Если агентам надо было остаться в долине, они закапывали неподалеку от места высадки блок управления или прятали его в своем цилиндре. Блок был выполнен в виде кружки, и ни у кого не вызывал подозрений.

Казалось, ничто не может помешать Логе долететь до Башни.

Но он недооценил предусмотрительность Моната.

— Лишь в тот момент я догадался, что все контрмеры — дело его рук. Вероятно, он заложил в компьютер сведения обо всех происходящих событиях и получил от него перечень возможных причин и оптимальную стратегию противодействия. Меня компьютер не мог разоблачить, на эту информацию мной был наложен запрет. Но все остальные приказы Моната он выполнил. Так мне кажется... Впрочем, Монат сумел бы все это придумать и сам.

Лога надолго замолчал, и Бартон был вынужден вернуть его к реальности:

— Что же он сделал?

— Установил потайное устройство на моем воздушном судне. Когда я подал команду, все находившиеся в Башне и в районе моря погибли, взорвались летательные аппараты, прекратил работу воскресительный механизм. Лишь по моему приказу он мог возобновить функционирование.

Но внезапно я обнаружил, что и мое собственное судно не подчиняется управлению. Оно летело на автопилоте и вдруг направилось к вершине горы. В тот же момент раздался голос — запись, разумеется, — приказавший мне ждать в горах, куда за мной будет выслано другое судно.

Это был голос Моната!

Перед тем, как отправиться в долину, он установил блокирующие устройства на всех летательных аппаратах. Значит, еще тогда, до дня первого воскрешения, он подозревал многих! Да, многих — иначе он просто подверг бы меня допросу.

Монат, однако, не мог предвидеть ситуацию, когда на планете не окажется ни одного действующего аппарата и ни одного пилота, способного меня забрать. Если бы я приземлился на вершине утеса, то умер бы там голодной смертью.

Хотя Монат намеревался сразу же выслать за преступником воздушное судно из Башни, он принял меры и к тому, чтобы я не успел обнаружить и вывести из строя блокирующий механизм. Тот же голос сообщил мне, что после посадки нужно пошевеливаться, ибо аппарат будет взорван.

В ту минуту, услышав предупреждение, Лога в бешенстве разразился проклятиями. Последствия будут поистине катастрофическими! Он погибнет, а значит, не выйдет подложного донесения на Планету Садов — обычно там, раз в сто шестьдесят лет, ожидали автома-

тический зонд с очередным отчетом. Если он не прибует в назначенное время, оттуда вышлют экспедицию для выяснения причин. Они прилетят в Мир Реки через триста двадцать лет после намеченного срока запуска зонда.

— С одной стороны, — продолжал Лога, — это было к лучшему. Я считал, что проект должен осуществляться значительно дольше положенных ста двадцати лет, но боялся заявить об этом вслух. Мои коллеги полагали, что и это слишком долгий срок для нравственного возрождения человечества, и если люди не достигнут за такой период необходимого уровня, то дальнейших усилий они не достойны. При сложившихся обстоятельствах проект затянется на значительно более долгий срок, чего я и добивался... — Лога замолчал, потом тихо произнес: — И, возможно, мой отец, мать, мои сестры и братья, вся моя родня — не погибнут...

— Что-о? — изумился Бартон.

По лицу этика струились слезы. Он заговорил сдавленным голосом:

— Нам всем было строжайше запрещено разыскивать своих родных, воскресших в долине. Так решил народ Моната. Практика показала, говорили они, что этики, обнаружившие близких среди несчастных воскресших, страдают эмоциональной неустойчивостью. Они становятся помехой в деле, пытаясь опередить событий. В предшествующем проекте какая-то женщина укрыла своих родителей в подполье Башни, стараясь, по мере возможности, ускорить процесс их нравственного совершенствования.

Я усвоил эту заповедь еще юношей в Мире Садов и искренне верил в ее непреложность; однако, став старше, не сумел примириться с мыслью о потере семьи. Я даже представить не мог, что они не получают возможности уйти! Еще задолго до отлета из Мира Садов я все продумал и разработал план действий. Но я не был уверен, что смогу его осуществить до конца. С помощью

компьютера мне удалось проследить судьбу моих близких (а на это, поверьте, ушло немало времени), и я нашел их в долине. Конечно, мне пришлось сделать это в чужом обличье, и они меня не узнали. Их удалось воскресить в одном и том же месте, и когда кто-либо из них переселялся или его убивали, я узнавал об этом.

У меня почти фотографическая память. Хотя я был убит на Земле еще ребенком, но совершенно отчетливо помнил отца, мать и моих родных.

При встрече с ними меня очень тяготила необходимость соблюдать инкогнито, но я выдержал все. Мы стали друзьями... я даже сделал вид, что постарался выучить их язык. Как вы догадываетесь, все это произошло, пока осуществлялся проект Моната.

Я искренне любил свою приемную мать, вырастившую меня в Мире Садов, но еще больше привязался к своей настоящей матери, хотя она была далеко не такой образованной, как моя воспитательница.

Через некоторое время мои родные примкнули к приверженцам Церкви Второго Шанса. Они — искренне верующие люди, но этого мало, чтобы прийти к желанной цели. Им надо преодолеть долгий путь нравственного совершенствования, а для этого требуется время... много времени! Тогда они добьются своего, я уверен!

Бартон мягко прервал этика:

— Вы остановились на посадке в горах.

— Да, но сейчас важнее история моих родных. Теперь вы ясно представляете, что мучило меня... Нет, не только судьба родичей, но будущее всех — всех этих миллиардов безвинно осужденных! Я не рисковал поделиться своими сомнениями с коллегами и заговорил о них только с Трингу — и то лишь тогда, когда стал ему полностью доверять. Другие сразу же заподозрили бы во мне изменника...

Он вернулся к тому дню, когда был отправлен смертоносный сигнал, и его неуправляемый корабль устре-

мился к утесам. В этот критический момент Лога не мог прибегнуть к самоубийству, ибо воскресительные камеры были дезактивированы, но он решился на другой шаг, предотвративший вынужденную посадку: он отключил двигатель.

— Если бы Монат смоделировал и такой ход событий, я бы ничего не смог сделать. К счастью, это ему и в голову не пришло.

Воздушное судно начало медленно падать, затем нагнулось на склон горы чуть ниже вершины. Лога усидел в своем кресле, снабженном амортизаторами; кораблик из сверхпрочного металла также не получил повреждений.

— Но я все равно мог разбиться! Судно находилось в сотне футов от земли, и тут я вновь включил двигатель; по команде автопилота оно рванулось вверх, к горам. Затем повторил эту операцию на пятидесяти футах...

Так, включая двигатель на доли секунды, Лога опустил свой аппарат почти до самой равнины. На небольшой высоте он открыл люк и выпрыгнул, крепко сжимая в кулаке ручку цилиндра. Проскользнув сквозь ветви, он сильно ударился и потерял сознание.

Придя в себя, эдик обнаружил, что висит на ветке железного дерева; при ярком дневном свете он разглядел у подножья свой цилиндр. Весь исцарапанный, в синяках и ушибах, со сломанной ногой, он все-таки ухитрился сползти вниз.

— Остальное я вам уже рассказал, — Лога вытер вспотевший лоб. — Кое о чем вы догадались и сами.

— Не обо всем, — пожал плечами Бартон. — К примеру, мы не представляем, что вы делали там, — он показал на пульт, — и насколько серьезно сейчас положение.

— Или что такое Уход, — добавил Нур.

— Уход? После смерти личности, достигшей высокой степени морального совершенства, ее атман исчеза-

ет. Наша аппаратура не может его зарегистрировать и, при воссоздании нового тела, атман к нему не возвращается.

— Что же вы делаете с этим телом, лишенным атмана?

— Был проведен лишь один эксперимент, когда лишенному атмана телу дали возможность просуществовать его естественный срок. Но этот эксперимент проводил народ, предшествующий расе Моната; с людьми таких попыток не осуществлялось.

Теперь что касается исчезнувших атманов... Есть гипотеза, что хотя Творец проявляет известное равнодушие к своим созданиям, достигшие зрелости атманы Он милостиво принимает, осеняя своей благодатью. Иного объяснения у нас нет.

— Возможно, где-то во Вселенной существует некая сила, притягивающая атман на определенной стадии его развития, — вступил в разговор Фригейт. — Не знаю, почему она взаимодействует с душой... может быть, это разновидность магнитного притяжения.

— Что ж, не исключено... Но мы предпочитаем верить во вмешательство Бога. Хотя вполне возможно, что это воздействие чисто экстрафизического, а не сверхъестественного свойства.

— По существу, — уточнил Бартон, — вы объясняете исчезновения атманов, опираясь не на науку, а на веру.

— Да. Когда речь заходит об основных понятиях — о бесконечности, вечности и времени, о Первопричине — тогда надлежит опираться только на веру.

— Что привело к сумбуру в умах людей и неисчислимым страданиям, — добавил Фригейт.

— Вы не можете этого сказать о настоящей ситуации.

Тай Пенг в крайнем раздражении прервал их теологический спор:

— Давайте все-таки вернемся к тому, что происходит в этом мире.

— Я отбирал себе сторонников среди воскрешенных людей, потому что не надеялся, что все пойдет так, как было задумано. Все основные ситуации я заложил в компьютер — с тем, чтобы получить от него полный перечень возможных исходов. Но, к сожалению, машина не в силах просчитать весь ход размышлений и действий разумных существ, даже при наличии исчерпывающих исходных данных. В каждом отдельном случае точность предсказания бывает не больше одного процента... Поэтому Монату и остальным удалось то, на что я никак не рассчитывал; я добился успеха там, где не ожидали они; вы же совершили действия, никоим образом не предвиденные мною. Человек, его ощущения, его мозг, все еще глубочайшая загадка...

— Вероятно, так будет всегда, — подал реплику Бартон.

— Да, да! Именно поэтому нельзя предугадать изменение атмана... Один начинает резкое развитие, но затем приостанавливается; другой, находившийся на низшей ступени, может мгновенно достичь значительных высот... Это качественный этический скачок! Таким же образом люди и регрессируют.

— А не являетесь ли вы примером регресса? — спросил Бартон.

— О, нет! Как раз в этом меня обвиняла Сигген, когда мы жили в Пароландо. Но я достиг самой высокой степени нравственного совершенства, и никто из коллег не мог со мной сравниться... Так почему же не дать каждому в этом мире необходимый срок — тот срок, который нужен именно ему для достижения чаемого? Разве не так? Это правда, и отрицать ее невозможно!

— Да он сумасшедший! — пробормотала Алиса.

Бартон в этом не был уверен; все, о чем толковал Лога, казалось ему достаточно разумным, и сомнение вызвали лишь его дальнейшие планы. Впрочем, если

этик станет посылать свои подложные отчеты, то с Планеты Садов никто не явится для ревизии. Тогда Лога может иметь в запасе хоть целую тысячу лет! Само собой разумеется, за такой срок каждому удастся достигнуть желанной ступени духовного развития.

Но его вечный пессимизм убеждал Бартона в несбыточности подобного замысла.

Далеко ли продвинулся он сам по пути нравственного прогресса?

Да разве он стремится достигнуть той стадии, когда будет утрачена самая главная часть его сущности?

Но почему бы и нет? Это станет одной из самых великих его авантур — наверное, величайшей в жизни!

— Итак, — произнес он, — мы наконец знаем, что произошло. Но вы упомянули еще об одном немаловажном обстоятельстве: хотя сейчас некому вам противодействовать, ваш проект на грани краха. Чем же он вызван?

— Это моя вина, только моя! — воскликнул Лога. С искаженным лицом он вскочил с места и, не обращая внимания на хромоту, заметался по залу. — Из-за того, что я содеял, миллиарды людей могут погибнуть! Почти все! Навеки!

* * *

Воцарилось молчание. Приволакивая ногу, этик продолжал вышагивать от стены к стене.

— Вам придется все объяснить, — твердо сказал Бартон.

Лога опустился в кресло.

— Воскрешения прекратились по данному мной сигналу. Я не хотел давать этикам возможность перенестись в Башню с помощью самоубийств — до того, как туда попаду я сам. Но я не знал, что, опасаясь противодействия, они тоже отдали такой же приказ.

Дело в том, говорил Лога, что Монат всеми силами старался не допустить в Башню пока неизвестного ему изменника. Ренегат мог выполнить свои замыслы (каковыми они ни были) прежде, чем этики успеют его найти.

Приказ Моната блокировал команду любого другого этика.

— Он был Оператором, — напомнил Лога.

Пользуясь своим правом, Монат запретил компьютеру действовать по чьему-либо указанию, кроме его собственного.

— Я совершенно уверен: если бы Монат догадывался, к чему это приведет, он никогда бы так не поступил. Но он не больше меня мог прогнозировать события...

— Вселенная бесконечна, и неисчислимы ее загадки, — заметил Нур.

— Вероятно. Но, видите ли, при воссоздании тел компьютер использовал атманы... как бы это сказать?... как чертежи, облекаемые плотью. Когда-то имелись и записи тел, но со временем более экономным было признано сохранение самих атманов, как я уже объяснял. Других записей не осталось. Поэтому с исчезновением атманов терялась и возможность воспроизводства тел.

Бартон задумался, прокручивая в уме смысл сказанного.

— Но у вас же есть атманы. Мы их сами видели в хранилище Башни.

— Да, но когда компьютер погибнет, атманы высвободятся! А это значит, что исчезнет возможность воскрешения мертвых. И они погибнут навсегда!

Вновь нависло тяжелое молчание. Наконец Алиса сдавленно проговорила:

— Разве компьютер гибнет?

Лога с трудом справлялся с волнением.

— Да! Этого не произошло бы, если б его на много лет не оставили без наблюдения. Но люди в Башне были мертвы... Все оборудование создавалось для экс-

плуатации на столетия, причем без необходимости ремонта или замены. Тем не менее, время от времени отдельные узлы выходили из строя, и техники проводили общий осмотр, наблюдая за самовосстановлением машин. Однако механизмы обладают известным, но необъяснимым упорством, некой тенденцией к поломкам или отказам; в шутку говорят, что у них тоже есть атманы, а их свободная воля выражается весьма пагубно.

Долгие годы клапан исправно работал и без осмотра.

— Но, понимаете, это же не механический клапан. Это силовое поле определенной конфигурации, регулирующее подачу морской воды в камеру питания компьютера. Ему нужна дистиллированная вода, смешанной с сахаром и незначительными добавками минеральных веществ. Регулирующий клапан продублирован — причем второй, запасной, действует при отказе первого; в этом случае техники ремонтируют силовой генератор клапана, и нормальная подача воды восстанавливается.

— К несчастью, запасной клапан может работать лишь непродолжительное время, и сейчас, после аварии основного, протеиновый компьютер погибает... Я мог бы смоделировать на компьютере процесс воспроизводства всего узла. К сожалению, программа для такого расчета — единственная, к которой я имею доступ, — не может выдать данные прямо в конвертер, преобразующий материю в энергию.

— Но почему бы вам самому не отремонтировать силовой генератор? — спросил Фригейт.

— Лишь потому, что компьютер не разрешит мне этого. Видимо, еще в давние годы Монат приказал оборудовать его средствами самообороны. Они не были активированы, пока Оператор не отдал приказ.

В зале все затихли. Алиса опять прервала затянувшееся молчание:

— Но ведь можно воспользоваться одним из уловителей атманов, о которых вы нам рассказывали. В мо-

мент гибели компьютера и высвобождения атманов он мог их удержать.

Лога мрачно усмехнулся.

— Прекрасная мысль! Я и сам об этом подумывал. Но единственный действующий сейчас уловитель — сам компьютер. И чтобы создать собственный коллектор, я должен воспользоваться им же, его банками данных, недоступными для меня.

— Неужели средства самообороны совершенно не уязвимы? — задумчиво произнес Бартон.

— Исправить силовой генератор не так сложно: для этого мне надо снять дефектный модуль и заменить его другим, запасным. Но к нему не добраться — лучевая установка перережет меня пополам. Она действует так же, как мой бимер.

— Вы пользовались компьютером одновременно с коллегами, — внезапно заметил Нур. — Как же вам удалось так долго избегать разоблачения?

— В определенном смысле я сделал его шизофреником: одна часть не знает, что делает другая.

— Ничего себе! — восторженно воскликнул Нур, но восхищенное выражение на его лице тут же угасло. — Видимо, вы продумали, как этим пользоваться.

— Конечно. К сожалению, сейчас я почти бессилён: инженеры распознали этот эффект и постарались с ним справиться. В настоящее время доминирует основная часть компьютерного разума.

— Вы говорите — «доминирует», — подчеркнул мавр, — но не «подавлен полностью».

— Да. У техников не хватило времени заменить всю схему, вызывающие у компьютера шизофреническое раздвоение; они лишь установили параллельный блок, который обеспечивают преобладание основной части. Вероятно, завершить работу над всем комплексом предполагалась позднее. Но они погибли, не закончив ее.

— Как вы об этом узнали? — спросил Бартон.

— Я получил эту информацию от компьютера. Он не отказывается от общения, только не желает выполнять мои команды... любые команды, кроме тех, что должны поступить от Моната или людей, которым поручено с ним работать.

— Нет ли возможности выяснить код Моната — или какой-нибудь пароль, которым он пользовался?

— Только в том случае, если он его где-то записал, в чем я сомневаюсь. К тому, же кодовая команда должна сопровождаться записью голоса Моната или его помощника.

— Может быть, никакого кода не существует, а достаточно его голоса? — предположил Фригейт.

— Нет. Такое Монат наверняка исключил. Ведь из записи сравнительно легко выделить отдельные слова и синтезировать затем нужные фразы. Думаю, Монат заложил еще одно условие — опознанию внешности говорящего.

— А вы могли бы загримироваться под Моната? — заинтересовался Терпин.

— Вероятно, — Лога пожал плечами. — Но мы пользуемся не гримом, а лучевым модулятором.

Этик выглядел крайне подавленным и утомленным. Бартон решил, что виной тому не боль от раны, а осознание своей вины и полной безнадежности ситуации.

— Ну, ладно, — произнес он вслух, — мы не знаем, достаточно ли голоса Моната и его лица, чтобы заставить компьютер работать, а потому нам предстоит обмануть его. Человек всегда может обмануть машину, особенно ради ее же блага.

Алиса бросила взгляд на этика:

— А вы сообщили компьютеру, что он гибнет?

— О, да! Но он и сам знал о приближающемся конце.

— Может быть, человек в силах пробиться сквозь средства его защиты? — Бартон пристально поглядел в глаза Логи.

Этик инстинктивно расправил плечи.

— Я понимаю, что у вас на уме. Поскольку я виноват в этом несчастье, то именно мне и следует восстановить генератор. Что ж, я готов пожертвовать собой — даже в случае ничтожной вероятности успеха. Я пойду на это в полной уверенности, что совершаю благое дело. Но что ждет вас, если ценой жизни мне удастся предотвратить катастрофу? Вы не владеете нашей техникой... Одним вам не справиться, но главное даже не в этом. Что случится, если компьютер начнет функционировать? Ситуация принципиально не изменится.

Бартон заметил, что тогда Лога должен обучить их работе с приборами и машинерией, сосредоточенной в Башне.

Никому не известно, что может произойти с этиком, а последствия его гибели станут катастрофическими для всего Мира Реки.

Лога счел это требование справедливым. Прежде всего, заметил он, надо будет разобраться с маркировкой на приборах. Этик не мог быстро обучить их языку, на котором его коллеги общались с компьютером — то был язык народа Моната и обитателей Планеты Садов. Однако не составляло труда ввести в компьютерную память транслятор с эсперанто.

— Прекрасно! — воскликнул Бартон. — А теперь, я думаю, нам всем надо поспать. Мы отдохнем, и на свежую голову поразмыслим, как справиться с компьютером.

Они отправились в апартаменты членов Совета. Лога удалился к себе. Аффа Бен и де Марбо заняли один из покоев, Алиса и Бартон — другой, Тай Пенг с Терпином разместились в четвертом помещении, Нур и Фригейт — по соседству с ними. Бартон решил никого не оставлять в одиночестве: он по-прежнему не доверял этику до конца.

Перед тем, как они уснули, Алиса задумчиво произнесла:

— Знаешь, Ричард, мне кажется, существует способ вразумить этот компьютер. Он создан людьми — значит, люди в силах справиться с ним.

— Почему бы тебе не воззвать к его чувствам? — усмехнулся Бартон. — Вы, женщины, большие мастера на такие вещи.

— Не больше мужчин, ослиная ты голова! Я прекрасно понимаю, что бессмысленно взывать к эмоциям там, где их нет в помине, но в данном случае я не уверена в полном их отсутствии... Возможно, в нем есть какое-то подобие чувств... Однако действует он лишь на основе логики, так почему бы и не воспользоваться этим? Люди заложили в него свою логику и нам по силам побороться с ним... или как-то одурачить...

— Я уверен, что Лога подумал и об этом.

Он поцеловал ее в щеку и повернулся на другой бок.

— Спокойной ночи, Алиса.

— Спокойной ночи, Ричард.

Когда через несколько часов Бартон проснулся и открыл глаза, Алиса пристально разглядывала движущиеся картинки на потолке.

* * *

Утром новые обитатели Башни приняли душ, переоделись в чистое и направились в зал, служивший столовой. Проходя мимо центра управления, они заметили, что тело Крумс убрано. С пола исчезли пятна крови; не было видно и валявшихся повсюду скелетов.

— Это роботы, — пояснил Лога. — Я послал их убирать и труп Гильгамеша.

— Я никаких роботов здесь не заметил, — удивился Фригейт.

— Вы их видели, просто не обратили на них внимания — они похожи на большие шкафы. Ваши кровати

— тоже кибернетические агрегаты... к примеру, они массируют тело спящего.

— Я ночью просыпался, но ничего не почувствовал, — удивился Бартон.

— Я тоже, — заметила Алиса.

— Все происходит весьма деликатно и только во время вашего сна. Но если вам нужен массаж наяву, его можно заказать. Я объясню, как это делается.

После обильного и изысканного завтрака Алиса поделилась с остальными идеей о том, как перехитрить компьютер, прибегнув к человеческой логике.

— Звучит заманчиво, — покачал головой Лога, — но из этого ничего не выйдет.

— По крайней мере, надо попытаться, — настаивала Алиса.

— Мы попробуем воздействовать на него и физически, и психологически. Поверьте, я уже продумал все возможные варианты.

— Совершенно не сомневаюсь в этом, но девять голов всегда лучше одной!

— Мы — дракон о девяти головах! — провозгласил Тай Пенг. За завтраком он хорошо приложился к вину, и сейчас его щеки пылали багровым румянцем.

— Для разработки программы я использую один из малых компьютеров, — объявил Лога. — При наличии необходимых данных он делает все расчеты во много раз быстрее, чем человек, но при этом не обладает ни его воображением, ни созидательным началом. Зато машинные выкладки могут содержать то, чего мы не в силах предусмотреть. Он просчитывает варианты с невероятной скоростью — мне для подобной работы понадобились бы годы. В известной степени он даже способен к экстраполяции.

Лога отправился в центр управления и занял место перед пультом; через некоторое время он подозвал всех к себе.

— Я не смог удержаться и спросил большой компьютер о количестве атманов в коллекторе.

— Ну, и сколько же их? — заинтересовался Нур. Этик взглянул на экран.

— Восемнадцать миллиардов двадцать восемь... — Символы на экране сменились, и он добавил: — Теперь — плюс еще три.

— Больше половины обитавших на берегах Реки,

— Фригейт покачал головой.

— Да... Добавьте к ним еще двоих.

Лога отвернулся от дисплея.

— Каждую минуту умирают люди, и атманов набирается все больше. Когда компьютер погибнет...

У него сдавило горло, голос прервался.

Несомненно, этик обладал недюжинным мужеством и стойкостью, но слишком велика была его вина; она давила на него смертельным грузом.

— Послушайте, — вступил в разговор Терпин, — а не размахнуться ли нам дубиной? Ну, я имею в виду — покончить и с компьютером, и с атманами в ловушке! В таком случае вы больше ничего не потеряете и сможете продолжить свой проект — с теми, кто еще жив.

— Нет! — Лога пришел в крайнее возбуждение. — Это чудовищно! Я обязан спасти всех! Всех, погибших в долине и в Башне!

— Да, но дело кончится тем, что вы потеряете миллионы, а может быть, и все остальное население планеты.

— Нет! Я не в силах пойти на это!

— Ладно, — махнул рукой Терпин, — нет, так нет: Больше я ничем не могу помочь. Такие вещи — не для моего ума.

Он отправился в соседнюю гостиную, где стоял рояль, и стал наигрывать какую-то мелодию.

— Он разочаровался во мне, — горько произнес Лога. — Но он даже не в силах представить тяжесть моей ответственности.

— К чему эти взаимные попреки? — Тай Пенг помахал зажатой в кулаке бутылкой. — Вероятно, Том прав. Пойду-ка я к нему и поживу в свое удовольствие, а то у меня уже голова идет кругом.

— И не только от мыслей, — уколола его Алиса.

Тай Пенг усмехнулся и, проходя мимо, чмокнул ее в щеку.

Нур напомнил этику, что надо убрать взрывчатку из остальных помещений центра управления.

— Я сейчас запру туда дверь, — ответил Лога. — Там сейчас разрабатывается программа логической борьбы с компьютером, и это займет немало времени.

Они направились в лингвистическую лабораторию. Этик показал, как работать с приборами для обучения языку Мира Садов — он назывался гхуррк. Здесь же лежали книги — грамматика и словари эсперанто-гхуррк.

Алиса коснулась руки Бартон.

— Как это ужасно, правда? — Она смотрела на него широко раскрытыми темными глазами. — Все эти души в ловушке пропадут, исчезнут, а они могли бы стать бессмертными! Даже подумать о таком страшно!

— А ты не думай. Они не знают об этом — и все. Она вздохнула.

— Да, конечно... Но на их месте могли оказаться и мы. Как ты думаешь, Ричард, нам удастся когда-нибудь уйти? Мне бы хотелось верить в это, но нужно стать святым, чтобы...

— Ну уж меня-то никто не обвинит в святости, особенно — моя жена, — усмехнулся Бартон.

Алису его шутка не обманула: она не сомневалась, что он тоже охвачен смятением.

Прошло два дня; разработка программы на малом компьютере завершилась. Лога считывал с экрана результаты, остальные молча наблюдали за ним. Когда дисплей отключился, этик покачал головой.

— Безнадежно...

Вновь они предлагали и обсуждали различные варианты, из которых не подошел ни один — то из-за недостаточно продуманной аргументации, то из-за расхождений с реальными фактами.

На четвертый день пребывания в Башне Фригейт появился в столовой широко улыбаясь.

— Эй, мы все здесь просто болваны! Выход же у нас под самым носом! Надо просто отправить роботов для замены модуля!

Лога пристально взглянул на него.

— Да, я думал об этом. Собственно, это первое, что пришло мне в голову. Но корпуса роботы сделаны из чарруза, — так назывался на гхуррке серый металл, — и они не выдержат удара бимеров.

Фригейта, обескураженный, застыл с глуповатым выражением на лице.

— Но... но... если мы пошлем всех, если они станут защищаться?..

— Ни одному роботу не ставилась функциональная задача стрелять из бимера.

— Ну, хорошо, но можно же их переналадить и задать им соответствующую программу?

— Нескольким экземплярам — да, но оснащение большой группы роботов займет не меньше декады. Даже начав работу в самый первый день, я все равно бы не успел... — Этик помолчал и скорбно добавил:

— Время, оставшееся до гибели компьютера, — пять дней!

Его слова не были для команды Бартона полной неожиданностью, но тем не менее все оцепенели.

Тишину прервал Том Терпин.

— Ну, наконец-то! После этого нам не о чем будет беспокоиться. Души исчезнут, тут ничего не поделаешь, но тем, кто остался в живых, вы можете добавить еще немного времени.

Лога покрутил несколько дисков и нажал кнопку на пульте; экран озарился россыпью цифр. Все столпи-

лись вокруг, вглядываясь в уже понятные им обозначения.

— Восемнадцать миллиардов сто два, — прочитала Алиса.

— Сейчас я сам бы убил компьютер, — сумрачно произнес Лога. — Давно я этого боялся! Сегодня к затерянным душам присоединился атман моей матери.

— Пойдите! — воскликнул Фригейт. — У меня мелькнула еще одна мысль. Вы же сказали, что ваши собственные воскресительные камеры активированы. Не удастся ли использовать их для нашего воскрешения?

— Конечно. Мы с Тингу настроили их на свои атманы, но мне удастся сделать это и для вас. Но зачем?

Фригейт принялся растолковывать свой план. Лога, Бартон и Нур сразу ухватили суть.

Часть группы вступит в бой с компьютером; остальные останутся наблюдателями. Атакующих могут убить, но, возможно, кому-то удастся прорваться.

— Как только тебе это пришло в голову, Пит? — удивлялся Том Терпин.

— Все-таки я сочинял научно-фантастические романы. Когда я разобрался в ситуации, то сообразил, что нужно делать.

— Мне бы следовало самому до этого додуматься, — заметил Лога. — Слишком большие эмоциональные перегрузки не проходят даром... — он сокрушенно покачал головой.

— Вы сможете воспроизвести и это? — Бартон указал на оружие со сферическим наконечником.

— Столько, сколько понадобится.

За пару минут вся группа вооружилась бимерами. Этик вывел на принтер схему прохода к клапану от центра управления и его собственного воскресителя; люди внимательно вглядывались в нее, запоминая каждый переход.

— В этой части Башни на стенах и в помещении, где находится генератор, есть видеокамеры. Вот его изображение, взятое из картотеки.

Они долго изучали размноженную машиной картинку и, в конце концов, запомнили наизусть. Тем временем Лога подготовил необходимый для ремонта модуль, а затем объяснил, каким образом снять старый и установить новый на его место.

К сожалению, этику не удалось достать схему точного расположения средств самообороны компьютера.

— Эти сведения, должно быть, находятся в закрытых банках памяти, — заметил Лога.

— Но почему бы их не запросить? — приподнял брови Нур.

С удивлением взглянув на него, Лога рассмеялся. Через минуту он получил ответ на свой запрос, не содержащий никакой информации: компьютер отказался выдать схему обороны.

— Что ж, по крайней мере мы попытались...

Разместившись в креслах, они вслед за этиком направились к шахте лифта. Сейчас спуск проходил значительно быстрее: все свободно управляли ставшим уже привычным транспортным механизмом. На глубине мили Лога остановился и через нишу выплыл в коридор. Следовавший за ним Бартон, с его безошибочным ощущением направления, понял, что они движутся к потайным воротам в основании Башни. Вскоре они были там.

Этик взглянул на дверь, придерживаемую цилиндром, и его лицо побагровело.

— Почему мне не сказали, что дверь осталась открытой?

Бартон пожал плечами.

— Я решил, что это не столь важно.

— Но ведь здесь могли другие!

— Нет. Они еще не успели сюда добраться. Не забудьте, что они плывут на весельных лодках.

— Я не хочу допускать даже малейшей возможности их появления в Башне.

Лога отвернулся от двери и посмотрел на Бартон.

— Пока меня не будет, вы уберете отсюда цилиндр и лодку.

— Куда же вы отправитесь?

— В центр управления — запустить автоматическое воздушное судно. Нужно направить его к выступу на скале. Оно снесет карниз и перекроет вход в пещеру.

— Идите с ним, — Бартон кивнул Тай Пенгу и де Марбо.

У Логи сверкнули глаза, но он промолчал, повернул кресло и направился вглубь коридора.

Бартон повел остальных к окутанным туманом воротам. С большим трудом они сдвинули и столкнули в море лодку и, вернувшись через дверь, заклиненную цилиндром, прошли в извилистый коридор.

— Нужно, чтобы Лога показал нам, как открывается эта дверь, — произнес Фригейт.

— Думаю, он не захочет, — сказал Бартон.

— Неужели он нам все еще не доверяет?

— Та жизнь, которую он вел, научила его не верить никому.

Однако в данном случае Бартон ошибся.

Через пятнадцать минут этик вернулся к ним в сопровождении китайца и француза; покинув кресло, он стукнул кулаком в нескольких дюймах от двери и произнес: «Ах Куак».

Дверь медленно уползла в прорезь стены. Бартон постарался поточнее запомнить место, в которое ударил Лога.

— Почему вы думаете, что здесь никто не сможет незаметно пройти и захватить вас врасплох? — спросил он.

— Эта дверь представляет собой огромную видеокамеру.

Здесь есть другие камеры, замаскированные в стене; они расположены так, что я могу наблюдать все извивы коридора и прямые участки за ними.

Вслед за Логой они направились по проходу. Внезапно он остановился, встал лицом к стене и вновь произнес свой код. Совершенно цельная, без единого шва или зазора поверхность сдвинулась и ушла в прорезь, открыв ярко освещенную комнату, где стояли несколько столов с приборами и большой шкаф. На полу головами к двери распростерлись два скелета — видимо, люди уже собирались выходить из помещения. Возле них находился металлический ящик с множеством дисков, трубок, кнопок, крошечным телеэкраном на одной стенке и кабелем с другой стороны.

— Если бы я решился послать сигнал раньше, они не успели бы заблокировать питание, — заметил Лога со страдальческой гримасой.

— Откуда вам было это знать? — Бартон внимательно осматривал комнату. — Кстати, почему дверь оказалась закрытой? Ведь эти двое собирались выйти отсюда.

— Видно, не знали кода, — предположил Нур.

— Если не подана команда, дверь через семьдесят пять секунд автоматически закрывается, — объяснил Лога. — Вероятно, техники обнаружили эту камеру во время ремонтных работ — проследили, куда проложена проводка. Отключить питание от воскресителя было недолгим делом...

Распахнув дверцу шкафа, за которой открылся тесноватый бокс, Лога пояснил:

— Воскреситель.

Согнувшись, этик начал копать внутри, под взглядом любопытного Фригейт.

— Почему вы не пользовались автономным источником питания? — спросил американец.

Лога выдвинул небольшой пульт на гибком рычаге.

— Это невозможно. Я предпочел бы установить свой собственный атомный генератор и обойтись без проводки, но конвертер, преобразующий энергию в материю, и коллектор атманов требуют огромных мощностей. Если включить их на Земле, то во тьму погрузилась бы половина планеты.

— Как же вам удавалось скрыть утечку энергии?

— Я поставил специальные предохранители... — Лога вдруг улыбнулся. — Интересней другое — как инженеры догадались о пароле! «Ах Куак» на языке майя означает огонь... и «Лога» — то же самое на гхуррке... Думаю, это меня и выдало!

Он коснулся клавиш пульта.

— Подойдите все поближе. Чтобы вы не ошиблись в дальнейшем, я дважды объясню, как надо действовать. Сейчас вы можете уже читать обозначения на гхуррке. Глядите! Когда я нажимаю эту кнопку, загорается серебристый диск... Значит, началась настройка...

Он нажал на клавишу, и диск вспыхнул оранжевым светом.

— Теперь...

Свет внезапно погас.

— Хайтууг! Что за?..

На секунду Лога приложил руку к пульту, затем ринулся к дверце воскресителя и заглянул внутрь. Даже на расстоянии все почувствовали идущие оттуда волны жара.

— Бежим! — Лога быстро захромал к выходу. Бартон поспешил за ним, оборачиваясь на ходу. Шкаф плавился на глазах, превращаясь в пылающий багровый шар.

— Эти... эти...! Они все подстроили! Как только включишь регулировку, конвертер расплавится!

Бартон оглядел испуганные лица своих людей.

— У нас есть еще один воскреситель, — напомнил он Логе.

— Над ним тоже могли поработать...

Этик был мертвенно-бледен.

— Но вы же можете как-то предотвратить его разрушение?

— Попытаюсь...

Но справиться с этим ему не удалось.

Глядя на плавающую массу, Бартон решился сообщить Логе некую новость; он откладывал этот разговор, пока царила суматоха вокруг воскресителей.

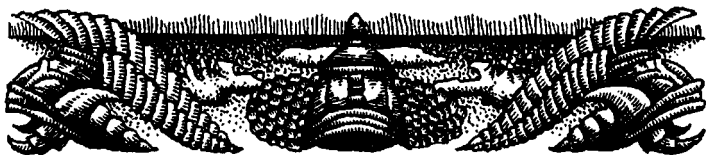
— Лога, когда мы уходили из нижней потайной камеры, чтобы отправиться на ваши розыски, я всадил в стену у двери пулю... Так вот, она исчезла.

Нависло тяжелое молчание. Затем Фригейт неуверенно произнес:

— Возможно, ее вытащил робот-уборщик...

— Нет, — возразил этик. — Роботы там не появляются... Нет... Кто-то еще проник в Башню!

ГЛАВА 14

ТРОЙНАЯ ИГРА: КЭРРОЛ, АЛИСА И КОМПЬЮТЕР

Они вернулись в центр управления; Лога уселся перед терминалом компьютера и немедленно приступил к делу. Вскоре уже работали все телекамеры Башни, а через несколько секунд на экране появилось изображение.

— Фрато Фениксо! Герман Геринг! — присвистнул Бартон.

Устроившись за столом, немец поглощал какую-то пищу.

По его чудовищной худобе и черным кругам вокруг глаз можно было предположить, что одним блюдом он не обойдется.

— Никогда бы не подумал, что он так быстро достигнет нас, — сказал Лога. — Компьютер больше никогда не обнаружил, но, возможно, кто-то находится сейчас вне обзора камер. Если это агенты, то им известен код, переданный Монатом в долине.

— Не спросить ли об этом у Геринга? — предложил Бартон.

— Обязательно! Только вначале я выясню, где он находится.

Этик считал показания, все устроились в креслах и выплыли на них в коридор. Через десять минут они оказались в помещении под тайным убежищем Логи.

Сойдя с кресел, вся компания, стараясь не производить шума, двинулась пешком. Геринг был не воору-

жен, но к этому времени возле него мог очутиться еще кто-то.

— Ахтунг! — рывкнул Бартон и расхохотался, увидев, как почтенный епископ подпрыгнул и, взмахнув руками, изрыгнул пищу изо рта. Его кресло опрокинулось; весь дрожа и вытаращив глаза, он заметался по комнате. Немец пытался что-то сказать, но не мог выдать ни единого слова; его лицо побавровело, он обеими руками схватился за горло.

— Боже мой, да у него спазм! — воскликнула Алиса.

На ее глазах он посишел и рухнул на колени. Бартон с силой ударил его по спине, и из глотки немца выскочил непрожеванный ком хлеба.

— Не вижу ничего смешного, Ричард. Ты же мог убить его, — с укором произнесла Алиса.

Бартон вытер струившиеся по лицу слезы.

— Простите меня, Геринг! Полагаю, я осуществил свое давнее желание — расплатиться с вами за все прегрешения.

Геринг жадно припал к стакану с водой, поднесенный ему Афрой Бен.

— Да, полагаю, мне жаловаться не стоит.

— Вы же совершенно истощены, просто на грани голодной смерти, — вмешался Нур. — Нельзя так надеяться после долгого голодания!

— Но я не так уж и голоден... Кажется, аппетит совсем пропал... — Он оглянулся. — А где же остальные?

— Мертвы.

— Да благословит Господь их души...

— Геринг! — резко произнес Лога. — Вы пришли сюда один?

Немец с изумлением взглянул на него.

— Конечно.

— Давно вы здесь?

— Около часа.

— Когда вы шли в горах, кто-нибудь следовал за вами?

— Нет... По крайней мере, я никого не видел.

— Как же вам удалось так быстро добраться сюда?

Вироландцам оказалось по силам удержать «Ненаемный» у берега; корабль не соскользнул вниз и не затонул в пучине. Они отыскиали несколько секций батикайтора и установили их на деревянном баркасе. Кроме того, в их руки попали два небольших затонувших электромотора, запасной винт от малого катера и другие столь же полезные механизмы. Хорошо поработав, они за две недели переоборудовали четыре лодки и пустились следом за отплывшими ранее; в отличие от группы Бартона, они не тратили времени на остановки и отдых.

— Так где же ваши спутники? — спросил Лога, хотя, видимо, их судьбы была уже ясна.

— Многие вернулись назад. Я продолжал путь вдвоем со своей женой, но она поскользнулась и упала со скалы.

Он сделал округлый жест — благословение, принятое Церковью.

— Вы бы присели, — предложил Ричард. — Нам есть что рассказать.

Услышав от Логи и Бартона о происшедшем, Гериинг пришел в ужас.

— Неужели там все атманы погибших? И моей жены тоже?

— Да. И сейчас мы не знаем, что делать: то ли покончить с компьютером, то ли попытаться подчинить его.

— Нет, — твердо ответил Герман, — есть и третий путь.

— Какой же?

— Позвольте мне исправить этот клапан.

— Вы с ума сошли!

— Нет! Мне нужно оплатить свой долг.

Бартон вспомнил свой повторяющийся сон о Боге: «Ты обязан мне плотью. Плати за нее!»

— Если вы умрете, ваш атман погибнет.

— А может, и нет, — спокойно возразил Герман. — Что, если я сразу уйду? Мне неизвестно, кто я, но Бог знает, что далеко не святой... Если же я спасу все те души... атманы... Я полностью оплачу свои грехи!

Никто не рискнул ему возразить.

— Что ж, — решился Лога, — пожалуй, вы самый отважный человек из встретившихся мне. Надеюсь, вы ясно представляете, что шансов на успех немного. Но мы на это пойдем.

Сейчас Бартон уже раскаивался в том розыгрыше, который он устроил Герману. Этот человек поставил на кон свою душу! Если ему грозит неудача, он обречет себя на вечные муки... Да, Лога прав — Геринг действительно храбрец из храбрецов. Возможно, он никогда не был им раньше, но сегодня — стал!

Они отправились наверх, в свои комнаты. На одном из ярусов процессия движущихся кресел замерла, и Ричард показал Герингу пойманные атманы. Несколько минут немец вглядывался в радужный блеск облака, мнящегося, то опадающего, то вновь набухавшего светом, затем отвел взгляд от удивительного зрелища и вернулся к спутникам.

— Это самое прекрасное, самое волнующее и самое ужасающее видение...

Он вновь осенил воздух плавным круговым жестом. Бартон подумал, что этот символ означает для него больше, чем благословение атманов умерших; в нем чувствовалась мольба о спасении собственной души, мольба об укреплении решимости исполнить свое предназначение.

Войдя в центр управления, Лога тотчас уселся за пульт и приступил к работе. Через пять минут он отослал Германа в отсек, где был проведен обмер его тела. Все данные этик заложил в машину. Спустя час он на-

жал кнопку; затем, спустившись с помоста, добрал до конвертора, преобразующего энергию в материю, и откинул крышку люка.

Внутри лежало защитное снаряжение. Лога вытащил комбинезон, который тут же натянули на Геринга. В этом костюме немец походил скорее на робота, чем на закованного в латы рыцаря; заплечный ранец с баллоном для подачи воздуха делал его похожим на космонавта.

За исключением узкого продолговатого окошечка в лицевой части круглого шлема, костюм был сделан из серого металла. Несмотря на изрядную толщину, он весил лишь девять фунтов.

— Лицевая панель менее прочна, чем весь костюм, — наставлял Германа Лога. — Вам нужно беспрерывно находиться в движении: если лучи задержатся на одной точке дольше десяти секунд, они пробьют металл. Поэтому все время двигайтесь.

Герман проверил подвижность сочленений у плеч, кистей, пальцев, коленей и остался доволен их гибкостью. Потом он пробежался вперед и назад, попрыгал, присел; наконец, взяв в руки бимер, примерился, как действовать им в полном облачении.

Наконец костюм с него сняли, и он вновь принялся за еду. Герингу предстояло отдохнуть, и женщины отвели его в один из удобных покоев. Лога уехал в своем кресле на ярус, лежавший ниже уровня моря. Через час он вернулся в двухместной субмарине-амфибии, которая сейчас передвигалась по воздуху.

— Я вспомнил о ней лишь два часа назад. Она будет полезна на подступах к оборонительным устройствам компьютера, но пройти внутрь Герингу придется пешком — входные отверстия слишком узки для судна.

Пока Лога отсутствовал, остальные занимались подготовительными работами: крепили бимеры по бокам похожих на гробы роботов, сверлили в них отверстия для проводов. Сам Лога по возвращении установил на

них телеоборудование и триггеры, задал программу пуптепрокладывающим блокам и закрепил их на корпусе.

Бартон отправился будить Германа, но застал его на коленях — немец молился.

— Вам надо бы как следует отоспаться, — упрекнул он Геринга.

— Я провел это время с большей пользой.

Они вернулись в центр управления, где Герман вновь слегка перекусил. После еды он тщательно ознакомился с маршрутом и управлением субмариной. Лога показал ему, как нужно снять старый модуль и установить новый — этот блок представлял из себя серую металлическую деталь, по размеру и форме напоминавшую игральную карту. В нее была вмонтирована сложная сеть проводников, но поверхность оставалась совершенно гладкой. На одном из углов «карты» была сделана насечка в форме буквы «V», отмечающая край, которым следовало вставить ее в прорезь механизма. Выступающий барельеф кодового номера обозначал верх детали.

— Может ли этот модуль что-нибудь повредить? — спросил Фригейт Логу.

— При правильном обращении — ничего. Меня беспокоит лишь возможность ошибки самого человека. Например, при установке модуля лицевой частью вниз схема все равно заработает, но со временем возникнет перепад напряжения в одной из цепей и начнутся мелкие поломки. Это происходит не часто, но раз от раза дефекты накапливаются... а все техники, которые могли бы их исправить, мертвы.

Он вложил блок в металлический контейнер и прикрепил его к костюму под коленом.

На Геринга вновь натянули все снаряжение, кроме шлема. Лога разлил в изящные бокалы золотистое вино, поднял свой и провозгласил:

— За ваш успех, Герман Геринг! Да не оставит вас Бог!

— И каждого из вас тоже, — отозвался Герман.

Они выпили вино, закрепили на плечах Геринга шлем, и немец забрался по лесенке в сумбарину, не без труда протиснувшись в узкую дверцу. Лога поднялся к нему и еще раз повторил весь порядок операции. Закончив, он закрыл люк.

Теперь этик, как главный руководитель работ, уселся в свое кресло на помосте; обученные им остальные члены группы расположились перед своими пультами, приступив к корректировке действий роботов.

Первое из гробообразных чудищ двинулось к двери; им управлял Бартон. За ним шел робот Алисы, следом — остальные. Один за другим они миновали выход и свернули направо; затем в воздух поднялась субмарина и поплыла в хвосте цепочки.

Спуск к первому ярусу, расположенному ниже уровня моря, занял пятнадцать минут. Бартон остановил своего робота перед дверью, над которой четко выделялся барельеф из выпуклых букв, и привел в действие бимеры.

В тот же миг створка двери была прорезана сверху до низу. Тогда он передвинул робота ко второй створке, рассекая лучом и ее; затем огненная нить чиркнула посередине, и дверь обрушилась внутрь.

Глазам Бартона предстало огромное помещение, заполненное многочисленными приборами. Его робот направился к дверям в противоположной стене; по пути секции на его боках разошлись, и оттуда выскользнули сферические наконечники бимеров, готовых испустить алые лучи.

Бартон передвинул рукоятки на панели, повернув робота вверх и вправо и, переждав минуту, надавил кнопку пуска. По краям экрана заструились алые потеки, затем несколько ярких вспышек заставили его мигнуть: робот вел лучевую дуэль.

Через несколько секунд экран потух — одно из орудий, управляемых компьютером, разнесло телекамеру.

Бартон разразился проклятиями и отключил оружие: вслепую он ничего не мог предпринять. Быстро нажав кнопку, он подключил свой монитор к одному из связанных каналов Логи. Теперь он мог наблюдать за ходом операции с помощью камеры, установленной над дверью, через которую вошли роботы. Его машина парила в воздухе, поднявшись футов на десять над полом; остальные продвигались вперед растянutoй шеренгой, чтобы не повредить друг друга.

Алые лучи, тянувшиеся от стен, погасли; первый зал был обезврежен. По мере того, как занимались остальные помещения, в действие вступали новые телекамеры. Бартон видел, как рухнул робот Алисы; как разлетелся телепередатчик робота де Марбо; как машину Тай Пенга пробили сразу три луча, и она осела на пол. Один за другим выходили из строя и остальные металлические воины. В конце концов неповрежденной осталась лишь одна субмарина, и теперь она вступила в бой: ее корпус, похожим на маленький дирижабль, пробил очередную дверь, и в нее тут же вонзились лучи бимеров.

Аппарат оказался под обстрелом десятка орудий. Сквозь шквальный огонь Геринг послал суденышко вперед и проник в следующее помещение уже без доброй части кормы и с пробоинами в корпусе. Теперь перед ним была еще одна дверь, предпоследняя, за которой ему предстояло покинуть субмарину. Герман двинулся к ней на полной скорости, но в нескольких футах затормозил и, не обращая внимания на алые очереди, прошивавшие судно, выполз наружу. Немедленно стволы всех бимеров повернулись в его сторону.

Он мгновенно упал и прижался к полу; корпус субмарины укрывал его от половины орудий, но для остальных он продолжал оставаться удобной мишенью. Геринг поднялся и, петляя, побежал к двери; ряды бимеров, ошестинившись и изрыгая огонь, следовали за ним, пока он мчался к последнему проему, ведущему к

генератору. Как только он приблизился к отсеку, из прорезей выскользнули дверные створки, перекрывая вход. Под прицельным огнем лучеметов Герман начал резать дверь. Сделав небольшое отверстие, он сорвал контейнер с модулем и бросил перед собой; затем, держа в руке бимер, сам прополз в дыру.

На посту управления все тревожно прислушивались к его тяжелому дыханию.

Крик! Мучительный вопль агонии!

— Боже! Моя нога-а!

— Вы почти у цели! — выкрикнул Лога.

Из отверстия повалил темно-красный пар.

— Отравляющий газ, — глухо произнес этик.

На экранах возникло изображение камеры. Справа от Геринга, футах в десяти от пола, круглилась гигантская ребристая труба; рядом стоял металлический куб, соединенный тонкими проводами с другим. На его передней стенке было полно прорезей, из которых торчали края модулей-карт.

Геринг ползком подтянулся к этому механизму, но в этот момент лучи десятка бимеров ударили в его скафандр.

— Мне не подняться... Я теряю сознание...

— Держитесь, Геринг! — воскликнул Лога. — Еще минута, и вы завершите дело!

Они увидели, как грузная серая фигура шевельнулась, как пальцы в перчатках ухватили маленький контейнер, перевернули, выронили... У Германа еще хватило сил снова поднять его и доползти до металлического куба; но тут люди у пультов услышали его последний крик. На их глазах он рухнул лицом вниз, выпустив из рук модуль; серая карта лежала на полу у самого подножия куба.

Алые очереди продолжали бить по неподвижному телу, пока защитный костюм не был изрезан с ног до головы.

Наступило долгое молчание.

Наконец Бартон, тяжело вздохнув, отключил свой монитор; остальные последовали его примеру. Он поднялся на помост и встал позади Логи. Экран этика еще работал, но сейчас на нем виднелась лишь пульсирующая разноцветная шарообразная масса, выпускающая и вновь вбирающая в себя щупальца. Опершись локтями на панель, уронив лицо в ладони, Лога склонился над монитором.

— Что это? — спросил Бартон.

Он знал, что видит атман, но почему на экране?

Лога отвел от лица руки и уставился на яркую сферу.

— Я настроил на Геринга систему слежения.

— Это он?

— Да.

— Значит, он не ушел?

— Нет. Он останется здесь с остальными.

Что же им теперь предпринять? Вот вопрос, который мучил всех.

Лога задумал дезактивировать или уничтожить компьютер, а затем воссоздать его заново, изъяв все полученные ранее команды.

Но пока он надеялся, что кому-то удастся найти выход — прежде, чем атманы освободятся. Мозг его был словно парализован, но Бартон боялся, что внезапный порыв заставит этика нажать роковую кнопку.

Все погрузились в тягостное раздумье. Раз за разом они проигрывали на своих компьютерах всевозможные стратегии, но в каждой из них находилось уязвимое звено, разрушавшее всю схему.

Бартон нескончаемо мерил шагами комнату, изредка поднимаясь на помост и вновь устремляя глаза на ослепительное видение миллиардов атманов. Может быть, среди них и его родители? Айша? Изабелла? Вальтер Скотт, племянник сэра Вальтера Скотта и тоже писатель, ближайший его друг в Индии? Доктор Штейнхойзер? Джордж Сэйли? Суинберн? Его сестра

и брат? Спек? Его дед Бейкер, скоропостижно скончавшийся в самый неподходящий момент и лишивший его состояния? Кроважадный и жестокий король Дагомеи Гелеле, даже не признававший всей меры своей жестокости, ибо он вершил то, чего от него требовало общество? Но разве это оправдывает его вину?

Измученный и подавленный, Ричард отправился спать. Ему хотелось поделиться своими тревогами с Алисой, но она выглядела какой-то отрешенной, словно собственные мысли полностью поглотили его супругу. Но, видимо, ее занимали не отвлеченные мечты — она явно раздумывала о выходе из тупика.

Наконец ему удалось уснуть. Через шесть часов, если верить его наручному хронометру, Бартон проснулся. В полумраке перед ним стояла Алиса.

— Что случилось? — сонно пробормотал он.

— Надеюсь, ничего. Я только что из командного центра.

— Что ты там делала?

Она прилегла рядом.

— Я долго не могла уснуть... думала о том, об этом... Мысли мои метались, словно атманы. Я пыталась сосредоточиться на проблеме компьютера, но меня все время уводило куда-то в сторону. Затем опять я возвращалась к нему, и снова теряла нить, думала о чем-то еще... Мне нужно было представить всю свою жизнь — и здесь, и на Земле. Перед тем, как уснуть, я вспомнила мистера Доджсона. Кажется, я видела множество снов — и хороших, и страшных... Ты не слышал, как я кричала?

— Нет.

— Должно быть, ты спал мертвым сном. Я проснулась вся в испарине, дрожа от страха, но что меня так напугало, вспомнить не могла.

— Легко себе представить, что именно.

Пробудившись в тот час, Алиса поднялась с постели и пошла выпить воды, затем попыталась снова уснуть.

В голове у нее кружил хоровод воспоминаний — о преподобном Чарльзе Доджсоне, о счастье общения с ним, об историях, на которые она его вдохновила. Алиса столько раз перечитывала их, что перед глазами легко возникала любая страница текста с иллюстрациями Джона Тенниела.

— Вначале мне припомнилась сцена Безумного Чаепития, — сказала она Бартону.

За столом вместе с Алисой сидели Болванщик, Мартовский Заяц и Мышь-Соня. После бессвязной болтовни Мартовский Заяц предложил ей выпить вина.

Она посмотрела на стол, но, кроме чая, на нем ничего не было.

— Хотя это неправда, — объяснила она Бартону. — Там было еще молоко, хлеб и масло.

Алиса из книжки сказала: «Я что-то его не вижу.»

«Еще бы! Его здесь и нет!» — отвечал Мартовский Заяц.¹ Наступило молчание, во время которого Алиса пыталась разгадать загадку: чем ворон похож на копторку. Молчание нарушил Болванщик, спросивший ее, какое сегодня число. Он вынул из кармана часы, с тревогой посмотрел на них, потряс и приложил к уху.

Она подумала и ответила: «Четвертое».

Живая Алиса пояснила Бартону:

— Мистер Доджсон поставил это число, потому что действие в книжке происходило в мае, а четвертого — мой день рождения.

Болванщик посмотрел на часы и сказал: «Отстают на два дня! Я же говорил: нельзя их смазывать сливочным маслом!»

«Масло было совсем свежее», — робко возразил Заяц.

Бартон встал с постели и начал прохаживаться взад и вперед по комнате.

¹ Л.Кэррол «Приключения Алисы в Стране Чудес» — М.: Наука, 1991. (прим. переводчиков)

— Стоит ли вдаваться в такие подробности?

— Стоит. Все это очень важно.

Следующая представившаяся ей сцена была из главы «Вода и вязание» в книге «Сквозь зеркало», где семилетняя Алиса разговаривает с Белой и Красной Королевами.

«Разве когда думаешь, не плачешь?» — спросила она.

«Конечно, нет, — решительно ответила Белая Королева. — Ведь невозможно делать два дела сразу!»

— Алиса, — прервал ее Бартон, — к чему вся эта бессмыслица?

— Это не бессмыслица, дорогой. Слушай дальше.

Затем мысли Алисы перескочили с Белой Королевы к Шалтаю-Болтаю.

— Может быть, потому, что мне его напомнил Логга — сейчас он такой же полный.

Алиса из книжки разговаривала с огромным яйцеобразным существом, сидевшим на заборе. Они обсуждали значение слов.

«Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше.»

«Вопрос в том, — сказала Алиса, — подчинится ли оно вам.»

«Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, — сказал Шалтай-Болтой. — Вот в чем вопрос!»

И тут же реальная Алиса (Бартон невольно задался вопросом, кто же из них более реален — эта или другая, из книжки) перешла к сцене, где Белая Королева спрашивает, обучили ли ее вычитанию.

«Вычитания не знает, — сказала Белая Королева Красной и обернулась к Алисе. — А деление? Раздели буханку ножом — что будет?»

— Что-нибудь еще? — спросил Бартон.

— Нет. Да я и не думала, что за всем этим что-то кроется. Просто пришли на память несколько моих любимых отрывков.

И вновь Алиса забылась в дремоте, но вдруг сон отлетел, и она широко открыла глаза. Ей показалось, что ее кто-то позвал.

— Откуда-то издалека, из неведомых пределов...

Ей чудилось, что то был голос Доджсона; впрочем, она не была в сем уверена.

Тут Алиса окончательно проснулась; ее сердце неистово стучало. Встав с постели, она пошла на центральный пост.

— Зачем?

— Мне на ум пришли три фразы из этих отрывков: «Свежее масло», «Кто здесь хозяин?» и «Знаешь ли ты деление?» В них заключалось нечто нелепое и разумное... Понимаешь? И то, и другое одновременно!

Бартон кивнул.

— Ну, хорошо, Алиса, рассказывай все по порядку.

Она прошла в центральный, села в кресло Логи и соединилась с компьютером.

«Вам известно, что через два дня или раньше вы должны погибнуть?»

«Да. Эта информация избыточна. Я в ней не нуждаюсь.»

«Монат приказал вам не подчиняться командам других операторов. Как снять блокировку?»

— Но Лога его об этом уже спрашивал, — перебил ее Бартон.

— Да, знаю, но я подумала, что спросить лишний раз не помешает.

— И что он ответил?

Как и прежде, ответом было молчание.

Тогда Алиса сказала, что еще раньше Монатом была отдана другая команда, главная, важнее второй.

«Какая? — высветилось на экране. — Я получал много команд.»

«Первоначальная установка, главная по существу, заключалась в следующем: улавливать атманы и сливать их с воспроизведенными телами. В этом смысл

всего проекта. Если бы Монат мог предвидеть, к чему приведет его последний приказ, он бы его не отдал.»

Компьютер опять ничего не ответил.

«Соедините меня с тем блоком, которым обычно пользовался Лога. С частью вашей памяти, хозяином которой был он.»

Вероятно, компьютеру это не запретили, но, кроме Алисы, никто не пытался вызвать работающий блок.

— Боже мой! — произнес Бартон. — Ну, и что же?..

— Я повторила, что его ждет гибель. Он снова ответил, что знает об этом. Дальше я изложила тот же довод, который пыталась втолковать доминирующей части.

Она настанвала, чтобы первоначальная и главная функция протеинового монстра была выполнена — независимо от последующих приказов.

— А этот разум-доминанта... он ничего не пытался предпринимать?

— Ровно ничего. С чего бы? Лога говорил, что он ведет себя как гениальный идиот.

— Так что же было дальше?

— Я велела передать доминирующему разуму, что его задача — либо воскресить Моната для подтверждения приказа, либо снять блокировку. Либо — либо...

— Ну и что же?

— Экран потух. Я много раз пыталась добиться ответа.

Оживление на лице Бартона угасло.

— И больше ничего?

— Ничего.

— Но отчего же он оборвал связь? Поддерживать общение — его основная функция.

— Мне кажется, — медленно произнесла Алиса, — в нем идет внутренняя борьба. Подчиненные части борются с доминирующей.

— Но это же полный бред! — воскликнул Бартон. — С компьютером такого быть не может!

— Ты забываешь, что в определенном смысле он — не компьютер. Во всяком случае — не обычный компьютер. Это протеиновая структура, сложная, как человеческий мозг.

— Надо немедленно разбудить Логу, — решил Бартон. — Может быть, это ни к чему и не приведет, но пока он — единственный, кто способен разобраться с ним.

После сна этик выглядел посвежевшим. Он выслушал Алису, не задав ей ни единого вопроса, и лишь заметил:

— Там не может быть борьбы. Приказ Моната обязательен как для подчиненной, так и для доминирующей частей.

— Вы уверены? Ведь компьютер молчит!

Лога задумчиво покачал головой.

— Если с ним случилось что-то странное — хотя я думаю иначе, — то нужно воскресить Моната.

— Я уже отдала такой приказ... Вернее, поставила перед компьютером альтернативу...

Лога нахмурился.

— Ну, что ж! Поскольку это единственная возможность спасти атманы, то пусть будет так. Даже если...

Он не захотел уточнять, что ждет его самого.

Бартон с компанией отправился завтракать в столовую, но Лога поел в своем кресле за пультом. Все его отчаянные попытки связаться с компьютером не имели успеха. На главном экране по-прежнему сияла сфера из миллиардов атманов.

— Когда она погаснет, станет ясно, что хранилище опустело...

Он взглянул на другой экран, бормоча:

— Еще два, нет — уже три...

За завтраком в столовой царило угрюмое молчание, которое изредка прерывали вздохи женщин и краткие реплики мужчин. Внезапно раздался громкий голос Фригейта:

— Я полагаю, нам нужно обсудить весьма важную вещь.

Все взглянули на него, но никто ничего не спросил.

— Что же будет с нами после гибели компьютера? Лога считает, что мы не достигли того морального уровня, чтобы остаться здесь. По его мнению, мы не способны продолжить проект. Думаю, он прав — во всех случаях, кроме Нура. Если он сможет пройти в Башню через верхний вход, его здесь оставят.

— Я там уже проходил, — спокойно сказал Нур.

Все воззрились на него в изумлении.

— Когда? — Фригейт был явно озадачен.

— Этой ночью. Я решил, что если смогу выйти, то сумею и войти. Мне это удалось, хотя и с трудом. Я не мог проскользнуть с той же легкостью, как, видимо, делали этики.

— Значит, у вас все прекрасно сложилось, — пробурчал Бартон. — Поздравляю и прошу прощения, что называл всех суфиев шарлатанами. Ну, а что все-таки будет с нами? Вряд ли кто-нибудь хочет вернуться в долину... Но если же придется это сделать, то мы будем вынуждены сказать людям правду, которой поверят далеко не все. Ведь ни христиане, ни мусульмане, ни другие верующие не распрощались со своими предрассудками... как и сторонники Церкви Второго Шанса.

— Это их личное дело, — возразил мавр. — Что касается меня, то я совершенно не хочу здесь оставаться. Я охотно вернусь в долину, и у меня есть своя задача: добиться того, чтобы уйти.

— Но это совсем не значит, что Господь примет вас в лоно свое, — пожал плечами Бартон. — Теоретически Уход означает лишь невозможность выявить ваш атман с помощью научного инструментария.

— Все в воле Аллаха, — склонил голову Нур.

Бартон мысленно прикидывал открывающиеся перед ним возможности жизни в Башне. Здесь он может

обладать могуществом, которым никто не владел на Земле — да и немногие в Мире Реки.

Но для успеха его планов надо убрать Логу — убить или просто заключить в темницу. Но согласятся ли остальные помочь ему? Если нет, придется и их убрать со своего пути... Он сможет воскресить их в долине, пусть бродят там и рассказывают сказки, если угодно. Но не оставаться же ему в одиночестве! Здесь, в Башне, он воскресит тех, кто ему приятен — и мужчин, и женщин.

Он содрогнулся; это кошмарное искушение промелькнуло в его душе, как ночной бред. Нет, ему не нужна подобная власть! Он никогда не сможет избавиться от ощущения предательства...

Но что же Лога? Был ли предателем он?

В определенном смысле — да. Но Бартон разделял его убеждение, что обитателям долины должно быть отпущено значительно больше времени, чем планировали этики.

Он присматривался к лицам сидящих за столом. Не таятся ли в их душах схожие мысли? Не промелькнули ли в глазах следы борьбы с искушением?

Ему надо следить за ними. Разве можно быть хоть в ком-то полностью уверенным?..

Он приложился к бокалу с вином.

— Кто из вас хочет вернуться в долину? Поднимите руки.

Руки подняли все, за исключением Тома Терпина. К нему обернулись хмурые лица. Ухмыляясь, и он потянул руку вверх.

— Я ведь всего лишь подумал, как славно бы здесь пожить... Но оставаться мне не хочется! Вот только... позволил бы Лога мне взять с собой рояль?

Алиса вдруг дала волю слезам.

— Эти несчастные души! Мне думалось, я заставлю компьютер подчиниться... и вот...

На стене вспыхнул экран; на нем сияло расплывшееся в улыбке лицо Логи.

— Скорее сюда! — крикнул он и разразился смехом. — Скорее! Только что доминантная часть начала поддаваться... Я получил сообщение! Алиса, вы оказались правы! О, как вы были правы!

Все вскочили, толпой ринулись к дверям централи, потом сгрудились вокруг этика. На дисплее сияли строки только что полученного сообщения.

Внезапно их охватила неистовая радость; они кричали, обнимались, кто-то, спрыгнув с помоста, пустился в пляс.

Несколько минут спустя Лога попросил всех успокоиться.

— Помните, компьютер вот-вот может погибнуть! Но он дал мне разрешение на замену модуля! Я должен немедленно заняться этим.

«В какую же горькую насмешку судьбы превратится наша победа, если Лога опоздает на несколько минут», — думал Бартон.

Прошло с четверть часа; время тянулось томительно, бесконечно. Потом на вновь засветившемся экране появилось улыбающееся лицо Логи.

— Дело сделано! Сделано! И я уже отдал приказ возобновить воскрешения!

В комнате началось ликование: плач, смех, крики, объятия. Тарпин выскочил в столовую, уселся за рояль, и по тихим коридорам Башни поплыли звуки регтайма «Сент-Луис».

— Это было долгое, долгое плавание, но мы добрались до конца... — пела Алиса; ее глаза сверкали ярче сонма душ на экране, улыбка излучала радость и счастье. Никогда еще она не казалась Бартону такой прекрасной.

— Да, — он расцеловал Алису в обе щеки, — мы должны вернуться в долину, но дело не в этом.

Как все странно и непредсказуемо сложилось! Мир спасен, но не вождями и политиками, не святыми про-роками или мессиями, не библейскими апостолами, а замкнутым эксцентричным автором математических опусов и детской книжки вкупе с вдохновившей его девочкой.

Девочка, ставшая женщиной, мечтательной Алисой, вызвала к жизни абсурдность, совсем не абсурдную по существу, и это по спирали вернулось к ней и воодушевило ее на то, что не удалось никому — спасти восемнадцать миллиардов душ, спасти мир!

Размышляя о случившемся, Бартон случайно взглянул на дверь. Что это Фригейт крутится возле нее, насторожившись, как гончий пес?

Но вот он отошел от двери со странным выражением на лице.

Бартон оставил Алису и двинулся к американцу.

— В чем дело, Пит?

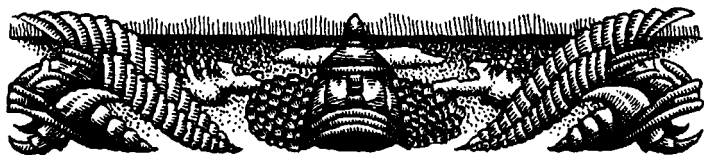
Фригейт хмурился и усмехался одновременно.

— Нет, ничего. Мне показалось, что в коридоре раздаются шаги, но там никого... Игра воображения, я полагаю.

МИР РЕКИ

ГЛАВА 1

На Земле Том Микс убегал от неистовствующих жен, бешеных быков и кредиторов. Он бежал пешком, верхом и на машинах, но сейчас впервые в жизни — на своей родной планете, в мире ли Реки — ему пришлось воспользоваться лодкой.

Теперь он несся вниз по течению, при сильном попутном ветре, всего лишь на каких-нибудь пятьдесят ярдов опередив преследователей. Оба судна — маленькое, улепетывающее, и большое, догоняющее, — были бамбуковыми катамаранами. Двухкорпусные, отлично оснащенные, они были построены без единой металлической детали, включая гвозди. Паруса были сделаны из бамбуковых волокон.

Солнце клонилось к закату. Люди собирались вокруг больших камней грибообразной формы, тянувшихся цепочкой вдоль берегов.

Пройдет еще какое-то время, и раздастся глухой рокот грейстоунов, вспыхнет голубое пламя; энергия потечет в цилиндры, поставленные на верхушки камней, и превратится в осязаемые вещи: еду, выпивку, табак, марихуану. Но пока что ожидающим свой ужин людям нечем было заняться; они шатались вокруг, болтали и смутно надеялись, что вот-вот произойдет нечто особенное.

Вскоре их нетерпение было удовлетворено.

Как только катамаран Микса миновал излучину Реки, он внезапно оказался в огромном озере, не меньше трех миль шириной. Все оно было покрыто лодками рыбаков, старавшихся разнообразить свой рацион све-

жей рыбой. Суденышек было так много, что Микс внезапно понял, что маневрировать здесь будет гораздо труднее.

Микс стоял за рулем. Впереди него, на палубе, сидели еще два беглеца, Битниах и Иешуа. Оба были евреями, связанными узами крови и религии, но разделенными во времени шестьюдесятью поколениями. Разрыв в двенадцать столетий был слишком существенным. В одних отношениях Битниах была ближе к Миксу, чем к Иешуа, в других — Иешуа лучше понимал Тома, чем женщину.

Всех троих, в данный момент, объединяли синяки и ушибы, полученные ими от одного и того же человека, Крамера. Сам он не участвовал в погоне, но его люди и так хорошо знали, что им надо делать.

Если они схватят беглецов, то вернут их «Молотку» — прозвище, данное Крамеру на Земле и сохраненное им здесь.¹ Если взять их в плен не удастся, их просто убьют.

Микс оглянулся; каждая частица паруса на двухмачтовом катамаране была туго надута ветром. Расстояние между лодками медленно сокращалось. Легкий катамаран Микса мог бы удержать лидерство, но его парус уже трижды был пробит копьями. Дыры были невелики, но с течением времени их эффект возрастал. Не пройдет и пятнадцати минут, как нос большого катамарана упрется в корму маленького. Конечно, люди Крамера не будут торопиться с abordажем. Они дождутся, пока лодки поровняются, и тогда, забрасывая крючья, попытаются сцепить их вместе.

Десять против троих, из которых одна — женщина, другой — мужчина, согласившийся на побег, но из принципа отказывающийся от какой бы то ни было борьбы, и еще один — мужчина, побывавший во мно-

¹ Игра слов основана на созвучии: Kramer — Hammer. Hammer (англ.) — молоток.

жестве драк и стычек, но не способный выстоять в одиночку против стольких противников.

Рыбаки сердито закричали, когда катамаран Микса приблизился к их лодкам. Микс ухмыльнулся и, сорвав с головы свою десятигалонную белую шляпу, сплетенную из соломы, приветственно взмахнул ею несколько раз. Кроме шляпы, на Миксе был длинный белый плащ, сделанный из двух полотнищ, скрепленных маленькими магнитами, белая набедренная повязка и ковбойские сапоги из кожи речного дракона на высоком каблуке. Последние, в сложившейся ситуации, были скорее помехой. Сражение неотвратимо приближалось, и на скользкой палубе Микс увереннее чувствовал бы себя босиком.

Он окликнул Иешуа и уступил ему место за рулем. Суровое, безучастное выражение на лице Иешуа не изменилось, когда он поспешно повиновался. Его рост — пять футов десять дюймов — в точности соответствовал росту Микса, но был большой редкостью среди людей его времени и народа. Темные волосы Иешуа на солнце отливали рыжим; они были подстрижены так, что закрывали шею. Его тело казалось тонким, но жилистым; грудь была покрыта курчавыми черными волосами. Единственной его одеждой была черная набедренная повязка. Лицо — удлиненное, аскетичное — представляло тип безбородого еврейского юноши, занятого только книгами. Зеленые крапинки в больших темно-карих глазах были унаследованы, по словам Иешуа, от предков-язычников. В людях его родины, Галилеи, текла смешанная кровь, после того, как в течение нескольких тысячелетий через их страну пролегали и торговые пути, и дороги завоевателей.

Иешуа можно было принять за близнеца Микса. Конечно, между ними были какие-то различия. Нос Иешуа был чуть-чуть длиннее, и губы — чуть-чуть тоньше, а волосы Микса не имели красноватого оттенка. Сходство, однако, было столь велико, что другим лю-

дям стоило больших усилий различать их — до тех пор, пока они не начинали говорить. Это же сходство побудило Микса дать Иешуа прозвище «Красавчик».

— О'кей, Красавчик, — сказал он, опять усмехнувшись. — Подержи эту штуку, пока я управлюсь вот с ними.

Он уселся, стянул сапоги и спрятал их вместе с плащом в мешок. Вернувшись к рулю, он ухмыльнулся в третий раз.

— Не будь таким мрачным. Сейчас мы будем веселиться.

У Иешуа был глубокий баритон; по-английски он говорил с сильным акцентом:

— Почему мы не причалим к берегу? Мы уже далеко от земли Крамера. Мы можем попросить убежища.

— Просить — это одно, — протянул Микс почти таким же низким голосом. — Получить — совсем другое.

— Ты хочешь сказать, что они так запуганы Крамером, что откажутся нас принять?

— Может быть, да. Может быть, нет. Я бы предпочел не выяснять это сейчас. В любом случае, если мы высадимся на берег, они сделают то же самое и изрежут нас прежде, чем местные успеют вмешаться.

— Мы сможем убежать в горы.

— Нет. Это последнее средство, и мы заставим их попотеть здесь, на воде, прежде чем воспользуемся им. Возвращайся назад, помоги Битниам.

Иешуа и женщина занялись парусом, пока Микс разворачивал лодку. Оглянувшись через плечо, он увидел, что большой катамаран следует за ним по пятам. Ели бы он сейчас вышел на середину Реки, то оказался бы впереди суденышка Микса. Но капитан катамарана, очевидно, не хотел рисковать, опасаясь, что один из зигзагов Микса заставит влететь в берег его собственную лодку.

Микс приказал немного ослабить парус.

— Но так они схватят нас еще скорее! — запротестовала Битниах.

— Это они так думают, — ответил Микс. — Делай, как я сказал. Команда никогда не спорит с капитаном, а капитан пока что здесь я.

Он улыбнулся и объяснил ей свой план. Битниах пожала плечами, давая понять, что, если их будут брать на abordаж, не имеет большого значения, раньше или позже это печальное событие наступит. Возможно, этим движением она также намекала, что ей известно, что Микс немного ненормальный, а его распоряжения это недвусмысленно подтверждают.

— Я не буду проливать кровь, — торопливо напомнил Иешуа.

— Я знаю, что не могу рассчитывать на тебя в драке, — откликнулся Микс. — Но если ты помогаешь управлять лодкой, то косвенно участвуешь в кровопролитии. Раскури-ка это в своей философической трубке.

Неожиданно, Иешуа улыбнулся. Хотя почему неожиданно? Ему нравились американизмы Микса, и он любил обсуждать этические тонкости. Сейчас, впрочем, он был слишком занят, чтобы вступить в спор.

Микс снова оглянулся. Лисица — люди Крамера были лисицей, а сам он — кроликом — уже почти уцепилась за его хвост.

Разрыв между ними составлял не больше двадцати футов. Двое воинов, балансируя на носу катамарана, готовились метнуть копьа. Однако колебания палубы под ними делали точный бросок практически невозможным.

Микс криком предупредил свой экипаж и круто развернул руль. Нос лодки, нацеленный в правый берег, внезапно вильнул, лодка накренилась, парус захлопал, гик с грохотом пролетел над головой Микса, едва успевшего присесть. Битниах и Иешуа вцепились в снасти, чтобы их не смело за борт. Правый корпус катамарана на несколько секунд поднялся высоко над водой.

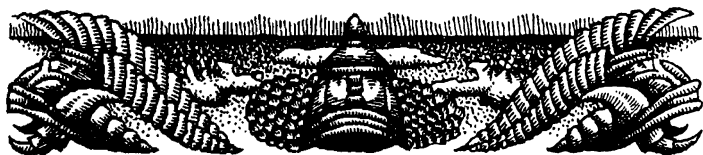
На какое-то мгновение Миксу показалось, что лодка перевернется. Потом она выровнялась, Битниах и Иешуа принялись травить канаты. Позади Микса раздавались жуткие вопли, но он не обернулся. Впереди испуганно и сердито кричали рыбаки на двух маленьких одномачтовых лодках.

Микс заскользил между ними, в узком, все уменьшающемся пространстве. Лодки сходились, несмотря на отчаянные усилия рулевых. Микс видел перекошенные лица мужчин и женщин на лодке слева от него. Больше всего они боялись, что катамаран Микса проломит им правый борт в носовой части. Медленно, очень медленно, лодка развернулась. Ее парус безжизненно повис, как в мертвый штиль.

Пронзительный женский голос возвысился над всеми остальными, выкрикивая ругательства на почти неразумительном английском. Один из мужчин швырнул в Микса копье: поступок бесполезный и глупый, но единственный, способный дать выход накопившемуся раздражению. Оружие пронеслось в футе от головы Микса и с шумом упало в воду.

Микс оглянулся. Преследователи попали в подстроенную им ловушку, и теперь оставалось позаботиться только о том, чтобы не угодить туда самому. Катамаран прошел вдоль левого борта лодки, так что утлегарь чуть не сорвал ванты с правой стороны мачты. И после этого путь был свободен.

Крики позади усилились. Треск пробиваемого дерева заставил Микса улыбнуться. Быстро оглянувшись, он увидел, что большой катамаран врезался носом в маленькое суденышко; люди на обеих лодках, включая рулевых, попадали на палубу. Трое человек из команды Крамера перелетели через борт и теперь барахтались в воде. Их можно сбросить со счета. Остается семеро.

ГЛАВА 2

Кролик превратился в лисицу; преследуемый — в ловчего. Команда Микса, подгоняемая своим капитаном, развернула катамаран против ветра, и он стал приближаться к месту столкновения так быстро, как это только было возможно. Времени прошло предостаточно, но катамаран Крамера вообще не мог маневрировать. И он, и лодка рыбаков получили по пробойне, и теперь медленно оседали в воду. Вода же хлестала сквозь отверстия в корпусе.

Капитан катамарана бешено жестикулировал; его рот был открыт, но голос потонул в общем реве. Экипаж, однако, или расслышал своего предводителя или правильно истолковал его свирепые знаки.

Схватив оружие, они стали перепрыгивать на рыбачью лодку. Микс не понимал, какую пользу надеются они извлечь из этого абордажа. Прыгать из огня в полымя, с одного тонущего судна на другое?

Впрочем, возможно, это был бездумный рефлекс, желание выместить слепую ярость на первом попавшем в пределы досягаемости.

Если так, люди Крамера жестоко обманулись. Двое мужчин и две женщины на лодке, не дожидаясь, пока их убьют, бросились в воду и поплыли прочь. К ним на помощь уже спешила другая лодка; когда она поровнялась с пловцами, парус на ней спустили, и множество рук протянулось над водой. В это же время в плывущих полетели копия, пущенные людьми Крамера.

— Они сошли с ума, — пробормотал Микс. — Им запихнут в глотки их собственное корыто.

По всей видимости, так бы оно и было. Микс мог бы оставить своих врагов на милость местных, но ему еще оставалось уплатить один долг. И, в отличие от большинства долгов, с этим будет приятно рассчитаться.

Микс опять приказал Иешуа встать за руль, а сам вооружился внушительным бумерангом двух футов длиной, сделанным из белого дуба.

Один из его тяжелых концов загибался под углом в тридцать градусов. В опытных руках бумеранг был страшным оружием, способным раздробить человеку руку, даже если его бросить с расстояния в пятьсот футов.

Кроме этого бумеранга, в ящике с оружием помещались три кремневых топора, четыре больших бумеранга, несколько копий с кремневыми наконечниками, две пращи и к ним два мешка с камнями.

Микс привязал себя к ящику, дождался, пока лодка вплотную приблизится к катамарану врагов, и метнул бумеранг. Вращаясь и сверкая на солнце, он пролетел над водой и точно поразил выбранную мишень. Даже сквозь шум свалки Микс расслышал хруст перебитых шейных позвонков. Воин молча рухнул на палубу; его товарищи завопили и сгрудились вдоль левого борта. В Микса полетели дубинки и копья. Одни из них отскочили, другие, содрогаясь, застряли в дереве. Хотя маленькая команда мгновенно распласталась по палубе, тяжелое копье с закаленным на огне наконечником просвистело в воздухе всего в нескольких дюймах от уха Иешуа.

Микс вскочил на ноги и метнул копье. На этот раз бросок оказался менее точным, и копье, вместо того, чтобы пробить грудь, вонзилось в ногу. Раненый завопил и ухватился за древко, но вытащить копье из ноги у него не хватило духу. Оглашая воздух рыданиями, страдалец ковылял по палубе, пока товарищи, схватив его, не вырвали копье. Полусломанный наконечник остался в ране.

Между тем, к тонущей рыбацкой лодке подошла еще одна. Трое мужчин прыгнули на палубу и принялись затягивать канаты, связывающие обе лодки. Еще несколько шлюпок и каноэ спешили к месту происшествия. Местные, несомненно, были раздражены внезапной атакой и собирались принять безотлагательные меры. Микс подумал, что с их стороны гораздо умнее было бы дожидаться, пока большой катамаран затонет, и перебить уцелевших членов команды, когда они окажутся в воде. С другой стороны, напав на людей Крамера, местные будут вовлечены в конфликт, который может стать началом войны. Это заставит их дать убежище беглецам.

Двухкорпусный катамаран, однако, тонул довольно медленно. Он вполне был в состоянии вернуться назад или, по крайней мере, удалиться на безопасное расстояние. Его капитан, видя, что происходит, дал знак к атаке и первым бросился вперед. Одна из женщин с подошедшей лодки взмахнула пращей. Тяжелый камень угодил капитану в солнечное сплетение. Он упал на спину, мертвый или без сознания.

Другой атакующий упал с пробитой копьем рукой. Его товарищ споткнулся об него и налетел на острый конец копья, торчащий позади раненого. Женщина, стрелявшая из пращи, свалилась в воду с раздробленной грудью. Через несколько минут противники сошлись в рукопашной схватке, и все смешалось.

Иешуа подвел катамаран вплотную к левому борту катамарана Крамера, в то время как Микс и Битних спускали парус и забрасывали abordажные крючья. Потом, пока Иешуа и Битних, обливаясь потом, притягивали лодки друг к другу, Микс достал пращу. Он упражнялся с этим оружием на земле и воде, в течение долгих часов, и теперь действовал точно, быстро и ловко, хотя ему приходилось тщательно выбирать цель, чтобы не задеть случайно кого-то из местных. Первый камень попал одному из людей Крамера в шею, второй

— перебил позвоночник его товарищу. Когда он упал, на него накнулись местные с кремневыми ножами.

Микс отбросил пращу и, сжимая тяжелый топор, ринулся в гущу сражающихся. Его оружие дважды опустилось на головы врагов; последние уцелевшие попытались прыгнуть за борт. Только одному из них это удалось. Микс поднял с палубы бумеранг и прицелился, потом остановился. Бумеранг был слишком дорогим оружием, чтобы утопить его вместе с противником, уже не представляющем опасности.

Внезапно наступило молчание, прерываемое только стопами раненных и плачем женщин. Люди казались бледными и подавленными; вспышка гнева миновала. Не вмешивавшиеся в побоище зрители теперь быстро приближались на своих лодках, но тоже молчали.

Микс воспользовался передышкой и вернулся на свой катамаран, чтобы одеться. Подмигнув Иешуа и Битниах, он натянул сапоги и плащ; его знаменитая десятигаллонная шляпа красовалась на голове владельца на протяжении всей баталии.

Вновь подойдя к местным, Микс снял свою шляпу, помахал ей и улыбнулся.

— Том Микс, эсквайр, к вашим услугам, леди и джентльмены. Сердечно благодарю вас за помощь, и примите мои извинения за причиненные вам неудобства.

Рыбаки переглянулись.

— Господи помилуй, — сказал их предводитель. — Я почти ничего не понял. Все же, сдается мне, это английский.

Микс нахлобучил шляпу и поднял глаза к небу, словно моля о помощи свыше.

— И здесь семнадцатое столетие! В конце концов, я научусь разбирать вашу тарабарщину.

Однако, говорить он стал медленнее.

— Есть у тебя кликуха, амиго?

— Кликуха? Амиго?

— Твое имя, друг. И кто твой босс? Он мог бы взять меня на службу. Пока что я нуждаюсь в нем, но скоро и он будет нуждаться во мне.

— Джон Викс Стаффорд — лорд-мэр Нового Альбиона, — сказала одна из женщин. Она и все остальные как-то странно посматривали на Микса и Иешуа.

Микс улыбнулся:

— Нет, мы не близнецы. У нас вообще нет ничего общего, если не считать родства, в котором состоят все люди. А вы знаете, это весьма сомнительное родство. Он появился на свет за тысячу восемьсот восемьдесят лет до того, как это сделал я. В Палестине. Что чертовски далеко от моей родины. Это причуда судьбы, что он так похож на меня. Большая удача для него; в противном случае он остался бы в лапах Крамера.

Казалось, кое-кто из аудитории с пятого на десятое понял Микса. Камнем преткновения был не столько словарь — хотя важные расхождения существовали и здесь, — сколько интонация и произношение. В чем-то речь местных напоминала Миксу речь австралийцев, которых он раньше изредка встречал. Бог знает, что эти люди думали о нем.

— Кто-нибудь из вас знает эсперанто? — спросил Микс.

— Мы слышали об этом языке, сэр, — ответил капитан. — На нем говорят в этой новой секте: Церковь Второго Шанса или как-то так. Но сюда пока никто из них не приходил.

— Очень плохо. Ладно, обойдемся тем, что есть. Я и мои друзья — мы пережили паршивые дни. Мы устали и голодны. Может, вы позволите нам остаться на несколько дней в ваших владениях? Мы отдохнем и отправимся дальше вниз по Реке. Как вы думаете, ваш босс — фу, лорд-мэр — разрешит нам остаться здесь насовсем?

— Наверняка, — ответила женщина. — Он не отказывает в гостеприимстве храбрым мужчинам и женщи-

нам. И он щедро награждает их. Но скажи, эти люди — должно быть, люди Крамера, да? — Почему они так жаждали вашей крови? Они гнались за вами, хотя и знали, что им запрещено являться сюда под страхом смерти.

— Это долгая история, мадам.

Микс улыбнулся. Его улыбка была обаятельной, и он знал об этом. Женщина была прехорошенькая: маленькая пухленькая блондинка, довольно бойкая и, по всей вероятности, незамужняя.

— Наверняка вы знаете Молотка Крамера, Крамера-Убийцу. Эти двое, Битних и Иешуа, были его пленниками, и он собирался их сжечь — потому что они считались еретиками в этой дурацкой стране. Кроме того, они евреи, так что в глазах Крамера им не было оправдания. Я освободил их и еще кучу других пленных, но только нам троим удалось добежать до лодок. Остальное вы знаете.

Капитан решил, что он тоже может представиться:

— Меня зовут Роберт Никкард. Это — Анжела Дорвертон. Не обращайтесь внимания на ее дерзость, мастер Микс. Она говорит все, что ей придет в голову, не заботясь о том, будет ли это прилично ее полу и положению. Она моя жена, хотя здесь не берут и не выходят замуж на горе и радость.

Анжела улыбнулась и подмигнула Миксу. К счастью, муж этого не заметил.

— Что касается еретиков, то Новый Альбион не интересуется — официально, по крайней мере, — какую религию исповедует человек. Он даже может быть неверующим, хотя я, например, не могу представить, как можно быть неверующим, восстав из мертвых. Мы всех принимаем как граждан, если они готовы трудиться, справляются со своими обязанностями и не пьют много. Мы принимаем и евреев.

— Я вижу, произошли кое-какие изменения с тех пор, как вы покинули Землю, — заметил Микс и, преж-

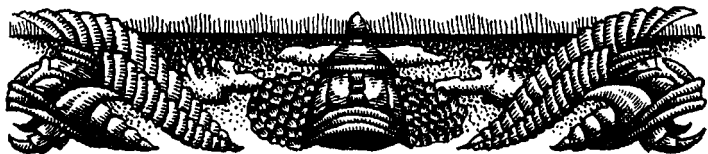
де чем собеседник успел отреагировать, быстро добавил: — Где мы можем пришвартоваться, сэр?

Никкард объяснил. Команда Микса вернулась на катамаран. Разобрав канаты и крючья, Битниах и Иешуа подняли парус. Прежде, чем Микс присоединился к ним, Анжела Довертон успела подмигнуть ему еще один раз. Микс уже почти решил избегать ее, как бы соблазнительна она ни была. Путаться с чужой женой... Хотя, если она уйдет от этого человека, Никкарда... нет, хлопот с ней не оберешься... Все же...

Местные остались возиться с поврежденными лодками, надеясь отбуксировать их к берегу прежде, чем они потонут. Последний из вояк Крамера, полуживой, был вытащен из воды и связан. Интересно, подумал Микс, что они с ним сделают?

За рулем теперь стояла Битниах. Иешуа возился с парусом, Микс устроился на носу. Ветер развевал его длинный белый плащ, одной рукой ему пришлось уцепиться за леер. Фигура его должна была казаться местным загадочной и живописной; по крайней мере, Микс на это надеялся. Что это была бы за жизнь без зрителей?

ГЛАВА 3

Нескончаемые степи тянулись по обе стороны Реки. Ровные, как пол в доме, они незаметно поднимались, переходя в подножия холмов. Долина была покрыта густой травой, которую никак не могли вытоптать. Там и тут росли одиночные деревья.

Холмы, поначалу не превосходившие двадцати футов в высоту, постепенно становились все выше и шире, превращаясь в настоящие горы. Холмы поросли лесом, большую часть которого составляли железные деревья: негниемые, глубоко вросшие в землю монстры, выдерживавшие не только огонь, но и удар стального топора.

Стальные топоры, впрочем, были очень редки в этом бедном металлами мире. Вниз по склонам росла высокая трава и бамбук. В отличие от мест вверх по течению, здесь почти не было ясеней и тисовых деревьев, так что лук и стрелы тоже встречались очень редко. Луки, правда, можно было делать из бивней речных драконов, но они попадались не так уж часто. Бамбук же был и вовсе негоден.

Вершины гор были изрезаны каньонами и трещинами; виднелись маленькие плато. На высоте пяти тысяч футов голые утесы казались гладкими, как стекло. Еще выше они становились непроходимыми.

Если бы человек захотел попасть на другую сторону, ему пришлось бы спускаться вниз по Реке, и на это могло уйти годы.

Жизнь этого мира сосредоточилась на берегах Реки, которая брала начало где-то на северном полюсе, текла

к южному и, миновав его, через другое полушарие возвращалась к истокам.

По крайней мере, так должно было быть. Никто не мог знать точно.

Безмолвные унылые степи и скудная растительность, к которым Микс уже привык, внезапно сменились цветущей зеленью. Тяжелый плющ обвивал деревья и даже побеги бамбука; сквозь него прорастали увядающие цветы всех форм, размеров и оттенков.

В миле от места битвы Микс приказал Битниах пристать к левому берегу. Как только катамаран ткнулся носом в песок и его команда высадилась на берег, Микса окружила толпа любопытных.

Лодка была моментально вытащена из воды, и вновь прибывших засыпали градом вопросов. Едва Микс сосредоточился на одной миленькой даме, как его прервали подошедшие воины; на них были шлемы из толстой чешуйчатой кожи и кирасы, вроде тех, какие носили при Карле Первом и Оливере Кромвеле. Вооружение их составляли круглые щиты из обтянутого кожей дуба, длинные копья с каменными или деревянными наконечниками, тяжелые военные топоры и большие дубинки. Грубые кожаные сапоги доходили до колен.

Их начальник, Альфред Реджиус Свинфорд, половину рапорта Микса пропустил мимо ушей.

— Мы голодны, — сказал тогда Микс, оборвав себя. — Можем мы подождать с этим, пока не наполним свои чаши? — он ткнул пальцем в ближайший грибообразный камень, высотой в шесть футов и шириной в несколько десятков. Серые цилиндры местных уже были вставлены в углубления на его верхней части.

— Чаши? — переспросил Свинфорд. — Мы называем их «обилия», чужестранец, сокращенно от Рога Иобилия. Дай их мне. Мы наполним их для вас, и вы поедите после разговора с лордом Стаффордом. Я вижу, ваши «обилия» точно такие же, как у нас.

Микс пожал плечами. Спорить в его положении было небезопасно, но, как и любой другой, он испытывал беспокойство, теряя свою «кормушку» из вида. Однако он повиновался, и все трое, окруженные воинами, направились в сторону холмов.

Миновав множество небольших хижин, они добрались до вершины холма, обнесенной частоколом. Ворота вели в обширный двор, посреди которого помещался Городской Совет: треугольное здание, сложенное из бревен.

Оглядевшись, Микс увидел наблюдательные вышки, многочисленные окна и бойницы — на тот случай, если при осаде защитникам крепости придется бросать копья и лить кипящее масло на головы нападающих — и деревянные краны, способные перебрасывать через стены набитые камнями сети. Десять больших деревянных резервуаров были наполнены водой, а в длинных сараях, вероятно, хранились запасы сушеной рыбы, хлеба из желудей и оружия.

Из одного такого сарая несколько мужчин вынесли корзины с землей. Значит, существует потайной подземный ход, одинаково годный для бегства и для внезапной атаки на тыл противника. Не такая уж это и тайна, если они позволяют чужим следить за работами. В ту же секунду Микс похолодел: возможно, ни один чужестранец, увидевший туннель, не будет выпущен отсюда.

Микс промолчал. Он мог бы прикинуться тупицей, но вряд ли начальник стражи сочтет его слепым. Попытаться одурачить его?

— Копаете колодец, — сказал он. — Хорошая идея. Если вы будете осаждены, не придется беспокоиться о воде.

— Точно, ответил Свинфорд. — Мы начали копать давным-давно, но тогда не хватало рабочих рук.

Микс так и не понял, удалась ли его затея. В этот момент солнце достигло верхушек западных гор и, се-

кундой позже, закатилось. Загремели граали: ужин был готов.

Стаффорд и члены совета сидели за круглым сосновым столом, находящимся на возвышении в дальнем конце зала. Между ними и входом стоял еще один стол, прямоугольный, окруженный множеством бамбуковых стульев. Потайные двери в потолке были открыты, и сквозь них проникал слабый вечерний свет. Пропитанные рыбьим жиром факелы, прикрепленные к стенам или воткнутые в стоящие на земляном полу плошки, были уже зажжены. Дым поднимался к закопченным балкам, распространяя в воздухе страшное зловоние. Внизу к нему примешивался запах немытых человеческих тел. Микс подумал, что такой нечистоплотности, вероятно, можно найти оправдание в Англии семнадцатого столетия, но не здесь, вблизи Реки. Впрочем, старые привычки умирают с трудом. Мало-помалу, общаясь с людьми, пришедшими из других, более брезгливых культур, эти англичане приучатся смотреть на немытую шею как на знак позора. Через десять-пятнадцать лет все они будут регулярно купаться в Реке. Ну, не все, так большинство из них. В любом обществе найдутся люди, которые думают, что вода существует только для того, чтобы утолять жажду.

Действительно, если не считать отвратительного запаха грязных тел и эстетики чистоты, не было причин для частого мытья. В мире Реки не было никаких болезней... за исключением болезней ума.

Начальник стражи остановился перед возвышением и доложил Стаффорду о случившемся. Сидящие за столом — их было человек двадцать — уставились на пришельцев. Многие курили сигареты или сигары, неизвестные в их время, когда в ходу были только трубки.

Стаффорд поднялся из-за стола, учтиво приветствуя гостей. Это был высокий мужчина, широкоплечий, длиннорукий, хорошо сложенный. Лицо его было длинным и узким, брови — густые и спутанные, глаза

серые, нос острый, губы тонкие. Раздвоенный подбородок сильно выдавался вперед. Темные волосы с подвижными концами доходили до плеч. Когда он пригласил вновь прибывших к столу, Микс различил северный акцент в его голосе — Стаффорд был уроженец Карлайла, находящегося рядом с шотландской границей.

Гостям предложили вино, виски и ликер. Микс, зная, что запасы ограничены, счел это добрым знаком. Стаффорд не был бы так щедр по отношению к людям, которых считал врагами.

Микс принялся к запаху превосходного бурбона, улыбнулся и отхлебнул немного. Он предпочел бы выпить эту волшебную жидкость одним глотком, но это означало бы, что хозяева должны тотчас же предложить ему новую порцию.

Стаффорд пожелал услышать собственный рассказ Микса. Пока тот повествовал о своих приключениях, в двух больших каминах, расположенных в центре зала напротив друг друга, развели огонь. Микс заметил, что некоторые из приносивших дрова мужчин и женщин были невысокими смуглыми людьми монголоидного типа. Они, очевидно, перебрались с того берега Реки, занятого гуннами. По слухам, это были те самые гунны, которые в пятом веке н.э. под предводительством Атилы покорили Европу. Были ли гунны, которых увидел Микс, рабами или беглецами, он не смог решить.

Стаффорд и его советники слушали Микса не перебивая, если не считать нескольких замечаний. Между тем, были принесены чаши и все принялись за еду. Микс страшно удивился, заглянув в свой цилиндр.

Он получил настоящий мексиканский ужин: кукурузные лепешки, энчилада, бурритос¹ и бобовый салат.

¹ Enchilada (исп.) — блинчик из кукурузной муки с мясом, сыром и перцем; burrito (исп.) — вид мясных изделий.

Из спиртного была предложена текила² с ломтиком лимона и щепоткой соли. Это заставило его почувствовать себя почти как дома, особенно когда он вытащил несколько тонких темных сигар.

Стаффорду, напротив, не слишком понравилась доставшаяся ему выпивка. Он долго нюхал ее, потом посмотрел на сотрапезников.

— Хотите поменяться? — предложил Микс.

— А что у вас? — поинтересовался лорд-мэр.

Вопрос требовал пространного объяснения. Стаффорд жил в то время, когда в Северной Америке уже появились первые английские колонии, но все же знал о них очень мало. Кроме того, Мексика тогда принадлежала Испании, так что об этой стране он вообще ничего не знал. Выслушав Микса, он протянул ему свою чашу.

— Ну, — сказал Микс, понюхав, — я не знаю, что это такое, но выпью. Вот, попробуйте текилу.

Следуя рекомендациям Микса, Стаффорд залпом проглотил напиток, лимон и соль.

— Черт побери! Сейчас я буду полыхать, как факел! — он вздохнул и задумчиво продолжил: — Неприятно, но очень приятно и возбуждает. Как насчет вашего?

Микс сделал небольшой глоток.

— А! Не знаю, кто это состряпал, но придумано неплохо. Густовато, правда. Это сорт вина. Может быть, им опьяняли себя древние вавилоняне. Может, это египетское вино, или малайское, или японское сакэ — рисовая водка. Делали ли вино ацтеки? Не знаю, но это могущественная вещь.

— Что касается текилы, то это очищенный спирт, добываемый из сока столетника или агавы. Так что выпьем за интернациональное братство спиртного и ваше здоровье!

² Tequila (исп.) — водка из агавы.

Когда запасы из чаш иссякли, Стаффорд распорядился принести бочонок самодельной водки. Спирт для нее гнали из зелено-голубых лишайников, которые росли на скалах; потом его смешивали с водой, а для аромата добавляли сухие листья плюща.

Опустошив одним глотком кубок, Стаффорд сказал:

— Все же не понимаю, почему люди Крамера так гнались за вами, что отважились нарушить границу.

Медленно и тщательно, стараясь сделать свои слова как можно более понятными, Микс принялся объяснять. Время от времени Стаффорд кивал одному из слуг, и кубок Микса заново наполнялся.

Микс начал подозревать, что щедрость Стаффорда объясняется отнюдь не его гостеприимством. Гость мог оказаться шпионом; его пытались подпоить, в надежде, что он проболтается. Микс подумал, что понадобится очень много времени и выпивки, чтобы развязать ему язык. В конце концов, ему было нечего скрывать. Не так много, во всяком случае.

— С какого места мне начать?

Стаффорд засмеялся; его глаза, уже покрасневшие, весело сверкнули.

— Опустите все, что относится к вашей жизни на Земле. И очень коротко расскажите обо всем, что предшествовало встрече с Крамером.

— Что ж, с самого Дня Великого Воскрешения Всех Душ (одно из названий дня, когда люди Земли впервые открыли глаза после смерти) — я путешествую по Реке. Хотя я родился в Америке в 1880 году н.э. и умер в 1940, меня не воскресили среди людей моего времени. Я попал к полякам пятнадцатого столетия. На другом берегу жили американские индейцы-пигмеи. До этого я и не знал, что они существовали, хотя о них говорилось в легендах индейцев племени чероки. Я знаю это, потому что и сам отчасти чероки.

Это была ложь, родившаяся на киностудии и придававшая Миксу особое обаяние. Он так часто повторял ее, что сам наполовину поверил.

— Я так и подумал, когда увидел тебя, — сказал Стаффорд, рыгнув, — что в тебе есть кровь краснокожих.

— Мой дед был одним из вождей чероки, — пояснил Микс. Он надеялся, что его предки — англичане, ирландцы и голландские переселенцы — простят его.

— Как бы там ни было, у поляков я не задержался. Мне хотелось жить среди людей, которые понимают мой язык. Я отряхнул прах с моих ног и стал деятельным, как обезьяна, которую ударили кнутом по заднице.

— Что за чудной образ, — сказал Стаффорд, смеясь.

— Довольно быстро я обнаружил, что в этом мире нет лошадей и вообще никаких животных, кроме людей, рыб и земляных червей. Поэтому мне пришлось построить лодку. Я пустился вниз по Реке, надеясь встретить людей, которых знал, или людей, которые слышали обо мне. Я был известен в свое время; миллионы знали обо мне. Теперь-то уж я туда не вернусь.

— Я рассчитывал, что люди расселялись вдоль Реки в соответствии с тем, когда они были рождены — хотя и существует масса исключений, впрочем, я понял, что это не обязательно так.

— Я собрал команду, десять человек, мужчин и женщин, и мы странствовали — дайте подумать — почти пять лет. Время от времени мы останавливались, чтобы отдохнуть или поработать на суше.

— Поработать?

— Да, как наемники. С нами расплачивались сигаретами, выпивкой, хорошей едой. Мы, в свою очередь, помогали людям, которым угрожала реальная опасность. Большинство наших были ветеранами различ-

ных войн на Земле. Я сам окончил Виргинский военный колледж...

Еще одно преувеличение.

— Я слышал о Виргинии, — медленно сказал Стаффорд. — Но...

Микс прервал свое повествование, чтобы выяснить, как много Стаффорд узнал о развитии мировой истории. Англичанин ответил, что кое-какую информацию он получил от странствующего албанца, который умер в 1901 году, и перса, умершего в 1897. Стаффорд, по крайней мере, предполагал, что эти даты точны, хотя их пришлось переводить с мусульманского календаря на христианский. Оба, к сожалению, почти ничего не знали о Европе. Один упомянул, что американские колонии получили в результате войны независимость, но Стаффорд не знал, верить ли этому. Это было так абсурдно.

— Канада осталась верна короне, — заметил Микс. — Я вижу, мне есть о чем рассказать. Как бы там ни было, я участвовал в испано-американской войне, боксерском восстании, филиппинском восстании и в бурской войне³. Что это такое, объясню позднее.

Ничего подобного на самом деле не было, но какая разница? Он воевал бы, если б ему предоставилась такая возможность. Ему пришлось уйти из кавалерии, когда он женился во второй раз и благоверная нашла способ удержать его дома.

— Несколько раз нас захватывали в рабство. Рано или поздно мы убежали, но наконец пришло время, ко-

³Испано-американская война 1898 года; Испания в результате войны была вынуждена отказаться от Кубы и Филиппин. Поднявшееся на Филиппинах в 1896г. восстание против испанского владычества было подавлено в 1901 уже американцами. Так называемое «Боксерское восстание» — восстание в Китае в 1900-1901гг.

Англо-бурская война — период 1899-1902гг.

гда из всего отряда остался я один. Многие мои товарищи были убиты, другие, утомившись, отказались плыть дальше. Моя возлюбленная, маленькая египтянка, дочь фараона... она тоже была убита.

В действительности Мириам родилась в семье каирского торговца, в восемнадцатом столетии. Но Микс был ковбой, а ковбои всегда немножко приукрашивают правду, чтобы она не казалась такой скучной. Все зависит от того, как смотреть на жизнь, и в определенном отношении Мириам была дочерью фараона. В конце концов, в этом мире, как и в том, правдой было то, что считали правдой люди.

— Может быть, — добавил Микс, — когда-нибудь я встречу ее снова. И всех остальных. Они уже вновь воскрешены и живут вверх или вниз по Реке.

Он немного помолчал, потом продолжил:

— Смешно, но среди миллионов, миллиардов лиц, которые я здесь увидел, я не встретил ни одного знакомого.

— Я встретил как-то философа, который подсчитал, что нас здесь по крайней мере тридцать пять миллиардов, — сказал Стаффорд.

Микс кивнул.

— Угу, я этому не удивляюсь. Но подумайте сами: за пять лет — ни одного... Ладно, когда-нибудь это да случится. На чем я остановился? Я построил последнюю лодку год назад, примерно в пяти тысячах миль отсюда. Все шло прекрасно, пока мы не отважились высадиться на маленький скалистый остров, чтобы пополнить запасы. Мы избегали приставать к берегу, потому что слышали, что эти места принадлежат чрезмерно вспыльчивым парням. Но мы слишком устали от рыбы, бамбуковых побегов и хлеба из желудей, а сигареты и выпивка давно кончились. Мы решили рискнуть — и проиграли. Только мы подошли к граалю, как нас схватили и поволокли к главному вонючке среди мест-

ных, Крамеру — толстому безобразному подонку из средневековой Германии.

— Как и большинство психов — примите мои извинения, если такие есть и среди вас, — он все никак не может понять, что этот мир мало соответствует его представлениям о загробной жизни. Он был большой шишкой на Земле, инквизитором. Он сжег и замучил сотни мужчин, женщин и детей, все это к вящей славе Господа.

Иешуа, сидевший рядом с Миксом, что-то невнятно пробормотал. Микс запнулся. Он не был уверен, что не зашел слишком далеко. Стаффорд и его люди могли оказаться такими же твердолобыми упрямами, как и Крамер. В семнадцатом веке религиозные убеждения большинства англичан были такими же прочными, как каменные стены готических замков. Очутившись в этом странном месте, ни рае, ни аде, они испытали страшное потрясение. Многие так и не оправились от него.

Некоторые находили в себе мужество принять действительность такой, какой она была. Но слишком многие — Крамер, к примеру, — приспособливали окружающее к своим старым земным понятиям. Крамер пришел к выводу, что мир Реки — это чистилище. Он был поражен, когда увидел, что сюда попали не только правоверные христиане, но и всевозможные еретики. Поразмыслив, он заявил, что учение Отцов Церкви было превратно истолковано продавшими душу дьяволу священниками. Теперь Крамер ясно видел Настоящую Истину.

Само собой разумелось, что тех, кто видит Истину не желает или видит ее по-своему, необходимо обратить. Орудием убеждения, как и на Земле, оставались пытка и огонь.

Когда Крамер изложил Миксу свою теорию, тот не стал спорить и с преувеличенной готовностью предложил свои услуги. Хотя он не боялся смерти — отлично зная, что будет воскрешен в течение ближайших два-

дцати четырех часов, — перспектива умереть на колесе или быть сожженным его не радовала. Микс согласился оставаться у Крамера и терпеливо ждал, пока предоставится возможность бежать.

Однажды вечером подручные Крамера привели новых пленников. Как ни сочувствовал им Микс, помочь он был не в силах. Хорошо знакомый с методами Крамера, он мог только надеяться, что у несчастных хватит ума не настаивать на своей правоте.

— Но этот тип, Иешуа, беспокоил меня, — продолжал Микс. — Во-первых, он был слишком похож на меня. Смотреть, как его сжигают, — все равно что оказаться в пламени самому. Кроме того, у него вообще не было шанса уцелеть. Крамер сразу же спросил его, не еврей ли он. Этот ненормальный ответил, что он был им на Земле, но теперь не имеет религии.

— Тогда Крамер сказал, что даст Иешуа шанс обратиться в истинную веру, то есть в веру Крамера. Это было ложью, но этот сладкоречивый слизняк, Крамер, для каждой своей гнусности подыскивает оправдание. Он говорит, что всем христианам и язычникам дает возможность спастись — всем, кроме евреев. Они единственные распяли Господа и должны заплатить за это. Кроме того, по словам Крамера, евреям нельзя доверять: они солгут, чтобы спасти свою шкуру.

— Все пленные были осуждены, потому что оказались евреями. Крамер спросил их, куда они направлялись, и Иешуа ответил, что они искали такое место, где никто не слышал о евреях. Тогда Крамер сказал, что такого места не существует; гнев Бога найдет их, где бы они не укрылись. Иешуа вышел из себя и назвал Крамера лицемером и антихристом. Крамер чуть не задохнулся от бешенства и пообещал Иешуа, что тот не умрет так же легко, как все остальные.

— Из-за всего этого я чуть не попал в тюрьму вместе с ними. Крамер заметил, что мы с Иешуа очень похожи, и заподозрил, что я тоже еврей и солгал ему. Как

могу я быть похожим на еврея, если я не еврей? Если бы я был потемнее, я мог бы сойти за одного из моих предков-чероки.

— Поэтому я улыбнулся (хотя спина у меня мгновенно покрылась испариной) и сказал Крамеру, что он все перевернул с ног на голову. Это Иешуа походил на язычника, так что его можно было счесть моим близнецом. Я даже напомнил Крамеру его собственное замечание: он как-то сказал мне, что еврейки были отъявленными распутницами. Иешуа, вполне вероятно, был евреем только отчасти, и сам не знал этого.

— Крамер затрясся от смеха и гоготал до тех пор, пока слюна не потекла у него по подбородку. В конце концов он сказал мне, что я прав. Но я знал, что мои дни сочтены. Крамер опять вернется к своим подозрениям и в итоге решит, что я лгу. Черт с ним, подумал я, пора сваливать.

— Но я не мог отделаться от мысли о Иешуа. Я не мог убежать как дворняжка, получившая пинок. Я хотел, чтобы Крамер запомнил меня, так запомнил, чтобы его вопиющее брюхо сводило каждый раз, когда он будет думать обо мне. Той же ночью, как только пошел дождь, я зарубил топором двух стражников и открыл ворота. К несчастью, кто-то поднял тревогу. Нам пришлось с оружием пробиваться к лодкам, и только мне, Иешуа и Битниах удалось ускользнуть. Крамер снарядил погоню, приказав своим людям не возвращаться без наших голов. Они и не вернутся.

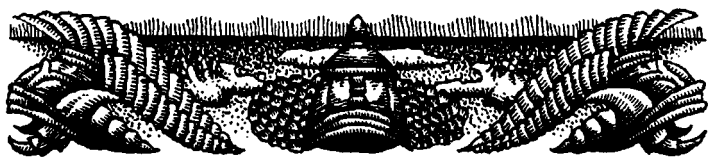
— Господь даровал нам вечную юность в этом прекрасном мире, — сказал Стаффорд. — Мы избавлены от нужды, голода, тяжелого труда и болезней. По крайней мере, так должно быть. Люди, подобные Крамеру стремятся превратить этот Эдемский сад в преисподнюю. Почему? Я не знаю. В один прекрасный день этот безумец нападет на нас; он уже поступил так со своими северными соседями. Если вы готовы сражаться, оставайтесь!

— Я ненавижу сумасшедшего дьявола, — сказал Микс. — Я мог бы рассказать... да вы и сами знаете об этом.

— К вечному моему стыду, — ответил Стаффорд, — должен признаться, что я был свидетелем многих жестокостей и несправедливостей на Земле, и я не только не протестовал, я поощрял их. Я думал, что закон, порядок и веру укрепляют пыткой и гонениями, как бы отвратительно это ни было. Но оказавшись здесь, я все начал сначала. То, что было правильным и необходимым на Земле, не нужно в этом мире.

— Вы выдающийся человек, — сказал Микс. — Большинство людей с поразительным упорством цепляются за свои прежние взгляды. Но я думаю, Мир Реки все же смягчит их мало-помалу.

ГЛАВА 4

ду из чаш подавали на деревянных тарелках. Микс, взглянув на Иешуа, увидел, что тот не ест предложенное ему мясо.

Битних перехватила взгляд Микса и улыбнулась.

— Его ум отрекся от веры отцов, но желудок все еще придерживается заповедей Моисея.

Стаффорд, не понимая ее акцента, переспросил Микса. Тот объяснил.

— Но разве она сама не еврейка?

Микс сказал, что да. Битних, уловив суть этого короткого диалога, постаралась говорить более внятно.

— Да, я тоже еврейка. Но у меня больше нет религии. По правде говоря, я и на Земле никогда не была особо набожной, но боялась высказывать свои сомнения из страха быть убитой или изгнанной. Когда мы скитались в пустыне, я ела все — чистое и нечистое, — лишь бы наполнить желудок. Подозреваю, что так же поступали и остальные, хотя мы прятались друг от друга. Некоторые, впрочем, предпочли умирать от истощения — и действительно вскоре умерли. Идиоты!

Она взяла кусок ветчины со своей тарелки и, улыбаясь, предложила Иешуа. Тот отвернулся с гримаской отвращения.

— Ради Бога, Иешуа, — не выдержал Микс, — сколько раз я предлагал тебе поменяться! Возьми говядину. Я вовсе не хочу, чтобы ты остался голодным.

— Как могу я знать, была ли эта корова правильно зарезана и приготовлена? — ответил Иешуа.

— О чем ты говоришь? Граали как-то превращают в еду энергию. Наши цилиндры запрограммированы так, чтобы мы каждый день получали что-нибудь новое. Ученый, который все это мне объяснил, сказал, что, по всей вероятности, в дно чаш вставлены матрицы, содержащие модели разных блюд. Они в заданном порядке соединяют атомы и молекулы, и энергия превращается в мясо, сигареты, во что угодно. В этом нет ничего чистого или нечистого.

— Но прежде всего этого должна быть корова, которую все-таки убили, — упрямо сказал Иешуа. — Говядина, служащая моделью в твоей матрице, взята из обыкновенной коровы, которая, вероятно, жила и умерла на Земле. Я и спрашиваю, была ли она убита по всем правилам?

— Может быть, — сказал Микс. — Но мясо, которое я только что ел, не имеет к настоящим коровам никакого отношения. Оно сделано машиной, которая просто воспроизвела атомную структуру куска говядины. Я уже объяснял тебе, что такое атомы. В любом случае, человеческие руки к нему не прикасались. Как оно может быть нечистым?

— Это вопрос, который занимал умы раввинов на протяжении столетий, — ответил Иешуа. — Думаю, что они спорят до сих пор. Нет, самое безопасное — не есть это мясо вовсе.

— Тогда стань вегетарианцем, — рявкнул Микс, поднимая руки. — И ходи голодным!

— Все же, — продолжал Иешуа, — в мое время на Земле жил один человек, который считался очень мудрым и, по слухам, говорил с самим Богом. Если не было воды, он позволял своим ученикам садиться за стол с грязными руками. Фарисеи осуждали его за это, он он знал, что Бог создал законы для человека, а не наоборот.

— Здравый смысл — всегда здравый смысл. Возможно, я был сверхтребовательным, даже фарисеем,

больше преданным духу буквы, чем духу закона. Может быть, мне действительно не надо обращать внимания на эти ритуальные тонкости. Но даже если я соглашусь есть мясо, никогда не проглочу я самого маленького кусочка свинины. Меня просто вырвет. Мой желудок не умеет рассуждать, но он прекрасно знает, какая пища ему годится. Это специфический еврейский желудок; сотни поколений создавали его. Скрижали Моисея лежат в нем, тяжелые, как горы.

— Битних с удовольствием ест и свинину, и бекон, — напомнил Микс.

— А, эта женщина! В ней воплотился какой-нибудь мерзкий язычник!

— Ты не веришь в переселение душ, — сказала Битних со смехом.

Стаффорд частично понял эту перебранку.

— Так вы, мастер Иешуа, — проговорил он нетерпеливо, — жили во времена Господа нашего Иисуса Христа? И вы знали его?

— Постольку, поскольку можно знать человека, — ответил Иешуа.

Со всех сторон посыпались вопросы. Стаффорд распорядился принести еще один бочонок с вином.

Как долго Иешуа был знаком с Христом?

С момента его рождения.

Правда ли, что Ирод велел перебить невинных младенцев?

Нет. Кто бы позволил ему? Он был бы немедленно наказан римлянами. И кроме того, это вызвало бы чудовищное восстание. Иешуа много раз слышал эту историю, странствуя по Реке, но в ней нет ни слова правды. Должно быть, это позднейший апокриф, возникший по аналогии с историей об Исааке.

Значит, Иисус, Иосиф и Мария не бежали в Египет?

Конечно, нет. Зачем бы им это понадобилось?

А что Иешуа скажет об ангеле, явившемся Марии с вестью о непорочном зачатии?

Как могло это быть, если у Иисуса были старшие братья и сестры, рожденные Марией? Во всяком случае, сама она ничего не говорила ни о каких ангелах.

Заметив, что лица англичан начинают краснеть не только от выпитого, Микс наклонился к Иешуа.

— Осторожнее, — шепнул он. — Даже если эти парни придут в вывод, что их религия ошибочна, никто не поблагодарит тебя за то, что ты отрицаешь вещи, в которые они верили всю свою жизнь. Многие здесь похожи на Крамера: они думают, что попали в чистилище и стараются заслужить райское блаженство. Этот мир для них — что-то вроде промежуточной станции.

Иешуа пожал плечами.

— Что ж, пусть убьют меня. Я воскресну в другом месте, которое будет не хуже и не лучше, чем это.

Один из членов совета, Николас Хайд, с грохотом поставил свой кубок на стол.

— Я не верю тебе, иудей! — проревел он. — Если ты и вправду иудей! Ты лжешь! Чего ты добиваешься? Может, хочешь посеять среди нас раздор этой дьявольской ложью? Может, ты сам дьявол?

Стаффорд накрыл руку Хайда своей.

— Успокойтесь, дорогой сэръ. Ваши обвинения бессмысленны. Ведь совсем недавно, я слышал, вы сказали, что Господа нет среди нас. Раз здесь нет Его, значит, нет и Сатаны. Неужели легче поверить в черта, чем в Господа Бога? А этот человек — наш гость, и пока он останется им, вы должны быть вежливы с ним. — Стаффорд повернулся к Иешуа. — Продолжайте, прошу вас.

Вопросы не иссякали, так что в конце концов Стаффорду опять пришлось вмешаться:

— Уже поздно. Наши гости устали, и завтра всех ждет тяжелая работа. Я позволяю задать последний вопрос. — Он огляделся и остановил свой выбор на высо-

ком, привлекательном юноше, который был представлен как Уильям Грей. — Может быть вы, милорд?

Грей вскочил на ноги.

— Благодарю вас, мой лорд. Скажите, мастер Иешуа, где вы находились, когда распинали Христа? И видели ли вы, как он восстал из мертвых? Или, может, говорили с кем-то, кто это видел?

— Это больше, чем один вопрос, — заметил Стафффорд. — Но уж ладно.

Иешуа долго молчал. Когда он наконец заговорил, речь его была еще медленнее обычного.

— Я видел, как его распинали и видел, как он умер. Что касается дальнейшего, мне известно только одно: он не воскрес на Земле. Впрочем, я не сомневаюсь, что он воскрес здесь, в мире Реки.

Голос его потонул в хоре возмущенных криков. Перекрывая шум, Хайд вопил, что лживого иудея нужно выбросить прочь, немедленно, прямо сейчас. Стафффорд, встав, изо всех сил стучал своим деревянным молотком по столу, призывая сотрапезников успокоиться. Кое-как водворив порядок, он поручил сержанту Ченнингу устроить команду Микса на ночлег. Прощаясь, Стафффорд сказал Миксу:

— Я переговорю с вами завтра утром, мастер Микс. Господь да дарует вам легкий сон.

Микс, Иешуа и Битниха вышли вслед за сержантом. Ченнинг нес горящий факел, но особой нужды в этом не было. Ночное небо, покрытое россыпью сверкающих звезд, отражалось в мерцающей воде Реки. Было даже светлее, чем на Земле в полнолуние. Микс спросил у провожатого, можно ли им искупаться, и получил разрешение. Все трое не снимая набедренных повязок, вошли в воду. Микс, в данном случае, взял пример с Битниха и Иешуа: если люди стеснялись купаться обнаженными, он, в свою очередь, щадил их скромность.

Мыло — из тех же граалей — пришлось очень кстати, чтобы смыть грязь и пот. Микс наблюдал за Битни-ах. Она была невысокой, смуглой; полная грудь удачно сочеталась с тонкой талией. Бедра, на вкус Микса, были широковаты, но взгляд с удовольствием останавливался на этом несовершенстве. Длинные густые волосы, иссиня-черные, лоснились, а лицо можно было назвать красивым — если вам нравились длинные носы. У четвертой жены Микса, Викки Форд, был точно такой же нос, и Микс любил ее больше всех остальных женщин. Огромные темные глаза Битниах с любопытством по-сматривали на Микса, и вся она, казалось, излучала жар, как мартовская кошка.

Иешуа был человек совсем в другом роде. Внешность оставалась единственным его сходством с Миксом. Он был неизменно сдержан и невозмутим, если не считать вспышки гнева, вызванной Крамером; мысли его витали где-то далеко. Хотя Иешуа говорил редко и мало, он производил впечатление человека, обладающего большим авторитетом.

— Вылезайте! — окликнул их Ченнинг. — Вы уже достаточно чистые.

— Ты знаешь, — сказал Микс Иешуа, — незадолго до того, как я попал к Крамеру, со мной произошло нечто странное. Темноволосый человечек бросился ко мне, что-то выкрикивая на незнакомом языке. Он пытался обнять меня; он стонал и плакал, и все снова и снова повторял какое-то имя. Я потратил чертовски много времени, уверяя его, что он обознался. Может, я так и не убедил его. Он попытался увязаться за мной, но я не хотел иметь с ним ничего общего. Мне было неприятно, что он так тарашится на меня.

— Я совсем забыл о нем, а вот теперь вспомнил. Держу пари, он принял меня за тебя. Он несколько раз назвал твое имя.

Иешуа вышел из прострацин.

— А как звали его?

— Не знаю. Он пытался говорить на четырех или пяти языках, включая английский, но я ничего не понимал. Он все время повторял одно слово: маттафия. Тебе это что-нибудь говорит?

Иешуа не ответил и передернул плечами, словно от внезапного холода. Между тем, было очень тепло. Дневной жар, в полдень достигавший 80 градусов по Фаренгейту, медленно спадал; высокая влажность степи сохраняла тепло до тех пор, пока не начинался неизменный ночной дождь. Тогда температура быстро опускалась до 65 градусов и оставалась такой до рассвета.

Ченнинг отвел беглецов к двум маленьким бамбуковым хижинам, с крышами, покрытыми огромными листьями железного дерева. Внутри каждой помещался стол, несколько стульев и низкая кровать, все из бамбука. Вешалки и ящики для оружия были сделаны из дерева, пол застлан бамбуком. Высший класс! В большинстве хижин пол был земляным. Иешуа и Битниах сразу же скрылись в своей хижине; Микс предпочел поболтать с сержантом. Чтобы задобрить англичанина, он угостил его сигарой из своего запаса. Одно время на Земле Микс курил, но потом бросил, чтобы не затемнять свой образ «совершенного» героя, созданный юными киноманами. В мире Реки он то курил, то не курил, чередуя периоды эпикурейства и умеренности. В течение последнего года Микс не прикасался к табаку, но сейчас решил составить сержанту компанию, надеясь сделать его более разговорчивым.

Мики Шепстоун Ченнинг был невысоким крепышом с огненно-рыжими волосами. Он родился в 1621 году в деревне Хевент, Хемпшир и занимался изготовлением пергаментов. Когда началась гражданская война, Ченнинг присоединился к войскам Кромвеля. Неудачно раненый в битве при Нейзби, он вернулся домой, вспомнил старое ремесло, женился, прижил восьмерых детей — из которых четверо умерло в младенчестве — и умер от лихорадки в 1687 году.

Переведя разговор на Новый Альбион, Микс заинтересовался устройством правительства и связями с соседними государствами, особенно — с Деусволенсом¹ Крамера; в Альбионе это название произносили как Дависволленц.

Стаффорд во время гражданской войны состоял при графе Манчестерском, но, потеряв от инфекционной раны руку, поселился в Суссексе и занялся разведением пчел. Быстро разбогатев, он сменил мед на генеральные поставки, а позднее был поставщиком на военном флоте. В 1679 году он погиб во время шторма, недалеко от Дувра. По словам Ченнинга, Стаффорд был хороший человек и достаточно терпимый лидер.

— Это он предложил уничтожить дворянские титулы и власть короля. Сейчас Стаффорд уже во второй раз выбран лорд-мэром.

— А женщины тоже были допущены к голосованию? — спросил Микс.

— Поначалу нет, но в прошлом году они взбунтовались, требуя этого права, и в конце концов получили его. Их ничто теперь не сдерживает, — добавил Ченнинг с кислой миной. — Они в любой момент могут собраться и уйти, потому что здесь нет ни детей, о которых надо заботиться, ни собственности, ни домашней работы. Они совершенно независимы.

Англия, находившаяся к югу от Нового Альбиона, обладала сходной системой управления, но там избираемый глава назывался шерифом. Напротив, Ормондию — государство, расположенное за северными границами Альбиона — населяли роялисты, во времена смуты оставшиеся верными Карлу I и Карлу II. Их возглавлял Джеймс Батлер, первый герцог Ормондии, лорд-лейтенант Ирландии и канцлер Оксфордского университета при Карле I.

¹Deusvolens (лат.) — буквально «Бог желающий»; можно перевести как «Воля Божья».

— Они называют друг друга милорд и ваша милость, — сказал Ченнинг. — Вы бы подумали, что старая Англия перенесена сюда с Земли. Но титулы у них почетные, а не паследственные, и почти все должности выборные, а в их совете больше людей простых, но достойных, чем знатных.

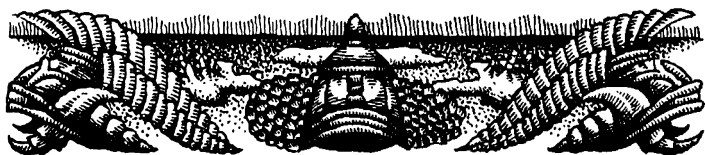
Более того, когда их женщины узнали, что наши получили право голоса, они подняли такой вой, что Его Милости не оставалось ничего другого, как проглотить пилюлю, да еще и улыбаться при этом, как будто это ему очень понравилось.

Хотя отношения между двумя крошечными государствами никогда не были особо дружественными, их объединяла вражда к Крамеру. Проблемой оставались общие вооруженные силы, потому что герцог и мысли не допускал, что ему придется согласовывать свои действия с лорд-мэром.

— Мне это мало нравится, — заметил Ченнинг. — Во время войны должен быть только один генерал, и две головы в этом случае гораздо хуже одной.

Гунны, жившие на другом берегу Реки, поначалу доставляли много беспокойства, но теперь поутихли. В действительности они так ожесточенно воевали друг с другом, что их осталось не больше четверти всего населения, которое пополнялось за счет многообразных пришельцев. Говорили там на пиджине, смеси гуннского наречия со всеми другими языками. Земли, находящиеся прямо напротив Нового Альбиона, были сейчас подвластны сикху, очень воинственному вождю. Имя его было Говинд Синг.

— На этом берегу, — закончил Ченнинг, — живут в основном англичане из семнадцатого столетия. Но в тридцати милях вниз по течению — поселение сингалезов тринадцатого века — желтых свирепых косоглазых ублюдков. А Дасиволенц наполовину состоит из средневековых германцев, наполовину — из испанцев того же времени.

ГЛАВА 5

Микс заснул тотчас же, как только Ченнинг ушел, пожелав ему доброй ночи. На протяжении ночи ему снилось, что он занимается любовью с Викторией Форд, своей четвертой женой, единственной женщиной, которую он все еще любил. Бой барабанов и резкие звуки рожков разбудили его. Микс открыл глаза. Было темно, но небо уже начинало бледнеть, предвещая близкий восход солнца. Сквозь распахнутое окно видны были меркнущие звезды.

Микс зевнул и натянул на голову колючий край шерстяного одеяла. Еще бы несколько часов сна! Но сказалась привычка к дисциплине: все же он был коваем, киноактером и цирковой звездой, а здесь — наемным солдатом. Микс выбрался из постели и, ежась от холода, плеснул в лицо ледяной водой из глиняного таза. Оглядев себя, он понял, что нуждается в ванне. Викки из сна подействовала на него так же, как и настоящая.

Потом он машинально провел рукой по щекам и подбородку. От этой привычки тоже было трудно отучиться, несмотря на то, что в мире Реки мужчинам не приходилось бриться. Микс не знал причины этого. Может, неведомому Благодетелю не по душе бороды? Но, впрочем, Он ничего не имел против волос под мышками или на лобке.

Создатель мира Реки позаботился также о том, чтобы были устранены некоторые изъяны внешности и телосложения. Женщины со слишком большой, или, напротив, слишком маленькой или отвислой грудью обна-

ружили, что теперь их бюст соответствует средним европейским стандартам. Далеко не все пришли от этого в восторг. Многие были довольны тем, что имели. В некоторых обществах необъятная грудь была предметом зависти, а в других не значила вообще ничего в плане красоты или секса: просто ею кормили младенцев.

Мужчины с очень маленькими пенисами получили член, не вызывающий насмешек или презрения. Жалоб на это Микс не слышал. Правда, однажды ему излил свое горе мужчина, который на Земле страстно хотел быть женщиной. Почему, восклицал он, напившись, неведомые существа, исправившие так много несправедливостей, не пожелали дать ему женское тело?

— Почему же ты не предупредил их о своем желании? — спросил Микс со смехом. Конечно, бедняга не мог проинформировать Благодетелей. Он просто умер, а потом был воскрешен в своем прежнем виде,

Не оценив шутку, страдалец ударил Микса, поставив ему бланш под глазом. Микс был вынужден сбить его с ног, чтобы восстановить справедливость.

Исправлялись и другие недостатки. Как-то Микс встретил красивого — возможно, слишком красивого — английского дворянина восемнадцатого столетия. На Земле его лицо и торс казались совершенными, но карликовые ножки не превышали полутора футов длиной. В мире Реки уродство было исправлено, но оно успело покалечить психику этого человека. Прекрасный телом, он остался озлобленным, безжалостным циником и, несмотря на свою невероятную популярность, ненавидел женщин. Знакомство его с Миксом началось с драки, и Микс сломал англичанину нос. Залечив раны, они стали друзьями, но нос красавца так и остался кривым. Как ни странно, это пошло ему на пользу: его характер значительно смягчился.

Людей довольно трудно понять.

Размышляя обо всем этом, Микс вытерся, завернулся в свой длинный плащ и, прихватив пипифакс — то-

же поставляемый заботливым Попечителем, хотя и не все люди использовали эту бумагу по назначению, — отправился на поиски клозета. Им оказалась капава, обнесенная бамбуковой изгородью. На деревянной доске над входом была вырезана фигура мужчины. Точно такой же женский нужник находился на расстоянии примерно двадцати ярдов.

Хотя мылись в Новом Альбионе по-прежнему нечасто, санитарные нормы мало-помалу прокладывали себе дорогу. Ченнинг сообщил Миксу, что никому не позволено облегчаться там, где он или она этого пожелают. (Сержант, впрочем, употребил другое слово.) Если виновного заставляли на месте преступления, его изгоняли из страны, предварительно вымазав нечистотами. Позволялось, однако, публично мочиться, если поблизости не было людей противоположного пола.

— Но это правило соблюдалось скорее на словах, чем на деле, — сказал Ченнинг, процитировав, сам того не зная, Шекспира. — В дикие незаконные времена, сразу после воскрешения, люди словно с цепи сорвались. Ни в ком не было стыда, Боже, Боже!

Теперь отхожие места регулярно чистили, сбрасывая их содержимое в глубокий каньон в горах, соответственно названный.

— В один прекрасный день его будет там так много, что ветер станет доносить сюда вонь, — сказал Ченнинг удрученно. — Что мы будем делать тогда? Сбрасывать его в Реку, как это делают грязные гунны?

— Ну, — протянул Микс, — мне кажется, это вполне приемлемо. Рыбы растащат дерьмо еще до того, как оно отравит воду.

— Да, но потом мы будем ловить этих рыб и есть их!

— Это не повлияет на их вкус. Послушай, ведь ты говорил, что несколько лет жил на ферме, так? Тогда ты должен знать, что цыплята и курицы едят навоз, когда находят его. Разве это портит их вкус?

— Это не то же самое, — возразил Ченнинг, скорчив гримасу. — Между навозом и человеческим дерьмом — большая разница.

— Ну не знаю, — пробормотал Микс. — Я никогда не пробовал ни того, ни другого. — Он помолчал. — Слушай, у меня есть одна идея. Ты знаешь, что земляные черви едят дерьмо? Почему бы вам не выкапывать их и не бросать в отхожие ямы? Вы освободитесь от хлопот, да и черви будут довольны, как ирландец, бесплатно получивший бутылку виски.

Ченнинг казался изумленным.

— Это великолепная мысль! Удивительно, как никто из нас до этого не додумался.

Он рассыпался в комплиментах, восхваляя ум и сообразительность Микса. Микс не сказал ему, что во многих местах эта «новая» идея практиковалась уже давным-давно. Кое-где таким образом из экскрементов добывали нитраты и, смешивая их с древесным углем и серой, делали порох.

За то время, которое Микс провел в уборной, краем уха прислушиваясь к болтовне, он узнал о любовной связи члена Совета с женой какого-то майора и услышал грязную шутку, совершенно ему неизвестную — а он-то думал, что знал их все. Вернувшись в хижину за своим граалем, Микс рассудил, что он может заглянуть к Иешуа и Битниах, чтобы вместе с ними пойти за завтраком. Но подойдя к их лачужке, он замер в нескольких шагах от двери.

Иешуа и Битниах громко спорили на своем невразумительном средневековом английском. Микса удивило, что они не пользуются для перебранки еврейским языком.

Позднее он обнаружил, что английский — единственный язык, общий для Битниах и Иешуа. Их разделяло двенадцать столетий, и язык Битниах — архаичный, перегруженный заимствованиями из египетского — был малопонятен Иешуа.

Кроме того, хотя оба родились в Палестине, родным языком Иешуа был арамейский. Еврейский оставался для него языком литургии; он мог читать Тору и — с некоторым трудом — первые пять книг Ветхого Завета.

— Я не буду жить с тобой в горах! — кричала Битних. — Я не хочу быть одна! Я ненавижу одиночество! Я хочу, чтобы меня окружали люди! Я не собираюсь проводить время, сидя на вершине скалы, окруженная камнями, и беседовать с могилами! Я не пойду! Не пойду!

— Ты преувеличиваешь, как всегда, — Иешуа говорил громко, но все еще спокойно. — Во-первых, ты будешь ходить к граалям три раза в день. Ты сможешь спускаться на берег в любое время, как только тебе этого захочется. И мы не будем жить в горах всегда. Довольно часто я буду возвращаться к людям, чтобы поработать — плотником, например. Но я не...

Микс не разобрал остального, хотя Иешуа говорил так же громко и медленно, как и раньше. Однако понять ответ Битних большого труда не стоило.

— Не понимаю, почему я вообще остаюсь с тобой! Уж не потому, конечно, что больше никто меня не хочет! Мне делали массу предложений, с твоего позволения! И некоторые были весьма соблазнительны!

— Я прекрасно знаю, почему ты живешь со мной. О, вовсе не потому, что ты любишь меня, или тебе нравится мой ум или мое тело! Если бы это было так, ты бы чаще говорил мне об этом и чаще бы спал со мной! Нет, причина в том, что я знала Аарона и Моше и была вместе с племенем, когда мы бежали из Египта в Ханаан. Единственная твоя цель — высосать из меня все, что я знаю о твоём великом и святом герое, Моше!

Микс наострил уши. Ну и ну! Мужчина, который уверяет, что знал Христа, живет с женщиной, которая уверяет, что знала Моисея. Возможно, кто-то из них лжет; может, лгут оба. Здесь, на Реке, слишком много лжецов, Миксу ли это не знать.

— Вот что я скажу тебе, Иешуа, — пронзительно кричала Битних, — Моше был грязным обманщиком! Он всегда проповедовал против измен и против того, чтобы брать к себе язычников, он я то знаю, каков он был на деле! Да он даже женился на одной, на куши-мадиамке! И пытался избавить своего сына от обрезания!

— Я слышал это уже много раз.

— Но ведь ты не веришь, что я говорю правду, да? Ты не можешь смириться с тем, что все, во что ты верил так благоговейно — мерзкая ложь! Зачем бы мне лгать? Что бы я от этого получила?

— Тебе нравится мучить меня, женщина.

— О, для этого мне не надо лгать, есть множество других способов. Как бы там ни было, это правда, что Моше не только имел нескольких жен, но и спал с чужими, если ему это удавалось! И я это знаю, потому что была одной из них. Но он был настоящий мужчина, самец, не то что ты! Ты становишься похожим на человека, только когда наглотаешься дурмана и обо всем забываешь! Что ты за человек, я тебя спрашиваю?

— Спокойно, женщина.

— Тогда не говори, что я лгу!

— Я никогда этого не говорил.

— О, тебе незачем это говорить! Я вижу это в твоих глазах, слышу в твоём голосе. Ты не веришь мне!

— Нет. Я предпочел бы никогда не слышать твоих рассказов... но правда прекрасна, как бы тяжела ни была.

Он продолжал по-еврейски; по тону его голоса Микс понял, что Иешуа что-то цитирует.

— Говори на английском! — взвизгнула Битних. — Меня тошнит от так называемых святых: у них всегда наготове благочестивая пословица, но их собственные грехи смердят, как больной верблюд! Ты говоришь в точности как они и тоже претендуешь на святость! Может, ты и считался святым на Земле; я даже думаю, что

твоя набожность погубила тебя. Но ведь я ничего не знаю о тебе и твоей жизни; этим англичанам ты сегодня рассказал больше, чем когда-либо рассказывал мне.

Голос Иешуа внезапно стал таким тихим, что Микс не смог разобрать ни слова. Он посмотрел на восточную гряду гор. Через несколько минут солнце окрасит их вершины, потом загремят граали. Если они не потопятся, то останутся без завтрака. Подумав о вяленой рыбе и хлебе из желудей, Микс ощутил легкую тошноту.

Он громко постучал в дверь. Голоса смолкли, и Битниах, яростно сверкая глазами, появилась на пороге. Увидев Микса, она принужденно улыбнулась.

— Да, я знаю. Сейчас мы будем готовы.

— Только не я, — сказал Иешуа. — Я не голоден.

— Вот и замечательно, — взорвалась Битниах. — Пусть мне будет хуже, если у тебя сведет живот! Но мне наплевать, я голодна и иду есть, а ты можешь сидеть здесь и дуться на весь свет!

— Все, что ты говоришь, не имеет значения. Я ухожу жить в горы.

— Проваливай! Должно быть у тебя есть что прятать. Кто ты такой, что так боишься жить с людьми? Ладно, мне-то уж нечего от них скрывать!

Битниах подхватила свой грааль и помчалась прочь. Микс поспешил за ней, пытаясь завязать беседу, но она была слишком разозлена, чтобы поддерживать его попытки. Они уже подходили к камню когда из его вершины вырвалось голубое пламя и над долиной разнесся глухой рев, напоминающий рычание льва.

Битниах остановилась и разразилась несомненными проклятиями на своем родном языке. Микс в этом случае довольствовался одним выразительным словом.

Успокоившись, она спросила:

— У тебя есть закурить?

— В моей хижине. Но после отдашь, потому что я меняю сигареты на выпивку.

— Сигареты? Так ты называешь трубочки?

Микс кивнул, и они направились к его хижине. Иешуа нигде не было видно. Микс преднамеренно оставил дверь открытой. Он не доверял ни Битниах, ни себе.

Битниах посмотрела на дверь.

— Ты что, считаешь меня идиоткой. Иешуа в двух шагах!

Микс улыбнулся.

— Ты никогда не жила в Голливуде!

Он дал ей сигарету. Она прикурила от маленькой металлической зажигалки, вспыхнувшей белым язычком пламени.

— Ты, должно быть, подслушал нас. Мы слишком кричали. Он очень сложный человек. Временами он пугает меня, а меня нелегко испугать. В нем есть что-то... что-то чуждое, почти нечеловеческое. Это не значит, впрочем, что он недобрый или не понимает других людей. Он их понимает, даже слишком хорошо.

— Но он все время держится в стороне. Иногда он много смеется, и заставляет смеяться меня, у него такое чудесное чувство юмора. А иногда обрушивается на весь мир с жестокими укоризнами, и меня это ранит, потому что я знаю, что включена в список осужденных. У меня теперь нет никаких иллюзий. Я знаю, что представляют собой люди и чего следует от них ожидать. Что ж, я это приемлю. Люди есть люди, и всегда они хотят казаться лучше, чем они есть на самом деле. Но, всегда говорю я, ожидай худшего, и время от времени ты будешь приятно обманут, потому что худшее не произойдет.

— Вот и я такой же, — сказал Микс. — Даже лошади непредсказуемы, что уж тут говорить о людях. Ты никогда не можешь точно сказать, что собирается сделать лошадь или человек, или что движет ими. Только одно железно, ты всегда Номер Один для себя самого, и точно так же все остальные. Если кто-то ведет себя

так, словно Номер Один это ты, а она приносит себя в жертву, это значит, что она обманывает себя.

— Ты говоришь так, словно у тебя были проблемы с твоей женой.

— С женами. Вот что мне по-настоящему нравится в этом мире: никаких судов, никаких алиментов, никаких забот о судьбе бедных брошенных малюток. Ты просто берешь свою корзину и оружие и откалываешься.

— Я родила двенадцать детей, — сказала Битниах. — Шестеро умерли, когда им еще не было двух лет. Слава Богу, я не должна проходить через этот ад здесь.

— Тот, кто стерилизовал нас, знал, что делает. Если бы мы могли иметь детей, эти равнины превратились бы в визжащий свинарник.

Он шагнул к ней и улыбнулся.

— Но у нас, мужчин, оружие при себе, хотя оно и стреляет вхолостую.

— Стой где стоишь, — ответил Битниах, не удержавшись, однако, от улыбки. — Если я даже и брошу Иешуа, это не значит, что я буду жить с тобой. Ты слишком похож на него.

— Я смогу показать тебе разницу, — сказал Микс обиженно. Он отошел от нее и достал из кожаной сумки рыбу. С отвращением разжевывая твердый безвкусный кусок, Микс поинтересовался о Моисее.

— Если я скажу правду, ты рассердишься и будешь меня бить?

— Нет, с какой стати?

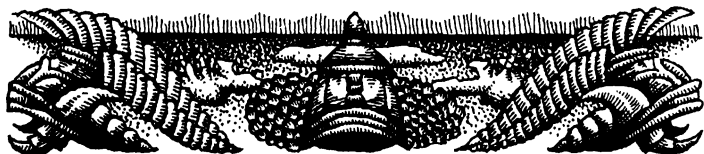
— Потому что я уже поняла, что должна помалкивать о своей земной жизни. В первый раз, когда я рассказала об этом, где-то через год после Дня Великого Крика, меня до полусмерти избили и бросили в Реку. Людей, которые сделали это, чем-то оскорбил мой рассказ, хотя я и не знаю, чем. Хорошо еще, что меня не пытали и не сожгли заживо

— Мне хотелось бы услышать правду об Исходе, — сказал Микс. — Меня не беспокоит, что эта правда не совпадет с тем, что я учил в воскресной школе.

— Ты обещаешь никому этого не рассказывать?

— Умереть мне, не увидев вновь хай-лайфа!

ГЛАВА 6

Однако Битних казалась озадаченной.
— Это клятва?
— Столь же хорошая, как и любая другая.

Битних родилась в земле Гессем, что была в земле Мицраим, то есть в Египте. Ее племя пришло сюда вместе с другими племенами Эбера за четыре столетия до того. Переселиться их вынудил голод; кроме того, в богатую дельту Нила их пригласил Иосиф, бывший тогда визирем фараона.

— Ты хочешь сказать — перебил ее Микс, — что история об Иосифе — правда? Он был продан братьями в рабство и действительно стал правой рукой фараона?

Битних улыбнулась.

— Не забывай, что все это случилось за четыреста лет до моего рождения. Может быть, это правда, а может нет, но моя история рассказывается именно так.

— Мне всегда трудно было поверить, что фараон сделал еврея-кочевника своим главным министром. Почему он не мог выбрать египтянина, образованного человека, знакомого со всеми тонкостями управления огромным государством?

— Не знаю. Но в то время, когда мои предки пришли в Египет, фараоном Нижнего Египта был вовсе не египтянин. Он тоже являлся чужеземцем, одним из тех пришедших из пустыни завоевателей, которых англичане называют пастушескими королями. Они говорили на языке, который походил на наш, и Иосиф был ему чуть ли не двоюродным братом. В любом случае, они состояли в кровном родстве, и фараон доверял ему гораздо больше, чем египтянам. Я не знаю, правда ли все это,

потому что, ты понимаешь, сама не видела Иосифа. Но к тому времени, когда я родилась, фараон Верхнего Египта подчинил себе земли пастушеских королей и стал править над всем Египтом.

Положение сыновей Эбера изменилось. Они пришли в Мицраим как свободные люди, но теперь их мало-помалу превращали в рабов.

— Все было не так уж плохо, пока к власти не пришел великий Рамсес. Это был могущественнейший воин, он строил крепости и города, заставляя работать на себя все населявшие страну народы.

— Это был Рамсес Первый или Второй? — спросил Микс.

— Не знаю. Его предшественника звали Сети.

— Тогда это, должно быть, Рамсес II. Так это он был фараоном-гонителем! А его наследника звали Менептах?

— Ты странно произносишь его имя, но это так.

— Хмм... Фараон Исхода!

— Да, бегства. Нам удалось избавиться от рабства, потому что в Мицраиме тогда царил беспорядок. Приморские народы, как вы их называете, постоянно вторгались в египетские земли. Позже, я слышала, их отогнали прочь, но тогда был самый разгар смуты, и мы воспользовались возможностью улизнуть.

— Разве Моисей — я имею в виду, Моше — не ходил к фараону и не требовал беспрепятственно отпустить его народ?

— Он бы никогда не осмелился. Его бы пытали и казнили после, и многих наших убили бы в назидание прочим.

— А ты слышала о чуме, которую Бог наслал на Египет в наказание? И о том, как Нил наполнился кровью, и о жабах, и о море, и о том, что в каждой семье умер первенец, и только евреи были пощажены, и не умер ни один из сыновей их?

Битниах рассмеялась.

— Я не слышала об этом до тех пор, пока не попала сюда. Чума и правда свирепствовала по всей земле египетской, но она убивала евреев точно так же, как и египтян. Два моих брата и сестра умерли от нее, и я сама заболела, но осталась в живых.

Микс спросил, что представляла собой религия иудейских племен.

По словам Битних, это была смесь самых разных верований. Ее мать, среди прочих богов, почитала Эла, верховное божество евреев, культ которого они принесли с собой в Гесем. Отец, напротив, предпочитал богов Египта, особенно Ра. Но он не отказывался приносить жертвы и Элу.

Моше Битних знала еще будучи ребенком. Он был настоящий дикий козленок (ее собственные слова), полу-еврей, полу-мицраимит. Само по себе это было не удивительно: женщины-рабыни часто жили со своими хозяевами, под принуждением или по доброй воле, считывая на лучшую пищу и обращение. Битних не знала наверняка, кто был отцом ее собственных сестер. Кто был отец Моше, тоже оставалось загадкой.

— Когда ему было десять лет, его взял к себе в дом египетский жрец, потерявший обоих сыновей во время чумы. Он мог бы взять и египетского мальчика; зачем бы ему понадобилось брать Моше, если тот не был его сыном?

Когда Моше исполнилось пятнадцать, он вернулся к евреям и опять попал в рабство. По его словам, его приемный отец был казнен, потому что в тайне исповедовал культ Атона, введенный проклятым фараоном Эхнатом. Битних, однако, подозревала, что отец прогнал Моше, застав с одной из своих наложниц.

— А пришлось ли ему бежать в землю Мадиямскую, после того как он убил египетского надсмотрщика над рабами? Говорят, Моисей застал его, когда тот избивал раба-еврея.

Битних снова засмеялась.

— Вернее, это надсмотрщик застал его со своей женой! Моше был вынужден его убить, чтобы не быть убитым самому. Потом он укрылся в Мадиямской земле. По крайней мере, он так сказал, когда вернулся через несколько лет под чужим именем.

— Моисей и вправду должен быть рогатым как сам черт,¹ — сказал Микс. — Козлята всегда становятся козлами.

Вернувшись вместе с женой-мадиамкой, Моше заявил, что сыны Эбера избраны Богом, имя которому — Яхве. Собственная богоизбранность сильно удивила евреев, большинство которых никогда не слышали о Яхве прежде. Но Яхве говорил с Моше из горящего куста², и он был призван освободить народ еврейский из рабства. Моше говорил с большой убежденностью; он казался боговдохновенным и весь светился отраженным пламенем Яхве, как тот куст, который он описал.

— А что ты скажешь о бегстве через Красное море и о том, как Бог потопил войско фараона, отправленное в погоню?³

— Те евреи, что жили после нас и написали книги, о которых ты мне сейчас говоришь, были лжецами. А может, они и сами верили в эти сказки.

— А золотой телец?⁴

— Ты имеешь в виду статую Бога, которую сделал Аарон, брат Моше, пока Моше беседовал на горе с Ях-

¹ Намек на знаменитого «Рогатого Моисея». Древнееврейское «геген» может означать и «рога», и «сияние». Переводя Библию (т.н. Вульгата), Иероним перевел «геген» как «cornuta», наградив Моисея рогами вместо нимба. Авторитет Вульгаты был настолько силен, что впоследствии ни один скульптор не осмелился ослушаться этого предписания.

² Исход, гл. 3.

³ Исход, гл. 14.

⁴ Исход, гл. 32.

ве? Это и правда был телец, мицраимский бог Хапи в облике Тельца. Но он был сделан из глины, а не из золота. Где бы мы взяли золото в пустыне?

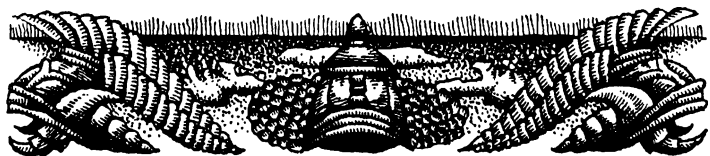
— А я думал, вы унесли с собой богатую добычу.

— Мы радовались, что нам удалось взять свою одежду и оружие. Мы бежали в такой спешке, что могли унести только самое необходимое. К счастью, погоню не послали сразу же, потому что гарнизон был ослаблен войною с приморскими народами.

— Моисей сделал каменные скрижали?

— Да. Но на них не было десяти заповедей. Надписи были сделаны египетскими иероглифами, я не могла их прочесть. Три четверти нашего племени не могли прочесть этого. Но там было недостаточно места, чтобы уместились десять заповедей, написанные египетским письмом. Да они и просуществовали недолго — знойные ветры и песок скоро уничтожили их.

ГЛАВА 7

Микс все еще продолжал задавать вопросы, когда на пороге появился присланный Стаффордом солдат. Он сообщил, что лорд-мэр хочет немедленно видеть всех троих. Микс зашел за Иешуа, и троица направилась в Городской Совет. На протяжении всего пути никто не проронил ни слова.

Поздоровавшись, Стаффорд спросил, собираются ли они остаться в Новом Альбионе. Все трое ответили, что хотели бы быть его гражданами.

— Очень хорошо. Но вы должны понять, что государство накладывает на своих граждан определенные обязанности взамен предоставляемой им защиты. Позднее я познакомлю вас с ними. Теперь скажите, годен ли кто-нибудь из вас для службы в армии, и какая работа больше вам подходит?

Микс, уже все о себе рассказавший Стаффорду, счел нужным повторить свою просьбу.

Выслушав его, лорд-мэр сказал, что ему придется начинать рядовым, хотя его выдающиеся способности заслуживают того, чтобы Микс был сразу произведен в офицеры.

— Все новички, — объяснил Стаффорд, словно оправдываясь, — должны начинать службу с самых нижних чинов. Это удерживает остальных от зависти. Если у вас есть каменное оружие, довольно редкое в этой местности, я определю вас в отряд, где солдаты вооружены топорами. Это что-то вроде элитной гвардии. Через несколько месяцев вы получите чин сержанта, если вами будут довольны, а я уверен, что будут.

— Прекрасно, — сказал Микс, — это мне подходит. Но я еще могу делать бумеранги и учить ваших людей пользоваться ими.

— Хмм, — сказал Стаффорд, забарабанив пальцами по столу. — Хорошо! Поскольку вы мастер, то будете сделаны сержантом немедленно. Однако в военном отряде вам придется выполнять приказания капралов и сержантов... Неловко... Но... Вы будете недействительным сержантом в отряде и действительным — когда станете заниматься бумерангами.

— Это ново для меня, — сказал Микс, усмехаясь. — Что ж, о'кей!

— Что-что?

— О'кей значит «все в порядке». Ваше предложение мне походит.

— А! Очень хорошо. Ну, Иешуа, что скажете вы?

Иешуа заметил, что на Земле был плотником и хотел бы получить такую же работу здесь. Кроме того, он умеет обтесывать камни. У него есть с собой небольшой запас кремней. А в лодке, в которой они бежали, лежит огромный мешок с необработанными камнями, привезенными, вероятно, издалека.

— Отлично! Вы можете работать с мастером Миксом. Будете помогать ему делать бумеранги.

— Простите, — покачал головой Иешуа, — я не могу.

Стаффорд широко открыл глаза.

— Почему нет?

— Я дал обет не проливать человеческую кровь и не участвовать во всех действиях, которые приводят в результате к кровопролитию.

— Но во время вашего бегства? Разве вы не принимали участия в драке?

— Я — нет.

— Вы хотите сказать, что, если б вас схватили, вы не стали бы защищаться и просто стояли бы и ждали, пока вас убьют?

— Да.

Стаффорд опять забарабанил по столу; на щеках его проступили красные пятна. Потом он сказал:

— Я кое-что слышал об этой Церкви Второго Шанса. Члены этой секты тоже отказываются от борьбы. Вы один из них?

Иешуа покачал головой.

— Нет. Мои обеты принадлежат только мне.

— Но такого не может быть! Как только ты рассказываешь о своем обете другим, он перестает быть твоей тайной. Вы, наверное, хотите сказать, что дали обет своему собственному богу?

— Я не верю в богов или в Бога, — сказал Иешуа спокойно, но понизив голос. — Я верил в Него, и верил очень глубоко. Это было даже больше чем просто вера; это было знание. Я знал! Но я ошибался. Теперь я верю только в себя. Не потому, что я себя знаю... человек не может по-настоящему что-либо знать, включая себя самого. Возможно, я мог бы сказать, что ни один человек не знает многого. Я знаю одно: я могу дать себе обет, который сдержу.

Стаффорд сжал край стола, словно испытывая его прочность.

— Если вы не верите в Бога, зачем давать такой обет? Что случится, если вы прольете кровь, защищая свою жизнь? Это же так естественно! Где нет Бога, нет и греха... Человек может делать все, что хочет, и не имеет значения, что другие страдают от этого. И он прав, потому что все справедливо или все несправедливо, если нет Высшего Закона. Законы людей не в счет.

— Обет — единственная истинная вещь на свете.

— Он ненормальный! — сказала Битних, смеясь. — Вы не добьетесь от него толку! Я думаю, он отказывается убивать лишь потому, что сам хочет быть убитым. Он хочет умереть, но у него не хватает мужества совершить самоубийство. А впрочем, какой будет из

этого толк? Его вновь воскресят где-нибудь в другом месте!

— И это, — добавил Стаффорд, — делает ваш обет бессмысленным. — Здесь никого нельзя по-настоящему убить. Вы превращаете человека в труп, но через двадцать четыре часа он встает как ни в чем ни бывало, даже если перед этим его разрежут на тысячу кусков!

Иешуа пожал плечами.

— Это не имеет значения. Для меня, по крайней мере. Я дал обет и не нарушу его.

— Ненормальный! — повторила Битниах.

— Ты ведь не собираешься создавать новую религию, а? — спросил Микс.

Иешуа посмотрел на него как на полного идиота.

— Я же только что сказал, что не верю в Бога.

Стаффорд вздохнул.

— У меня нет времени на теологические или философские споры. Этот вопрос, к тому же, легко разрешить. Вы можете прямо сейчас покинуть нашу страну; можете и остаться, но только не как ее гражданин. В Новом Альбионе сейчас десять таких человек. Подобно вам, они отказываются брать в руки оружие, хотя и по другим причинам. Точно так же, как и у полноправных граждан, у них есть свои обязанности. Они не получают от государства никаких поощрений — я имею в виду выпивку, сигареты и еду, которые мы раздаем каждые три месяца. Они должны часть своих запасов отдавать в городскую казну. На них лежит обязанность чистить отхожие места. В случае войны они заключаются в крепость на все время военных действий, потому что мы не уверены в их лояльности.

— Я согласен, — ответил Иешуа. — Я буду делать лодки для рыбаков и строить дома, и выполнять любую работу, если только она не связана прямо с убийством.

— Это не всегда легко различить, — заметил Стаффорд. — Но мы найдем для вас занятие.

После того, как их отпустили и они вышли наружу, Битниах остановилась.

— Прощай, Иешуа, — сказала она, пристально глядя на него. — Я ухожу от тебя. У меня нет больше сил выносить твоё безумие.

Иешуа выглядел ещё более подавленным, чем всегда.

— Я не могу спорить с тобой. Наверное, будет лучше, если мы расстанемся. Я сделаю тебя несчастной. Хватит и того, что я сам такой.

— Нет, дело не в этом, — возразила Битниах. Слезы медленно текли по её щекам. — Я разделила бы с тобой любое горе, если бы только могла помочь ему. Но я не могу помочь тебе, в этом весь ужас. Я пыталась и не смогла, хотя и не виню себя в этом.

Иешуа молча пошел прочь.

— Том, — сказала Битниах, — вот идет несчастнейший человек в мире. И я думаю, что знаю, почему он такой печальный и одинокий.

Микс посмотрел вслед своему двойнику, шагавшему так быстро, словно ему было куда торопиться, и сказал:

— Вот иду я, лишенный милости Бога.

И он снова подивился тому, как загадочно должны были соединиться гены, чтобы в разное время, в разных странах, от разных родителей появились на свет два человека, похожие друг на друга, как близнецы. Каким странным совпадениям обязано это сходство!

Расставшись с Битниах, Микс отправился на поиски капитана Хоукинса, в чье распоряжение он теперь поступил.

Остаток утра он провел, упражняясь с топором и маленьким щитом, а в полдень, найдя ремесленников, показал им, как делать бумеранги.

Уже через несколько дней оружие будет готово, и он сможет заняться обучением солдат.

Микс освободился, когда уже начинало смеркаться. Выкупавшись, он вернулся в свою хижину. Битниах была дома, но Иешуа исчез.

— Он ушел в горы, — пояснила Битниах. — Он сказал что-то о том, что ему надо очиститься и предаться размышлениям.

— Он может делать все, что хочет, в свободное время, — сказал Микс, пожимая плечами. — А почему бы тебе не провести вечер со мной? Ты нравишься мне, и мне кажется, я тоже тебе нравлюсь.

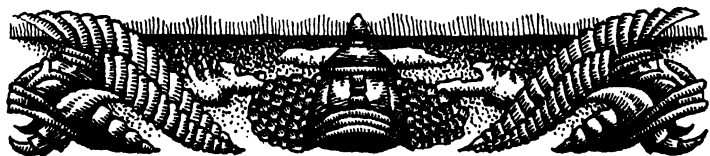
— Может, я бы и соблазнилась, если бы ты не был так похож на Иешуа, — ответила Битниах, улыбаясь.

— Может, я внешне и напоминаю его, но я не унылое ничтожество. Мы прекрасно проведем время... Мне не нужны наркотики, чтобы заниматься любовью.

— Все же ты слишком похож на него, — повторила Битниах. Внезапно она заплакала и убежала в свою хижину.

Микс пожал плечами и, ухмыльнувшись зашагал к ближайшему грейлстоуну.

ГЛАВА 8

Ожидаю, пока благосклонные божества наполнят едой его «обилие», цилиндр, волшебное лукошко, грааль или что там еще, Микс завязал разговор с хорошенькой одинокой блондинкой. Ее звали Долорес Рембо, и она родилась в Цинциннати, Огайо, в 1945 году. Раньше она жила на другом берегу Реки, но муж довел ее до отчаяния своей безумной ревностью, и она сбежала. Конечно, сказала Долорес, можно было просто перебраться в другую хижину, но этот тип вполне был способен убить ее.

— И как тебе жилось с гуннами? — спросил Микс.

Долорес выглядела удивленной.

— С гуннами? Эти люди не гунны. Это тот народ, который мы называем скифами. По крайней мере, я так думаю. Они высокие и с белой кожей. Они были отличными наездниками на Земле и завоевали обширную территорию на юге нынешней России. В седьмом веке до новой эры, если я правильно помню то, что читала об этом.

— Люди здесь называют их гуннами, — сказал Микс. — Может, это просто оскорбительная кличка, не имеющая отношения к их расе или национальности. Или что-то в этом роде. В общем, я рад, что ты появилась. Я совсем один, можешь ли себе представить...

Она засмеялась.

— И ты хочешь это исправить, а? Ты не теряешь времени! Том Микс, угу? Да не ты ли?..

— Он самый, единственный и несомненный. И точно так же лишенный ныне лошади, как и древние скифы.

— Мне надо бы догадаться... Я видела очень много твоих фотографий в детстве... Мой отец был твоим поклонником. У него была масса газетных вырезок, фото с автографом и даже афиша — «Том Микс в Аравии»! Он говорил мне, что это лучший из твоих фильмов. И вообще лучший фильм из всех, какие он когда-либо видел.

— Мне и самому он нравился, — сказал Микс, улыбаясь.

— Да. Это было так печально... Я имею в виду не фильм, конечно. Вообще все твои фильмы. Их было... сколько их было всего?

— Двести шестьдесят, я думаю.

— Ого! Так много? И мой отец сказал, что все они исчезли... он был уже тогда совсем стариком. Студии не сохранили ни одного фильма, и осталось лишь несколько в частных коллекциях, и они мало-помалу стерлись.

Микс поморщился.

— *Sic transit gloria mundi*¹. Наплевать, я заработал на них кучу денег и все потратил. Мне было весело, ну так и черт с ними!

Долорес родилась через пять лет после того, как он протаранил своей машиной ограждение на автостраде, соединяющей Таксон и Финикс. Микс путешествовал в качестве циркового агента и вез с собой металлический сейф с деньгами, предназначенными для изготовления и расклейки афиш. Как всегда, он ехал очень быстро, девяносто миль в час, даже после того, как увидел знак, предупреждающий о ремонтных работах. Дорога была чистой. В следующее мгновение... он ничего не смог сделать.

— Мой отец говорил, что ты умер сразу же. Сейф стоял сзади, и он сломал тебе шею.

Микс снова поморщился.

¹ Так проходит мирская слава (лат.)

— Мне всегда везло.

— Он говорил, что сейф от удара открылся, и тысячи долларовых бумажек взлетели в воздух. Это был настоящий денежный ливень! Рабочие в первые минуты не обратили на тебя никакого внимания. Они метались вокруг, едва не кудахча, хватали деньги и засовывали их в карманы и за пазуху. Но тогда они еще не знали, кто ты. Город устроил грандиозные похороны; погребение было на Лесном кладбище.

— Я всегда держал марку. Даже со свернутой шеей. Виктория Форд, моя четвертая жена, была на похоронах?

— Не знаю. Боже, кто бы мог подумать! Я ем и болтаю со знаменитой кинозвездой!

Микс почувствовал горечь. Вместо того, чтобы ловить крутящиеся зеленые хлопья, негодяи-рабочие могли бы поинтересоваться, жив он или нет. Но он тут же усмехнулся. Если бы он оказался в их шкуре, то, возможно, вел бы себя точно так же. Вид долларовых банкнот способен произвести впечатление на людей, которые и за десять лет не могли заработать того, что Микс тратил в неделю. Как может он винить этих ослов?

— На месте аварии поставили памятник, — сказала Долорес. — Отец специально останавливался там, когда на каникулах возил нас по юго-западу. Может, это немного утешит тебя?

— Хотел бы я, чтобы местные знали, какой большой шишкой я был на Земле, — ответил Микс. — Может, тогда мой чин был бы повыше сержантского. Но они не имеют представления о кино и никогда не видели ни одной картины.

Часа через два Долорес решила, что они знакомы уже достаточно долго, и согласилась перебраться в хижину Микса. Не успели они переступить порог, как их нагнал Ченнинг, посланный за Миксом лордом-мэром.

Стаффорд ожидал его в Городском Совете.

— Мастер Микс, вы так много знаете о Крамере и столь искусны в военном деле, что я решил оставить вас в моем штабе. Не тратьте времени на изъявления благодарности.

— Итак, мои шпионы доносят, что Крамер готовится к большой войне. Его армия и флот уже в полной готовности; в самой стране остается только небольшой гарнизон. Но никто не знает, когда начнется вторжение. Крамер до сих пор не известил даже собственный штаб. Он знает, что окружен шпионами... точно так же, как и мы здесь.

— Надеюсь, вы не подозреваете, что я человек Крамера? — спросил Микс.

Стаффорд слабо улыбнулся.

— Нет. Лазутчики подтверждают, что вы рассказали правду. Вы не шпион... если только ваше бегство — не часть дьявольски хитроумного плана, ради исполнения которого пришлось погубить отличную лодку и нескольких солдат. Но, думается мне, Крамер ни при каких условиях не выпустил бы из рук пленников-евреев.

Очевидно, на Стаффорда произвели впечатление сражение на Реке и рассказы Микса о земных войнах, в которых он якобы принимал участие. Вспомнив об этом, Микс ощутил легкое угрызение совести, впрочем, недолго длившееся. В конце концов, он действительно хорошо знал топографию и военные укрепления Деусволенса. А разве не он прошлой ночью сказал, что лучший способ разгромить Крамера — первому нанести удар по его жирному брюху?

— Чудной способ выражаться, но весьма доходчивый, — сказал Стаффорд.

— Судя по всему, — продолжил Микс, — тактика Крамера состоит в том, что сначала он нападает не на пограничное государство, а на следующее, а потом словно в тиски зажимает своего соседа. Прекрасный метод, но он не сработает, если все соседние страны объединятся. Ведь должны же они понимать, что рано или

поздно Крамер проглотит их всех? Но они чертовски подозрительны и не доверяют друг другу. Может, у них и есть на то основания, не знаю... Кроме того, насколько я понял, ни одно правительство не желает, чтобы его армия подчинялась чужому генералу.

— Если мы нанесем один сокрушительный удар и каким-то образом возьмем в плен или убьем Крамера и его испанское подобие, дона Эстебана де Фалла, мы значительно ослабим Деусволенс. После этого ворваться в страну и окончательно разграбить ее будет не так уж трудно.

— Мой план очень прост: мы совершаем ночной рейд — на лодках, разумеется — поджигаем флот Крамера и ему самому перерезаем глотку. Оторвите голову — и тело обречено. Люди Крамера не продержатся долго без своего предводителя.

— Мы уже подсылали к нему убийц, — заметил Стаффорд. — Им ничего не удалось сделать. Можно попытаться еще раз, но все же я не понимаю, как мы осуществим операцию в целом. Подниматься вверх по Реке довольно трудно, и на это уйдет много времени. Если мы выступим в сумерках, то до рассвета не успеем добраться до территории Крамера. Его шпионы сразу же заметят нас, и, возможно, Крамер узнает обо всем задолго до того, как мы соберем лодки. Он будет ждать нас и, скорее всего, поражением это обернется для нас, а не для него.

— Ага, — сказал Микс. — Но вы забываете о гуннах на том берегу. О, кстати, я только что выяснил, что это никакие не гунны. Это древние скифы.

— Я знаю, — не удивился Стаффорд. — Этих людей по ошибке называли гуннами в старые времена, по причине их дикости и нашего невежества. Терминология не имеет значения. Вернемся к делу.

— Прошу прощения. Ну, ведь до сих пор Крамер занимался этим берегом и не досаждал гуннам. Но они далеко не тупицы, если правда то, что я о них слышал.

— Ах, да, от этой женщины, Долорес Рембо! Микс с трудом скрыл свое изумление.

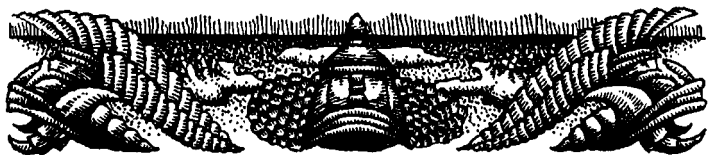
— Вы держите шпионов даже среди собственных людей?

— Нет, в этом нет нужды. Всегда находятся желающие поделиться со мной информацией обо всем происходящем. Это не шпионы, а простые сплетники. Временами они бывают довольно назойливыми, но порой я получаю от них очень важные сведения.

— Ну так вот, я сказал, что гунны не так глупы, чтоб спокойно наблюдать за развлечениями Крамера. Они прекрасно понимают, что как только этот подонок укрепитя на своей стороне Реки, он захочет перебраться на тот берег. Может, это произойдет через несколько лет, но это произойдет. И тогда, в одиночку, им будет намного труднее выстоять, чем сейчас, вместе с нами. Надо убедить их в этом.

Они проговорили еще час. В конце концов Стаффорд согласился принять план Микса, хотя, по его мнению, вся затея оставалась отчаянной авантюрой. Для того, чтобы тщательно подготовить набег, требовалось время, а в распоряжении Стаффорда была только одна ночь. Приходилось торопиться, чтобы шпионы Крамера не успели разнюхать, в чем дело. Но Микс прав, сказал Стаффорд, нельзя сидеть в бездействии, дожидаясь атаки Крамера. Лучше воспользоваться самой сомнительной возможностью, чем позволить Крамеру пальнуть от бедра. Стаффорд начал перенимать у Микса жаргон двадцатого века.

ГЛАВА 9

Нетрудно было сообразить, что Крамер не рискнет выступить в поход со всей своей армией. Хотя теоретически у него было достаточно солдат, чтобы разгромить и Новый Альбион, и Ормондию, он не мог ослабить гарнизон внутри собственной страны, из боязни вызвать дюжину восстаний сразу.

Большинство его армии составляли наемники из покоренных земель. Укрепив границы земляными и деревянными стенами, построив вдоль них множество прочных фортов с усиленной командой, они держали население Деусволенса в постоянном страхе. Граали отбирались у граждан и хорошо охранялись.

Всякий, замысливший побег, должен был или попытаться выкрасть свой цилиндр, или убить себя, чтобы воскреснуть где-нибудь в другом месте, населенном другими безумцами. Первое было практически неосуществимо, на второе решались лишь самые мужественные или самые отчаянные.

Лазутчики Стаффорда доносили, что из каждых десяти солдат в подвластных Крамеру странах, двое переведены в Деусволенс и Фелипию, небольшое государство, примыкающее к северной границе Деусволенса. Флот был выстроен вдоль берега длинной цепочкой. Солдаты и лодки могли быть собраны вместе в любой момент.

Когда этот момент наступит, никто, разумеется, не знал.

— Шпионы Крамера знают, что вы здесь, — сказал Стаффорд Миксу. — Вы по-прежнему думаете, что

Крамер нападет на Новый Альбион только для того, чтобы наказать вашу троицу? Я как-то не верю в это. Так ли ваша смерть важна для Крамера?

— От него и раньше бежали, — ответил Микс, — но никто еще не произвел при этом столько шума. Новости быстро распространяются; Крамер знает это и чувствует себя униженным. К тому же он боится, что другие воспользуются нашим примером. Я, впрочем, думаю, что он давно готовился к новым завоеваниям, и наш побег только все ускорил.

В Ормондию были отправлены гонцы, и герцог со своими советниками встретился на границе со Стаффордом и его советом. Половина ночи ушла на то, чтобы убедить герцога присоединиться к нападающим; остаток ее и все утро занял важный спор о том, кому быть главнокомандующим. Стаффорд в конце концов уступил, скрепя сердце.

В глубине души он был уверен, что сумел бы справиться с этим гораздо лучше, чем герцог, не говоря уже о том, что подумают жители Альбиона, попавшие под команду Ормонда.

Сразу же после переговоров с герцогом, Стаффорд поспешил на противоположный берег Реки, чтобы встретиться с двумя «гуннскими» вождями. Они уже знали, что Крамер готовит новое нападение. Но, поскольку «Молоток» никогда еще не появлялся на берегу гуннов, Стаффорду стоило большого труда склонить их на свою сторону, убедив в реальности угрозы. Гунны согласились снарядить свой флот, выторговав, однако, большую часть добычи и право не дробить свой отряд.

— И все это может оказаться напрасным, — мрачно сказал Стаффорд Миксу. — Кто знает, что уже успели выяснить шпионы Крамера? Они могут находиться и среди моего собственного штаба, и среди гуннов. А если и нет, нашу суматоху давно заметили наблюдатели на холмах.

На поиски этих наблюдателей тотчас были отряжены солдаты Нового Альбиона и Ормондии. Прочесывая холмы, они по крайней мере могли заставить лазутчиков затаиться и лишить их возможности послать условленный сигнал. Те из шпионов, которым удалось проскользнуть через кольцо охотников, вынуждены были добираться до своих пешком, а на это требовалось время.

К концу ночи Микс был произведен в капитаны. Его убедили надеть кожаную кирасу, пользовавшуюся большим почетом в Альбионе, но он категорически отказался поменять свою ковбойскую шляпу на шлем. Стаффорд, двое суток не смыкавший глаз, слишком устал, чтобы спорить.

За эти два дня и две ночи Микс ухитрился немного поспать. На третий день он пришел к выводу, что ему необходимо отдохнуть. Посреди шума и всеобщей суеты это оказалось не так-то просто, и Микс решил подняться на холмы и, найдя там укромное местечко, немного вздремнуть, если удастся. По холмам все еще бродили поисковые партии.

Но сначала он зашел провести Битниах. Она жила теперь с человеком, жену которого убили во время стычки на Реке, и казалась сказочно счастливой. Нет, она не встречала «этого сумасшедшего монаха», Иешуа. Его, впрочем издали видел Микс. Иешуа рубил огромные сосны кремневым топором, но Микс не знал, для чего ему это понадобилось.

По пути в горы он наткнулся на Долорес. Она попала в рабочую партию, перетаскивавшую на берег гигантские стволы бамбука. Предполагалось что ими будут укреплены деревянные стены города со стороны Реки. Долорес выглядела усталой, грязной и далеко не счастливой. На Микса она посмотрела довольно свирепо, но причиной тому не был тяжелый труд. Еще ни разу у них не было времени или достаточно сил, чтобы заняться любовью.

— Не расстраивайся, дорогая, — хмыкнул Микс. — Мы снова будем вместе, когда все закончится. И я сделаю тебя счастливейшей женщиной на свете!

Долорес посоветовала ему осчастливить свою шляпу. Микс засмеялся.

— Ладно, все уладится!

Не отвечая, она взялась за свой конец веревки. Выбываясь из сил, женщины пытались преодолеть гребень холма.

— Вниз по склону будет легче, — напутствовал их Микс.

— Тебе и так легко, — огрызнулась Долорес, не оборачиваясь.

Микс снова засмеялся, но, уходя прочь, нахмурился. В конце концов, он не виноват, что Долорес так не повезло. И он ничуть не меньше, чем она, сожалеет об их несостоявшемся медовом месяце.

Следующий холм встретил его стуком топоров, ворчанием рабочих и громкой бранью десятников, чувствовавших себя необыкновенно важными особами. Микс поплелся дальше, чувствуя, что в поисках покоя ему придется забраться высоко в горы, где уже нельзя будет встретить ни одного живого существа.

Добравшись до вершины последнего холма, он сел на землю и отдышался. Величественные железные деревья росли здесь почти вплотную друг к другу; их выступающие корни скрывала высокая густая трава. Снизу доносились приглушенные звуки голосов. Микс растелил свой плащ и улегся на него. Жесткая трава покалывала тело, но он слишком устал, чтобы обращать внимание на подобные мелочи и, прикрыв лицо шляпой, мгновенно заснул.

Усталость, отсутствие надоедливых насекомых — всех этих муравьев, мух и moskitov, которые норовят укусить вас или заползти в ваш нос — и резких птичьих криков привели к тому, что он проспал больше положенного. Солнце остановилось между ветвей деревь-

ев прямо над ним, когда Микс наконец открыл глаза. Стаффорд должно быть уже давно ищет его.

Микс поспешно стянул сапоги и стал переобуваться. Внезапно он замер. Разве это от ветра так шуршит трава?

Оружие лежало рядом с ним: бумеранг, кремневые нож и томагавк, привязанные к поясу. Осторожно приподнявшись — в одной руке нож, в другой — топорик, Микс выглянул из своего укрытия.

В двадцати футах от него, по направлению к горам, трава с шелестом раздвигалась и вновь смыкалась над головой человека, который был или невысок ростом, или шел пригибаясь — из опасения быть замеченным.

Внезапно он выпрямился, и Микс увидел смуглого, с черными волосами мужчину, похожего на испанца. Само по себе это не имело значения, потому что испанцами были многие граждане Нового Альбиона, бежавшие из Деусволенса и Фелипии. Но осторожное поведение незнакомца выдавало в нем чужака.

Возможно, это был шпион Крамера, ускользнувший от облавы.

Испанец смотрел на горы, повернувшись к Миксу в профиль. Не теряя ни минуты, Микс нагнулся и притаился в траве, прислушиваясь к каждому шороху. Шелест травы на мгновение затих, потом опять возобновился. Незнакомец, очевидно, подозревал, что кто-то следит за ним.

Микс опустился на колени и приложил ухо к земле. Как и большинство жителей долины, этот человек был бос или, возможно, носил сандалии. Но он мог случайно наступить на сухую ветку или споткнуться.

Спустя минуту Микс поднялся. Никакого результата! Теперь не слышно было даже шороха раздвигаемой травы. Незнакомец словно сквозь землю провалился. Нет, вот он! Черноволосая голова, время от времени показывавшаяся над травой, быстро удалялась от Микса.

Микс быстро затянул ремень, накинул плащ и, сжимая в руке нож, а в зубах — поля шляпы, двинулся следом, осторожно выглядывая из травы. Внезапно незнакомец обернулся, и они уставились друг на друга.

Испанец мгновенно пригнулся. Теперь, когда Микс был обнаружен, прятаться не имело смысла. Он мчался вперед, разрезая грудью траву и не выпуская из вида предательский волнистый след, оставляемый удирающим чужаком, но готовый замереть, если тот остановится.

Через несколько минут незнакомец опять появился. Неожиданно он приложил палец к губам, потом указал на что-то за спиной Микса.

Микс остановился. Какого дьявола нужно этому человеку? Его жест слишком напоминал ловушку, но он находился на таком расстоянии, что не смог бы причинить Миксу никакого вреда.

Ловушка это или нет, Микс сгорал от любопытства. Он медленно оглянулся. Позади него трава клонилась, словно через нее пробиралась невидимая змея.

Микс быстро оценил ситуацию. Незвестный, крадущийся за ним по пятам, не мог быть союзником испанца; в противном случае тот не стал бы его выдавать. Могло быть и так, что темноволосый человек выслеживал по приказу Стаффорда шпионов, а Микс по ошибке принял за шпиона его самого.

У Микса не было времени размышлять о совершенной оплошности. Развернувшись, он пополз к тому месту, где должен был стоять новый противник. Тот, однако, не дожидаясь развязки, всюду улепетывал к горам. Через каждые двенадцать футов высываясь из травы, Микс отмечал по ряби на траве его движение и движение испанца, который теперь направлялся прямо к Миксу.

Устав от этой молчаливой сложной игры и надеясь спугнуть преследуемого, Микс громко крикнул и помчался вперед так быстро, как только мог.

Этот день, определенно, был полон неожиданностей. Там, где Микс ожидал увидеть одну голову, показались две: светловолосая и рыжая. Женщина и мужчина!

Микс остановился. Если он уже один раз ошибся, кто знает, не ошибется ли во второй? Для начала нужно представиться и узнать имена незнакомцев.

Испанец назвался Раймондо де ла Рейна и подтвердил, что он гражданин Нового Альбиона. Рыжий, Эрик Симонс, и блондинка, Гундилла Ташент, оказались жителями того же самого государства.

Микс испытывал желание посмеяться над этой комедией страха, но его подозрения все еще не рассеялись. Кто-то из троих или все трое вполне могли солгать.

— Вы, двое, что здесь делали? — спросил Микс сурово.

— Господи Боже мой! — ответил рыжий. — Мы занимались любовью. Но прошу вас, никому не говорить об этом. У меня ревнивая жена, да и ее муж не обрадуется, узнав обо всем.

— Ваша тайна умрет вместе со мной, — буркнул Микс. Потом он повернулся к приближающемуся испанцу. — А ты, приятель? Согласен ли ты молчать? Сдается мне, все мы в этой истории выглядим придурками, а?

Была еще одна проблема: незадачливые любовники наверняка нашли способ увильнуть от работы. Если об этом узнают власти, то мгновенно раздуют дело и передадут военному суду. Микс не собирался болтать, но кто мог поручиться за испанца? Если тот будет настаивать, они оба должны будут рассказать правду.

Пока Микс стоял неподвижно, размышляя об этом идиотском происшествии, де ла Рейна приблизился к нему почти вплотную. Может быть, он хотел обсудить ситуацию или думал, что подозрительной парочке нельзя доверять. В чем был определенный смысл, решил

Микс. Они могли все же оказаться шпионами, сочинившими свою историю на тот случай, если их обнаружат. Впрочем, Миксу это казалось маловероятным.

Микс посмотрел на испанца. В орлиных чертах его узкого вытянутого лица чувствовалась порода. Он был такого же роста, что и Микс. Через траву можно было разглядеть зеленую набедренную повязку и кожаный ремень с двумя ножами и томагавком. Одна рука де ла Рейна была пуста, вторую он держал за спиной.

Ни одному человеку, прячущему руку за спиной, Микс не позволил бы подойти к себе. Он сказал:

— Остановись там, амиго!

Де ла Рейна повиновался. Он улыбался, но выглядел немного смущенным.

— Что случилось, друг?

По-английски он говорил с заметным акцентом, и, по-видимому, ему трудно было понимать американское произношение Микса. Его можно было бы оправдать за недостатком улик, если бы не...

— Твоя рука, — сказал Микс медленно. — Та, которая за спиной! Покажи ее. Только осторожно.

Он быстро взглянул на любовников. Они потихоньку подходили к нему и казались очень напуганными.

Испанец опять улыбнулся.

— Конечно, друг.

И де ла Рейна с криком прыгнул на Микса, сжимая острое кремневое лезвие. Его длина не превышала нескольких дюймов, но этого было достаточно, чтобы перерезать человеку глотку. Если бы испанец был хладнокровнее, он скрыл бы свое оружие, не пряча руки.

Не раздумывая, Микс метнул томагавк. Оружие пролетело, задев висок де ла Рейна, и тот упал; лезвие выскользнуло из его разжавшихся пальцев.

— Стойте где стоите! — рявкнул Микс Симонсу и Ташент. Они беспокойно переглянулись, но остановились.

— Поднимите руки. Держите их высоко над головой!

Руки поднялись так высоко, как только было возможно.

— Что случилось? — спросил Симонс.

— Встаньте вот под тем деревом!

Парочка отправилась в указанное место. Стоявшая там лачужка казалась заброшенной, но трава вокруг нее была недавно скошена. Теперь Микс мог рассмотреть их.

Но сначала он присел на корточки и осмотрел испанца. Тот еще дышал, хотя и с трудом. Он мог выжить и мог умереть, и для него было бы намного лучше, если бы он умер. Миксу хорошо была известна участь пойманных в этих местах шпионов. Хотя рассудок бедняги никогда не вернется к нему полностью после такого удара, его все равно будут пытаться. Сначала его подвесят на дыбе, потом, не узнав ничего нового или подозревая во лжи, разденут донага и будут поджаривать на медленном огне.

О, существует масса способов сделать смерть человека менее легкой, чем ему бы хотелось! Ему обрубят уши и вырвут один глаз или оба. Ему раздробят пальцы и по кусочкам отрежут гениталии. Его насадят на вертел, как куропатку, а свежие раны будут прижигать раскаленными камнями.

Список возможных пыток был длинен, и человеку, обладающему маломальским воображением, невыносимо было думать о нем.

Что интересного может рассказать Стаффорду этот полумертвый бедолага? Ничего! Микс был в том уверен.

Он поднялся и посмотрел на Симонса и Ташент. Они неподвижно стояли подле хижины. Наклонившись, Микс перерезал испанцу яремную вену. Убедившись, что де ла Рейна мертв, он поднял его оружие и зашагал к дереву. Парень очнется уже далеко отсюда.

Может быть, когда-нибудь Микс встретит его и расскажет о своем благодеянии.

Внезапно он замер.

Откуда-то сверху, с гор, порыв ветра донес дикий визг волынки. Кто бы мог музицировать там, в то время, когда каждый добросовестный гражданин изнемогает от непосильной работы? Еще одна парочка любовников, один из которых развлекает другого в перерывах между совокupлениями? Или это что-то вроде опознавательного сигнала? Маловероятно, но проверить надо.

Блондинка и рыжий все еще стояли, подняв руки. Оба были обнажены. У женщины была прекрасная фигура, и густые вьющиеся волосы на ее лобке отливали темным золотом, что в особенности возбудило Микса. Она напомнила ему старлетку, с которой он сошелся сразу же после развода с Викки.

— Ну-ка повернитесь, — скомандовал он.

Симонс спросил:

— Зачем? — но повиновался.

— О'кей. Можете опустить руки.

Он не стал рассказывать им, как однажды совершенно голый пленник всадил в него нож, который сжимал между ягодиц до тех пор, пока не подошел к Миксу вплотную.

— Ну, теперь рассказывайте.

Все оказалось так, как он и предполагал. Вместо того, чтобы работать, любовники удрали в горы, дабы без помех насладиться друг другом. Пока они валялись в траве, мимо прошел незнакомец. Схватив оружие, они последовали за ним, уверенные, что ничего хорошего от чужака ждать нельзя. Они увидели Микса, выслеживавшего испанца и уже собирались присоединиться к нему, когда де ла Рейна их заметил. Хитроумный шпион тотчас сообразил, что единственное, что ему остается — попытаться убедить Микса в том, что шпионы как раз они.

— Ему бы это и удалось, если б он немного потерпел и не стал сразу же бросаться на меня, — сказал Микс. — Ну ладно, возвращайтесь домой.

— Ты ведь никому об этом не расскажешь, правда? — спросила Гундилла.

Микс усмехнулся.

— Может быть, да, может быть, нет. А что?

— Если ты обещаешь сохранить все в тайне, я пересплю с тобой.

— Гвин! — сердито крикнул Симонс. — Ты не сделаешь этого, правда?

Она пожала плечами.

— Кому это повредит? Только один раз. Ты ведь знаешь, что будет, если он нас выдаст. Мы на неделю будем посажены на хлеб и воду, все будут издеваться над нами... ну, и ты знаешь Роберта. Он избьет меня, а может, попытается убить.

— Мы можем убежать — угрюмо сказал Симонс. Он выглядел очень злым. — Или тебе просто хочется завалить и его? Ты, грязная шлюха!

Микс опять засмеялся.

— Если во время побега вас схватят, то непременно казнят. Не беспокойтесь. Я не вымогатель, не развратный и жестокосердный Рудольф Рассендейл.

Они казались озадаченными.

— Рассендейл?

— Не обращайтесь внимания, вы не могли его знать. Возвращайтесь назад. Я не собираюсь выдавать вас. Я скажу, что был один, когда наткнулся на испанца. Только объясните, кто же играет на свирели — там, наверху?

Гвин и Симонс знали об этом так же мало, как и Микс. Возвращаясь за одеждой и оружием, они громко ругались. Микс не сомневался, что их страсть не переживет этого происшествия.

Когда гневные голоса стихли вдаль, Микс повернулся к горам. Вернуться ли в долину с сообщением об

убитом шпионе? Отправиться на поиски таинственного музыканта? Или лечь и снова заснуть?

Любопытство победило. Оно всегда побеждало.

Представив, что он кошка, в запасе у которой еще несколько жизней, Микс принялся карабкаться наверх. Склон был изрезан расщелинами, выступами и маленькими плато. Узкие тропинки, крутые и извилистые, неожиданно обрывались.

Только горный козел или какой-нибудь сумасшедший смог бы подняться по ним на утесы.

Человек в здравом уме, даже склонный восхищаться этими головокружительными прыжками с камня на камень, предпочел бы остаться внизу, чтобы бездельничать, спать или кататься в траве с хорошенькой женщиной. Лучше всего — все сразу, не говоря уже о доброй животворной выпивке.

Обливаясь потом, Микс вполз на край небольшого плато. В середине его помещалось нечто среднее между бунгалом, сараем и простым навесом. На некотором расстоянии от него шумел небольшой водопад, образованный невидимыми снегами на горных вершинах.

Водопады были еще одной загадкой этой планеты, не знавшей смены времен года. Если зима не сменялась весной, как могли таять снега? А если они не таяли, то откуда бралась вода?

У водопада Микс увидел Иешуа. Совершенно нагой, он изо всех сил дул в свирель и танцевал — вернее, крутился в бешеной пляске, как один из козлоногих спутников Великого Пана.

Он извивался, он высоко подпрыгивал, он раскачивался, он наклонялся вперед и назад, он падал на колени, он делал причудливые пируэты. Его глаза были закрыты, и в своем исступлении он подошел к самому краю обрыва.

Как Давид, танцующий перед ковчегом Господа, подумал Микс. Только на Иешуа никто не смотрел. И ему определенно было нечего праздновать.

Микс был смущен. Он чувствовал себя так, словно заглянул в замочную скважину. Сначала он хотел уйти, предоставив Иешуа его безумию, но представил себе трудности обратного пути и передумал. Вместо того, чтобы скромно удалиться, он окликнул Иешуа. Тот пошатнулся, словно пронзенный стрелой. Микс подошел к нему и увидел, что он плачет.

Иешуа молча опустил на колени и плеснул себе в лицо ледяной водой из неглубокой лужи, потом повернулся к Миксу. Слезы перестали течь, но глаза были широко открыты и словно остекленели.

— Я танцевал не оттого, что был счастлив, чувствуя славу Бога. На Земле, в пустыне у Мертвого моря, я танцевал так. Никого вокруг, только я и Отец... Я был арфой, и Его пальцы натягивали струны экстаза. Я был флейтой, и в моем теле звучали песни Небес... Но теперь все кончено. Я танцую только для того, чтобы крики боли не спалили мне горло, для того, чтобы не броситься вниз с утеса. Что толку в этом? Человек не может умереть; через несколько часов я снова увижу свое лицо и проклятый мир. По счастью, я хотя бы не увижу лица своего бога. У него нет лица.

Микс почувствовал еще большее смущение и беспокойство.

— Все не так уж и плохо, — сказал он. — Возможно, этот мир оказался не таким, каким ты ожидал его увидеть, но что из того? В чем ты можешь винить себя? Никто не может предсказать неведомое. Посмотри, многое здесь лучше, чем на Земле. Наслаждайся этим. Это правда, здесь не всегда сладко, но было ли сладко на Земле? В конце концов тебе не угрожает старость, здесь полно красивых женщин, ты не тратишь ночи на размышления о том, где пообедать, и тебя не заставляют платить налоги и алименты. Дьявол, даже если здесь нет кинематографа, машин и лошадей, я все равно принимаю этот мир! Одно ты теряешь, но в другом выигрываешь!

— Ты совсем не понял меня, друг мой, скорбно сказал Иешуа. — Только человек вроде меня, человек, который сквозь внешнюю оболочку повседневности видел высшую реальность, чувствовал сияние Света внутри...

Он замер, стиснул кулаки и, уставившись в небо, издал пронзительный крик, больше похожий на вой. Микс однажды уже слышал подобный вопль — в Африке, когда солдат-бур свалился с обрыва. Нет, он не мог в действительности слышать крики буров... Что ж, еще раз фантазия смешалась с реальностью! Микс — хорошее имя для него!²

— Наверное, мне лучше уйти, — сказал Микс. — Я вижу, что здесь ничего не поделаешь. Очень жаль...

— Я не хочу оставаться один! — крикнул Иешуа. — Я человек, мне хочется говорить и слушать, видеть улыбки и слышать смех. Я хочу любить! Но я не могу забыть... не могу забыть, кем я был...

Микс не понял, о чем он говорит. Повернувшись, он направился к краю плато. Иешуа шел за ним.

— Если бы я только остался там, с Сыновьями Садока, Сынами Света! Но нет! Я думал, что мир людей нуждается во мне. Камни в пустыне разворачивались передо мной, как свиток, и я читал пророчества о грядущем, и это должно было наступить, потому что сам Господь показал мне будущее. Я покинул моих братьев в их пещерах и кельях и пришел в города, потому что мои братья и сестры и маленькие дети должны были знать, что могут спастись.

— Я ухожу, — сказал Микс. — Мне неприятно, что ты так мучаешься, но я не могу помочь, не зная, в чем дело. И я сомневаюсь, что смог бы помочь, даже если бы знал.

— Ты был послан мне! Это не простое совпадение, что ты так похож на меня, и наши пути все время пересекаются...

² Микс (англ.) — смешивание; беспорядок, путаница.

— Я не психиатр. Забудь об этом. Я не могу тебя вылечить.

Руки Иешуа, протянутая к Миксу, резко упала; голос стал спокойным и тихим.

— Что я говорю... Неужели я так ничему и не научусь? Конечно же, ты не можешь быть посланцем. Никому тебя посылать. Это просто случайность.

— Увидимся позднее.

Махнув рукой, Микс принялся спускаться. Раз или два он взглянул навстречу и увидел обращенное к нему лицо Иешуа — свое собственное лицо. Он рассердился на себя за то, что не остался с беднягой и не попробовал его ободрить. Он мог бы просто подождать, пока Иешуа не выговорится. Тогда, возможно, ему стало бы легче.

Впрочем, как бы Микс мог ему помочь? Иешуа определенно был чокнутый, может быть, даже совсем сумасшедший.

Это было странно, потому что в мире Реки все люди, бывшие безумными на Земле, приходили в себя. С другой стороны, многие могли сойти с ума уже здесь, не выдержав давления новых проблем. Они не были шизофрениками в полном смысле этого слова; как-то Микс разговаривал с врачом из двадцатого столетия и уяснил себе, что три четверти шизофреников страдают этой болезнью из-за физической неустойчивости, преимущественно наследственной. Больных, однако, в мире Реки было достаточно, хотя бы потому, что так называемые здоровые люди, воскреснув, не смогли изменить своих взглядов и привычек и безоговорочно принять новую фазу реальности.

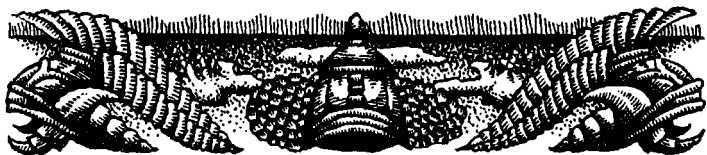
Что бы этой реальностью ни было.

Как и на Земле, человечество оставалось иррациональным и глухим к доводам логики. Микс всегда подзревал, что мир наполовину состоит из сумасшедших, которые и ведут себя соответственно — может быть, к своему же собственному благу.

Теперь, размышляя порой о своей земной жизни, Микс пришел к выводу, что и сам был в числе безумцев. Положа руку на сердце, он прощал себе все, кроме двух-трех поступков, все бывшие прегрешения, надеясь, по крайней мере, извлечь из них пользу на будущее, хотя и сомневался в действительности подобных уроков.

Но Иешуа, бедный страдалец, не мог простить себе того, что он сотворил на Земле — или того, кем он был.

ГЛАВА 10

Рассказав Стаффорду о де ла Рейне, Микс отправился в свою хижину и выпил все остававшееся у него виски — четыре унции.

Кто бы мог подумать, что среди людей отыщется его точная копия, древний еврей вдобавок? Если бы Иешуа родился в одно время с Миксом, он получал бы неплохие деньги, работая его дублером.

Невзирая на то, что на минуту не стихавший шум, Миксу удалось заснуть. Ненадолго, впрочем; часа через два его разбудил Ченнинг, посланный Стаффордом. Не открывая глаз, Микс велел ему убираться, но Ченнинг продолжал трясти его за плечо, а потом, отчаявшись, вылил ему на голову целое озеро воды из кожаного ведра. Отплевываясь, размахивая кулаками, Микс слетел с постели. Смеющийся сержант выскочил за дверь. Микс сказал ему вслед все, что думал.

Еще позже, когда он вернулся с военного совета и рухнул на свое ложе, его разбудила Долорес. Она принесла их граали с ужином и попыталась расшевелить Микса для их первой — и, возможно последней — брачной ночи. Примененные ею средства убеждения оказались настолько действенными, что Миксу пришлось покориться. После, когда они уже успели поесть и лежали, покуривая сигареты, за Миксом явился капрал. Долорес заплакала и сказала, что она уверена, что никогда не увидит его снова.

— Я ценю твои чувства, — ответил Микс. — Но не сказал бы, что они очень утешительны.

Флоты Альбиона и Нового Корнуэлла — соседнего государства, в последнюю минуту решившего присое-

диниться к атаке — уже сосредоточились у берега. Микс, полностью снаряженный, в своей неизменной шляпе и веллингтоновых сапогах, поднялся на флагманский корабль. Это было самое большое военное судно в Новом Альбионе: трехмачтовое, с десятью катапультами.

Весь флот состоял из пяти таких кораблей, двадцати фрегатов — они назывались так из-за своих двух мачт, хотя на земные фрегаты походили очень мало — сорока одномачтовых больших катамаранов и шестидесяти военных капоэ, выдолбленных из стволов гигантского бамбука.

Звездное ночное небо отражалось в Реке, переполненной лавирующими лодками. Несколько неизбежных столкновений не принесли большого вреда, хотя и сопровождались взрывом криков и ругани.

Опасность возросла, когда к англичанам присоединился флот гуннов — или скифов. Наблюдатели на холмах зажгли сигнальные огни. Если в окрестностях еще и остались какие-то шпионы Крамера, они сочли за лучшее распластавшись лежать на земле, прячась от патрулей, все еще прочесывавших холмы.

Мили медленно тянулись одна за другой. К северу от Ормондии находилось нейтральное государство Джакобия, которое Стаффорд и герцог, после долгих препирательств, решили не вовлекать в войну. Теперь, как только соединенный флот вступил в его воды, раздались крики часовых, вспыхнули факелы. Разбуженные барабанным боем жители выбегали из своих хижин с оружием в руках.

На вершинах окрестных холмов уже горели костры: люди Крамера предупреждали Деусволенса об опасности. Небо, однако, быстро затягивалось тучами, и Стаффорд надеялся, что дождь потушит огонь через несколько минут.

Сигнальщики герцога передали на берег послание: герцог заверял, что союзники не собираются причинять

вреда кому-либо кроме Крамера, и приглашал Джакобию присоединиться к вторжению.

— Они, конечно, этого не сделают, — сказал Стаффорд, засмеявшись. — Такое предложение даже приведет их в бешенство. Но они не будут знать, что им делать, и в результате не сделают ничего. Если они последуют за ними и мы, Боже упаси, проиграем, Крамер отомстит им за предательство. Если мы, с Божьей помощью, победим, то вернемся и разграбим их страну. По отношению к таким подлым трусам это было бы только справедливо, но у меня нет желания вновь сеять печаль и смерть на этой земле. Они-то, впрочем, этого знать не могут.

— Другими словами, — сказал Микс, — они сами не знают, ср... им или терпеть дальше.

— Что? О, понимаю! Это выражение обладает большой силой убеждения, но оно слишком уж отвратительно. В точности как нечистоты, о которых вы упоминаете.

Стаффорд отвернулся с брезгливой гримасой. Какие бы изменения в его характере ни произошли в мире Реки, он по-прежнему не терпел сквернословия. Он больше не верил в бога Ветхого и Нового Завета, хотя все еще пользовался Его именем, но, как и на Земле, болезненно реагировал на непристойные слова. Это доставляло ему ежедневные страдания, потому что, как заметил Микс, и бывшие крестьяне, и бывшая знать не избегали красноречивой грубости.

Флот приблизился к Деусволенсу уже под утро, когда над Рекой поднялся туман, скрывая берега. Матросы, сидевшие на марсе, управляли движением, дергая за канаты. Их товарищи, стоящие на палубе с концами в руках, отдавали приказы рулевым. Это было очень опасно, и дважды Микс слышал треск столкнувшихся лодок.

Время, казалось, превратилось в кусок резины. Наконец впередсмотрящий увидел Деусволенс. По край-

ней мере, все надеялись что это именно Деусволенс; в таком тумане немудрено было заблудиться.

Небо уже начинало светлеть, когда показались центральные укрепления столицы, «Города Верных». Один из наблюдателей прибежал с докладом.

— Весь берег в огнях, мой лорд-мэр. Там страшная суматоха!

Буквально секунду спустя раздался громкий крик сверху:

— Лодки! Много лодок! Опасность, милорд! Они направляются прямо к нам!

Оказалось, что Стаффорд, в минуты сильного волнения, может ругаться не хуже Микса.

— Клянусь ранами Господа! Это флот Крамера! Проклятая жирная свинья! Какой чудовищный замысел! Хоть бы он во веки вечные гнил у дьявола в заднице!

Впереди уже раздавался шум битвы: крики людей, пронзительный визг дудок, треск сталкивающихся лодок, стук каменного и деревянного оружия.

Стаффорд приказал во что бы то ни стало пробиваться к берегу.

— Пусть герцог и гунны дерутся на воде, — сказал он. — Предупредите их! Мы будем штурмовать город, как и было задумано.

Поднявшееся над вершинами гор солнце озарило высокий земляной вал и бамбуковый частокол, простирающийся во все стороны, насколько хватало глаз. У подножия его все еще вился туман, но стены можно было разглядеть: они оцетинились тысячами копий. Огромные барабаны продолжали гудеть сигналом тревоги, отдаваясь в горах громким эхом.

Посреди оглушительного шума и криков флагман Стаффорда, «Непобедимый», подошел к главным воротам; заработали катапульты. Одни камни пролетели слишком высоко, другие — слишком низко; тем не менее, в деревянной стене зияло пять огромных отвер-

ствий. Несколько солдат были просто сметены тяжелыми валунами.

Корабль медленно дрейфовал вдоль берега, освобождая место другим судам, вытянувшимся за ним цепочкой. Они были вынуждены лавировать, чтобы не сесть на мель и не протаранить друг друга. Отойдя от них достаточно далеко, флагман развернулся носом к берегу; паруса были спущены, якоря — большие камни, обвязанные канатами — брошены в воду. Те, кто не поместился в небольших шлюпках, добирались до берега вплавь — благо их оружие от воды не страдало.

На берегу солдат Стаффорда встретил град копий, камней и дубинок. Отчаянно обороняясь, они стали пробиваться к воротам; многие тащили длинные лестницы.

Микс оказался в первых рядах. Справа и слева от него люди падали, сраженные защитниками крепости, но он оставался невредим. Примерно в полумиле от ворот ему пришлось замедлить шаг: если он будет бежать слишком быстро, то скоро устанет, а ему еще предстоит сражаться. Стратегия Стаффорда теперь не казалась Миксу особенно удачной: лорд-мэр потерял чертовски много людей, собрав их для массовой атаки. Силы союзников продолжали обстреливать крепость с реки; они должны были присоединиться к штурму, разбившись на пятьдесят отрядов — тогда Крамеру не удастся сосредоточить свои войска в одном месте. Положение усложнял находящийся в боевой готовности флот противника. Если бы только Крамеру не пришла злополучная мысль выступить в поход как раз в это утро! Если бы только... это был извечный девиз всех генералов, тогда как бедняги-подчиненные вынуждены были во все времена расплачиваться за эти «если бы».

Микс взглянул на Реку. Туман почти рассеялся, и разгоравшаяся баталия была хорошо видна. По меньшей мере пятьдесят кораблей и катамаранов были сцеплены abordажными крючьями; их команды усердно

старались перебить друг друга. В ход шли копыя, топоры, кипящее масло, дубинки и камни, привязанные к деревянным древкам.

Грохот грейлстоунов едва не заставил Микса подпрыгнуть от неожиданности. Он совершенно забыл о них! Микс злорадно улыбнулся: по крайней мере, у врагов сейчас нет времени позавтракать.

Он не мог определить, как развивается сражение на Реке. Два судна горели, но невозможно было понять, свои это или чужие. Большое военное каноэ медленно тонуло: корпус его был пробит камнем, выпущенным из катапульты. Фрегат упирался в корму большого катамарана. Трудно было сказать, кому улыбнется победа. Бесстыдная сука, она отворачивалась от вас в ту самую минуту, когда вы уже готовы были ликовать; победитель превращался в побежденного, оборонявшийся — наступал.

Теперь атакующие были у своей цели; большинство предпочло бы остановиться на несколько минут и перевести дыхание, но второй отряд, высадившийся прямо напротив ворот, уже штурмовал стены, разрушенные в некоторых местах. Попытка штурмовать, по крайней мере. Убитые и раненые густо покрывали землю. С вала на нападающих сыпался град камней и копий.

Микс метнул свое копьё и с радостью увидел, как оно насквозь проткнуло торчавшего над стеной солдата. Сжимая топор, он помчался дальше.

Из ворот вышел отряд, намного превосходящий силы нападающих. Сначала солдаты Крамера держались кучно, но потом, отбив первый натиск англичан, сосредоточились вдоль стены. Когда атакующие вновь приблизятся к воротам, они смогут, постепенно сжимая кольцо, окружить их.

Стаффорд, стоявший рядом с Миксом, закричал, пытаясь остановить майора, уже давшего сигнал к атаке. Майор не слышал его в грохоте боя, а если бы и слышал, вряд ли бы смог остановить солдат. Микс ви-

дел, как бегущие увлекают его к воротам; потом он упал, пронзенный копьем.

Внезапно и сам Микс оказался в гуще сражающихся. Он упал, поднялся и, спотыкаясь и размахивая топором, перепрыгивая через чьи-то тела, ворвался в ворота. Сразу несколько человек набросились на него. Одному он раздробил топором череп, у другого — темноволосого человечка с кожаным щитом и копьем — выбил из рук щит. Тот отшатнулся, уклоняясь от смертельного выпада, но тут что-то ударило Миксу по запястью, и он выронил топор. Быстро выхватив томагавк левой рукой, он кинулся на противника и упал вместе с ним, до самых глаз разрубив ему голову.

Когда Микс поднялся, тяжело дыша, ему пришлось стереть кровь с глаз и лица, но он не знал, его ли это кровь, убитого ли. Ощупав голову и убедившись, что она цела, он огляделся.

Англичане попали в западню; по меньшей мере сотня человек, хорошо вооруженных, преграждали им обратный путь к воротам. Снаружи битва продолжалась, но, окруженный врагами, Микс не в состоянии был разглядеть деталей.

Стаффорд, окровавленный, без шлема, схватил его за руку.

— Нужно собрать наших и попытаться прорваться!

Идея была превосходна, но как ее осуществить?

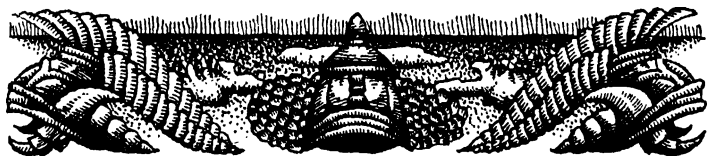
Внезапно, благодаря действию таинственной телепатии, иногда объединяющей солдат во время битвы, уцелевшие англичане пришли к тому же выводу. Они яростно пробивались к выходу, хотя со всех сторон на них были направлены топоры, дубинки и копья. Стаффорд попытался хоть как-то упорядочить этот яростный порыв; его усилия были бессмысленны, но в них была настоящая доблесть.

Двое солдат сбили его с ног; он упал, поднялся и снова упал. Он лежал на спине, с открытым ртом, широко распахнутый глаз, уже стекленеющий, уставился

в небо; из другого торчало копьё. Очень медленно, увлекаемая тяжестью древка, голова Стаффорда повернулась, и его единственный глаз посмотрел прямо на Микса.

Что-то ударило Микса по затылку и его колени подогнулись. Он смутно чувствовал, что падает, но уже не мог сказать, кто он такой, и где находится, и что его ждет.

ГЛАВА 11

Том Микс очнулся и сразу же пожалел об этом. Он лежал на спине; голова раскалывалась от страшной боли, к горлу подступала тошнота. Склонившееся над ним лицо расплывалось и двоилось, то исчезая, то вновь появляясь. Продолговатое, смуглое, с острыми чертами и зловещей улыбкой, приоткрывавшей ряд белых зубов, из которых два передних нижних были выбиты, оно заставило Микса застонать.

Лицо принадлежало де Фалла, напарнику Крамера. Зубы ему выбил Микс, когда бежал из этого самого места, Города Верных. Он не думал, что ему удастся повторить представление.

Испанец говорил на превосходном английском, с едва заметным акцентом.

— Добро пожаловать в Деусволенс.

Микс выдавил улыбку.

— Кажется, я не покупал обратного билета?

— Что?

— Не обращай внимания. Ну, и что вы для меня припасли?

— Что бы это ни было, тебе придется это принять, — ответил де Фалла.

— Ты на месте водителя.

Микс с трудом сел, опираясь на одну руку. Перед глазами по-прежнему все плыло, а движение вызвало приступ рвоты. К несчастью желудок Микса был пуст, и он мучился сухой тошнотой, еще усилившей боль в затылке.

Де Фалла, казалось, искренне забавлялся.

— Что ж, мой друг, ботинки сменили владельца, как говорите вы, англичане.¹

Он был прав; Микса бесстыдно ограбили. Оглядевшись вокруг, он увидел свою шляпу на одном из солдат, а сапоги — на другом. По правде говоря, он увидел четырех солдат — коптузия давала о себе знать. Ладно, он выбирался и не из таких передраг и чувствовал себя после этого даже лучше, чем прежде. На этот раз, однако, долгая жизнь не означала хорошей жизни.

Повсюду на земле лежали безгласные неподвижные тела. Микс догадался, что все, кроме легко раненых, были избавлены от страданий; скорее из соображений экономии, чем милосердия. Теперь их не нужно будет кормить.

— Сражение на Реке еще не окончилось, — сказал де Фалла с напускным безразличием. — Но его исход предрешен.

Микс не стал спрашивать, кто победил. Пусть не радуется!

Испанец махнул рукой, и двое солдат, подхватив Микса, потащили его по равнине, лавируя между трупам. Когда его ноги подламывались, его просто волокли по земле, однако де Фалла, поразмыслив, велел сделать носилки. Микс мог не спрашивать о причинах такой заботливости; он был особенным пленником, и его берегли для особого случая. Однако он так ослаб и устал, что у него уже не было сил беспокоиться об этом.

Мимо хижин Микса проволокли по улицам к тюрьме. Она оказалась довольно большим огороженным пространством, но пленников было всего несколько человек. Ворота были распахнуты; Микса внесли сначала во двор, потом — в крохотную хижину посреди двора. Он оказался в тюрьме внутри тюрьмы.

¹ Обыгрывается выражение «the shoe is on the other foot» — буквально «ботинок теперь на другой ноге»; т.е. обстоятельства переменялись.

Один из солдат проверил запас воды в грубом глиняном кувшине и дал нагоняй низкорослому суетливому человечку за невынесенный ночной горшок. Судя по застоявшейся вони, с предыдущим арестантом церемонились гораздо меньше.

Прошло семь дней. Микс начал поправляться, хотя силы к нему полностью еще не вернулись. Единственным его упражнением были прогулки по камере; иногда в глазах снова все двоилось. Кормили его три раза в день, но довольно скудно. Хотя цилиндр ему вернули, стража забирала себе половину еды и все сигареты и выпивку. Хотя за последние два года Микс выкурил не больше двух сигарет, теперь ему зверски хотелось курить.

Днем все было не так уж плохо, но по ночам он страдал от холода и сырости, а больше всего — от отсутствия собеседника. Стражники за все время заключения не сказали ему ни слова; Микс не слышал от них даже брани.

На восьмой день вернулись победоносные войска Крамера. Прислушиваясь к обрывочным разговорам охраны, Микс понял что Новый Альбион и Ормондия были завоеваны; награбленного хватило даже на тех, кто не участвовал в набеге.

Микс подумал, что Крамер торжествует слишком рано. Ему еще придется иметь дело с Новым Корнуэллом и гуннами, хотя, возможно, разгром флота заставит их на какое-то время затаиться.

В Деусволенсе царило ликование. Когда для пленников, возвращавшихся с ежедневных работ на валу, открыли ворота, до Микса донеслись звуки флейт, бой барабанов и радостные крики толпы.

Крамер — даже с такого расстояния Микс узнал его толстое туловище и заплывшие свиные глазки — восседал в кресле, которое несли четыре человека. Окружавшая его стража расталкивала чрезмерно усердную толпу, пытавшуюся пробиться к своему герою. За ним сле-

довала свита и передовой отряд солдат, широко ухмылявшихся.

Кресло установили напротив «дворца» Крамера — столь же безобразного, сколь и огромного бревенчатого строения на вершине небольшого холма. Де Фалла подошел к своему повелителю с приветствием, и, судя по всему, они обменялись торжественными речами. Микс был слишком далеко, чтобы что-либо услышать.

Нескольких обнаженных пленников втолкнули в тюрьму. Среди грязных, избитых и окровавленных людей Микс заметил Иешуа. Он сразу же осел, прислонившись к стене, и низко опустил голову. Он казался живым изображением тоски и подавленности. Микс, надрываясь, выкрикивал его имя до тех пор, пока какой-то человек не подошел к Иешуа и не встряхнул его за плечо. В первую секунду Миксу показалось, что Иешуа решил проигнорировать его. Он поднял голову, посмотрел на Микса и вновь понурился. Потом, однако, встал и медленно подошел к темнице. Он был сильно избит; его глаза потухли.

— Где Битних? — спросил Микс.

Иешуа опустил голову.

— Ее насиловали сразу несколько человек, когда я видел ее в последний раз, — ответил он глухо. — Она должна была умереть во время этого. Она уже перестала кричать, когда меня затащили в лодку.

Микс показал на нескольких женщин, оказавшихся среди пленных.

— А что будет с ними?

— Крамер сказал, что ему нужны живые... для ко-стра.

Микс мрачно хрюкнул.

— Думаю, это как раз та причина, по которой меня не убили сразу же. Крамер готовит особую месть.

Он не стал добавлять, что Иешуа, по всей видимости, удостоится того же; иудей наверняка и сам знал об этом.

— Если мы устроим свалку, — сказал Микс, — они будут вынуждены убить некоторых из нас. И, если повезет, мы с тобой окажемся среди этих некоторых.

Иешуа поднял голову. Его глаза расширились и дико сверкнули.

— Если бы только человек мог умереть навсегда! Если бы он превратился в прах, его печаль и судороги смешались с замлей, и черви съели его тело! Но нет, спасения нет! Он вновь будет жить! И вновь, и вновь! Бог не даст ему освобождения!

— Бог?

— Это просто фигура речи. Старые привычки умирают с трудом.

— Пусть сейчас плохо, — сказал Микс, стараясь ободрить Иешуа. — Плохие времена сменяются лучшими. Дьявол, я уверен, что однажды все это безумие прекратится. Сейчас время смут. Слишком многие продолжают поступать так, как поступали на Земле. Но здесь все по другому. Здесь нельзя вечно держать человека в подчинении. Ты не привяжешь его к земле, или к его дому, или к его работе. Ты можешь ненадолго обратить его в рабство, но он все равно рано ли поздно убежит, или убьет себя, или вынудит тебя убить его. Он снова будет жив и свободен, и, возможно, в другом месте ему повезет... Но послушай! Если мы заставим этих педиков убить нас, прямо сейчас, Крамеру не удастся пустить в ход придуманные им мучения. Здесь нет стражников; открой засов, чтобы я мог выйти. Я все объясню остальным, и мы погибнем, сражаясь.

Иешуа колебался, потом, напрягшись, вырвал массивный болт. Микс распахнул дверь и выскочил во двор.

Охранники на наблюдательных вышках увидели его, но не стали поднимать тревогу. Возможно, Микса в скором времени и так извлекли бы из темницы. Открыв дверь самостоятельно, он избавил своих тюремщиков от лишних хлопот.

Всем пленным — их было около шестидесяти — Микс приказал собраться вокруг него.

— Слушайте, черти! — сказал он быстро. — Крамер бережет вас для пытки. Он собирается устроить большое шоу, римский цирк! Вскоре все мы будем горько сожалеть о том дне, когда появились на свет; думаю вы это знаете. Опередим их! Избавим себя от уготованных мучений!

Его план многим показался диким, главным образом потому, что они никогда не слышали ни о чем подобном. Но все же это было лучше, чем просто сидеть, дожидаясь смерти, как больная овца. В усталых глазах пленников зажглись решимость и ярость, их избитые тела распрямились. Надежда, как всегда, произвела поразительное действие.

Один Иешуа отказался.

— Я не могу лишить человека жизни.

— Ты этого и не сделаешь! — раздраженно сказал Микс. — В земном, по крайней мере, смысле. Наоборот, ты вернешь его к жизни. И избавишь от пытки.

— Ему не обязательно убивать, — сказал кто-то. — Он может стать одним из тех, кто будет убит.

— Да, это верно. Что скажешь, Иешуа?

— Нет. Это сделает меня участником убийства, убийцей, даже если убитым буду я сам. Это все равно что самоубийство, и я не могу убить себя. Это грех перед... — он ударил себя по губам и замолчал.

— Послушай, — сказал Микс, — сейчас нет времени спорить. Охрана вот-вот ворвется сюда.

— Но ведь этого ты и хочешь?

— Я не знаю, кем ты был и что делал на Земле, — завопил Микс, потеряв терпение, — но кем бы ты ни был, ты ни на йоту не изменился! Ты всегда говорил, что утратил свою веру, но сейчас ведешь себя так, как будто она стала еще сильнее! Ты говоришь, что больше веришь в Бога, а разглагольствуешь о том, что нельзя противиться Его воле! Ты что, сумасшедший?

— Думаю, что я был сумасшедшим на протяжении всей моей жизни, — согласился Иешуа. — Но существуют вещи, которых я никогда не буду делать. Они противоречат моим принципам, даже если я не верю больше в Принцип.

Начальник стражи уже сердито кричал на заключенных, столпившихся в одном месте.

— Оставь этого ненормального еврея, — нетерпеливо сказала одна из женщин. — Сделаем, что решили, пока они не вломились сюда.

— Постройтесь, — скомандовал Микс.

Узники — все, кроме Иешуа — выстроились в две линии друг против друга. Напротив Микса оказалась женщина, которую он как-то видел мельком в Новом Альбионе. Она была бледна и дрожала, но старалась держать себя в руках.

— Смелее! — крикнул Микс. — У нас не так много времени!

Женщина зажмурилась, когда Микс, шагнув к ней, сдавил ее горло. Она старалась не оказывать никакого сопротивления, чтобы облегчить его задачу и ускорить собственный конец, но инстинктивная жажда жизни была, однако, сильнее. Женщина схватила запястья Микса и попыталась ослабить его хватку: ее глаза были широко открыты, словно она умоляла о пощаде. Когда Микс сжал ее горло сильнее, она, извиваясь, лягнула его в живот, так что он отскочил, выпустив ее.

— Дьявол, так не пойдет!

Женщина задышалась, ее лицо посинело. Микс ударил ее в подбородок, и она упала на землю. Прежде, чем она успела прийти в себе, он задушил ее, сдавливая ей горло до тех пор, пока не убедился, что она мертва.

— Тебе повезло, сестричка, — пробурчал он, поднимаясь.

Люди, стоящие в шеренге Микса, испытывали те же трудности, что и он. Хотя пленники во втором ряду согласились умереть добровольно, не мешая своим убий-

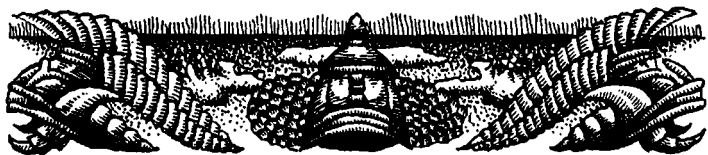
цам, большинство не смогло сдержать данного обещания. Они дрались, царапались и пытались задушить нападающих. Некоторые лежали мертвыми, некоторые удирали, отбиваясь от преследователей.

Большие ворота были открыты, и через них во двор вбегали стражники, вооруженные копьями.

— Прекратите! — зорычал Микс. — Слишком поздно! Нападайте на солдат!

Не дожидаясь пока до остальных дойдет смысл его приказа, он рванулся вперед. Он даже завизжал — и для того, чтоб придать себе смелости, и для того, чтобы вынудить стражников обороняться. Но с какой стати испугалась бы они голого безоружного человека, еще не оправившегося от ран? Используя копья как дубинки, солдаты предусмотрительно лишили Микса возможности напороться на острый конец. Все же он прыгнул, прежде чем страшный удар сбил его с ног.

ГЛАВА 12

Когда Микс очнулся, он с трудом смог поднять голову; ему казалось, что она расколется на мельчайшие куски. Кое-как сев, он оглядел поле боя, дрожащее и расплывающееся перед глазами.

Тут и там лежали мертвые тела пленников; одни были задушены своими товарищами, другие — до смерти забиты стражниками. Двое солдат были окровавлены, еще один — мертв: кто-то из англичан завладел копьем и успел совершить маленькую месть перед тем, как погибнуть.

Иешуа стоял поодаль, с закрытыми глазами. Губы его шевелились, как будто произнося молитву, но Микс сомневался, что это была молитва.

В воротах, во главе большого отряда, появился Крамер. Его плоское лицо с блеклыми голубыми глазами казалось довольным. Возможно, он радовался, что Микс и Иешуа остались в живых. Микс кисло думал, что этот невысокий толстяк похож на свинью.

Крамер остановился рядом с ним. Он выглядел смешным, хотя сам, видимо, считал собственную фигуру внушительной и величественной. На голове его была водружена дубовая корона, каждый из семи зубцов которой заканчивался шишечкой, вырезанной из раковин речных мидий. На веки Крамера были густо положены тени: это соответствовало мужской моде его времени, но, по мысли Микса, выдавало в Крамере голубого. Черный плащ был закреплен на толстой шее огромной медной брошью. Медь в мире Реки была очень редким металлом и высоко ценилась. На пухлый палец было

нацеплено дубовое кольцо с необработанным изумрудом. В правой руке Крамер держал длинный посох, что должно было символизировать его отеческую власть над вверенным ему стадом — его народом. Посох также содержал намек на то, что роль пастыря поручена Крамеру самим Господом.

Позади Крамера стояли два окровавленных избитых пленника, которых Микс прежде не видел. Это были невысокие темные мужчины с левантийскими чертами.

Микс прищурился. Он ошибся; одного он знал, Это был Маттафия, человек, который как-то принял его за Иешуа.

Крамер ткнул пальцем в Иешуа и спросил по-английски:

— Это тот шелофек?

Маттафия разразился целым потоком слов на почти невнятном английском. Дернувшись, Крамер изо всех сил ударил его кулаком в лицо и повернулся ко второму пленнику. Тот говорил по-английски с таким же сильным акцентом, как и сам Крамер, но понять его было можно.

— Иешуа! Рабби! — сказал он, заплакав. — Мы столько лет искали тебя! И теперь ты тоже здесь!

Все еще плача, он протянул к Иешуа руки. Один из солдат ткнул его в спину тупым концом копья, и маленький человек, застонав, упал на колени. Лицо его исказилось гримасой боли.

Иешуа со стоном отвернулся.

Нахмурившись и что-то бормоча, Крамер шагнул к нему и схватил за волосы, заставляя поднять голову.

— Песумец! Антихрист! Ты саплатишь са сфое покохульство! И тфои сумасшетние трусья тоше саплатят!

Иешуа закрыл глаза. Его губы беззвучно двигались. Крамер ударил его, и из угла рта Иешуа потекла тонкая струйка крови.

— Кофори, потонок! Прафта ли, што ты насыфал сепя Христом?

Иешуа открыл глаза, его голос звучал утомленно и ровно.

— Я называл себя только человеком по имени Иешуа, сыном человеческим. Если твой Христос когда-либо существовал, если он был здесь, он должен был бы сойти с ума от ужаса, узнав, что сделали люди с его учением после того, как он умер.

Крамер, завывая, ударил Иешуа своим посохом. Тот упал с глухим стуком, и Крамер стал избивать лежащего ногами.

— Отрекись от сфоих покохульств! Сапуть фнушения Сатаны! Ты испафишься от лишних стратаний в этом мире и, мошет пыть, спасешь сфою тушу ф путушем!

Иешуа с трудом поднял голову, но ответил не прежде, чем перевел дыхание:

— Делай со мной что хочешь, ты, поганный язычник!

— Саткнись, песумное шутофище! — завопил Крамер, снова пустив в ход свою палку. Потом он повернулся к Маттафии. Черный плащ зловеще развевался у него за спиной.

— Ты по-прешнему утферштаешь, што этот лунатик Плакослофенный Сын Коспота?

Смуглая кожа Маттафии и его товарища стала такой бледной, что их лица казались сделанными из расплавленного воска. Они не проронили ни слова.

— Отфешайте, сфиньи!

Побои возобновились. Иешуа, шатаясь поднялся.

— Этот человек так свирепствует, — сказал он громко, — потому что боится, что они говорят правду!

— Какую правду? — пробормотал Микс. Перед глазами у негоплыли цветные пятна, и он чувствовал неудержимый позыв к рвоте. Он начинал терять интерес ко всему происходящему, кроме себя самого. Господи, хоть бы ему умереть до того, как разведут костер!

— Я уже слышал этот вопрос прежде, — сказал Иешуа.

Сначала Микс не понял, что он имеет в виду. Потом его озарило. Иешуа думал, что он спрашивает — «В чем правда?»¹

Когда Крамер отошел наконец от Маттафии и его товарища, оба без сознания лежали на земле. Стража, схватив их за ноги, поволокла к воротам; головы несчастных подпрыгивали с глухим безжизненным стуком.

Теперь Крамер приближался к Иешуа, заноса свой посох для удара. Микс подумал, что Иешуа весьма повезет, если Крамер убьет его прямо сейчас.

Но Крамеру помешали; задыхающийся, мокрый от пота гонец влетел во двор, выкрикивая имя своего повелителя. Новости оказались плохими. Две огромных флотилии приближались к Деусволенсу — одна с севера, другая с юга. Вновь завоеванные территории объединились, последним отчаянным усилием пытаясь отстоять свою независимость; к ним примкнули и гунны, в конце концов согласившиеся на совместную атаку.

Крамер, побледнев, ударил вестника палкой по голове. Тот упал без единого звука.

Он был обречен, и он знал это. Его флот был надолго выведен из строя после тяжелого похода на Новый Альбион, а число солдат значительно сократилось. Он был не в состоянии ни нападать, ни защищаться.

Невзирая на чудовищную головную боль и перспективу смерти на костре, Микс улыбнулся. Если Крамер попадет в плен, он не избежит ни пытки, ни коста. Возможно, почувствовав пламя на своей шкуре, в будущем он станет терпимее. Микс в этом, впрочем, сомневался.

Крамер поспешно отдавал бесполезные приказы своим генералам. Потом, тяжело дыша, он повернулся к Иешуа.

¹ «Что есть истина?» — вопрос Понтия Пилата Христу.

— Крамер! — окликнул его Микс. — Что, если те двое не лгали, и Иешуа вправду тот, кем его называют? Тогда вся твоя жизнь — ложь! Ради чего ты мучил и убивал людей? Твоя собственная душа попадет в геенну огненную!

Крамер отреагировал молниеносно. Завывая, он бросился на Микса с занесенным над головой посохом. Микс еще смог увидеть, как он опускается.

Однако, к глубокому своему разочарованию, Микс все же пришел в себя через какое-то время: удар оказался недостаточно силен. Микс был прочно привязан к бамбуковому шесту, у ног его грудой были сложены побеги бамбука и хвоя. Крамер, держащий факел, расплывался мутным пятном.

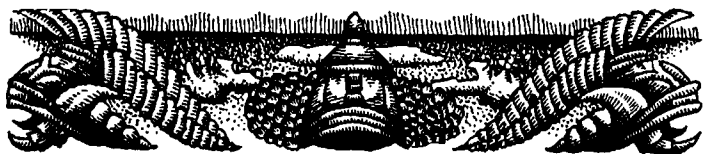
Огонь быстро занялся, раздуваемый ветром. Прислушиваясь к треску дерева, Микс выругался. Удача отвернулась от него: ветер относил дым в сторону, и он не мог надеяться на то, что умрет от удушья раньше, чем до него доберется пламя.

Внезапно он начал кашлять. Взглянув направо, Микс разглядел Иешуа, привязанного к столбу совсем рядом. С наветренной стороны! Неплохо, подумал Микс. Бедняга Иешуа сгорит заживо, но дым от его ковра убьет меня прежде, чем сгорю я сам.

Он яростно закашлялся. Голова его трещала, зрение так ослабло, что Микс уже ничего не видел. Но прежде, чем впасть в забытие, он услышал голос Иешуа, донесшийся, как раскат грома с отдаленной горы:

— Отче, они ведают, что творят!²

²Перифраз слов Христа (см. Лука 23:34)

СОДЕРЖАНИЕ

МАГИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ. Роман

Глава 1. Таинственный незнакомец	6
Глава 2. На борту «Ненаемного»	12
Глава 3. На борту «Рекса»: нить событий	44
Глава 4. На борту «Ненаемного»: новое пополнение и новые кошмары Клеменса	92
Глава 5. Монолог Бартона	114
Глава 6. На борту «Ненаемного»: нить событий	124
Глава 7. Прошлое Геринга	131
Глава 8. Сказочный корабль прибывает в Вироландо ...	167
Глава 9. Первый и последний воздушный бой в Мире Реки	223
Глава 10. Армагеддон: «Ненаемный» против «Рекса» ...	245
Глава 11. Последняя дуэль: Бартон против Бержерака ...	322
Глава 12. Последние двадцать тысяч миль	337
Глава 13. Башня	389
Глава 14. Тройная игра: Кэррол, Алиса и компьютер	481

МИР РЕКИ. Повесть	501

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
« ПЕРЕКРЁСТОК МИРОВ »

*МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ*

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

**А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А.ЗОРИЧ,
Д.СКИРЮК**

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

Издательство
«Северо-Запад Пресс»
представляет
фантастическую эпопею

Константина Бояндина

РАЛЮЧ

читайте первые книги цикла:

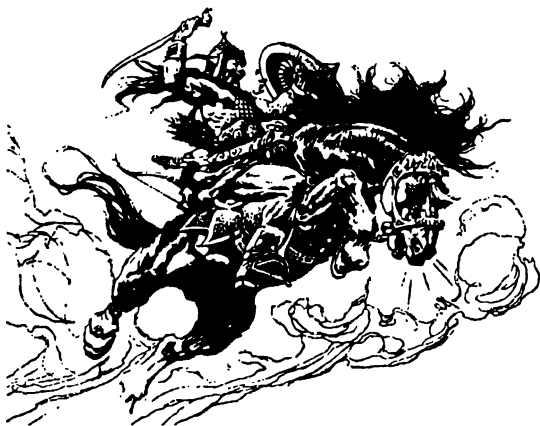
Осень прежнего мира
Пригоршня вечности
Ветхая ткань бытия
Смутные тени судьбы

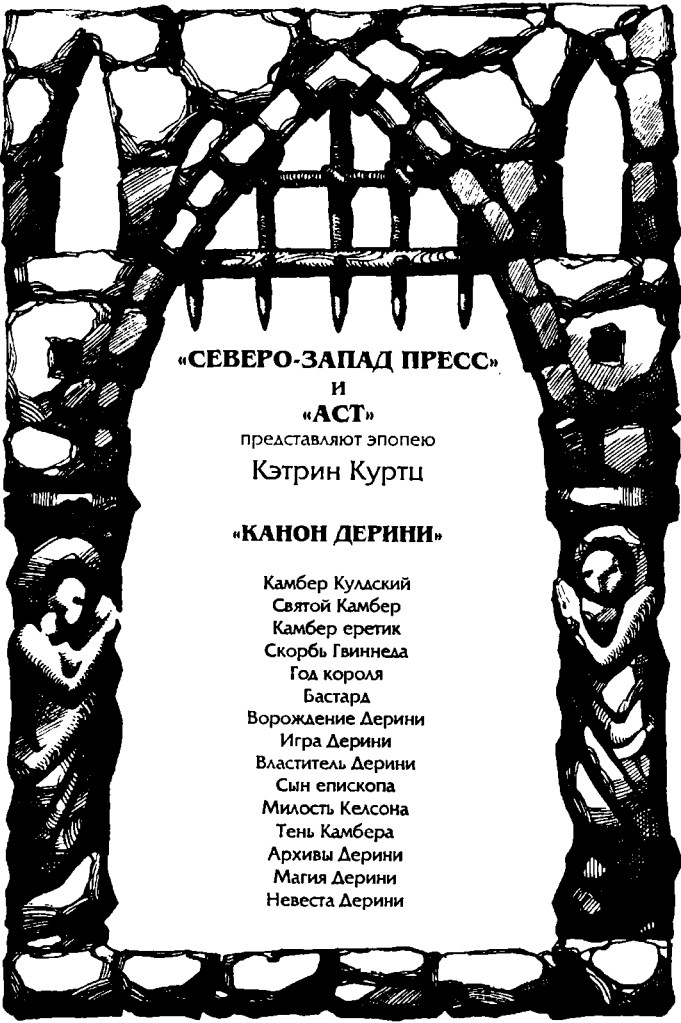
ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

КОНАН
КЛУБ

**197022, Санкт-Петербург
а/я 125**

**Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru**

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

и

«АСТ»

представляют эпопею

Кэтрин Куртц

«КАНОН ДЕРИНИ»

Камбер Куласский

Святой Камбер

Камбер еретик

Скорбь Гвиннеда

Год короля

Бастард

Ворождение Дерини

Игра Дерини

Властитель Дерини

Сын епископа

Милость Келсона

Тень Камбера

Архивы Дерини

Магия Дерини

Невеста Дерини

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фармер Филип
Магический лабиринт
Роман
Мир Реки
Повесть

Художественные редакторы О. Адашкина, И. Богданов
Шрифтовой дизайн: Д. Вяземский
Компьютерный дизайн: С. Шумилин
Технический редактор В. Успенский
Верстка: Л. Андреева
Корректор С. Митина

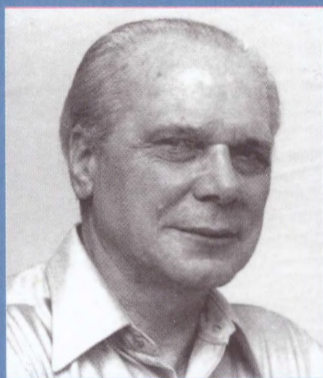
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ» Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир самой увлекательной и самой своеобразной саги за всю историю приключенческой научной фантастики!

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир, порожденный полетом воображения первого Великого мастера фантастики нового тысячелетия — Филипа Хосе Фармера!

В мир странной планеты, опоясанной миллиономильной Рекой. Рекой, на берегах которой загадочные «творцы» создали «искусственный рай». «Рай», в котором возрождаются ВСЕ люди, жившие когда-то на Земле. Возрождаются на берегах Великой Реки...

**ФИЛИП
ФАРМЕР**

МАГИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ

ISBN 5-17-011035-9

9 785170 110353